ГЕНРИ ФРЕДЕРИК
ЭЛЛЕНБЕРГЕР

ОТКРЫТИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

ИСТОРИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Данная книга является частью дилогии Г. Элленбергера «Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии», в связи с чем сохранена сквозная нумерация глав и параграфов, использованная автором, в текстах обеих книг без дополнительного указания их полных наименований

Henri Frédéric Ellenberger

The discovery of the unconscious

The history and evolution of dynamic psychiatry

edition in two volumes

Basic Books, Inc., Publishers
New York, 1970

Генри Фредерик Элленбергер

Открытие бессознательного–2

История и эволюция динамической психиатрии

Психотерапевтические системы конца XIX — первой половины XX века

«Академический проект»
Москва, 2018

УДК 159.9
ББК 88
Э 47

Элленбергер Генри Фредерик
Э 47 Открытие бессознательного–2. История и эволюция динамической психиатрии. Психотерапевтические системы конца XIX — первой половины XX века / Пер. с англ. под ред. В.В. Зеленского. — М.: Академический проект, 2018. — 617 с. — (Психологические технологии).
ISBN 978-5-8291-2160-0

В издание входит классический труд, в котором в историко-социальном контексте систематизирована «одиссея» поиска понимания картины человеческой души, патологических процессов психической жизни. Это уникальное по масштабу издание охватывает практически все психотерапевтические (психиатрические) направления в европейской истории, начиная от целительства у древних народов и заканчивая современными теориями и практиками вплоть до середины XX века.

Книга остается непревзойденной по объему представленного материала и количеству научных и медицинских ссылок энциклопедией психотерапии и является незаменимым справочным пособием в самых разных областях истории психологии, психиатрии и психоанализа.

Вместе с тем это источник информации об одном из важнейших слоев европейской культуры, необходимый всякому, кто хочет знать ее во всей сложности и взаимообусловленности самых разных ее сфер.

Для психологов, философов, религиоведов и всех интересующихся проблемами психологии.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-8291-2160-0

Психотерапевтические системы конца XIX — первой половины XX века

Перевод с английского под редакцией *В.В. Зеленского*

Предисловие

Выпуском данного второго тома мы завершаем публикацию классического труда Генри Элленбергера, столетний юбилей которого культурная общественность отметила 6 ноября 2005 года. Опубликованная на английском языке в 1970 году книга до сих пор остается эталоном в области сравнительной истории психиатрии и психотерапии. Она признана в интеллектуальных кругах всего просвещенного мира и была переведена на основные европейские языки уже тогда, в семидесятые годы. Осуществив свой энциклопедический замысел, Генри Элленбергер (краткая биография автора опубликована в редакторском предисловии к первому тому) стал основателем новой научной дисциплины: историографии психотерапии и психиатрии, которую он сам часто называл «историей ментальных наук». Именно после появления книги Элленбергера ведущие направления в глубинной психологии получили возможность сделаться объектами критического осмысления. С именем Элленбергера связывают и начало критического изучения личностей самих зачинателей этих направлений. Он привлек к анализу суждения современников на материале специальной (медицинской) и популярной литературы, что позволило значительно расширить наше понимание исторического и культурного фона, в рамках которого, собственно, и осуществлялась эволюция воззрений и социального статуса как персоналий, так и соответствующих школ. Не случайно в 1990 году в Голландии на съезде историков медицины и психотерапии он был избран почетным председателем, а в 1992 году (за год до смерти) в Париже был открыт Институт Элленбергера, специализирующийся на исследованиях в области истории медицинских наук. Говоря кратко, используемая Элленбергером методология сводится к четырем принципам: (1) Ничего не принимать за само собой разумеющееся. (2) Абсолютно все подвергать проверке. (3) Любое явление рассматривать в его историческом контексте. (4) Проводить четкое различие между фактами и интерпретацией фактов.

Что же касается исторической и социальной критики в области глубинной психологии, то она начала формироваться еще в начале XX века. Ряд историков говорят, что конец XIX столетия в медико-психологиче-

ской культуре отмечен 1912 годом. В течение этого периода (1911–1913) появилось несколько значительных психологических работ, которые также знаменовали завершение целого этапа в психологии вообще. Здесь нужно отметить следующие: последнее пересмотренное издание Вундта (Wundt) Grundzüge physiologischen Psychologie («Основные направления физиологической психологии») (1911); номер Virchow's Journal (Журнала Вирхова) (1913); Альфреда Бине (Binet), Фрэнсиса Гальтона и Хьюлингса Джексона (1911), а также публикацию О. Бумке (1912) и Жени-Перрена (G. Genil-Perrin) (1913), которая, как говорит Акеркнехт, представляет эпитафию дегенеративной теории XIX столетия (A Short History of Psychiatry, trans. S. Wolf) («Краткая история психиатрии», перевод С. Вольф) [New York and London, Hafner, 1968], p. 58). Наконец, было доказано, что сифилис является причиной общего паралича (Ногучи и Мур, 1913). Во Франции Семелайн (Semelaigne) описал историческую перспективу психиатрии вплоть до последнего столетия, используя биографический метод (Aliénistes et philanthropes, 1912) («Психиатры и филантропы», 1912), а А. Мари собрал всю сумму человеческих знаний о психопатологии в Traité international de la psychopathologie («Трактате о международной психопатологии»), уравновешенном мощной критикой Ясперса состояния психопатологии (1913). С работой Блейлера Dementia Praecox oder Gruppe der Schizophrenian («Dementia Praecox [Раннее слабоумие] или группа шизофренических заболеваний») (1911) и его лекцией Autisic Thinking («Аутистическое мышление», прочитанной на открытии клиники Фиппса в Балтиморе (1912), в центре психологической сцены возникает шизофрения; применение психоаналитической теории к психозу в публикации Фрейда о случае Шребера (1911) и работе Юнга Wandlungen und Symbole der Libido («Метаморфозы и символы либидо») (1912). Важными событиями также были: описание Банхоффером острой экзогенной реакции (1912); прием на работу в Бостонский психиатрический госпиталь в 1913 году первого «психиатрического социального работника» — женщины и образование этой сферы деятельности; официальное признание Актом Британского парламента в 1913 году идиотии как отдельного класса психиатрических расстройств, проложившее путь в новом столетии интересу к исследованиям умственной отсталости (retardation); а также основание Института Жана Жака Руссо в Женеве (1912) и важная работа Торндайка (1911) о Animal Intelligence («Умственные способности животных»), которая дала толчок развитию педагогики — воспитанию и теории познания. Экспериментальные исследования Вертгеймера восприятия движения (1912) стали отправной точкой психологии гештальта. В России этот период ознаменовался выходом журнала «Психотерапия» (1910) в Москве, посвященного психо-

аналитическим методам исследования, а в 1911 году академик Павлов «водрузил» в Петербурге Башню Рефлексов, где его экспериментальный метод смог стать еще более независимым от «психических влияний», то есть он построил помещение, в котором обеспечивалась изоляция животного-испытуемого от экспериментатора и их обоих от внешнего мира, что ознаменовало век радикального бихевиористического материализма в психологии. В 1912 году МакДугалл определил психологию как «науку о поведении человека»; следующие публикации поддержали эту точку зрения: М. Мейер, Fundamental Laws of Human Behavior («Фундаментальные законы поведения человека») (1911), Уотсон (J.B. Watson), Psychology as the Behaviorist Views It («Психология с точки зрения бихевиориста») (1913), М. Пармали (M. Parmalee), The Science of Human Behavior («Наука о поведении человека») (1913). 1911–1913 годы стали свидетелями кризиса в кругу Фрейда, приведшего к тому, что от Фрейда отделились Юнг, Адлер и Штекель, вследствие чего произошло расширение психоаналитического движения как в терапии, так и в более широких культурных слоях (Rank O., Sachs H. Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften («Значение психоанализа в науках о духе») [1913] и Фрейд Totem and Taboo [1913]). Косвенно психология, психопатология и «речь» нового века отразились и в культуре: на первой выставке группы художников Blue Rider («Голубой всадник») в 1911 году и на музыкальных произведениях, созданных в период между 1911 и 1913 годами Вебером, Бергом и Шенбергом, — фрагментарных, чрезмерно сокращенных, прерывистых. Кроме того, на работах Гуссерля Phenomenology («Феноменология») (1913), Джейн Гаррисон Themis («Фемида») (1912), на «Всеобщей теории относительности» Эйнштейна и на появлении в 1913 году романов Лоуренса Sons and Lovers («Сыновья и любовники»), Томаса Манна Death in Venice («Смерть в Венеции») и первой части романа М. Пруста A la recherche du temps perdu («В поисках утраченного времени»). Среди таких произведений была и книга К.Г. Юнга Wandlungen und Symbole der Libido («Метаморфозы и символы либидо»). Так что к моменту появления Элленбергера и его эпохального труда в Европе была проделана масштабная культурная работа и обозначился новый стиль психотерапевтического мышления.

В данный том вошли главы посвященные, трем главным «столпам» и направлениям глубинной психологии, соответственно, Зигмунду Фрейду и психоанализу (7-я глава), Альфреду Адлеру и индивидуальной психологии (8-я глава), Карлу Юнгу и аналитической психологии (9-я глава), а также глава 10 — «Зарождение и подъем новой динамической психиатрии», в которой прослеживается сложная взаимосвязь

психотерапевтических систем, описанных в предыдущих главах (включая главы 1–6 из первого тома). Здесь же рассматривается общее развитие динамической психиатрии и психотерапии в историко-культурном контексте конца XIX — первой половины XX века. В заключении анализируются факторы, направлявшие появление и развитие вышеупомянутых психотерапевтических систем, и синтезируется вся предшествующая информация.

В.В. Зеленский

Глава 7. Зигмунд Фрейд и психоанализ

С появлением Зигмунда Фрейда в истории динамической психиатрии родилось новое направление. В то время как люди, подобные Пьеру Жане, ограничивали свою деятельность пределами традиционных академических организаций, университетов, авторитетных научных обществ, публиковали свои труды в журналах, открытых для любых психологических или медицинских взглядов, и никогда не предпринимали попыток основать собственные школы, Фрейд открыто порвал с официальной медициной. С Фрейда началась эра новых психодинамических учений и школ со своей официальной доктриной, с собственной жесткой организацией, специализированными журналами, с закрытым членством и длительным процессом инициации в члены общества. Основание этого нового типа динамической психиатрии было связано с культурной революцией, сравнимой по значению разве что с той, начало которой положил Дарвин.

Жизнь Зигмунда Фрейда

Зигмунд Фрейд родился во Фрейбурге, в Моравии, в 1856 году и скончался в Лондоне в 1939 году. За исключением первых четырех и последнего года жизни, он постоянно проживал в Вене.

В 1856 году Австрийская империя все еще переживала шок, вызванный революцией 1848 года; последняя была подавлена армией, и двадцатишестилетний император Франц Иосиф I попытался ограничить влияние военных и установить личную власть[1]. Исход Крымской войны оставил Австрию доминирующей силой в Центральной Европе. В 1857 году юный император решил превратить Вену в современную столицу огромной империи. Старинные городские стены были разрушены, чтобы освободить пространство для Ring (Кольца) — широкого, окружающего город проспекта, по обе стороны которого в течение последующих десятилетий были воздвигнуты великолепные дворцы и здания. В течение этих лет становления империя наслаждалась беспрецедентным индустриальным и экономическим расцветом, хотя и страдала из-за политических беспорядков. В 1859 году Австрия потерпела поражение от Пьемонта и Франции и утратила Ломбардию. В 1866 году в войне с Пруссией после молниеносного и сокрушительного поражения в битве при Садове она лишилась Венетии. Австрийской империи

пришлось распрощаться со своими амбициями по поводу Германии и Италии и устремить свой взгляд на Балканский полуостров в целях политической и экономической экспансии, где она столкнулась с возрастающим соперничеством России. В 1867 году Австрийская империя становится Австро-Венгерской двойной монархией. В 1875 году соседние провинции, Босния и Герцеговина, восстали против турецкого гнета, что вызвало Русско-турецкую войну (1877–1878). Этот международный конфликт был улажен Берлинским конгрессом, установившим в этих областях протекторат и администрацию Австро-Венгрии. В 1890 году пригороды Вены были включены в состав столицы, население которой отныне превышало миллион обитателей, а сам город стал одним из наиболее красивых городов мира.

Убийство в 1903 году сербского короля Александра и его супруги ознаменовало начало периода открытой вражды Сербии по отношению к Австро-Венгрии. В 1908 году произошло восстание младотурков, в результате которого Босния и Герцеговина были аннексированы Австро-Венгрией. Внутри двойной монархии чрезвычайно обострялись этнические конфликты и проблемы установления официальных языков управления. В центре внимания общественного мнения оказались Балканские войны, полыхавшие в течение 1912 и 1913 годов.

В июне 1914 года убийство в Сараево эрцгерцога Фердинанда, наследника трона, и его супруги развязало начало Первой мировой войны с последующим поражением и развалом Австро-Венгрии в ноябре 1918 года. Возникшую из ее руин небольшую Австрийскую республику сотрясали социальные и политические конвульсии. В 1926 году экономическая и политическая ситуация в Австрии временно улучшилась, но вскоре последовали бунты 1927 года, социалистические восстания, убийство канцлера Дольфусса и, наконец, нацистская оккупация Вены в феврале 1938-го. Фрейд был спасен в результате вмешательства в его судьбу влиятельных друзей. Он уехал в Англию и скончался в Лондоне 23 сентября 1939 года в восьмидесятитрехлетнем возрасте, через три недели после начала Второй мировой войны.

Жизнь Зигмунда Фрейда — образец постепенного социального подъема из нижнего слоя среднего класса к верхушке буржуазии. После трудных лет существования в звании приват-доцента он стал одним из наиболее известных врачей в Вене и получил завидное звание внештатного профессора. Пациенты, на которых он проводил свои неврологические исследования, принадлежали к более низким слоям населения, но его частная практика, на основе которой строился и психоанализ, зиждилась на пациентах из высших социальных кругов. Вскоре после своего пятидесятилетия он оказался во главе движения, влияние которого распространялось на культурную

жизнь цивилизованного мира, так что в почти шестидесятилетнем возрасте он обрел мировую славу. Когда он умер в изгнании в Англии, его прославляли как символ борьбы за свободу против фашистского ига.

Семейная предыстория

Большая часть семейной предыстории Зигмунда Фрейда до сих пор остается неизвестной или неясной. Ту малую часть ее, которой мы располагаем, следует понимать исходя из более обширных познаний об условиях существования евреев в Австро-Венгрии в девятнадцатом столетии[2]. До наступления эмансипации евреи Австрии и Венгрии составляли несколько групп, живших в весьма различных политических, социальных и экономических условиях.

В Вене проживали так называемые дозволенные семьи[3]. Хотя евреи были изгнаны из Вены в 1421 году, а затем снова в 1670 году, во второй половине восемнадцатого столетия вокруг нескольких богатых, влиятельных семейств восстановилась «третья община». Во времена *Vormärz* (периода времени от 1790 до революции в марте 1848 года) их количество возросло, и вопреки ограничивающим нормам они пользовались значительным влиянием в экономической жизни, а особенно заметной стала их доминирующая роль в текстильной промышленности и торговле зерном.

Другая еврейская группа в Вене, так называемая турецко-израильская община, состояла из евреев-сефардов, вышедших из Константинополя и Салоник и в течение долгого времени пользовавшихся надежным покровительством султана[4]. Они говорили на испано-еврейском диалекте, а их произношение слов на еврейском языке* некоторым образом отличалось от того, на котором общались евреи, говорившие по-немецки. Предположительно, им завидовали другие евреи, и ходили слухи, что они пытались присоединиться к испано-еврейской общине, но были с пренебрежением отвергнуты.

В ряде городов существовали еврейские гетто. Образ жизни евреев из Прессбурга хорошо описан Зигмундом Майером, богатым торговцем, родившимся и воспитанным в этом городе[5]. В Прессбурге, насчитывавшем к тому времени порядка 40 000 обитателей, жили 5000 евреев, поселившихся на одной длинной, узкой улице, заканчивавшейся с обоих концов воротами, которые каждый вечер замыкались полицией. Одна сторона этой улицы принадлежала городу, другая — поместью графа Пальффи — венгерскому магнату, и съемщики жилищ на этой стороне улицы в меньшей степени подвергались деспотичным ограни-

* В оригинале: «Hebrew» — иврит; однако в европейских гетто разговорным языком евреев был идиш; иврит использовался только в богослужениях. — *Прим. пер.*

чениям. Однако никто из них, живших по обеим сторонам улицы, не имел права купить себе дом или другую недвижимость. Каждая сторона улицы состояла из лавок и жилищ, где люди существовали в стесненных условиях. Некоторые евреи были ремесленниками, но большинство их составляли лавочники. Всего несколько человек владели крупными предприятиями, главным образом в текстильном производстве. В связи с тем, что евреи являлись единственными торговцами в городе, улицы гетто целыми днями были запружены толпами покупателей. Благодаря конкуренции евреи жили в постоянной напряженности и лихорадочно трудились с раннего утра до вечера, шесть дней в неделю. Оставшееся время поглощала религия. Дважды в день они посещали синагогу для совершения молитвы и соблюдали субботу и еврейские праздники со строгой ортодоксальностью. Дети учились в школе при синагоге, в которой большую часть занятий занимало чтение священных книг на иврите без понимания их смысла; в результате для большинства учеников учение превращалось в пытку. Семейная жизнь была строго патриархальной, мужчина пользовался непререкаемым авторитетом в доме. Дисциплина соблюдалась жестко, но родители делали все в пределах возможного во имя создания лучшего будущего для своих детей. В условиях столь замкнутого существования, где каждому было известно о том, чем занимается его сосед, развилась особая ментальность бросающейся в глаза жестокой инстинктивной подавленности, неизбежной честности, склонной к сарказму сообразительности (что наблюдается в произведениях таких писателей, как Генрих Гейне и Людвиг Берне, выросших в гетто). Главной чертой был страх, страх перед родителями, страх перед учителями, мужьями, раввинами, страх перед Богом и сверх всего — страх перед иноверцами. «В Прессбурге ни один еврей не осмеливался дать сдачи за удар, нанесенный ему христианином, и даже мы, дети, не смели постоять за себя против христианских детей, нападавших на нас», — писал Зигмунд Майер. Кроме всего прочего, внутри гетто существовала определенная социальная структура, состоявшая из преуспевающих и неудачников, богатых и бедных, а также из нескольких аристократических богатых семей, как, например, Гомперцы, Тодеско, Ульманы, Паппенгеймы, поддерживавших большую сеть деловых и общественных связей.

Другие еврейские группы были рассеяны по местам, где они жили в совершенно других условиях. Так, в маленьком городке Киттси, расположенном между Веной и Прессбургом, у подножья замка графа Баттьяни, существовала активная и процветающая еврейская община. Члены общины торговали зерном, владели складами и жилищами, расположенными там же, радовались относительной свободе и активно занимались торговлей с Веной и Будапештом.

Основная масса еврейского населения Австрии жила в маленьких городишках и деревнях Галиции, находясь в столь тесных взаимоотношениях с польскими крестьянами, что часто обращалась к ним, используя фамильярное *ты*. Ментальность этих евреев отличалась от ментальности евреев из гетто. Среди них встречались коробейники. Те из них, которые были бедны, ходили пешком, нося свой товар на спинах, другие пользовались конными повозками. Было также много перекупщиков и ремесленников, трактирщиков и мелких фермеров. Жизнь еврейских общин в Галиции красочно описана в воспоминаниях Бера из Болехова (1723–1805) — еврейского торговца, искренно интересовавшегося культурной жизнью своей общины[6]. Он описал занятия членов общины, правила ведения дел, коммерческие сделки, монетную систему и денежное обращение, кредиты и цены, тесные взаимоотношения некоторых жителей с иностранными коммерческими центрами, их дальние путешествия верхом на лошадях, их знание языков и дружеские отношения с иноверцами. Бер также рассказал об автономии еврейских общин, находившихся под управлением кагала (*Kahal*)*, в чьи функции входило разрешение правовых вопросов, экономической деятельности, благотворительных организаций, а также сбор податей, за которые он нес ответственность. Кагал располагал собственной администрацией и содержал полицейских. Кроме кагала, власть осуществлял раввин, религиозный глава общины, и *дайан* (судья). В описаниях Бера потрясает интенсивность культурной жизни. Кроме всеобщего уважения к образованию и к мудрым раввинам, имело место сильное противоречие между ортодоксальными евреями и последователями хасидизма**, а также хашкалы*** (Hashkala). Бер с иронией отзывается о своем талмудическом воспитании и о *pilpul*, то есть о страстных спорах ученых мужей по поводу неясных тем Талмуда. Каждый из них старался победить противников с помощью едва уловимых аргументов, тончайших различий и дерзких утверждений, полученных с помощью весьма оригинальных

* Кагал — совет еврейских старейшин, собирающихся для решения мирских дел и, в особенности, для раскладки податей между евреями, приписанными к городам; в России отменены с сороковых годов девятнадцатого века. — *Прим. пер.*

** Хасидизм — течение, возникшее в Юго-Западной Польше, существующее и в наши дни, особенно в США и в Израиле. По мнению многих, является реакцией против жестоких правовых начал ортодоксальной системы, которая утратила интерес к духовным чаяниям простых людей. Хасидизм призывает не столько к изучению Талмуда, сколько к проявлению эмоциональности и антиинтеллектуализму. — *Прим. пер.*

*** Хашкала (от слова «разум» на иврите), также называемая «еврейским Просвещением», — интеллектуальное движение среди евреев Центральной и Восточной Европы, пытавшееся ознакомить евреев с европейскими языками и ивритом, а также со светским образом жизни и культурой как дополнительными элементами к традиционному изучению Талмуда. Хотя Хашкала многим обязана европейскому Просвещению, ее корни, характер и развитие были совершенно еврейскими. — *Прим. пер.*

комбинаций извлечений из текста. Среди этих галицийских евреев возрождение иврита и литературы на нем произошло в первой половине восемнадцатого столетия. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что Якоб Фрейд (отец Зигмунда), родившийся в Тисмьенике, с легкостью мог писать на иврите.

В Моравии евреям не разрешалось жить как постоянным резидентам. Здешние евреи были, главным образом, иммигрантами из Галиции, получавшими разрешение на жительство сроком не более шести месяцев, которое нужно было возобновлять по прошествии этого времени. Более того, они могли жить только в специальных гостиницах, в так называемых *städtischen Bestandhäusern* (муниципальном жилищном фонде), принадлежавших городу и сдаваемых в аренду содержателям. Разрешение останавливаться на частных квартирах можно было получить только после уплаты специального налога. Столь суровые условия не могли удержать многих моравских евреев от ведения коммерческой деятельности, поощрявшейся местными властями до тех пор, пока она приносила выгоду городу.

Таковыми были условия жизни евреев до эмансипации. За неудачной революцией 1848 года последовала кратковременная, но жестокая реакция, распространившаяся также и на евреев, но в 1852 году начался период либеральной политики. В 1867 году евреи были официально наделены равными политическими правами, которыми на практике они уже пользовались в течение десяти лет. Тогда настало время огромного наплыва евреев в Вену из всех частей монархии, а также их переселения из граничных областей Российской империи в Австро-Венгрию.

Эмансипация и уничтожение гетто полностью изменили условия жизни евреев. Теперь они могли переселяться из провинций в города и из городов в Вену, большинство их ощутило радикальное изменение в стиле жизни. Большая часть евреев, особенно проживавших в городах, прилагала все усилия для «ассимиляции», воспринимая обычаи, манеры, одежду и стиль жизни окружающего населения. Евреи, говорившие на идиш (возникшем в четырнадцатом веке немецком диалекте, испещренном словами из иврита), выбрали для своего пользования стандартный современный немецкий язык. Многие из «ассимилировавшихся» евреев сохраняли свою религию в виде так называемого либерального иудаизма; другие, не испытывавшие сильной потребности в вере или вовсе неверующие, традиционно оставались связанными со своими общинами. Определенная группа евреев пошла еще дальше и отвергла свою преданность религии предков, которая теперь ничего не значила для них, а так как существовало обязательство официального определения своей религии, они регистрировались как католики или протестанты. Лишь небольшое количество общин твердо придерживалось сво-

их верований, ритуалов и обычаев. Читая некоторые описания жизни в гетто, такие, например, как принадлежавшие перу Зигмунда Майера[7] или Штейнталя[8], ощущаешь любопытный подтекст ностальгии по тому времени, когда религиозная жизнь и нравственные устои были необычайно строгими.

Совершенно ясно, что столь широко распространившаяся социальная, политическая, экономическая и культурная революция повлекла за собой возникновение трудных проблем, касающихся целых семей и отдельных личностей. Ситуация чем-то напоминала ту, в которой оказались европейские иммигранты в Соединенных Штатах в процессе перехода от одной культуры к другой. Для многих молодых людей эмансипация была потрясающим переживанием, открывшим для них мир невероятных возможностей. Йозеф Брейер сказал о своем отце, Леопольде Брейере:

> Он принадлежал к тому поколению евреев, которое сделало первый шаг из духовного гетто на вольный воздух западного мира... Невозможно достаточно высоко оценить ту духовную энергию, которую проявило это поколение. Перейти с жаргона на корректный немецкий, из узости гетто к цивилизованным нравам западного мира, обрести доступ к литературе, поэзии и философии германской нации...[9]

С другой стороны, возникли многочисленные конфликты между ортодоксальными родителями и их отстранившимися детьми, которые оказались не в состоянии осознать тяжесть условий, в которых довелось жить их родителям. Фрейд рассказывает, что, когда ему было примерно десять-двенадцать лет, отец поведал ему, как, будучи юношей, он шел по улице, и с ним поравнялся христианин, который, сбросив в грязь шапку с его головы, сказал при этом: «Жид, прочь с тротуара!» Зигмунд спросил отца, что он после этого сделал, и Якоб ответил: «Перешел на проезжую часть улицы и поднял шапку»[10]. Мальчик был раздражен тем, что ощутил трусость в поведении отца. История такого рода иллюстрирует пропасть, которая образовалась между молодым поколением и старшим, и может помочь при выяснении причин возникновения эдипова комплекса.

Для дальнейшего развития эмансипации евреи должны были подвергнуться гражданской регистрации, обязательной для всех резидентов. Многие приняли новые имена, фамилии и фиктивные даты рождения. Они были зарегистрированы в еврейской общине с еврейскими именами, а в гражданской — под другими, так что в результате оказались как бы двойственными личностями. В Австрии гражданская регистрация часто производилась вслепую. Выдавая свидетельство о браке или смерти, гражданский регистратор полагался на сведения о данных

рождения, полученных из устного опроса, и часто случалось, что в официальном документе место рождения оказывалось спутанным с прежним местом жительства. Вследствие таких причин историкам следует относиться с повышенным вниманием к официальным австрийским документам того времени, особенно если они относятся к еврейскому населению.

Тенденции к ассимиляции способствовал тот факт, что в течение двух-трех десятилетий антисемитизм в Австрии был почти полностью незнакомым явлением. В Вене еврейское население постоянно возрастало, и из нескольких сотен в начале девятнадцатого столетия количество их достигло 72 000 в 1880-м, 118 000 в 1890-м и 147 000 в 1900 году[11]. Появилось много еврейских адвокатов, врачей и ученых. Среди еврейских профессоров Венского медицинского факультета Макс Грюнвальд упоминает окулиста Маутнера, физиолога Флейшля фон Марксоу, анатома Цукеркендля, дерматологов Капоси и Цейссля, ларинголога Иоганна Шницлера, гидролога Винтерница, педиатра Кассовица, специалиста по ушным болезням Политцера, экспериментального патолога Штриккера и невропатолога Морица Бенедикта[12].Там же работали Йозеф Брейер, два нобелевских лауреата, Фрид и Бараньи, и многие другие. Казалось, первые признаки антисемитизма стали проявляться после биржевой паники 1873 года, и в 1880–1890-х годах он должен был бы усиливаться, но некоторые влиятельные евреи, жившие в Вене в те времена, утверждали, что не ощущали его вовсе или разве что весьма незначительно[13]. Однако даже в течение этих двух-трех десятилетий, когда антисемитизм практически не существовал в Вене, многие евреи продолжали проявлять повышенную чувствительность к любому явлению, которое, казалось, несло в себе малейшие признаки антагонизма. Йозеф Брейер подверг критике такое отношение в статье, написанной им в 1894 году в ответ на запрос, поступивший из *Kadimah*, Еврейской студенческой ассоциации:

> Наша эпидерма становится слишком чувствительной, и я бы желал, чтобы мы, евреи, обладали твердым сознанием нашей собственной ценности, относились скорее спокойно и с некоторым равнодушием к суждениям других, чем проявляли эту нерешительность, легкую ранимость, сверхразвитое point d'honner (чувство чести). Как бы то ни было, это point d'honner, конечно, является продуктом «эмансипации»[14].

Среди евреев, живших в Вене во второй половине девятнадцатого столетия, пристальный взгляд мог уловить различные признаки, указывающие на их семейные предыстории. В зависимости от того, происходили ли они из так называемых «дозволенных» семей, из «испанско-турецких» или из других привилегированных общин, из гетто, или

из какой-либо городской общины в Галиции, их мировоззрение отличалось некими весьма различимыми особенностями. И совсем не лишним, как оказывается, было отметить, что отец Йозефа Брейера был эмансипированным уже в юные годы, будучи выходцем из сплоченной, жесткой общины; что дед Берты Паппенгейм был видным человеком в Прессбургском гетто, что отец Адлера происходил из процветавшей еврейской общины Китси, что Морено родился в испано-еврейской семье, и что предки Фрейда жили в Галиции и России.

Приведенные выше сведения должны помочь нам в понимании всей сложности проблемы, имевшей место в предыстории семьи Фрейда. Фактические и достаточно надежные данные о предках Фрейда, даже касающиеся его родителей, оказываются весьма скудными. Подобно многим своим современникам, они были предельно скрытными в отношении своего прошлого. Почти все, касающееся жизни и личности Якоба Фрейда, оказывается неясным. Только недавно кропотливые исследования, проведенные доктором Рене Гиклхорн и доктором Й. Сайнером, пролили некоторый свет на жизнь этого человека[15].

Самый старинный документ об истории семьи Фрейда, которым мы располагаем, — это письмо от 24 июля 1844 года, написанное еврейским торговцем Абрахамом Зискиндом Гофманом, жившим в маленьком городишке Клогздорф вблизи Фрейбурга, в Моравии. В нем он сообщал властям, что, «будучи старым человеком 69 лет», он взял в свое дело в качестве партнера своего внука Якоба Келемена (Калламона) Фрейда, из Тисменики, в Галиции. Абрахам Гофман напоминает властям, что скупает сукно во Фрейбурге и его окрестностях, красит и аппретирует его, пересылает в Галицию и оттуда привозит местные продукты во Фрейбург. Он добавляет, что обеспечил себя и внука дорожными паспортами через управу города Лембурга, действительными до мая 1848 года, и запрашивает разрешения для них обоих на постоянное проживание во Фрейбурге в течение этого срока.

После получения одобрения Гильдии суконщиков запрос Абрахама Гофмана был удовлетворен. В письме приводится возраст Якоба Фрейда — ему в то время было двадцать девять лет. Из других документов мы знаем, что он был сыном Соломона Фрейда, торговца, и Пени Гофман, из Тисменики. Его жена, Сали Кантор, осталась в Тисменике с двумя его детьми. Оба, Абрахам Гофман и Якоб Фрейд, принадлежали к группе *Wanderjuden* (путешествующих евреев), постоянно передвигавшихся между Галицией и Фрейбургом. Все они были родственниками из Тисменики, Станислау и Лембурга. Мы знаем из городского реестра Фрейбурга и из паспорта Якоба Фрейда, что в последующие годы он проводил по шесть месяцев в Клогздорфе или Фрейбурге, а остальную часть года ездил по Галиции и городам Будапешт, Дрезден и Вена.

В феврале 1848 года муниципалитет Фрейбурга решил облагать налогом группу из восьми галицийских еврейских торговцев. За этим решением последовало рассмотрение дела каждого из торговцев. Гильдия суконщиков объявила, что Абрахам Гофман и Якоб Фрейд известны как честные деловые люди, и их присутствие в городе приносит значительную выгоду горожанам. Это случилось незадолго до революции 1848 года, обеспечившей евреям свободу выбора места для постоянного проживания. Документальное свидетельство указывает на факт, что деловое предпринимательство Якоба Фрейда достигло своей вершины в 1852 году. В том же году его вторая жена, Ребекка, переехала на постоянное жительство во Фрейбург с двумя сыновьями от его первой жены — Эммануэлем, двадцати одного года, и шестнадцатилетним Филиппом. Эммануэль уже был женат и имел ребенка. Ребекка Фрейд умерла где-то между 1852 и 1855 годами. Якоб Фрейд женился в третий раз 29 июля 1855 года в Вене на Амалии Натанзон[16].

Остается неясным, когда Якоб наследовал от деда его дело. Мы также не знаем, по какой причине он оставил его своему сыну Эммануэлю в 1858 году. В 1859-м он запросил у городских властей свидетельство о своем нравственном, добропорядочном поведении и вскоре после этого выехал из Фрейбурга. Это событие произошло в тот год, когда официально были отменены все законодательные ограничения в правах для евреев, проживавших в Австрии.

Кроме этих нескольких документальных данных, мы знаем очень мало о Якобе Фрейде, и даже дата его рождения точно не определена[17]. Мы ничего не знаем о его детстве, юности, о его первой жене и первом браке, ни о том, где он жил до 1844 года, ни о его второй жене, а также когда и где он встретил свою третью жену, чем занимался он в Лейпциге в 1859 году и, наконец, как он зарабатывал себе на жизнь в Вене, и каковой была его финансовая ситуация.

Занятие Якоба Фрейда в Вене обычно в документах определяли как «торговля шерстью», но даже в этом вопросе мы не обладаем достаточной уверенностью. Рене Гиклхорн утверждает, что не смогла найти упоминания о нем ни в Венском торговом регистре (*Gewerberegister*), ни в Торговом налоговом регистре (*Gewerberegister*), что исключает вероятность его участия в любом виде торговли в Вене[18]. Согласно Джонсу, Якоб Фрейд всегда пребывал в рискованной финансовой ситуации и получал деньги от семьи своей жены[19]. Однако, как отмечает Зигфрид Бернфельд:

> ..Якоб Фрейд фактически как-то умудрялся обеспечивать семью достаточно неплохим питанием, одеждой и просторной квартирой. Ни одному из его детей не пришлось прервать учебу, и семья располагала даже некоторы-

ми предметами роскоши. Всегда находились средства для покупки книг, театральных билетов, фортепьяно, для уроков музыки, для написания маслом портрета Зигмунда в девятилетнем возрасте, а затем и портретов остальных детей несколькими годами позже, для современной и усовершенствованной керосиновой лампы — первой лампы такого рода в Вене, и даже для летнего отдыха на курорте в Моравии[20].

Рене Гиклхорн добавляет, что, в соответствии с архивными данными, Якоб Фрейд всегда полностью оплачивал ученье сына в гимназии, хотя мальчик с легкостью мог бы получить освобождение от платы, так как всегда был первым учеником в классе. (Однако для предоставления такой привилегии потребовалось бы обследование финансового состояния семейства.)

Еще более смутными представляются личности братьев Якоба Фрейда, особенно дяди Зигмунда, Йозефа, и конфликтные отношения последнего с законом.

Третья жена Якоба, Амалия Натанзон, согласно брачному сертификату, была «из Бродов» (что совсем не обязательно означает, что она там и родилась), вступила в брак в девятнадцатилетнем возрасте (так что годом ее рождения предположительно был 1836-й), а ее отец, Якоб Натанзон, был «торговым посредником» (*Handelsagent*) в Вене. Часть своего детства она провела в Одессе, откуда ее родители в невыясненное время переехали в Вену. Существуют свидетельства о трех ее свойствах: красоте, властности характера и безграничном восхищении своим первенцем, Зигмундом. Она скончалась в 1931 году в возрасте девяноста пяти лет.

Джонс указывает на необычную структуру семьи Фрейдов: в нее входили два единокровных брата Зигмунда, Эммануэль и Филипп, бывшие почти сверстниками матери Зигмунда, при том, что сам Зигмунд был едва старше своего племянника Джона[21]. Из его младших братьев и сестер только одна, Анна, родилась во Фрейбурге; пятеро остальных, Роза, Мари, Адольфина, Паула и Александр, родились в Вене. Семеро детей Якоба и Амалии Фрейд родились на протяжении десяти лет.

Очевидно, семья Фрейдов следовала традиции огромного большинства евреев Вены — стремлению к ассимиляции. Какими бы ни были родные языки Якоба Фрейда и Амалии Натанзон, кажется, они разговаривали в своем доме только на стандартном немецком языке, а вскоре восприняли и стиль жизни венского среднего класса. Что касается религии, они не принадлежали к ортодоксальной группе, но вследствие того, что религиозные наставления были принудительными, Зигмунд получал их от еврейских учителей.

Хотя его не растили в ортодоксальном еврейском духе, и он не мог читать на иврите, Фрейд сохранял приверженность к иудаизму, развивавшуюся, казалось, под влиянием возрастающего антисемитизма и отразившуюся впоследствии в его преклонении перед фигурой Моисея. На формирование личности Фрейда оказали сильное влияние традиции еврейской общины[22]. Он придерживался патриархальной идеологии с ее верой в господство мужчины и в подчинение женщины с ее преданностью растущей семье и суровым пуританским нравам. Кроме того, он всегда испытывал глубокое уважение к старшим в семье, о чем свидетельствует то обстоятельство, что некоторым из своих детей он дал имена в память о них. Другой характерной для него чертой было саркастическое остроумие и пристрастие к еврейским анекдотам.

Фрейд разделял с некоторыми австрийскими евреями их чрезвычайную чувствительность к любой (истинной или предполагаемой) форме проявления антисемитизма, как и их скрытность в разговорах о его семье и себе самом, не раскрывая ничего, но, как казалось, рассказывая очень многое. Он приписывал своему еврейскому происхождению способность сопротивляться мнениям большинства; ко всему этому он мог бы добавить свою готовность верить в то, что его отвергали.

События в жизни Зигмунда Фрейда

Трудности описания личности Фрейда происходят вследствие изобилия литературы о нем и из-за того, что его личность обрастала легендами, в связи с чем работа объективного биографа становится чрезвычайно трудоемкой и неблагодарной. На фоне этой горы из фактического и вымышленного материала проявляются широкие провалы в наших знаниях о его жизни и личности. Более того, многие известные источники сведений о нем оказываются недоступными, особенно те, которые находятся в архивах Фрейда, хранящихся в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Что касается доступных источников, то их можно грубо разделить на четыре группы:

1. Кроме автобиографического наброска, Фрейд упоминает множество подробностей своей жизни в своих работах, особенно в книге «Толкование сновидений»[23]. Из его обширной переписки оказалась опубликованной сравнительно малая доля: это, например, часть его писем к Флиссу[24], Пфистеру[25], к Абрахаму[26], Лу Андреас-Саломе[27], и другие избранные письма[28]. Из девятисот писем к его невесте вышли в печати только несколько, а многие из них были использованы Джонсом.

2. Мемуары Фрейда были опубликованы его сыном, Жан-Мартином, и многочисленными учениками, коллегами, посетителями и журнали-

стами[29]. Большая часть этих публикаций относится к последним годам жизни Фрейда.

3. Тщательное изучение жизни Фрейда, основанное на архивных материалах, проведено Зигфридом Бернфельдом. Оно включает статьи о детстве Фрейда[30], о его медицинском обучении[31], первых исследованиях[32], об экспериментах с кокаином[33] и о первом годе медицинской практики[34]. Основную ценность представляют документальные исследования Йозефа и Рене Гиклхорнов об академической карьере Фрейда[35], сопровождающиеся выяснением Рене Гиклхорн определенных эпизодов в жизни Фрейда и ее книгой о так называемом «Процессе Вагнер-Яурегга»[36]. Некоторые другие документы были приведены К.Р. Эйслером[37]. Объективное исследование источников информации о Фрейде проведено Марией Дорер[38], заслуживает внимания изучение развития концепций Фрейда на основе материалов источников, проведенное Олой Андерссон[39].

4. Биографические зарисовки Фрейда были опубликованы Виттельсом[40], Пьюнер[41] и Саксом[42]. Главная и как бы официальная биография, написанная Эрнстом Джонсом[43], — бесценна, так как этот автор имел доступ к большинству материалов, которые были, есть и, возможно, в течение длительного срока в будущем останутся недоступными для других исследователей. Однако и она не свободна от некоторых неточностей. В целом, мы все еще далеки от подробного и точного знания жизни Фрейда, хотя материалы, как вообще полагают, существуют. Но даже полная реконструкция жизни Фрейда и истории создания его работ была бы недостаточной для получения точной картины, так как и то и другое следовало бы рассматривать на фоне событий того времени, а оригинальность его трудов не может быть оценена без знания существовавших до него и современных ему идей.

Было бы излишним писать новую биографию Фрейда. Наше участие должно предоставить хронологическую картину, попытку отделить определенные факты от менее ясных, исторические данные от легенды и поместить личные достижения Фрейда в их исторический контекст.

Зигмунд Фрейд родился во Фрейбурге (по-чешски, в Příbor), в Моравии[44]. В семейной библии Якоба Фрейда он записан под еврейским именем Шломо, его рождение — произошедшим во вторник Rosh Hodesch Iyar 5616 (по еврейскому календарю), то есть 6 мая 1856 года[56]. В 1931 году, когда городской совет решил поместить мемориальную доску на дом, в котором он родился, в городском регистре, как утверждают, обнаружили, что реальная дата его рождения оказалась 6 марта 1856 года. Джонс предполагал, что расхождение дат возникло в результате описки клерка, производившего запись. Фактически Рене Гиклхорн и доктор Сайнер доказали, что бесспорной датой его рождения следует считать 6 мая 1856 года[46].

Первые три года жизни Фрейда прошли во Фрейбурге. В те времена это был маленький городишко с населением порядка 5000 жителей, расположенный в живописном окружении лугов и лесов, вдали от железной дороги. Немецкоговорящие евреи составляли меньшинство среди чешского населения. Дом, в котором родился Фрейд, принадлежал семье кузнеца Заича и числился во Фрейбурге под номером 117. В нижнем этаже дома размещались две комнаты, в которых работал хозяин, а из двух верхних комнат одну занимала семья хозяина, а вторую — семья Якоба и Амалии. Эммануэль Фрейд и его семья проживали в другом доме и держали в услужении в качестве горничной Монику Заич, в обязанности которой входило следить за детьми из обеих семей Фрейдов; возможно, она и была «няней» из самых ранних воспоминаний Фрейда. Предположение о том, что Якоб Фрейд владел ткацкой суконной фабрикой, принадлежит легенде, равно как история о том, что он покинул Фрейбург по причине неистового антисемитизма.

Не менее отрывочны наши знания о последующем годе жизни в Лейпциге и о путешествии оттуда в Вену, где Якоб Фрейд поселился примерно в феврале 1860 года.

Почти столь же неясно все о раннем детстве Фрейда в Вене. Единственный достоверный факт заключается в том, что Якоб Фрейд несколько раз менял место жительства в период между 1860 и 1865 годами, а после того поселился в Пфеффергассе, в квартале Леопольдштадта с преобладающим еврейским населением[47]. Также остается неизвестным, получил ли Зигмунд начатки образования от своего отца дома или посещал одну из начальных школ, расположенных по соседству.

Зигмунд Фрейд учился в средней школе с 1866 по 1873 год. Эта школа, Первая Леопольдштадтская городская гимназия, обычно называвшаяся *Sperlgymnasium* или *Sperläum*, соответствовала высоким стандартам обучения. Среди учителей там были естественник Алоиз Покорни, историк Аннака и будущий политический деятель Виктор фон Краус. Исследования Бернфельдов и Рене Гиклхорн выявили точную информацию о курсе обучения в этой школе и достижениях Фрейда. Утверждение Фрейда, что на протяжении всего обучения он постоянно был ведущим учеником своего класса, были подкреплены школьными архивами. Фрейд также рассказывал, что, когда ему исполнилось пятнадцать лет, его класс решил целиком восстать против невежественного и непопулярного преподавателя, и что он был единодушно избран выступающим представителем от имени класса[48]. В тщательно хранимых архивах школы не нашлось упоминания об этом инциденте, но зато благодаря исследованиям Р. Гиклхорн[49] всплыл другой эпизод из школьной истории. В июне 1869 года (Фрейду было тринадцать) учительский коллектив был ошарашен, узнав, что несколько учеников посещают заведе-

ния с сомнительной репутацией. Были проведены расследования, и собрание директора и учителей школы намеревалось наложить дисциплинарные взыскания в отношении виновных. Среди них не было Зигмунда Фрейда, а его имя просто упоминалось среди других учеников, которые рассказывали, что слышали об этом происшествии.

Немногое известно о домашней жизни молодого Зигмунда в течение этих лет. Мы можем только вообразить его жизнь благодаря описанию домашнего хозяйства Якоба Фрейда, оставленному Юдит Бернайс-Хеллер, прожившей год в доме деда в 1892 и 1893 годах[50]. К тому времени дед уже не работал, и Юдит часто задавалась вопросом, «кто же в действительности поддерживал их семью». Он коротал время за чтением Талмуда и множества других книг на иврите и немецком языке, или сидя в кофейне, или прогуливаясь по паркам. Он жил как бы в отстранении от других членов семьи и практически не принимал участия в беседах за столом во время еды. Бабушка Амалия, напротив, описана как тираническая, эгоистичная натура, подверженная взрывам эмоций. В это время Зигмунд ненадолго покинул дом, но из всех подробностей описания мы можем определить, что все то время, которое он проводил в доме, он наслаждался своим привилегированным положением.

Биографы Фрейда озадачены его знанием испанского языка, который обычно не изучался в Австрии в те времена. Испано-еврейский диалект был языком немногочисленной сефардской общины. Мог ли престиж этой общины настолько увлечь молодого Зигмунда, чтобы он выучил ее язык? С другой стороны, было обнаружено, что Фрейд изучал испанский вместе со школьным товарищем, Эдуардом Зильберштейном. Эти два подростка основали нечто вроде «Испанской академии», состоящей из двух членов, с собственной «мифологией». Позже Зильберштейн изучал юриспруденцию и переехал в Румынию. Они обменивались письмами на протяжении десяти лет, и письма Фрейда к Зильберштейну недавно удалось обнаружить. Когда они будут опубликованы, несомненно, из них можно будет извлечь ценную информацию о жизни Фрейда в тот период, когда ему было от шестнадцати до двадцати шести лет[51].

Зигмунд оставил гимназию в середине 1873 года. То был год драматических событий в Вене. Едва открылась Международная выставка, как разразилась эпидемия холеры, и прибывшие в город посетители в панике бросились из Вены, вследствие чего рухнул биржевой рынок, вызвавший банкротства, самоубийства и глубокую экономическую депрессию. Неизвестно, повлияли ли эти события, и до какой степени, на дело Якоба Фрейда. Во всяком случае, они, кажется, не помешали Зигмунду продолжить обучение. Согласно его собственному утверждению, они сказались на его выборе профессии к тому времени, когда он пошел на лекцию зоолога Карла Брюля, прочитавшего поэму «Природа», припи-

сываемую Гете[55]. Для многих молодых людей в то время изучение медицины было средством удовлетворения их интересов к естественным наукам. Огюст Форель и Адольф Мейер также пришли к изучению медицины по этим соображениям.

В то время медицинское обучение в Вене продолжалось как минимум десять семестров (пять лет). Академический год разделялся на зимний семестр, длившийся от октября до марта, и летний семестр — от апреля до июля. Студент мог начать обучение в любом семестре. В медицинской школе, как и во всем университете в целом, царила академическая свобода. Это означало, что студент был абсолютно свободен в своем выборе работать или не работать; не было ни контроля посещаемости, ни проверок знаний или домашних заданий, ни экзаменов, за исключением выпускных. Студент мог выбрать любые курсы лекций, на которые записался, и занятия, которые он оплатил. Однако существовало несколько обязательных курсов. Некоторые студенты ограничивались посещением обязательных курсов, большинство из них также записывались на те медицинские курсы, которые соответствовали их личным интересам или будущей специализации. Часто студент записывался на один-два курса другого факультета, особенно если лекции читались выдающимся профессором. В большинстве случаев студенты не злоупотребляли «академической свободой»: они знали, что должны будут обязательно сдать изнурительные выпускные экзамены. Студенты-медики должны были выдержать три *rigorosa* (строгие испытания для получения докторской степени): первые два — в течение установленных сроков за пять лет обучения, а третье — до его конца. Многие студенты занимались дополнительной работой, особенно в дни летних каникул, нанимались в качестве *famuli* (ассистентов) в больницы или лаборатории, то есть занимались неквалифицированным трудом, для того чтобы со временем получить разрешение на более сложные занятия, даже оплачиваемые, если они проявляли рвение и способности. Многие также уделяли часть свободного времени «студенческим обществам».

Фрейд начал свое обучение в зимний семестр 1873 года и получил медицинскую степень 31 марта 1881 года. Тот факт, что его медицинское обучение продолжалось восемь лет, озадачивал биографов Фрейда, тем более, что говорили, что его семья была бедной. Зигфрид Бернфельд опубликовал список курсов, взятых Фрейдом в течение его медицинского обучения, на основе данных исследования, проведенного в архивах Венского университета[53]. В течение первых трех семестров Фрейд посещал курсы, взятые другими студентами, а также несколько дополнительных. Начиная с четвертого семестра, он занялся интенсивным изучением естественных наук, особенно зоологией. В конце пятого семестра начал регулярно работать в лаборатории Карла Клауса,

профессора сравнительной анатомии. Эта работа длилась в течение двух семестров, включила два временных проживания на Морской зоологической станции в Триесте и увенчалась публикацией его первой научной статьи. Казалось, Фрейд разочаровался в Клаусе и после двух семестров совместной работы перешел от него в лабораторию Брюкке, преподававшего физиологию и «высшую анатомию» (как он называл гистологию). Фрейд воспринял Эрнста Брюкке (1819–1892) как достойного поклонения учителя и нашел в его лаборатории благоприятную атмосферу, в которой продолжал работать последующие шесть лет. Бенедикт оставил в своих мемуарах любопытный портрет этого жесткого, властного пруссака, никогда не ощущавшего себя комфортно в Вене, поражавшего венцев своими рыжими волосами иностранца, напряженным выражением лица и улыбкой Мефистофеля[54]. Научный уровень его обучения был слишком высок для студентов, но он никогда не позволял себе снисходить до их уровня. Вселявший наибольший ужас, чем все другие экзаменаторы, он задавал только один вопрос и, если кандидат не знал на него ответа, никогда не задавал другого. Брюкке ждал в бесстрастном молчании, пока не проходили отпущенные пятнадцать минут. «Такое поведение показывает, что он относился к студентам с таким огромным уважением, что они никогда не восставали против него», — добавляет Бенедикт. История о его длительной и свирепой вражде с анатомом Хиртлем в научных кругах Вены превратилась в легенду[55]. Брюкке был учеником Йоханнеса фон Мюллера — великого немецкого физиолога и зоолога, научная деятельность которого ознаменовала сдвиг от философии природы к новой механоорганистической тенденции, вдохновленной позитивизмом[56]. Это означает, что вместе с Гельмгольцем, Дюбуа-Реймоном, Карлом Людвигом и несколькими другими Брюкке отвергал любой вид витализма или финализма в науке и боролся за сведение психологических процессов к физиологическим законам, а физиологических процессов — к физическим и химическим законам[57]. Интерес Брюкке распространялся на множество отраслей науки и культуры: он писал о научных принципах изобразительного искусства, о физиологической основе немецкой поэзии и изобрел *Pasigrabia* — универсальную письменность, пригодную для всех языков мира.

В лаборатории Брюкке Фрейд познакомился с двумя старшими ассистентами, психологом Зигмундом Экснером и высокоодаренным Флейшлем фон Марксоу, а также с доктором Йозефом Брейером, проводившим там некоторые исследования. Фрейд обрел в Брейере поощряющего коллегу, друга, относившегося к нему по-отечески, одалживавшего ему позже значительные суммы, а также провоцировавшего в нем любопытство к истории необычайного заболевания и излечения

некой молодой истерической женщины, которой предстояло прославиться под псевдонимом Анны О.

Йозеф Брейер (1842–1925) родился в Вене, где его отец, Леопольд, был религиозным учителем в еврейской общине[58]. В краткой биографической заметке Брейер говорит, что утратил мать в раннем возрасте и провел детство и юность «без нищеты и без роскоши»[59]. Он воздал величайшую хвалу своему отцу, преданному делу воспитания, всегда готовому помочь членам общины (очевидно, отец был для него образцом, которому Брейер стремился подражать всю свою жизнь). Леопольд Брейер написал учебник о религии, которым многие годы пользовались еврейские школы в Вене[60]. Однако Йозеф Брейер отошел от ортодоксального иудаизма[61] и воспринял взгляды так называемого иудаизма либерального. Он изучал медицину, но также внимательно отслеживал направления развития в других отраслях науки. Его обостренный интерес и огромный талант к экспериментальным наукам были ознаменованы двумя выдающимися исследовательскими работами, одна из которых была посвящена изучению механизма саморегулирования дыхания, а другая — механизму восприятия телесных движений и положений посредством ушного лабиринта. Согласно его биографам, он начал блестящую научную карьеру, но оставил должность приват-доцента вследствие интриг своих коллег и отказался от звания внештатного профессора. Одно из объяснений этих его поступков заключалось в том, что он настолько глубоко был предан своим пациентам, что не хотел пожертвовать ими во имя научной карьеры. Другие объясняли его отказ от должности приват-доцента интригами коллег. Конечно, его натура не отличалась воинственностью. Все те, кто знал его, соглашались с высказыванием о нем как о «самом непритязательном человеке, какого только можно себе представить». Превосходный клинический врач, он сочетал в себе научную проницательность с гуманностью. Он бесплатно лечил две группы пациентов: своих коллег и членов их семей, с одной стороны, и бедняков — с другой, и многие из них трогательными способами выражали ему свою благодарность[62]. Как один из самых популярных врачей в Вене он имел большой доход и мог позволить себе жить на широкую ногу, включая регулярные путешествия по Италии. Человек исключительно высокой культуры, он страстно любил музыку, живопись и литературу и был вдохновляющим собеседником. Он был лично знаком с композитором Гуго Вольфом, писателем Шницлером, философом Брентано и состоял в переписке с поэтессой Марией Эбнер-Эшенбах[63]. Согласно определенным свидетельствам, он отличался абсолютной доверчивостью и был столь бескорыстен, что это свойство служило ему во вред[64]. Де Клейн, физиолог, навестивший Брейера, когда тот был уже в преклонном возрасте, восхищался «великолепной

живостью его умственных способностей, его полной осведомленностью в новейших медицинских публикациях, безошибочными суждениями человека, чей возраст приближался к восьмидесяти». Он также рассказывал о его «чрезвычайной простоте и личной доброжелательности», как и о критической способности, «остававшейся замечательно проницательной, хотя и благодушной, до самого конца жизни»[65]. У него было столь великое множество преданных друзей и почитателей в Вене, что когда Зигмунд Экснер организовал подписку в честь семидесятилетия Брейера в 1912 году, самые знаменитые личности Вены приняли в ней участие. Так был основан *Breuer-Stiftung* (Благотворительный фонд Брейера) — фонд, целью которого стало присуждение премий за заслуживающие поощрения научные исследования или приглашение выдающихся ученых на чтение лекций в Вене[66].

Фрейд еще не закончил медицинское образование, когда должен был исполнить свой долг — пройти одногодичную воинскую службу (1879–1880). Его главным достижением в течение этого времени стал перевод одного тома собрания сочинений Джона Стюарта Милля[67]. Он осознавал, что должен сконцентрировать свои усилия на получении медицинской ученой степени. В «Толковании сновидений» он говорит, что приобрел репутацию вечного студента. Все еще работая в лаборатории Брюкке, он сдал два первых *rigorosa* в июне 1880 года, а третий *rigorosum* — 30 марта 1881 года, так что получил медицинскую степень 31 марта 1881 года. Вслед за тем ему предложили временный пост «демонстратора» (лаборанта) или преподающего ассистента в лаборатории Брюкке с малой зарплатой, где он и продолжил свои гистологические исследования. В течение двух семестров он работал также в химической лаборатории профессора Людвига, но стало очевидно, что химия — не его специальность.

В этот момент в жизни Фрейда случилась удивительная перемена. До тех пор казалось, что он решил выбрать для себя научную карьеру. Теперь, в июне 1882 года, он внезапно уходит из лаборатории Брюкке, в которой проработал в течение шести лет (поддерживая с ним добрые отношения), и обратил свой взгляд на карьеру практикующего врача, по-видимому, без большого энтузиазма.

В те дни существовали три способа построения медицинской карьеры. Первый заключался в пяти годах напряженной работы с концентрацией усилий на клинической деятельности и в работе в качестве *famuli* (ассистента) в госпитале во время отпусков, после чего человек мог повесить табличку на дверь и ждать прихода пациентов. Второй путь заключался в дополнительных к регулярным занятиям двух-трех лет бесплатной интернатуры для получения большего опыта или специализации. Третий, и наиболее тяжкий из них, состоял в том, что после окончания образова-

ния человек в конкурентных условиях боролся за получение следующего ранга в академической карьере в какой-либо отрасли теоретической или клинической медицины. Получение звания приват-доцента занимало от двух до пяти лет, а для того, чтобы стать внештатным профессором, приходилось затратить пять или десять лет, а то и больше. Только небольшая горстка людей была способна получить ранг ординарного профессора, — положение с существенными привилегиями и высоким социальным статусом. В 1882 году Фрейд, казалось, избрал для себя второй путь, а именно специализированную медицинскую практику, но не утратил интереса и к гистологическому исследованию мозга, в котором он, возможно, уже тогда видел средства для достижения будущей научной карьеры. Можно дать два различных объяснения этой перемене: сам Фрейд объяснял, что Брюкке указал ему на отсутствие надежд на будущее в его институте, так как два его ассистента, Экснер и Флейшль, имели стаж работы, на десять лет превышающий его собственный, а это значило, что в течение весьма длительного времени Фрейду пришлось бы удовлетворяться более низким и скудно оплачиваемым положением. Зигфрид Бернфельд и Джонс предполагали, что подлинную причину следует искать в новых планах Фрейда о женитьбе и создании семьи.

Фрейд встретил Марту Бернайс, влюбился и обручился с ней в июне 1882 года. Согласно Джонсу, она принадлежала к хорошо известной еврейской семье из Гамбурга[68]. Ее отец, торговец, приехал в Вену несколько лет назад и умер в 1879 году. Те, кто знал ее, описывают ее очень привлекательной и наделенной твердым характером девушкой. В этих двух отношениях она напоминала мать Фрейда. Обе женщины прожили весьма долгую жизнь (Марта Бернайс родилась 26 июня 1861 года и скончалась 2 ноября 1951, в девяностолетнем возрасте). Согласно обычаям того времени, считалось, что брак должен был заключаться после того, как будет достигнуто надлежащее финансовое положение. Длительные помолвки, влекущие расставания, и постоянная переписка были довольно распространенными явлениями. Узы между семьями Фрейда и Бернайс укрепились посредством брака брата Марты — Эли с сестрой Зигмунда, Анной.

В этот поворотный момент жизни ситуация для Фрейда была далеко не легкой. Он начал три года своей госпитальной ординатуры с низкой зарплатой и обнаружил, что на четыре года отстал от тех, кто выбрал для себя клиническую медицину с самого начала. Его перспективы были блестящи, но сдвинуты в отдаленное будущее. Единственный способ сократить этот медленный и напряженный путь к построению карьеры представлялся возможным только через великое открытие, которое смогло бы принести ему быструю славу (тайная надежда многих молодых врачей).

Старинный Венский главный госпиталь с его четырьмя или пятью тысячами пациентов был одним из самых прославленных учебных центров в мире, где почти каждый глава отделения был медицинским светилом. Между членами медицинского штата существовали воинственное соперничество и борьба за страстно желанные и плохо оплачиваемые должности[69]. Зигмунд Фрейд начал с того, что проработал два месяца в хирургическом отделении, затем в звании аспиранта — под началом великого терапевта Нотнагеля — с октября 1882 по апрель 1883 года. 1 мая 1883 года он был приглашен на должность второго врача в психиатрическое отделение, возглавлявшееся блестящим Теодором Мейнертом. Фрейд уже раньше занимался гистологическим исследованием продолговатого мозга в лаборатории Мейнерта, где он остался и работал с 1883 по 1886 год, и случилось так, как если бы теперь он нашел себе нового учителя.

Теодор Мейнерт был выдающейся фигурой в Вене, но также был тем, что немцы называют проблематической натурой[70]. Бернард Сакс, работавший в его лаборатории одновременно с Фрейдом, описывает его как «человека с потрясающей воображение внешностью: с огромной головой, посаженной на короткий торс, растрепанные кудри которой имели раздражающую привычку падать на лоб, в результате чего их так часто приходилось откидывать назад[71]. Мейнерт, наряду с Флейшигом, считался величайшим анатомом мозга в Европе. К несчастью, он постепенно отклонялся в «мифологию мозга» — современную тенденцию к описанию психологических и психопатологических явлений в терминах реальной или гипотетической структур мозга. Огюст Форель рассказывает в своих мемуарах, сколь он был разочарован тем, что, придя на работу к Мейнерту, обнаружил, что многие участки мозга, якобы им открытые, были не более чем плодами его воображения[72]. Мейнерт был известен как хороший клиницист, но довольно скучный лектор, и потому мало контактировал со студентами. Он был также поэтом[73], любителем музыки и живописи, и его социальный круг состоял из представителей венской элиты, несмотря на то, что Мейнерт был трудной личностью, склонной к неистовой вражде[74].

Проведя пять месяцев в отделении Мейнерта, в сентябре 1883 года Фрейд перешел в четвертое медицинское отделение, возглавлявшееся доктором Шольцем, где приобрел блестящий клинический опыт в работе с неврологическими пациентами.

Между тем статья, написанная доктором Ашенбрандтом в декабре 1883 года, вызвала интерес к кокаину — алкалоиду коки[75].

Фрейд экспериментировал на себе и на других с этим предположительно безвредным веществом, которое, как он обнаружил, было эффективным средством против переутомления и неврастенических

симптомов. В июле 1884 года Фрейд опубликовал статью, в которой красноречиво воздавал хвалу достоинствам нового лекарства[76]. Он утверждал, что кокаин можно использовать как стимулятор, как средство, усиливающее половое влечение, лекарство против желудочных расстройств, худосочия, астмы и как устранитель болезненных симптомов, сопровождающих отказ наркоманов от потребления морфина. Он действительно применял его в этом качестве при лечении своего друга Флейшля, который, страдая от жестокой невралгии, стал морфинистом. Однако это лечение превратило Флейшля в тяжелого кокаиниста.

Однажды, беседуя о кокаине со своими коллегами Леопольдом Кенигштейном (приват-доцентом, бывшим на шесть лет старше его) и Карлом Коллером (который был на год моложе), Фрейд упомянул, что кокаин вызывает онемение языка. Коллер в это время занимался поиском вещества, посредством которого можно было бы проводить анестезию глаза. В то время как Фрейд уехал в отпуск, чтобы навестить свою невесту в Вандсбеке (пригороде Гамбурга), в августе 1884 года, Коллер приходил в лабораторию Штриккера и экспериментировал с воздействием кокаина на глаза животных, в результате чего вскоре открыл его анестетические свойства. Как часто случалось между учеными, страстно стремившимися сохранить приоритет своего открытия, он хранил молчание и поторопился послать 15 сентября предварительное сообщение своему другу, доктору Бреттауэру, чтобы тот прочел его на Офтальмологическом конгрессе в Гейдельберге[77]. Статья произвела сенсацию. Кенигштейн торопился выполнить те же эксперименты и применить открытие к хирургическим операциям на человеке. Он и Коллер представили открытие Обществу врачей 17 октября 1887 года. Вернувшись из Вандсбека, Фрейд обнаружил, что Коллер оказался счастливым победителем, овеянным внезапной славой, и эта новость тем более разочаровала его, потому что именно он сделал намек Коллеру, приведший того к открытию. Но Фрейд не забросил свои исследования кокаина[78]. Он экспериментировал с воздействием кокаина на мускульную силу и продолжал выступать в защиту медицинского использования нового лекарства. Это было незадолго до того, как Альбрехт Эрленмейер опубликовал статью, предостерегающую об опасности кокаиновой зависимости, и это событие послужило началом бури, разразившейся против Фрейда[79].

Между тем 21 января 1885 года Фрейд подал заявление о желании занять должность приват-доцента в невропатологии, а в марте подал прошение о субсидии для полугодового отпуска из Венского университета. Фрейд работал в офтальмологическом отделении с марта до конца мая и в дерматологическом отделении в июне. Его статья о корнях и связях акустического нерва также появилась в июне и была встречена

с одобрением. В том же месяце он сдал устный экзамен для получения звания приват-доцента и прочел испытательную лекцию[80]. Звание было присуждено ему 18 июля, а позже он узнал, что в результате вмешательства Брюкке и Мейнерта ему отдали предпочтение перед двумя другими кандидатами на выдачу субсидии, которую он решил потратить на исследования в лаборатории Шарко в Париже.

1 августа 1885 года Фрейд ушел с работы в Венском главном госпитале, где провел три года. Затем он остановился в Вандсбеке для шестинедельного отпуска вблизи свой невесты, а 11 октября выехал в Париж. Очевидно, он считал, что этот визит в Париж открывает перед ним огромные возможности[81].

Для серьезного, не повидавшего еще света молодого ученого, такого, каким был тогда Фрейд, этот внезапный бросок в возбужденную среду французской столицы должен был стать ошеломляющим переживанием. С обостренным интересом он наблюдал повседневную жизнь Парижа, посещал музеи и кафедральный собор Нотр-Дам, побывал на нескольких спектаклях, в которых играли великие актеры. Но он не сразу сумел справиться с чувством потерянности в Сальпетриере. Несмотря на то, что он заручился рекомендательным письмом Бенедикта, для Шарко он был лишь одним из множества посетителей Сальпетриера. Он начал производить исследования в лаборатории патологии вместе с русским невропатологом Даркшевичем и, видимо, был разочарован условиями работы. Затем Фрейд предложил свои услуги Шарко в качестве переводчика некоторых его работ на немецкий. Великий человек пригласил Фрейда на несколько своих модных приемов. С самого начала Фрейд попал под очарование Шарко, поразившего его не только дерзостью своих концепций о гипнозе, истерии и травматических неврозах, но также огромным престижем и роскошью жизни этого князя науки. Очевидно, Фрейд не сознавал того, что Шарко был окружен свирепыми врагами, что сам он недостаточно долго пробыл там, чтобы ощутить (как это произошло с Дельбёфом, работавшим там в то же время) количество внушений, которыми накачивали многих из истерических пациентов Шарко.

Фрейду нравилось говорить, что он был студентом Шарко в Париже в течение 1885 и 1886 годов. Это утверждение иногда приводило людей к убеждению, что он оставался там довольно долгое время. В действительности, как утверждает Джонс на основании писем Фрейда к его невесте[82], Фрейд увидел Шарко впервые 20 октября 1885 года и расстался с ним 23 февраля 1886-го. Из этих четырех месяцев нужно вычесть еще рождественскую неделю, проведенную Фрейдом с невестой в Германии, и «пару недель» болезни Шарко. Мы можем предположить, что встреча Фрейда с Шарко была, в сущности, скорее случай-

ностью, нежели нормальными взаимоотношениями между учителем и учеником. Фрейд выехал из Парижа 28 февраля 1886 года, находясь под впечатлением, что встретился с великим человеком, с которым он будет общаться для перевода его книг и который ознакомил его с целым миром новых идей.

После того как в течение месяца, в марте, Фрейд изучал в Берлине педиатрию у Багинского, он вернулся в Вену 4 апреля 1886 года. Он снял квартиру на Ратхаузштрассе и открыл собственную практику в конце апреля 1886 года. Это был напряженный период в его жизни, с приготовлениями к свадьбе и поглощенностью научной работой. Он выступил с отчетом о своей деятельности за время работы, обеспеченной стипендией, перед собранием профессоров[83], а в мае прочел статьи о гипнотизме в Психологическом клубе и в Психиатрическом обществе[84]. В том же месяце была опубликована вторая статья Эрленмейера, предостерегающая об опасностях использования кокаина и в критическом тоне упоминающая имя Фрейда[85]. У Фрейда в то время было всего несколько платных пациентов, и он заполнял свое вынужденное безделье переводом тома лекций Шарко, появившимся в печати с предисловием Фрейда, датированным 18 июля 1886 года[86].

С 11 августа по 9 сентября Фрейд отслужил срок военной службы в ранге батальонного врача в полку с немецкоязычным составом, который был на маневрах в Ольмюце. Представляется любопытным сравнить письмо Фрейда Брейеру[87], в котором автор жалуется на тяготы военной жизни и выражает свое презрение к ней, с отчетом, написанным им своим начальникам после завершения этого периода службы[88]. 30 сентября 1886 года Зигмунд Фрейд и Марта Бернайс поженились в Вандсбеке и провели свой медовый месяц на побережье Балтийского моря.

По их возвращении в Вену Фрейд переместил свою практику в новую квартиру, расположенную в районе Кайзерлихс Штифтунсхаус, в большом многоквартирном доме. Дом был построен по указанию императора Франца-Иосифа I на месте Ринг-театра, сгоревшего дотла 8 декабря 1881 года; при пожаре погибло около четырехсот жителей. Фрейд еще не был готов начать преподавание в качестве приват-доцента, но начал работать в Институте Кассовица, частной детской больнице, куда его пригласили в неврологическое отделение, и где он смог собрать богатый материал для клинических исследований[89].

Вернувшись из Парижа, Фрейд был преисполнен восторга от того, что узнал в Сальпетриере, и страстно мечтал предать гласности эти материалы в Вене. Доклад, который он сделал в Венском обществе врачей, вызвал в нем разочарование и стал поводом для создания навязчивой легенды, преследовавшей его всю жизнь. В связи с тем, что невозможно обсуждать многочисленные эпизоды из жизни Фрейда в ограниченных

рамках данной книги, мы выделим этот единственный случай в качестве образца.

Стандартный отчет об этом событии содержит следующее: Фрейд представил статью о мужской истерии перед Обществом врачей 15 октября 1886 года. Статья была воспринята с недоверием и враждебностью. Фрейда попросили представить случай мужской истерии Обществу, и, хотя он согласился принять этот вызов и представил больного 26 ноября того же года, его встретили холодно, и этот эпизод послужил отправной точкой враждебных отношений Фрейда к венскому медицинскому миру, длившихся в течение всей его жизни.

При проверке этой истории следовало выяснить четыре пункта: (1) Что представляло собой в научном отношении Общество врачей? (2) Что означала концепция мужской истерии в то время? (3) Что в действительности произошло во время собрания? (4) Как можно объяснить события, имевшие место во время собрания?

Императорское Общество врачей (*Kaiserliche Gesellschaft der Ärtze in Wieri*) пользовалось репутацией одного из самых выдающихся медицинских обществ в Европе[90]. Его происхождение брало начало от группы врачей, которые около 1800 года начали встречаться раз в неделю для обсуждения проблем медицины и общественной гигиены. После различных злоключений в 1837 году Общество получило официальное признание и свой современный статус. Оно продолжало свою специальную организованную деятельность в отношении проблем здоровья населения, а также стремилось поддерживать высочайший из возможных научных стандартов в каждой из своих областей. Множество важных открытий были впервые оглашены перед Обществом. В 1858 году Чермак продемонстрировал ларингоскоп, изобретенный Тюрком. 15 мая 1850 года Земмельвейс пояснил свое открытие: инфекция родильной горячки была занесена в родовое отделение больницы из анатомических помещений. В 1879 году Нитце и Лейтер демонстрировали Обществу свой цистоскоп, а в октябре 1884 года, за два года до появления статьи Фрейда, Кенигштейн и Коллер объявили об использовании кокаина в глазной хирургии. Другая характерная особенность Общества заключалась в том, что любой врач мог представить на его рассмотрение свои труды, при условии, что они содержат оригинальные материалы. Но, хотя выступавшие никогда не изменяли своим достойным и обходительным манерам, их предложения подвергались острой критике. Хирург Брейтнер описал в автобиографии, как в процессе обсуждения одной из его статей Вагнер-Яурегг «придавил его к стене, словно муху»[91]. Собрания происходили по вечерам каждую пятницу в здании Академии наук с соблюдением строгих формальностей. Дискуссии записывались секретарем (*Schriftfiihrer*), а выводы публиковались в выходящем каж-

дые две недели бюллетене Общества. Заседания посещались журналистами, освещавшими медицинские темы, отсылавшими свои отчеты в соответствующие периодические издания.

То, что действительно случилось на собрании 15 октября 1886 года, невозможно понять, если не определить, что означал в те времена термин «мужская истерия», а для этого мы должны отступить на несколько десятилетий назад. В предыдущее десятилетие произошло громадное увеличение интенсивности железнодорожного движения, железнодорожных происшествий и количества претензий к страховым компаниям. Открылся новый раздел патологии, основанный британскими врачами, описавшими типичные случаи повреждения позвоночника и мозга, а также случаи специфического нервного шока, вызываемого травматическим шоком, происходящие в результате крушений на железнодорожном транспорте. В Англии доктор Пейдж утверждал, что многие повреждения позвоночника в результате несчастных случаев на железнодорожном транспорте происходят не из-за повреждений нервов, а в результате функциональных расстройств, которые он называл истерическими; он обнаружил у пострадавших пациентов явления гемианестезии (потери чувствительности в половине тела или головы) и другие симптомы, считавшиеся, по общему мнению, признаками истерии[92]. Утверждения доктора Пейджа привели к оживленным дискуссиям, обсуждавшим две темы: во-первых, рассматривалась сравнительная частота органических и динамических (в современном смысле функциональных) повреждений; во-вторых, встал вопрос, являются ли эти неорганические невротические состояния идентичными истерии. Эти две темы имели важное практическое значение для пациентов, страховых компаний и медицинских экспертов, которые должны были определять величину причиненного ущерба пострадавшим. Точка зрения доктора Пейджа широко распространилась в Англии и была принята в Соединенных Штатах Уолтоном[93], Путнемом и другими[94]. В Германии два ведущих невропатолога, Томсен и Оппенгейм, возражали, указывая на то, что гемианестезия не является доказательством истерии (вследствие того, что, как они показали, ее можно обнаружить во многих других состояниях больного). А кроме того, в их собственных наблюдениях за повреждениями позвоночника в результате железнодорожной катастрофы они обнаружили, что гемианестезия была гораздо более серьезной, чем у истерических пациентов, и эти больные практически не поддавались воздействию терапии[95]. Случаи неорганических повреждений позвоночника были описаны ими как особые травматические неврозы, отличающиеся от истерии. Во Франции Шарко отрицал существование описанных Томсеном и Оппенгеймом травматических неврозов. Он признавал, что неорганические случаи повреждения позвоночника в ре-

зультате несчастного случая на железной дороге имеют определенные симптоматические особенности (как утверждали немцы), но настаивал на том, что они относятся к истерии. В качестве доказательства Шарко сообщил, что он под гипнозом производил параличи, бывшие симптоматически идентичными травматическим параличам. Поскольку многими жертвами несчастных случаев оказывались мужчины, диагноз мужской истерии, прежде ограничивавшийся кругом мужчин с классическими истерическими симптомами, теперь приписывался и мужчинам с функциональными, посттравматическими расстройствами. Таким образом, частота выявления мужской истерии увеличилась во Франции, по крайней мере, как диагностическая метка, и в Париже теперь существовали два вида мужской истерии: классический (в котором главным этиологическим фактором считалась наследственность) и посттравматический (в котором наследственность играла меньшую роль, если признавалась вообще). В Вене существование классической мужской истерии теперь считалось несомненным, но ведущие невропатологи не принимали заявления Шарко об идентификации травматического паралича у мужчин с мужской истерией.

Таким образом, чтобы понять дискуссию, развернувшуюся после статьи Фрейда, надо помнить о существовании двух фактов: что термин «мужская истерия» применялся к двум различным состояниям, а именно к классической мужской истерии, существование которой считалось неоспоримым всеми, и к травматической мужской истерии Шарко, являвшейся объектом жарких споров между невропатологами; и что дискуссия о травматической мужской истерии сама была частью широкого расхождения во мнениях, относящегося к последствиям железнодорожных несчастных случаев и к другим видам травматизма.

Наилучшим способом для воссоздания того, что случилось на собрании 5 октября 1886 года, остается доверие отчетам, опубликованным немедленно после произошедшего. Мы не располагаем текстом статьи Фрейда, но, возможно, она имеет сходство с докладом, посланным им в *Professoren-Collegium* (Профессорскую коллегию)[96]. Краткий обзор дискуссии, последовавшей за презентацией статьи Фрейда, был записан в следующее издание бюллетеня Общества врачей, а более подробные записи были приведены в пяти медицинских журналах[97, 98, 99, 100, 101, 102].

Статье Фрейда предшествовала клиническая демонстрация случая волчанки гортани и неба ларингологом доктором Гроссманом. Затем Фрейд доложил Обществу, как он провел несколько месяцев в Париже с Шарко, и объяснил концепцию последнего об истерии. Шарко, как пояснил Фрейд, отличал *grande histérie* (с особым видом конвульсий, гемианестезией и другими характерными признаками) от *petite hystérie*. Шарко, как добавил Фрейд, по существу показал, что

истерические пациенты — не симулянты, что истерия не происходит из-за расстройств половых органов, и что мужская истерия встречается гораздо чаще, чем обычно предполагают. Затем Фрейд привел случай мужской истерии, который наблюдал, находясь у Шарко. Это был молодой человек, пострадавший из-за несчастного случая на производстве и получивший после этого паралич одной руки и, кроме того, целый набор сопутствующих патологических проявлений. На основании подобных случаев Шарко был склонен к установлению тождества между большинством последствий повреждений позвоночника и мозга, произошедших в результате несчастных случаев на железной дороге, и мужской истерией.

Дискуссия была открыта профессором Розенталем, невропатологом. «Мужская истерия, — сказал он, — не является редкостью». Он сам описал два подобных случая шестнадцатью годами ранее.

Профессор Мейнерт заявил, что неоднократно наблюдал случаи эпилептических припадков и нарушений сознания после травмы, и что было бы интересно проверить, всегда ли такие случаи представляют симптомы, описанные Фрейдом.

Профессор Бамбергер, председатель, признал заслуги Шарко, но не увидел ничего нового в интересной статье Фрейда. Он сомневался в различиях, отмечаемых Шарко между *grande* и *petite hystérie*, так как наиболее серьезные случаи истерии не принадлежат к *grande hystérie*. Что же касается мужской истерии, то она представляет собой хорошо изученный случай, но, на основании его собственных наблюдений, Бамбергер не может согласиться с тождественностью последствий повреждения позвоночника в результате железнодорожного несчастного случая с настоящей мужской истерией, вопреки определенным подобиям в клинической картине.

Профессор Лейдесдорф заметил, что часто осматривал пациентов, у которых в результате железнодорожного несчастного случая или подобной травмы развивались органические симптомы, не имевшие ничего общего с истерией. Он не отрицал существования случаев, когда за полученным шоком следовала истерия, но предостерегал против вывода о том, что истерия является последствием травмы, так как на этой стадии невозможно оценить подлинную степень повреждений.

За статьей Фрейда последовала другая, представленная профессором Латценбергером, о наличии желчного пигмента в тканях и жидкостях при тяжелых заболеваниях животных. Профессор Бамбергер резко возразил утверждениям профессора Латценбергера. (Очевидно, холодность была принятым тоном в Обществе, и потому к Латценбергеру отнеслись ничуть не лучше, чем к Фрейду, несмотря на его профессорское звание.)

Из легендарных отчетов об этом собрании может показаться, что, хотя о потрясающих открытиях, еще, не достигших Вены, Фрейд узнал в Париже (как, например, о существовании мужской истерии), выступая как посланник Шарко в обращении к венским «браминам», он вызвал к себе позорное презрение, и его сообщение отвергли. В действительности все происходило совсем иначе. Фрейд возвратился из Парижа с идеализированным представлением о Шарко. Многое из того, что он приписывал Шарко, было взглядами предшествующих ученых, и мужская истерия была известным состоянием, а истории этой болезни были опубликованы в Вене задолго до того Бенедиктом[103], Розенталем и другими[104]. Шарко был популярен в Вене; Бенедикт навещал его каждый год. Мейнерт[105] пребывал с ним в дружеских отношениях, и Лейдесдорф превосходно отзывался о нем[106]. Но медицинский мир, говорящий по-немецки, был обеспокоен новым поворотом, который приняли исследования Шарко с 1882 года. Характерно, что «Neurologisches Centralblatt» опубликовала подробный отчет о переводе Фрейдом лекций Шарко, в котором расточалась высочайшая похвала Фрейду как переводчику, но новому учению Шарко досталась острая, хотя и вежливая критика[107].

Из рассмотрения деятельности Общества становится очевидным, что никто не отрицал существования классической мужской истерии. Из четырех дискутировавших двое, Розенталь и Бамбергер, выразительно изложили присутствующим, что мужская истерия хорошо известна, а Лейдесдорф говорил о ней как о современном понятии. Как и следовало ожидать, Мейнерт разделил то же мнение, так как случай классической мужской истерии из его отделений был опубликован ровно за месяц до того и под его покровительством, не потому, что мужская истерия считалась необычным заболеванием, но как результат редкого истерического симптома, который представлял этот случай[108]. Совершенно ясно, что решающим вопросом дискуссии было утверждение Шарко о тождестве между травматическим неврозом и мужской истерией.

Случилось так, что венские невропатологи не согласились с тремя пунктами в статье Фрейда. Во-первых, Фрейд не посчитался с традицией Общества, согласно которой докладчик приносит на рассмотрение нечто новое и оригинальное. (Именно в этом состояло замечание Бамбергера: «Все это очень интересно, но я не усматриваю здесь ничего нового».) Возможно, Фрейду оказали бы лучший прием, если бы он, вместо того чтобы ссылаться на одну из историй Шарко, принес бы одну из своих собственных. Во-вторых, Фрейд выступил как посредник, опираясь только на авторитет Шарко, в противоречивости утверждений которого он, казалось, не оценил их сложность и скрытый смысл. В действительности осторожное отношение венских невропатологов

к диагнозу истерических расстройств служило на пользу их пациентам. (В этом заключено значение высказывания Лейдесдорфа.) В-третьих, возможно, на этих невропатологов раздражающе подействовало приписывание Шарко открытия, что истерия не является ни злокачественной болезнью, ни результатом расстройств половых органов, — тех двух пунктов, которые в Вене были известны уже длительное время. Таким образом, казалось, что Фрейд обращается к ним, как к невеждам, и говорит с ними, глядя сверху вниз.

Можно только удивляться, как могло случиться, что Фрейд не осознал, что оскорбляет этих людей, которые хорошо относились к нему[109]. Одна из причин такого отношения к аудитории заключалась в том, что Фрейд, всегда подверженный незамедлительному и сильному увлечению, был полностью очарован Шарко. Другая причина состояла в страстном желании Фрейда сделать великое открытие, которое могло бы принести ему славу. Он все еще с болью переживал разочарование, вызванное эпизодом с кокаином, и, очевидно, думал, что откровение, снизошедшее на него в Сальпетриере, могло бы стать отправной точкой для дальнейших открытий. Таким образом, холодный прием, оказанный его статье, был тем более болезненным для него.

Не существует документальных свидетельств, что Фрейду предложили продемонстрировать Обществу случай мужской истерии. Если бы так случилось, Фрейд почувствовал бы сам, что обязан поступить таким образом. Он смог найти такой случай через неделю после собрания, имел данные офтальмологического осмотра, проведенного доктором Кенигштейном 24 октября, и демонстрация произошла 26 ноября. Фрейд начал свою статью с заявления о том, что готов принять вызов профессора Мейнерта — продемонстрировать Обществу случай мужской истерии с признаками, описанными Шарко[110]. Пациентом был двадцатидевятилетний рабочий, который в восьмилетнем возрасте стал жертвой несчастного случая на улице и в результате утраты барабанной перепонки страдал от конвульсий неопределенного происхождения в течение двух лет после инцидента. Теперь, после нервного шока, перенесенного им три года назад, у него развились истерические симптомы. Наблюдалась явно выраженная односторонняя нечувствительность и другие признаки истерии, подобные тем, которые описывает Шарко. Фактически это был сомнительный случай, который можно было бы диагностировать или как воскрешенную травматическую истерию (вследствие прежнего несчастного случая), или как классическую мужскую истерию (вследствие испытанного нервного шока), и он вряд ли мог способствовать прояснению темы, которую подвергали критике в течение собрания 15 октября. На этот раз дискуссия не состоялась, возможно, из-за перегруженности графика. Позже Фрейд заявлял в автобиогра-

фии, что этой статье аплодировали, но, по-видимому, она не рассеяла впечатления, создавшегося на предыдущем собрании.

Вопреки легенде, Фрейд не прервал связи с Обществом после этого собрания. Его кандидатура была предложена семью выдающимися членами Общества 16 февраля 1887 года, и он был избран членом Общества 18 марта 1887 года. Он не прекращал свое членство в Обществе до самого отъезда из Вены[111].

О собрании 15 октября 1886 года вспоминал три месяца спустя Артур Шницлер в обозрении перевода Фрейда книги Шарко[112]. Шницлер рассказывает о «фантазии остроумного врача» (*die Phantasie des geistreichen Arztes*), то есть Шарко, и о том, что его концепция травматической истерии была воспринята довольно сдержанно[113]. Она была подкреплена, «когда доктор Фрейд недавно выступал на эту тему перед Имперским Королевским обществом врачей в Вене, после чего разразилась яростная дискуссия». Расхождения во мнениях по поводу травматических неврозов и мужской истерии продолжали неистовствовать в Европе в течение нескольких лет, пока в районе 1900-х годов медицинский мир утратил интерес к истерии, прекратил верить в существование признаков Шарко, а само заболевание стало встречаться много реже[114].

В последующие десять лет Фрейд старался изо всех сил, поднимая свою семью, выстраивая свою практику, добиваясь достижений в невропатологической деятельности и создавая новую психологию. Фрейд принялся за дело в 1886 году, с обычными трудностями молодого доктора, имеющего долги, но не обладающего состоянием. Частные пациенты поступали медленно, и он испытывал затруднения при подборе случаев для своих демонстраций в качестве приват-доцента. Несколько фактов свидетельствуют о том, что в течение этого периода он, должно быть, подвергался критике. Его обвиняли в том, что он напустил на человечество эту «третью кару» — привыкание к кокаину (двумя прочими считались алкоголизм и пристрастие к морфию). В последней статье о кокаине, в июле 1887 года, Фрейд пытался оправдываться: кокаин, говорил он, опасен только для тех, кто имеет привычку к употреблению морфия, но в стадии отвыкания от него с помощью кокаина можно добиться удивительных результатов[115]. И добавляет: «Возможно, будет нелишним отметить, что это — не личный опыт, но совет, данный кому-то другому». Некий медицинский журнал, опубликовавший краткий обзор Фрейда на книгу Вейра Митчела, вскоре после этого напечатал более обширное резюме об этой книге, написанное другим обозревателем[116]. Фрейд прервал отношения с Мейнертом, и в 1869 году между ними разразилась желчная ссора. В статье о травматических неврозах Мейнерт критиковал теории Шарко о травматическом параличе и в сноске до-

бавил, что мнения Фрейда носят скорее догматический, чем научный характер и противоречат учению Шарко[117]. На это замечание Фрейд ответил яростной атакой на Мейнерта, обвинив его в предубежденности. Подобные эпизоды иллюстрируют атмосферу изоляции и недоверия, в которой Фрейд начал свою карьеру.

Но у Фрейда были и преимущества. Его старинный друг Йозеф Брейер, имевший богатейшую клиентуру в Вене, посылал к нему клиентов. Более того, после возвращения из Парижа Фрейда назначили заведующим невропатологическим отделением в Институте Кассовица[118]. Будучи усердным работником, Фрейд постепенно создает свое социальное положение и репутацию специалиста.

Согласно всем свидетельствам, его брак с Мартой оказался счастливым. У них родились шестеро детей: Матильда, 16 октября 1887 года, Жан-Мартин — 7 декабря 1889 года, Оливер — 19 февраля 1891 года, Эрнст — 6 апреля 1892-го, Софи — 12 апреля 1893-го и Анна −3 декабря 1895 года[119]. В семье проживала свояченица Фрейда, Минна Бернайс, а также двое или трое слуг. Летом 1891 года семья переехала на квартиру на Берггассе, 19, которую Фрейд покинул только в 1938 году.

Квартира Фрейда находилась в фешенебельном квартале, вблизи от *Innere Stadt* (старого города), почти в непосредственной близости от университета, музеев, оперы, Бургтеатра, рядом с величественными правительственными зданиями и, наконец, с последним по порядку перечисления, но не по значению, имперским двором. Он включал Императорский дворец (*Hqfburg*), его сады, галереи искусств, библиотеку, хранилище драгоценностей короны (*Schatzkammer*) и Испанскую Императорскую школу верховой езды. Таким образом, семья обитала и разрасталась вблизи пульсирующего сердца великой империи. Довольно часто можно было видеть императора, проезжающего мимо в своей карете. Во многих отношениях жизнь весьма отличалась от современной. Профессионалы принимали своих клиентов у себя на дому, так что не составляло трудности прервать работу, чтобы повидаться с семьей. Дети мельком подглядывали за занятиями отца, которые в их глазах создавали ему огромный престиж. Трудиться с утра и до позднего вечера шесть дней в неделю считалось не столь необычным явлением, но профессионалы и обеспеченные люди отводили по три месяца для летнего отдыха или путешествия с Бедекером в руках.

На научное развитие Фрейда в течение этого десятилетия указывает тот факт, что если в 1886 году он был, главным образом, невропатологом, полностью признававшим теории Шарко о неврозе, то в 1896 году он больше не интересовался невропатологией и после того, как забросил идеи Шарко и Бернгейма, медленно подходил к разработке собственной системы.

Первым шагом в этом направлении стал его возрастающий интерес к Бернгейму, учебник которого он переводил, и затем, в июле 1889 года, поехал в Нанси, чтобы встретиться с ним и с Льебо в то время, когда посещал Международный конгресс психологов в Париже[120].

В 1891 году в сотрудничестве с Оскаром Рие вышла книга Фрейда о детском церебральном параличе, после чего появилось его важное исследование теории афазии, а в 1892 году он публикует перевод еще одной книги Бернгейма[121]. В сериях из двух лекций, которые он дает 27 апреля и 4 мая 1892 года в Wiener Medizinischer Klub (Венском медицинском клубе), развиваемая им концепция внушения почти точно совпадает с концепцией Бернгейма[122]. Но Фрейд также переводит еще один том лекций Шарко, которые снабжает сносками, в некоторых из них поясняются идеи Шарко, в других утверждается его собственная концепция истерии, противоречащая Мейнерту[123].

В 1893 году в журнале «Das geistige Wien» (Венский журнал типа *Who is who* о венских знаменитостях) появляется биографический набросок о Фрейде [124]. Фрейд опубликовывает несколько статей об истерии, из которых особенно выделяется написанное им вместе с Брейером «предварительное сообщение», озаглавленное «Психические механизмы истерических явлений». Концепция Шарко о механизме травматического невроза была распространена на истерию в целом, а предложенный психотерапевтический метод основывался на концепции катарсиса и абреакции. В 1894 году в статье «Защитный невропсихоз» Фрейд отошел от истерии к фобиям, наваждениям и даже к галлюцинациям. Фрейд оказывал давление на Брейера для завершения «Исследования по истерии», и работа была опубликована в 1895 году. Это была хорошо систематизированная книга. После краткого предисловия, в котором было заявлено, что авторы не использовали столько историй болезни, сколько бы желали, из-за соблюдения профессиональной тайны, «Предварительное сообщение» было переиздано в 1893 году, за ним последовал случай с пациенткой Анной О., приведенный как эталон излечения катарсисом. Затем Фрейдом были описаны четыре истории болезни, первая из которых относилась к Эмми фон Н., первой пациентке, для лечения которой Фрейд использовал катарсис. Книга заканчивалась главой Брейера, описывающей концепцию истерии, и другой главой Фрейда о концепции психотерапии. Мы вернемся позже к воздействию, произведенному этой книгой и статьями Фрейда того же периода. К тому времени профессиональное и финансовое положения Фрейда улучшились до такой степени, что он мог позволить себе периодические путешествия по Италии и коллекционирование произведений искусства. В следующем году он почувствовал, что его теория и терапевтический метод были достаточно оригинальны, чтобы присвоить им

новое и особое наименование: психоанализ. Но рождению этой новой науки нужно было еще пройти через весьма необычный процесс, который к тому времени уже начался.

В течение примерно шестилетнего периода (1894–1899) четыре события запутанным образом переплелись в жизни Фрейда: его задушевные отношения с Вильгельмом Флиссом, его невротические беспокойства, его самоанализ и разработка основных принципов психоанализа. Сначала мы попытаемся резюмировать известные факты, а затем предложим их интерпретацию. При этом используем два главных источника информации — «Толкование сновидений» Фрейда, в котором анализируются несколько дюжин сновидений самого автора на протяжении этого периода, и опубликованную часть его переписки с Флиссом. (Полная публикация этих писем, возможно, как-то модифицирует нашу картину того периода.)

Фрейд познакомился с отоларингологом из Берлина Вильгельмом Флиссом в 1887 году. Флисс был автором теорий, главными темами которых были: соответствие между носовой слизистой и половыми органами; бисексуальность человеческих существ и существование в каждом индивиде двойного цикла, женского — с периодом в двадцать восемь дней и мужского — с циклом в двадцать три дня[125]. Первое письмо Фрейда Флиссу от 24 ноября 1887 года касается диагноза пациента. Их дружба развивалась, что было отмечено в июне 1892 года принятием более интимного обращения друг к другу — Du (ты). Вскоре она приобрела более эмоциональный характер. Для Фрейда Флисс был научным корреспондентом, врачом, следившим за состоянием его носа, поверенным, поощрявшим его исследования, и другом, чьим суждениям он доверял безгранично.

В начале 1894 года у Фрейда начались боли из-за сердечных симптомов. По совету Флисса он бросил курить и, вопреки страданиям, продолжал исполнять это свое решение. В это время произошел эпизод, описанный Максом Шуром[126]. Фрейд лечил от истерии женщину, Эмму, и вызывал Флисса, чтобы определить, есть ли связь между ее симптомами и возможным заболеванием носа. Флисс оперировал нос Эммы и вернулся в Берлин. Пациентка, однако, жестоко страдала от послеоперационных осложнений, и другой специалист обнаружил, что Флисс случайно оставил длинный кусок пропитанной йодоформом марли в операционной полости. Несколько недель спустя у пациентки случилось кровотечение такой силы, что ее состояние некоторое время оставалось критическим. Согласно Шуру, в письмах, до сих пор не опубликованных, Фрейд выражал свое полное доверие Флиссу, остававшемуся для него целителем, «в чьи руки каждый может с полной уверенностью предать свою жизнь». Эти события случились в то время,

когда Фрейд был полностью поглощен обдумыванием новой психологии. В июне 1895 года он писал Флиссу, что возобновил курение после перерыва в четырнадцать месяцев. Он не мог терпеть страдания дольше. Это произошло в течение ночи с 24 на 25 июля 1895 года, когда Фрейд видел свой прославленный «сон об инъекции Ирме» — первое сновидение, которое он подверг полному анализу, используя свой новый метод ассоциаций. Он должен был стать прототипом анализа сновидений, не только в «Толковании сновидений» самого Фрейда, но и в глазах всех психоаналитиков. Макс Шур показал, что основные элементы этого сновидения присутствовали в истории пациентки Эммы, и что его можно интерпретировать как попытку сновидца оправдать Флисса. У Фрейда было ощущение, что он объяснил таинство сновидений и нашел ключ к их толкованию, ключ, который он мог теперь использовать при исследованиях и лечении своих пациентов.

За период с июля 1895 года до смерти отца 23 октября 1896 года Фрейд опубликовал, совместно с Брейером, «Исследования истерии», разорвал свои отношения с Брейером и начал писать «Проект научной психологии», который, однако, вскоре забросил, так что эта работа осталась неопубликованной. Страдания Фрейда все возрастали. Во время экскурсии в горы он стал задыхаться и вынужден был вернуться. Однажды он опять бросил курить, но вскоре начал курить снова. Ощущения, что он совершил великие открытия, сменялись мучительными сомнениями. Якоб Фрейд, тяжко болевший в течение нескольких месяцев, скончался 23 октября 1896 года. В течение ночи, последовавшей за похоронами, Зигмунду приснилось, что он оказался в каком-то помещении, где прочел надпись: «Кого-то просят закрыть глаза»[127]. Он различил намек на угрызения совести в этом сновидении. Теперь Фрейд осознал, как много значил для него отец. Наиболее вероятно, у него возникло чувство вины из-за того, что он долго испытывал враждебность по отношению к отцу. Начиная с этого времени самоанализ Фрейда, который, казалось, возникал периодически до этого момента, стал систематическим и все более поглощающим, особенно анализ его сновидений. Эдит Буксбаум[128] в статье и Дидье Анзье[129] в книге пытались воссоздать самоанализ Фрейда, размещая сновидения в хронологическом порядке и сопоставляя их с его перепиской с Флиссом.

Примерно в течение года после смерти отца внутренние страдания Фрейда усиливались, о чем свидетельствуют его письма Флиссу. Он денно и нощно размышлял о механизме психологии и источнике происхождения неврозов. Он уделял все больше внимания фантазиям, защищающим определенные воспоминания. Он чувствовал себя на грани открытия великих тайн или уже открывшим их, но вскоре отступал, терзаясь сомнениями. Он рассказывал о своих неврозах, своей малой

истерии. Объявлял, что безразличен к интригам, которые могут возникнуть в университете. 14 августа 1897 года он говорит Флиссу, что «главный пациент, заставляющий меня напряженно трудиться, — это я сам», и что его анализ стал более напряженным, чем любой другой.

21 сентября 1897 года Фрейд в письме Флиссу оказал ему потрясающее доверие. Истории о раннем совращении отцом, которые рассказывают все его истерические пациенты, оказывались просто фантазиями, так что его теория истерии лишалась прочного основания. Отсутствие успеха в терапии; невероятность того, что столь большое количество совращений малолетних детей отцами могло пройти незамеченным; невозможность отделения в бессознательном памяти от вымысла — все эти соображения стали главными причинами, которые теперь приводили его к мысли оставить свои надежды на прояснение таинства невроза. Исчезли ожидания великого открытия, которые могли бы принести славу и богатство. Однако тон этого письма был оптимистическим. У Фрейда оставался его метод толкования сновидений и его зарождающаяся метапсихология (система психического механизма). Начиная с этого момента его самоанализ вступил в плодотворную фазу. Нахлынули воспоминания детства. Безобразную, старую «няню», рассказывавшую ему о Боге и аде, теперь он видит как первооснову своих самых ранних сексуальных переживаний, в то время как его либидо по отношению к матери возникло в два с половиной года. Взаимоотношения с годовалым племянником подготовили паттерн для невротического фактора его последующих дружеских отношений. Он вспоминал ревность, которую вызывал в нем младший брат, и чувство вины, последовавшее за его смертью. Отыскивая в памяти воспоминания о няне, он обнаружил пример того, что позже называл защитной памятью. Он полагал, что эротические чувства маленького мальчика по отношению к матери и ревность, проявляемая к отцу, были общими явлениями. Он ссылался на Эдипа и Гамлета. Фрейд придавал увеличивающуюся значимость сопротивляемости, рассматривая ее отныне как устойчивость инфантильных характеристик. Он изменил формулировку своей идеи о происхождении истерии и наваждений. В этом процессе самоанализ и анализ его пациентов были тесно переплетены между собой, и Фрейд говорил Флиссу: «Я не в силах дать тебе хоть какое-то понятие об интеллектуальной красоте этой работы».

В ноябре 1897 года Фрейд писал, что его самоанализ снова находится в фазе застоя. Медленно всплывали новые воспоминания детства. Фрейд был поглощен проблемами, относящимися к прежним сексуальным зонам, особенно глубоко его внимание поглощали анальные воспоминания и фантазии. Он сравнивал сновидения, фантазии, невротические симптомы, остроты и художественные творения. Почувствовав

улучшение своего невротического состояния, он освободился от влияния Брейера и Шарко и идентифицировал себя с Гете. Его письма к Флиссу приходили все реже, становились короче и знаменовали сдвиг от зависимости к соперничеству. В начале 1898 года он начал писать книгу о сновидениях. Это занятие было прервано летним отдыхом, а осенью — новым периодом депрессии и подавленности, но он возобновил работу и завершил ее к сентябрю 1899 года.

Публикация «Толкования сновидений» ознаменовала конец невротического состояния Фрейда, но он никогда не прекращал самоанализ и, начиная с этого времени, посвящал ему хотя бы краткое время ежедневно. Он вышел из этого переживания с глубоко проникшей внутрь трансформацией. Он перерос свою зависимость от Флисса, и их тесная дружба окончилась в начале 1902 года. Фрейд был в состоянии превозмочь таинственный запрет, препятствовавший его посещению Рима, и в сентябре 1901 года провел двенадцать дней в этом городе из своих сновидений. Он окончательно принял решение добиваться номинации на звание профессора и теперь был готов собрать вокруг себя маленький кружок своих сторонников.

Странный недуг, охвативший Зигмунда Фрейда между 1894 и 1900 годами, совместно с его самоанализом дали повод для его различных интерпретаций. Некоторые из его противников настаивали на том, что он серьезно больной человек, а его психоанализ был выражением некого невроза. Его последователи, такие, как Джонс, заявили, что его самоанализ был беспрецедентным героическим подвигом, который никто не сможет повторить; посредством него глубины бессознательного были впервые показаны человечеству. Наша гипотеза заключается в том, что самоанализ Фрейда был одним из аспектов комплексного процесса (другими его компонентами были взаимоотношения с Флиссом, его невроз и разработка психоанализа), и что этот процесс явился примером того, что можно назвать творческой болезнью.

Эта гипотеза вынуждает нас определить творческую болезнь и представить ее главные признаки[130]. Она случается в различных условиях и может быть обнаружена среди шаманов, среди таинств различных религий, у философов определенного склада и творческих писателей. Один из примеров уже упоминался в этой книге, это — Фехнер[131], и мы покажем позже, в другой части, творческую болезнь Юнга[132]. Творческой болезни предшествует период интенсивной поглощенности какой-нибудь идеей и поиск определенной истины. Это — полиморфное состояние, которое может принять форму депрессии, невроза, психосоматических недомоганий или даже психоза. Какими бы ни были симптомы, они ощущаются субъектом как болезненные, иногда почти как агонизирующие, с перемежающимися периодами облегче-

ния и ухудшения. В течение всего периода болезни субъект никогда не теряет связи со своей доминирующей озабоченностью. Она часто совмещается с нормальной профессиональной деятельностью и семейной жизнью. Но даже если он продолжает свою социальную активность, то почти целиком погружается в себя. Он страдает от ощущения абсолютной изоляции, даже когда у него есть ментор, направляющий его сквозь тяжелое испытание (отношения, подобные тем, которые складываются у подручного шамана с его учителем). Исход болезни часто наступает быстро и отмечается фазой приятного возбуждения. Субъект выходит из испытания с постоянной трансформацией личности и убеждением, что открыл великую истину или новый духовный мир.

В случае Фрейда можно обнаружить все эти признаки. Даже после его визита к Шарко в 1885 и 1886 годах он был поглощен проблемой происхождения неврозов, проблемой, которая в какой-то момент превратилась в его основную заботу. Начиная с 1894 года и далее страдания Фрейда, на основании его описаний в письмах к Флиссу, несомненно, можно было бы классифицировать как невротические, а временами — как психосоматические. Но в отличие от неврозов, концентрация на неотступной идее проявляется не просто как наваждение, она имеет также творческий характер. Интеллектуальное размышление, самоанализ и работа с пациентами превращаются в некий безнадежный поиск ускользающей истины. Неоднократно он ощущает, что находится на грани открытия величайшей тайны или уже обладает ею, только для того, чтобы снова попасть в плен отчаяния. Характерное ощущение абсолютной изоляции — один из лейтмотивов в его письмах к Флиссу. Не существует свидетельства, что Фрейд действительно был изолирован, и еще меньше — того, что в течение этих лет к нему плохо относились коллеги. Три его лекции перед Doktorenkollegium (экзаменами на докторскую степень) были тепло восприняты, вопреки странностям его теорий. Другая статья, о сновидениях, с которой он выступил перед аудиторией B'nai B'rith*, по словам Фрейда, получила восторженный прием. Более того, можно говорить об истинном уважении и толерантности по отношению к Фрейду со стороны части его коллег. 2 мая 1896 года, когда Фрейд выступил с лекцией перед Обществом психиатрии и неврологии, интерпретируя свою теорию раннего совращения как причину истерии, Крафт-Эбинг (председатель Общества) просто заметил, что это звучит как научная волшебная сказка. Тем не менее

* B'nai B'rith — (иврит «Сыновья завета») — старейшая и самая большая еврейская организация в мире. Основана в Нью-Йорке в 1843 г., занимается защитой прав человека, развитием межкультурных отношений, обеспечением религиозных и культурных потребностей студентов еврейских колледжей, поддержкой больниц, филантропических институтов и т. д. — *Прим. пер.*

именно он предложил номинацию Фрейда на звание экстраординарного профессора в следующем году[133]. Что касается аудитории, кто мог бы обвинить ее в скептицизме, если Фрейд несколько месяцев спустя сам обнаружил, что ошибся в этом предположении? Часто встречающийся признак невроза — изобилие уничижающих суждений; именно такими награждал Фрейд коллег в своих письмах Флиссу. Еще в августе 1888 года он сказал, что коллеги должны сдерживать его пыл в атаках на Мейнерта. Его книга об афазии — нападение на различных коллег и особенно на «возведенного на высокий престол идола» — Мейнерта. Даже к доброму Брейеру он относился с презрением. В его письмах появляется энергичная нетерпимость к критике любого вида. Отзыв Штрюмпеля на «Исследования истерии», признавшего достоинства книги, хотя и с некоторыми оговорками, Фрейд квалифицировал как «гнусный»[134]. Когда Фройнд опубликовал статью о психических параличах[135], Фрейд назвал ее «почти плагиатом», хотя в ней описывалась теория, совершенно отличавшаяся от теории, разработанной Фрейдом, которого автор статьи даже упоминает по этому поводу. Фрейд был чувствителен к вопросам приоритета и беспокоился о том, чтобы его не опередили, как, например, в случаях Мебиуса и Жане. Его отношение к коллегам в письмах к Флиссу характеризуется недоверчивостью или раздражительностью[136].

Отношение Фрейда к Флиссу, озадачивавшее столь многих психоаналитиков, можно легко понять, если рассматривать его в контексте творческой болезни. Человек в этом состоянии чувствует себя так, будто он пребывает в неведомом мире, в полной изоляции, и при этом земля горит у него под ногами. Он отчаянно нуждается в проводнике, который помог бы ему в подобном испытании. Фрейд оставил позади себя людей, по-отечески относившихся к нему: Брюкке, Мейнерта, Брейера и Шарко и теперь ищет дружбы с человеком из поколения, к которому принадлежит и сам. В свои отроческие годы Фрейд дружил со своим соучеником по школе, Эдуардом Зильберштейном, с которым проводил большую часть свободного времени. Друзья изучали испанский, чтобы пользоваться им как секретным языком, приняли испанские имена, основали Кастильскую академию и продолжали переписываться в течение примерно десяти лет. Используя в чем-то похожую модель, Фрейд и Флисс вступили в тесные дружеские отношения. Они обменивались идеями и в особенности текущими размышлениями и новыми открытиями, которые хранили в секрете от остального мира. Однако внимательное прочтение писем Фрейда к Флиссу показывает, что начальное взаимоотношение двух равноправных друзей постепенно замещается интеллектуальным подчинением Фрейда Флиссу, но в дальнейшем Фрейд вновь достигает прежнего положения равного. Этот процесс показы-

вает, что в течение критического периода творческой болезни Фрейда Флисс невольно и бессознательно взял на себя роль шамана-хозяина и духовного наставника по отношению к своему «мистическому подмастерью».

Типичным для творческой болезни является спонтанное и быстрое выздоровление, сопровождающееся ощущением восторга. Мы вспоминаем, как Фехнер прошел легкую гипоманиакальную фазу, в течение которой думал, что может расшифровать все загадки мира. Похожее чувство выражено в сентенции: «Кто бы ни имел глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, убеждается в том, что смертный не может хранить тайны. Тот, чьи губы сомкнуты, судачит с помощью кончиков пальцев, и измена самому себе хлещет наружу сквозь все поры его кожи»[138]. Все годы страдания исчезли, но остается впечатление о длительном периоде ужасающей изоляции при переходе во враждебный мир. Типичным для окончания творческой болезни является сдвиг интересов из внутреннего мира во внешний. В то время как в своих письмах он говорит Флиссу о полном равнодушии к своей номинации и даже предвидит полный разрыв отношений с университетом, Фрейд активно внедряется в министерство, чтобы продвигать свои интересы.

Как может воздействовать на личность ученого его открытие, показано, например, в случае Роберта Бунзена, описанном фон Икскюлем[139]. Когда Бунзен открыл спектральный анализ, его видение мира изменилось, и то же произошло с его личностью; с тех пор он «держался как король, путешествующий инкогнито». Поль Валери показал, как личность творческого писателя может приобрести новый вид, соответствующий образу его сочинения[140]. Если рассматривать творческую болезнь, конечная трансформация личности оказывается еще глубже. Похоже на то, как если бы индивид последовал призыву Святого Августина: «Не ищи повсюду, обратись внутрь самого себя, ибо внутри человека обитает истина»[141]. По той же причине трансформация личности неразрывно связана с ее убежденностью в том, что она открыла грандиозную истину, которую следует провозгласить человечеству. В случае Фрейда то было открытие психоаналитического метода и новой теории разума, и первое свидетельство этого утверждения находится в его книге «Толкование сновидений» («Traumdeutung»).

Фрейд всегда считал «Толкование сновидений» своей основной работой, и она действительно является выдающимся произведением. Во-первых, в то время как каждый год публиковалось множество материалов о сновидениях, проблематика их толкований не обновлялась после Шернера в 1855 году. Во-вторых, в книге излагается не только оригинальная теория сновидений, но и основа новой психологии. А в-третьих, книга в беспрецедентной степени связана с жизнью и личностью

самого автора. Эрве де Сен-Дени и другие заполнили целые книги своими собственными сновидениями и их истолкованиями, но ни один из них не анализировал те сновидения, которые имели место в период творческой болезни.

Сегодня «Толкование сновидений» — классический труд, и мы настолько знакомы с ним, что трудно представить себе впечатление, произведенное им в 1900 году. Сегодня современная версия заключается в том, что в те времена Фрейд был незаметным невропатологом, подвергнутым «остракизму» своими коллегами, и что книга, принесшая так много новшеств, была встречена издевками или мертвой тишиной. Объективное исследование фактов дает совсем другую картину. В течение тех лет творческой болезни репутация Фрейда медленно возрастала как в Вене, так и в Европе. На Международном психологическом конгрессе в Мюнхене в августе 1896 года имя Фрейда упоминалось в качестве одного из выдающихся авторитетов по вопросам истерии[142]. Ван Рентергем в 1897 году включил Фрейда в число ведущих представителей Нансийской школы[143]. Как уже упоминалось ранее, биографический набросок о Фрейде появился в 1901 году в издании, подобном *Who is Who* о медицинских светилах[144]. Более того, в Лионе некий гинеколог, доктор Сезар Турнье, не позднее 1895 года глубоко заинтересовался идеями Фрейда о детской сексуальности[145]. Подтверждения «остракизму», которому подвергался Фрейд в Вене, не найдено. Он никогда не прекращал свое членство в Императорском Королевском обществе врачей[146] и, по крайней мере в 1899–1900 годы, был экспертом Ассоциации психиатрии и невропатологии[147] (той же группы специалистов, где его лекция об истерии была встречена с недоверием в 1896 году). Официальный сертификат от 4 октября 1897 года подтверждает, что «Фрейд, очевидно, жил в очень хороших обстоятельствах, имел троих слуг и обладал не очень дорогой, но прибыльной практикой», и выясняется, что его положение только улучшалось с течением времени[148].

Вопреки ее славе, по нескольким причинам, «Толкование сновидений» и сегодня является наименее понятной из работ Фрейда. Во-первых, вследствие того, что текст претерпевал множество изменений, добавлений и изъятий от одного издания к другому, так что доступное ныне издание существенно отличается по форме и содержанию от оригинального. Во-вторых, книга оказалась трудной для перевода, и многие нюансы оригинала исчезли даже из лучшей версии[149]. Единственный способ обретения ее настоящего содержания заключается в прочтении оригинального немецкого издания, которое, к сожалению, редко встречается в наше время. В-третьих, «Толкование сновидений» изобилует намеками на события и привычки, которые были знакомы тогдашнему читателю, но почти недоступны для понимания сегодня без коммен-

тария[150]. Книга буквально кишит юмористическими подробностями о жизни Вены *в fin de siécle* (в конце века).

Далее, книгу можно назвать автобиографией в маске. Фрейд упоминает свое рождение и предсказание старой крестьянки, относящееся к этому моменту; примитивное воспитание, полученное им от старой няни; странную смесь дружбы и враждебности, возникшую между ним и его племянником Джоном, который был на год старше него; эмиграцию его сводных братьев в Англию; детский страшный сон, в котором он видел свою мать с фигурами, у которых были птичьи клювы; его положение первого ученика в школе; «Заговор против нелюбимого учителя»; первые слабые подозрения об антисемитизме школьных товарищей и множество других подробностей. Фрейд также рассказывает о политических событиях: либеральное правительство 1866 года, в которое входили два министра-еврея; испано-американскую войну 1898 года; попытки террористических актов анархистов в Париже. Фрейд вспоминает о своих предыдущих работах, разочаровании в вопросе о кокаине, о чувстве возбужденности, когда он впервые появился в Париже в 1885 году, и о своем друге Флиссе. Он намекает на свои открытия в областях защитной памяти, детской сексуальности и эдипова комплекса. Фрейд тщательно скрывает все относящееся к своей любовной жизни, но рассказывает о своих детях и приводит примеры их сновидений. Он не скрывает ни своего атеизма, ни неверия в бессмертие.

С другой стороны, Фрейд использовал стратегию, к которой прибегнул Данте, когда поместил в ад людей, не нравившихся ему. Таким был дядя Йозеф, «паршивая овца» в семье, которого, как заявил Фрейд, «никогда, конечно, никто не любил»; такой же была няня, грубо обращавшаяся с ним в детстве, и тупой учитель гимназии, против которого восстали учащиеся. И все же с наибольшей жестокостью в сновидении был описан Брюкке, заставлявший Фрейда рассечь его собственную ногу и почечную лоханку. О Мейнерте говорилось, что его лечили от пагубной привычки к хлороформу в частной больнице для душевнобольных. Упоминалось о мучительной борьбе Мейнерта против Фрейда и о том, что незадолго до смерти Мейнерт страдал от приступов мужской истерии, которую он тщательно скрывал всю жизнь[151]. Более всего потрясают воспоминания, касающиеся отца Фрейда: когда Зигмунду было шесть лет, Якоб дал ему и его сестре книжку с картинками, чтобы они разорвали ее на куски, «что вряд ли можно оправдать с педагогической точки зрения». После того как маленький Фрейд описался в спальне родителей, отец сказал ему, что он никогда ничего не добьется в жизни. Также приводился случай с христианином, оскорбившим Якоба, и о трусливом поведении отца. В одном из сновидений он показан настолько пьяным, что его арестовали. Приводилось также описа-

ние болезненных симптомов, из-за которых печалился Якоб и вся семья в его последние дни перед смертью. Немногие факты, касающиеся отца, можно рассматривать как положительные, и это заставляет читателя задуматься над тем, не было ли у Фрейда более глубоких причин для такого отношения к отцу, кроме соперничества в раннем детстве за любовь матери.

Одним из особенных свойств этой книги является элемент предумышленной, но хорошо скрытой провокации. В те времена слово *Traumdeutung* использовалось для обозначения популярного толкования сновидений предсказателями судьбы; так, например, философ Гомперц[152] опубликовал памфлет «Traumdeutung und Zauberei» («Толкование сновидений и магия»). Для современных ученых название *Traumdeutung* содержит нечто интригующее и шокирующее[153]. Фрейд поместил в начало своей книги эпиграф, заимствованный из «Энеиды» Вергилия:

Flectere si nequeo Superos, Acheronta movebo!
(Если не могу подчинить небеса, то пробужу ад!)[154]

Таковы были слова Юноны, когда Юпитер отказался предотвратить намерение Энея стать царем Лация; тогда она призвала из ада Фурию Аллекто («беспрерывно разгневанную»), которая с толпой разъяренных женщин атаковала троянцев. Этот эпиграф можно рассматривать как намек на судьбу подавленных стремлений, но также и как ссылку, относящуюся к неудаче Фрейда получить академическое признание и произвести революцию в науке о разуме. Фрейд в письме к Флиссу от 9 февраля 1898 года пишет, что наслаждается при мысли о том, как все «затрясут головами» над «нескромностями и дерзостями», которые содержатся в книге[155].

Необычные черты «Толкования сновидений», провоцирующие название и эпиграф, высокое литературное качество, интимная связь книги с жизнью и личностью Фрейда, ее юмористические намеки на жизнь Вены в те времена, — все вносило свой вклад в воздействие книги на читателей. Некоторые отнеслись к ней критически из-за того, что представлялось им отсутствием академической бесстрастности, но для определенной группы других читателей книга была откровением, потрясшим их и нацелившим их жизнь в новом направлении. Немецкий психиатр Блюхер[156] рассказывает в автобиографии о том, как мало его интересовала работа Фрейда до тех пор, пока какой-то друг не дал ему «Толкование сновидений», которую он не смог отложить в сторону, не прочитав до конца. Эта книга оказала решающее воздействие на ориентацию его карьеры. Именно в результате подобного опыта учениками

Фрейда стали Штекель, Адлер и Ференци. Что же касается утверждения о том, что книга была встречена молчанием или уничтожающей критикой, то его отвергли Ильзе Брай и Альфред Рифкин[157].

Неясной в жизни Фрейда остается причина, по которой его номинация на звание экстраординарного профессора пришла к нему столь поздно. Традиционная версия говорит об антисемитизме, о скандале, вызванном сексуальными теориями Фрейда, и о мелочности его коллег, возмущавшихся его превосходством. Окончательная номинация Фрейда, как добавляет легенда, была получена, когда один из богатых пациентов подкупил министра образования для проведения номинации, подарив ему картину Беклина для галереи искусств, которую министр патронировал. Объективное исследование фактов стало возможным, когда Йозеф и Рене Гиклхорны обнаружили серию из сорока документов, относящихся к университетской карьере Фрейда, в архивах Венского университета и в Австрийском государственном архиве [158]. Впоследствии еще два документа были добавлены Эйслером[159]. Подтвержденным является факт, что в январе 1897 года профессора Нотнагель и Крафт-Эбинг просили Общество профессоров предложить кандидатуру Фрейда на звание экстраординарного профессора. На своем собрании 13 февраля 1897 года Общество назначило комиссию из шести профессоров представить доклад по этому вопросу. 12 июня 1897 года после прослушивания благоприятного доклада, прочтенного Крафт-Эбингом, Общество предложило министерству номинацию Фрейда на присуждение звания экстраординарного профессора. Однако только 27 февраля 1902 года министр народного образования Фрейхерр фон Хартель предложил номинацию, которая была подписана императором Францем Иосифом 5 марта 1902 года. Все происходившее в течение этого пятилетнего интервала недостаточно объясняется имеющимися доступными документами. В письме Флиссу от 11 марта 1902 года Фрейд рассказывает, как, вернувшись из Рима, он осознал, что должен действовать самостоятельно, если хочет когда-нибудь получить столь долго откладываемую номинацию; как в министерстве Зигмунд Экснер намекнул ему, что против него работали «влиятельные лица», и что лучше бы ему поискать «контрвлиятельных»; как он нашел таковое в лице бывшей пациентки, фрау Элизы Гомперц, и как просил Нотнагеля и Крафт-Эбинга возобновить запрос в свою пользу. Наконец, в результате вмешательства другой бывшей пациентки, баронессы фон Ферстель, ему было пожаловано звание экстраординарного профессора.

Несомненно, что номинация Фрейда последовала за возобновленным запросом Нотнагеля и Крафт-Эбинга от 5 декабря 1901 года, но это обстоятельство все еще не объясняет причину, почему первый за-

прос Общества профессоров остался преданным забвению в течение четырех с лишним лет. Этому Гиклхорны дали следующее объяснение. 28 мая 1898 года министерство образования посредством секретного указа (*Geheimerlass*) решило сократить число номинаций на звание экстраординарного профессора, обосновывая это тем, что получившие эту номинацию должны быть способны заменять титулярного профессора; кроме того, следует рассматривать для номинации кандидатуры только тех приват-доцентов, которые уже обладают большой практикой преподавания. Согласно Гиклхорнам, Фрейд не соответствовал этим условиям: он имел звание приват-доцента в невропатологии, но не в психиатрии (как это было в случае Вагнер-Яурегга). Далее, он уделял больше внимания своей доходной практике, чем обязанностям приват-доцента. Эти выводы Гиклхорнов пункт за пунктом рассматривались Эйслером[160]. Известно, что кандидаты, предложенные для номинации одновременно с Фрейдом и после него, получили свои звания до него. Можно не сомневаться в том, что в министерстве часто происходили изменения, и от нового министра, Вильгельма фон Хартеля, чрезвычайно деятельного человека, несшего ответственность как за всю австрийскую систему академического образования, так и за религиозные и культурные вопросы, нельзя было ожидать информированности о каждой отдельной кандидатуре[161]. Но он был подвержен всем и всевозможным политическим давлениям; многие профессорские номинации были получены скорее в результате политических влияний, чем за заслуги кандидатов. По этой причине фон Хартель был объектом яростных нападок со стороны Карла Крауса[162]. На фон Хартеля также нападали антисемиты, так как он был причастен к награждению литературной премией Артура Шницлера, а также публично проклинал антисемитизм перед австрийским парламентом. То, что Фрейд не был номинирован ранее, нельзя было, следовательно, приписать антисемитизму. Что же касается легенды о том, что номинация Фрейда была получена фрау Ферстель в обмен на картину Беклина «Die Burgruinen» («Развалины замка»), Рене Гиклхорн доказала, что эта картина оставалась во владении ее хозяев, семьи Торш, до 1948 года, и что Галерея современного искусства к тому времени уже приобрела другую картину Беклина[163]. Эйслер возразил, что Галерея современного искусства фактически получила от баронессы Мари фон Ферстель в 1902 году картину художника Эмиля Орлика: «Church in Ausha» («Храм в Ауше»)[164]. Ввиду малой ценности картины этот факт скорее подтверждает невероятность истории о том, что номинация Фрейда была получена за взятку[165]. Возможно, этот дар был не более чем символом благодарности баронессы министру. Можно сделать заключение о том, что основная причина задержки номинации Фрейда состояла в бюрократической *vis inertiae* (силе инерции), и при-

оритет всегда отдавался рекомендованным кандидатам, в то время как Фрейд был слишком глубоко поглощен своим самоанализом, чтобы соблюдать собственные интересы.

Таким образом, в 1902 году Фрейд обнаружил, что одна из его амбиций была выполнена. Титул экстраординарного профессора служил признанием его научной деятельности, а также позволял ему надеяться на большие гонорары. Затем для Фрейда настал период напряженного творчества. Осенью 1902 года он собрал маленькую группу из заинтересованных людей, встречавшихся у него дома по вечерам каждую среду для обсуждения проблем психоанализа. Они назвали себя Психологическим обществом по средам. Первыми участниками этих собраний помимо Фрейда были Кахане, Райтлер, Адлер и Штекель. Это было начало психоаналитического движения, которому суждено было распространяться до тех пор, пока оно не достигло всемирных размеров.

Начиная с этого времени история жизни Фрейда большей частью представляет историю психоаналитического движения. В 1904 году Фрейд публикует в виде книги свой очерк «Психопатология обыденной жизни». Вопреки неприятной полемике с Флиссом, он получает растущее признание в различных частях света; в сентябре он начинает переписываться с Юджином Блейлером*. В 1905 году появляются три наиболее известные его работы: «Три очерка по теории сексуальности», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и история пациентки Доры. Перспектива тех, кто смотрел на психоанализ извне, изменилась. В то время как вблизи 1900 года Фрейд виделся как исследователь бессознательного и интерпретатор сновидений, теперь он выступал как поборник сексуальной теории. Традиционная история говорит о том, что эти новые теории вызвали шторм раздражения и оскорблений; но и здесь объективное рассмотрение выявляет совершенно другую картину. Брай и Рифкин, на основе рассмотрения работ Фрейда того времени, пришли к выводу, что «знакомство и правильное восприятие работы Фрейда распространялись быстро и широко», что «за то время, в течение которого, как предполагалось, Фрейдом пренебрегали, громадное количество знаков признания и чрезвычайного уважения можно было бы добавить к тем нескольким иллюстрациям, которые были приведены в его статье»[166]. Фрейд прославился и стал весьма уважаемым терапевтом. В 1906 году по случаю своего пятидесятилетия Фрейд получил в подарок от своих учеников медальон со своим рельефным портретом. За исключением полемики с Флиссом, прежняя дружба с которым прев-

* Юджин Блейлер (1857–1939) — известный швейцарский психиатр, ввел термин «шизофрения» для описания психического расстройства, ранее называвшегося *dementia praecox* («раннее слабоумие»). — *Прим. пер.*

ратилась в ненависть, Фрейд отовсюду получал знаки благодарности и приверженности.

В марте 1907 года К.Г. Юнг и Людвиг Бинсвангер нанесли визит Фрейду и по возвращении в Цюрих создали маленькую психоаналитическую группу. В 1908 году движение приняло международный характер, и первый Международный конгресс психоанализа состоялся в Зальцбурге, а в 1909 году был основан первый психоаналитический периодический журнал. Фрейда пригласили прочесть лекции в Университете Кларка в Вустере (Массачусетс) и предпринять путешествие по Америке вместе с Юнгом и Ференци. Этот яркий момент в жизни Фрейда стал, как он выразился, «концом изоляции».

Последние слова приводят нас к необходимости рассмотреть значение той изоляции, на которую так часто жаловался Фрейд. В автобиографии он говорит о «десяти годах, если не дольше, своей изоляции», не определяя, в каком году она возникла и когда закончилась. Эта изоляция, о которой он говорит с такой убежденностью, конечно, не относилась к его ближайшему окружению: у него была счастливая семейная жизнь, и Джонс упоминает о его «удивительно широком» круге знакомых[167]. Не обнаружено значительного числа свидетельств зависти или низости, проявлявшихся к нему со стороны коллег. Когда бы враждебность ни преодолевала дружеские отношения (как это было в случаях с Мейнертом, Брейером, Флиссом), трудно оценить, кто был виноват в этом. Настолько, насколько это известно, ни одна из статей Фрейда не была отклонена журналом, так же как ни одна из его книг не отвергалась издателем. Вопреки расхожему мнению, его публикации никогда не были встречены ледяным молчанием или уничтожающей критикой. На самом деле рецензии в большинстве случаев были благоприятными, хотя временами и сопровождались смесью удивления и озадаченности. Редко встречалось откровенное неприятие, и в этом отношении других воспринимали не лучше, чем его. Возможно, чувство крайней и мучительной изоляции, характерные признаки творческого невроза вообще были свойственны Фрейду и усиливались, так как в течение тех лет он заметно изолировал себя от венского медицинского мира.

К 1910 году жизнь Фрейда — как и история психоанализа — достигла апогея. Психоаналитическое общество по средам, ставшее в 1908 году Венским психоаналитическим обществом, уже не могло встречаться в квартире Фрейда из-за возросшего количества его членов. На Втором международном конгрессе в Нюрнберге была основана Международная психоаналитическая ассоциация, а также второе психоаналитическое периодическое издание. Фрейд опубликовал работу «Леонардо да Винчи. Воспоминание детства». Но сам факт, что психоанализ провозгласили «движением» (а не просто новой отраслью нау-

ки), неминуемо спровоцировал появление оппозиции и быстро возникшее антипсихоаналитическое настроение в психиатрических кругах[168], а также кризис среди инициаторов. В июне 1911 года Альфред Адлер окончательно покинул Фрейда и основал другое общество. В октябре 1912 года ушел Штекель, но в течение некоторого времени случаи дезертирства щедро компенсировались пополнениями новых последователей. Великий кризис разразился в сентябре 1913 года, когда Фрейд и Юнг прервали отношения, и швейцарская группа прекратила свое существование. В тот год Фрейд опубликовал одну из своих главных работ, «Тотем и табу».

В конце июля 1914 года разразилась Первая мировая война. Фрейд, два сына которого, Жан-Мартин и Эрнст, были мобилизованы в австрийскую армию, разделял общее настроение патриотического энтузиазма. Его практика серьезно сократилась. Он записывал свои соображения по поводу войны и смерти, и его последние лекции в университете были опубликованы под названием «Введение в психоанализ». Тревога по поводу военных неврозов оживила интерес к психоанализу, и в Будапеште в связи с этим был организован конгресс, состоявшийся в сентябре 1918 года. Но вскорости наступили поражение, распад Австро-Венгрии и годы экономической разрухи и голода. В январе 1920 года Фрейд официально получил звание ординарного профессора и в следующем месяце принял участие в так называемом процессе Вагнер-Яурегга.

Международные связи постепенно возобновлялись. Практика Фрейда снова росла за счет пациентов, прибывающих из других стран. Он развивал свои теории в книгах «По ту сторону принципа удовольствия» и «Массовая психология и анализ человеческого Я».

Год 1923-й оказался критическим и зловещим[169]. В феврале Фрейд заметил появление лейкоплакии на нёбе и челюсти. В апреле он проконсультировался со специалистом, который выполнил операцию и нашел, что заболевание злокачественно. Эта операция была первой в серии из тридцати, которые он перенес до смерти. В то время Фрейд только что пережил смерть дочери, Софи; а его внук, Хейнерле Халберштадт, к которому он был особенно привязан и который жил у него, умер 19 июня 1923 года. Это событие стало величайшим горем в жизни Фрейда. 4 и 11 октября того же года Фрейд перенес главную операцию, в результате которой были частично удалены и заменены протезом верхняя челюсть и нёбо. За год он написал «Я и Оно». Начиная с той поры и до смерти, наступившей шестнадцать лет спустя, Фрейд жил в ауре мировой славы, но его жизнь, кроме того, состояла из длинной цепи страданий, которые он переносил со стоическим мужеством. Психоаналитическое движение быстро распространялось; в 1925 году

Фрейд написал «Вытеснение, симптом и беспокойство» и набросок автобиографии. В 1926 году его памфлет «Лэй-анализ» прозвучал как веский довод в пользу практики психоанализа специалистами без медицинского образования. К удивлению Фрейда и даже некоторому его беспокойству, психоанализ приобрел чрезвычайную популярность в Англии и еще большую — в Соединенных Штатах.

В 1927 году Фрейд опубликовал «Будущее одной иллюзии» — одну из наиболее острых критических работ, когда-либо издававшихся о религии, а в 1929 году появилась работа «Недовольство культурой». В августе 1930 года он был удостоен Премии Гете, а в октябре 1931 на его родине, в городе Фрейбурге (теперь Пржиборе), состоялась церемония в его честь. В 1932 году Фрейд пересмотрел часть своих идей, описанных в форме лекций перед воображаемой аудиторией, «Продолжение лекций по введению в психоанализ». В 1933 году к власти пришел Гитлер, и будущее Европы стало представляться весьма мрачным. В 1934 году книги Фрейда были сожжены в Берлине, а в 1936-м в Лейпциге конфисковали все имущество Международного психоаналитического издательского дома. В том же году по случаю восьмидесятилетия Фрейда Томас Манн прочел поздравительный адрес[170]. В следующем месяце у Фрейда произошла новая вспышка рака.

Друзья и ученики Фрейда пытались убедить его в необходимости эмиграции, но он отказывался. 12 марта 1938 немцы вступили в Вену, и Фрейд, наконец, сам подписал документы для эмиграции, но нацисты чинили всяческие препятствия. Спасения Фрейда добились путем напряженных переговоров с участием принцессы Мари Бонапарт и других влиятельных особ и преданных друзей. Стараниями сына, Эрнста, ему уже был предоставлен статус беженца в Лондоне, и Фрейд покинул Вену 4 июня 1938 года. На железнодорожной станции при проезде через Париж его приветствовал американский посол Буллит.

Фрейда приняли в Лондоне с великими почестями. Несмотря на возраст и нестерпимые страдания, разум Фрейда оставался в полном порядке. После некоторого колебания он опубликовал свой труд «Моисей и монотеизм» — возможно, свою самую противоречивую работу. Он принимал посетителей, ему оказывали знаки уважения многие ревностные почитатели, его избрали действительным членом Королевского медицинского общества; акт о номинации был доставлен ему специальной делегацией, что было уникальным исключением из правил. Со времени его первой операции в апреле 1923 года Фрейд перенес еще тридцать две, а также подвергался облучению рентгеновскими лучами и лечению радием. Весь его рот покрывали шрамы, и на протяжении многих лет Фрейд был вынужден носить сложный протез. Бывали времена, когда он не мог разговаривать, едва проглатывал и слушал, прилагая усилия.

Фрейд никогда не выражал ни нетерпимости, ни раздражительности и не позволял себе проникнуться чувством жалости к самому себе. Он отказался от всех анальгетиков, чтобы сохранить разум «на страже». Зигмунд Фрейд умер в Лондоне, в доме сына в Хемпстеде, в возрасте восьмидесяти трех лет. Тело его кремировали в крематории Голдерс Грин. Религиозная церемония не проводилась, но дань чести от имени Международной психоаналитической ассоциации была отдана доктором Эрнстом Джонсом, от имени Комитета австрийцев в Англии — доктором П. Нойманом и другим выдающимся беженцем, писателем Стефаном Цвейгом[171].

Личность Зигмунда Фрейда

Фрейд принадлежит к тем немногим людям, которые видели свою жизнь и личность в свете всеобщего внимания и сами вели себя как объекты любопытства человечества. Он пытался защититься за завесой секретности, но его жизнь все больше обрастала легендами, и Фрейд становился предметом множества противоречивых суждений.

Одной из причин формирования такой судьбы могло послужить то обстоятельство, что его личность перенесла существенные перемены в течение его жизни. Отчеты о детстве Фрейда описывают его как первенца молодой матери, не скупившейся на любовь и опеку. Наиболее вероятно, что именно она внушила сыну то честолюбие, которое крепло в нем на протяжении всей жизни. В воспоминаниях его сестры Анны Зигмунд является как привилегированный старший мальчик и юный семейный тиран, запрещавший ей читать Бальзака и Дюма. Он единственный имел в своем распоряжении отдельную комнату и масляную лампу[172]. Он настоял на продаже рояля, тем самым лишив сестер музыкального воспитания, обычного для Вены, потому что их игра нарушала его покой. В школе он был блестящим учеником, всегда стоял во главе своего класса. Это обстоятельство подтверждается школьными архивами, в которых открывается, что в школьном скандале он не только не оказался среди возмутителей порядка, но был одним из тех, кто сотрудничал с администрацией, снабжая ее информацией[173]. Будучи студентом-медиком, Зигмунд по-прежнему был амбициозен и трудолюбив, но его затянувшееся обучение и факультативные курсы, кажется, говорили о том, что ему не хватает практичности.

Его переписка с невестой, начавшаяся, когда ему было двадцать семь и длившаяся до тридцати лет, отражает честолюбие и упорное трудолюбие; Фрейд проявляется как человек сильных симпатий и антипатий, пылкий и преданный влюбленный, хотя временами в нем проявляются чувство собственника и ревность.

Мы мало осведомлены о взаимоотношениях Фрейда и Марты после брака. Ученики и гости отзывались о ней как о хорошей хозяйке дома и матери, хотя и не слишком знакомой с научной деятельностью мужа. Рассказывают, что она говорила: «Психоанализ прекращается у двери в детскую», и намек в письме к Флиссу от 8 февраля 1897 года, кажется, подкрепляет истинность этого высказывания. Лафорг вспоминает, как, прогуливаясь с ним по Венскому лесу, Марта загадочно заметила, что «природа предусмотрела, чтобы деревья не врастали в небеса»[174]. Сын Фрейда, Жан-Мартин, описывает его как хорошего воспитателя и доброго отца, находившего время для своей семьи по воскресеньям и в течение летних каникул[175]. Он рассказывает также о твердой приверженности отца к обычаям профессиональной жизни и его нежелании принимать такие новшества, как велосипед, телефон и пишущая машинка.

Первым доступным документом, представляющим состоятельное описание характера Фрейда, является доклад о его квалификации как офицера-медика, написанный после прохождения им военной службы в австрийской армии, от 11 августа до 9 сентября 1886 года. Мы приводим перевод его существенных частей[176].

Имя:	Доктор Зигмунд Фрейд
Звание:	Начальник отделения больницы, назначен 13 июня 1882 года
Продвижение по военной службе:	С 11 августа по 9 сентября 1886 года, во время основной подготовки — главный врач батальона, а во время стоянки полка с 31 августа по 6 сентября — главный полковой врач
Знание языков:	Немецкий в совершенстве, устно и письменно, французский и английский хорошо, итальянский и испанский довольно хорошо
Профессиональные способности и знание санитарной службы:	Весьма искусен в своей профессии, знает санитарные предписания и санитарную службу точно
Пользуется ли доверием у военных и гражданских?	Пользуется огромным доверием среди военных и штатских
Качества ума и характера:	Честен, имеет твердый характер, жизнерадостен
Усердие, дисциплинированность, надежность в службе:	Весьма ревностен при выполнении долга, дисциплинирован и очень надежен в службе
Обеспечен ли он предписанной формой и перевязочным материалом?	Имеет предписанную форму и перевязочный материал

Поведение на службе:	
1. *На передовой*	Не служил
2. *По отношению к старшим по званию*	Послушен и открыт; сверх того, скромен
3. *По отношению к равным по званию*	Дружествен
4. *По отношению к подчиненным*	Благожелателен и оказывает хорошее влияние
5. *По отношению к пациентам*	Весьма заботлив в отношении здоровья пациентов, человечен
Поведение вне службы	Весьма порядочен и скромен, приятные манеры
Состояние здоровья, пригодность для несения военной службы	Деликатное сложение, но здоров полностью, пригоден для военной службы
Квалификация для продвижения по службе	В установленном порядке званий

Эта оценка подтверждает другие заявления, описывающие Фрейда как человека с твердым характером и сильным чувством долга. Заслуживает внимания слово «жизнерадостен» (heiter), не всегда ассоциировавшееся с традиционным свойством его характера[177].

Письма к Флиссу, написанные в течение последующего периода в жизни Фрейда, обнаруживают его честолюбие, желание свершить работу великой важности, его страстную дружбу с Флиссом, множество жалоб на гнетущие недомогания, критические суждения о многих людях и чувство изолированности во враждебном мире.

С начала 1900 года личность Фрейда проявляется в новом свете. Его самоанализ превратил робкого молодого практика в уверенного в себе основателя новой доктрины и школы. В нем крепло убеждение в том, что он сделал великое открытие, которое следует отдать миру, чтобы исполнить свою миссию. К несчастью, мы не располагаем описаниями Фрейда той поры современниками. Большинство рассказов о нем были написаны много позже, после 1923 года.

В тот период личность Фрейда трансформировалась под влиянием его мировой славы и физических страданий, вызванных неукротимой болезнью. Его письма, как и свидетельства учеников, представляют его как хорошего мужа, отца, друга и врача, добросердечного, тактичного в письмах и выборе подарков, лишенного любого позирования или театральности; как учителя, способного руководить движением, находясь в центре сложных обстоятельств, и как человека, смотрящего в лицо своим физическим страданиям и сознающего грядущую смерть с беспредельным мужеством. Таким образом, людям, близким к нему, он представлялся редкостным воплощением мудрого человека и героя.

Ниже приводятся несколько примеров того впечатления, которое производил Фрейд на тех, кто интервьюировал его:

> С первого взгляда видно, что этот человек обладает большой утонченностью, интеллектом и многосторонним образованием. Глядя в его острые, но добрые, ясные глаза, сразу понимаешь, что он — врач. Его высокий лоб с выдающимися шишками, говорящими о наблюдательности, и прекрасные, энергичные руки производят поразительное впечатление[178].

Между этим интервью и последующими существует большой временной разрыв, попадающий на период, следующий за 1923 годом, то есть на то время, когда личность Фрейда подверглась трансформации, вызванной его мировой славой и раковой болезнью, превратившей его жизнь в мученичество. Именно в этот период он принял большинство посетителей, и тогда же была написана большая часть материалов о нем.

Реколь, французский журналист, нашел, что квартира Фрейда напоминает музей, и что сам Фрейд похож на старого раввина:

> Мы видим человека чрезвычайно подчеркнутого еврейского типа, своим видом он напоминает старого раввина, только что вернувшегося из Палестины; у него тонкое, изможденное лицо человека, проводившего дни и ночи со своими посвященными последователями за обсуждениями тончайших различий Закона. В нем чувствуется весьма интенсивная умственная деятельность и способность манипулировать идеями, подобно человеку с Востока, перебирающему янтарные бусины своих четок. Когда он говорит о своей доктрине, о своих учениках, он делает это со смесью гордости с отстраненностью. Однако доминирует при этом гордость[179].

Макс Истман в 1926 году был ошеломлен тем яростным предубеждением, с которым Фрейд относился к Соединенным Штатам, и явно шокирующей манерой его высказывания этих предубеждений своим американским посетителям[180].

Андре Бретон сообщал, что «величайший психолог нашего времени живет в заурядном доме, в затерянном квартале Вены»[181]. Он не счел горничную, открывшую ему дверь, хорошенькой. Когда, наконец, он подошел к кабинету Фрейда, то «обнаружил себя в присутствии старика скромного вида, принимавшего в убогом кабинете, словно врач, обслуживающий бедных».

Драматург Ленорман нашел, что кабинет Фрейда «был похож на кабинет любого университетского профессора»[182]. Фрейд показал ему стоящие на полках работы Шекспира и авторов греческих трагедий и сказал: «Вот мои наставники». Он утверждал, что существенные темы его теорий основывались на интуиции поэтов.

Шульц, немецкий психиатр, усмотрел во Фрейде «человека немного меньше среднего роста, крепко скроенного, с манерами типичного профессора, потрясающе напоминающего Пауля Эрлиха»[183]. У него была короткая, густая бородка, он носил очки и обладал проницательным взглядом. В нем сочетались объективный, интеллигентный подход с оживленным духом и типично австрийской доброжелательностью, а говорил он на классическом литературном языке. Шульц назвал Фрейда необычайно одаренным человеком с гармонической личностью. «Вы действительно не верите в то, что способны излечивать?» — спросил его Фрейд. Шульц ответил: «Никоим образом, но каждый может, как садовник, убрать препятствия для роста личности». «Тогда мы поймем друг друга», — ответил Фрейд.

Виктор фон Вайцзэкер описывал Фрейда как «ученого человека мира, с высокой буржуазной культурой»[184]. В его кабинете стоял длинный ряд античных статуй в бронзе и терракоте, сатиры, богини и другие любопытные фигуры. «В нем не было ни следа академического педантизма, и его разговор свободно скользил от серьезных и трудных тем к легкой грациозной болтовне. Выдающийся человек при этом присутствовал всегда». Было очевидно, что Фрейд страдал физически, но это обстоятельство не угнетало окружающих.

Эмиль Людвиг рассказал о визите к Фрейду осенью 1927 года и нашел его толкования биографий Гете, Наполеона и Леонардо да Винчи фантастическими[185].

Французская журналистка Одетт Паннетье, создавшая себе репутацию литературными «утками», вырвала интервью у Фрейда[186]. Зная, что восьмидесятилетний измученный болями Фрейд закрыл свои двери для журналистов, она притворилась пациенткой, страдающей фобией по отношению к собакам, и принесла Фрейду рекомендательное письмо от французского психиатра. Интервью, представленное ею, далекое от того, чтобы представить Фрейда в смешном виде, показало его как симпатичного, добродушного старика, который, казалось, не воспринял ее фобию слишком серьезно. Он попросил разрешения встретиться с ее му-

жем, рассказал о затратах и трудностях, связанных с лечением. «Я протянула ему конверт. Его манеры казались скорее дружескими, чем профессиональными. Но конверт он взял».

Воспоминания, оставленные людьми, которых анализировал Фрейд, датируются большей частью поздними годами его деятельности. Рой Гринкер рисует Фрейда как мудреца и «фонтан премудрости»[187]. Хильда Дулиттл описывала вдохновение, которое черпала из своего анализа с ним, в высоких поэтических выражениях[188]. Джозеф Вортис, прошедший четырехмесячный учебный курс анализа с Фрейдом в 1934 году, записывал в дневник свои сеансы и переработал его в книгу[189]. Его отчет уделяет много внимания методике, использовавшейся Фрейдом, и повествует о том, что Фрейд выражал свои мнения о самых различных вещах: о деньгах, социализме, старости, американских женщинах, о еврейском вопросе и т. д.; он также не скупился на едкие комментарии в отношении некоторых коллег.

Чтобы закончить эту тему, мы должны упомянуть интервью, которые брал у Фрейда Бруно Гец в 1904 и 1905 годах, и о которых рассказал по памяти почти через половину столетия[190]. В те годы Гец был бедным, голодным студентом в Вене, страдающим от острой лицевой невралгии. Один из его профессоров посоветовал ему обратиться за консультацией к доктору Фрейду, которому он показал некоторые поэмы Геца. Гец был потрясен тем вниманием, с которым Фрейд осмотрел его своими «изумительными, теплыми, печальными, мудрыми глазами». Фрейд сказал ему, что находит его поэмы весьма утонченными, но: «Вы прячетесь за своими словами, вместо того чтобы позволить им увлечь вас за собой». Фрейд также спросил его, почему в стихах он часто возвращается к морю, и было ли оно для него символом или реальностью. Тогда Гец излил ему душу, рассказав, что его отец был морским капитаном, что детство он проводил среди матросов и множество других подробностей. Фрейд сказал, что он не нуждается в анализе, и прописал лекарство для лечения его невралгии. Фрейд расспросил юношу о его финансовой ситуации и таким образом узнал, что тот съел последний кусок мяса за четыре недели до их встречи. Извиняясь за то, что взял на себя роль отца, Фрейд протянул ему конверт со «скромным гонораром за то удовольствие, которое вы предоставили мне своими стихами и историей юности». В конверте оказались 200 крон. Месяц спустя Гец, невралгия которого к тому времени прекратилась, нанес второй визит Фрейду, предостерегшему его от увлечения Бхагават-Гитой* и поделив-

* Бхагават-Гита (Bhagavat-Gita) — религиозная поэма («религия с одним объектом, то есть монотеизм») написана во II–I веках до н. э. Ее считают самым прекрасным произведением секты Бхагават, возникшей в народности ядава (Ydava) в Индии задолго до христианства. Религия отличается чрезвычайной преданностью единому Богу, называемому Вишну, Кришной или Нараяной. — *Прим. пер.*

шегося с ним своими идеями о поэзии. Несколько месяцев спустя, перед возвращением в Мюнхен, Гец пришел к Фрейду попрощаться. Фрейд покритиковал некоторые статьи, которые прочел за это время, и добавил: «Хорошо, что мы не виделись с вами некоторое время и не беседовали», и попросил Геца не писать ему.

Фрейд был человеком среднего телосложения (некоторые считали его малорослым), стройным в юности, полневшим с годами. У него были карие глаза, темно-коричневые волосы, ухоженная борода, более длинная в молодости, чем в зрелом возрасте. Он был усердным тружеником и оставался им даже в самый тяжелый период своей болезни. Его единственным спортивным увлечением был пеший туризм во время летних каникул. Он был столь заядлым курильщиком сигар, что эта привычка угрожала его жизни, но попытки бросить курение так затрудняли его существование, что всякий раз он снова возвращался к этой привычке. Из описаний Фрейда, которыми мы располагаем, можно составить две весьма различающиеся картины. На некоторых глубокое впечатление производило то, что они называли сухостью Фрейда, и К.Г. Юнг даже утверждал, что главной характеристикой Фрейда была горечь, «каждое слово было пропитано ею... в его отношении сквозила горечь личности, которую совершенно не понимают, и его манеры, казалось, всегда говорили: "Если они не понимают, их следует прямиком посылать в ад"»[191]. Фрейд, несомненно, относился к тем, «кто охотно страдал бы ради глупцов». Кроме того, он мог далеко заходить в своих обидах и в недоброжелательстве по отношению к тем, кто, как он справедливо или ошибочно считал, оскорблял его[192]. Множество других считало его чрезвычайно добрым и вежливым человеком, исполненным мудрости и юмора, и всегда очаровательным. Можно подумать, что в нем объединились холодная замкнутость его матери и добродушно-веселая натура отца.

Одной из основных черт характера Фрейда была его потрясающая энергия; он сочетал в себе безграничную работоспособность с напряженной концентрацией на одной цели. Психическое мужество в нем сплавлялось с моральной отвагой, которые достигли апогея в той стоической позиции, которую он занимал в течение последних шестнадцати лет жизни. Его убежденность в истинности своих теорий была настолько абсолютной, что он не признавал противоречий. Это свойство считалось его оппонентами нетерпимостью, а последователи определяли его как стремление к истине.

Фрейд жил — нравственно, социально и профессионально — в соответствии с высочайшими стандартами человека своего времени и его положения. Человек безупречной честности и профессионального достоинства, он с презрением отвергал любые предложения связать его имя с начинаниями, приносящими пользу коммерческим интересам. Он

был чрезвычайно пунктуален, точно соблюдал назначенное время приемов пациентов и распределял все виды своей деятельности в соответствии с расписанием, с точностью до часа, дня, недели и года. В равной степени эта точность распространялась на его внешность. В ретроспективе некоторые из этих свойств воспринимаются как маниакально-навязчивые, на самом же деле они — нормальны, если их рассматривать во временном контексте[193]. От профессионального человека его положения в те времена ожидались значительное достоинство и внешнее приличие. Называть Фрейда невенцем — значит обнаружить собственное невежество, не позволяющее отличить стереотип венской оперетты от исторической реальности[194].

Трудность в понимании сложной личности Фрейда приводила многих к поиску базового определения, которое сделало бы его облик достаточно ясным. Приводились интерпретации Фрейда как еврея, как венского профессионала своего времени, как романтика, как литератора, как невротика и как гения.

Фрейд[195] писал в 1930 году, что полностью отстранен от религии предков (как и от любой другой) и что не может отдаться еврейской националистической идее, но никогда не отрицал принадлежности к своему народу. Он признавался, что чувствует свою специфичность еврея, и не желал бы, чтобы она оказалась какой-либо другой, и что если бы кто-либо заинтересовался, что же еврейского остается в нем, он бы ответил: «Не слишком многое, но, вероятно, самое главное»[196]. Его еврейское чувство, казалось, должно было следовать по той же траектории, по которой оно развивалось во многих его австрийских современниках. Антисемитизм практически не существовал в Австрии ко времени его рождения. Во времена его юности он проявлялся в определенных студенческих сообществах. В последние две декады девятнадцатого столетия антисемитизм нарастал, но вряд ли мог искалечить карьеру профессионала. В пропорции к усиливающемуся антисемитизму, особенно после Первой мировой войны, оживилось чувство еврейской самобытности, и многие евреи, склонявшиеся к отрицанию своей еврейской индивидуальности, пришли к решению подчеркивать ее. Возможно, наилучшая интерпретация личности Фрейда как еврея была дана Хайманом:

> Представьте себе мальчика, подрастающего в еврейской семье среднего класса, с преданиями о происхождении от прославленных мудрецов, с легендарной историей семьи, восходящей к временам разрушения Храма. Он был первенцем матери и ее любимцем, избалованным «мудрецом» отца и гордостью, радостью учителей. Мы знаем, что он будет довольно радикальным в пору юношества, но успокоится, и что станет хорошим мужем и любящим, потакающим отцом, страстным карточным игроком, великим

краснобаем среди закадычных друзей. Он обладает двойственным чувством в отношении своего еврейства, подобно сотне полуинтеллектуалов, которых мы знаем. Ему не нравится христианство, которое, как он считает, не несет никакой новой веры, почти все его друзья — евреи. Он восхищается еврейскими ритуалами, но посмеивается над ними как над суевериями, он поигрывает с мыслью об обращении, но никогда не задумывается над ним серьезно. В нем развивается огромное честолюбие — он мечтает стать успешным и прославленным и испытывает соответственное презрение к нечестолюбивым гоям (Goyim= иноверцам — иврит). Он скептически относится к мысли, что какой-то нееврейский автор (скажем, Джордж Элиот) мог написать о евреях и знать о вещах, «о которых мы говорим только между собой». Он страдает от «нищих» (schnorrer, собственный термин Фрейда) фантазий о наследовании незаслуженного богатства, отождествляет себя с еврейским героизмом в истории и легенде («Я часто чувствовал себя так, как если бы унаследовал весь пыл наших предков, когда они защищали свой Храм».) Мы можем быть уверены в том, что этот парень кончит тем, что вступит в B'nai B'rith («Общество сынов Завета»), и так и произошло. Если бы нам сказали, что этот доктор Фрейд создал себе обеспеченную жизнь как практикующий терапевт, обеспечил первоклассное образование своим детям, и о нем никто не знает, кроме соседей, мы бы не удивились[197].

Несомненно, существует множество людей среди еврейских современников Фрейда, чьи жизни и карьеры следовали подобному образцу (однако они не обрели мировой славы). Сравнение Фрейда и Брейера может оказаться поучительным: Брейер, оказавшийся жертвой интриг, упустивший возможность создания блестящей академической карьеры, никогда не приписывал свои неудачи антисемитизму и заявлял, что совершенно удовлетворен своей жизнью. В то же время Фрейд непрестанно ссылался на враждебное отношение антисемитов — коллег и официальных чиновников. Говоря о своем отце, Брейер подчеркивал, как замечательно было для человека его поколения быть свободным от гетто и обладать возможностью войти в более широкий мир; единственная ссылка Фрейда на юность отца содержится в его рассказе о том унижении, которое причинил отцу иноверец. Брейер посвятил половину книги восхвалению отца, по контрасту с Фрейдом, не испытывавшим угрызений совести из-за выражения враждебных чувств к отцу. Брейер критиковал сверхчувствительность еврея к малейшему проявлению антисемитизма и относил ее к несовершенству ассимиляции; Фрейд с самого начала чувствовал себя принадлежащим к преследуемому меньшинству и относил свои творческие способности частично к тому факту, что был вынужден думать иначе, чем большинство. Бенедикт в автобиографии привел длинный список жалоб по поводу своих современников, но ни-

когда не обвинял их в антисемитизме. Таким образом, существование еврея в Вене могло привести его к усвоению различных позиций в отношении иудаизма и нееврейского мира, но это не служило препятствием для того, чтобы в то же время вполне ощущать себя венцем.

Фрейда также можно было бы понять, если рассматривать его как типичного представителя венского профессионального мира в конце девятнадцатого столетия. В Вене, этом этническом и социальном плавильном котле, вовсе не считалось необычным, если одаренный человек из нижней части среднего класса мог подняться по социальной лестнице и достичь к середине жизни весьма высокого социального и финансового статуса при условии, что закончит среднюю школу и университет. Одним из таких примеров служит Йозеф Брейер, сын скромного учителя, ставший одним из наиболее обеспеченных врачей в Вене, который мог, несомненно, продвинуться и дальше, если бы захотел. Такой человек, конечно, должен быть одаренным, усердным тружеником, не лишенным амбиций, — и Фрейд имел все эти качества. Для человека, чья деятельность лежит в области медицины, это означает столкнуться с периодом плохо оплачиваемых работ в больнице, с преподаванием в звании приват-доцента, с напряженной конкуренцией и годами кропотливой, скромно вознаграждаемой научной работы. Фрейд был одним из тех, кто успешно преодолел эти испытания. Начиная с тридцатипятилетнего возраста он уже мог вести жизнь богатого венского буржуа, имевшего просторную квартиру с несколькими слугами в одном из наилучших жилых кварталов Вены. Три летних месяца он проводил на отдыхе в Австрии или за границей, читал «Neue Freie Presse» и строго исполнял обязательства своей профессии. Кроме того, Фрейд в высшей степени овладел манерами крупной венской буржуазии своего времени, утонченной и многосторонней культурой, исключительной светскостью, доброжелательным юмором и искусством поддержания беседы. «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни» и «Остроумие и его отношение к бессознательному» — все эти работы наполнены намеками на венскую жизнь и современные местные события. Фрейд был венцем до мозга костей (включая характерную аффектацию ненависти к Вене).

Фрейд также разделял ценности своего класса. Дэвид Ризмен, пытаясь воссоздать *Weltanschauung* (мировоззрение) Фрейда из его сочинений, подчеркивал его представления о работе и игре[198]. Фрейд представлял мир работы как реальный мир и даже распространял его в бессознательное в форме «работы сновидения» и «работы скорби», в противовес миру удовольствия, который для него является миром ребенка, подростка, невротика, женщины и аристократа. Критерии душевного здоровья, согласно Фрейду, представляют способности к ра-

боте и к наслаждению удовольствием. В этой формуле Фрейд выразил идеал энергичного венского буржуа, приспособленного к точным требованиям его положения, но предъявляющего права на свою долю удовольствий, поставляемых городом. Фрейд рассматривал общество как естественное и обязательно обладающее властью формирование, а семью — как отеческую опеку. Так как он уважал своих учителей, он ожидал уважения от своих учеников. Конечно, Фрейд не приспосабливался в каждой детали к определенному типу представителей венской элиты. Он не был завсегдатаем театра или оперы, не заводил любовных интрижек с актрисами. Но пуританское поведение и моногамия, свойственные Фрейду, не являлись исключениями, как бы хотелось утверждать легенде. Те, кто называл Фрейда не подлинным венцем, не понимал характеров ни Фрейда, ни Вены.

Личность Фрейда можно рассматривать как романтическую. Виттельс сказал, что хотя Фрейд и был современником Германии Бисмарка, умозрительно он принадлежал к Германии Гете. В его стиле жизни было многое от романтизма. Его письма к невесте показывают такую степень восторженного возбуждения, какую можно встретить, например, в письмах Герцена к его возлюбленной. Страстное отношение Фрейда к Флиссу, кажущееся столь чуждым для наших сегодняшних стандартов, было подобно тем, которые мы находим у романтиков. Оно таково, как если бы Фрейд отождествлял себя с байронической фигурой одинокого героя, сражающегося против сонма врагов и трудностей. Еженедельные собрания друзей в *Cénacles* (пиршественных залах) были привычными для романтических поэтов, студентов и молодых ученых. К 1900 году, однако, ученые встречались на собраниях официальных обществ. Группа вечерних встреч по средам у Фрейда была бы более уместна среди неоромантических поэтов или столетием ранее — среди ученых-романтиков. Образование тайной группы из шести избранных учеников, поклявшихся преданно защищать психоанализ, причем каждый из них получил кольцо от Фрейда, — все это было в высшей степени «романтической» идеей. То, что Фрейд после длительного периода политического равнодушия внезапно стал испытывать чувство австрийского патриотизма, когда разразилась война, напоминает патриотическое рвение молодых немецких романистов в 1806 году. Наконец, многое в психоанализе можно понять как оживление концепций философии природы и романтической медицины.

Виттельс нашел ключ к личности Фрейда в отождествлении его с Гете, вспомнив, что Фрейд выбрал свое призвание после того, как услышал поэму Гете «О природе»[199]. И идею Гете о красоте, и его интерес к искусству и археологии, так же как его концепцию науки с ее поиском архетипических паттернов — все это можно найти в произве-

дениях Фрейда. Литературный стиль Фрейда исходит из модели стиля Гете; влияние Гете можно найти даже в склонности Фрейда к употреблению определенных слов, таких, как «интернациональный» (в смысле сверхнациональный).

Фрейда также можно понять как литератора. Он в высшей степени обладал неотъемлемыми свойствами большого писателя. Во-первых, у него были лингвистические и литературные способности, любовь к родному языку, богатство словарного запаса, *Sprachgefühl* (чувство языка), которое безошибочно приводило его к выбору соответствующего слова[200]. Даже его ранние работы о гистологии написаны в великолепном стиле. Как писал Виттельс:

> Для читателей, которые не были профессионально заинтересованы в его работах, зачастую не так важно то, что он говорит, как та восхитительная манера, с которой он это говорит. Переводы его произведений не могут воспроизвести тот исключительно немецкий дух, которым дышат работы Фрейда. Волшебство языка невозможно воплотить в переводе. Если кто-либо действительно хочет понять психоанализ Фрейда полностью, он должен читать его книги на их собственном языке...

Во-вторых, он обладал даром любопытства мыслящего человека, которое заставляет писателя наблюдать за своими собратьями-людьми, пытаться проникнуть в их жизни, в их любовь, их интимные отношения. (Эта жгучая любознательность хорошо описана Флобером и Достоевским.) В-третьих, Фрейд любил писать и испытывал пристрастие к писанию писем, дневников, эссе и книг: Nulla dies sine linea («Ни дня без строчки»). Для писателя записать свои мысли и впечатления — более важно, чем проверить их точность. Таков принцип метода Берне — записать немедленно личные впечатления обо всем, преследуя сверх всего истинность; таковым был и метод Поппер-Линкеуса в создании его эссе. Эссе Фрейда о Микеланджело и Леонардо да Винчи можно рассматривать как написанные в стиле Берне. В-четвертых, Фрейд обладал одним из редчайших качеств большого писателя, которое Поль Бурже назвал правдоподобием. Писатель среднего таланта может написать истинную историю, которая будет казаться выдуманной, в то время как большой писатель может написать абсолютно неправдоподобную историю, кажущуюся истинной. Историк-гебраист, комментируя работу «Моисей и монотеизм», составил длинный список неточностей и невероятных фактов, содержащихся в ней, но добавил, что, обладая великим талантом, Фрейд создал правдоподобную историю из этого хитросплетения невозможностей[201]. Фрейд многократно ссылался на тот факт, что великие поэты и писатели предшествовали

психологам в исследовании человеческого разума. Он часто цитировал авторов греческих трагедий, Шекспира, Гете, Шиллера, Гейне и многих других писателей. Несомненно, Фрейд мог бы стать одним из наиболее выдающихся писателей мира, но, вместо того чтобы использовать свое глубокое, интуитивное знание человеческой души для создания литературных произведений, он пытался формулировать и систематизировать его.

Существуют интерпретации личности Фрейда в форме так называемых «патографий», прославивших Мебиуса и развитых позднее психоаналитиками[202]. Мэйлан объяснял труды Фрейда и его личность через его отцовский комплекс[203]. Натенберг собирал из всех трудов Фрейда и доступных биографических материалов все свидетельства существования невроза и подгонял их к портрету человека с глубоко нарушенным душевным равновесием, склонного к заблуждениям[204]. В патографии Эриха Фромма Фрейд предстает как фанатичный борец за правду, который благодаря некоторым невротическим свойствам был вдохновлен идеей, что именно его миссия состоит в руководстве интеллектуальной революцией для преобразования мира посредством психоаналитического движения[205]. Персиваль Бейли рисует Фрейда как некоего вида эксцентричного и неуклюжего гения, ссылающегося на антисемитизм и враждебность своих коллег в оправдание своих неудач, заблуждающегося в интерпретациях фантастических теорий[206]. Маризе Чойси видит в основе его личности и деятельности слабость его либидо: «Разве в таком случае теория Фрейда не является разумным объяснением его собственного сексуального подавления?»[207] Согласно Александеру, Фрейд страдал от неразрешенного конфликта между своим пребыванием в оппозиции и стремлением быть полностью признанным[208].

Указывалось на множество других свойств личности Фрейда, которые характеризовались как невротические. Говорили, что Фрейд в иных вопросах был легковерным (например, верил военной пропаганде ведущих империй); ошибался в оценках некоторых людей; сохранял несправедливую недоброжелательность в отношении других, как и предубеждения против американской цивилизации; был нетерпим; проявлял неосторожность, говоря о некоторых своих пациентах; непомерно заботился о вопросах приоритета, притворяясь к ним равнодушным; присваивал себе происхождение многих выдающихся концепций и был рабом привычки к курению табака[209]. Даже его пуританское поведение и строгую моногамию считали ненормальными: поэтесса Анна де Ноэйль после визита к нему была шокирована тем, что человек, написавший столь многое о сексуальности, никогда не был неверен своей жене[210]. Марта Робер прощала ему пуританский образ жизни, потому

что, как она сказала, к тому времени, когда он приобрел все свои знания о сексуальности, он был слишком стар для перемен[211]. В действительности ни одно из всех приведенных свойств его личности не позволяет поставить диагноз «невроз». Гораздо более сложная проблема заключается в том, каким образом сверхчувствительность Фрейда и субъективное ощущение изоляции смогли привести его к убеждению, что его отвергли и подвергли остракизму, — убеждению, которое, как показывают все доступные документы, было необоснованным[212].

Насколько нам известно, К.Р. Эйслер был единственным автором, пытавшимся систематически исследовать Фрейда как гения[213]. В своей предыдущей книге о Гете Эйслер дал определение гениальным людям как «...личностям, способным воссоздать человеческий космос или часть его методом, понятным человечеству, и содержащие некий новый, до тех пор не осознанный аспект реальности». Гений — результат исключительного сочетания факторов и обстоятельств. В его основании лежит природный, биологический фактор: в Гете этими факторами были глубина и качество мыслительной функции, совершавшей ритуал творения; во Фрейде — совершенное владение языком. Но возникновение гения требует также наличия целого ряда факторов его окружения. Возлюбленному первенцу молодой матери, которая сама была второй женой человека по имени Якоб, старше ее по возрасту, Фрейду было предопределено судьбой раннее отождествление с библейской личностью Иосифа, толкователя сновидений, превзошедшего в этом искусстве отца и братьев. Молодой Фрейд вложил свое либидо в научную работу и собственное честолюбие; встреча с Мартой Бернайс заставила его направить часть своего либидо на Марту и во внешний мир. Но четыре года помолвки повлекли жестокое разочарование, откуда и возникла более высокая степень сублимации. Ради Марты Фрейд забросил свои научные амбиции, обратившись к клинической практике, и именно это самоотречение дало ему возможность сделать открытия в области неврозов. Ежедневная переписка с Мартой заострила его способность к психологическому наблюдению и самоанализу. Эйслер считает, что этот четырехлетний период помолвки послужил инструментом, вызвавшим реорганизацию личности Фрейда, которая, в свою очередь, сделала возможным его самоанализ, а впоследствии — постепенное проявление нового видения мира, то есть появление психоанализа[214].

Однако еще не пришло время, когда появится возможность получить поистине удовлетворительную оценку личности Фрейда. Данных все еще недостаточно (наши знания о его детстве так же скудны, как и сведения о его самоанализе до публикации переписки с Флиссом). И не столь уж невероятным представляется, что с течением времени понять его будет все труднее. Фрейд принадлежит к группе людей,

вышедших из одной и той же литейной формы, включая Крепелина, Фореля и Блейлера, прошедших длительное обучение интеллектуальным и эмоциональным дисциплинам; они были людьми высокой культуры, пуританских нравов, неограниченной энергии и строгих убеждений, которые они решительно отстаивали. Вопреки всем личным и научным расхождениям, эти люди были способны мгновенно понимать друг друга, в то время как их тип идеалиста-отшельника становился все более неестественным для гедонистического, прагматического поколения.

Современники Фрейда

Личность Фрейда, как и личность любого человека, не может быть понята полностью, если она изолирована от знаний о его современниках, об их параллелизме, о расхождениях во взглядах и о внутренних взаимоотношениях. Из этих людей мы должны выбрать Вагнера фон Яурегга, который, следуя по традиционному пути, сделал выдающиеся открытия в психиатрии, и Артура Шницлера, начинавшего свою карьеру невропатологом и ставшего одним из великих австрийских писателей.

Юлиус Вагнер фон Яурегг, сын государственного служащего, родился 7 марта 1857 года, годом позже Фрейда[215]. Согласно автобиографии, он выбрал медицину, не испытывая особого призвания к ней, и записался в Венскую медицинскую школу в октябре 1874 года (спустя год после Фрейда)[216]. В отличие от Фрейда, он закончил медицинское обучение за минимальное время, хотя также делал дополнительную работу в лабораториях, начиная с третьего года обучения. Его выдающимся учителем был профессор экспериментальной патологии Салмон Штриккер. Как и Фрейд, он опубликовал свою первую научную статью в «Трудах Императорско-Королевской академии наук» на четвертом году обучения. Он окончил Школу со званием доктора медицины 14 июля 1880 года и остался работать в лаборатории Штриккера, где встретился с Фрейдом, и они стали обращаться друг к другу по-дружески на *ты*. Осознав, что для него нет будущего в лаборатории Штриккера, Вагнер-Яурегг обращается к клинической медицине, помышляет некоторое время об отъезде в Египет, занимается исследованиями вместе с Бамбергером и Лейдесдорфом, и даже однажды он заинтересовался анестезиологическими свойствами кокаина. В 1885 году он стал приват-доцентом в невропатологии, после того как его учитель Лейдесдорф преодолел сильную оппозицию Мейнерта. Три года спустя звание приват-доцента Вагнер-Яурегга распространилось и на психиатрию. Этот шаг, которого не предпринял Фрейд, обеспечил ему возможность в будущем получить звание титулярного профессора. В 1889 году

он был приглашен на должность экстраординарного профессора психиатрии в Граце, а в 1893 году (в то время как Фрейд и Брейер только что опубликовали свой труд «Предварительное сообщение») стал титулярным профессором психиатрии в Вене.

Деятельность Вагнер-Яурегга в психиатрии увенчалась тремя главными достижениями. Во-первых, ввиду того, что кретинизм коррелирует с недостаточностью йода, и болезни можно избежать, регулярно принимая соли йода, он боролся за широкомасштабное применение этой профилактической меры, в результате чего кретинизм почти полностью исчез в определенных областях Европы. Вторым было открытие метода лечения общего пареза (состояния, которое до него считалось неизлечимым) посредством малярийной терапии. Это открытие было результатом систематических экспериментов, проводившихся в течение многих лет. Третье великое достижение заключалось в предложении и осуществлении реформы австрийского закона в отношении душевнобольных пациентов. Вагнер-Яурегг был удостоен многих почетных наград, высшей из которых стала в 1927 году Нобелевская премия. Он был первым психиатром, получившим ее.

Вагнер-Яурегг получил многостороннее воспитание, был активным альпинистом и любителем лошадей. Он писал ясным и кратким языком, избегая сравнений и литературной образности. Его преподавание считалось хорошим, но не отличалось красноречием. Его манеры в отношениях со студентами, как говорили, были одновременно властными и доброжелательными. Кроме преподавания, исследований, выполнения больничных обязанностей и частной практики, он принимал активное участие в работе многих научных обществ и в академической деятельности.

Личностные ориентации Фрейда и Вагнер-Яурегга настолько различались, что трудно было ожидать от них взаимного понимания. Вагнер-Яурегг полностью признавал ценность неврологической работы Фрейда и, возможно, его ранних исследований неврозов, но не мог принять как научно обоснованные его более поздние работы, такие, как интерпретацию сновидений и теорию либидо. Было много сказано о враждебности Вагнер-Яурегга в отношении Фрейда, хотя в автобиографии Вагнер-Яурегг настаивал на том, что никогда не допускал враждебных высказываний в адрес Фрейда, за исключением нескольких слов в виде острот в частных кругах. Однако один из его учеников, Эмиль Райман, стал резким противником Фрейда, и казалось, что Фрейд возлагал на Вагнер-Яурегга вину за его враждебные нападки. Вагнер-Яурегг сказал, что Фрейд, будучи человеком нетерпимым, не мог понять, что кто-то другой мог позволить своим ученикам иметь собственные мнения, но по требованию Фрейда просил Раймана прекратить критику Фрейда,

чему Райман и подчинился. Когда, наконец, в 1920 году Фрейд получил звание ординарного профессора, именно Вагнер-Яурегг написал отчет, рекомендующий его номинацию. Фрейдисты указывают на то обстоятельство, что в конце этого отчета Вагнер-Яурегг сделал описку, рекомендуя Фрейда на звание «экстраординарного» профессора, а затем вычеркнул префикс «экстра». Из этого можно сделать вывод, что Вагнер-Яурегг писал этот отчет неохотно и поддержал кандидатуру Фрейда только из профессорской солидарности.

Множество противоречивых утверждений возникло вокруг так называемого процесса Вагнер-Яурегга в 1920 году, — события, к которому мы вернемся[217]. Даже если экспертный отчет Фрейда о процессе Вагнер-Яурегга был умеренным в терминологии, ясно, что он тоже, в свою очередь, писал его неохотно. Это нежелание проявилось более открыто во время дискуссий, и Вагнер-Яурегг негодовал по этому поводу, как мы узнаем из его автобиографии. Когда эти два человека постарели и приобрели мировую славу, они все-таки обменялись поздравлениями друг друга с восьмидесятилетием в почти королевской манере. Как сказал Эйслер:

> Учитывая огромное различие в личности и темпераменте, можно было ожидать развития личной вражды между Фрейдом и Вагнером. Дружба, существовавшая между ними в юности, однако, пережила все превратности жизни. Взаимное уважение и дружеское почтение не оказались разрушенными вследствие различия научных взглядов, и это воистину образцовый эпизод в биографиях двух исследователей[218].

Параллели между Зигмундом Фрейдом и Артуром Шницлером проводились неоднократно. В письме к Шницлеру по случаю его шестидесятилетия Фрейд писал: «Я должен признаться вам... Думаю, что избегал вас из некоего страха найти своего двойника *(Doppelgänger-Scheu)*[219]. Подобно Фрейду, Шницлер принадлежал к еврейской семье, оборвавшей связи с религией своих предков. Он родился в Вене 15 мая 1862 года (будучи, таким образом, на шесть лет моложе Фрейда). Его отец, известный ларинголог и профессор в Венском университете, был издателем медицинского журнала, а среди его пациентов были актрисы и оперные певцы. Артур изучал медицину в Вене в период от 1879 до 1885 года и, таким образом, окончил медицинскую школу через три года после Фрейда. Как и Фрейд, он провел три года в Венском общем госпитале, был учеником Мейнерта и заинтересовался текущими дискуссиями об истерии и гипнозе. Его первая статья касалась шести пациентов, которых он вылечил от истерической афонии за один-два сеанса гипноза на каждого. Он предпочитал называть болезнь функциональ-

ной афонией, так как у него были некоторые сомнения относительно диагноза и концепции истерии[220].

Следуя примеру отца, Шницлер с увлечением начал заниматься медицинской журналистикой. Он публиковал в «Wiener Medizinische Presse» отчеты о собраниях Императорско-Королевского общества врачей, и таким образом случилось, что он присутствовал на собрании 15 октября 1886 года, на котором Фрейд говорил о мужской истерии[221]. В последующей статье, вспоминая острую дискуссию, Шницлер выразил свои опасения, что, как следствие, на будущих собраниях будет представлено множество случаев предполагаемой мужской истерии; но преувеличенная обеспокоенность, сказал он, конечно, принесет больше пользы науке, чем негативное отношение[222]. Шницлер также поместил много обзоров медицинских книг в «Internationale Klinische Rundschau», предпочитая писать о книгах, посвященных истерии, неврозу и гипнозу. Комментируя переводы Фрейда книг Шарко и Бернгейма, он хвалил его способности переводчика, но сомневался в некоторых вопросах содержания. В своем обзоре книги Бернгейма о внушении Шницлер говорил о «позировании» и «лицедействе» гипнотизируемого индивида, опираясь на свой собственный опыт[223]. Подобным образом Шницлер воздал должное Льебо, но сожалел об «изобретательных фантазиях» (*geistvolle Phantasterei*), доставлявших автору несомненное удовольствие. 14 октября 1895 года, когда Фрейд прочел свою прославленную статью в Доктор-коллегии, предложив в ней свою классификацию четырех основных видов неврозов с особым сексуальным происхождением каждого, именно Шницлер написал наиболее исчерпывающий и объективный обзор этой статьи[224].

Между тем интерес и время Шницлера все более поглощались литературой и театром, и его практика постепенно сокращалась. Бурные любовные романы с актрисами заставляли его страдать, но обеспечивали материалами для пьес. Примерно в 1890 году он собрал группу из молодых одаренных австрийских поэтов и драматургов, назвавших себя Молодой Веной[225]. Литературная слава Шницлера началась с пьесы «Анатоль», истории венского плэйбоя того времени[226]. Один из эпизодов пьесы касается гипноза: Макс поздравляет Анатоля с методом, посредством которого тот гипнотизирует свою молодую любовницу, заставляя ее играть различные роли. Он предполагает, что с помощью гипноза Анатоль выяснит, верна ли она ему. Анатоль гипнотизирует Кору, которая рассказывает, что ей двадцать один год, а не девятнадцать, как она внушала ему раньше, и что она любит его. Анатоль боится задавать ей новые вопросы и пробуждает ее. Макс делает вывод: «Одно стало мне ясно, что мы, мужчины, также лжем под гипнозом».

Одна из следующих пьес Шницлера, «Парацельс», также затрагивает вопросы гипноза[227]. В шестнадцатом веке, в Базеле, Парацельс отвергается властями как шарлатан, но он притягивает внимание масс и творит чудесные исцеления. Он гипнотизирует Жюстину, жену богатого гражданина, провозглашая, что может заставить ее увидеть во сне все, что она пожелает. Затем Жюстина заявляет о поразительных откровениях. Никто не знает, насколько они правдивы. Момент, в который она пробуждается от гипноза, ничего не проясняет. Мораль пьесы — относительность и неуверенность не только в гипнозе, но и в самой душевной жизни. Парацельс настаивает на том, что, если бы человек смог увидеть свои прошедшие годы как на картине, он вряд ли смог бы узнать их, «так как память предает почти так же, как надежда»; что мы всегда разыгрываем некую роль даже в наиболее интимных делах, и что «тот, кто знает об этом, мудрый человек». «Парацельс» Шницлера, таким образом, дает совершенно другое представление о гипнозе и душевной жизни, чем результаты исследований истерии Брейера и Фрейда. Брейер и Фрейд, казалось, воспринимали откровения своих гипнотизированных субъектов как истину и строили свои теории на этой основе, в то время как Шницлер всегда подчеркивал элемент выдумки и притворства в гипнозе и истерии.

Черты сходства между Шницлером и Фрейдом не следует переоценивать. Если Фрейд ввел в психотерапию метод свободной ассоциации, Шницлер был одним из первых, кто написал роман полностью в стиле «потока сознания»[228]. Общим для Фрейда и Шницлера был их интерес к сновидениям. Говорят, что Шницлер записывал собственные сновидения и широко использовал их мотивы в своих произведениях. В его романах люди видят сновидения, в которых недавно произошедшие события, воспоминания о прошлом и современные заботы искажены и перемешиваются во всевозможных вариациях. Но в них нет ничего от «фрейдистских символов», и, вопреки их искусственной красоте и богатству, эти сновидения содержат мало материала для психоаналитических интерпретаций. Та же независимость от психоанализа Фрейда показана в романе Шницлера «Госпожа Беата», истории инцеста между юношей и его вдовой матерью[229]. В нем нет и намека на эдипов комплекс или на ситуции, произошедшие в детстве; необычайное стечение обстоятельств, кажется, делает исход почти неизбежным.

Первая мировая война заставила множество мужчин задуматься о трагедии, в которой они принимали участие. Фрейд закончил свои «Размышления о войне и смерти» утверждением, что агрессивные инстинкты оказались сильнее, чем о них думал современный цивилизованный человек, и рассматривал регулирование и направление агрессивности как главную проблему[230]. Шницлер оспаривал роль

ненависти: ни солдаты, ни офицеры, ни дипломаты, ни политики не испытывали реальной ненависти к врагу[231]. Ненависть искусственно вводится в публичное мнение представителями прессы. Истинные причины войны — злобность горстки индивидуумов, имеющих обоснованный интерес в производстве оружия; тупость нескольких представителей власти, прибегающих к войне для разрешения проблем, которые можно было бы устранить другим путем; а кроме того, неспособность масс зримо представлять истинную картину войны. И, наконец, идеология войны навязывается людям посредством псевдофилософских и псевдонаучных утверждений и фальшивых политических понятий о гражданском долге, использующих эмоционально заряженную лексику. Предотвращение войны, сказал Шницлер, повлекло бы за собой искоренение всех возможностей спекуляции, создание постоянно действующего Парламента Наций для разрешения проблем, устранение которых обычно предоставляется войне; разоблачение военной идеологии и подавление милитаристов.

После Первой мировой войны новое австрийское поколение презирало Шницлера как прототип «коррумпированного духа разлагающейся монархии» и «фривольной жизни венского развращенного общества». В 1927 году он опубликовал брошюру «Дух в работе и дух в сражении» — любопытную попытку разобраться в типологии таких различных людей, как поэт, философ, священник, журналист, герой, организатор, диктатор и т. п.[232]. Еще одно собрание мыслей и фрагментов потребовало бы только небольшой систематизации, чтобы очертить контуры философии[233]. Шницлер проявил гораздо меньший скептицизм, чем можно было ожидать от него на основании его более ранней литературной работы. Он занял позицию, отвергающую теорию универсального детерминизма. Он рассматривал свободу воли не только как основу нравственности, но и как основу эстетики; здесь выражалась его вера в существование Бога, хотя и в завуалированных выражениях.

Оба, и Фрейд, и Шницлер, испытывали страдания в конце жизни, Фрейд — от рака, Шницлер — из-за отосклероза. В те последние, наполненные болью годы Шницлер написал роман, который, по общему мнению, является шедевром, «Полет во тьму». Субъективное состояние ума человека-шизофреника описывается таким образом, что, когда развитие болезни доходит до грани убийства его брата-врача, этот замысел оказывается доступным для понимания читателя[234].

Фрейд видел элементы сходства в собственном мышлении и в мышлении Шницлера, но Шницлер, вопреки своему восхищению работами Фрейда, подчеркивал свое неприятие главных принципов психоанализа[235]. Оба ученых в действительности исследовали, каждый своими методами, одну и ту же сферу, но пришли к различным выводам. Легко

вообразить, какой вид глубинной психологии мог создать Шницлер: он бы подчеркнул разыгрывание роли и наличие лживого элемента в гипнозе и истерии; ненадежность памяти; мифопоэтическую функцию бессознательного; скорее тематический, чем символический элемент в сновидении, и в большей степени самообманчивый, чем агрессивный компонент в происхождении войны. Он мог бы также писать философские эссе в менее пессимистическом ключе, чем Фрейд. Каждый волен рассуждать о том, какие литературные возможности открылись бы Фрейду, если бы он оставил медицину, чтобы развивать свой великий талант писателя. Эмми фон Н., Элизабет фон Р. и юная Дора могли бы стать героинями историй в стиле Шницлера. Наваждения Человека-Волка могли оказаться темой жутковатого романа в стиле Гофмана, а рассказ о Леонардо да Винчи мог бы затмить исторические романы Мережковского. Роман Фрейда о жестоком старом отце и его компании мог бы довести до совершенства литературный жанр доисторических романов, который братья Росни сделали популярным во Франции, хотя Фрейд задумал бы его в стиле Германа Гессе[236]. Из его истории о Моисее мог бы получиться роман, сравнимый с библейскими романами Шолома Аша и Томаса Манна. Тогда для учеников Шницлера оставалось бы только анализировать такие произведения и воссоздавать психологическую систему, подразумеваемую в них. Однако Фрейд устранился от этой возможности, так как выбрал для себя психологию, задавшись целью пристроить к науке некую систему той психологической интуиции и знания, которыми обладают великие писатели.

Работа Фрейда: I — От микроскопической анатомии к теоретической неврологии

О работе Фрейда написано столь много отчетов, что мы попытаемся привести здесь более чем краткое обозрение, уделяя особое внимание их источникам, отношению к современной науке и особенно направлению их эволюции.

Первые историки психоанализа разделяли научную карьеру Фрейда на предпсихоаналитический и психоаналитический периоды. Они рассматривали Фрейда как невропатолога, оставившего свое первое призвание, чтобы основать новую психологию. Позже было признано, что знание первого периода необходимо для полного понимания рождения психоанализа. Даже более близкое рассмотрение фактов открывает определенную линию эволюции, проходящую сквозь предпсихоаналитический период.

Когда девятнадцатилетний студент Зигмунд Фрейд начал заниматься исследованиями в Институте сравнительной анатомии профессора Клауса, он был вовлечен в работу особенно изнурительного характера. Работа с микроскопом была школой научного аскетизма и самоотречения. Агассиз хорошо описал длительную и напряженную тренировку глаз, руки и интеллекта, необходимую для того, чтобы человек смог эффективно работать с микроскопом или телескопом:

> Думаю, что люди в большинстве своем не осознают трудность микроскопического наблюдения и количество времени, затрачиваемого на болезненную подготовку, которая требуется просто для того, чтобы приспособить органы зрения и осязания для этой работы... Человеку кажется легким занятием сидеть и смотреть на объекты через стекло, увеличивающее все для его видения; но существуют объекты для микроскопического исследования до такой степени неразличимые, что студент должен соблюдать специальную диету, прежде чем заняться своим исследованием, для того чтобы даже пульсация крови в его артериях не нарушала устойчивости взгляда, а состояние его нервной системы было столь спокойным, что все тело часами оставалось в строгом подчинении его фиксированному и сконцентрированному пристальному взгляду[237].

Часто требовались годы тренировки, прежде чем молодой ученый становился способным сделать свое первое открытие, и, как указывает Агассиз, работа всей жизни ученого могла уложиться в одну фразу[238]. Но даже такие эксперты этого метода не были защищены от самообмана: Геккель описал и проиллюстрировал воображаемые конфигурации, подтверждавшие его теории, в результате чего был обвинен в мошенничестве; Мейнерт описал несуществующие участки в мозговом веществе, а несколько поколений астрономов видели и наносили на карты «каналы» на Марсе.

Молодому студенту обычно давали небольшой участок исследования, ровно такой, чтобы можно было проверить его способности получать результаты. Первое исследование Фрейда относилось к структуре половой железы угря. Джонс рассказывал, как Фрейд расчленил порядка четырехсот угрей, но не смог прийти к какому-либо решающему выводу. Тем не менее Клаус был удовлетворен работой Фрейда и представил его статью в Академию наук, но все же Фрейд был разочарован[239]. (Очевидно, честолюбивый молодой человек еще не понял философии микроскопических исследований.)

В течение шести лет, проведенных в лаборатории Брюкке, Фрейд исследовал на высоком уровне ограниченные объекты. В те времена анатомия мозга была подобна новому материку, где любой усердный

исследователь мог сделать открытия. Для такого завершения работы существовали три возможных подхода: первый представлял собой рутинное исследование новых случаев посредством современного оборудования; второй — усовершенствование нового оборудования (как, например, микротомов или окрашивающих агентов) для получения новых возможностей для исследований; и третий — концептуализация (подход, используемый теми, кто представлял нейронную теорию). Фрейд пытался использовать все три подхода поочередно. Он начал с узкого исследования некоторых клеток в спинной хорде определенного вида рыб, Petromyzon[240]. В этом случае опять учитель был удовлетворен результатами в большей степени, чем ученик. Следует отметить высокое качество стиля, которым была написана эта техническая статья. Затем Фрейд обратился к исследованиям менее известных областей нервной системы. Таковой явилась его работа о *corpus restiforme* и о клетках акустического нерва. Это был тип работы, посредством которой такие люди, как Огюст Форель и Константин фон Монаков, прославились в мире невропатологов. Что касается второго подхода, Фрейд ввел метод окрашивания хлоридом золота, который, однако, не дал единообразных результатов, а потому не нашел широкого применения[241]. С концептуальной точки зрения, Фрейд написал статью «О структуре элементов нервной системы», которую некоторые историки рассматривают как предвосхищение теории нейрона[242].

В течение трех лет своей ординатуры в Венском общем госпитале Фрейд впервые вошел в контакт с пациентами, и в связи с этим обстоятельством его исследования соответственно изменились. То был период его опытов с кокаином, в то же время он также экспериментировал с анатомо-клиническим методом, то есть с проверкой клинических диагнозов на основании результатов аутопсии. Фрейд продемонстрировал мастерство в этом искусстве и опубликовал три случая болезней, диагностированных им в 1884 году[243, 244, 245].

В последующий период, когда Фрейд ушел из Венского общего госпиталя и из лаборатории Мейнерта, он обратился к чисто клинической невропатологии. В то время невропатолог сильно зависел от больницы или института в подборе исследуемых пациентов. Фрейду предложили руководство невропатологией в Институте Кассовица, где он обследовал так много детей с церебральным параличом, что стал специалистом в этом заболевании. В 1891 году он смог опубликовать вместе с Оскаром Рие исследование тридцати пяти случаев гемиплегии* при церебральном параличе[246]. Это исследование указало на существование двух экстремальных типов, один — с острой атакой паралича, а другой —

* Гемиплегия — паралич половины тела. — *Прим. пер.*

с постепенным развитием хореи (пляски святого Витта), а также на все промежуточные комбинации симптомов. Это исследование продемонстрировало пример того, что позже Фрейд назвал дополнительными последствиями.

В 1891 году Фрейд опубликовал книгу об афазии*, посвятив ее Йозефу Брейеру[247]. Эта книга долго не попадала в поле зрения психоаналитиков; позже ее стали восхвалять как веху в истории исследования афазии и провозвестницу более поздних психоаналитических концепций. В действительности легче утвердить ее значение в эволюции работ Фрейда, чем в истории исследования афазии. В те времена нахлынула лавина работ об афазии. Сегодня эти сочинения не столь доступны; многое в них написано в стиле современной мифологии о мозге. Превалировавшие теории афазии, такие, как теории Вернике и Лихтгейма, были основаны на предположении, что сенсорные образы хранятся в определенных центрах мозга, и повреждения в этих областях становятся причинами афазии. В ранние 1880-е годы Гейман Штейнталь[248] предложил то, что сегодня назвали бы динамической теорией афазии, но, будучи лингвистом, был проигнорирован невропатологами[249]. Историки афазии[250] указывают на то, что за период времени от Бастиана до Дежерена произошло постепенное признание динамических факторов афазии. В этой монографии Фрейд предзнаменовал концепции Дежерена; возможно, он первым на континенте сослался на работу Хьюлингса Джексона**, ввел и определил термин «агнозия»***. Очевидно, Фрейд не считал эту работу главным вкладом в проблему афазии; это была теоретическая дискуссия без привлечения новых клинических наблюдений или новых патологических находок. Традиционную историю о том, что книга Фрейда об афазии не встретила признания и никогда не цитировалась авторами впоследствии, по меньшей мере, следует считать преувеличением[251].

В 1892 году ученик Фрейда, Розенталь, опубликовал в медицинской диссертации результаты пятидесяти трех случаев наблюдения двусторонней формы церебрального паралича, с которыми он столкнулся, работая у Фрейда[252]. В 1893 году Фрейд распространил его концепцию двустороннего церебрального паралича на детские заболевания[253]. В анонимном книжном обозрении были приведены доводы, касающиеся того, что Фрейд описал патологическую анатомию этого заболевания, пользуясь не собственными наблюдениями, а скомпилировав открытия

* Афазия — потеря речи. — *Прим. пер.*

** Джон Хьюлингс Джексон — английский невропатолог, в 1876 году предвосхитил более поздние открытия, связанные с поражениями задней части правой половины головного мозга. — *Прим. пер.*

*** Агнозия — нарушение процессов узнавания. — *Прим. пер.*

других авторов, что привело к тому, что физиопатологические интерпретации Фрейда оказались неубедительными, так как предполагаемая им связь между определенными группами симптомов и определенными этиологическими факторами была недостаточно подкреплена фактами[254]. С другой стороны, исследование Фрейда заслужило высочайшую похвалу Пьера Марийе, и Фрейд написал статью на французском языке на ту же тему для «Revue Neurogique»[255].

Репутация Фрейда как специалиста по церебральному параличу теперь установилась настолько прочно, что Нотнагель просил его написать монографию на эту тему, которая и появилась, несколько запоздав, в 1897 году[256]. Эта работа получила громадное одобрение во Франции Бриссо и Реймона[257]. В Бельгии теория Фрейда о церебральном параличе и его классификация на субформы были восприняты критически ван Гехухтеном, который нашел концепцию искусственной, не имеющей под собой никакого анатомо-патологического обоснования[258]. Эти факты представляют некоторый интерес, так как показывают, что в свой невропатологический период Фрейд тоже получал и хвалу, и критику, вопреки мнению, что не заслуживал ничего, кроме похвал, пока был невропатологом, и ничего, кроме оскорблений, как только обратился к исследованию неврозов. С самого начала для Фрейда была характерна тенденция делать дерзкие обобщения, отчего он и подвергался критике.

Таким образом, мы видим, что в течение двадцати лет его предпсихоаналитического периода Фрейд прошел длительный путь эволюции, продвигаясь от микроскопической анатомии к анатомо-клинической невропатологии, а затем — к чисто клинической неврологии, и даже к виду неклинической, теоретической неврологии, проявившейся в его книге об афазии. Эта последняя тенденция должна была достичь своей кульминационной точки в труде «Проект научной психологии», к которому мы теперь обращаемся.

Работа Фрейда: II — Поиск психологической модели

Существуют два способа построения психологической теории. Первый — собрать факты и найти общие факторы, из которых вывести законы и обобщения. Второй — построить теоретическую модель и проверить, в какой степени ей соответствуют факты, чтобы исправить модель, если это необходимо. Следуя тенденции, распространенной в его время, Фрейд предпочел избрать для себя второй способ. Мейнерт числил себя среди тех, кто пытался коррелировать психологические функции со структурой мозга, но, к несчастью, часто и сам незаметно проскальзывал в мифологию мозга. Другие, вдохновленные

психофизикой Фехнера, постулировали существование нервной энергии, пользуясь моделью физической энергии, и пытались выражать психические явления в терминах этой гипотетической нервной энергии. Предпринимались и еще более дерзкие попытки — интерпретировать психические явления как в терминах анатомии мозга, так и в терминах нервной энергии.

Фрейд посвятил много времени и забот разработке теоретической модели такого рода. В его переписке с Флиссом сохранился набросок 1895 года, известный как «Проект научной психологии»[259]. Студенты, изучавшие психоанализ, соглашались в отношении двух фактов: во-первых, что эта модель была весьма искусной, а во-вторых, она может помочь нам понять происхождение определенных психоаналитических концепций.

Главной идеей «Проекта» является корреляция психологических процессов с распределением и циркуляцией количеств энергии сквозь определенные слои материи, то есть гипотетические структуры мозга.

Согласно Фрейду, количество энергии равняется сумме возбуждений, зарождающихся или во внешнем мире через сенсорные органы, или во внутреннем мире, то есть в теле. Количество энергии управляется двумя принципами: инерцией, представляющей тенденцию к полному разряду энергии, и устойчивостью, которая представляет тенденцию сохранять постоянной сумму возбуждений.

Материальными элементами, по Фрейду, являлись нейроны, которые, по его постулату, делятся на три типа. Нейроны типа «phi» получают количества возбуждения из внешнего мира, но не сохраняют их текущие значения, так как управляются принципом инерции. Нейроны типа «psi» получают возбуждения от тела или от нейронов типа «phi», но в силу того, что управляются принципом устойчивости, сохраняют следы любого полученного раздражения; они, следовательно, составляют основу памяти. Нейроны типа «omega» получают возбуждения от тела и от нейронов типа «phi» и характеризуются особым свойством — преобразовывать количество в качество вследствие периода движения. Эти нейроны составляют основу восприятия. Принцип удовольствия-неудовольствия поясняется в том смысле, что неудовольствие — возрастание количественного уровня возбуждения, а удовольствие — разряд этого количественного уровня.

Эго — некая организация нейронов, наделенная постоянным запасом количества возбуждения, оно способно запретить поступление возбуждения. Таким образом, обеспечивается критерий реальности; исследование реальности приравнивается к запрету, накладываемому эго.

Фрейд различал первичный и вторичный процесс. В первичном количество возбуждения стимулирует образы из памяти в psi-нейронах

и затем обращается к omega-нейронам, приводя к галлюцинации; в этом процессе энергия является тонической и связанной, а галлюцинации контролируются через подавляющее эго.

Это — некоторые из основных принципов «Проекта» 1895 года; они развились в чрезвычайно сложную систему; внутри ее границ почти любая психологическая функция и несколько психопатологических проявлений получали объяснение.

Для того чтобы сделать «Проект» доступным пониманию, его следовало поместить в контекст, то есть в длинную линию эволюции, начавшуюся с Гербарта. Сквозь все девятнадцатое столетие анатомия мозга и психология выстраивались на научной и экспериментальной основах, но параллельно существовала линия умозрительной анатомо-психологии, которая в конце столетия получила название *Hirnmythologie* (мифологии мозга). Довольно любопытно, но иногда те же самые люди, бывшие первооткрывателями научной анатомо-психологии мозга, не отказывали себе в удовольствии заниматься его мифологией, хотя считали себя «позитивистами» и пренебрегали натурфилософией. «Проект» Фрейда — не что иное, как поздний отпрыск этой гипотетической последовательности. Его изначальную динамико-гипотетическую философию можно проследить в обратном направлении до Гербарта, а огромную часть ее, касающуюся энергетики, — до Фехнера[260]. Принцип инерции и принцип устойчивости весьма похожи на то, что Фехнер называл абсолютной стабильностью и относительной стабильностью. Фехнер уже соединил принцип удовольствия-неудовольствия с идеей приближения и отступления от относительной стабильности, а также приравнял количество восприятия с периодичностью стабильного движения. Эти принципы Фехнера позже были дополнены Генрихом Саксом в его не внушающем доверия законе о постоянстве психической энергии: «Сумма напряжений всех присутствующих молекулярных волн является, внутри определенных временных пределов, в одном и том же индивиде приблизительно постоянной»[261]. Три других основных источника «Проекта» — это Брюкке, Мейнерт и Экснер. Все это хорошо представлено в исследовании Петера Амахера[262].

Брюкке был одним из тех, кто упрощал психологию до неврологии и объяснял все функционирование нервной системы как комбинацию рефлексов[263]. Стимуляция одних и тех же органов определяла количества возбуждения, которые передавались через нервную систему, перемещаясь из клетки в клетку, и часто аккумулировались в определенных центрах, пока не разряжались в виде движений. Брюкке, так же как Мейнерт и Экснер, беспристрастно описывал психические процессы как в физических, так и в психологических терминах.

Мейнерт, кроме того, описывал психологические процессы в терминах количеств возбуждения и рефлекторной неврологии, хотя и с большей тщательностью, чем Брюкке[264]. Он перенял от Гербарта и английских эмпириков доктрину ассоциативности, но упростил ее, подобно Брюкке, до рефлекторной неврологии, и до своих собственных концепций структуры и функционирования мозга. Он различал два вида рефлекторных реакций: те, которые определяются при рождении, следующие подкорковыми путями, и те, которые приобретаются и распространяются в коре мозга. Существовали ассоциативные узлы между корковыми центрами, и когда происходило одновременное поступление возбуждения в два центра, образовывался корковый путь и возникало явление индукции, физически сопутствующее ассоциации и элементарной логической функции. Такие опыты, начинающиеся с первого дня жизни, развивали систему корковых проводящих путей (то есть ассоциаций), составляющих начальное эго, это ядро индивидуальности. Позже создается вторичное эго, исполняющее функции управления первичным эго и являющееся субструктурой упорядоченных процессов мышления. Как клинический врач Мейнерт описал *amentia,* психическое состояние с бессвязными галлюцинациями и заблуждениями, воспроизводящее состояние инфантильной потери ориентации, смятения, когда не существует контроля со стороны эго. Мейнерт приравнивал корковую активность сновидения к корковой активности, приводящей к слабоумию.

Экснер, третий из невропатологических учителей Фрейда, опубликовал свой труд «Entwurf» («Эскиз») в 1894 году; его можно считать синтезом систем Брюкке и Мейнерта[265]. В то же время, однако, появилась теория нейрона, и Экснер обсуждал, как количество возбуждения можно было бы переносить в точки пересечения нейронов, где, как он был убежден, происходит суммирование возбуждений. Экснер также предполагал, что точки пересечения нейронов могут испытывать изменения в течение жизни индивида, хотя бы на уровне одновременного возбуждения двух клеток. Экснер назвал этот процесс *Bahnung* (прорытие каналов), посредством которого одновременное возбуждение двух корковых клеток могло бы открыть нервный проводящий путь между ними и переносить возбуждение из одной клетки в другую, тогда любой из них впоследствии овладевает возбуждение. Он описывал эмоциональные центры, особенно болевые центры, центры неудовольствия. Под именами инстинктов он описывал ассоциации между идеями и эмоциональными центрами. Он широко развивал свою неврологическую психологию, давая объяснения восприятию, суждению, памяти, мышлению и другим психическим процессам.

«Проект» Фрейда 1895 года можно рассматривать как логическое развитие теорий его предшественников, особенно его учителей Брюкке,

Мейнерта и Экснера. Это — результат и наследие столетнего существования мифологии мозга. Видимо, именно поэтому Фрейд забросил свой «Проект», как только закончил его. Но многим идеям, сформулированным в «Проекте», суждено было появиться в виде различных новых форм в последующих психоаналитических теориях Фрейда.

Работа Фрейда: III — Теория неврозов

Обстоятельства, приведшие Фрейда к построению новой теории неврозов, принадлежат как к духу времени, так и к специфическим личным переживаниям. Перейдя от невроанатомии к анатомо-клинической неврологии, а от нее к динамической концепции неврозов, Фрейд следовал современному паттерну, также иллюстрированному Шарко, Форелем и позже Адольфом Мейером. Невропатология (в те времена весьма отличавшаяся от психиатрии) начинала обретать вид модной медицинской специализации. Два личных переживания ориентировали Фрейда в направлении этого пути: его визит к Шарко и история пациентки Брейера Анны О.

Фрейд усмотрел отправную точку психоанализа в опыте Брейера с Анной О. До сего дня наиболее простые отчеты о психоанализе начинаются с истории этой молодой женщины, «многочисленные истерические симптомы которой исчезали один за другим по мере того, как Брейер обретал способность заставить ее вспомнить те специфические обстоятельства, которые приводили к появлению этих симптомов». Вуаль легенды, окутывавшая эту историю, была лишь частично приподнята при объективном исследовании.

Эрнст Джонс открыл реальное имя пациентки: Берта Паппенгейм (1860–1936). Ее жизнь стала известна благодаря краткой биографической справке, опубликованной после ее смерти[266], и небольшой биографии, написанной Дорой Эдингер[267]. Берта Паппенгейм принадлежала к известной старинной еврейской семье. Ее дед, Вульф Паппенгейм, был выдающейся личностью Прессбургского гетто, а отец, Зигмунд Паппенгейм, — преуспевающим купцом в Вене. Мало что известно о ее детстве и юности. Она получила прекрасное воспитание, в совершенстве владела разговорным английским и читала по-французски и по-итальянски. Согласно ее собственным словам, она вела обычную жизнь молодой женщины из высшего венского общества, много занималась рукоделием, занятиями на воздухе, включая верховую езду. В биографических заметках от 1936 года ничего не говорилось о нервной болезни, перенесенной ею в юности. Сообщалось, что после смерти отца Берта с матерью покинула Вену и переехала во Франкфурт-на-Майне, где она

постепенно втянулась в общественную работу. В конце 1880-х годов она начала проявлять замечательную филантропическую активность. В течение почти двенадцати лет она была директором еврейского сиротского приюта во Франкфурте. Берта Паппенгейм путешествовала по Балканским странам, Ближнему Востоку и России, исследуя положение с проституцией и белым рабством. В 1904 году Берта основала *Jüdisher Frauenbund* (Лигу еврейских женщин), а в 1907 году — учительский институт, ставший филиалом этой организации. Среди ее многочисленных сочинений есть короткие рассказы, театральные пьесы на социальные темы, описания путешествий, исследования условий существования еврейских женщин и преступности среди евреев. В последние годы жизни она заново редактировала древние религиозные работы, придавая им современную форму, и историю своих предков с подробными генеалогическими таблицами. В конце жизни ее описывали как глубоко религиозную, не терпящую возражений, властную личность, абсолютно бескорыстную и преданную своей цели. Она сохранила от своего венского воспитания живое чувство юмора, вкус к хорошей пище и любовь к прекрасному и владела внушительной коллекцией кружев, фарфора и посуды. Берта Паппенгейм скончалась в марте 1936 года, достаточно рано, чтобы избегнуть судьбы мученицы, но достаточно поздно, чтобы предвидеть грядущее истребление своего народа и разрушение работы всей ее жизни. После владычества нацистов ее вспоминали как почти легендарную личность, до такой степени, что правительство Западной Германии почтило ее память в 1954 году, выпустив почтовую марку с ее портретом.

Существует широкая пропасть между описанием еврейского филантропа и инициатора социальной работы Берты Паппенгейм и истеричной пациентки Брейера Анны О. Ни одно обстоятельство в биографии Берты Паппенгейм не дает нам повода догадаться, что она и была Анной О., и ничто в истории Анны О. также не дает нам оснований для мысли, что она станет известной как Берта Паппенгейм. Если бы Джонс не раскрыл нам тождества этих двух личностей, вероятно, никто не смог бы сделать того же[268]. Что же касается истории Анны О., существуют две версии, одна из которых была дана Брейером в 1895 году[269], а другая — Джонсом в 1953[270].

Согласно Брейеру, фрейлейн Анна О. была привлекательной молодой женщиной, наделенной сильным характером и богатым воображением. Она была добра и отзывчива, но страдала из-за некоторой эмоциональной нестабильности. Она воспитывалась в строгой пуританской семье, и существовал некий контраст между полученным ею утонченным воспитанием и монотонной домашней атмосферой, окружавшей ее в родительском доме. Это обстоятельство вынуждало ее погружаться

в мир грез, который она называла своим личным театром. Ее болезнь, по свидетельству Брейера, претерпела четыре периода:

> С июля по декабрь 1880 года она заботилась о своем тяжело болевшем отце и проявляла признаки физической слабости. Эту стадию Брейер назвал скрытым инкубационным периодом.
>
> С декабря 1880 года по апрель 1881 наступил период проявившегося психоза. За небольшой промежуток времени появилось огромное количество симптомов: параличи, конвульсии, нарушения зрения, лингвистическое расстройство; она разговаривала на каком-то лишенном грамматических правил жаргоне; ее личность претерпела расщепление на одну из нормальных, сознательных, печальных личностей и на другую, патологическую, несдержанную, возбужденную, которая иногда подвергалась галлюцинациям в виде черных змей. В течение этого периода Брейер часто навещал ее; под гипнозом она рассказала ему о своих недавних грезах, после чего почувствовала облегчение. Именно это она назвала своим говорящим лечением.
>
> С апреля по декабрь 1881 года ее симптомы заметно ухудшились. Смерть отца 5 апреля явилась для нее тяжелым шоком. Она не узнавала никого, за исключением Брейера, которому иногда приходилось ее кормить, и разговаривала только по-английски. Ее перевезли в частный санаторий вблизи Вены, где Брейер навещал ее каждые три-четыре дня. Ее симптомы теперь подчинялись некоему регулярному циклу и облегчались посредством гипнотических сеансов Брейера. Вместо того чтобы рассказывать ему о своих грезах, она говорила ему о своих недавних галлюцинациях.
>
> С декабря 1881 года по июнь 1882 года выздоровление происходило медленно. Две ее личности теперь четко разделялись, и Брейер мог заставить ее перейти в другую личность, показав ей апельсин. Основной особенностью раздвоения оказалось то, что ее больная личность жила во времени, запаздывающем от реального на 365 дней. Благодаря дневнику, который вела ее мать, Брейер был в состоянии проверять, что события, приходившие к ней в галлюцинациях, случались точно, день в день, на год ранее. Однажды, находясь под гипнозом, она рассказала, как испытываемые ею трудности при глотании воды начались после того, как она увидела собаку, пьющую из ее стакана. Как только она рассказала об этом, симптом исчез. С этого времени началась другая стадия лечения. Она рассказывала Брейеру в обратном хронологическом порядке о каждом проявлении определенного симптома с точными датами, до тех пор, пока не достигала первоначального проявления и исходного события, после чего симптом исчезал. Брейер искоренял каждый симптом таким утомительным способом. Наконец, последний симптом привел ее к инциденту, произошедшему в то время, когда она ухаживала за больным отцом; случилась галлюцинация с черной змеей, Анна была подавлена и шептала молитвы на английском языке, единственном, кото-

рый в тот момент пришел ей на ум. Как только ей открылось это воспоминание, исчез паралич ее левой руки, и она смогла снова говорить по-немецки. Анна решила и объявила об этом заранее, что будет исцелена в конце июня 1882 года, ко времени ее летних каникул. Затем, согласно Брейеру, она выехала из Вены и отправилась путешествовать, но потребовалось еще некоторое время для восстановления ее полного равновесия.

Современные отчеты о болезни Анны О. не подчеркивали необычные черты этой истории: во-первых, сосуществование одной личности, живущей в настоящем времени, с другой, живущей на 365 дней ранее. Во-вторых, тот факт, что каждый из симптомов предположительно появлялся сразу же после травмирующего события, без какого бы то ни было периода инкубации. В-третьих, что эти симптомы можно было заставить исчезнуть. Однако заявление о том, что «достаточно было вспомнить обстоятельства, в которых симптомы появлялись впервые» (как рассказывали об этом современные отчеты), абсолютно не соответствовало реальности. Анна должна была вспоминать о каждом случае появления симптома, сколько бы раз он ни возникал, и в строго обратном хронологическом порядке. Эти особенности превращают историю Анны О. в уникальный случай, не имеющий известных аналогов ни до, ни после.

На семинаре, происходившем в Цюрихе в 1925 году, Юнг сообщил, что Фрейд сказал ему, что в действительности пациентка не была вылечена[271]. В 1953 году Джонс опубликовал версию этой истории, значительно отличавшуюся от сообщенной Брейером. Согласно ей, Фрейд сказал Джонсу, что ко времени предполагаемого излечения болезни пациентка находилась в состоянии, весьма далеком от здорового. Она испытывала родовые муки истерического деторождения после фантомной беременности. Брейер, загипнотизировав ее, выбежал из дому в холодном поту, после чего уехал в Венецию, на свой второй медовый месяц, в результате которого произошло зачатие его второй дочери, Доры. Пациентка Анна О. была помещена в институт в Гросс Энзердорфе, где она оставалась больной в течение нескольких лет. Версия Джонса указывает на то, что Брейер был одурачен пациенткой, и что предполагаемый «прототип очистительного излечения» и вообще не был лечением.

Сравнивая биографию Берты Паппенгейм с двумя версиями истории Анны О., каждый заметит, что в первой Берта уехала из Вены во Франкфурт в 1881 году, в то время как Анна, в соответствии с версией Брейера, оставалась в венском санатории до 1882 года, а согласно версии Джонса[272], и еще дольше. Еще более странный факт заключается в том, что фотография Берты (оригинал которой автору довелось увидеть) помечена датой 1882 года, вытисненной фотографом, и на ней за-

печатлена выглядящая здоровой, спортивного вида женщина в костюме для верховой езды, что свидетельствует об остром противоречии с описанным Брейером портретом привязанной к дому молодой женщины, не находившей выхода для своей физической и психической энергии.

В соответствии с версией Брейера, мы должны вспомнить, что в те времена психиатрам стоило больших усилий и забот, чтобы скрыть подлинность их пациентов при публикации их историй болезней; им приходилось изменять имена, города, профессии, а иногда и даты[273]. История случая, очевидно, восстановлена Брейером по памяти, написана на тринадцать или четырнадцать лет позже, как он сам сказал, «из неполных заметок», и опубликована неохотно, чтобы доставить удовольствие Фрейду.

Что касается версии Джонса, она полна невероятных фактов. Во-первых, последний ребенок Брейера, Дора, родилась 11 марта 1882 года (о чем свидетельствует *Heimat-Rolle,* запись о гражданстве в Венском архиве), а, следовательно, ее зачатие не могло произойти после предполагаемого инцидента в июне 1882 года[274]. Во-вторых, санатория в Гросс Энзердорфе никогда не существовало; мистер Шрамм, написавший историю тех мест, сказал автору, что, должно быть, название местности перепутано с Инзендорфом, где в те времена действительно находился модный санаторий. После наведения справок автор узнал, что этот санаторий был закрыт, а его архивы переведены в Венский психиатрический госпиталь. Однако там не удалось найти истории болезни Берты Паппенгейм[275]. Версия Джонса, опубликованная более чем через семьдесят лет после события, основывалась на слухах, и потому рассматривать ее следует осторожно[276].

Что касается истории Брейера об Анне О., становится ясным, что она радикально отличается от других случаев истерии, имевших место в то время, но притом аналогична большому количеству показательных случаев магнетического заболевания в первой половине девятнадцатого столетия, в том числе Катарины Эммерих, Фредерики Хофф или Эстель Ларди[277]. Галлюцинации Анны О. о том, что случалось с ней день за днем точно за год до этого, можно сравнить с ночными видениями Катарины, точно совпадавшими с церковным календарем. Воспоминания Анны О. о каждом случае возникновения любого из ее симптомов, с точными датами, может напомнить один из удивительных мнемонических подвигов провидицы из Преворста. Брейер и его пациентка играли в тайную игру, как Деспен и Эстель поступали в прошлом, хотя Брейер оказался менее удачливым, чем Деспен. Гипнотизерам старшего поколения история Анны О. не показалась бы столь необычайной, как Брейеру. Это был один из случаев, весьма частых в 1820-е годы, но редких в 1880-е, когда пациент диктовал врачу терапевтические приемы, которые тот должен

использовать, предсказывал течение болезни и объявлял дату окончания болезни. Но в 1880-е годы, когда использование гипноза не встречало препятствий и вытеснило прежние, договорные условия проведения терапии, историю, подобную той, которая произошла с Анной О., объяснить уже невозможно. Хуан Дальма[278] показал связь между излечением Анны О. и широко распространившимся интересом к катарсису, последовавшим за публикацией в 1880 году Якобом Бернайсом[279] (дядей будущей жены Фрейда) книги о концепции Аристотеля о катарсисе. В течение некоторого времени катарсис был одним из наиболее часто обсуждавшихся вопросов между учеными и постоянной темой бесед в венских салонах[280]. Неудивительно, что юная девушка из высшего общества восприняла его как средство для самолечения, но ирония заключается в том, что неудачное лечение Анны О. должно было стать для потомства прототипом лечения катарсисом.

Вторым личным опытом, ориентировавшим Фрейда в направлении новой теории неврозов, стал его визит к Шарко, где он увидел демонстрации травматических параличей и восстановление способностей больных под гипнозом. Сегодня общее мнение об этих демонстрациях состоит в том, что эти эксперименты с истерическими пациентами не имели научной ценности, так как с такими внушаемыми, обладающими патологической склонностью к выдумкам субъектами кто угодно может демонстрировать все, что угодно. Тем не менее вместе с историей Анны О. они вдохновили Фрейда на создание психоанализа.

Развитие новой теории Фрейда о неврозах с 1886 по 1896 год можно проследить по его публикациям и письмам к Флиссу[281].

В 1886 и 1887 годах Фрейд был преисполнен уважения к Шарко, представлялся его ревностным учеником и знакомил других с теориями учителя таким образом, как сам понимал их. В 1888 году медицинская энциклопедия опубликовала неподписанную статью об истерии, почти наверняка ее автором был Фрейд[282]. Автор коснулся теории Шарко только потому, что сомневался в черепно-мозговом размещении истерии, и упомянул терапевтический метод Брейера.

В июле 1889 года Фрейд, только что закончивший перевод одного из учебников Бернгейма, направился к нему и Льебо с визитом в Нанси, а затем поехал на Международный психологический конгресс в Париж. Вероятно, там он и встретил Жане, хотя записи о такой встрече не обнаружено. Как бы то ни было, вряд ли Фрейд упустил возможность ознакомиться с «Психическим автоматизмом», с историей Мари и ее излечением посредством катарсиса. Примерно в это же время Фрейд пытается применить подобный терапевтический метод для лечения своей пациентки Эмми фон Н[283]. Как обычно в таких случаях, Фрейд изменил множество фактов, чтобы защитить свою пациентку, чья личность

была позже раскрыта Олой Андерссон[284]. Отчет Фрейда оставляет впечатление, что лечение происходило в течение одного периода перед его поездкой в Париж, но находки Андерссон указывают на то, что в действительности лечение разделилось на два периода, до и после поездки Фрейда. Лейббранд предполагает, что интерес к случаю Анны О. оживился после публикации книги Жане; это могло бы объяснить, почему Фрейд ждал с 1882 по 1889 год, прежде чем применил тот же метод[285]. Фактически хронология случая Эмми фон N. настолько неясна[286], что невозможно сделать какие бы то ни было выводы из сохранившихся данных[287]. Эта история показывает первую попытку Фрейда работать по методу Брейера, с тем лишь отличием, что пациента заставляли вспоминать под гипнозом только начальное травмирующее событие, и как только пациент вспоминал о событии, доктор должен был внушить ему, что симптом исчез. Таким образом, эта процедура была идентична той, которую в 1886 году ввел в употребление Жане.

В 1892 и 1893 годах Фрейд, казалось, колебался между нансийской школой, своей старой привязанностью к Шарко и принятием метода катарсиса Брейера. В лекции, прочитанной 27 апреля 1892 года в Венском медицинском клубе, Фрейд открыто поддержал концепцию Бернгейма о гипнозе, рекомендовал его применение и советовал врачам осваивать его в нансийской школе [288]. В 1893 году Фрейд опубликовал историю женщины, которой запретили кормление грудью ее ребенка из-за различных истерических симптомов; двух сеансов гипнотического внушения оказалось достаточно, чтобы удалить все симптомы, и то же самое случилось через год, после рождения другого ребенка[289]. Здесь даже не было речи о катарсисе. Это было лечение в стиле Бернгейма. 24 мая 1893 года, до лекции в Венском медицинском клубе, Фрейд прочел лекцию об истерических параличах[290], которую написал на французском языке для «Архивов по неврологии» Шарко[291]. Здесь он непрестанно ссылался на Шарко, слегка модифицировав его теорию (вместо динамического поражения двигательных мозговых центров он предположил, что представительство руки разобщено с другими репрезентациями). Ссылаясь на Жане, Фрейд подчеркивает, что истерический паралич не соответствует распределению нервов, как если бы истерия ничего не знала об анатомии. Но четырьмя месяцами ранее, 11 января 1893 года, Фрейд уже изложил перед той же аудиторией новую теорию истерии, над которой работал вместе с Брейером[292]. Эта теория послужила основой для «Предварительного сообщения», которое многие считают закладным камнем для построения психоанализа.

Авторы распространили концепцию Шарко о травматической истерии на истерию в общем случае. Истерические симптомы, говорили они, свя-

заны родственными узами, иногда явственно, иногда — в символической измененной форме с определенной психической травмой. Эта травма может случиться в состоянии легкого самогипноза, или ее болезненный характер исключает ее допуск в сознание. В обоих случаях за ней не следует достаточная реакция (например, крики или акты возмездия), и она исчезает из сознания. Однако когда человек находится под воздействием гипноза, память о травме оживляется настолько, как если бы она и была происходящим событием. Психотерапия вылечивает истерические симптомы (хотя и не истерическую предрасположенность) введением травмы в сознание и ее разряжением через аффект, слова или корректирующую ассоциацию. Эту теорию можно рассматривать как комбинацию концепции Бенедикта о патогенной тайне с терапией Жане, вносящей «подсознательные навязчивые идеи» снова в сознание. В отношении Жане авторы вспоминают в сноске его случай с истерической молодой женщиной, которая была излечена «посредством применения процедуры, аналогичной нашей собственной». В другой сноске говорится, что «ближайший подход к нашим теоретическим и терапевтическим утверждениям мы нашли в случайно опубликованных заметках Бенедикта, с которым собираемся работать в другом месте». (Однако в дальнейшем ссылки на Бенедикта не обнаружены.)[293]

Статья Брейера–Фрейда вызвала большой интерес и благосклонное отношение в нескольких неврологических журналах[294].

В том же году Фрейд написал панегирик Шарко, приписывая ему создание теории истерии, фактически принадлежавшее его предшественникам, и добавляет полные уважения критические замечания[295]. Он задавался вопросом, что обнаружил бы Шарко, если бы взял в качестве отправной точки своей теории непосредственно сам сильный эмоциональный разряд в период истерических припадков. Он мог отыскать в биографии пациента травму, о которой тот и не подозревал. Это обстоятельство могло объяснить возникновение эмоций. Как ни странно, но эта мысль была не слишком далека от теории Шарко о *grande hystérie*, которую можно было найти в тезисах его ученика П. Рише[296].

В 1894 году нечто действительно новое появляется в сочинениях Фрейда — концепция о защите (*Abwehr*)[297]. Этот термин пришел от Мейнерта, различавшего две основные установки организма, атаку и защиту, которые отражались в соответствующих маниакальных идеях. Фрейд придал слову *«defense»* («защита») значение «забывчивости» болезненных воспоминаний или идей и подчеркивал ее четыре свойства. Не травма сама по себе является патогенной, но представление или идея о ней; защита направляется против сексуальных идей; защита — общая характеристика неврозов и была обнаружена в одном случае психоза; теория дегенерации при этом отрицается.

В 1895 году Фрейд опубликовал свою работу по неврозу тревоги, который испытывают пациенты, постоянно страдающие от неопределенного беспокойства и подверженные острым приступам мучений, о причинах которых они не знают[298]. Этот невроз уже был описан Хекером[299] как субформа неврастении, Крисхабером[300] — как специфическая форма бытия и Ковалевски[301] — как интоксикация организма, возникающая из-за постоянной стимуляции и истощения определенных мозговых центров. Предположение о том, что сексуальное расстройство может вызвать симптом беспокойства, к тому времени было уже широко распространено, и нововведение Фрейда оказалось связующим звеном между неврозом беспокойства особой формы с этиологической теорией сексуального расстройства.

1895 год был отмечен также публикацией работы Брейера и Фрейда «Исследования истерии»[302]. Вышло повторное издание «Предварительного сообщения». Затем появился в печати пересмотренный Брейером случай Анны О., представленный как прототип лечения посредством катарсиса, и четыре истории болезней, написанные Фрейдом, первой из которых была история Эмми фон Н. (первый опыт Фрейда лечения катарсисом в 1889 году), за которым следовали истории Люси Р., Катарины и Элизабет фон Р. (все три случая произошли во второй половине 1892 года). Книга оканчивалась главой о теории истерии, написанной Брейером, и главой о психотерапии, написанной Фрейдом. Фрейд теперь открыто заявлял о своих расхождениях с Брейером; он усматривал только одно возможное происхождение истерии: через защиту (*Abwehr*). В истории Элизабет фон Р. он описывает новый метод «свободной ассоциации», который был внушен ему самой пациенткой. Четыре истории болезни, описанные Фрейдом, сильно напоминают истории Бенедикта. Влияние Жане было все еще очевидно в использовании Фрейдом терминов «психологический анализ» и «психологическое страдание».

В начале 1896 года Фрейд описал в общих чертах свою новую классификацию неврозов[303]. Он по-прежнему ссылается на великое имя Шарко, но подчеркивает свое расхождение с Жане. Таким образом, Фрейд больше не говорит о психологическом анализе, но называет свой собственный метод психоанализом. Неврозы подразделялись на действительные неврозы, источники которых находились в сексуальной жизни пациента в текущем времени, и на психоневрозы, источниками которых была сексуальная жизнь пациентов в прошлом. Действительные неврозы подразделялись на неврастению, особым источником которой являлась мастурбация, и на неврозы тревоги, характерным источником которых была нарушенная сексуальная стимуляция, особенно в виде прерванного полового акта. Психоневрозы подразделялись на

истерию и обсцессивные неврозы. Специфическим источником истерии было сексуальное совращение малолетних взрослыми, вызывавшее пассивное страдание в детстве. Представляется, что такая травма часто оставляет не слишком очевидное впечатление и может показаться забытой до наступления половой зрелости, когда незначительная причина оживляет раннее впечатление и воздействует как действительная травма. Специфическая этиология обсцессивных неврозов — такая же, как у истерии, с тем лишь отличием, что роль ребенка в ней более активна, и он ощущает удовольствие. Обсцессивные идеи наваждения были просто угрызениями совести в модифицированной форме. Таким образом Фрейд объяснял преобладание истерии у женщин и обсцессивных неврозов у мужчин.

В том же году статья Фрейда «Об этиологии истерии» отметила достижение в теории истерии, над которой он работал в течение десяти лет [304]. Поворотным моментом в его теории осталось предположение Брейера, что истерия определяется травматическими переживаниями, воспоминания о которых бессознательно периодически проявляются в символическом представлении в симптомах заболевания[305], которое можно вылечить возвращением воспоминания в сознание[306]. Основываясь на этом предположении, Фрейд теперь утверждает, что вопрос оказывается значительно сложнее.

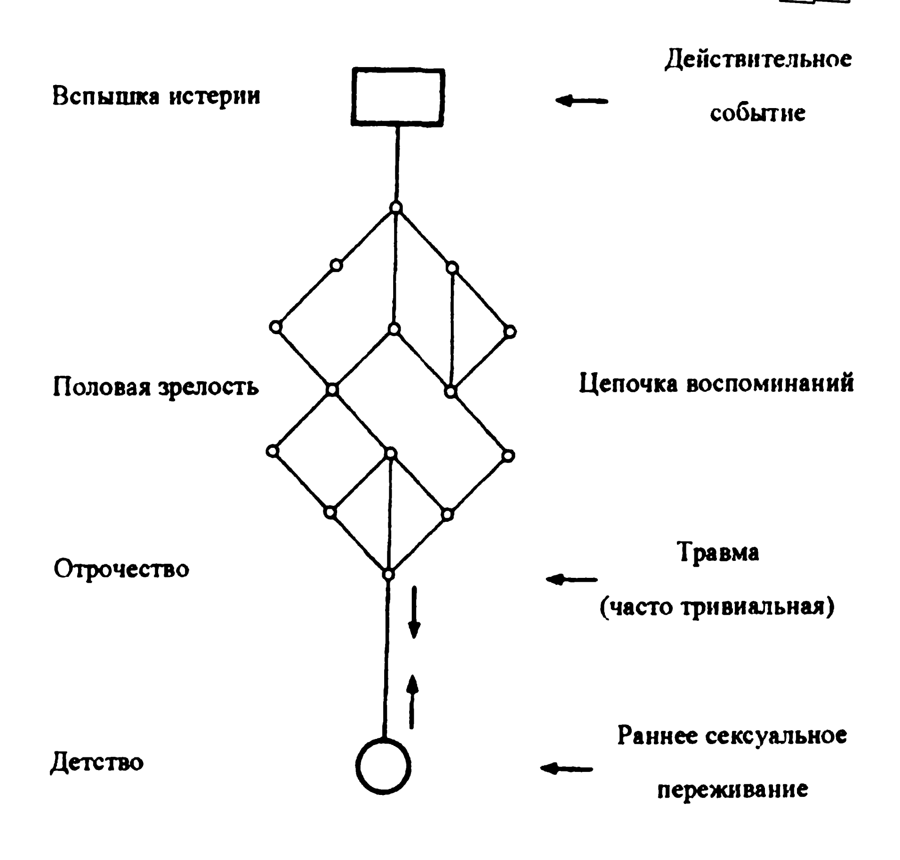
Травма должна характеризоваться одновременно как определенным качеством (логической связью между причиной и воздействием), так и травматической силой (она должна быть способной вызвать сильную реакцию). Трудность заключалась в том, что в поисках травмы врач часто обнаруживал события, не имеющие отношения к симптомам или вообще безобидные. Эту трудность можно было бы объяснить посредством идеи Брейера о том, что травма случается в течение состояния, подобного гипнотическому, но Фрейд отвергал эту теорию и полагал, что темы, отмеченные пациентом, были лишь связующими элементами последовательности событий, и что за ними стояли поверхностные, простейшие травмы. В действительности, говорил Фрейд, по мере появления цепочек воспоминаний, они расходятся и сходятся в узловых точках, окончательно проявляясь в событиях сексуального характера по достижении половой зрелости. В этот момент возникает новая трудность, так как события, связанные с половой зрелостью, часто отличаясь довольно тривиальным характером, вряд ли оправдывают мнение, что они являются источником истерии. Затем Фрейд предполагает, что события, связанные с половой зрелостью, могут только ускорять появление причин, оживляющих бессознательные воспоминания о произошедшей гораздо ранее детской травме, всегда имеющей сексуальный характер. Из восемнадцати полностью проанализированных случаев

Фрейд, по его словам, нашел, что пациент, бывший жертвой совращения взрослым из своего ближайшего окружения, часто продолжает сексуальные опыты с детьми своего возраста. Эти опыты, добавляет Фрейд, в тот момент не оставляют очевидного впечатления; травматический эффект оживляется тривиальными событиями в пору полового созревания, хотя детские переживания остаются недоступными памяти.

Фрейд провозгласил свою теорию великим открытием, которое сравнил с открытием «источника Нила в невропатологии». В противоположность «Предварительному сообщению» 1893 года, теперь он утверждает, что способен не только излечивать симптомы истерии, но и саму истерию. В действительности же прошел всего год, прежде чем Фрейду, как видно из его писем Флиссу, пришлось признать, что он шел по неправильному пути, увлеченный фантазиями своих пациентов[307]. Это был решительный поворотный момент в психоанализе: Фрейд обнаружил, что в бессознательном невозможно отличить фантазии от воспоминаний, и с тех пор он не столько занимался воссозданием событий прошлого посредством раскрытия подавленных воспоминаний, сколько исследованием фантазий.

Источники новой теории Фрейда об истерии оказались множественными. Во-первых, сама теория Брейера об истерии, выведенная из неверно понятого случая Анны О., концепции Шарко и П. Рише *o grande hystérie* и эксперименты Шарко с его пациентами в Сальпетриере. Во-вторых, Жане, объяснивший, особенно в случае с Марселлой в 1891 году, что в исследовании и лечении истерических пациентов необходимо отслеживать цепочку бессознательных навязчивых идей. В-третьих, существовала ассоционистская психология Гербарта. Учебник Линднера, которым Фрейд пользовался еще в гимназии, объяснял, как цепочки ассоциаций могут разъединяться и соединяться в узловых точках. В-четвертых, имело место настойчивое утверждение Бенедикта о чрезвычайной важности житейской фантазии в существовании нормальных и невротических людей и о частоте ранних сексуальных травм у больных истерией. В-пятых, проявлялся современный интерес к детской сексуальности (в этом отношении Фрейд цитировал выдержки из статьи Штекеля). В 1894 году Даллемань утверждал, что многие сексуальные отклонения в отрочестве происходят из детских сексуальных переживаний, оживляющихся в пору полового созревания. Самому Фрейду принадлежали особое подчеркивание роли защиты (*Abweihr*) и та уверенность, с которой он синтезировал все эти элементы в общую теорию истерии.

Ввиду ее огромного значения мы покажем здесь графическое представление этой модели. (Диаграмма принадлежит автору, а не Фрейду, но следует его замыслу настолько точно, насколько это возможно.)

Работа Фрейда: IV — Глубинная психология

В 1896 году могло показаться, что Фрейд наконец достиг своей цели — построения новой теории неврозов, объясняя каждую подробность симптомов и происхождений. Эту теорию рассмотрели некоторые ученые, такие, как Крафт-Эбинг, отнесшийся к ней с добродушным скептицизмом; другие, как, например, Лёвенфельд, — с интересом, но в литературе того времени не обнаружено выражений враждебности. Для Фрейда, однако, эта теория стала лишь отправной точкой для создания того, что позже было названо глубинной психологией[308]. Глубинная психология претендовала на предоставление ключа для исследования бессознательного мышления, а через него — на обновление знаний о сознательном мышлении, с широким привлечением его для понимания литературы, искусства, религии и культуры.

Сначала динамическая психиатрия в основном представляла собой систематизацию наблюдений, проведенных за пациентами, находившимися под воздействием гипноза. Посредством метода свободных ассоциаций Фрейда был введен новый подход. Пациент отдыхал на диване, и ему рассказывали основное правило — говорить все, что приходит в голову, какими бы поверхностными, абсурдными, нескромными или даже оскорбительными ни казались ему эти мысли. Пытаясь выполнить эту просьбу, пациент иногда чувствовал моменты подавления и другие внутренние трудности, которые Фрейд определил как «сопротивляемость». По мере продолжения сеансов изо дня в день пациент начинал проявлять иррациональные чувства любви или враждебности по отношению к психотерапевту; Фрейд назвал их «переносом».

В действительности, оба чувства, и «сопротивляемость», и «перенос», были известны еще магнетизерам и гипнотизерам. Гипнотизеры знали, что их субъекты часто выказывают сопротивляемость впадению в гипнотический сон и, уже загипнотизированные, не исполняют определенные команды или выполняют внушенные им команды в искаженном или сокращенном виде. Форель описывал, как, вспоминая забытые события, находившийся под гипнозом пациент затруднял процедуру тем интенсивнее, чем ближе его подводили к критическим точкам, которые были для него болезненными[309]. Что касается переноса, то он был перевоплощением того, что было известно в течение столетия как взаимопонимание, и на чем Жане недавно сфокусировал внимание как на сомнамбулическом воздействии[310]. Инновации Фрейда заключаются не во введении понятий сопротивляемости и переноса, но в идее исследования их посредством анализа как основного средства терапии.

Глубинную психологию можно понять как комбинирование находок самоанализа Фрейда и анализа его пациентов. В его разуме эти находки подтверждали друг друга, как и большую часть теории невроза и предварительно сформулированную им модель разума.

Главные аспекты глубинной психологии представляют собой теорию сновидений Фрейда и его теорию парапраксии* — два первых его обобщения паттерна, который он вывел для истерии.

Эти теории разрабатывались одновременно и представлены в двух его наиболее известных книгах — «Толкование сновидений» в 1900 году и «Психопатология обыденной жизни» — в 1904 году.

Теория Фрейда о сновидениях обсуждалась столь часто, что она стала общеизвестной. Если рассматривать ее в свете развития психо-

* Парапраксия — ошибочное действие, вызванное вмешательством какого-либо бессознательного желания, конфликта, потока мыслей. Классическим примером парапраксии являются оговорки, обмолвки, описки. Фрейд использовал явление парапраксии в качестве доказательства существования бессознательных процессов. — *Прим. рус. ред.*

анализа, она следует практически тому же паттерну, что и его теория истерии, созданная в 1896 году. Это утверждение становится очевидным, если теорию сновидений также представить графически, а затем сравнить обе диаграммы.

Наверху диаграммы мы расположили очевидное проявление, то есть само сновидение, настолько подробное, насколько мы способны его вспомнить. Экспериментирующие психологи пытались связать это очевидное проявление с действительными сенсорными или моторными стимуляциями, случающимися во время сна. Фрейд считал их роль второстепенной. Он видел в качестве главного фактора взаимоотношение между очевидным и скрытым проявлениями, взаимоотношение, подобное тому, которое он обнаруживал в своих пациентах между истерическим симптомом и патогенными воспоминаниями. Для обнаружения их и установления различий между ними он использовал тот же метод, то есть свободную ассоциацию. Между истерическим симптомом и патогенной памятью простиралась сеть расходящихся и сходящихся ассоциаций. Таким же способом, между очевидным и скрытым проявлениями, Фрейд описал работу сновидения с присущим ему механизмом вытеснения и сжатия, в которых также случается процесс символизации. Подобно тому как истерический симптом выражает травму в символической форме, в сновидении скрытое проявление также стремится выразить себя в символах сновидения. Почему работа сновидения превращает скрытое в очевидное? Потому что подобно тому, как существует динамический конфликт между травмой и истерическим симптомом, существует и динамический фактор, сенсор, старающийся удерживать скрытое проявление в подсознательном. Сенсор не позволяет латентному проявлению найти выражение в сновидении до тех пор, пока оно не модифицируется средствами подавления, сжатия и символизации.

Но теория Фрейда о сновидении, так же как и теория истерии, были двухэтажными доктринами. Верхний этаж занимало само сновидение с его очевидным и скрытым содержанием. В скрытом содержании Фрейд нашел в качестве одного постоянного элемента *day residue* («сухой остаток» дня), то есть некое более или менее незначительное дневное событие, предшествующее сновидению. И точно так же, как он соединил травму полового созревания с ранее забытым сексуальным переживанием, Фрейд обнаружил связь между «сухим остатком» дня и воспоминаниями детства. Среди многих тривиальных событий дня сновидение выбирает то, которое характеризуется некоторым отношением к памяти детства, и, как Фрейд говорит об этом, сновидение оказывается стоящим одной ногой в настоящем, а другой — в детстве. Таким образом, человека ведут из скрытого содержания еще глубже, назад к памяти детства, выражающей неосуществленное желание того

отдаленного времени. Здесь Фрейд ввел представление, которое он обнаружил в своем самоанализе и в своих пациентах, а именно эдипов комплекс: маленький мальчик хочет обладать своей матерью, желает избавиться от отца, но боится угрожающего соперника и кастрации как наказания за свои кровосмесительные чувства в отношении матери. Таковым является, говорит Фрейд, ужасный секрет, который каждый мужчина хранит в тайнике своего сердца подавленным и забытым, и который каждую ночь появляется в замаскированном виде в сновидении.

Чтобы завершить картину, мы должны добавить вторичную разработку, то есть изменения, случающиеся в реальности, когда сновидец просыпается. Нам следует сравнить это явление с редактированием, которое производит каждый журнал со статьями, присылаемыми авторами; статья может принять более организованный и приятный вид, в то время как автор может найти, что многое из того, что он действительно замыслил, было утрачено или искажено.

Фрейд считал своим главным открытием то, что сновидение является осуществлением желания, или, если выразиться более точно, компенсаторным исполнением подавленного, неприемлемого сексуального желания, и именно поэтому цензор должен вмешаться, чтобы удерживать такое желание внизу или позволять ему появляться только в замаскированном виде. Фрейд также определял сновидение как хранителя сна: чувства, которые могут пробудить сновидца, замаскированы таким образом, что они его не тревожат. В случае, когда работа этого механизма нарушается, сновидец видит ночной кошмар и пробуждается. Как утверждает Фрейд, сновидение — еще и процесс регрессии, проявляющийся одновременно в трех видах: как документальная регрессия из сознательного в бессознательное, как временная регрессия из настоящего времени в детство и как форма регрессии с языкового уровня к образному (иллюстративному) и символическому представлениям.

Многочисленны источники теории сновидений Фрейда. Начать с того, что Фрейд сам был хорошим сновидцем, помнившим свои сновидения и много лет ранее ведшим записи о них в течение нескольких лет. Так называемый «сон об инъекции Ирмы» (24 июня 1896 года) снабдил его исходным эталоном в анализе сновидений и представлением о том, что сущность сновидения — это исполнение желания. Подобно многим выдающимся исследователям сновидений в прошлом, Шернеру, Мори и Эрве де Сен-Дени, Фрейд использовал большую часть личных переживаний, отражавшихся в его сновидениях, для написания книги. Да и сам Эрве де Сен-Дени открыл большую часть своих любовных похождений, но Фрейд описывал свое детство, семью и свои честолюбивые стремления.

Вторым источником послужило Фрейду наличие огромного потока литературы о сновидениях, появившегося в девятнадцатом столетии[311]. Его обращенные к Флиссу жалобы на поверхностность этих книг не следует воспринимать слишком буквально, так как он сам многое почерпнул из них. Однако ему не удалось найти книгу Эрве де Сен-Дени, да и о Шернере, видимо, он знал только из отчетов, написанных Фолькельтом, так что не смог в полной мере оценить оригинальность Шернера[312]. Именно Шернер утверждал, что сновидения можно интерпретировать научно, в соответствии с правилами, свойственными их природе, и что определенные символы сновидений несут в себе общепринятое смысловое значение. Среди других были сексуальные символы, которые в основном были практически такими же, какие позже описал Фрейд[313]. Механизмы подавления и сжатия были описаны под другими названиями множеством авторов. Термин «работа сновидения» (*Traumarbeit*) использовал Роберт. Большую часть теории Фрейда можно обнаружить в трудах Мори, Штрюмпеля, Фолькельта и особенно у Делажа. Делаж предлагал для обсуждения концепцию динамической энергии подавления, имея в виду, что образы наполнены психической энергией подавления и запрета друг друга или могут сливаться в одно целое; что в сновидениях существуют цепочки ассоциаций, которые иногда удается частично реконструировать, и что старые воспоминания можно вызвать из сновидений посредством ассоциаций с недавними образами.

Оригинальность теории Фрейда содержится в четырех инновациях. Первая состоит в предложенной им модели сновидения, где проявление отлично от скрытого содержания и существует одновременно в настоящем и отдаленном прошлом. Вторая — в его утверждении, что представляемое содержание является искажением скрытого содержания, происходящим в результате подавления цензором. Доказательством справедливости этой мысли можно считать факт, что Поппер-Линкеус недавно выразил идею, что абсурдность и бессмысленность сновидений происходят от чего-то непристойного и потаенного в сновидце[314]. Но Фрейд, конечно, не выводил свою теорию из его работ[315].

Третья инновация Фрейда заключалась в применении свободной ассоциации как метода для анализа сновидений, а четвертая состояла во введении систематического толкования сновидений в качестве инструмента психотерапии.

Достаточно любопытно, что Фрейд приписывал Льебо идею о том, что сновидение служит охранником сна, в то время как ничего подобного в работах Льебо найти не удалось[316]. В более поздних изданиях Фрейд приводил новые примеры сновидений и расширил часть, посвященную символам сновидений, частично находясь под влиянием Абрахама,

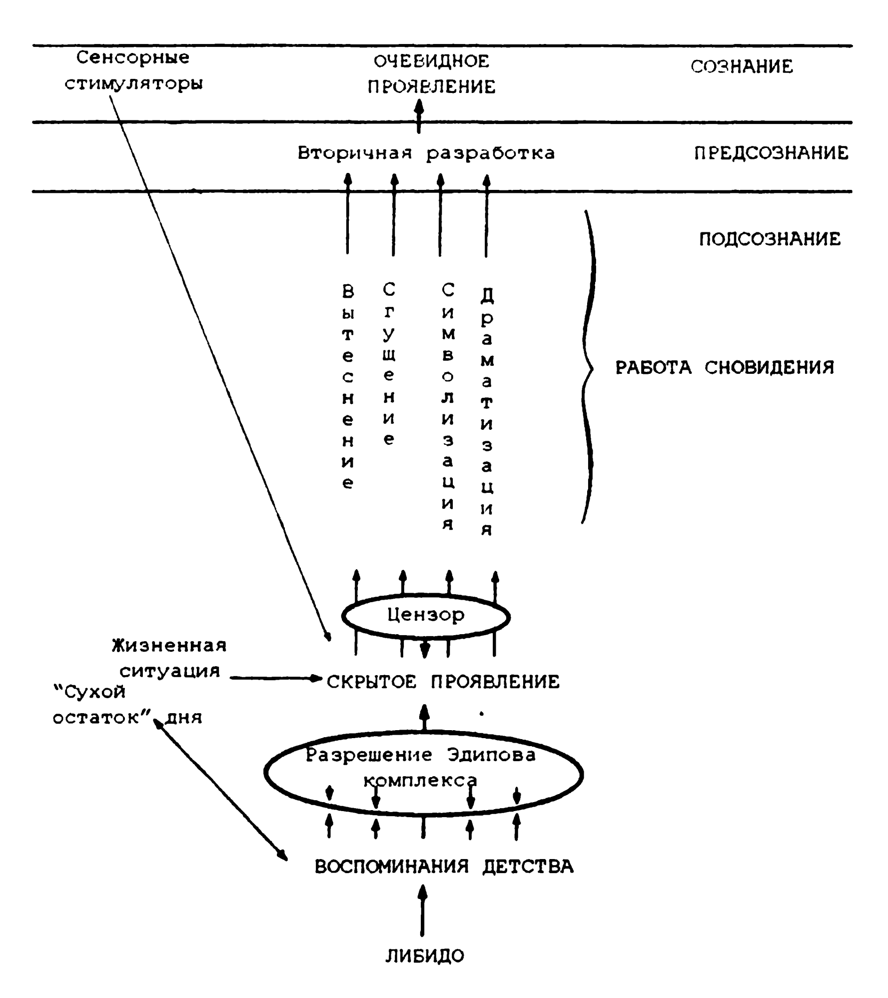
Ференци, Ранка и Штекеля. Кроме того, Фрейд включил находки Зильберера, касающиеся драматизации в гипнотических сновидениях. Он рассматривал особые виды сновидений более подробно, такие, например, как о сдаче экзаменов, о пребывании без одежды или о смерти тех, кого сновидец любит.

После теории истерии и теории сновидений третьим значительным вкладом Фрейда в глубинную психологию была его «Психопатология обыденной жизни», которая также разрабатывалась им в течение и на основе самоанализа. Она публиковалась с продолжениями в психиатрическом журнале с 1898 по 1903 год[317], и наибольшая ее часть появилась в виде книги в 1904 году[318].

В первом выпуске 1898 года Фрейд работал с ситуацией, в которой личность внезапно забывает свое имя, не может вспомнить его, несмотря на прилагаемые усилия, и опознает его сразу, как только услышит. Прилагаемые усилия для поиска забытого имени приводят на ум только другие слова. Фрейд обнаружил, что эти другие слова возникают в памяти не случайно, что они формируют цепочки ассоциаций, сходящихся и расходящихся в узловых точках, и что эти ассоциации имеют отношение к подавленному материалу. Таким образом, забывчивость является, скорее, результатом конфликта между сознанием и бессознательным, нежели просто результатом ослабления представления.

В 1899 году появилась статья Фрейда «Скрытые воспоминания» (*Deckerinnerungen*). Среди наших самых давних воспоминаний некоторые кажутся незначительными, хотя и удивительно живыми. Фрейд различал два вида скрытых воспоминаний. В более простом виде сохраненное воспоминание — не что иное, как часть более значительного целого, которое было подавлено. Например, человек хранил воспоминания с четырехлетнего возраста: картину стола с тазом, наполненным льдом; этот образ был связан с печальным событием, смертью его бабушки, и только эта фрагментарная картина не оказалась утраченной под воздействием подавления. В более сложном виде память, проявляющаяся в индивиде, представляет собой конструкцию, в которой определенное событие из раннего детства сочетается с подавленным событием отрочества. Раннее воспоминание необязательно оказывается неверным, но является безвредным заменителем воспоминания о более позднем, неприемлемом мысленном образе. В качестве примера Фрейд говорил об анализе скрытой памяти предполагаемого пациента, которая, как убедительно показал Зигфрид Бернфельд, была слегка модифицированным автобиографическим отчетом:

> Рассказчик говорит о том, что, когда ему было три года, его семья вынуждена была переменить счастливую жизнь в сельской местности на бо-

лее суровое проживание в большом городе. Он вспоминал, как в возрасте двух с половиной лет играл на лугу, усыпанном одуванчиками, с мальчиком и девочкой, своими сверстниками и двоюродными братом и сестрой. Он и его кузен вырвали из рук девочки пучок одуванчиков, собранных ею, и крестьянка дала ей ломоть черного хлеба в качестве утешения. Мальчики также получили куски этого необыкновенно вкусного хлеба. Это воспоминание нахлынуло на него после того, как в семнадцатилетнем возрасте он оказался в маленьком городке, где родился, и очаровал пятнадцатилетнюю девочку в желтом платье. Когда ему было двадцать лет, он посетил своего богатого дядюшку, где снова встретился со своей кузиной из раннего детства; двое молодых людей не смогли влюбиться друг в друга и пожениться,

что соответствовало желаниям их старших родственников, не выполнили замысла, который мог бы обеспечить экономическую независимость рассказчика. Значение скрытых воспоминаний, таким образом, состояло в том, чтобы предложить невинную детскую «дефлорацию» как замену взрослого желания и испробовать вкус хлеба как символ экономической независимости. Из этого примера можно понять, что отношение между более недавним событием юности и ранним воспоминанием из детства подобно отношению между «сухим остатком дня» и событиями детства в теории сновидений Фрейда[319].

Большая часть «Психопатологии обыденной жизни» состоит из статей об оговорках, забываниях, описках и других подобных действиях, объединенных общим понятием парапраксии. Хотя источник этих исследований изначально находится в самоанализе Фрейда и наблюдениях, проводившихся им над своими пациентами, эта область не была совершенно новой. Шопенгауэр и фон Гартман уже указывали на такие факты как на проявление бессознательного[320]. Гете, привыкший диктовать свою работу, однажды проанализировал ошибки, допущенные его секретарями[321]. Он обнаружил, что некоторые из ошибок были его собственными, другие были вызваны незнанием секретарем написания трудных или иностранных слов. Но остальные определялись эмоциональным состоянием секретаря. Например, секретарю показалось, что он услышал имя женщины, в которую был влюблен, и он написал его вместо того слова, которое было произнесено в действительности. Во времена Фрейда психология начала исследовать эту проблему. В 1895 году Мерингер и Майер опубликовали материалы исследования оговорок, но обращали больше внимания на произношение, чем на смысловые значения[322]. Несколько других источников оказались ближе к подходу Фрейда: один из них — исследования Ганса Гросса, прославленного криминалиста из Граца и основателя судебной психологии[323]. В 1880-е годы Гросс систематически исследовал показания свидетелей, обвинял некоторых в намеренных оговорках и подобных им проявлениях и публиковал соответствующие результаты своих наблюдений в статьях и учебниках. Гросс рассказал о человеке, заменившем подлинного свидетеля для того, чтобы представить ложные показания, сначала устные, а затем — письменные. Он выдал сам себя в последний момент, непреднамеренно написав свое собственное имя под фальшивыми свидетельствами. Гросс обнаружил, что фальшивые свидетели неизменно выдают себя, даже хотя бы одним словом, а также своими позами, выражениями лиц или жестами. Существует юмористический роман Теодора Вишера, в котором он создал ставший популярным термин «коварство вещей» (*Tücke des Objekts*), чтобы описывать злоключения,

постоянно происходящие с некоторыми людьми, как если бы маленький демон управлял вещами, пряча или подменяя их[324].

Представление о парапраксиях, если не их теория, было хорошо известно некоторым современникам Фрейда. Карл Краус в своем журнале «Die Fackel» занимался коллекционированием забавных опечаток, показывавших, что наборщик догадывался и невольно предавал истинную мысль писателя. Некоторые писатели свободно пользовались парапраксией как приемом настолько очевидным, что не было необходимости объяснять его читателю.

> В своем «Путешествии к центру Земли»[325] Жюль Верн обрисовал старого немецкого профессора, пытающегося расшифровать криптограмму с помощью своего племянника, тайно влюбленного в дочь профессора, Грюбен. Молодой человек верит в то, что нашел ключ к разгадке, и, к его изумлению, ключ приводит его к такому тексту: «Я влюблен в Грюбен». В книге «Двадцать тысяч лье под водой»[326] тот же автор рассказывает, как профессор Арронакс ищет гигантские жемчужины на дне моря. Он не информирует своих компаньонов о том, что это место кишит акулами, но, когда рассказывает им о гигантской устрице, говорит, что в ней заключено «не менее ста пятидесяти акул». Увидев изумление на лицах компаньонов, он немедленно воскликнул: «Я сказал, акул? Я имел в виду сто пятьдесят жемчужин! Акулы не имеют никакого отношения к этому делу».

«Психопатология обыденной жизни» была хорошо принята, часто заново редактировалась, увеличивалась в объеме и переводилась на множество языков, а психоаналитики начали публиковать собственные коллекции парапраксий[327].

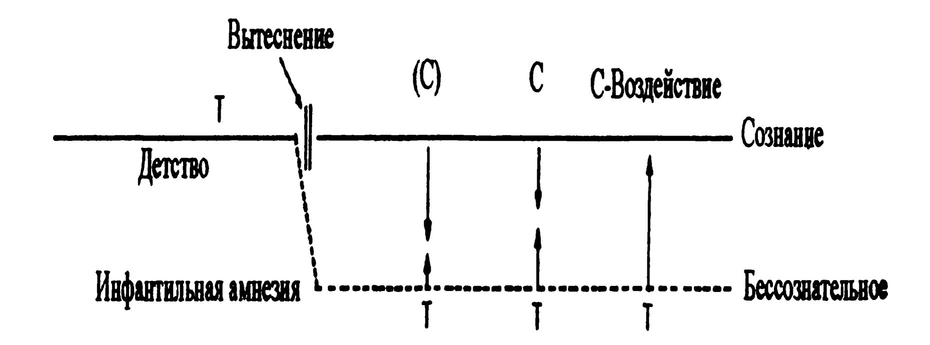
Четвертым огромным вкладом Фрейда в глубинную психологию стала его книга «Остроумие и его отношение к бессознательному», тема, над которой он начал работать в 1897 году[328]. Множество теорий возникло по поводу психологии шуток, комического и юмористического. К работе на эту тему Фрейда подтолкнуло появление книги Теодора Липпса «Комизм и юмор», но воистину отправной точкой стало его наблюдение над определенными чертами сходства в механизмах шуток и сновидений[329].

Фрейд различал в шутках определенные технические приемы и определенную тенденцию (другими словами, элемент формы и элемент содержания). Он обнаружил методы уплотнения, вытеснения, выражения идеи через ее противоположность и т. д., подобные тем, которые применяются в работе сновидения. Что касается тенденций, Фрейд различал безобидные шутки, удовольствие от которых исходило только от используемого технического приема, и тенденциозные, побуждением

для создания которых была или агрессивность, или непристойность, или и то и другое. Непристойные шутки подразумевают присутствие, по меньшей мере, трех персон — шутника, субъекта и наблюдателя. Они мысленно выражают желание сорвать одежду или совратить. Шутками наслаждаются, восхищаются как их техническими приемами, так и тенденциями. Тенденциозные шутки, кроме того, помогают нам переносить подавленные желания, позволяя дать им выход общественно приемлемым способом. Два главных различия между шутками и сновидениями Фрейд увидел в том, что сновидения выражают исполнение желания, а шутки удовлетворяют потребность в удовольствии от игры; сновидения — это регрессия от языкового уровня до мышления посредством картин, а в шутках регрессия направляется от логической речи к игровому языку (обращение к игровой функции языка, в которой малыши находят столько удовольствия).

Книга Фрейда о шутках — одна из наиболее редко читаемых его работ. Она наполнена занимательными историями, но не поддается переводу из-за игры слов, а кроме того, предполагает знание читателем творчества таких немецких классиков, как Гейне и Лихтенберг. Ее «еврейские истории» доставляли читателям того времени больше радости, чем в наши дни. Это — работа человека, безмерно радовавшегося местным анекдотам и остроумию, но большинству этих историй в наше время требуются комментарии. Эта книга в большей степени, чем «Толкование сновидений», отражает современную венскую жизнь. Этой своей работой Фрейд воздвигнул маленький мемориал духу Вены в период двойной монархии[330].

До сих пор мы подводили итоги исходных положений глубинной психологии, касающихся истерии, сновидений, парапраксий и шуток; теперь попытаемся определить две общие модели, лежащие в основе этих положений. Одна из этих задач проста, другая — более сложная.

Простую модель можно выразить графически двумя параллельными линиями, верхняя из которых обозначает уровень сознания и очевидных представлений, нижняя — уровень бессознательного и скрытых представлений, являющихся причиной сознательных представлений. Психологическая жизнь отражается одновременно на обоих уровнях, которые могут очень сильно отличаться друг от друга и вызывать конфликт. Эта модель была первоначально разработана Брейером и Фрейдом в их «Исследованиях истерии». На верхней линии мы расположили истерические симптомы (С), а на нижней — подсознательные мотивации (Т), которые Брейер и Фрейд, следуя примеру Шарко и Жане, сочли бессознательными представлениями (или на языке того времени — травматическими воспоминаниями). Предположим, что симптом «С» находится на верхней линии, а травматическое воспоминание «Т» — на нижней, ассоциация между «С» и «Т» утраивается. Здесь существует герменевтическое отношение; симптом «С» подобен коду на известном языке, помогающему личности расшифровать текст, написанный на неизвестном языке. Существует взаимоотношение между воздействием и причиной, а в-третьих, есть еще и терапевтическое отношение. «С» можно удалить, произведя определенное воздействие на «Т», как, например, поместив его в сознание и познав его. Клиническая интерпретация, научное понимание и терапевтическое удаление симптома могут, таким образом, почти совпадать друг с другом.

Это — развитие эффекта, обнаруженного Жане и Брейером. Инновацией Фрейда явилась динамическая концепция взаимоотношений «С» и «Т». «Т» имеет тенденцию выражать себя в сознании, но «Т» задерживается и содержится в подсознательном посредством активного усилия, называемого *repression* (вытеснением). Этот внутренний конфликт поглощает психологическую энергию, которую можно высвободить, когда пациент излечивается от своего симптома.

Успешность вытеснения бывает различной. Если вытеснение оказывается исключительно сильным, травматические воспоминания остаются скрытыми, и «С» исчезает. Если вытеснение оказывается исключительно слабым, «Т» всплывает непосредственно на поверхность и выражает себя в явной форме; здесь «С» и «Т» настолько похожи, что исчезает потребность в расшифровке. Нам приходится иметь дело с симптоматическим действием. В промежуточных ситуациях, когда вытеснение неспособно удерживать «Т» полностью в бессознательном, существует некоторый вид равновесия или компромисса между обеими силами в форме некоего симптома. «С» выражает «Т» в замаскированном виде и нуждается в расшифровке.

Та же модель применима к психологии сновидений, с той лишь разницей, что вместо симптома «С» мы имеем проявляющееся содер-

жание, вместо травмы «Т» — скрытое содержание, а между ними — силы вытеснения, называемые цензором и действующие в механизмах подавления и сжатия. Здесь мы также имеем три вида сновидений. Сновидения первого типа — невозвратимо утрачиваемые, как только сновидец пробуждается, сравнимые с теми скрытыми симптомами, которые имеют место, когда силы подавления оказываются настолько мощными, что ничто не возникает на поверхности. К противоположному типу относятся те понятные, ребяческие сновидения, сравнимые с симптоматическими воздействиями; вытеснение настолько несущественно, что скрытое представление показывается в незамаскированном виде в представимом содержании. Большинство сновидений относится к промежуточному типу, компромиссу между бессознательными силами, стремящимися выразиться в сознании, и силами подавления.

Та же схема применима для парапраксий. В случае симптоматической забывчивости, например, мы имеем в качестве «С» потерю памяти, вместо «Т» — волнующее скрытое представление, а между ними — силу вытеснения. Здесь мы также различаем три вида, определенных Далбизом[331]. Первый вид представляют запрещенные воздействия, где действует полное и успешное вытеснение, как, например, когда забыто нечто важное, что человек хорошо знает. Противоположными являются симптоматические воздействия, выполняемые под влиянием бессознательного импульса, когда индивид не знает, почему он действует именно таким образом. Между этими двумя видами находится группа тревожащих воздействий, когда имеет место неполное вытеснение. Большинство оговорок и описок принадлежит к этой группе.

В отношении шуток можно применять подобную модель глубинной психологии, но применима и более сложная модель, при условии, что сама игра словами занимает место «С», скрытая под ней мысль замещает «Т», а методика создания остроты заменяет вытеснение.

До сих пор мы описывали упрощенную модель глубинной психологии, но существует и более сложная модель, содержащая верхний и нижний уровни. При истерии мы обнаруживаем на верхнем уровне симптомы, связанные цепочками памяти с некоторыми травматическими воспоминаниями поры наступления половой зрелости, а оттуда — с воспоминаниями детства на нижнем уровне. В сновидении верхний уровень занимает представляемое содержимое, связанное через работу сновидения и цензора со скрытым содержимым. Последнее относится к нижнему уровню, к месту хранения подавленных детских желаний. В книге «Психопатология повседневной жизни» равная по сложности модель применяется для тех скрытых воспоминаний, в которых события отрочества, находящиеся между памятью о настоящем и воспоминаниями детства, дают ключ к разгадке. Наконец, двухуровневая модель

применяется для тех шуток, в которых предварительное удовольствие обещано «техническими приемами» (сравнимыми с работой сновидения), но на нижнем уровне находит свое удовлетворение злобная или сексуальная шутка.

Но это еще не все, так как глубинная психология предлагает «зерно» третьей, более сложной модели. Подобно тому, как в разуме взрослого индивида Фрейд обнаруживал влияние забытого мира детства, он представлял себе и более глубокий слой, присущий человечеству в целом, на котором находится множество универсальных сексуальных символов, обнаруживаемых в сновидениях. Это произошло незадолго до того, как Фрейд должен был вывести из универсального характера эдипова комплекса концепцию убийства исконного отца его сыновьями.

Все эти понятия глубинной психологии могут оказаться теоретическими и абстрактными, но они становятся живой реальностью, когда иллюстрируются клиническим случаем. Такова классическая история Доры, которую Фрейд лечил в 1900 году, хотя опубликовал ее историю только в 1905[332]. Этот рассказ отличается своей литературной ценностью и искусством, с которым автор выдерживает читателя в постоянном напряжении на протяжении всего чтения. Вначале Фрейд затратил большие усилия, чтобы объяснить, что, с научной точки зрения, нет ничего дурного в обсуждении половых вопросов (эта предосторожность кажется странной, когда наблюдаешь за потопом сексуально-патологической литературы, продолжающим затапливать всю Европу со времен Крафт-Эбинга). Историю Доры можно также рассматривать как принадлежащую к современной разоблачающей литературе. В истинно ибсеновской манере мы сталкиваемся сначала с ситуацией, кажущейся безобидной, но по мере развития событий нас приводят к открытию сложных взаимоотношений, и перед нами открываются тяжкие тайны.

Дора, юная восемнадцатилетняя девушка, страдающая от нескольких классических симптомов *petite hystérie*, живет со своим отцом, процветающим промышленником, матерью, полностью поглощенной домашними обязанностями, и старшим братом. Как и во множестве других семей, дочь привязана к отцу, а сын — к матери. Родители Доры тесно связаны дружескими узами с господином и госпожой К., с которыми часто проводят отдых, а Дора проявляет трогательную заботу об их двух малолетних детях.

Уже первое исследование показывает запутанность ситуации. За часто недомогающим отцом Доры ухаживает госпожа К., и Дора возмущается по этому поводу. К ее негодованию, господин К. осыпает Дору подарками и цветами. Негодуя, Дора признается матери в том, что господин К.

делает ей гнусные предложения, в которые отец отказывается поверить. Господин К. все отрицает и в ответ сообщает, что узнал от жены, что Дора читает полупорнографические сочинения Мантегацци[333]. Постепенно Дора высказывает все более поразительные признания своему аналитику. Она совершенно убеждена в том, что ее отец и госпожа К. состоят в любовной связи. Четыре года тому назад господин К. поцеловал ее, и она испытала к нему сильное отвращение. Она сама ощущает себя предоставленной отцом господину К. в обмен на согласие того на любовные отношения отца с госпожой К. С другой стороны, становится очевидным, что Дора поощряет действия отца. Вслед за тем становится известно о гувернантке, посвятившей девушку в суть сексуальных вопросов и объяснившей ей природу отношений отца и госпожи К. Гувернантка, влюбленная в отца Доры, расточает свои заботы о молодой девушке. Но когда Дора осознает это, то заставляет родителей уволить гувернантку. В беседах с аналитиком выясняется, что, если Дора столь сильно привязана к маленьким детям К., стало быть, она страстно влюблена в К., вопреки ее заверениям в противоположном. Тем не менее Дора весьма привязана к своему отцу, и, как оказалось, тайная цель ее истерических неврозов состоит в том, чтобы тронуть его сердце и отдалить его от госпожи К.

Но это еще не все. Посредством завуалированных намеков Дора дает понять, что она осведомлена о том, что ее отец — сексуальный импотент и, следовательно, его отношения с госпожой К. неизбежно должны носить ненормальный характер. В самом деле, кажется, что Дора гораздо лучше разбирается в сексуальных вопросах, чем казалось вначале. Именно в этом аналитик находит ключ к пониманию истерического кашля Доры. Но Дора не только влюблена в отца и господина К.; она испытывает романтическое влечение к госпоже К. Ранее Дора делила с ней комнату и до сих пор говорит о ее «восхитительном белом теле», и именно госпожа К., еще даже до гувернантки, посвящала ее в сексуальные вопросы и давала читать книги Мантегацци. Но с того момента, когда Дора поняла, что госпожа К. заботится о ней только потому, что любит ее отца, она отвергла ее точно так же, как впоследствии гувернантку.

В этот момент психоанализ показывает, что способен продвинуться куда дальше, чем любой шедевр «обнажающей литературы». Фрейд хочет продемонстрировать, как толкование снов будет в дальнейшем способствовать лечению, заполняя провалы в памяти и поставляя объяснение симптомов. Два сновидения Доры и их толкования слишком сложны для того, чтобы сделать здесь какие-либо выводы. Позволим себе только сказать, что первое сновидение выражает ее желание, чтобы отец помог ей избавиться от искушения господина К., что оно раскрывает ее старую кровосмесительную любовь к отцу, что в детстве она доставляла себе удовлетворение мастурбацией, что знала о том, что отец болен сифилисом и заразил им

ее мать, и что она подслушала сексуальные подробности интимной жизни родителей. Второе сновидение ведет читателя еще дальше в сферу тайных сексуальных желаний Доры и к символизму некоего рода «сексуальной географии».

Этот краткий отчет не может передать полностью сложность истории Доры со всеми лабиринтами межличностных отношений и их отражений в виде невротических симптомов. Мы видим, что мать Доры регулярно заболевает накануне возвращения мужа, в то время как Дора болеет столь долго, сколь господин К. отсутствует, и поправляется, как только он возвращается. Мы узнаем также о том, что люди одалживают, как это случается, невротические симптомы друг у друга, как в других примерах соматические симптомы представляют собой выражения скрытых или бессознательных чувств, как отрицание может быть эквивалентно признанию и как обвинения других могут представлять на самом деле самообвинения. Также выносится на обсуждение герменевтическая и терапевтическая значимость переноса.

Современный психоанализ счел бы трехмесячный курс лечения Доры слишком коротким, а использованные методы — неадекватными во многих отношениях. Но, отстранившись от присущего данному случаю интереса, можно сказать, что история Доры точно определяет стадию развития глубинной психологии в начале 1900-х. Фрейд лично провозгласил, что бессознательное не отличает факты от фантазий. Некоторые читатели нашли, что это различие в истории Доры было недостаточно острым, и остались при своем мнении. Именно в таком свете следует рассматривать ранние противоречия, возникшие в области психоанализа.

Работа Фрейда: V — Теория либидо

В 1905 году Фрейд опубликовал свои «Три очерка по теории сексуальности»[334]. Эта выразительная брошюра оставляет впечатление, что является в большей степени кратким резюме более пространной книги, чем оригинальной работой самостоятельного значения. Действительно, более поздние издания были значительно расширены, но для понимания первоначальной теории следует читать издание 1905 года.

Первый очерк классифицирует сексуальные отклонения в соответствии с объектом и целью. В первой упомянутой группе находится инверсия (гомосексуальность), при пояснении этиологии которой Фрейд указывает на присущую человеческим созданиям бисексуальность и отсутствие четкого разграничения между извращением и разнообразием

форм нормальной сексуальности. В сексуальности невротиков Фрейд отмечает три характерные особенности: мощное вытеснение сильного сексуального порыва, сексуальность с признаками извращения (невроз — это отказ от извращения) и ее инфантильные свойства (как еще не объединенные, частичные желания, локализованные в эрогенных зонах).

Второй очерк имеет отношение к инфантильной сексуальности. «Почему это явление остается почти неизвестным?» — вопрошает Фрейд. Не только в силу обычных представлений о невинности ребенка, но и потому, что своеобразная амнезия, подобная той, которую вызывает вытеснение в невротиках, стирает из памяти первые шесть или восемь лет жизни человека. «Эта амнезия служит каждому индивиду в качестве его предыстории». «Латентный период», следующий за этими годами, зависит не только от культурных, но и от органических условий и способен возвысить сексуальные инстинкты во благо общества. Затем Фрейд последовательно описал фазы развития детской сексуальности. Первой выступает автоэротическая фаза, в которой любая часть тела может быть эрогенной зоной, но ее обычной областью является рот, с удовлетворением в форме сосания. После этой «оральной фазы» главной эрогенной зоной становится анус, а удерживание фекалий доставляет удовольствие. Эта зона замещается в третьей фазе гениталиями, отсюда — частота детских мастурбаций. На протяжении этих фаз ребенок представляет собой «полиморфного извращенца», что означает, что в нем присутствуют возможности для всех извращений, которые в определенных обстоятельствах могут развиться у многих взрослых. Фрейд также привел список источников сексуальной стимуляции (включающий ритмичные движения, мускульную активность, сильные эмоции и интенсивную интеллектуальную деятельность). Он указал при этом на структурный элемент в индивидуальных многообразиях сексуальности. В более поздних изданиях Фрейд добавил во втором очерке подробности инфантильных сексуальных теорий и эффекты воздействия на ребенка «самой ранней сцены» (наблюдения ребенка за родительскими сексуальными сношениями).

Третий очерк называется «Трансформации в пору половой зрелости». За биологическим переворотом при достижении половой зрелости следует сдвиг от автоэротизма к сексуальным объектам, от частичных желаний к их объединению при главенствующей роли генитальной зоны и от индивидуального удовольствия к услужению во имя деторождения. На этой стадии сексуальное удовольствие, каковое существует у ребенка, выживает в виде «предварительного удовольствия», стимулирующего более полное удовлетворение. Фрейд сравнивал этот механизм с механизмом тех шуток, в которых способ производит предваритель-

ное удовольствие и стимулирует более глубокое удовлетворение через высвобождение агрессивных или эротических чувств. Далее следует психосексуальное отличие мужчин от женщин. Либидо, говорил Фрейд, в своей основе представляет в природе мужское, независимо от того, случается оно у мужчины или женщины, и каковым является его объект; но в то же самое время Фрейд усваивает от Флисса фундаментальную бисексуальность человеческих существ. Затем Фрейд описывает развитие психосексуальности в мужчинах, в которых она проста, и в женщинах, где она имеет более сложный характер, отсюда — большая предрасположенность женщины к истерии. Остальная часть очерка посвящена проблеме нахождения любовного объекта. Самым первым объектом детской сексуальности является собственное тело и материнская грудь; после отлучения от материнской груди сексуальность становится автоэротической, и лишь позже она должна переориентироваться на некий объект. Первый объект, мать, целуя и лаская младенца, пробуждает в нем инфантильную сексуальность, приводящую к эдиповой ситуации, тема которой получила значительное развитие в более поздней психоаналитической литературе. Фрейд указал на значимость этого раннего воспитания для будущего любовного выбора и для судьбы индивида. В своем резюме Фрейд подчеркнул роль структурного элемента, в которой он также ссылается на частоту наследственного сифилиса, встречающегося у невротиков.

Вопреки краткости изложения, «Три очерка» содержат синтез значительной широты и пределов понимания, на основе которых сам Фрейд и целые поколения психоаналитиков должны были расширять свои исследования. Мы не станем подробно останавливаться на этих выкладках, которые были подробно истолкованы столь многими авторами. Попытаемся лишь поместить теории Фрейда в контекст современной сексуальной патологии.

Сексуальные теории Фрейда концентрируются вокруг нескольких тем. Первая — понятие либидо — касается сексуального инстинкта с его эмбриологией, последовательными фазами эволюции и метаморфозами. Вторая подчеркивает превратности выбора любовного объекта, особенно на фоне эдипова комплекса. Третья, основывающаяся на предыдущей, — интерпретация определенных характерных типов (особенно оральных и анальных) неврозов и сексуальных отклонений. Четвертая — система сексуального символизма. И, наконец, исследования ранних событий в сексуальной жизни, ранних сексуальных фантазий и их роли в последующей эмоциональной жизни.

Когда «Три очерка» появились в 1905 году, в духе времени был чрезвычайный интерес к сексуальным проблемам, и потому трудно различить границу между работами Фрейда и параллельными резуль-

татами, имевшими место в его окружении[335]. Сексуальные нравы того времени сохранили слишком мало, если вообще что-либо, от установок, символизировавшихся словом «викторианство». Огюст Форель в своих мемуарах приводит яркое описание распущенности сексуальных нравов в Вене, добавляя, что в Париже дела обстояли ничуть не лучше[336]. Зилбург упоминает, что «союзы свободной любви» процветали по всей царской империи среди студентов и подростков, и что это было «явлением социологического характера», никоим образом не ограниченного пределами России[337]. Проблемы венерических заболеваний, контрацепции и сексуального просвещения детей обсуждались открыто и повсеместно. Все возможные грани сексуальной жизни появлялись «с ослепляющей искренностью» (выражение Зилбурга) в работах Мопассана, Шницлера, Ведекинда и многих других; они также обсуждались в какой-то неистовой манере в журналах, таких, например, как «Die Fackel» Карла Крауса. Шопенгауэр уже отвел метафизике пола (Sexus) центральное место в своей философии; в наши времена Вейнингер поднял вопрос о доктрине сексуального мистицизма в книге, встреченной с необычайным успехом[338]. Далее схожие системы разрабатывались Розановым и Винтуисом[339]. Сверх перечисленного, новая наука — сексуальная патология, медленно развивавшаяся в течение девятнадцатого столетия, получила решительный толчок тридцатью годами раньше, в результате публикации Крафт-Эбингом его «Половой психопатии». Начиная с 1886 года поток литературы на эту тему постоянно возрастал, что породило трудности ее обозрения. В 1899 году Магнус Хиршфельд начал публикацию ежегодника, часть которого пыталась осветить текущую библиографию того времени[340]. В то время как первый том состоял из 282 страниц, четвертый (в 1902 году) насчитывал 980 страниц, пятый (в 1903 году) — 1368 страниц, шестой (в 1904-м) — 744 страницы, а в 1905-м — 1084 страницы. Неудивительно, что в «Трех очерках» Фрейда есть мало чего такого, что невозможно было бы обнаружить среди фактов, теорий и размышлений, содержащихся в этом литературном потоке.

Источники теории либидо многочисленны. Позвольте напомнить, что терминами *auto-erotism* (автоэротизм), *erogenous zones* (эрогенные зоны) и *libido* (либидо) к тому времени уже пользовались[341]. Первые модели единого понятия сексуального инстинкта предлагались философами, начиная с Платона. Как Платон, так и Фрейд указывали на врожденную бисексуальность человеческого существа и сублимацию сексуального инстинкта. Георгиадис указывает на то, что Фрейд считал либидо свойством мужского пола, в то время как Платон оценивал гомосексуальную любовь как высшую в сравнении с гетеросексуальной и считал возвышенную гомосексуальную любовь источником всех высших

чувств[342]. Уже упоминалось о глубоко развитых аналогиях между теорией либидо Фрейда и философией Шопенгауэра[343], как и о расширенной концепции Арреа о сексуальном инстинкте[344]. Биологи продвигались по следам философов. Глей в 1884 году предположил, что врожденная анатомическая бисексуальность должна была оставить психологические следы в человеке, и что они, в свою очередь, могли стать отправной точкой гомосексуальности[345]. Подобные теории были разработаны и клиницистами. Дессуар[346] в 1894 году и Молл[347] в 1898 году описали две стадии эволюции сексуального инстинкта; за недифференцированной стадией следовала дифференцированная; некоторые индивиды, как они утверждали, остаются, по крайней мере частично, в недифференцированной стадии, вследствие чего случается гомосексуальность или другие перверсии. Две работы в 1903 году предложили теорию, основанную на концепции фундаментальной бисексуальности человека. На одну из них — известную работу «Пол и характер» — ссылка уже приводилась; другая, менее философская, но в большей степени соответствовавшая клинической точке зрения, — книга Хермана «Либидо и мания»[348]. Как утверждает Херман, все сексуальные отклонения происходят из-за комбинированного воздействия человеческой бисексуальности и нарушений душевного равновесия на стадиях развития *либидо* (в смысле, приданном этому термину Моллом). Сексуальные отклонения от нормы классифицируются в три группы: первая — различные формы «асексуальности» (сексуальный инфантилизм, автоэротизм и т. п.), ко второй относятся отклонения, идущие от бисексуальности, в третью входят те, в которых обнаруживается «супрасексуальность» (главным образом аномальная, сенильная сексуальность). Большинство сексуальных отклонений принадлежит ко второй группе, в которой Херман классифицирует их попарно (гомосексуализм-лесбиянство, садизм-мазохизм и т. д.). Будет ли недифференцированное либидо направлено на мужчину или женщину, в высшей степени зависит от случайности: в этом отношении приводим ссылку на Мейнерта[349]. С книгой Хермана «Либидо и мания» Фрейд определенно был ознакомлен, так как он упоминает о ней в «Трех очерках».

Представления об инфантильной сексуальности и ранних фазах сексуального развития не были совершенно новыми. Идея о том, что удовольствие, испытываемое грудным ребенком у материнской груди, позже нашедшая выражение в эстетическом удовольствии, была обнаружена еще Эразмом Дарвином[350]. Первопроходцем-исследователем орального эротизма у детей был венгерский педиатр Линднер, описавший множество разнообразных вариантов сосания пальца, простых и комбинированных, и предположивший, что они являются выражениями инфантильного эротического удовлетворения[351]. Эта статья при-

влекла определенное внимание Крафт-Эбинга и других, считавших, что некоторые женщины в процессе грудного кормления также получают от него эротическое удовлетворение.

Концепция Фрейда об анальном эротизме кажется более оригинальной, хотя ее некоторые аспекты были предугаданы ранее. Шарль Фурье, французский социолог-утопист, классифицировал стремление копаться в тине и грязи как переходную детскую фазу среди основных человеческих инстинктов[352]. Фурье предложил обобществить такое увлечение: детей в этой фазе развития следовало бы объединить в «маленькие бригады» сборщиков экскрементов к их собственному удовольствию и на благо общества. На более умозрительном уровне представитель романтической медицины, К.Р. Гофман, разработал теорию, в которой выделение экскрементов было не просто физиологической функцией, но «основным жизненным устремлением» (*Grundtrieb des Lebens*), которое может случайно обратиться против индивида[353]. Можно указать на существование корреляции между теорией Фрейда об анальном эротизме и духом времени. В природе человека заложено свойство — пренебрегать вещами, которые слишком очевидны, и обращать на них внимание, когда они исчезают. Так, европейский крестьянский фольклор оставался неизвестным ученым, или они относились к нему с презрением до тех пор, пока он не начал угасать, и только тогда фольклористы спохватились, чтобы записать его. Подобным же образом в течение столетий человечество воспринимало вид и запах экскрементов как нечто само собой разумеющееся, но когда в конце девятнадцатого столетия водопровод распространился повсеместно, когда люди начали жить в изнеженном и дезодорированном мире, эти явления стали привлекать внимание. Новое увлечение было проиллюстрировано в 600-страничной компиляции, составленной Краусом и Имом, дающей общее обозрение роли экскрементов в жизни различных популяций мира, с панегирическим предисловием, написанным Фрейдом, в котором он рассказывает о проявлениях копрофилии у детей, их подавлении и связи с сексуальным инстинктом[354].

То, что Фрейд сказал о фаллической фазе либидо, отражает общий интерес его времени. Воспитатели, педиатры и сексопатологи — все знали о частоте мастурбаций среди детей и подростков и были озабочены возможностями развращения детей слугами и другими взрослыми[355]. Существование детской сексуальности многими, несомненно, игнорировалось или считалось редкой и аномальной случайностью, но были и другие, не столь наивные. Следует особо упомянуть популярные книги Мишле: *Our Sons* («Наши сыновья») и *Woman* («Женщина»); последняя была известна Фрейду, так как он цитировал ее по другому поводу[356].

Сам термин и понятие сублимации (очищения) были хорошо известны, и Фрейд никогда не заявлял, что он ввел их. О сублимации упоминалось как о современной идее в одном из романов, опубликованном в 1785 году, а позже этой идей пользовались Новалис, Шопенгауэр и особенно — Ницше[357].

Фрейд систематизировал представление о том, что сексуальный инстинкт проходит свои начальные фазы развития в младенчестве, после чего следует скрытый период; что его несомненное начало, происходящее во время половой зрелости, в действительности знаменует собой возрождение и оздоровление. Подобные факты наблюдались и описывались впервые Даллеманем, а затем Рибо, но эти авторы рассматривали такое развитие как исключение из правил[358].

Идея сексуального инстинкта, целью которого является не внешний объект, а сам субъект, была весьма широко распространена. Концепция самовлюбленного Нарцисса, в изобилии распространенная поэтами и писателями, достигла внимания психиатров[359]. Хавелок Эллис описал различные формы «автоэротизма», а Нэке ввел термин «нарциссизм».

Важнейшее влияние образов матери и отца на будущую любовную жизнь индивида также предчувствовали ранее, и Ницше не был единственным, кто верил в то, что «каждый мужчина сохраняет в памяти образ матери, и от качества этого образа будет зависеть его будущее отношение к женщинам». В нашумевшем романе Лакло «Опасные связи» архисовратитель Вальмон объясняет, что никто не может соблазнить невинную и порядочную молодую девушку, если только не разрушает в ней ее уважение к своей матери[360]. Жюль Лафорг объясняет, что именно потеря уважения к матери заставляет Гамлета так грубо обращаться с Офелией[361]. Новацией Фрейда явились его систематизация и введение этой концепции имаго (*imago*), образа отца и матери, в психиатрию.

О том, что между матерью и ребенком возникает эротическая связь, было хорошо известно многим педагогам. Стендаль говорил о своей ранней кровосмесительной любви к матери[362]. Мишле популяризовал это представление. Теперь Фрейд подтверждает, что внутри определенных границ эта связь естественна и нормальна, и добавляет идеи о желании ребенка смерти своему отцу и о его страхе перед отцовским наказанием и кастрацией. Полная концепция эдипова комплекса, как позже систематизировал его Фрейд, включала эти три компонента: желание инцеста в отношении к матери, желание убить отца и образ жестокого, кастрирующего отца.

В действительности мифологическую модель этого комплекса невозможно обнаружить в драме об Эдипе, таковой она предстает в мифе о Сатурне и Юпитере. Сатурну угрожал смертью его отец, Уран, первый бог мира, но его спасла мать. Затем Сатурн кастрировал отца. Позже

Сатурн съедает собственных детей, за исключением самого младшего, Юпитера, которого спасает мать. Впоследствии Юпитер вытесняет отца. Тот же миф был найден в Индии и среди хеттов*[363]. Для Дюмезиля (историка религий) этот миф представляется всего лишь отражением историй, существовавших когда-то[364]. В древних династиях Индии политические и сексуальные власти были тождественными, и царь был великим тираническим самцом, испытывающим страх перед свержением с трона и кражей его мужской потенции, что могут свершить его сыновья. С другой стороны, индийские философы объясняли процесс переселения душ присвоением перевоплощенному созданию чувств, подобных тем, что включает эдипов комплекс. Васубандху** описывает переселение душ следующим образом:

> Промежуточное создание... обладает божественным глазом. Оно видит место своего рождения, хотя и издалека. Оно видит объединенными своих отца и мать. Его дух встревожен видом самодовольства и враждебности. Если это мужское существо, оно охвачено мужским желанием в отношении его матери; если это женщина, она испытывает женское желание к своему отцу; с другой стороны, оно ненавидит отца или мать, которых считает мужским или женским соперником. Как сказано в Праджнапти***: «тогда появилась в Гандхарве или мысль о похоти, или мысль о ненависти». Дух был настолько потрясен этими двумя ложными мыслями, что по любовному желанию прикрепил себя к месту, где соединяются два органа, воображая, что именно он сам стал единым... промежуточное создание возрадовалось удовольствию оттого, что установило себя в матку[365].

Один из аспектов психоанализа, ставший наиболее популярным, относится к сексуальным символам («фрейдистским символам»). В этой области множество предшественников Фрейда можно разделить на четыре группы:

---

* Хетты — древний индоевропейский народ, появившийся в Анатолии в начале второго тысячелетия до н. э.; к 1340 году до н. э. стали одним из могущественнейших народов Средней Азии. — *Прим. пер.*

** Васубандху (Vasubandhu) — индийский буддистский философ и логик (около V–IV в. до н. э.). Считал все предметы, кажущиеся внешними, лишь мысленными представлениями. — *Прим. пер.*

*** Праджнапти (Prajnapti) — в буддистской философии — наименование предмета словом; оно рассматривается как фиктивная конструкция, не имеющая отношения к основной реальности («к тому, что избегает словесного многообразия»). Согласно этой философии, высочайшая реальность — не дифференцирована, она — за пределами слова и мыслим то, что дифференцировано, рассматривается как существующее только номинально. Так как слова не обозначают реальности, эмпирические знания о явлениях в мире не могут считаться истинными. — *Прим. пер.*

1. Антропологи собрали коллекции из традиционных непристойных символов, обнаруженных в приапической поэзии, и из «Криптадий»* всех стран. В связи с этим фольклорист Оппенгейм[366] попросил Фрейда дать психоаналитические комментарии для коллекций такого рода.

2. Интерес к символам сновидений также привлек внимание к тем из них, которые имели сексуальное значение. Согласно Лайнел-Лавастину и Винчону, сонник в эпоху Возрождения, сонник Пиероса, описывает сновидения змей, деревьев, цветов, садов, зубов, колонн и гротов, имеющих значения, подобные тем, которые входили в символизм Фрейда[367]. Первым объективным исследователем символизма сновидений был Шернер, и мы припоминаем, что символы, считавшиеся им сексуальными, оказались идентичными тем, которые были описаны тридцать девять лет спустя Фрейдом в его «Толковании сновидений»[368].

3. В течение всего девятнадцатого столетия проводились обширные исследования сексуальной символики в культах, мифах и религиях. Первопроходец в этих исследованиях, Жак-Антуан Дюлюар, настаивал на том, что ранние цивилизации, поклонявшиеся солнцу, включали его возрождающие силы в образ фаллоса[369]. Он пространно описывал культ фаллоса и его символику, приводя бесчисленное количество примеров из древних цивилизаций. Его книга пользовалась невероятным успехом и пропагандировала идею, утверждавшую существование универсального культа фаллоса. Многие археологи-любители теряли головы, увлекшись поисками символических реликвий этого культа. Приведем всего лишь один пример: в романе Флобера «Бувар и Пекюше» два героя повествования, увлеченные исследованиями «кельтской археологии», нисколько не сомневаясь, решили, что могильный курган («tumulus») символизирует женский половой орган, а каменное навершие («pierre levée») — мужской. Они не сомневались в том, что башни, пирамиды, церковные свечи, путевые столбы и деревья были фаллическими символами. В своем частном музее они открыли экспозицию фаллосов. Тем временем серьезный ученый, Адальберт Кун, интерпретировал ритуальное разжигание огня как символическое человеческое размножение[370]. В середине викторианской эры в Англии Джордж Кокс пояснял сексуальный символизм античных религий следующим образом: прут, дерево, плеть пастуха, скипетр, змея, бык были мужскими символами; убежище, корабль, чаша (включая Святой Грааль), колодец, корзина, лампа, лотос были женскими символами. В связи с тем, что «мысли, возникающие при осознании различий между мужчиной и женщиной, принадлежат к тем, которые наиболее загадочно волнуют сердце», Кокс признался в том, что «философия, претендующая на примирение

* Kryptadia — списки надписей в криптах — подземных помещениях культового характера. — *Прим. рус. ред.*

естественных стимулов верующих с чувством справедливости и долга, должна обладать странными и почти непреоборимыми колдовскими чарами»[371]. В Германии Нагеле интерпретировал культ змеи в античности как фаллический культ[372]. В Италии Губернетис разработал систематизированную теорию универсального сексуального символизма, усмотренного им в ботанике[373] и зоологии[374].

4. Клиническая практика предоставила множество данных о сексуальном символизме. Романтическая психиатрия сосредоточила свое внимание на роли сексуальных импульсов и расстройств, сопровождающих психозы[375]. Нойман, а позднее Сантлус и в меньшей степени Гризингер описывали замаскированные проявления сексуального инстинкта, наблюдавшиеся в их пациентах. Осознание того явления, что многие формы патологического мистицизма порождаются вытесненной сексуальностью, превратило его в непреложную истину среди писателей, психиатров и религиозных авторов[376]. Криминолог Ганс Гросс также провел систематическое исследование скрытых форм несостоявшейся сексуальности и их роли в преступности.

Другой областью исследований Фрейда были многообразие и превратности сексуальных фантазий и их последующее влияние на эмоциональную жизнь. Фрейд утверждал, что наблюдение маленьких детей за сексуальным сношением родителей, то есть за тем, что он называл основной сценой, имеет глубокое, вызывающее нарушение душевного равновесия, влияние на ребенка, в особенности когда оно интерпретируется как садистский акт. Фрейд, кроме того, приписывал огромную важность теориям, возникающим в детском воображении для ответа на их собственный вопрос о том, как появляются на свет дети, и сексуальным отношениям родителей. Фрейд упоминал об этом как о важном аргументе в пользу современной тенденции полового просвещения детей. Другая фантазия, на тему «семейного романа», возникает у детей определенного типа, воображающих, что их настоящие родители имеют гораздо более высокий социальный статус, чем реальные родители. Эта тема была в значительной степени разработана Отто Ранком[377]. Здесь мы снова находим психоаналитическое отражение современной, распространенной темы. В то время, когда большинство европейских стран были королевствами или империями, многие пациенты с расстройствами психики провозглашали себя потомками родов властителей или даже законными монархами. Крафт-Эбинг описал многообразие этих заблуждений под названием *Originäre Paranoia* (этот термин часто ошибочно понимают как «заблуждение по поводу происхождения семьи»; на самом деле он означает форму паранойи, «происхождение» которой можно проследить до возраста начала памяти). Во Франции одна известная пациентка, Гершель Ро, в связи с ее заявлением о королев-

ском происхождении, была помещена в больницу для душевнобольных. Позже ее освободили, причем она получила значительную денежную компенсацию за допущенную техническую ошибку в ордере на принудительное помещение в психиатрическую лечебницу. Она опубликовала две «автобиографии»: в одной из них симулируется большая часть ее заблуждений, в другой она выражает их полностью[378]. Оригинальность Фрейда состояла в демонстрации фактов, свидетельствующих, что «семейный роман» существует не только в экстремальных параноидных формах, но часто встречается в зачаточном виде у детей и, кроме того, имеет некоторое отношение к фольклору и мифологии.

В современных описаниях жизни Фрейда утверждается, что публикация его теорий о сексуальности из-за их неслыханной новизны вызвала гнев в «викторианском» обществе. Документальное свидетельство показывает, что такое утверждение не соответствует факту. «Три очерка по теории сексуальности» Фрейда появились среди потока современной литературы по сексологии и были встречены благосклонно[379]. Основная оригинальность Фрейда заключалась в синтезе идей и концепций, в большинстве своем разбросанных или частично организованных, и в применении их к психотерапии. Клинической иллюстрацией сказанного может служить случай с маленьким Гансом, который для теории либидо был тем же, что история Доры представляла для глубинной психологии.

Эта история не обладает литературными достоинствами случая с Дорой и описана более пространно. Она была рассказана отцом маленького Ганса и комментирована Фрейдом.

Ганс был первенцем в семье психоаналитика, являвшегося одним из ближайших учеников Фрейда. Его мать окружала сына нежной заботой и осыпала ласками. Она часто брала его в свою постель и даже, как обнаружилось позже, нередко водила с собой в туалет. В трехлетнем возрасте Ганс начал проявлять любопытство к своему *widdler* — пенису (нем. wiwimacher). На вопрос к матери, есть ли у нее такой же, он получил утвердительный ответ. Когда ему исполнилось три с половиной года, мать застала его за мастурбацией и пригрозила кастрацией. Примерно к тому же времени родилась его младшая сестричка. Гансу сказали, что ее принес аист, но он был поражен докторским чемоданчиком и тазами, заполненными водой и кровью, в комнате матери. Он постоянно был поглощен вопросом, имеют ли другие люди и животные *widdler* и, казалось, особенно заинтересовался большим размером этого органа у лошадей. Он пришел к выводу, что наличие этого органа отличает одушевленные существа от неодушевленных; однако заметил, что у его маленькой сестрички такого органа нет, и сказал, что он у нее вырастет. Еще до того, как ему исполнилось четыре года, Ганс отличал-

ся «полигамной» склонностью: он влюблялся в девочек в возрасте от 7 до 11 лет, но также с нежностью обнимал своего пятилетнего двоюродного братца.

В возрасте 4 года и 9 месяцев Ганс (как обнаружилось позже) увидел, как лошадь, тянувшая тяжело нагруженную телегу, упала наземь. Вскоре после этого он стал проявлять растущее беспокойство, гораздо чаще прижимался к матери, а потом сказал, что боится выходить на улицу — как бы его не покусала лошадь. Фрейд посоветовал отцу сказать Гансу, что он боится лошадей потому, что слишком интересуется их *widdlers*, и начать постепенно просвещать его в некоторых сексуальных вопросах.

Таковым было начало четырехмесячного процесса (с января по май 1908 года). Высказывания мальчика, его грезы, спонтанные игры — все записывалось отцом и сообщалось Фрейду. После того как его сводили в Шенбруннский зоопарк, его страх распространился на жирафов, слонов и пеликанов. Однажды утром Ганс поведал о своей фантазии о двух жирафах, появившихся в его комнате, одного большого, а другого — съежившегося. Большой заплакал, потому что Ганс выбрал себе съежившегося. Эта фантазия была истолкована отцом как перенос маленькой семейной сцены: Ганс имел привычку входить рано утром в спальню родителей, при этом отец мог сказать матери, что не следует брать его в свою постель. Она могла возразить, что ничего не случится, если ребенок недолго побудет с нею, и забирала его к себе. Большой жираф был истолкован как большой пенис его отца, а сморщенный — как генитальные органы матери.

30 марта 1908 года отец взял Ганса с собой, когда ему нужно было ненадолго встретиться с Фрейдом у того в кабинете. Фрейд объяснил мальчику, что он боится отца, потому что так сильно любит мать. После этого визита последовало существенное улучшение, но вскоре фобия распространилась на новые предметы, а именно на больших лошадей-тяжеловозов, тащивших нагруженные доверху телеги, мебельные фургоны и т. п.; Ганс рассказывал о лошадях, упавших наземь и брыкавших ногами. Затем он стал испытывать отвращение при виде желтых женских панталон и интерес к экскрементам, ваннам, нагруженным телегам и ящикам и т. д. Однажды утром Гансу пришла в голову фантазия о том, что когда он лежал в ванне, водопроводчик выпустил воду из ванны и вонзил ему в живот сверло. Толкование отца заключалось в следующем: когда Ганс лежал в материнской кровати, отец вытолкнул его своим большим пенисом. Более поздняя интерпретация была в стиле фантазии о поколении: отец затолкнул его в матку матери своим большим пенисом. Отвращение Ганса к ваннам было связано с его желанием, чтобы мать вынула руку из ванны, купая его маленькую сестру, чтобы

ребенок утонул. Фантазия об упавшей лошади интерпретировалась как желание (и в то же время страх), чтобы отец упал и умер, а также как фантазия о матери в процессе деторождения. Фактически было обнаружено, что Ганс не верил в сказку об аисте и многое понимал в отношении беременности матери.

Таким образом, в основе фобии Ганса оказались его желания обладать матерью; чтобы умерли его отец и маленькая сестра; его комплекс кастрации; влияние ранних, детских теорий сексуальности и его обида на родителей за то, что они рассказали ему фальшивую сказку об аисте. 25 апреля 1908 года Ганс, достигший пятилетнего возраста, отвечал на несколько вопросов, заданных ему отцом. В обстановке, стимулирующей доверие и признание, он признался в том, что ему хотелось бы увидеть мертвым отца и жениться на матери. Это был кульминационный момент терапевтического процесса, и с тех пор остатки фобии стали постепенно уменьшаться: эдипов комплекс удалось превозмочь[380].

История о маленьком Гансе не была принята с такой легкостью, с какой встречали предыдущие публикации Фрейда, но смысл этого скептицизма был неправильно истолкован. Не столь существенным было то, что историю сочли аморальной. Скорее, некоторая часть читателей обнаружила, что ребенок был преждевременно и сверх всякой меры эротически развит еще до возникновения фобии. Кроме того, они задумывались над тем, не развилась ли сама фобия как следствие слишком любознательной установки отца и его вопросов, намекающих на нечто непристойное. Доказательная психология, которая в 1909 году была новой и модной частью психологии, привела множество примеров детей, дающих ложные свидетельства, которые, как было доказано, являлись ответами на бессознательное внушение (дети обладают сверхъестественным даром предвосхищения свидетельств, которых от них ожидают взрослые). Психоаналитики приветствовали историю Маленького Ганса как первое подтверждение теории Фрейда о детской сексуальности, полученное при непосредственном наблюдении за ребенком. Это был, кроме того, первый пример анализа ребенка (которому, однако, впоследствии суждено было развиваться в других направлениях), а также первый зарегистрированный в записях контрольный анализ.

Оскар Пфистер[381] комментировал изменения, произошедшие в психоанализе. Первоначально Фрейд приписывал невротические симптомы вытеснению болезненных воспоминаний, большей частью имевших отношение к сексуальной сфере (термин «сексуальность» употреблялся в его обычном смысле); выздоровление достигалось посредством абреакции. В 1913 году психоанализ говорил о вытеснении как фантазий, так и воспоминаний, и о невротических симптомах, происходящих из эдипова комплекса; выздоровление случалось при анализе переноса

и сопротивления: понятие сексуальности теперь было расширено до включения под именем «псевдосексуальности» всех категорий чувств, включающих слово *Liebe* (любовь). Такое нововведение должно было снять с психоанализа обвинение в пансексуализме. Однако определенные критики чувствовали, что представление о психосексуальности создает еще большие трудности для понимания теории либидо и особенно для теории сублимации.

Работа Фрейда: VI — От метапсихологии к психоанализу эго

К 1913 году могло показаться, что психоаналитическая теория достигла своего завершения. Однако следует отметить, к удивлению последователей Фрейда, должна была произойти еще великая метаморфоза. На этот раз новое учение не содержалось в единственной книге (такой, например, как «Толкование сновидений» или «Три очерка»), но в серии статей и кратких монографий, созданных на протяжении десяти лет.

В 1914 году Фрейд предложил в работе *Introduction to Narcissism* — («Введение в нарциссизм») свои новые взгляды в виде гипотезы, от которой он готов был отказаться или изменить ее, в случае, если факты будут ей противоречить[382]. До тех пор представления о конфликте между сознанием и бессознательным и о дуализме либидо и влечениях эго занимали фундаментальные положения в психоанализе. В «Трех очерках» Фрейд уже говорил о ранней стадии автоэротизма, предшествующей фиксации либидо на первом объекте, то есть на матери. В то же время Юнг объяснил, что шизофрения происходит в результате «интроверсии либидо», а Адлер подчеркнул значимость самооценки. Хавелок Эллис в Англии и Нэке в Германии описали нарциссизм как особую форму сексуального отклонения, в которой индивид находится в любовной связи с самим собой. Казалось бы, теория Фрейда о нарциссизме была предназначена соответствовать всем этим положениям.

Эта теория повлекла за собой новую систематизацию теории влечения. Прежде отмечавшееся Фрейдом различие между (несексуальными) стремлениями эго и (сексуальным) либидо было модифицировано новой концепцией эго-либидо, так что теперь существовали два вида стремления эго — относящееся к либидо и не имеющее отношения к последнему. Фрейд сохранил понятие ранней стадии автоэротизма, но говорил, что как только эго начинает становиться дифференцированным, ранее расплывчатое либидо фокусируется на нем, и наступает первоначальная фаза нарциссизма. В следующей стадии часть первоначального нарциссизма остается, а либидо направляется на мать и впоследствии на

другие объекты. Объект-либидо может отступить, «съежиться» и вновь оказаться помещенным в эго; это явление Фрейд позже назвал «вторичным нарциссизмом».

Остаток первоначального нарциссизма можно было бы обнаружить с помощью анализа у нормальных индивидов, и еще в большей степени — у невротиков, гомосексуалистов и пр. Отступление объекта-либидо объясняет такие явления, как манию величия, ипохондрию, шизофрению и парафрению.

Обычно чувство влюбленности исходит непосредственно от объекта-либидо, и это — несамостоятельная, зависимая любовь. Если все либидо полностью сосредоточено в другой личности, и для эго ничего не осталось, это — безрассудная страсть. Любовь нарциссического вида случается, когда первоначальный нарциссизм чрезмерно продлевается: тогда индивид видит в объекте только то, чем является сам, чем был всегда и чем бы ему хотелось быть.

Эта теория нарциссизма была предназначена стать прелюдией к полной реструктуризации основы психоаналитической теории. В 1915 году Фрейд объявил, что работает над книгой, названной «Введение в метапсихологию», состоящей из двенадцати эссе, но из них только пять были когда-либо опубликованы. Фрейд чувствовал необходимость в перестройке концептуальной основы, которая стала бы достаточно понятной, чтобы включить в себя все факты и аспекты психоанализа. Он определил *метапсихологию* как систему, которая описывала бы психологические факты с топографической, динамической и экономической точек зрения. Топографическая точка зрения (имеющая отношение к хорошо известной цитате из Фехнера) означала различие между бессознательным, предсознательным и сознанием. Динамическая относилась к психическим силам, находящимся в конфликте между собой. Экономическая означала упорядочение психических сил посредством принципа удовольствие-неудовольствие.

В книге «Влечения и их превратности» Фрейд определил влечения как «психических представителей эндосоматических, непрерывно наполняющихся источников стимуляции», в противоположность сенсорным стимуляторам, возникающим в обстановке особого внешнего раздражения[383]. Затем Фрейд определил главные характеристики влечений, их силу, их цель, их источник и их превратности: полное изменение на противоположное, обращение против субъекта, вытеснение и сублимация. Фрейд также упомянул о процессе интроекции (ребенок интроецирует удовольствие и проецирует неудовольствие). И, наконец, Фрейд коснулся вопроса зарождения любви и ненависти, утверждая, что хотя они и образуют пару противоположностей, ненависть укореняется на более ранней стадии психической жизни, чем любовь. Последнее

утверждение, противоречащее первоначальной теории либидо, явилось провозвестником дальнейших изменений.

Статья о вытеснении удивила тех аналитиков, которые считали вытеснение идеей, объясняющей представление о патогенезе[384]. Вытеснение (теперь поставленное третьим в ряд превратностей влечения) было подразделено на первоначальное и позднее вытеснение. При первоначальном вытеснении психическим образам инстинктов никогда не дозволялось проникать в сознание. При позднем вытеснении образы сознания с трудом втягивались в подсознательное посредством их связи с одной из первоначальных вытесненных идей. Когда вытесняются эмоционально заряженные идеи, судьба идеи и эмоции может оказаться различной; вытесненные идеи превращают себя в фантазии, а эмоции трансформируются в тревогу.

В третьей метапсихологической статье Фрейд подчеркнул, что бессознательное содержит не только вытесненный материал, и он заново сформулировал основные черты бессознательного мышления (ранее называвшегося первоначальным процессом)[385]. Бессознательное не имеет отношения к реальности, оно не знает принципов противоречия или времени; бессознательная энергия не ограничена никакими пределами. Фрейд также подчеркивал значимость бессознательных фантазий и то обстоятельство, что образы бессознательного должны проходить стадию воплощения в слова на предсознательном уровне, прежде чем стать сознательными.

В четвертом эссе Фрейд заново определил некоторые аспекты теории сновидений с точки зрения метапсихологии[386]. В пятом, «Скорбь и меланхолия», он дал толкование меланхолической депрессии в терминах новой метапсихологии, сравнивая ее с нормальной скорбной реакцией, следующей за смертью любимого человека[387]. Деятельность скорби состоит из медленного, постепенного расторжения эмоциональных связей с утраченным объектом и включения его идеализированного образа в субъект. В состоянии меланхолии происходит другое, а именно так, как если бы пациент бессознательно утратил объект, в отношении которого испытывал двойственные чувства любви и ненависти. Как следствие его включения, «тень объекта опускается на эго», отчего возникают меланхолическая ненависть к самому себе и суицидальные тенденции.

В 1920 году Фрейд еще раз чрезвычайно удивил своих последователей публикацией книги «По ту сторону принципа удовольствия», которая, казалось, придала метапсихологии ее окончательную форму[388]. Если подобное название в свое время вдохновило Ницше, то содержание определенно было внушено Фехнером. Один из трех элементов метапсихологии, экономический аспект, до того времени приравнивался

Фрейдом к принципу удовольствия-неудовольствия — к понятию, заимствованному у Фехнера. До Фехнера принцип удовольствия обычно понимался как простой поиск удовольствия и избежание неудовольствия. Фехнер относил его к принципу стабильности, а Фрейд, вслед за Фехнером, относил неудовольствие к увеличению напряженности, а удовольствие — к уменьшению напряженности до оптимального уровня. Таким образом, основным правилом жизни было регулирование количества возбуждения через механизм принципа удовольствие-неудовольствие. Фрейд, однако, уже осознал, что принцип удовольствия-неудовольствия ограничен, во-первых, принципом реальности, с которым следовало считаться в течение всего периода развития человечества, и, во-вторых, из-за того, что влечения, первоначально приносящие удовольствие, однажды вытесненные, утрачивают это качество. Теперь он утверждал, что эти ограничения зашли «за пределы принципа удовольствия». Другой, более древний принцип, «стремление к повторению» теперь рассматривался как единственно возможное объяснение определенных клинических фактов. В повторных сновидениях при травматических неврозах, в истерических приступах, в определенных формах детских игр мы видим, как повторяются неприятные события. Переносы в течение анализа разоблачаются как бессознательное оживление ситуаций детства. При неврозе, как и в нормальной жизни, некоторые индивиды повторно ощущают себя в тождественных ситуациях, приводящих к вере в предначертания судьбы. Фрейд отмечал различия между принципом удовольствие-неудовольствие, благотворным для организма, и демоническим характером стремления к повторению, а эти различия приводили его к экскурсу в философию.

После различных соображений по поводу *Reizschutz* (тенденции организма к защите от перевозбуждения) он предложил новое определение влечений. Влечения не обладают прогрессивным характером, они не стремятся к дальнейшему развитию индивида и его разновидностей. Их цель консервативна, они склонны к восстановлению предшествующих условий. В истинно фехнеровском стиле Фрейд заходит так далеко, что говорит об эволюции организмов как об отражении эволюционной истории Земли и ее отношения к Солнцу. Теперь Фрейд предположил в качестве гипотезы новую двойственную классификацию инстинктов: *Eros* (объединяющий вместе все формы инстинктов, имеющих отношение к либидо) и *death instinct* (инстинкт смерти, который последователи Фрейда вскоре стали называть *Thanatos*). В этой двойственной системе Фрейд, кажется, пытался постулировать, что инстинкт смерти является более фундаментальным. Подобно Шопенгауэру, теперь Фрейд провозглашал, что «цель жизни — смерть», что сам инстинкт самосохранения представляет собой один из аспектов инстинкта смер-

ти, так как он защищает от случайной, вызванной внешними причинами смерти, чтобы сохранить индивида для смерти от внутренних причин. Эрос теперь представлялся гораздо более значительным, чем просто сексуальный инстинкт, он существует в каждой живой клетке и стремится заставить живую субстанцию создавать большие сущности как формы бытия, это — отсрочка смерти посредством полета, устремленного вперед. Инстинкт смерти — это тенденция к разрушению живой субстанции и к возврату к неодушевленной природе. Два инстинкта неразделимы, и жизнь — компромисс между Эросом и инстинктом смерти, существующий до тех пор, пока последний из них не начинает превалировать. Фрейд выражал надежду, что прогресс биологии даст возможность сформулировать эти размышления в научных терминах. Тем временем он должен был переформулировать огромную часть собственных понятий. На протяжении многих лет он провозглашал главенство либидо, а в 1908 году отверг идею Адлера об автономном агрессивном влечении. В своей первой метапсихологической статье в 1915 году, однако, он приписывал происхождение ненависти к инстинктам эго, не имеющим отношения к либидо, помещая ее рождение перед рождением любви. Теперь, вооружившись своими новыми теориями, он вынужден признать существование первичного мазохизма, являющегося не просто садизмом, обращенным внутрь себя, и в своих последующих работах приписывал все возрастающую значимость роли агрессивных и деструктивных инстинктов. Кажется, он подчеркивал их влияние с той же убежденностью, с которой он прежде относился к либидо.

Теории, содержащиеся в книге «По ту сторону принципа удовольствия», были не столь новы, как это казалось некоторым последователям Фрейда. Фрейд возвращался к своей склонности к размышлениям, которая вознаградила его в 1895 году созданием «Проекта научной психологии», а также к Фехнеру, вдохновлявшему его на создание ранних теоретических трудов. В начале своей работы «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд связал принцип удовольствия-неудовольствия с принципом постоянства Фехнера[389]. Как отмечал Фрейд: «Принцип постоянства — не что иное, как особый случай более обобщенного принципа Фехнера — “принципа стабильности”». Фехнер различал три формы стабильности: абсолютную стабильность (подразумевающую постоянную неподвижность частей целого), полную стабильность (части целого оживляются посредством столь регулярных движений, что каждая часть целого возвращается на прежнее место через одинаковые временные интервалы) и «приблизительную стабильность» (более или менее несовершенную тенденцию к возвращению на то же место через регулярные временные интервалы, как при движении сердца и других ритмических процессах деятельности). Казалось, что такая система-

тизация Фехнера должна была бы вдохновить Фрейда на создание подобной структуры его идей. К принципу удовольствия-неудовольствия он добавляет инстинкт смерти (возвращение к полной стабильности Фехнера) и непреодолимое стремление к повторению — как стабильность, занимающую промежуточное место между приблизительной и абсолютной стабильностями.

Представление о непреодолимом стремлении к повторению было, с клинической точки зрения, наиболее оригинальным вкладом, содержащимся в книге «По ту сторону принципа удовольствия», хотя его формулировали и другие авторы. Тард уже описал к тому времени пристрастие криминала оживить свое преступление в воображении, вернуться к сцене преступления и повторить само преступление как особый пример более общей тенденции к повторению, сознательному или нет, поступков и ситуаций из собственной истории индивида[390].

Понятие Фрейда об инстинкте смерти также имеет много предвестников. Среди романтиков его ясно выразил фон Шуберт, главным образом как желание умереть в последней стадии жизни[391]. Ближе к идее Фрейда подошел Новалис, провозгласивший, что «жизнь существует во имя смерти», и что «особенностью болезни является инстинкт саморазрушения»[392]. Как противоположность инстинкту смерти Новалис приводил инстинкт организации, высочайшими выражениями которого он считал человеческий язык, культуру и философию. В конце девятнадцатого столетия русский психиатр Токарски написал философское эссе о смерти, в котором, в стиле античных стоиков, до такой степени разобщил различные чувства и образы, ассоциирующиеся с идеей смерти, что в ней не осталось ничего пугающего[393]. Он цитировал человека, перешедшего через столетнюю границу жизни, который сказал, что к определенному возрасту к человеку приходит мысль о необходимости смерти, столь же естественная, как желание уснуть. Другой русский, Мечников, утверждал, что существует такая вещь, как инстинкт смерти[394]. Далее он добавлял результаты своих наблюдений, предполагающие, что желание умереть должно быть особенно приятным чувством, но слишком малому количеству людей доводится испытать его: или потому, что они умирают раньше, или потому, что их старые годы омрачены болезнями. Эти двое русских, однако, рассматривали инстинкт смерти просто как желание умереть, в то время как идея разрушающего и саморазрушающего инстинктов была гораздо шире распространена в течение всего девятнадцатого столетия. Она следовала традиции, уходящей назад к Гоббсу и распространявшейся Дарвином и социальными дарвинистами, Ломброзо и Ницше. Фехнер написал любопытное краткое эссе, в котором выдвигал идею о том, что разрушение является более фундаментальным принципом, чем созидание[395]. В начале было разрушение; затем

оно стало разрушать самое себя, и так появилось созидание. Концепция инстинкта смерти временами выражалась даже в среде психоаналитиков. Сабина Шпильрейн написала работу «Разрушение как причина становления»[396]. Теория Ранка о том, что каждый человек страстно мечтает вернуться во чрево матери, рассматривалась Моксоном как признание концепции Фрейда об инстинкте смерти[397].

Классическими парами противоположностей были *Eros-Neikos* (Любовь-Конфликт) и *Bios-Thanatos* (Жизнь-Смерть), но не *Eros-Thanatos* (Любовь-Смерть), хотя австрийский писатель Шаукал опубликовал серию из пяти коротких рассказов довольно мрачного содержания под этим названием[398]. Фрейд сначала представил свои концепции в качестве гипотез, но в более поздних сочинениях показал, что твердо в них верит. В каждом психологическом процессе он видел присутствие двух процессов: Эроса, как тенденции образовывать большие формы, и инстинкта смерти — Танатоса, как противоположную тенденцию; эта последняя концепция была очень близка к определению Спенсером эволюции и разрушения. Фрейд был вынужден еще раз заново интерпретировать свои теории о различных клинических состояниях; например, меланхолию он теперь рассматривал как несложное сочетание либидо и инстинкта смерти.

Концепция Фрейда об инстинкте смерти встретила сопротивление даже среди наиболее правоверных психоаналитиков. Брун в Швейцарии возражал, так как не существует биологической поддержки представления об инстинкте смерти; смерть, по его мнению, *есть finis* (заключение), но не *telos* (конечная цель) жизни. Такие психоаналитики, как Карл Меннингер, использовавшие представление об инстинктах жизни и смерти, поступали таким образом, исходя скорее из эмпирической и клинической точек зрения, нежели с биологической[399]. Фактически, как показал Мехлер, концепцию Фрейда об инстинкте смерти можно легче понять на фоне поглощенности вопросом смерти, которую разделяли многие из его знаменитых современников: биологи, психологи и философы-экзистенциалисты[400].

В то время как представления, изложенные в книге «По ту сторону принципа удовольствия», были встречены психоаналитиками со смешанными чувствами, те идеи, которые были изложены тремя годами позднее в «Я и Оно», пользовались громадным успехом, хотя они означали обширные модификации психоаналитической теории[401]. На протяжении многих лет психоанализ рассматривался как глубинная психология, фокусирующаяся, главным образом, на бессознательном мышлении и его влиянии на сознательную жизнь. Фрейд различал три уровня мышления: сознательное, предсознательное и бессознательное. Неврозы были проявлениями конфликтов между сознанием и бессозна-

тельным, причем первое из них безоговорочно отождествлялось с эго. Теперь Фрейд чувствовал, что его концептуальная структура стала неадекватной; он рассматривал психическую жизнь как продукт взаимодействия трех психических факторов (*Instanzen*), эго, ид и суперэго. Эго было определено как «координированная организация психических процессов в личности». В эго входили сознательная и бессознательная части. Сознательному эго принадлежали восприятие и управление движением, а бессознательному эго — цензор сновидений и процесс вытеснения. Язык был функцией эго; бессознательное содержимое становилось предсознательным посредством языкового выражения.

Ид (Оно) не слишком отличался от того, что Фрейд первоначально описал как бессознательное, место существования вытесненного материала и влечений, к которым были добавлены бессознательные фантазии и бессознательные чувства, особенно чувство вины. Слово «бессознательное» стало теперь прилагательным, использующимся для определения не только ид, но и частей эго и суперэго. Термин *«id»* (*das Es*, это) можно проследить до Ницше, но Фрейд признался, что заимствовал его из «Книги об ид» Георга Гроддека, поклонника психоанализа[402].

Наиболее новая часть книги «Я и Оно» посвящена третьему фактору, суперэго, хотя Фрейд уже касался некоторых его аспектов под названием идеального эго. Суперэго — это наблюдающий, оценивающий, наказующий фактор в индивиде, источник социальных и религиозных чувств в человечестве. Его источник находился в прошлых конфигурациях эго индивида, подвергшихся вытеснению, а сверх того, в интроекции личности отца как частичного разрешения эдипова комплекса.

Конструкция суперэго в индивиде зависит, таким образом, от стиля, посредством которого был разрешен эдипов комплекс. С другой стороны, суперэго получает свою энергию от ид, отсюда его часто жестокое, садистское качество. Эта новая концепция объясняла роль невротических чувств вины, проявляющихся в навязчивых идеях, меланхолии, истерии и преступности. Идеи самонаказания и преступности, происходящие из чувств вины, были позже распространены и подчеркнуты в психоанализе и криминологии. Фрейд заключил, что «ид совершенно аморален, эго стремится быть нравственным, а суперэго может быть сверхнравственным и столь жестоким, каким может быть только ид».

Как следствие этих новых теорий, эго теперь стало объектом общего внимания в психоанализе, особенно как местоположение беспокойства: реальность беспокойства, то есть страх, вызываемый реальностью, приступ тревоги или беспокойства (drive anxiety), вызванный давлением со стороны ид, и приступ чувства вины (guilt anxiety), наступающий под давлением суперэго. Фрейд заканчивает работу описанием жалкого состояния эго, страдающего под давлением своих трех хозяев. Было ясно,

что главной заботой психотерапии должно стать облегчение положения эго посредством уменьшения этих давлений и оказания ему помощи в обретении некоторой силы.

Для многих современников Фрейда теория структуры человеческой психологии, состоявшей из этих трех сущностей: эго, ид и супер-эго, казалась запутанной, хотя в ней не было ничего революционного. Как уже говорилось, представление об ид можно проследить до романтиков, а сущность суперэго, безусловно, исходила от Ницше, особенно из его «Происхождения морали». Определение эго как координирующей организации психических процессов в личности напоминало о функции синтеза Жане, а сила эго не слишком отличалась от психологической напряженности, описанной Жане. Эго было старой философской концепцией в новом психологическом одеянии. Определение эго, сформулированное Нахтом как «сущность, через которую индивид осознает свое собственное существование и существование внешнего мира», почти идентично с тем, которое в философских терминах дал Фихте[403].

В 1936 году Фрейд опубликовал работу «Запрет, симптом и беспокойство», которую некоторые аналитики сочли наиболее трудной из всего им написанного. Запрет получил новое определение как ограничение функций эго, беспокойство — как болезненное эмоциональное состояние, сопровождающееся процессами разряжения (оба они воспринимаются индивидом). Беспокойство уже более не считалось симптомом, а рассматривалось как состояние, необходимое для формирования симптомов. Как уже утверждалось в «Я и Оно», эго — единственное местообиталище беспокойства. Беспокойство может произойти в двух обстоятельствах: или когда преодолены защитные барьеры эго, или если оно выступает в качестве предупреждающего сигнала об опасности наступления приступов, на который эго реагирует различными формами «защиты» (*Abwehr*). Вытеснение теперь рассматривается как одно из средств защиты; другими являются формирование реакции, изоляция и акт расслабления. Вытеснение — характерная черта истерии, остальные три — невроза навязчивых состояний. В этой новой теории вытеснение больше не представляет причину беспокойства; наоборот, беспокойство вызывает вытеснение и другие защитные средства.

Книга «Запрет, симптом и беспокойство» отметила новую фазу в трансформации теорий Фрейда, от метапсихологии к психологии эго. Могло показаться, что эта брошюра, по крайней мере отчасти, представляет собой отказ от теории Ранка, утверждающей, что все виды беспокойства возникают в результате травмы при рождении. С возрастающей значимостью, приписываемой Фрейдом эго, он подошел ближе

к концепциям Жане (такова, например, идея о механизме изоляции при непреодолимых неврозах) и Адлера (образование реакции как формы компенсации). Существуют также значительные сходства между новыми теориями Фрейда о беспокойстве и положениями, выдвинутыми в 1859 году Генрихом Нойманом[404].

Как последствие этих новых теорий, фокус фрейдистской терапии сдвинулся от анализа инстинктивных сил к анализу эго, от вытесненного — к вытесняющему. Анализ защит неизбежно должен был привести к исследованию беспокойства, и задача аналитика теперь состояла в удалении избыточного беспокойства и в усилении эго, чтобы оно могло бесстрашно сталкиваться с реальностью и управлять влечениями (drives) и суперэго.

Следующий шаг в направлении анализа эго был предпринят Анной Фрейд в книге «Эго и механизмы защиты», описывающей разнообразие защитных механизмов с теоретической и практической точек зрения[405]. Сам Фрейд создал новое определение эго как системы функций (встреча с реальностью, управление устремлениями и слияние в единое целое трех «факторов» личности), системы, работающей с использованием своей собственной, не зависящей от сексуальности энергией. В своих последних работах он подчеркивал биологические аспекты эго, полагая, что оно обладает врожденными свойствами, и указывал на самосохранение как на одну из его главных функций[406].

Последний шаг в направлении современного психоанализа эго был отмечен прославленной монографией Хайнца Гартмана, опубликованной в 1939 году, в которой подчеркивалась автономность эго и его функций адаптации. Эта работа была призвана вдохновлять поколение психоаналитиков, но к тому времени Фрейд закончил свою работу[407].

Работа Фрейда: VII — Методика психоанализа

Создание Фрейдом нового психотерапевтического метода было длительным процессом, претерпевшим последовательность метаморфоз, начиная с ранних попыток до конца жизни, процессом, который должны были развивать его ученики после его смерти.

Не существует полной определенности в том, как именно Фрейд лечил своих первых невротических пациентов. Возможно, что он использовал те несистематизированные, интуитивные попытки, традиционно применявшиеся врачами, понимавшими проблемы своих пациентов и помогавшими им поддержкой и руководством. Наиболее вероятно, что он извлекал пользу из учений Морица Бенедикта о значимости второй жизни (грез, сновидений, вытесненных желаний и устремлений)

и патогенной тайны. Известно, что он применял методику гипнотического внушения Бернгейма.

Первая картина собственно фрейдистской терапии появилась в 1895 году в его совместной с Брейером работе «Изучение истерии». На этой стадии его терапия представляла собой адаптацию лечения катарсисом, применявшегося Брейером, и почти тождественную процедуре Жане. Возможно, вдохновленный излечением Вейра Митчела, он применял вспомогательный метод физической релаксации (превратившийся позже в кушетку психоаналитика). Ввиду трудностей, испытываемых им при гипнотизировании собственных пациентов, и памятуя о том, что Бернгейм был способен заставить пациента, находящегося в состоянии постгипнотической амнезии, вспомнить, что происходило под гипнозом, Фрейд просил своих пациентов закрыть глаза и сосредоточиться. Прижимая ладонь ко лбу пациента, он начинал уверять его в том, что утраченные воспоминания должны возвратиться. Временами этот возврат воспоминаний происходил непосредственно, но иногда они возвращались, проходя сквозь цепочку ассоциаций. Фрейд также обратил внимание на интенсификацию невротических симптомов, когда близко подходил к патогенным областям нервной системы.

В той же работе были впервые определены понятия «сопротивляемость» и «перенос». Фрейд заметил замедление или прекращение свободных ассоциаций в некоторых случаях; он назвал это явление сопротивляемостью и пытался анализировать его[408]. Он рассматривал сопротивляемость как результат воздействия или внутренних причин (вытекающих из самого материала), или внешних причин, имеющих какое-то отношение к терапевту. Иногда пациент ощущал пренебрежение со стороны врача, и было достаточно простого объяснения, чтобы восстановить поток ассоциаций. В других случаях пациент опасался оказаться слишком зависимым от врача. Кроме того, иногда пациент переносил свои болезненные воспоминания на доктора; в такой ситуации задача последнего состояла в том, чтобы заставить пациента осознать сопротивление и найти источник его происхождения в истории его жизни.

Пять лет спустя, в 1900 году, «Толкование сновидений» послужило созданию практического метода интерпретации сновидений, доступного для психотерапии.

В отчете о психоаналитическом методе Фрейда, написанном в 1904 году по просьбе Лёвенфельда, описываются модификации, которым метод подвергся за предыдущие десять лет[409]. Пациент по-прежнему полулежал на кушетке, но доктор теперь сидел на стуле вне его поля зрения. Пациент больше не закрывал глаза, а Фрейд не возлагал ладонь на его лоб. Метод свободных ассоциаций подчинялся основному прави-

лу: пациент должен говорить все, что придет ему в голову, не обращая внимание на то, какими абсурдными, безнравственными или болезненными ни показались бы его слова. Фрейд объяснил, как он анализировал сопротивление с провалами и искажениями в полученном материале. Новый всеобъемлющий метод интерпретации использовал в качестве исходного материала не только свободные ассоциации и сопротивление, но также и парапраксии пациента, его симптоматические действия и сновидения. Фрейд отказался от применения гипноза и утверждал, что психоаналитическая техника стала более легкой в применении, чем о ней судят читатели из имеющихся описаний.

Годом позже, в 1905-м, Фрейд показал в случае с Дорой, как можно использовать интерпретацию сновидений для психотерапии. Перенос получил новое определение как бессознательное восстановление прошлых жизненных событий, в которых терапевт рассматривался в качестве их участника. Перенос, величайшее препятствие для лечения, теперь считался наиболее мощным терапевтическим инструментом, если, разумеется, врач мог искусно им управлять.

В 1910 году Фрейд привлек внимание к контрпереносу, то есть к иррациональным чувствам терапевта в отношении пациента[410]. В своем памфлете, посвященном «дикому анализу», Фрейд отступил от своего мнения, которого придерживался в 1904 году. Теперь он заявляет, что научиться психоанализу весьма трудно, и ввиду опасности «дикого анализа» следовало бы создать организацию, в которой обучали бы психоанализу и квалифицировали аналитиков[411].

В 1912 году Фрейд утверждал, что нет необходимости в толковании всех сновидений пациента; многим не требуется полная интерпретация, а часто она не требуется вообще[412]. В последовавшей за этим заявлением статье Фрейд установил различие между позитивным и негативным переносами, добавив, что существуют смешанные (амбивалентные) формы, и что перенос является общим явлением в человеческой жизни[413]. В третьей статье он ввел принцип свободно плавающего (free-floating attention) внимания: аналитик, далекий от намерения слишком внимательно концентрироваться на высказываниях пациента, должен доверять своей «бессознательной памяти»; не следует делать пространных заметок, достаточно удовлетвориться записью дат, важных фактов и содержанием сновидений[414]. Ему не следует размышлять над причинами и структурами случая до тех пор, пока он не продвинется достаточно глубоко: «Продолжайте работу без определенного намерения», — советовал Фрейд. Аналитику следует брать пример с хирурга, проявляя эмоциональную сухость в обращении с пациентом. Его забота — действовать как зеркало, отражая для пациента то, что тот показывает аналитику. Аналитик, следовательно, должен быть непрозрачным для пациента. Он

не может требовать, чтобы пациент выполнял интеллектуальные задания (как, например, обдумывание определенного периода в своей жизни), как не обязан пытаться искать каналы для процесса сублимации пациента. Фрейд провозгласил, что психоаналитик должен пройти курс обучения анализу. В 1914 году Фрейд объяснил, что в ситуации переноса все симптомы должны изменить свои предыдущие значения на новые, находящиеся в пределах трансферентного невроза, который можно вылечить[415]. Трансферентный невроз — это искусственная болезнь, промежуточная сфера между болезнью и реальной жизнью, переход от невроза к здоровью. Поэтому анализируются не только высказывания пациента, но и его поведение, и, когда все результаты интерпретируются пациенту, от него ожидается применение этого нового восприятия или инсайта в своей реальной жизни. В 1915 году Фрейд добавил, что в ситуации женщины-пациента, демонстрирующей трансферентную любовь, задача аналитика — показать ей, что заявляемая любовь есть форма сопротивления[416].

В 1919 году Фрейд предостерегал аналитиков от использования непроверенных средств[417]. Он не признавал нововведений Ференци и наставлений по поводу активной роли аналитика, а также противился идее об аналитике, доставляющем эмоциональное удовольствие пациенту; анализ должен проводиться в атмосфере воздержания. Фрейд не допускал того, что психоанализ должен дополняться психосинтезом, равно как и того, что анализ должен заниматься религией или философией и пытаться воспитывать пациента. Поскольку Фрейд был поглощен идеей будущего применения психоанализа к неимущим, то в подобных ситуациях он считал возможным дополнение психоанализа гипнозом.

В книге «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд заново интерпретировал значение переноса как проявления непреодолимого влечения к повторению. Концепция инстинкта смерти и новые теории, последовавшие вскоре за ней, вызвали серьезные модификации психоаналитической техники, а более поздние изменения были введены приверженцами психоанализа эго. Центральной задачей аналитической работы теперь уже не являлось непосредственное изучение бессознательного, ее заменило исследование защитных механизмов эго. Влечения (drives) бессознательного теперь ощущались как угрозы со стороны эго, испытывающего беспокойство и оберегающего себя с помощью системы защит. Задача аналитика заключалась, по меньшей мере, в осторожном вскрытии этих защит и проникновении хотя бы частично в зону скрытого беспокойства (Фрейд теперь признавал, что от тревоги полностью избавиться невозможно). Терапевт анализировал эти защиты, независимо от того, являлись они анахроничными или неуместными, и их взаимоотношения с невротическими симптомами. Он учил пациента исполь-

зовать более целесообразные защиты, позволяющие произвести лучшее урегулирование этих отношений.

В последних публикациях Фрейда можно уловить почти пессимистические настроения. Он догадывался, что будущее могло бы приписать гораздо большую значимость психоанализу как науке о бессознательном, чем как терапевтическому методу. В работе «Анализ конечный и бесконечный» Фрейд признавал, что некоторые психоаналитические методы следует возобновлять по истечении нескольких лет, в то время как другие должны быть продолжены, хотя и с перерывами, но в течение всей жизни[418]. Терапевтические перспективы на будущее ограничены биологическими факторами, органической силой порывов, слабостью эго и особенно инстинктом смерти. Наименее доступными для психоанализа являются стремление женщины к пенису и женственная установка мужчины по отношению к людям своего пола. В посмертно опубликованном «Очерке о психоанализе» Фрейд добавил к этим негативным факторам психическую инерцию, нечто похожее на вязкость либидо, и слабую способность к сублимации[419]. Он мысленно представлял себе окончательный результат лечения зависящим от баланса между силами, которые аналитик и пациент способны мобилизовать для своей пользы, и суммой негативных сил, работающих против них.

Лучший способ оценить новшество и оригинальность психоаналитических методов Фрейда состоит в сравнении их с теми, которые существовали ранее, с которых он начинал.

Фрейд был не первым терапевтом, проведшим значительное время со своими пациентами, позволяя им говорить в благожелательной атмосфере, выслушивавшим все их жалобы, полностью записывавшим истории их жизней и принимавшим в расчет эмоциональные причины заболевания. Все это делали и Жане, и Блейлер, и многие другие до них, и все это составляло предварительную подготовку для использования определенного метода. Но психоанализ первоначально можно понимать как модификацию существовавшего до него метода гипнотизма.

Гипнотизер, сидевший на стуле, смотрел в лицо своего субъекта, сидевшего на другом стуле, и инструктировал его, как достичь гипнотического сна; пациент оказывал большее или меньшее сопротивление, но в благоприятных случаях сдавался. Эти встречи повторялись часто ежедневно, пока пациент не усваивал, как можно быстро впасть в гипнотический сон. Гипнотическое лечение могло тогда длиться неделями и месяцами. Неизвестные способности и забытые воспоминания раскрывались в гипнотическом сне, новые роли разыгрывались субъектом, и гипнотизер был способен склонить его к возврату в более ранние времена жизни. Но пациент часто оказывал сопротивление вмешательствам гипнотизера. В процессе гипнотического лечения между субъектом

и гипнотизером возникала своеобразная связь. Сильный эротический элемент этой связи, как и возможность возникновения детской зависимости у пациента, превращали окончание гипнотического лечения в деликатный ритуал, отмечавшийся многими авторами.

В психоаналитическом методе пациент полулежит на диване, а терапевт сидит на стуле позади, видя его, но не будучи видимым. Аналитик объясняет основное правило, по которому пациент должен рассказывать все, что придет ему в голову. Конечно, этому правилу трудно следовать, и пациенту приходится превозмогать свое сопротивление, которое даже в наилучших случаях не исчезает полностью. Однако после нескольких недель общения пациент обучается преодолению этого сопротивления и даже получает удовольствие от разговоров на случайные, внезапно всплывающие темы. Происходит постепенное высвобождение ассоциаций, и вместо того, чтобы придерживаться одного направления мыслей, пациент перескакивает от одной идеи к другой. По мере продвижения анализа все больше и больше воспоминаний о событиях самого далекого детства появляется в виде вкраплений в воспоминания о сновидениях и фантазиях, и пациент начинает обретать до странности искаженную картину аналитика. Аналитик предлагает интерпретации, с которыми пациент соглашается или нет. В то время как при гипнотическом лечении сопротивление пациента воспринимается просто как раздражающее неудобство, в психоанализе оно становится явлением релевантным, подлежащим анализу. То, что гипнотизер называет согласием, аналитик определяет термином «перенос» и считает его возрождением ранних установок к родителям, которые следует анализировать. Именно это медленное развитие анализа с последующим выявлением и разрешением трансферентного невроза считается основным инструментом психоаналитической техники.

Различие между гипнозом и психоанализом можно свести в нижеследующую таблицу:

ГИПНОЗ	ПСИХОАНАЛИЗ
Сеттинг: пациент сидит и видит лицо гипнотизера	Сеттинг: пациент лежит. Аналитик сидит позади пациента, видит его, но сам остается для него невидимым
Предварительные инструкции: как оказаться загипнотизированным	Предварительные инструкции: основное правило психоанализа
Первая неделя: субъект учится, как стать загипнотизированным	Первая неделя: пациент преодолевает антипатию к основному правилу

Следующие недели или месяцы: возникновение неизвестных способностей, новых ролей, скрытых воспоминаний	Следующие недели, месяцы или годы: высвобождение ассоциативного процесса, отрывочных воспоминаний и фантазий, появление искаженного представления об аналитике
Гипнотическая возрастная регрессия	Психоаналитическая регрессия к доэдиповым стадиям
Гипнотические внушения («заключение сделки», использовавшееся магнетизерами)	Интерпретации, предлагаемые субъекту, который волен принимать их или нет
Сопротивление как элемент, доставляющий неудобства	Сопротивление и анализ сопротивления
Раппорт, часто используемый как терапевтический инструмент	Перенос, используемый и анализируемый как терапевтический инструмент
Раппорт, часто используемый как терапевтический инструмент	Лечение заканчивается через преодоление трансферентного невроза
Риск появления гипнотической зависимости затрудняет окончание процесса лечения	Лечение заканчивается через преодоление трансферентного невроза

Определенные характеристики психоаналитического метода можно понять в контексте того, что невропатологи описывали в конце девятнадцатого столетия как «дьявольскую ловкость» истериков, проявляемую ими при обмане терапевта и вовлечении его в свои игры. Каждое правило методики Фрейда выглядит так, как если бы было предназначено для преодоления хитрости таких пациентов. Специфическая расстановка (аналитик видит пациента, но остается вне его поля зрения) лишает пациента аудитории и удовлетворения от наблюдения за реакциями терапевта.

Основное правило в сочетании с нейтральной установкой аналитика отвращает пациента от искажения слов аналитика и помещает последнего на место разумного родителя, игнорирующего глупые высказывания маленького ребенка. Правило, устанавливающее, что все приемы должны оплачиваться, и притом наперед, независимо от того, состоялся прием или нет, не позволяет пациенту наказывать терапевта неявкой или неплатежом. Анализ переноса, если он случается, поражает скрытую, но всегда существующую цель истерика: обольщение терапевта. По той же причине предоставляется полная свобода разглагольствования, но запрещается любой вид притворства, а контакт с терапевтом разрешается только в часы приема. Вследствие истерического стремления во что бы то ни стало победить терапевта, даже ценой невылеченной болезни, больному никогда не обещают излечения, ему всегда говорят, что лечение зависит от его или ее собственных усилий.

Таким образом, психоаналитический метод может рассматриваться как трансформация старого метода гипнотизеров, особенно предназначенного для поражения скрытой злобности истериков и их постоянных скрытых усилий одурачить гипнотизера. Однако оказывается, что вечно присутствующее сопротивление анализируемых психоаналитиком субъектов наследовало это истерическое свойство.

Психоанализ также вобрал в себя принципы другого известного ранее психотерапевтического метода. Избавление от болезненных патогенных тайн посредством исповеди, несомненно, влияет на результаты психоаналитического лечения определенного вида. Исследование внутренней жизни несбывшихся желаний, стремлений и фантазий, как поучал Бенедикт, является неотделимой частью психоанализа. Избавление от симптомов через осознание бессознательных влияний не было неизвестным ранее. В письме своему другу Шану Декарт рассказал о своей склонности влюбляться в косоглазых женщин[420]. Раздумывая об этом, он вспомнил, что ребенком он влюбился в молодую женщину с таким дефектом. После того как он осознал и понял эту связь, его предрасположенность исчезла. В этом письме мы обнаруживаем теорию комплекса (определение сознательного акта через бессознательную или полусознательную память) и представление о его терапии посредством доведения его до осознания и интерпретации[421]. Терапевтическое применение трансферентного невроза сравнимо с заклинанием скрытой одержимости в экзорсизме или с месмеровской техникой вызывания кризов, чтобы постепенно обрести над ними контроль[422]. Само понятие переноса — не что иное, как последняя метаморфоза раппорта, длительная эволюция которого, как и его терапевтическое использование Жане, были описаны в предыдущих главах[423].

Некоторые писатели или философы прибегали к спонтанному мышлению в качестве вспомогательного инструмента в своей творческой работе. Романтический поэт и физик Иоханн Вильгельм Риттер имел привычку кратко записывать любые мысли, приходившие ему в голову, иногда в неполной и неясной форме, но из глубины этого спутанного клубка могли возникать блестящие афоризмы и предположения для проведения научных экспериментов[424]. Несколько отличающимся методом пользовался Людвиг Берне. В эссе, озаглавленном «Искусство в три дня стать оригинальным писателем», Берне рекомендовал запереться на три дня с запасом бумаги, писать «без фальши и ханжества» о каждой теме, которая придет на ум[425]. Идея Берне состояла в том, что люди задыхаются под гнетом традиционных мыслей и не осмеливаются думать самостоятельно. Его цель заключалась в освобождении разума от фальсифицированного мышления. «Искренность — источник одаренности любого вида», — провозгласил Берне[426]. В другом эссе он

сказал, что «опасность представляет *вытесненное* слово, вызывающее презрение к самому себе, но то, что высказано отчетливо, не пропадет зря»[427]. Работа Берне высоко оценивалась представителями поколения Фрейда и самим Фрейдом.

Другие методы спонтанности использовали психический автоматизм. С начала внедрения магнетизма было известно, что в гипнотическом трансе субъекта можно заставить передвигаться, рисовать, писать и т. п., о чем он не смог бы вспомнить в состоянии бодрствования. Позже автоматическое письмо (деятельность, в которой субъект сознавал то, что он писал, но не то, о чем он писал) было введено в психопатологию Шарлем Рише и использовалось в качестве психотерапевтического приема Жане. Гадание с помощью магического кристалла также стало объектом систематических исследований: индивид всматривается в некую отражающую поверхность и начинает видеть облака, формирующиеся в видимые проекции бессознательных мыслей. Автоматическое движение также стало модным в 1880-е годы, и мы видим, что Жане использовал автоматический разговор со своей пациенткой, мадам Д., в 1892 году. Это было ближайшее приближение к методу свободной ассоциации Фрейда.

Фрейд заставлял аналитиков воспринимать свободные ассоциации своих пациентов в состоянии свободно плавающего внимания, и здесь у него также были предшественники. В автобиографии Гальтон рассказал, что однажды в жизни заинтересовался месмеризмом и магнетизировал около восьмидесяти человек, и в результате этого процесса ему довелось наблюдать неожиданные явления:

> Меня уверили в том, что успех достигается усилием воли со стороны магнетизера, поэтому сначала я напряг всю силу воли, которой обладал, что оказалось изнурительным занятием; затем, в ходе эксперимента, приостановился ненадолго, глядя все время в том же направлении, как и раньше, и обнаружил, что действую столь же успешно. Так что я приостанавливал свои усилия все дольше и дольше и наконец преуспел в этом до такой степени, что позволил своему разуму свободно перескакивать с предмета на предмет, в то время как поддерживал ту же самую манеру поведения, походя при этом на сову. Такое поведение приводило к столь же хорошим результатам[428].

Все эти технические приемы, а возможно, и многие другие, можно обнаружить в терапевтической процедуре Фрейда. Но это вовсе не означает, что она воистину уникальна, то есть необязательно, чтобы она исходила из самоанализа Фрейда. Анализ Фрейда был примером использования самолечения, который он выработал для своего творческого

невроза, по отношению к другим людям. Это обстоятельство не устраняет тех фактов, что он мог ранее применять некоторые из этих приемов (например, свободную ассоциацию), и он одновременно анализировал своих пациентов и самого себя. Психоанализ существенно отличается от других психотерапевтических методов в том отношении, что пациент повторяет собственное переживание Фрейдом его творческой болезни, хотя и в ослабленной форме и под квалифицированным руководством. Таким образом, успешное прохождение курса психоанализа равносильно совершению путешествия через бессознательное, путешествия, из которого человек неизбежно возвращается с модифицированной индивидуальностью. Психоаналитики провозглашают, что их метод является более совершенным, чем любой другой вид терапии, так как только он способен перестроить личность. С другой стороны, на нарастающее количество ограничений, противопоказаний, опасных ситуаций в психоанализе было указано самим Фрейдом и его последователями. Может ли случиться так, что психоанализ как терапия будет замещен другими, менее трудоемкими и более эффективными терапиями, в то время как горстка привилегированных людей сможет позволить себе ее как уникальное переживание, способное изменить их точку зрения на мир, на своих собратьев и на самих себя?

Работа Фрейда: VIII — Философия религии, культуры и литературы

Вскоре после того, как он задумал свою психоаналитическую теорию, Фрейд распространил свои размышления на области религии, социологии, истории культуры, искусства и литературы. Работы, написанные им на эти темы, дали повод для появления конфликтующих мнений. Определенные критики были склонны понимать их как эссе в стиле Берне, то есть как кратко набросанные мысли с целью прояснения мышления самого автора, отбрасывающего все общепринятые идеи и записывающего все, что он искренно чувствует по отношению к данной теме. Но существовали еще и фрейдисты, как и нефрейдисты, считавшие эти сочинения законным распространением психоаналитических исследований на сферы философии, культуры, социологии и теорию искусства и литературы.

Хотя Фрейд заявлял, что с презрением относится к философии, он определенно выражал философские идеи в духе материалистической, атеистической идеологии. Его философия представляла собой экстремальную форму позитивизма, считающего религию опасной, а метафизику излишней. В 1907 году Фрейд сравнил навязчивые, непреодолимые

симптомы невротиков с религиозными ритуалами и вероисповеданиями и пришел к выводу, что религия представляет собой универсальный навязчивый невроз, а одержимость — индивидуализированную религию[429]. Двадцатью годами позже в работе «Будущее одной иллюзии» Фрейд определил религию как иллюзию, внушенную детской верой во всемогущество мысли, как всеобщий невроз, как нечто, подобное наркотику, препятствующему свободному упражнению разума, а также как нечто такое, от чего человеку следует отказаться[430]. Религиозно настроенные психоаналитики не одобряли того, что Фрейд преступил границы психоанализа и выразил собственное философское мнение; но Фрейд, несомненно, верил в то, что психоанализ может разоблачить религию, как способен сделать то же с любым симптомом.

Посредством «Тотем и табу» Фрейд предпринял попытку проследить происхождение не только религии, но и человеческой культуры, и найти связь между эдиповым комплексом индивида и предысторией человечества[431]. Читая труды Тейлора, Ланга, Фрэзера и других этнологов, Фрейд заметил, что у первобытных народностей, как и у невротиков, существует одинаковое отвращение к инцесту. Те же самые иррациональные свойства имеют первобытные табу и невротические фобии, то же самое всемогущество мысли почитают в магических процедурах и в невротических фантазиях. Фрейд предложил всеобъемлющую теорию, подводящую общее основание для объяснения невротических симптомов, социальных и культурных проявлений у первобытных народов и происхождения цивилизации. Общая суть демонстрируется в рассказе об убийстве первозданного отца, расширенном представлении об эдиповом комплексе. Каждый маленький мальчик, говорил Фрейд, должен превозмочь свое тайное желание убить отца и жениться на матери. Если ребенок способен успешно вынести такое испытание, он включает образ отца в себя, выстраивается его суперэго, и он будет готов для нормального возмужания и жизни взрослого человека. Если ему не удается справиться с этим испытанием, он становится невротиком. Такова судьба каждого мужчины, но эта индивидуальная участь является отражением одного решающего события, произошедшего в предыстории человечества. Много веков назад люди жили ордами, подчиняясь деспотизму жестокого старого отца, сохранявшего всех женщин для себя и изгонявшего из племени своих растущих сыновей. Отвергнутые сыновья жили общиной, объединенной гомосексуальными склонностями и соответствующим поведением. Иногда случалось, что сыновья убивали и съедали отца, удовлетворяя свою ненависть, и это было началом тотемизма. Они глубоко почитали животное определенного вида как доброжелательного предка (каким следовало быть их отцу), но через регулярные интервалы времени убивали и пожирали его. После убийст-

ва отца они не осмеливались забирать его женщин, что можно рассматривать как пример отставленного повиновения; более того, над новым сообществом нависала угроза, если мужчины ссорились из-за женщин. Таковым было происхождение первых двух заповедей человечества — запрет на отцеубийство и запрет на инцест, зарождение человеческой культуры, морали и религии и в то же время прототипа эдипова комплекса.

Идея о первобытном человечестве, живущем ордами под руководством самца-тирана, была гипотетическим предположением Дарвина. Аткинсон расширил описание Дарвина: как результат изгнания отцом своих соперников-сыновей образовывались две группы, живущие в непосредственной близости; одна была «циклопической семьей», состоящей из главы-мужчины и пленных женщин, его собственных взрослых отпрысков женского пола и группы детей обоего пола, другая — отряд изгнанных сыновей, «живущих, наиболее вероятно, в состоянии полиандрии» (многомужия) и в мирном союзе[432]. Когда отряд молодых мужчин чувствует себя сильнее отца, то атакует и убивает его, а самый сильный из них приходит ему на смену. Эта борьба могла бы продолжаться вечно, но Аткинсон предположил, что в какой-то момент одна из жен смогла убедить патриарха сохранить одного из сыновей в семье, для того, чтобы он смог наследовать его права, при условии, что тот не прикоснется к женам старика, и тогда наступило начало запрета на инцест. Фрейда также вдохновила теория Вильяма Роберта Смита о происхождении семитских культов: в те времена, когда люди жили небольшими кланами, руководствуясь верой и правилом тотемизма; обычно через регулярные интервалы времени они приносили в жертву тотемное животное и съедали его на ритуальном пиршестве[433].

Возможно, что книга К.Г. Юнга «Метаморфозы и символы либидо» привлекла интерес Фрейда к истории культуры; кроме того, обостренный интерес к вопросу о тотемизме существовал и среди его современников-этнологов. Повсюду возникали многочисленные теории, часть из которых сегодня забыта[434]. Дюркгейм утверждал, что тотемизм был общим корнем всех религий человечества. Фрэзер изложил последовательно три теории, причем третья была расширена в его книге «Тотемизм и экзогамия», ставшей одним из главных источников для Фрейда. В 1912 году Вундт попытался реконструировать последовательные стадии, через которые прошло человечество, одной из которых был тотемизм.

В действительности нельзя считать невозможным тот факт, что вдохновение для создания книги «Тотем и табу» пришло к автору в меньшей степени из недосягаемой предыстории, чем из событий современности. В те годы Турция — анахроничная империя и соседка Австрии,

управлялась «Красным Султаном», Абдулом Хамидом II. Этот деспот владел правом распоряжаться жизнями своих подданных, содержал сотни жен в гареме, охраняемом евнухами, и время от времени зверски вырезал целые народности в своей империи. В 1908 году «сыновья объединились против жестокого старика», младотурки восстали и свергли султана, чтобы основать национальное сообщество, в котором бы процветали цивилизация и искусства. Эти события с острейшим интересом наблюдали в Австрии, видимо, с большим, чем где бы то ни было. Что бы ни могли придумать этнологи об убийстве главного отца, рассказ сохраняет свою ценность как философский миф, согласующийся с мифом Гоббса о происхождении общества[435]. Первоначальным условием жизни человечества, согласно теории Гоббса, была «война каждого против каждого»; затем часть людей объединилась и передала свои права повелителю, и эту власть он должен был использовать для общего добра и, как он думал, пользы. Таковым было зарождение абсолютной монархии, которая на протяжении многих веков была наиболее распространенной формой правления. Подобно Гоббсу, создавшему философский миф о происхождении абсолютной монархии, Фрейд предоставил миф о ее разрушении.

В труде «Массовая психология и анализ человеческого Я» в 1921 году Фрейд предложил основы социологической теории, отвергавшей концепцию автономного социального инстинкта и базировавшейся на теории либидо[436]. Фрейд рассматривал теории Ле Бона, Мак Дугалла и Троттера. Теория Ле Бона о толпах, говорил он, не объясняет тайну власти лидера, который находится в «эросе, связующем все сущее в мире». Либидо привязывает индивида к лидеру и склоняет его к отказу от своей индивидуальности. Кроме неустойчивых, неорганизованных толп, существуют еще и «долговременные и искусственные толпы», такие, как церковь или армия, в которых привязанность индивида к лидеру — одно из проявлений любви, усиленной иллюзией, что лидер любит его. Индивиды отождествляют себя с лидером и связаны вместе посредством этого общего отождествления. Более того, все эти проявления либидо скрывают нечто более фундаментальное — порывы агрессии. Когда группа раскалывается, агрессивность высвобождается в форме взрывов физического насилия, или утрата безопасности производит беспокойство, принимающее форму паники. То, что действительно связывает индивидов, — это примитивные чувства зависти и агрессивности. Когда популярный певец привлекает стаи молодых женщин, их общее восхищение им — единственное чувство, удерживающее их от того, чтобы вцепиться друг другу в волосы. «Таким образом, социальное чувство возникает при превращении прежней враждебности в позитивную привязанность в форме идентификации... все индивиды хотели бы быть равными, но при этом

управляться одной личностью», — предположение, не слишком далекое от теории Гоббса о происхождении общества. Фрейд закачивает книгу указанием на сходство между этими группами равных, возглавляемых их вождем, и первобытной ордой.

На создание работы «Массовая психология и анализ человеческого Я», видимо, повлиял распад империи Габсбургов в конце 1918 года с последовавшими паническими настроениями и отчаянием. Но эта книга также включилась в контекст предыдущей тенденции «массовой психологии», происхождение и история которой не являются общеизвестными. Как показал Дюпрель, после восстания Коммуны в Париже в 1871 году Европу всколыхнула «волна антидемократического пессимизма», существованию которого способствовала социалистическая агитация, забастовки и кровавые восстания, столь частые в то время[437]. Философ Тэн направил свою энергию на описание истории Французской революции, в котором особое внимание уделил восстаниям и массовым убийствам, анализируя при этом их социальные и психологические причины. Наблюдения Тэна были развиты и систематизированы Тардом во Франции и Сигеле в Италии.

Тард постулировал основной внутрипсихологический процесс, который назвал подражанием[438]. Подражание могло быть сознательным или бессознательным, оно применимо как к индивидам, так и к группам. Согласно Тарду, отец — это первый властелин, священник и пример для сына; подражание сына отцу — главное явление, лежащее в корне общества. Это подражание не держится на силе или хитрости, но на престиже — явлении, которое Тард сначала сравнивал с гипнотизмом. Позже он объяснял, что престиж возникает не из сообразительности или силы воли, а является следствием «не поддающегося анализу физического воздействия», которое «могло бы через какую-то невидимую связь иметь отношение к сексуальности»[439]. Тард подчеркивал роль бессознательного в массовой психологии. Он описывал одни толпы, объединенные любовью, и другие — объединенные ненавистью. Что касается Сигеле, он обращал внимание читателя на то, что массовые явления невозможно понять без анализа их исторического и социального контекста, а также специфического состава таких толп[440].

Эти учения Тарда, Тэна и Сигеле были восприняты, сверхупрощены и распространены Ле Боном в его книге «Психология толпы»[441]. Любой человек, находящийся в толпе, говорил Ле Бон, утрачивает свою индивидуальность и приобретает часть «души толпы»; «душа толпы» в интеллектуальном отношении занимает нижнее положение и выказывает некую свойственную ей недоброжелательность. Это явление можно объяснить только с помощью некой гипнотической регрессии к доисторической психической стадии человечества. Ле Бон применил эти

концепции о душе толпы к психологии социальных групп и к превратностям истории. Его книга пользовалась невероятным успехом. Теория Ле Бона рассматривалась многими как неоспоримая научная истина. Можно только удивляться тому, что Фрейд использовал ее как отправную точку для своей теории. Как показал Рейвальд, теории Фрейда, противоречащие Ле Бону, демонстрируют значительные сходства с теориями Тарда[442], перенесенными в область психоаналитических концепций.

В 1930 году в работе «Недовольство культурой» Фрейд представил дополнительные взгляды на происхождение цивилизаций[443]. Группа людей открыла, что если они ограничат удовлетворение своих инстинктивных стремлений, то будут способны построить сильное, объединенное сообщество. Эта ситуация, однако, неизбежно приводила их к неразрешимому конфликту между желаниями индивида и требованиями общества. Последние росли по мере прогресса цивилизации, углубляя этот конфликт, и Фрейд задавался вопросом, не превысят ли требования современного, цивилизованного общества человеческую возможность вытеснения своих инстинктов, не приведет ли подобная ситуация, таким образом, к неврозу цивилизации. Проблема, рассматривавшаяся в этом эссе, временами напоминает Гоббса, но можно определенно проследить ее связь с «Генеалогией морали» Ницше, а через него — к «Дополнению к путешествию Бугенвилля» Дидро[444].

В этом же эссе Фрейд предлагает новую гипотезу укрощения огня. Когда бы примитивный человек ни сталкивался с огнем, он мочился на него, чтобы загасить пламя. Благодаря фаллической форме языков пламени, он испытывал эротическое удовольствие, ощущая гомосексуальное состязание. Первый человек, отвергший это эротическое удовольствие, был способен разводить огонь для практических целей. «Таким образом, это великое состязание культур стало наградой за инстинктивное самоотречение». Женщине суждено было стать хранительницей очага, так как она анатомически неспособна гасить огонь, как мужчина. В другом месте Фрейд предполагал, что женщина была изобретательницей одежды, так как хотела прятать постыдное отсутствие пениса; лобковые волосы вдохновили людей на изобретение вязания[445].

В то время как Фрейд находил религию пагубной, а философию бесполезной, он полагал искусство благотворным для человека. Но в чем состоит сущность искусства? Фрейд определял его как «сочетание принципа удовольствия с принципом реальности» (так же как Ницше считал его сплавом принципов Диониса и Аполлона)[446]. Будучи ребенком, индивид живет в полном соответствии с принципом удовольствия, но последний постепенно уменьшается в пользу принципа реальности, который будет доминирующим на протяжении всей его взрослой жизни. Художник придерживается принципа удовольствия долее, чем

другие, но вступает в компромиссы с принципом реальности, создавая предметы искусства, которые будут удовлетворять принцип удовольствия в других людях. В следующей статье, относящейся более к поэту, нежели к художнику, Фрейд подчеркивает значимость фантазии: доминирующая в ребенке, она постепенно убывает, но творческий писатель способен сохранить и преобразовать ее в литературную работу посредством определенных приемов, главным образом, доставляя предварительное удовольствие в элементах формы[447]. Другим вкладом Фрейда в эстетику является его анализ бесхитростного, особенного чувства подкрадывающегося ужаса, пропитывающего работы такого писателя, как Гофман[448]. Иногда он проявляется в необъяснимом повторении событий, которые сами по себе могут быть безвредными; иногда — в вере в двойника, или в страхе, испытываемом от вида привидений или других зловещих явлений. Фрейд верил в то, что ощущение безыскусное возникает в ситуациях, когда стимулируется глубоко вытесненный материал или анимистические привычки детства.

Единственным критическим произведением, касающимся искусства, оставленным Фрейдом, была его статья о Моисее Микеланджело, вначале появившаяся анонимно[449]. Бинсвангер заметил, что метод, использованный Фрейдом в этом исследовании, относится к психологии выражения, которая также является одной из начальных стадий в психоаналитической методологии[450]. Что же касается литературной критики, Фрейд написал монографию на восьмидесяти одной странице о коротком романе «Градива» Вильгельма Йенсена[451]. Фрейд показал, что можно дать психоаналитическую интерпретацию заблуждениям и сновидениям героя этой истории, но не преследовал цели проникнуть своими интерпретациями в личность автора.

Мебиус опубликовал под названием «патографии» серию монографий, целью которых было разъяснение мысли писателя посредством оценки его наследственности, телосложения и истории жизни. Это произошло незадолго до того, как ученики Фрейда написали подобные монографии, основанные на психоаналитических концепциях. Сам Фрейд дал классическую модель этих исследований своим эссе «Леонардо да Винчи. Воспоминание детства».

Леонардо да Винчи обычно считается универсальным гением, который не был понят своими современниками. Фрейд обращает внимание на три черты его личности. Во-первых, его жажда к знанию привела его к пренебрежению своими выдающимися талантами и обращала его интерес все более и более к научным исследованиям. Во-вторых, будучи медлительным в работе, он оставил многочисленные наброски, но в большинстве его работы так и дошли до нас незавершенными. В-третьих, это «хладнокровное отречение

от сексуальности», вызывавшее предположение о его гомосексуальности. Фрейд проследил общий корень этих трех черт его личности до инфантильной сексуальности Леонардо. Незаконнорожденный ребенок, он провел первые три или четыре года жизни со своей брошенной матерью, пока отец, к тому времени женившийся, не усыновил его. Мать, оказавшись в таких обстоятельствах, склонна обратить свое либидо на сына, проявив таким образом определенную кровосмесительную привязанность к нему, в которой психоанализ усматривает возможный корень поздней гомосексуальности. В действительности, не сохранились объективные записи о раннем детстве Леонардо, но художник записал одно из своих ранних воспоминаний: когда он, еще малышом, лежал в своей колыбели, птичка (называемая по-итальянски nibbio), залетела к нему, открыла его рот и всунула в него хвост. Эта фантазия могла означать пассивный вид сексуального извращения или быть воспоминанием о том, как он сосал грудь матери. В немецком тексте, использованном Фрейдом, слово nibbio было переведено как «гриф», и Фрейд комментировал это воспоминание Леонардо следующим образом: в античном Египте гриф был иероглифом, обозначающим мать, грифоголовая богиня Mut (напоминающая о немецком слове Mutter, мать) имела строение гермафродита и мужской половой орган. Позднее, в Средние века, разновидности грифа считались полностью женскими, оплодотворяемыми ветром. Все это, говорил Фрейд, напоминает о сексуальных теориях детства. Детское сексуальное любопытство Леонардо стимулировалось необычной семейной ситуацией и позднее превратилось в источник его поздней ненасытной любознательности. Бессознательную фиксацию на образе матери можно заметить, согласно Фрейду, в его живописных шедеврах. Фрейд предположил, что инцидент с грифом был символическим воспоминанием о страстных поцелуях, которыми его осыпала мать; что улыбка Моны Лизы пробуждала в да Винчи воспоминание о загадочной улыбке матери, и потому она появилась в портрете Джоконды и в нескольких других картинах. На картине «Мадонна с младенцем и Святая Анна» Анна выглядит столь же юной, как Мария, и они обе улыбаются. Фрейд видел в этом синтез детства Леонардо, разделяемого им между своей матерью и мачехой. Наконец, открытое неповиновение отцу было другим решающим фактором в научных исследованиях Леонардо и его нехристианской вере[452].

Эссе Фрейда о Леонардо да Винчи привело к возникновению конфликтующих мнений. Преподобный отец Оскар Пфистер (Pfister) верил в то, что можно различить грифа как в составной головоломке в картине Леонардо «Мадонна с младенцем и Святая Анна». Мейер Шапиро скомпилировал критические оценки, с которыми к эссе отнеслись историки искусства[453]. Слово *nibbio,* ошибочно переведенное как «гриф», на самом деле означает «сокол». Фантазия о соколе, всунувшем свой

хвост в рот младенцу, была (как показывают параллельные истории в фольклоре) предзнаменованием вдохновения. Более ранние художники, изображавшие Святую Анну и Марию вместе, рисовали их сверстницами; мотив улыбающегося лица принадлежит к школе Веррокьо, учителя Леонардо. Не сохранилось свидетельств, что Леонардо провел свои первые годы детства наедине с матерью; фактически имеются причины для предположения, что отец забрал его к себе сразу после его рождения. Некоторые из этих аргументов были подвергнуты сомнению со стороны Эйслера[454]. Эссе Фрейда о Леонардо да Винчи большинство читателей встретило с восхищением благодаря прекрасному стилю и не поддающемуся определению очарованию, которое можно было сравнить только с загадочной улыбкой Джоконды. Возможно, некоторые интерпретации Фрейдом творчества Леонардо применимы к тому, что выявил для него самоанализ о его собственном детстве.

Можно классифицировать как патографию исследование Фрейда, посвященное истории болезни немецкого судьи Даниэля Пауля Шребера[455]. Человек необычайно высокого ума и способностей, Шребер провел десять лет в заведениях для душевнобольных в связи с тяжелым душевным заболеванием. После выписки в 1903 году он опубликовал длинное повествование о своих заблуждениях вместе с текстами официальных документов, написанных о нем экспертами. Несмотря на громадный феноменологический интерес, эта книга давала недостаточно оснований для того, чтобы считать ее патографией; в ней не хватало данных о семье Шребера, его детстве и истории жизни до помещения в психиатрическую больницу. Само заболевание не было представлено в своем хронологическом развитии, но только в форме, которую оно обрело после долгих лет эволюции[456]. Более того, редакторы вырезали из «Мемуаров» Шребера те части, которые оказались наиболее важными с психоаналитической точки зрения. Тем не менее там осталась масса запутанных бредовых идей всех видов. Шребер рассказывал о том, как беседовал с солнцем, деревьями, птицами (бывшими фрагментами душ умерших людей); как Бог разговаривал с ним на благородном немецком языке; как почти все органы его тела подверглись изменениям; как грядет конец света; как Бог избрал его для спасения человечества и т. д. Среди всех этих маний (delusions) Фрейд выделил только две специфические, которые счел основными: первое — Шребер утверждал, что находится в процессе превращения из мужчины в женщину; второе — он жаловался на то, что страдает от гомосексуальных притязаний со стороны своего первого врача, невролога Флейшига. Фрейд предположил, что вытесненная гомосексуальность стала причиной параноидного заболевания Шребера. Гомосексуальными любовными объектами Шребера были его отец, затем Флейшиг, позднее Бог или солнце. Фрейд объяснил, что при

вытесненной гомосексуальности фразу «Я люблю его» можно было бы отрицать различными способами, каждый из которых вызывает появление целой группы маний (преследование, эротомания, мании ревности или величия). В основе мании преследования лежал механизм проекции. Отвергнутая фраза «Я люблю его» могла быть заменена другой, «Я не люблю его», «Я ненавижу его»... «потому, что он ненавидит и преследует меня».

Теория Фрейда о гомосексуальном происхождении паранойи была принята многими психоаналитиками, в то время как другие чувствовали, что она обоснована лишь для определенной формы этой болезни. Некоторые критики указывали на то, что девиацией Шребера была скорее транссексуальность, нежели гомосексуальность, и что его душевным заболеванием была шизофрения, а не паранойя. При этом они добавляли, что даже если будет доказано, что это был случай вытесненной гомосексуальности, это не объяснит причины заболевания, а только даст его симптоматическую картину. Макальпайн и Хантер предложили другую психоаналитическую интерпретацию истории болезни Шребера: глубокая регрессия к ранней стадии недифференцированного либидо могла вызвать воссоздание детских фантазий о размножении[457].

Фрейд, кроме того, анализировал историю болезни Кристофа Хайзмана, художника, жившего в семнадцатом столетии, который будто бы подписал два договора с Дьяволом, один — чернилами, а другой — кровью, но ему удалось освободиться и отобрать у Дьявола оба договора[458]. На основании доступных для изучения документов (включавших его рисунки и фрагменты из дневника) Фрейд сделал вывод, что Хайзман, подобно Шреберу, стал жертвой мощного отцовского комплекса. Дьявол был проекцией его враждебности по отношению к отцу, и здесь также существовал конфликт между гомосексуальностью и беспокойством кастрации. Макальпайн и Хантер дали свою интерпретацию истории болезни Хайзмана, как сделали это в случае Шребера, в свете сексуальных недоразумений и фантазий о размножении[459]. Ванденрише разыскал новые документы о Хайзмане, но они не внесли существенных изменений в наши знания об этом случае[460]. Кажется, до сих пор не нашлось критиков, задавшихся вопросом, нельзя ли приписать часть делюзивного бреда Шребера и Хайзмана преувеличениям или патологической склонности к выдумкам.

Психоаналитическая оценка Достоевского была дана Фрейдом в его предисловии к публикации до той поры неизвестных черновиков «Братьев Карамазовых»[461]. Фрейд утверждает здесь, что Достоевский оказался способен создать впечатляющее повествование об отцеубийстве потому, что сам страдал от угнетающего отцовского комплекса. Во время своих пароксизмальных приступов, когда он казался мер-

твым, Достоевский идентифицировал себя с отцом, находящимся в таком состоянии, в котором сам желал бы его видеть (то есть мертвым), и в то же время его страдания были наказанием за это желание. Страсть Достоевского к игре возникла из его стремлений к саморазрушению, связанных с отцовским комплексом. «Сама судьба, в конечном счете, не что иное как запоздавшая проекция отца», — заключил Фрейд.

Работа «Моисей и монотеизм», публиковавшаяся частями в журнале «Imago» в 1937 и 1938 годах, не является ни патографией, ни научной книгой, ни романом[462]. Признавая, что многое в этом произведении было гипотетическим, Фрейд верил в то, что оно достаточно правдоподобно, чтобы оправдать его публикацию. Итак, резюме:

> Фрейд начал с утверждения, что Моисей был не иудеем, а египтянином знатного происхождения, занимавшим высокое положение. Египетский фараон Аккенатон провозгласил монотеистическую религию, но после его смерти при подстрекательстве священников произошел контрпереворот, снова установивший языческие культы. Отказавшись отречься от монотеизма, Моисей был отвергнут египтянами и выбрал иудеев своим народом. С помощью своих последователей, левитов, Моисей склонил к монотеизму иудеев и вывел их из Египта на Синайский полуостров, где они объединились с мидианитами — племенем, поклонявшимся местному незначительному богу по имени Яхве. Произошло восстание против Моисея, и он был убит своими людьми. Примерно через шестьдесят лет, однако, оба народа объединились под властью одного вождя, которого также звали Моисеем (эти два человека позже ошибочно приняты за одного и рассматривались далее как одна личность), сформировавшего веру, представлявшую компромисс между монотеизмом и поклонением Яхве. Эта двойственная структура иудейской нации и религии таила в себе зачатки более поздних политических расколов и политических злоключений. Память о первом Моисее была возрождена в учениях последовавших пророков, а желание возвращения убитого Моисея превратилось в веру в приход Мессии. История Иисуса Христа была восстановлением истории первого Моисея.

Сочинение «Моисей и монотеизм» привело в смятение многих учеников Фрейда и спровоцировало негодующие протесты в еврейских кругах. Историки религии указали на его ошибки и несообразности. Кроме того, оно вызвало воспоминания о бесчисленных легендах, возникавших вокруг Моисея, за века до Христа и до того времени. Идея о том, что Моисей был египтянином, выдвигалась много раз, в том числе и Эдвардом Мейером, работы которого были хорошо известны Фрейду[463]. Многое из того, что выдвинул в этой работе Фрейд, можно проследить до Шиллера[464] и Карла Абрахама[465]. Согласно Дэвиду

Бакану, целью Фрейда было отвратить опасность антисемитизма отделением характеристик Моисея (бремени исторического суперэго) от образа еврея, а такую задачу способен был осуществить только еврей[466]. Таким образом, Фрейду досталась бы роль «некоего нового Моисея, спустившегося к людям с новым Законом, посвященным личной психологической свободе». Другая интерпретация, столь же правдоподобная, как и другие, заключалась в том, что Фрейд идентифицировал себя с первым Моисеем, а своих верных последователей — с левитами, что рассматривал свой отъезд из Вены как побег Моисея из Египта, а современный психоанализ — как смесь своей собственной доктрины с «нечистыми» псевдоаналитическими учениями. (В действительности он был озабочен поворотом, который приняло движение, и опасался его искажений в англосаксонском мире.) Он предвидел продолжительную внутреннюю борьбу между двумя основами в психоанализе, но должны были также появиться пророки, чтобы восстановить его в его первозданной чистоте.

Несмотря на отрицание философии и отсутствие интереса к политике, Фрейд не мог не выражать свои мнения о многих проблемах, представляющих общий интерес. По крайней мере, следует кратко упомянуть о его мнении о войне и мире и о парапсихологических явлениях.

В письме к Эйнштейну в сентябре 1932 года Фрейд выразил свое чувство, что величайшим препятствием для создания центральной организации, охраняющей мир, является существование в человеке агрессивных и разрушительных инстинктов[467]. Инстинкт смерти может быть обращен внутрь или наружу. Не столь уж редко он направляется наружу для сохранения жизни индивида. Этим инстинктам противостоят различные формы либидо, которые можно использовать для противостояния, до некоторой степени, разрушительным инстинктам; однако Эрос и инстинкт смерти всегда сплавляются друг с другом. Другой противостоящей стороной могла бы стать формация высшего класса независимых и бесстрашных интеллектуалов, способная наставить массы на путь разума.

В течение долгого времени Фрейд оставался скептиком в отношении парапсихологических явлений, но в 1911 году стал членом Общества психических исследований[468]. В сентябре 1913 года он рассказал Лу Андреас-Саломе[469], что до него дошли сведения о странных передачах мысли, но он не стал публиковать их, вместе с другими подобными случаями отложив на долгое время[470]. Фрейд заявил, что ситуация психоаналитического переноса открыла новый способ подхода к исследованию телепатических и родственных им явлений. Его отношение к парапсихологии осталось осторожным, как показало интервью, которого он удостоил Табори в 1935 году[471]. Фрейд сравнил дискуссии о так назы-

ваемых оккультных явлениях со спорами о внутреннем составе Земли. Мы ничего не знаем о нем с полной уверенностью, но предполагаем, что в него входят тяжелые металлы, имеющие очень высокую температуру. Теория, утверждающая, что внутренняя часть Земли состоит из воды, насыщенной углекислотой, не кажется логичной, но могла бы послужить предметом для некоторой дискуссии. Однако приди некто с теорией, утверждающей, что внутренность Земли состоит из мармелада, такая теория не заслужила бы никакого научного внимания.

Беглая запись, сделанная Фрейдом в 1938 году, возможно, его последняя мысль, несет в себе загадочную простоту Дельфийского оракула: «Мистицизм — смутное самовосприятие сферы, находящейся вне эго, ид»[472].

Источники Фрейда

Источники психоанализа Фрейда — множественны и до сих пор не выяснены полностью. Человек огромной научной и литературной культуры, стоявший на перекрестках главных культурных течений своего времени, страстный книголюб, способный быстро схватывать значения новых идей для их усвоения и придания им оригинальной формы, Фрейд был автором мощного синтетического склада, в котором отличить пришедшее извне от его личного вклада практически невозможно. Фактически многие теории Фрейда были известны до него или принадлежали современным течениям. Фрейд усваивал новые идеи от своих учителей, коллег, соперников, партнеров, пациентов и учеников. «Хороший писатель, — сказал Ницше, — располагает не только собственным умом, но в такой же степени умами своих друзей»[473]. Огромная часть данной книги была посвящена авторам и их системам мышления, которые, согласно такой точке зрения, могли бы называться источниками или предвестниками Фрейда. Далее мы попытаемся представить краткий список этих источников, соответствующий нашим знаниям о них на сегодняшний день.

Первый и главный источник любого творческого мыслителя находится в его собственной личности. Фрейд обладал аскетизмом, создающим научного исследователя, и высшим уровнем владения родным языком — свойствами, которые (вместе с обостренным интересом к тайной жизни людей и с психологической интуицией) порождают великого писателя. Он также был хорошим сновидцем, способным иллюстрировать «Толкование сновидений» материалом, связанным с его собственными сновидениями. Сверх всего, как нам представляется, из его творческой болезни произошли главные принципы психоанализа: представления о детской сексуальности; о либидо с его последовательными стадиями;

о фиксациях и трансформации навязчивых идей в тревогу и беспокойство; об эдиповой ситуации, о семейных любовных связях; о теории сновидений, парапраксиях и скрытых воспоминаниях; о концепции симптомов как косвенной реализации желаний; представления о фантазиях, играющих главные роли в неврозах и поэтическом творчестве, и о том, что эти ранние фантазии, так же, как искренние ранние сексуальные переживания, играют главную роль в судьбе индивида[474].

Ближайшие учителя Фрейда — Брюкке, Мейнерт и Экснер — были основателями позитивистского, строго научного подхода к исследованию психоневрозов и психоневрологии. Однако, как мы понимаем, эти люди были захвачены бытовавшей тогда модной тенденцией мифологии мозга. Они произвели массу гипотетических истолкований, которые, очевидно, неведомо для них, были не чем иным, как поздним воскрешением натурфилософии. Здесь был скрыт и источник работы Фрейда «Модель разума» 1895 года, влияние которого можно проследить в его поздних метапсихологических истолкованиях. Мария Дорер подчеркивала влияние Мейнерта на теории Фрейда[475]. Основное предположение Мейнерта заключалось в том, что филогенетически более древние части мозга были центром непроизвольных движений и управлялись корой головного мозга, которая образовалась на более поздней стадии эволюции и была областью функции построения эго. Мейнерт различал первоначальное эго, образующееся в результате непосредственного функционирования центров коры головного мозга, и вторичное эго — продукт деятельности пучков ассоциативных связей. Мейнерт считал, что, когда нарушается деятельность более новых центров, активность филогенетически более взрослых центров приобретает большую значимость. Таким образом он объяснял происхождение маний (delusions) преследования и величия. Он рассматривал эти заблуждения как психологические проявления двух основных инстинктов, нападения и защиты, которые заболевание выдвигало на первый план. Концепция Фрейда о регрессии была выстроена по аналогичной схеме. Мы убедились в том, что Мейнерт и Фрейд расходились во мнениях относительно гипноза. Мейнерт был одним из тех, кто сильно сомневался в эффективности гипноза и возражал против его использования по причине его эротической природы; Фрейд не соглашался с этими аргументами, но позже говорил о подобных идеях как о своих собственных. Фрейд также воспринял идеи о психогенезе сексуальных извращений, особенно касавшиеся гомосексуальности, на которые прежде указывал Мейнерт[476].

Среди непосредственных учителей Фрейда были также Мориц Бенедикт и Йозеф Брейер. Влияние Брейера было столь значительным, что его иногда считали соавтором психоанализа. Мы видели, как неверно понятый случай и неудавшееся лечение Анны О. вдохновили

Фрейда на поиски теории и методов лечения неврозов. Похоже на то, что Брейер также внушил Фрейду некоторые идеи из своей мифологии мозга. Роль Бенедикта в создании психоанализа обычно остается незамеченной, хотя сноска в работе Брейера и Фрейда «Предварительное сообщение»* (1893) должна была бы привлечь внимание читателя[477]. Мы видели, как Бенедикт[478] утверждал значимость тайной жизни, грез, фантазий, вытесненных желаний и стремлений, важность сексуальной составляющей в истерии и в других неврозах и как добивался блестящих результатов психотерапевтического лечения, освобождая пациентов от их патогенных секретов[479].

Мария Дорер показала, что одним из главных источников психоанализа была психология Гербарта, имевшая преобладающее влияние в Австрии во времена юности Фрейда[480]. Гербарт проповедовал динамическую концепцию флуктуирующего порога между сознанием и бессознательным, заявлял о том, что конфликты между образами заключаются в том, что они борются между собой за доступ к сознанию и вытесняются более сильными, но стремятся вернуться или же произвести косвенное воздействие на сознание. Он предположил существование цепочек из ассоциаций, пересекающихся в узловых точках, а также представление о «свободно возникающих ассоциациях», идею о том, что психические процессы как целое управляются стремлением к равновесию. Все эти идеи можно найти в психоанализе, хотя иногда в модифицированной форме. Осталось неизвестным, читал ли Фрейд Гербарта, но, несомненно, был ознакомлен с его психологией, находясь в Sperläum, с помощью учебника Линднера[481]. Психология Гризингера и Мейнерта в значительной степени тоже находилась под влиянием Гербарта. Фрейд также ссылался на идею Гризингера о том, что в определенных психозах, вызывающих галлюцинации, пациент отрицает событие, вызвавшее психическое заболевание[482].

Более неопределенной представляется проблема о возможном влиянии романтической психиатрии на Фрейда[483]. Мы видели, что Рейль утверждал, что многие психические болезни имеют психогенную причину и могут быть вылечены посредством психотерапии. Иделер рассматривал страдания как главную причину психозов (особенно из-за разочарований в сексуальной любви). Он говорил о бегстве в болезнь, настаивал на том, что происхождение маний можно проследить в прошлом, в детстве, и верил в психотерапию психозов. Хейнрот подчеркивал пагубное воздействие чувств вины и использовал дифференцированную терапию. Нойман указывал на связь между тревогой (anxiety) и фру-

* Имеется в виду публикация: *Freud S., Breuer J.* Über den physchien Mechanismus hysterischer Phanomene: Vorlaufire Mitteilung // Gesammelte Werke (G.W.) Bd. l. S. 81. 1893. — *Прим. рус. ред.*

стрированными влечениями (drives); он объяснял различные типы маний (delusions) и психотического поведения наличием скрытого сексуального смысла. Вопрос, до какой степени эти авторы оказались забытыми в Центральной Европе к концу девятнадцатого столетия, остается открытым. Возможно, в течение того столетия еще сохранялось скрытое течение психиатрии эпохи романтизма, которое должно было оживиться в 1890-е годы. Многое из того, что в ретроспективе представляется нам потрясающими новшествами в теориях психозов, основателями которых были такие ученые, как Блейлер, Фрейд и Юнг, представлялось их современникам как возвращение к старомодным психиатрическим концепциям.

Происхождение психоанализа невозможно понять без принятия во внимание нескольких научных тенденций последних десятилетий девятнадцатого столетия. Три из них были описаны в предыдущих частях. Одна из них была новой наукой — сексуальной патологией, решительный толчок к развитию которой придал Крафт-Эбинг[484]. Вторая представляла психологическое изучение сновидений[485], а третья — исследование бессознательного[486].

Другой важный источник фрейдистского мышления, «тенденция к разоблачению», заслуживает более подробного обсуждения, так как на него обычно не обращают внимания. Он представляет собой систематический поиск обмана или самообмана и обнажение скрытой истины (называемый в современной Франции «демистификацией»). Эта тенденция, казалось бы, должна была начаться с французских моралистов семнадцатого столетия. Ларошфуко в своих «Максимах» разоблачает добродетельные отношения и поступки как замаскированные проявления *amour-propre* (себялюбия) (на современном языке — нарциссизма). Шопенгауэр описывал любовь как мистификацию индивида с помощью «видового Духа» (Genius of the Species), имея в виду, что качества, приписываемые возлюбленным, представляют иллюзии, порождаемые бессознательной волей, присущей человеческому виду. Карл Маркс утверждал, что мнение об индивиде, незнакомом ему, обусловливается социальным классом, определяющимся экономическими факторами. Война и религия — «мистификации», с помощью которых правящие классы обманывают низшие классы и самих себя. Ницше, восхищавшийся как французскими моралистами, так и Шопенгауэром, был другим выразителем разоблачающей тенденции. Он неустанно преследовал проявления воли к власти под ее многообразными обличьями и манифестации негодования под маской идеализма и любви к человечеству. Он подчеркивал потребность человека в «вымыслах». В современной литературе на тему «разоблачения» уже слишком переусердствовали. Например, в пьесах Ибсена некоторые действующие лица

живут в полном неведении об ужасной реальности, существующей за внешней стороной их жизни, пока она медленно и грубо не раскрывается перед ними. Разрушение иллюзий приводит затем к катастрофе, как, например, в «Росмерхольме» и «Дикой утке». В «Привидениях» (1881) Ибсен драматизирует идею о том, что многие наши свободные и добровольные поступки — не что иное, как возобновление действий, исполнявшихся нашими родителями,— «мы живем в мире привидений». Концепция Ибсена о привидениях несколько раз цитировалась Фрейдом в «Толковании сновидений», и ее можно опознать в его понятии переноса. Эссеист Марк Нордау писал книги, разоблачающие «удобную ложь цивилизации». Экономист Вильфредо Парето подчеркивал важность самообмана в социальных и экономических явлениях[487]. Ганс Гросс, основатель судебной психологии, проводил исследования парапраксий и проявлений скрытых или вытесненных сексуальных чувств[488].

Другим главным источником психоанализа была предшествующая ему динамическая психиатрия, из которой он позаимствовал гораздо больше, чем обычно думают. Будет достаточным обратиться к ее пяти характерным особенностям[489]. Первая — гипноз, основной подход, практиковался в течение некоторого времени Фрейдом, и психоаналитическая методика образовалась при постепенной модификации почти всего гипноза[490]. Вторая — предшествующая динамическая психиатрия проявляла особенный интерес к определенным клиническим картинам, в частности, к истерии, и именно на истерических пациентах Фрейд произвел свои наиболее убедительные исследования. Третья — предшествующая динамическая психиатрия построила две модели человеческого разума; одна основывалась на сосуществовании сознательной и бессознательной психики, а другая была представлена в форме группы или кластера субличностей. Фрейд начал работу с моделью первого типа, а затем усвоил групповой тип модели эго, ид и суперэго. Четвертая предшествующая динамическая психиатрия основывала свои теории о патогенезе нервной болезни на концепциях неопределенной жидкости, психической энергии и на автономной активности расщепленных фрагментов личности. Существует узнаваемая связь между этими концепциями и концепциями либидо и бессознательных комплексов. И, наконец, обязательным психотерапевтическим инструментом магнетизеров и гипнотизеров было взаимопонимание, и мы видим, что психоаналитический перенос был одним из различных метаморфоз взаимопонимания.

В 1880-е годы предшествующая динамическая психиатрия наконец получила официальное одобрение Шарко, учеником которого с гордостью провозгласил себя Фрейд, и Бернгейма, которого Фрейд посетил в Нанси. Оценить влияние Шарко на Фрейда представляется нелегкой задачей. Как ранее упоминалось, это влияние, казалось, было основано

главным образом на личных отношениях, в стиле обычной реально происходившей встречи. У Фрейда создалось идеализированное представление о французском мэтре, и он не работал в Сальпетриере достаточно долго, чтобы осознать, что демонстрации Шарко загипнотизированных истериков не имеют никакой научной ценности. Фрейд преувеличивал значимость того, что Шарко приписывал несходной наследственности (дегенерации, на медицинском жаргоне того времени) в этиологии истерии и, очевидно, он не читал книгу П. Рише, где показывается, что приступы истерии представляли собой возобновления психических травм, имевших, главным образом, сексуальный характер (идея, которую позже Фрейд развил как свою собственную). Все это еще раз показывает, что влияние учителя чаще проявляется не столько в его фактическом обучении, сколько в искаженном восприятии его учеников. Также истинным представляется влияние школы в Нанси на Фрейда, который следующим образом определил Льебо идею о том, что «сновидение является хранителем сна», — утверждение, прямо противоположное теории сна самого Льебо. Явление, заключающееся в том, что пациенты дают рациональные объяснения своему повиновению постгипнотическим внушениям, хорошо известно; Фрейду не следовало ехать в Нанси, чтобы узнать о нем от Бернгейма. Процедура Бернгейма, заставляющая его пациентов восстанавливать в памяти то, что произошло под гипнозом, не имела значения, предписываемого ему Фрейдом, так как в демонстрациях Бернгейма оно происходило незамедлительно после краткого и легкого гипнотического состояния. Остается полагаться на доверие самому Фрейду, что эта процедура навела его на мысль о восстановлении в памяти пациента давно забытых воспоминаний после его пробуждения. Это еще один пример открытия посредством неверной интерпретации фактов.

Влияние Жане на Фрейда — противоречивая проблема, которую никогда не исследовали объективно. В своих ранних работах Фрейд признавал приоритет Жане в отношении открытия роли «бессознательных навязчивых идей» (в терминах Жане) в этиологии истерических симптомов и их последующего излечения посредством «катарсиса» (словами Брейера и Фрейда). Когда Брейер и Фрейд в 1893 году опубликовали свое «Предварительное сообщение», приоритет Жане исчислялся уже семью годами, и он опубликовал шесть или семь историй болезни, имевших отношение к этому вопросу[491]. Для тех современников, которые были знакомы как с французской, так и с немецкой психиатрической литературой, приоритет Жане и подобие его процедуры процедуре Брейера и Фрейда были неоспоримы. Жане также предугадал мнение Фрейда, показывая с самого начала, что простого восстановления травматической памяти недостаточно и что от «психологической системы»

(«комплекса») следует полностью «отмежеваться» («его следует проработать до дна» — в терминологии Фрейда). Влияние Жане на Фрейда очевидно в «Исследовании истерии» даже в терминологии; Фрейд использовал слова Жане «психологическое страдание» и «психологический анализ». В 1896 году Фрейд назвал свою систему «психоанализом», чтобы отличать ее от «психологического анализа» Жане, и начал подчеркивать различия между своими идеями и идеями Жане. При этом он дал искаженную картину взглядов Жане, утверждая, что теория истерии Жане была основана на концепции «дегенерации». Жане действительно указывал на то, что истерия происходит в результате воздействия друг на друга в различающихся пропорциях структурных факторов и психических травм, а эта мысль в точности соответствует тому, что Фрейд позже назвал «дополнительным рядом». Фрейд подчеркивал роль вытеснения в патогенезе истерических симптомов, но не заметил «сужения поля сознания» в теории Жане. Жане впоследствии утверждал, что «Фрейд называет "вытеснением" то, что я назвал "сужением поля сознания"»[492], и стоит отметить, что оба выражения можно проследить в обратном направлении до Гербарта[493], для которого они обозначали два аспекта одного и того же явления. Фрейд также критиковал учение Жане об истерии, возникающей из-за слабости «функции синтеза». Подобные взгляды, однако, были восприняты психоанализом под именем «слабость эго». Сдвиг Жане от исследования «подсознательных» явлений к явлениям «психологической напряженности» предвосхитил сдвиг психоанализа от «глубинной психологии» к «психологии эго». «Функция реальности» Жане была перенесена в психоанализ под именем «принципа реальности». В отношении методик психоанализа существует определенная аналогия между «автоматическим говорением», использованным Жане в случае мадам Д., и методом свободных ассоциаций Фрейда[494]. Еще более удивительное сходство заключается между психоаналитическим переносом и систематическим использованием Жане того разнообразия соглашений между терапевтом и пациентом, которые он называл «лунатическим влиянием» и «потребностью в руководстве»[495], — сходство, которое было открыто Джонсом[496]. В самом деле, трудно исследовать начальные периоды становления психологического анализа Жане и психоанализа Фрейда без того, чтобы не прийти к заключению, выраженному Реджисом и Хеснардом: «Методы и концепции Фрейда были созданы по образцам Жане, который, кажется, вдохновлял его постоянно», пока пути обоих не разошлись окончательно[497].

Фрейд всегда признавал великих писателей своими учителями: это авторы греческих трагедий, Шекспир, Гете и Шиллер. Несомненно, он черпал вдохновение из их творчества, но нельзя забывать о влиянии писателей меньшего масштаба на его мышление, особенно Гейне, Берне

[498] и Лихтенберга[499]. Психоанализ показывает определенную аналогию с некоторыми современными тенденциями литературы, такими, как кружок Молодой Вены, неоромантизм и всегда упоминаемый метод Ибсена, разоблачающий удобную ложь и неосведомленность.

Существует множество философских источников творчества Фрейда, но, вопреки множеству исследований, о них до сих пор мало известно[500]. Хотя Фрейд неоднократно выражал презрение к философии и никогда не воспринимал идею создания философии психоанализа, он явно владел определенными познаниями в философии, проявлявшимися как в его мировоззрении, так и в способе, посредством которого он психологизировал определенные философские концепции.

Фрейд с юности подвергался воздействию того вида философического мышления, превалировавшего в Европе после 1850 года, которое провозгласило отрицание метафизики любого рода и намерение изучать мир только с научной точки зрения. Фактически, это отрицание философии равноценно особой философии: наукообразие — доктрина, согласно которой знание мира может быть достигнуто только посредством науки. Но так как наука имеет свои ограничения, большая часть реальности (возможно, ее бо́льшая часть) — непознаваема. Логически позитивизм должен подразумевать агностицизм, так как существование Бога невозможно ни доказать, ни отвергнуть с помощью науки. Однако Фрейд, подобно многим современным ученым, был решительным атеистом. Эта смесь позитивизма, наукообразия и атеизма открылась в произведении Фрейда «Будущее иллюзии».

Достаточно любопытно, что в течение второй половины девятнадцатого столетия это чрезвычайно позитивистское мышление привело к воскрешению натурфилософии в завуалированной форме. Приверженцы позитивизма, в своем усердии очистить науку от любого следа метафизики, изгнали душу из психологии, витализм — из биологии и завершенность — из эволюции. Нейрофизиологи утверждали, что могут объяснить психические процессы в терминах (существующих или гипотетических) строения мозга (это была мифология мозга, на которую уже были ссылки), или даже исключительно в терминах физических и химических процессов. Эти физиологи пренебрегали изречением Биша: «Физиология — не в большей степени физика животных, чем астрономия — физиология звезд»[501]. Принципы сохранения и преобразования энергии были перенесены в физиологию и психологию как основа умозрительных построений, которую можно было бы назвать энергетической мифологией. Гипотеза Дарвина, утверждающая, что эволюция видов управляется наследственной передачей случайных модификаций посредством борьбы за выживание и исключения видов, становится наукообразной догмой. Для Геккеля это означало преобразование дарвинизма в псевдорелигию под названи-

ем «Монизм». Фрейд был погружен в философическое мышление этого вида. Мы видели, как мифология мозга по Мейнерту, энергетическая мифология Брюкке и комбинация Экснера из них обеих привели Фрейда в 1895 году к написанию его работы «Эскиз научной психологии».

Влияние Дарвина на Фрейда рассматривалось в предыдущей части[502]. Вспомним, что Дарвин предложил психологию, концентрирующуюся вокруг инстинктов, причем особое внимание уделялось агрессивным и любовным инстинктам. Среди доказательств Дарвина справедливости теории эволюции были явления «атавизма», которые Фрейд в области психологии назвал «регрессией». Дарвин, кроме того, обрисовал в общих чертах некую биологическую теорию происхождения общества и нравственности. Фрейд перенял от него картину первобытных людей как грубоватых созданий, живущих ордами под тиранической властью старого человека (жестокого старого Отца из «Тотема и табу»). Ломброзо также разделял идею о доисторическом человеке как о грубоватом кровожадном существе. Ломброзо верил в то, что «прирожденный преступник» является воскрешением этого примитивного человека, а описание Фрейдом бессознательного в цивилизованном человеке не слишком отличалось от образа примитивного человека в представлении Ломброзо. К дарвинистской доктрине Геккель добавил свой так называемый фундаментальный биогенетический закон[503], который Фрейд, кажется, принял как не требующий доказательства. Мы также видим, как в определенных аспектах психоанализа просматриваются схемы мышления Карла Маркса[504].

Единственным философом, лекции которого посещал Фрейд, был основатель совершенно другой философии, Франц Брентано. Брентано происходил из блестящей фамилии, включавшей поэта Клеменса Брентано, и был братом знаменитого экономиста Луйо Брентано. Он был доминиканским священником и профессором философии в Вюрцбурге, но так как не мог принять догму непогрешимости Папы, то оставил церковь и переехал в Вену, чтобы в качестве приват-доцента обучать философии (уникальный пример обратной перемены в обычной университетской карьере). Брентано преподавал новую психологию, основанную на концепции преднамеренности, которую возродил из средневековой схоластической философии. Рудольф Штайнер, бывший одним из его вольнослушателей, говорил, что Брентано был превосходным логиком, ясно представляющим любую концепцию и ее точное место в диалектическом споре. Но иногда он производил впечатление, что его мышление являло слово в самом себе, вне окружающей реальности. Брентано был блестящим оратором, и высокопоставленные венские дамы роем устремлялись на его лекции. Среди его вольнослушателей были люди таких различных интересов, как Эдмунд Гуссерль, Томаш Масарик, Франц Кафка, Рудольф

Штайнер и Зигмунд Фрейд. Брентано был заметной фигурой в венской светской жизни. Дора Штокерт-Мейнерт описала его напоминающим византийского Христа: он отличался тихой речью, акцентировал свое красноречие жестами неподражаемой грации, у него была «фигура пророка и дух человека мира»[505]. Брентано обладал необыкновенным лингвистическим даром и, в добавление к своей славе эрудита и оригинального философа, был известен своей импровизацией в сложных каламбурах. Он придумал новый вид загадки, которую назвал *dal-dal-dal*, возбуждавшей страсти в венских салонах, вызвавшей подражания, и многие варианты ее анонимно опубликовал. Фрейд упомянул о них в сноске в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному»; это единственное упоминание о Брентано в произведениях Фрейда. Любое свидетельство того, что Брентано мог иметь влияние на Фрейда, можно было бы привести только при тщательном изучении работ Фрейда и обнаружении в них идей, характерных для Брентано. Джеймс Ральф Барклай исполнил все это и пришел к выводу, что некоторые концепции Фрейда можно проследить до Брентано[506]. Представление о преднамеренности появилось у Фрейда в модифицированной форме психической энергии, направляемой к инстинктивным целям и к исполнению желаний. «Преднамеренное существование» Брентано стало своего рода катектическим импульсом («cathexis»*) для Фрейда. Для него, как и для Брентано, восприятие было не пассивным процессом, но деятельностью, наделенной психической энергией. Эволюция от главного процесса к вторичному, описанная Фрейдом, также прослеживается к Брентано.

Влияние романтической философии на Фрейда также невозможно проследить непосредственно, хотя оно, несомненно, существовало. В предыдущей части мы говорили о сходствах между романтической философией Гете и фон Шуберта, с одной стороны, и некоторыми концепциями Фрейда, с другой[507]. Однако основное влияние оказывала на Фрейда натурфилософия, поддерживаемая благодаря стараниям ее двух эпигонов, Бахофена и Фехнера[508]. Можно провести близкую параллель между стадиями эволюции человеческого общества, разработанными Бахофеном, и фрейдистскими стадиями либидо. Фрейд, однако, никогда не упоминал Бахофена. Что касается Фехнера, следовало бы вспомнить, что Фрейд многократно его цитировал и перенял у него топографическую концепцию разума, концепцию психической энергии, принципы удовольствия-неудовольствия, постоянства, повторения и, возможно, идею преобладания разрушительного инстинкта над Эросом. Таким образом, основные концепции метапсихологии Фрейда исходили от Фехнера.

* Cathexis, аналог немецкого Besetzung — вложение психической или эмоциональной энергии в личность, объект или идею. — *Прим. пер.*

Однако наибольшее приближение к психоанализу должно обнаружиться у философов бессознательного — Каруса, фон Гартмана и особенно у Шопенгауэра и Ницше. Для тех, кто знаком с творчеством двух последних из перечисленных философов, не должно быть ни малейшего сомнения в том, что мысль Фрейда была отраженным эхо их мыслей. Томас Манн[509] сказал, что психоаналитические концепции были идеями Шопенгауэра, «переведенными из метафизики в психологию». Ферстер[510] зашел еще дальше, заявив, что никто не должен иметь дело с психоанализом, пока тщательно не изучит Шопенгауэра. Такое изучение могло бы показать психоаналитикам, что они даже более правы, чем сами в этом уверены. То же самое еще более справедливо в отношении Ницше, идеи которого пропитали психоанализ и чье влияние на психоанализ просматривается даже в литературном стиле Фрейда. Это сходство не избежало внимания некоторых психоаналитиков. Например, Виттельс говорил о «делении характеров, произведенном Ницше, на дионисийские (разнузданные) и аполлонические (сдержанные), почти полностью тождественном с первичной и вторичной функциями»[511]. Фрейд в нашумевшей в свое время статье «Преступники из-за чувства вины» заметил, что Ницше описал тех же индивидов под именем «the pale criminals»[512] («ограниченных преступников»). Типично ницшеанскими являются понятия и представления о самообмане сознания бессознательным и эмоциональным мышлением; о превратностях инстинктов (их комбинациях, конфликтах, вытеснениях, сублимациях, регрессиях и обращениях против личности); об энергетически нагруженных представлениях; о саморазрушительных порывах в человеке; о происхождении совести и морали посредством обращения внутрь себя агрессивных побуждений; об обиде и невротическом чувстве вины; о происхождении цивилизации на фоне подавляемых инстинктов, не говоря уже о нападениях на современные нравы и религию[513].

При перечислении источников в творчестве Фрейда следовало бы принять в расчет также его пациентов и учеников. Примеры таких источников, приведенные в предыдущих частях этой книги, иллюстрируют роль пациентов в истории динамической психиатрии. Фрейд многому научился у некоторых из своих пациентов. Одна из них, Элизабет фон Р., предложила ему процедуру свободной ассоциации. Сколь много других предложений он получил от своих пациентов, остается неизвестным. Но, по крайней мере, один человек играл важную роль образцового пациента, от которого Фрейд узнал очень многое (как Жане от Мадлен). Этот пациент приобрел известность под именем Человек-Волк. История вкратце такова:

Двадцатитрехлетний молодой человек прибыл в Вену в начале 1910 года и начал аналитическое лечение у Фрейда. Сын богатого русского землевладельца, он был интеллигентным, откровенным, добросердечным человеком,

но столь чрезвычайно страдал от абулии (патологического безволия), что не мог завершить никакое дело в своей жизни. На самом деле в России этот случай не выглядел такой уж диковиной, как в других странах Европы; это была точная картина того состояния, которое в России называлось обломовщиной[514], обычное состояние сыновей богатых землевладельцев, проводивших жизнь в праздности и безделье. Пациента прозвали Волком из-за ужасающего сновидения о волках, приснившегося ему, когда ему было три с половиной года. Вследствие его необычайно пассивного отношения к ситуациям, требующим размышлений, и ко всей жизни, в течение четырех лет лечения не наблюдалось никакого прогресса. Затем Фрейд установил срок окончания лечения и объявил, что оно будет прекращено в июне 1914 года. Это решение принесло быстрое улучшение, и пациент получил возможность вернуться в Россию. Его болезнь представляла огромный интерес для Фрейда из-за выявленного материала, часть которого подтверждала собственные идеи Фрейда и противоречила идеям Адлера и Юнга. Но некоторые материалы оказались совершенно новыми и казались ему почти невероятными. В 1918 году Фрейд опубликовал краткое изложение случая, затем расширил его в следующем издании, но никогда так и не представил историю полностью[515]. Когда Человек-Волк бежал в Вену, потеряв все состояние в большевистской революции, Фрейд в течение нескольких месяцев анализировал его бесплатно и организовал подписку для сбора средств, чтобы этот человек с женой мог жить в Вене и позднее пользоваться дополнительным психоаналитическим лечением у госпожи Руфи Мак Брунсвик[516]. Человек-Волк стал хорошо известной личностью в психоаналитических кругах и своего рода экспертом в психоаналитических проблемах. Несомненно, он сыграл значительную роль в эволюции Фрейда к «метапсихологии», а также помогал ему понять явление контрпереноса.

Другой проблемой, нуждающейся в прояснении, является влияние учеников Фрейда на мышление их учителя. Известно, что Фрейд почерпнул много идей у Штекеля, Адлера, Ференци, Абрахама, Ранка, Зильберера, Пфистера, Юнга и других. Отдельные психологи настаивали на том, что в 1908 году Адлер предложил концепцию первостепенности агрессивного стремления, которую Фрейд отвергал, но потом воспринял в другой форме в 1920 году; он также перенял у Адлера понятия слияния влечений (drives) (которые зародились у Ницше). Юнг ввел в психоанализ термины «комплекс» и «имаго», подчеркивая идею отождествления маленького мальчика с отцом, что стимулировало интерес Фрейда к изучению мифов, а также способствовало учреждению обязательного обучения анализу будущего психоаналитика. В действительности практически невозможно выделить ту роль, которую играют ученики в формировании идей учителя. Дело не только в том, что уче-

ники вносят новые идеи; их особые интересы, их вопросы и сомнение, вызванное противоречиями с мнениями учителя, — все это находится за пределами любой полной оценки их вкладов в формирование новых идей учителя.

Весьма возможно, что когда-нибудь в будущем источники творчества Фрейда будут открыты. Попытка продвинуться в этом направлении уже совершена Дэвидом Баканом, заявившим, что найдены следы связи между Фрейдом и каббалистической традицией[517]. Каждый еврей, как сказал Бакан, независимо от того, изучал он иврит или нет, неизбежно будет впитывать что-то из еврейской мистической традиции, и это явление было даже более справедливо для еврея галицийского происхождения, каким был Фрейд, родители и предки которого на долгие времена были погружены в течения хасидизма. Таким образом, в довольно бурной истории еврейского мистицизма фрейдистский психоанализ мог бы проявиться как одна из его многочисленных превратностей. Каббалистическое мышление пропитано ощущениями мистики и власти, целями извлечения скрытого смысла из священных писаний и обучает некой метафизике сексуальных отношений. Согласно Бакану, правящий антисемитизм вынудил Фрейда скрывать свою еврейскую индивидуальность, так что он в своих трудах представлял извлечения из еврейского мистицизма в завуалированной форме. Объективное, тщательное изучение фактов показывает, однако, что Бакан значительно преувеличивал силу антисемитизма в Вене в пору юности и зрелого возраста Фрейда, и многие его интерпретации работ Фрейда спорны. Не вызывает сомнения, что некоторые замеченные им аналогии между психоаналитическими концепциями (особенно касающимися сексуальности) и каббалистическими учениями потрясают воображение, но вопрос на самом деле оказывается более сложным. Не существует свидетельства, что Фрейд когда-либо проявлял компетентность в еврейских мистических сочинениях. С другой стороны, каббалистическая метафизика секса является не более чем эпизодом в тенденции сексуального мистицизма, история которого не слишком хорошо известна. Это — большая область, в которой мы находим главных и менее значительных представителей, как до Фрейда, так и среди его современников.

Давайте вспомним, что философия Шопенгауэра в значительной степени была отмечена наличием сексуального мистицизма, занимавшего его, как и нескольких других философов. Два последних представителя этой тенденции были знакомыми Фрейда — Вильгельм Флисс и Отто Вейнингер. Вильгельм Флисс сочетал сексуальный мистицизм с мистикой чисел. Как мы видели, Флисс заявлял о том, что обнаружил корреляцию между носовой слизистой и генитальными органами, и открыл фундаментальную бисексуальность людей[518]. И в мужчинах, и в женщинах име-

лись как мужские, так и женские физиологические компоненты, и в каждом существовал закон периодичности, основанный на цифре двадцать восемь для женщин и на цифре двадцать три — для мужчин. Используя эти числа в различных комбинациях, Флисс был способен вычислить, в ретроспективе, происхождение любого биологического события. В течение этих лет Фрейд и Флисс с энтузиазмом относились к теориям друг друга. Позже Флисс закончил и усовершенствовал свою теорию. Между Флиссом и Вейнингером происходила язвительная дискуссия о приоритете фундаментальной теории бисексуальности; странное заблуждение, поразившее их обоих, — ведь эта теория была далеко не нова. Характерным признаком тех времен было то, что Флисса критиковали за его носово-генитальную теорию и увлечение «магией чисел», но не за его пансексуализм[519]. Что касается Отто Вейнингера, его прославленная книга «Пол и характер» была эскизом метафизической системы, концентрировавшейся вокруг концепции фундаментальной бисексуальности живого существа[520]. В свете этого основного принципа Вейнингер пытался найти ответы на неразрешенные философские проблемы. Сексуальный мистицизм, проникший в интеллектуальную атмосферу Вены в конце девятнадцатого и в начале двадцатого столетий, даже распространился в сферу новой науки — сексуальной патологии. Мы видели, что некоторые авторы романтизировали сексуальные извращения, настаивая на неслыханных эмоциональных страданиях, приносимых сексуальными отклонениями[521]. Нет ничего столь отдаленного от истины, чем бытующее предположение о том, что Фрейд был первым, кто предложил новые сексуальные теории во времена, когда все сексуальное представлялось как «табу». Стоит отметить, что другие системы сексуального мистицизма развивались во времена Фрейда, но совершенно независимо от него. В России Василий Розанов, покровитель сексуального трансцендентализма, настаивал на святости пола, отождествляя его с Богом[522]. Вот краткие выводы из системы сексуального мистицизма Розанова:

> Сексуальный акт, говорил он, центр существования и момент, когда человек становится богом. Пол является метафизическим источником разума, души и религии. Античные восточные религии и первобытный иудаизм он называл «солнечными» религиями, поскольку они были вполне приземленными и мирскими, превозносили размножение и плодородие, продолжение семьи и увековечение видов. Древняя египетская цивилизация была «неким видом фаллической восторженности». Христианство, которое учит аскетизму, целомудрию и невинности, — это религия смерти. Жизнь — это дом; дом должен быть теплым, приятным и округлым, как материнское чрево. Гомосексуалисты создали греческую цивилизацию и были величайшими гениями. «Проституция — наиболее социальное явление, до определенной

степени прототип формирования социальных групп... первые государства были порождены инстинктами предрасположенности женщин к проституции». Розанов интерпретировал творчество писателей через их интимную жизнь (их «нижнее белье», как он говорил); его обширный сексуальный символизм привел к тому, что он повсюду в природе видел фаллос[523].

Другой повсеместно обсуждаемой системой сексуального мистицизма была система Винтуиса.

Католический миссионер Джозеф Винтуис[524], работавший среди населения племени гунантуна в Новой Гвинее, поразил этнологические круги книгой «Двуполое существо»[525]. Он говорил, что язык гунантуна содержит огромное количество слов и идиом с двойственным смыслом, что эти люди также пользуются знаковым языком, каждый жест которого имеет сексуальное значение, и рисуночным языком, символы которого основываются на двух фундаментальных линиях: прямой (фаллос) и изогнутой (вагина). Записав тридцать, казалось бы, безобидных песен гунантуны, Винтуис обнаружил, что двадцать девять из них имели скрытое значение, столь грубое, что он почувствовал себя обязанным переводить их на латынь, а не на немецкий язык. Винтуис сделал вывод, что первобытный разум буквально пропитан сексуальностью. Затем он развил теорию первобытной религии как поклонения бисексуальному богу, теорию, которую он постепенно распространил на все первобытное народонаселение, на доисторические народы и на историю религии в целом[526]. Сущность этой религии заключалась в вере и поклонении бисексуальному богу. Сексуальность в этой религии священна, так как сексуальный акт является повторением первичного события, посредством которого бисексуальный бог создал мир, и таким образом она представляет собой увековечение божественного акта творения во имя бога и по его приказанию. Ожесточенные споры поднялись вокруг этих теорий, которые Винтуис защищал с почти фанатическим рвением.

Можно удивляться подобиям и возможным связям между каббалистическим мистицизмом, сексуальной метафизикой Шопенгауэра, системами Флисса и Вейнингера, сексуальным трансцендентализмом Розанова и предполагаемым открытием Винтуисом всеобщего поклонения бисексуальному богу. К несчастью, сексуальный мистицизм является одной из наименее исследованных тенденций в истории идей, и было бы преждевременным попытаться оценить его роль в культурной атмосфере, в которой развился психоанализ Фрейда.

В этом неполном перечислении источников творчества Фрейда можно увидеть, что они принадлежат к трем различным временным периодам разной продолжительности. В первом периоде Фрейд заимствовал,

прямо или косвенно, идеи своих учителей и многочисленных авторов, произведения которых читал. Во втором, относительно коротком периоде своего самоанализа Фрейд познавал непосредственно от самого себя. В третьем периоде, продолжавшемся с 1902 года до его смерти, Фрейд черпал знания, главным образом, от нескольких привилегированных пациентов и учеников.

Влияние Фрейда

Объективная оценка влияния Фрейда чрезвычайно трудна. История еще слишком свежа в памяти, искажена легендой, и не все ее факты уже вышли на свет.

Достигнутое всеобщее соглашение заключается в том, что Фрейд проявлял мощное влияние не только на психологию и психиатрию, но и на все области культуры, и что это влияние зашло столь далеко, что изменило наш способ существования и нашу концепцию о человеке. Более затруднительный вопрос касается расхождений, возникающих всякий раз, когда кто-нибудь пытается оценить, до какой степени это влияние было благотворным или нет. С одной стороны, находятся те, которые включают Фрейда в когорту освободителей человеческого духа и даже думают, что будущее человечества зависит от того, примет оно или отвергнет учение психоанализа[527]. На другой стороне — те, которые провозглашают, что воздействие психоанализа было катастрофическим. Ла Пьер, например, заявил, что фрейдизм разрушил этику индивидуализма, самодисциплину и ответственность, превалировавшие в западном мире[528].

Любая попытка дать объективный ответ на эти два вопроса, а именно о степени и природе влияния психоанализа, вынуждена встречаться с тремя громадными трудностями.

Первая: как и в случае с Дарвином, историческая значимость теории не ограничивается тем, что первоначально имел в виду ее автор, она определяется еще и расширениями, присоединениями, интерпретациями и искажениями этой теории[529]. Таким образом, оценка влияния Фрейда должна была бы начаться с исторического отчета о фрейдистской школе и различных тенденциях, исходивших из нее: об ортодоксальных фрейдистах; о наиболее оригинальных последователях (например, о покровителях психоанализа эго); о школах с собственными отклонениями, со своими сектами и группами раскола, и о тех, других школах (Адлер и Юнг), основанных на радикально отличающихся главных принципах, хотя и сформированных как ответ психоанализу. И, наконец, последнее, но не менее важное: каждый должен был бы принять в расчет искаженные псевдофрейдистские концепции, широко опошленные через газеты, журналы и популярную литературу.

Вторая еще большая трудность до сих пор возникает из того факта, что с самого начала психоанализ развивался в атмосфере легенды, в связи с чем объективную оценку невозможно будет получить до тех пор, пока подлинные исторические факты не окажутся отделенными от легенды. Было бы бесценным достижением узнать отправную точку фрейдистской легенды и те факторы, которые привели ее к той стадии развития, которой она достигла в наши времена. К сожалению, научное изучение легенд, их тематической структуры, роста и причин их возникновения — одна из самых неизведанных областей науки[530], и до сих пор в отношении Фрейда не было написано ничего сравнимого с изучением легенды о поэте Рембо[531], произведенным Этьемблем. Быстрый взгляд на фрейдистскую легенду раскрывает две ее основные черты. Первая — это тема одинокого героя, сражающегося с сонмом врагов, страдающего от «каменьев из пращей и стрел оскорбительной судьбы», но одерживающего наконец победу. Легенда значительно преувеличивает степень и роль антисемитизма, враждебности академического мира и предполагаемых викторианских предрассудков. Вторая черта фрейдистской легенды — это вымарывание большей части научного и культурного контекста, в котором развивался психоанализ, откуда и возникла тема абсолютной оригинальности достижений, в которых герою приписываются достижения его предшественников, коллег, учеников, противников и современников.

Легенда отброшена, и нам позволяют увидеть факты в другом свете. Фрейда изображают как человека, построившего среднюю карьеру современного профессора в Центральной Европе, карьеру, которая лишь слегка была затруднена антисемитизмом и не большим числом препятствий, чем у многих других. Он жил в то время, когда научная полемика была более яростной, чем в наше время, и никогда не страдал от нее в такой степени, как Пастер и Эрлих[532]. С другой стороны, современная легенда приписывает Фрейду многое из того, что принадлежит исключительно Гербарту, Фехнеру, Ницше, Мейнерту, Бенедикту и Жане, недооценивая работы предыдущих исследователей бессознательного, сновидений и сексуальной патологии. Многое из того, что приписывается Фрейду, представляло собой разбросанные то там, то здесь крупицы знания, и его роль заключалась в кристаллизации уже существовавших идей и придании им новой формы.

Теперь мы подходим к третьей огромной трудности при оценке степени и природы влияния, произведенного психоанализом. Многие авторы предпринимали попытки составить опись столкновений идей Фрейда с нормальной и аномальной психологией, социологией, антропологией, криминологией, с искусством, театром, кинематографией, как и с философией, религией, воспитанием и нравами. Мы не станем пытаться по-

вторить эти исследования или как-то резюмировать их результаты, но должны указать на факт, который иногда упускают из виду: психоанализ как таковой с самого начала был связан с другими, существовавшими до него или современными тенденциями более обобщенного характера. Примерно с 1895 года профессия психоневролога становится модной, начинается активный поиск новых психотерапевтических методов, и ученые типа Блейлера и Мебиуса пытаются «ре-психологизировать» психиатрию, — первые публикации Фрейда появляются как провозглашение этого нового курса. В тот же период наблюдается интенсивное развитие сексуальной психопатологии, — теория либидо Фрейда была одним из новшеств в этой области. Мы уже упоминали о духовных родственных связях между ранним психоанализом и литературными трудами Ибсена, Шницлера, авторов из группы «Молодая Вена» и неоромантистами, и к ним следует добавить авангардные движения, возникшие позже, а именно — футуристов, дадаистов и сюрреалистов[533]. Открытое провозглашение Фрейдом атеизма было созвучно с отношением многих современных ученых и принесло ему расположение геккелевского *Monisten Bund*[534] (Союза монистов*). Его система была признана вполне материалистической, чтобы быть принятой советскими психологами, пока ее затем не вытеснила психиатрия Павлова[535]. Первая мировая война вызывала тенденцию «заката Европы», труд Фрейда «Размышления о войне и смерти» явился одним из многочисленных проявлений этого настроения[536]. Бедствия Первой мировой войны и нависшая катастрофа Второй мировой войны вынуждали мыслителей искать пути для спасения мира[537]. Задача психотерапии заключалась теперь в том, чтобы снабдить индивида средствами для перенесения трудностей и беспокойства, вследствие чего в психоанализе произошел сдвиг от глубинной психологии к эго-психоанализу[538].

Однако этого было недостаточно, так как в это же время прогресс технологии торжественно ознаменовал появление общества изобилия. На смену системе, основанной на тяжком труде и усиленной конкуренции, идеологию которой определил социальный дарвинизм, приходила другая, основанная на массовом потреблении, с гедонистической потребительской философией. Это было то общество, которое с энтузиазмом восприняли фрейдистские психоаналитики, часто в его наиболее искаженном виде. Факты, приведенные Ла Пьером в его книге «Этика фрейдизма», могут быть точными, но при этом неправильно представлять Фрейда несущим за них ответственность, как нельзя обвинять Дарвина в ответственности за способы, посредством которых

* Монист — представитель философского учения монизма, признающего основой всех явлений мира одно начало: либо материю (материалистический), либо дух (идеалистический). — *Прим. пер.*

милитаристы, колонизаторы и другие хищнические группы, а затем Гитлер и нацисты считали себя приносящими пользу псевдодарвинистским теориям. Таким образом, с Фрейдом произошло то, что случилось с Дарвином и другими до него, которые, казалось, начали ошеломляющую культурную революцию, тогда как на самом деле именно эта революция, внедрившаяся в социально-экономические перемены, завладела ими. Возвращаясь к Фрейду, действительно, понадобится довольно долгое время, прежде чем человек окажется в состоянии отличать то, что можно было приписать непосредственному воздействию его учения, и осознать, до какой степени разрозненные социальные, экономические и культурные тенденции преодолели в себе фрейдистские или псевдофрейдистские концепции до полного их искоренения.

Возможно, теперь мы готовы дать ответ на этот трудный вопрос: что действительно принадлежит Фрейду и составляет самую глубокую оригинальность его работы? Мы можем различить три его великих вклада: психоаналитическую теорию, психоаналитический метод и психоаналитическую организацию.

Каково бы ни было число источников и сложностей восприятия ее контекста, психоаналитическая теория является общепризнанной как мощный и оригинальный синтез, послуживший побудительным стимулом для многочисленных исследователей и приведший к открытиям в области нормальной и аномальной психологии. Однако проблема ее научного статуса до сих пор остается не выясненной до конца. В этом отношении ситуация психоанализа поразительно похожа на положение животного магнетизма в 1818 году, когда врач Вирей заинтересовался, почему открытия, сделанные в области физики во времена Месмера, теперь принимаются бездоказательно, в то время как обоснованность доктрины Месмера до сих пор является объектом страстных, эмоциональных дискуссий[539]. И наоборот, открытия, сделанные во времена Фрейда в областях эндокринологии, бактериологии и т. п., не вызывая подозрений, интегрируются в науку, в то время как обоснованность психоаналитических концепций все еще ставится под сомнение многими экспериментальными психологами и эпистемологами*[540]. Этот парадокс привел многих фрейдистов к мысли, что психоанализ следует рассматривать как дисциплину, стоящую в стороне от области экспериментальных наук, более родственную истории, философии, лингвистике[541], или считать его разновидностью герменевтики[542].

Даже в большей степени, чем концептуальная структура психоанализа, психоаналитический метод — творение Фрейда, содержащее самую сокровенную оригинальность его работы. Фрейд был изобретате-

---

* Эпистемология — то же, что теория познания. — *Прим. пер.*

лем нового способа обращения с бессознательным, то есть с психоаналитической ситуацией, основным правилом которого стала свободная ассоциация, и анализа сопротивления и переноса. Это — неоспоримые нововведения, разработанные Фрейдом.

Но наиболее поразительным новшеством Фрейда, возможно, было основание «школы» в соответствии с образцом, не имеющим параллелей в современности, но являющейся возрождением старых философских школ греко-римской античности, таких, какими они описаны в предыдущей главе [543]. Почти что с самого начала Фрейд превратил психоанализ в движение, со своей собственной организацией и издательством, со строгими правилами членства и официальной доктриной, а именно — с психоаналитической теорией. Сходство между психоаналитической и греко-римской философскими школами было усилено после введения инициации в форме учебного анализа. Учебный анализ потребовал не только значительной финансовой жертвы, но также и определенного отказа от личной жизни и от самости. Здесь имеется в виду то, что последователь интегрируется в Общество более неразрывно, чем это было когда-то у пифагорейцев, стоиков или эпикурейцев в их собственных организациях. Примеру Фрейда в этом отношении последовали Юнг и несколько других динамических психиатрических движений. Таким образом, мы оказываемся перед умозаключением, утверждающим, что наиболее поразительное достижение Фрейда состоит в возрождении греко-римского типа философских школ, и это, несомненно, заметное событие в истории современной культуры.

Глава 8. Альфред Адлер и индивидуальная психология

Вопреки распространенному мнению, ни Адлер, ни Юнг не являются психоаналитиками, отклонившимися от общепринятого пути («psychoanalytic deviant»), и их системы не вносят «искажения» в психоанализ. У обоих еще до встречи с Фрейдом были собственные идеи; сотрудничая с ним, они сохраняли свою независимость, а покинув его, создали системы, коренным образом отличные как от фрейдовского психоанализа, так и друг от друга.

Фундаментальное отличие индивидуальной психологии Адлера от психоанализа Фрейда можно описать следующим образом: Фрейд ввел в научную психологию скрытые области человеческой психики, интуитивно постигнутые авторами греческих трагедий, Шекспиром, Гете и другими великими писателями. Адлер, в свою очередь, изучал людей, его интересовали конкретные, практические сведения о природе человека (Menschenkenntnis). Индивидуальная психология является первой полной, унифицированной системой знаний о человеке, системой, достаточно исчерпывающей, чтобы включать в себя область неврозов, психозов и криминального поведения. Поэтому при изучении трудов Адлера читатель должен временно отложить в сторону все, что ему известно о психоанализе, и начать мыслить по-новому.

Жизнь Альфреда Адлера

Альфред Адлер родился в 1870 году в пригороде Вены, а умер в Абердине (Шотландия) в 1937 году. Большую часть жизни он провел в Вене. События его жизни, как и события жизни Фрейда, необходимо рассматривать на фоне перемен, происшедших в Австрии. Будучи, однако, на четырнадцать лет моложе Фрейда, он по-иному воспринимал эти перемены. Его детство и юность пришлись на годы наивысшего процветания австрийской монархии. Когда разразилась Первая мировая война, сорокачетырехлетний Адлер был еще достаточно молод; он был призван в армию в качестве военного врача и напрямую познакомился с военными неврозами. Общественная катастрофа 1918 года также иначе повлияла на сорокавосьмилетнего Адлера, чем на шестидесятидвухлетнего Фрейда. Приход нового политического режима позволил Адлеру реализовать свои проекты, организовать свои институты. Несмотря на

политические перевороты, годы между 1920 и 1932 были для него периодом наивысших достижений. Он не стал дожидаться прихода Гитлера к власти, а эмигрировал в 1932 году в США. Черные тучи собирались над Европой, когда он внезапно умер в 1937 году, за два с половиной года до Второй мировой войны, которую он предвидел.

Как Фрейд, так и Адлер были сыновьями еврейских торговцев, принадлежавших к низшим слоям среднего класса, и отличие состояло только в том, что отец Адлера торговал зерном, а отец Фрейда — шерстью. Оба выросли в пригороде Вены, были настоящими венцами, основали новые школы в психологии и приобрели мировую славу. Однако к успеху они пришли разными путями. Фрейд сделал характерную для того времени университетскую карьеру. Он жил в фешенебельном районе города и имел привилегированную клиентуру. Университетская карьера Адлера была прервана в самом начале. Он начал работать врачом общего профиля в небогатом районе города и ратовал за создание социальной медицины. Организованная им после объединения с Фрейдом группа имела больше общего с политическим движением, чем с психоанализом. Большинство его пациентов принадлежало к низшему и среднему классу, и общественные проблемы всегда оставались в центре его интересов.

Как мы видим, карьера Альфреда Адлера служит примером социального восхождения человека, остававшегося эмоционально привязанным к низшему слою населения, в среде которого прошло его детство. Развал Австро-Венгерской империи способствовал тому, что от позиции маргинальной он перешел к организации социально-этического движения в мировом масштабе.

Семейная предыстория

Несмотря на видимость сходства, между Фрейдом и Адлером существовали глубокие различия. На протяжении второй половины девятнадцатого века позиция и ментальность австрийских евреев в значительной степени определялась тем, к какой группе принадлежали их родители или деды до отмены существовавших ранее ограничений[1]. Родители Фрейда несли в себе чувство обиды, накопившейся на протяжении веков в среде евреев Галиции и юга России. Родители Адлера происходили из сравнительно привилегированной общины Киттзе (Kittsee) в провинции Бургенланд.

Бургенланд — это живописная местность с заросшими тростником озерами, полями, рощами и виноградниками, замками, стоящими на вершинах холмов, очаровательными старинными деревушками. Здесь обитают птицы самых разнообразных пород; почти на каждой крыше

деревенского дома свили гнезда аисты. Бургенланд гордится своим прошлым и жившими здесь великими людьми, среди которых были композиторы Гайдн и Лист. На протяжении веков Бургенланд был своего рода буферной территорией между Австрией и Венгрией. Он принадлежал Венгрии, но венгерские магнаты, владевшие значительной частью земли, дружественно относились к Австрии (что было исключением в среде венгерского дворянства). В те времена население Бургенланда составляло около 300 000 человек. Большинство говорило на немецком языке, но жили там и венгры, и хорватские иммигранты, и цыгане, имелись также процветающие еврейские общины. Евреи Бургенланда имели более либеральный статус по сравнению с другими областями империи. Многие из них занимались торговлей и в качестве торговцев служили посредниками между евреями из гетто Прессбурга и коммерческих центров Вены.

Эти обстоятельства позволяют объяснить определенные особенности, характерные для евреев — выходцев из Бургенланда. Прежде всего у них отсутствовало ощущение принадлежности к преследуемому меньшинству. Например, Мориц Бенедикт, выходец из еврейской общины города Эйзенштадт, описывавший в своей автобиографии многочисленные гонения, жертвой которых он оказывался, никогда не объяснял их антисемитизмом. То же самое относится к Альфреду Адлеру, в работах которого ни разу не встречается слово «антисемитизм». Евреи из Бургенланда могли сохранять свою веру (как поступил Бенедикт, продолжавший придерживаться иудейского вероисповедания), но, утратив веру, они теряли связь с еврейскими традициями. Они могли спокойно перейти в протестантство или в католичество, не чувствуя себя предателями в отношении предков или соплеменников. Так и Альфред Адлер позднее перешел в протестанство, тогда как два его брата (Макс и Рихард) приняли католичество, а самый старший брат (Зигмунд) покинул еврейскую общину без заявления о принадлежности к какой-либо конфессии.

Нам мало известно о воспитании Альфреда Адлера. В кратком автобиографическом очерке[2] он рассказал, что был любимцем отца, но долго чувствовал себя отвергнутым матерью, что однажды он избил другого мальчика, что в раннем детстве он страдал рахитом и приступами астмы, что большое впечатление на него произвела смерть младшего брата и что он едва не погиб от тяжелой пневмонии. Последние из перечисленных событий привели к тому, что он избрал для себя профессию врача. Из его детских воспоминаний, о которых сообщает Филлис Боттоми, мы узнаем, что в доме совершались еврейские обряды и что вместе с родителями он посещал синагогу[3]. Однажды, в возрасте пяти лет, во время молитв в синагоге он потянул одеяние, висевшее в шка-

фу, и весь шкаф рухнул со страшным шумом. В другой раз в пасхальную ночь у себя дома он поменял дрожжевой хлеб на недрожжевой и провел остаток ночи в шкафу, ожидая появления ангела и желая проверить, заметит ли тот разницу. Если эти ранние воспоминания соответствуют действительности, то, следуя предложенному Адлером методу, можно прийти к заключению об отрицательном отношении Адлера к иудейской религии.

Различие по отношению к еврейским традициям в семьях Фрейда и Адлера позволяет также объяснить, почему, в отличие от фрейдовского психоанализа, в индивидуальной психологии Адлера нельзя с какой-либо степенью вероятности обнаружить что-либо, связанное с еврейскими традициями.

У нас имеются только фрагментарные сведения о генеалогии и семье Альфреда Адлера. Данные, приводимые в обычных биографиях, часто содержат ошибки. До настоящего времени известно только систематическое исследование д-ра Ганса Бек-Видманстеттера, сведения из которого мы здесь и приводим[4].

Дед Альфреда Адлера, Симон Адлер, был меховщиком в Киттзе. О нем известно только то, что имя его жены было Катарина Лампл и что его не было уже в живых, когда его сын Давид женился. Нет сведений о том, имел ли он других детей, кроме Давида (дяди Альфреда) и Леопольда (отца Альфреда). Давиду был тридцать один год, когда он женился в Вене 29 июня 1862 года. Он работал портным в еврейском предместье Леопольдштадт.

Леопольд Адлер (еврейское имя Леб Натан) родился в Киттзе 26 января 1835 года. Данные о первых тридцати годах его жизни отсутствуют. В свидетельстве о браке, заключенном им 17 июня 1866 года, место жительства указано по месту проживания его тестя в Пенцинге; это означает, что, по меньшей мере, некоторое время он жил в доме последнего и, вероятно, работал в его фирме.

Предки Альфреда по линии матери были выходцами из маленького городка Требич в Моравии. Неизвестно, как долго они там жили, но когда они переехали в 1858 или 1859 году в Пенцинг, у них было, по меньшей мере, пятеро детей: Игнац (родившийся до 1830 года), Мориц (родившийся в апреле 1843 года), Паулина (мать Альфреда, родившаяся в январе 1845 года), Соломон (родившийся в июле 1849 года) и Альберт (родившийся в 1858 году). Еще двое детей родились в Пенцинге: Людвиг (в декабре 1859 года) и Юлиус (в декабре 1861 года). Дед Адлера, Германн Бир, основал фирму «Германн Бир и сыновья», занимавшуюся торговлей овсом, пшеницей и отрубями. В то время это было прибыльное дело, однако с появлением железнодорожного транспорта оно пришло в упадок. Позднее фирму возглавил его сын Соломон.

Через два года после переезда в Пенцинг, 10 октября 1861 года, Германн Бир приобрел дом по адресу Постштрассе, 22. Существует вероятность, что в детстве Альфред Адлер жил там некоторое время. Этот дом уцелел и стоит теперь по адресу Линцштрассе, 20, рядом с угловым домом, выходящим на улицу, носящую название Нобилегассе. Несмотря на перестройку окружающих домов, его облик в основном сохранился. На первом этаже имеется магазин, на втором этаже — жилые помещения, доступ в которые осуществляется со двора. Двор достаточно велик, чтобы вмещать около двенадцати автомашин. Слева находится мастерская автомеханика, а конюшни были переоборудованы в гаражи. Широкая каменная лестница ведет наверх в жилище на втором этаже, где в течение многих лет проживало семейство Бир.

У Германна Бира и его жены Элизабет Пинскер было, по меньшей мере, семь детей, имевших, в свою очередь, многочисленные семейства, так что Альфред Адлер имел множество родственников со стороны матери. Один из его дядей, Юлиус Бир, был только на восемь лет старше него.

Нам очень мало известно о жизни, занятиях и экономическом положении Леопольда Адлера. В течение периода с 1866 по 1877 год он жил в близлежащих деревнях Пенцинг и Рудольфсгейм, несколько раз меняя адреса и занятия, о которых известно, что это была торговля. По неизвестной причине он переехал затем в Леопольдштадт, еврейское предместье на северо-востоке Вены, где жил с 1877 по 1881 год, но и здесь он также ежегодно менял адреса. Затем в течение двух лет он жил в Гернальсе, находившемся в то время за пределами Вены, где снимал дом по адресу Гауптштрассе, 25 с примыкающими деловыми помещениями в доме 23. Оба дома входили в оптовую молочную ферму, принадлежавшую графу Пальффи, одному из венгерских магнатов Бургенланда. Весьма вероятно, что Леопольд Адлер служил посредником при продаже производившейся здесь продукции.

Германн Бир умер 5 февраля 1881 года, а его жена — 15 января 1882 года. Их имущество было поделено между семью детьми, однако Паулина вскоре продала свою долю одному из братьев и вскоре, 27 июля 1883 года, она и Леопольд приобрели дом в Веринге, представлявшем собой в то время малонаселенную местность за чертой города[5], застроенную одноэтажными домами, окруженными садами. Дом, расположенный по адресу Гауптштрассе, 57–59 (ныне Верингштрассе, 129–131), сохранился до наших дней. Это был типичный для того времени коммерческий дом; в нем имелись деловые помещения, жилые помещения на втором этаже с двумя большими и двумя маленькими комнатами и кухней, а также конюшней внизу[6]. Дом стоял рядом с кладбищем, на котором находились могилы Бетховена и Шуберта (теперь это Шуберт

Парк). По словам Филлис Боттоми, семья держала не только лошадей, но и коров, коз, кур и кроликов, однако было бы преувеличением, как это иногда делалось, считать, что Альфред рос в миниатюрном райском саду. Эта собственность, принадлежавшая Леопольду и Паулине, оставалась в их владении с июля 1883 года по июль 1891 года. Однако Леопольд не преуспевал; по сложившейся в семье традиции, Адлеры постоянно испытывали финансовые затруднения. Имущество было обременено долгами и в итоге с убытком продано.

Затем семейство вернулось в Леопольдштадт, где они жили, испытывая значительные материальные трудности, пока Зигмунд, старший брат, не стал преуспевающим бизнесменом и не смог хорошо обеспечить всех родственников.

Поскольку Альфред Адлер, подобно Фрейду, настаивал на важной роли, которую при формировании личности играет семейная атмосфера, посмотрим, какова была атмосфера в его семье. Здесь у нас также весьма скудные сведения. Мало известно о его отце, Леопольде Адлере; мы располагаем только впечатлениями людей, знавших его в старости. Филлис Боттоми пишет, что он был веселым и жизнерадостным человеком, обладал чувством юмора; это был гордый и красивый человек, обращавший большое внимание на свою внешность, тщательно ухаживавший за своей одеждой. Он так старательно чистил свою обувь, что она сияла как зеркало, и всегда одевался так, будто собирался на праздник[7]. Его внук Вальтер Фрид, несколько лет живший с ним в детстве, вспоминает:

> Он был видным мужчиной, выглядевшим всегда элегантно и аккуратно, как человек, привыкший к хорошей жизни. Я испытывал к нему большое уважение, он всегда очень хорошо относился ко мне. Я все еще вижу, как он гладит меня по голове и дарит блестящие монеты, которыми я крайне гордился[8].

Другой внук, Фердинанд Рей, говорит, что

> Дед Леопольд Адлер был элегантным джентльменом, держался очень прямо и большое внимание уделял одежде... В последние годы своей жизни он завтракал в погребке городской ратуши, всегда выпивал стакан вина, съедал бутерброд с ветчиной в 5 часов вечера, а в 6 часов вечера ложился спать[9].

Кажется, что между отцом и Альфредом были хорошие отношения. По утверждению Филлис Боттоми, Альфред был любимым сыном Леопольда, и он часто хвалил сына (как нам известно, похвала ста-

ла одним из основных мотивов системы воспитания, разработанной Адлером). Тот же автор говорит также, что Леопольд часто говорил Альфреду: «Никогда не верь тому, что тебе говорят»; возможно, это означало, что о людях следует судить не по их словам, а по их поступкам (положение, тоже ставшее одной из основных аксиом индивидуальной психологии).

Паулина Адлер не обладала таким хорошим здоровьем, как ее супруг, скончавшийся на восемдесят седьмом году жизни. По воспоминаниям современников, когда она умерла на шестьдесят первом году жизни, она была изможденной болезнями и работой пожилой женщиной. Филлис Боттоми описывает ее «нервной и угрюмой», лишенной чувства юмора. В соответствии с семейной традицией, она слишком много сил отдавала некоторым членам семьи. Один из внуков описывает ее как «нежную красивую женщину, которая вела дела, была крайне загружена домашним хозяйством, заботилась о муже и собаке». У нее не было взаимопонимания с Альфредом; говорят, что в его жизни она играла роль, которую он позднее называл ролью «противника», то есть человека, с которым личность меряется силой.

В то время как Фрейд подчеркивал важность отношений ребенка с родителями и считал вторичными отношения с братьями и сестрами, Альфред Адлер придавал большое значение именно положению ребенка по отношению к последним, считая его более важным, чем отношения с родителями. Поэтому следует посмотреть, каково в этом отношении было его положение в семье.

Альфред был вторым ребенком из шести, не считая двух, умерших в раннем детстве[10]. Особый интерес представляют отношения со старшим братом Зигмундом.

Зигмунд Адлер (еврейское имя Симон) родился 11 августа 1868 года в Рудольфсгейме. По свидетельствам современников, он был очень одаренным человеком, так, по словам Филлис Боттоми, «Альфред Адлер всегда чувствовал себя находящимся в тени своего образцового старшего брата, настоящего “первенца”, всегда казавшегося Альфреду парящим над ним на такой высоте, которая — при всех его усилиях — оставалась для него недосягаемой. До конца своей жизни он не смог полностью преодолеть это ощущение». Успешная карьера Зигмунда тем более примечательна, что жизнь обходилась с ним весьма сурово. От того, что семья была стеснена в средствах, ему пришлось оставить учебу перед получением аттестата зрелости и пойти работать. Вначале он работал в деле отца, позднее в собственном деле. Некоторое время он был агентом по продаже муки, вырабатываемой венгерскими мельницами, позднее он занялся продажей недвижимости. Со временем он стал весьма преуспевающим бизнесменом и приобрел состояние, которое, впро-

чем, потерял в дальнейшем вследствие послевоенной инфляции. Один из его сыновей сообщает, что будучи гражданином Венгрии, он прослужил год в венгерской армии, женился в 1900 году, имел трех сыновей, а в связи с политической ситуацией эмигрировал в Соединенные Штаты, где и умер[11]. Другой сын описывает его следующим образом:

> «Зигмунд поистине "сделал себя сам". У него была большая библиотека, он гордился своими друзьями (эти люди, принадлежавшие к элите среднего класса, были врачами, юристами и так далее)... Мы, дети, научились от него (и от матери) ценить в жизни высокие предметы, хорошую музыку, хорошие книги, путешествия и тому подобные вещи. Он был хорошим шахматистом, и мы, дети, научились у него играть в шахматы, но он почти всегда был слишком занят, чтобы играть с нами.
>
> Что касается его отношения к Альфреду, то Зигмунд высоко ценил его как врача и психолога и полагался обычно на его медицинские суждения, когда кто-либо из нас болел. Позднее, когда выросла известность Альфреда, он всегда говорил об Альфреде с большим уважением и восхищением»[12].

По рассказам, Зигмунд Адлер был прямым, человеком, крайне самоотверженным; он поддерживал не только членов своей семьи, но помогал в старости своему отцу Леопольду, многим другим родственникам.

Ревнивое отношение Альфреда к преуспевающему брату сыграло, по-видимому, важную роль в его жизни. Подобно всем мальчикам, они боролись друг с другом, и, как водится, со временем их силы стали равными. Говорили, что оставив обычную врачебную практику и начав специализироваться в нейропсихиатрии, Альфред последовал примеру брата, который оставил работу агента по продажам и занялся более прибыльной и престижной торговлей недвижимостью. Как бы то ни было, они всегда оставались хорошими друзьями, и именно через Зигмунда Альфред нашел и приобрел свой прекрасный сельский дом в Салманнсдорфе. Оба брата эмигрировали в Америку и умерли очень похожим образом: Альфред умер от удара, настигшего его на одной из улиц Абердина в 1937 году, а Зигмунд — на одной из улиц Нью-Йорка двадцать лет спустя, 25 февраля 1957 года в возрасте восьмидесяти девяти лет[13]. Третьим ребенком в семье была дочь Гермина, родившаяся в Рудольфсгейме 24 октября 1871 года. Филлис говорит, что она была любимой сестрой Альфреда, которая тоже очень любила его. Ее сын описывает ее следующим образом:

> Гермина, моя мать, очень хорошо играла на фортепиано и очень хорошо читала по нотам. Она пела весьма приятным, хотя и необученным го-

лосом и часто играла с Альфредом в четыре руки. Они были очень близки, и когда ее дети вступали в брак, они приводили своих будущих супругов к Альфреду, желая получить его одобрение[14].

После Гермины 12 мая 1873 года в Пенцинге родился младший брат Рудольф, который скончался от дифтерита 31 января 1874 года[15]. Позднее мы увидим, что рождение и ранняя смерть маленького брата явились важными событиями в детстве Альфреда.

Следующий ребенок, Ирма, родилась в Пенцинге 23 ноября 1874 года. Ее жизнь трагически завершилась в 1941 году в одном из концентрационных лагерей Польши. Она вышла замуж за печатника Франца Фрида и родила сына Вальтера.

После Ирмы 17 марта 1877 года в Леопольдсвилле родился Макс[16]. Несмотря на трудное положение семьи в сентябре 1896 года, он смог закончить среднюю школу. Затем в течение девяти семестров он изучал историю, немецкий язык и литературу в университете Вены. Он защитил диссертацию[17] в октябре 1903 года и получил степень доктора философии 23 июня 1904 года[18]. Макс Адлер работал преимущественно в качестве журналиста, освещая вопросы философии, экономики и политики. Много лет он жил в Дрездене, но позднее переехал в Рим, где умер 5 ноября 1968 года, когда ему был девяносто один год. Как сообщает Филлис, «он испытывал сильную ревность и зависть к популярности Альфреда, причем так и не смог никогда избавиться от этих чувств. Альфред любил его, но не сумел добиться его привязанности». Эти детали следует иметь в виду при знакомстве с описанием положения в семье второго ребенка, постоянно испытывающего давление, пытающегося соперничать со старшим братом и одновременно преследуемого соперничающим с ним младщим братом.

Последний ребенок, Рихард, родился в Веринге 21 октября 1884 года. На протяжении его детства семья испытывала наибольшие экономические трудности, и его обучением были вынуждены пожертвовать. С другой стороны, он был по-видимому, любимцем матери. Он восхищался Альфредом, который, в свою очередь, всячески ему помогал. Как учитель игры на фортепиано Рихард пытался применять принципы индивидуальной психологии при обучении музыке. На протяжении некоторого времени он жил в сельском доме Альфреда в Салманнсдорфе и во время Второй мировой войны ухаживал за большим садом Альфреда в Деблинге, по-прежнему принадлежавшим семье[19]. Он сумел избежать внимания нацистов и выжил вместе со своей женой Юстиной. Умер, не оставив детей, в январе 1954 года.

Различные социальные условия и семейные отношения у Альфреда Адлера и Зигмунда Фрейда нашли свое отражение в созданных ими

психологических системах. Еврейские традиции сильно сказывались на евреях из семей выходцев из Галиции, даже в случаях утраты религии. Хотя Фрейбург был для Фрейда утраченным раем детства, Фрейд был полноправным гражданином Австрии. Но он вырос в Леопольдштадте, густонаселенном венском предместье, где осели евреи из восточных частей империи. Здесь существовали трущобы, населенные многодетными семьями и нищими, поэтому Фрейд всегда причислял себя к группе меньшинств. Поскольку же Фрейд всегда находился под бдительным надзором родителей, он был склонен придавать отношениям с родителями большее значение, чем отношениям с братьями и сестрами и представителями старшего поколения. Помимо того, Фрейд был первенцем и любимцем матери; он ощущал себя противостоящим отцу, в силу чего ситуация Эдипа казалась ему естественной.

В случае Адлера сложилась совершенно иная ситуация. Еврейские традиции не играли такой важной роли у евреев из привилегированных общин Бургенланда. Поскольку он родился в Вене, Бургенланд не играл для Адлера роли потерянного рая; напротив, в его жизни он был даже отрицательным фактором. Он означал, что Адлер был записан не австрийцем, а венгром, что делало его подданным страны, языка которой он не знал, и лишало ряда привилегий, принадлежавших в Вене только австрийцам (австрийское гражданство он получил с запозданием в 1911 году). В отличие от Фрейда, Адлер провел большую часть детства в предместьях Вены[20], в таких местах, как Рудольфсгейм, Пенцинг, Гернальс и Веринг, сохранивших частично сельский облик. Они не были столь уж густо населены; здесь были обширные незастроенные пространства, скупленные спекулянтами и оставленные незаселенными в ожидании того времени, когда рост цен на землю позволит с выгодой использовать их. Уличные мальчишки играли на этих пустырях. Таким образом, значительная часть детства Адлера прошла в общении с нееврейскими мальчиками, многие из которых принадлежали к низшим классам. Очевидно, что за Адлером не было столь строгого родительского надзора, как за Фрейдом. В рассказах о детстве Адлера много говорится о шалостях и драках с уличными мальчишками. Это привело к тому, что он в большей мере, чем Фрейд, подчеркивал роль и влияние групп старшего возраста и братьев и сестер на формирование личности. Отношения в семье были у них также весьма отличны. Адлер был вторым ребенком, он чувствовал себя отвергнутым матерью, незащищенным отцом; находясь в ситуации, противоположной ситуации Фрейда, он не мог воспринять идею эдипова комплекса. Примечательно, что хотя Адлер был евреем и иностранцем в собственной стране, он никогда не ощущал себя принадлежащим к меньшинству; он участвовал в жизни города, а глубокое знание венского диалекта позволяло ему в речах об-

ращаться к согражданам как представителю того же народа. Поэтому понятно, каким образом ощущение сопричастности смогло стать центральным моментом его учения.

События в жизни Альфреда Адлера

В то время как трудность жизнеописания Фрейда состоит в изобилии биографического материала, биографы Адлера и Жане сталкиваются с противоположной проблемой. В дополнение к заметкам Филлис мы имеем краткие автобиографические записи самого Адлера. Известны четыре биографии Адлера: автором одной был Мейнз Шпербер[21], вторая была составлена Гертой Оглер[22], третью написала Филлис[23], а четвертую — Карл Фуртмюллер, но она известна только по своему английскому переводу[24]. Филлис привела также данные об Адлере в книге психологических очерков и во втором томе своей автобиографии[25]. Как бы ни определять ценность указанных публикаций, содержащиеся в них сведения базируются в основном на воспоминаниях и слухах и характеризуются множеством неточностей. Из большой переписки Адлера опубликовано менее десяти писем[26]. Не был создан архив Адлера, в котором хранились бы документы и сведения о нем; отсутствуют видеозаписи и записи его голоса. Систематический сбор сведений был недавно проведен д-ром Г. Бек-Видманстеттером из Вены, но опубликована только небольшая часть собранных им данных. Составленному им краткому описанию событий детства и юности Адлера еще только предстоит появиться в печати[27]. Приводимое далее жизнеописание Адлера основано, главным образом, на изысканиях д-ра Г. Бек-Видманстеттера и дополнено устными и письменными сообщениями членов семьи[28].

Альфред Адлер родился 7 февраля 1870 года. Дом, в котором он появился на свет, стоял на улице Гауптштрассе, на углу с улицей Цоллерншпергассе. В то время это был большой дом, разделенный на пятнадцать небольших квартир, а сменившее его здание стоит по адресу Мариахильфштрассе, 208[29]. Дом был обращен фасадом на Центральную рыночную площадь. Рядом находился большой участок свободной земли (теперь это Густав Егер парк с Техническим музеем), где обычно играли жившие по соседству дети. На протяжении первых семи лет жизни Альфреда Адлера семья жила по ряду адресов в Рудольфсгейме и Пенцинге. В эти ранние годы детства Альфред часто убегал на улицу, чтобы поиграть там с мальчиками; он отваживался даже рвать цветы в садах Шенбруннского замка, стоящего по соседству с Пенцингом. Хотя Альфред утверждал, что посещал народную школу в Пенцинге, в архивах этой школы его имя, как и имя его брата Зигмунда, не обнаружены. Возможно, он посещал частную школу, архивы которой не

сохранились. Важным событием указанного периода было рождение младшего брата Альфреда, Рудольфа, и его смерть, наступившая за несколько дней до четвертого дня рождения Альфреда. Если можно доверять его ранним воспоминаниям, это событие, наряду с последовавшей вскоре тяжелой болезнью самого Альфреда, зародили в нем желание стать врачом.

Когда Альфреду исполнилось семь лет, семье пришлось переехать в еврейский пригород Вены Леопольдштадт, где они прожили четыре года. Ни в одной из биографий Адлера этот период не был указан. Вероятно, что вследствие неприятных воспоминаний, связанных с этим временем, он не любил упоминать о нем. Тогда же, в 1879 году (то есть в возрасте девяти лет), Альфреда отдали в высшую реальную гимназию, расположенную на улице Шперльгассе, известную под названием Sperläum, ту же самую, в которую четырнадцатью годами ранее в том же возрасте отдали молодого Зигмунда Фрейда. За истекшее время правила изменились, и минимальным для поступления возрастом стал возраст в десять лет. Д-р Бек-Видманстеттер обнаружил, что в классном журнале год рождения чьей-то рукой был переправлен на 1869. Из школьных архивов нам известно, что маленький Альфред не перешел тогда в следующий класс и вынужден был пройти повторный курс.

В середине 1881 года семейство покинуло Леопольдштадт и переехало в Гернальс, и Альфред стал посещать гимназию в Гернальсе, расположенную на улице, носящей то же название. Он продолжил обучение в этой школе, когда семья переехала в соседний пригород Веринг, и в возрасте восемнадцати лет получил там аттестат зрелости. К несчастью, архивы этой школы были уничтожены во время оккупации союзниками Вены после Второй мировой войны. Поэтому неизвестно, каким учеником был Альфред Адлер. Достоверно известно только, что он получил отличное образование, изучая латинских, греческих и немецких классиков, что входило в тогдашний курс обучения.

Почти ничего не известно о внешкольных занятиях Альфреда в школьные годы. По сообщениям биографов, он увлекался музыкой, пением и театром и сам был хорошим актером.

Окончив среднюю школу, он записался на медицинский факультет в Вене на зимний семестр 1888–1889 гг. В архивах Медицинской Школы д-р Ганс Бек-Видманстеттер обнаружил все записи, касающиеся академических достижений Адлера, из которых и взяты приводимые ниже данные. Адлер завершил учебу в должные сроки, посещая только обязательные курсы, необходимые для сдачи экзаменов, и сдал все три государственных экзамена с оценкой «удовлетворительно», что было оценкой, минимально достаточной для сдачи предмета. Поскольку в те времена психиатрия не была обязательным предметом, он ее не изучал;

не слушал он также лекции приват-доцента Зигмунда Фрейда по истерии. Однако на пятом семестре он посещал курс Крафт-Эбинга по теме «Наиболее важные заболевания нервной системы».

Университетские записи свидетельствуют о том, что пятый, шестой и седьмой семестры были самыми напряженными за годы учения Альфреда Адлера. На протяжении этих семестров он, среди прочего, прошел курс занятий по хирургии (десять часов в неделю) и такой же продолжительный курс занятий медициной, который вел интерн Нотнагель (сюда входили также лекции по органическим нервным заболеваниям). После седьмого семестра, 24 марта 1892 года, Адлер сдал первый государственный экзамен, после чего отслужил первые шесть месяцев обязательной военной службы в первом и четвертом Тирольских Егерских полках (с 1 апреля 1892 года по 1 октября 1892 года).

Столь же напряженными были следующие семестры. В девятом семестре он прошел курс по патологии нервной системы у Салмона Штриккера. В десятом семестре он прошел только курс занятий по хирургии (десять часов в неделю). Затем, 22 мая 1894 года, он сдал второй государственный экзамен и приступил к сдаче третьего государственного экзамена.

Возможно, он посвятил это время усовершенствованию в клинической медицине. В те дни даже молодой врач, не желавший заниматься научной деятельностью или специализироваться в конкретной области медицины, проводил обычно два или три года в Главном госпитале или в Поликлинике, желая приобрести клинический опыт. В архиве Главного госпиталя Бек-Видманстеттер не обнаружил записей о назначении Адлера на какую-либо должность. Ввиду того, что платные должности предусматривались только для граждан Австрии, он мог работать там лишь в качестве неоплачиваемого добровольца. Однако мы обнаруживаем его имя в списке молодых врачей, работавших в Поликлинике в 1895 и 1896 годах. Венская Поликлиника, благотворительное учреждение, была основана в 1871 году, главным образом по инициативе Морица Бенедикта, с целью предоставления бесплатной медицинской помощи людям из рабочих слоев населения в те времена, когда еще не существовало социального обеспечения. Труд работавших там врачей не оплачивался. Для молодых врачей это было возможностью приобретения клинического опыта, а также перспективных клиентов. Альфред Адлер работал в 1895 году в офтальмологическом отделении Поликлиники во главе с профессором фон Ройсом. Возможно, он встречался с Морицем Бенедиктом, лечившим электричеством пациентов этого отделения.

В этот период 12 ноября 1895 года он сдал третий государственный экзамен и 22 ноября 1895 года получил диплом врача. В 1896 году он снова работает в Поликлинике, но не очень долго, ибо уже 1 апреля

1896 года начинает отбывать второй полугодичный срок обязательной армейской службы (по 30 сентября 1896 года) в восемнадцатом военном госпитале в Прессбурге, в венгерской воинской части, под своим венгерским именем Аладар Адлер.

Говорили, что Адлер специализировался и в других областях медицины, в частности, в патологии, однако не удалось получить этому документального подтверждения[30]. Если он когда-либо и работал в Главном Госпитале, то это происходило на добровольной основе, и документальные сведения об этом не были обнаружены.

Документальные сведения о жизни Адлера за период с 1896 по 1902 годы сохранились не полностью. Сведения, приводимые в его биографиях, кратки, часто противоречивы и основаны на слухах. До настоящего времени точно не установлено, когда он открыл свою частную практику. По данным, полученным от Карла Фуртмюллера, в студенческие годы Адлер серьезно интересовался социализмом, посещал политические митинги, не принимая в них, однако, активного участия. Во время таких мероприятий он встретил свою будущую жену Раису Тимофеевну Эпштейн, которая приехала в Вену в качестве студентки, поскольку в то время женщинам в России не разрешалось обучаться в университетах. Согласно имеющимся документальным сведениям, Раиса Эпштейн в 1895 и 1896 годах в течение трех семестров училась в Цюрихском университете[31]. Однако она никак не значилась в университете Вены, хотя и переехала в этот город в 1897 году[32].

23 декабря 1897 года Альфред Адлер женился на Раисе Эпштейн. Согласно записи, сохранившейся в еврейской общине Вены, супруга Адлера родилась в Москве 9 ноября 1873 года в семье еврейского купца. Свадьбу отпраздновали в еврейской общине Смоленска. После свадьбы они поселились в доме родителей Адлера по адресу Эйзенгассе, 22 (теперь Вильгельм-Экснерштрассе), а родители переехали в другое место.

В 1898 году произошли два знаменательных для Адлера события: 5 августа 1898 года родилась дочь Адлера Валентина Дина, и вышла в свет первая работа Адлера «Книга о здоровье для портных»[33].

В 1899 году Альберт приобрел частную практику по адресу Чернингассе, 7. Представляется, что начинающему врачу было трудно найти пациентов, живя на Эйзенгассе, расположенной в районе, где практиковали многие известные специалисты. По новому адресу вблизи Пратера у него было больше шансов на успех.

За период с 1899 по 1902 год документальные данные вновь весьма скудны. Зарегистрировано лишь рождение второй дочери Александры (24 сентября 1901 года). С 12 августа по 15 сентября 1902 года Адлер отслужил срок обязательной воинской повинности в восемнадцатом полку венгерской резервной армии. В этом полку, который базиро-

вался в Оденбурге, городке, расположенном в Бургенланде, служили, в основном, немецкоговорящие солдаты[34].

В том же году началось сотрудничество Адлера с Генрихом Грюном, редактором новой медицинской газеты «Aerztliche Standeszeitung». Неизвестно, какого рода соглашение было заключено между ними, но, судя по содержанию журнала, Генрих Грюн считал Адлера своим главным автором.

Именно в том судьбоносном для него 1902 году Адлер познакомился с Фрейдом. Обычно рассказывали, что в газете «Neue Freie Presse» был напечатан отрицательный отзыв на книгу Фрейда «Толкование сновидений», на что Адлер ответил протестующим письмом, тоже опубликованным в этой газете. В ответ Фрейд послал ему благодарственную открытку, напечатанную в той же газете, и пригласил посетить его. В действительности эта газета никогда не публиковала рецензии на «Толкование сновидений»; вообще не было никаких статей, направленных против Фрейда, и неизвестны обстоятельства встречи обоих[35].

В 1904 году Альфред Адлер принял протестантское вероисповедание. Как пишет Филлис, ему не нравилось, что иудейская религия была предназначена только для одной этнической группы, и он предпочел «поклоняться общему Богу, принадлежащему большому сомножеству людей»[36]. Он был крещен 17 октября 1904 года вместе с дочерьми Валентиной и Александрой (но без жены Раисы) в протестантской церкви, расположенной на Доротеергассе[37].

С 1902 по 1911 год Адлер являлся одним из четырех первых членов кружка психоаналитиков, который постепенно формировался вокруг Фрейда. До 1904 года он продолжал сотрудничать в журнале Генриха Грюна, но с 1905 года Адлер стал писать различные статьи с психоаналитическим уклоном для медицинских и педагогических журналов. О его участии в вечерних психоаналитических собраниях, проводившихся Фрейдом по средам, известно из протоколов Венского общества психоаналитиков, в которых зафиксированы его выступления и участие в дискуссиях. Он был, по-видимому, самым активным членом кружка, а Фрейд с большим уважением относился к нему на протяжении этих первых лет их знакомства[38]. В 1907 году вышла в свет его книга «Исследование предрасположенности органов к заболеваниям», которая рассматривалась в качестве физиологического дополнения к психоаналитической теории и была положительно оценена Фрейдом. На первом международном собрании психоаналитиков в Зальцбурге 26 апреля 1908 года Адлер выступил с сообщением по теме «Садизм в жизни и неврозы». На проходившей в апреле 1910 года дискуссии о детских самоубийствах, материалы которой были опубликованы, он был председателем и одним из основных докладчиков. В октябре 1910 года, после

переезда Общества в новое помещение, Адлер был избран его президентом, а Штекель — вице-президентом.

Тем временем в жизни Адлера происходили перемены. Его семья росла: 25 февраля 1905 года родился сын Курт, а 18 октября 1909 года — дочь Корнелия (Нелли). С Чернингассе он переехал в более фешенебельный район города, заняв большую квартиру по адресу Доминиканербастай, 10[39]. Теперь он специализировался как врач по нервным заболеваниям, хотя в течение некоторого периода к нему продолжали обращаться за консультациями и в случаях общих заболеваний. В 1911 году он получил австрийское гражданство[40].

В это же время все более очевидным становилось расхождение между взглядами Адлера и Фрейда на неврозы. Исследования Адлера не могли более рассматриваться как дополнения к психоанализу, поскольку они противоречили основным допущениям Фрейда. Тем не менее, когда встал вопрос об организации Венского психоаналитического общества, Фрейд рекомендовал в качестве президента избрать Адлера, а также назначить Адлера и Штекеля редакторами нового журнала «Zentralblatt». Однако вскоре расхождения между взглядами Адлера и Фрейда настолько обострились, что было признано необходимым провести ряд заседаний для выяснения противоречий. 4 января 1911 года и 1 февраля того же года Адлер сделал два сообщения, «О проблемах психоанализа» и «Мужской протест». 8 и 22 февраля произошли, мягко выражаясь, оживленные дискуссии, где только Штекель счел, что между взглядами Фрейда и Адлера отсутствуют противоречия. Однако в конце февральской сессии Адлер и Штекель отказались от должностей президента и вице-президента Общества. После безуспешных попыток к примирению Адлер, вместе со своим другом Фуртмюллером и рядом единомышленников, покинули Общество.

С шестью бывшими членами Общества и некоторыми другими единомышленниками Адлер основал новую группу «Общество Свободного Психоанализа», вскоре переименованную в «Общество Индивидуальной Психологии».

Представляется, что в процессе дискуссий с группой психоаналитиков Адлер глубже осознал оригинальность своих идей. В это время появилась знаменитая книга Ганса Вайхингера «Философия “как если бы”», которая произвела на Адлера большое впечатление и способствовала формированию его собственной системы.

В то время как Фрейд собирал своих последователей у себя на квартире, а позднее в помещении медицинской ассоциации, Адлер предпочитал встречаться со своими сторонниками в венских кафе. Некоторые его противники считали это недостойным, хотя эти беседы носили более серьезный характер, чем обычные беседы в таких заведениях. В этот

период Адлер формировал свою систему и организовывал собстственную школу. В 1912 году Адлер опубликовал вторую книгу, названную им «Нервный характер», и приступил к публикации серии монографий. За 1913 и 1914 годы он опубликовал множество статей о неврозах, а также посвященных другим близким темам. Затем, вместе с Карлом Фуртмюллером, он основал «Zeitschrift für Individualpsychologie» («Журнал индивидуальной психологии»). Вышел также сборный том «Исцеление и образование», включавший ряд работ, написанных им ранее, а также новые работы, написанные им и его последователями; они располагались таким образом, что составили учебник по индивидуальной психологии. Клиентами Адлера были теперь представители не только низшего и среднего, но и высшего класса. Среди его пациентов был друг Троцкого Иоффе. (Троцкий жил в Вене с 1913 по 1914 год, а его жена была подругой Раисы Адлер)[41].

В июле 1912 года Адлер подал документы на занятие должности приват-доцента Венского университета. Ответ был получен только в январе 1915 года. Неизвестна причина столь длительной задержки. Доклад по кандидатуре Адлера написал Вагнер-Яурегг. Кстати, он председательствовал при сдаче Адлером третьего государственного экзамена и на церемонии присвоения ему звания врача.

В сообщении Вагнера-Яурегга раздел, посвященный академическим достижениям Адлера, поразительно краток: «По его словам, в течение четырех лет, последовавших вслед за получением диплома врача, он работал в Главном госпитале Вены и в Поликлинике в области психиатрии, общей медицины и офтальмологии, причем он не указывает, в каких институтах и в каких должностях». Такая формулировка свидетельствует о том, что Вагнер-Яурегг не был уверен в правдивости слов Адлера.

Далее, Вагнер-Яурегг отмечает, что две книги Адлера и опубликованные им многочисленные статьи отличаются от научных работ всех (без исключения) остальных кандидатов тем, что остальные кандидаты описывают в своих работах результаты проведенных ими исследований по гистологии, анатомии или экспериментальной физиологии нервной системы или клинических исследований симптомов и этиологии нервных заболеваний, тогда как в работах Альфреда Адлера не содержится ничего подобного.

Он приводит только «объяснения чисто спекулятивного характера». Адлер, принадлежавший к психоаналитической школе, остался верен если не ее учению, то ее методу. Поскольку сторонник этой школы впервые претендовал на должность приват-доцента, то было крайне важно, чтобы коллегия профессоров заняла определенную позицию.

Вагнер-Яурегг считает теорию Адлера о предрасположенности органов к заболеваниям «интересной и разумной», в частности, в том, что такое

положение связано с функциональным расширением и, возможно, неврозом, но находит такую концепцию органа чрезмерно общей, поскольку она включает целые системы, а это не способствует точности. Что касается работы «Нервный характер», то Вагнер-Яурегг критикует расширенное определение Адлером невроза и его чисто психогенную концепцию этиологии последнего. Что касается его концепции «ложных целей» «мужского протеста», то приводимые Адлером истории болезней объясняются теми теориями, которые они сами должны доказывать. Вагнер-Яурегг серьезно не воспринимает психоаналитический метод и критикует другие теории, причем некоторые он считает «такими же гротескными, как и теории Фрейда».

Можно ли считать работы Адлера научными? — спрашивает Вагнер-Яурегг. Главным инструментом Адлера является интуиция, а единственным доказательством служит его убеждение. Работы Адлера «остроумны», однако ученому опасно быть только остроумным. Воображение следует критически контролировать. В свете вышесказанного встает вопрос: «Желательно ли преподавать в Медицинской Школе то, что предлагает Адлер?» Причем есть основание считать, что он никогда не будет преподавать что-либо иное. «Следовательно, моим ответом должно быть решительное *нет*», — заключает Вагнер-Яурегг[42].

На основании такого доклада Профессорская коллегия единогласно отвергла кандидатуру Адлера (все 25 членов коллегии голосовали «против»).

При чтении доклада Вагнера-Яурегга нельзя отделаться от мысли, что критика Адлера была направлена в первую очередь против Фрейда, имя которого упоминалось несколько раз. Для Адлера отказ явился жестоким разочарованием. Говорили, что причиной отказа были социалистические взгляды Адлера, но это маловероятно. Кстати, памфлет Адлера о работе портных и его ранние публикации по вопросам социальной медицины в докладе Вагнера-Яурегга даже не упоминаются.

Тем временем разразилась Первая мировая война. Во время этой всемирной трагедии у Адлера были свои личные заботы. Его жена с четырьмя детьми поехала в отпуск в Россию, а когда он послал ей телеграмму, убеждая вернуться в Вену, она не осознала серьезность ситуации, отложила отъезд и была задержана. Несколько месяцев пришлось вести настойчивые переговоры, прежде чем удалось добиться ее освобождения из России и возвращения в Вену через Швецию и Германию. Адлеру исполнилось сорок четыре года, и он не был мобилизован, ибо был освобожден от военной службы в декабре 1912 года. Однако к 1916 году военная ситуация в Австро-Венгрии ухудшилась, и правила военного призыва были пересмотрены. Были мобилизованы многие мужчины, ранее не подлежавшие призыву. И Адлера направили в ка-

честве военного врача в нейропсихиатрическое отделение военного госпиталя в Земмеринге. В своей автобиографии Штекель упоминает о том, что он работал в том же отделении госпиталя, где до него работал Адлер; он отмечает, что Адлер тщательно обследовал больных, безукоризненно составлял истории болезней, вообще был образцовым врачом[43]. Позднее Адлер был переведен в нейропсихиатрическое отделение 15-го гарнизонного госпиталя в Кракове. Такой перевод армейского врача, не имевшего воинского звания, в гарнизонный госпиталь университетского города был довольно необычным делом; высказывались предположения, согласно которым это могло быть осуществлено только благодаря очень высокому покровительству[44]. О пребывании Адлера в Кракове известно только, что в ноябре 1916 года он прочел лекцию о военных неврозах перед собравшимися там армейскими врачами[45].

Отсутствуют точные сведения о продолжительности работы Адлера в Кракове, но в ноябре 1917 года он был переведен в военный госпиталь в Гринцинге и некоторое время отвечал за лечение тифозных пациентов. О пребывании Адлера в конце войны в Швейцарии известно из сохранившейся открытки; предположительно, он попал туда, сопровождая раненых или больных пленных.

Поражение Австро-Венгрии сопровождалось длительным периодом крайне бедственного положения в Вене. Люди страдали от голода, от недостатка топлива, темноты на улицах, эпидемий, отсутствия медицинской помощи. Почти все были разорены, состояния и сбережения потеряли и бедные, и богатые, семьи были разлучены, поскольку тысячи мужчин оставались в плену в других странах, не имея возможности вести переписку. Среди возвращающихся солдат и рабочих велась активная революционная пропаганда. Изо дня в день росла преступность среди несовершеннолетних. На венцев угнетающим образом действовала мысль о том, что из центра могущественной империи Вена превратилась в столицу небольшой, не имеющей ресурсов республики.

В этой ситуации всеобщей депрессии вновь проявились, хотя и в обновленном виде, социалистические взгляды Адлера. Об этом свидетельствуют три публикации, появившиеся в 1918 и 1919 годах.

За три месяца до развала Австрии, в июле 1918 года, в швейцарском журнале «Internationale Rundschau» появилась краткая заметка, озаглавленная: «Психиатр о военных психозах» за подписью А. А., что совершенно уверенно можно было толковать как Альфред Адлер.

Автор отмечает как парадокс, что простые люди с энтузиазмом шли на войну и испытывали такие большие страдания за чужое для них дело. Автор

объясняет это желанием избежать унизительного ощущения своей беспомощности[46].

В декабре 1918 года тот же журнал опубликовал статью, озаглавленную «Большевизм и психология», причем на этот раз за полной подписью Адлера.

«Мы утратили господство над другими народами, и без горечи и зависти наблюдаем, как у чехов, южных славян, венгров, поляков, других народов растут силы, как они пробуждаются к новой, независимой жизни... Мы никогда не были более несчастными, чем будучи на вершине нашего могущества... Мы ближе к истине, чем победители». Как добавляет автор, только социалисты утверждали ранее, что высшей целью общества является мирная жизнь, а теперь власть захватили большевики и заявляют, что будут использовать ее на благо человечества. Коммунистическая идеология кажется тождественной идеологии содиалистической, но между ними существует важное отличие, а именно то, что власть первой основана на насилии. Насилие вызывает противодействие: «Другие уже готовы бороться против большевизма, прикрываясь потоком лозунгов, за завоевание и покорение Европы»[47].

Третьей публикацией был памфлет «Другая сторона», в котором Адлер кратко рассматривает события пяти предшествующих лет и делает попытку извлечь из них урок.

Перед войной все люди были отравлены ядом милитаристской муштры и пропаганды, поэтому, когда настала война, они позволили, чтобы их, как слепых, повели вперед, продолжая отравлять их разум. Ожидаемого восстания не произошло, но все большее число людей стремилось уклониться от воинской повинности; происходили конфликты между военными врачами и комиссиями, в задачу которых входило возвращать людей на фронт. Попытки массового дезертирства во время русской кампании жестоко пресекались со стороны военной полиции. Людям оставалось только пассивное сопротивление, поэтому, когда империя развалилась, они радовались завоеванной свободе, осознав, что истинный враг, господствующий класс, потерпел поражение. Наступило время держать ответ за свои дела правителям, спекулянтам, жестоким судьям и врачам, журналистам, писателям и даже некоторым ученым. Но что можно сказать о массовом энтузиазме в начале войны, о многочисленных добровольцах? Из них многие шли на войну потому, что не были удовлетворены своей семейной жизнью. Такие наиболее быстро разочаровывались. Но нельзя считать людей ответственными за их изначальную установку, поскольку они не могли дать правильную оценку ситуации, будучи полностью обмануты вождями и правителя-

ми. Здесь Адлер также дает свое объяснение, согласно которому, поскольку не было иного выхода, единственный шанс на спасение был в том, чтобы сражаться под знаменами угнетателей. Кстати, это то, что через несколько лет психоаналитики назовут «идентификацией с врагом»[48].

После поражения Австрии и последовавшего вслед за этим переворота в Вене к власти пришли социал-демократы. Несмотря на экономическую разруху, они разработали программу создания социальных институтов: строительство дешевых жилищ для рабочих, организация медицинских диспансеров и образовательная реформа были предложены в качестве важной составной части выдвинутой программы. Новый министр образования, Отто Глеккель, бывший учитель, предложил создать новую систему образования, основанную на демократических принципах и индивидуальных потребностях детей[49]. В ряде экспериментальных школ применялись новаторские методы, и в течение десятка лет Вена стала своего рода Меккой для педагогов-новаторов[50]. Такая ситуация предоставила Адлеру неожиданную возможность перейти к реализации своих идей. В 1920 году он приступил к постепенному созданию и развитию некоторых учреждений (консультации для учителей, медико-педагогические консультации, детские сады и экспериментальные школы), детальное описание которых приводится ниже[51].

Во второй статье, опубликованной им в «Internationale Rundschau», Адлер упоминает своих прежних друзей (очевидно, Троцкого и Иоффе). Однако сам он отказался от участия в воинствующей политической деятельности. Как сообщает Фуртмюллер, он только однажды посетил коммунистический митинг. Хотя он продолжал периодически печататься в «Arbeiter Zeitung», Адлер давно вышел из состава социал-демократической партии — к возмущению своих бывших сторонников — и провозгласил, что самой настоятельной потребностью человечества является реформа системы образования и его распространение с учетом индивидуальной психологии. В 1920 году Адлер организовал свою первую консультацию для учителей. Они встречались с ним или его сторонниками для обсуждения проблем, связанных с трудными детьми, обучающимися в их классах.

Начиная с этого момента жизнь Адлера все более тесно переплетается с развитием индивидуальной психологии.

Журнал «Zeitschrift für Individualpsychologie», выход которого был прекращен в годы войны, стал вновь выходить в 1923 году с добавлением подзаголовка «Международный журнал индивидуальной психологии»; теперь он содержал сообщения от различных групп единомышленников Адлера из Европы и Северной Америки. В том же году Адлер

прочел курс лекций в Англии и доклад на Международном конгрессе психологов в Оксфорде. В 1924 году он был назначен профессором в Педагогическом институте Вены, и его курс слушали многие учителя. В 1926 году под редакцией Эрвина Вексберга появился большой учебник (объемом 864 страницы), в котором были освещены все аспекты индивидуальной психологии[52].

1926 год был годом активной деятельности Адлера; он опубликовал много статей, предпринял издание серии монографий, написанных рядом его последователей[53]. Все большее время он проводит в лекционных поездках, в том числе и по Соединенным Штатам. Время от времени он разъяснял свои идеи в интервью, которые давал журналистам[54].

Социальная и экономическая ситуация в Австрии заметно улучшилась, и уровень благосостояния Адлера повысился. 9 сентября 1927 года он приобрел сельский дом в Салманнсдорфе, деревне, расположенной на северо-западной окраине Вены. Большой дом был окружен прекрасным садом, открывался великолепный вид на окружающие город леса. Летом Адлер часто проводил там воскресные и праздничные дни, принимал многочисленных друзей. С 19 по 23 октября того же года он принял участие в Виттенбергском симпозиуме, проходившем в Виттенбергском колледже в Спрингфилде, штат Огайо, с участием многих выдающихся американских и европейских психологов. Тогда же вышла третья большая книга Адлера «Menschenkenntnis» («Понимание природы человека»), наглядно излагавшая разработанное им учение.

Постепенно Адлер стал проводить все больше времени в Соединенных Штатах. Лето он проводил с семьей в Вене, где занимался привычными делами, а затем, обычно после прочтения курса лекций в ряде стран Европы, возвращался в Америку. В 1929 году он был назначен директором по медицинской части Венской амбулатории, где амбулаторно лечились больные, страдавшие неврозами. Он читал также популярный курс лекций в Колумбийском университете штата Нью-Йорк весной 1929 и зимой 1930–1931 годов.

Решением Городского совета Вены от 11 июля 1930 года Альфреду Адлеру было присвоено звание Гражданина Вены «в признание больших научных заслуг и в связи с шестидесятилетием»[55]. На торжественной церемонии председательствовал мэр города Карл Зейц[56]. По сообщению Филлис, мэр в своем приветствии назвал Адлера достойным учеником Фрейда, чем глубоко задел его. Она сообщает и о другом неприятном инциденте, происшедшем в том же году в Нью-Йорке: не сообщив ему о предпринятой им инициативе, один из приверженцев выдвинул Адлера на должность штатного профессора Колумбийского университета, что университетская администрация сочла преждевременным. Узнав об этом, Адлер возмутился и ушел из университета. В 1932 году

он начал преподавать в Медицинском колледже Лонг-Айленда. К этому времени у него были и другие заботы; некоторые из его левых сторонников настойчиво утверждали, что индивидуальная психология является марксистской дисциплиной.

В 1934 году в Австрии была запрещена социал-демократическая партия. Зловеще нависала угроза нацизма. Адлер предвидел катастрофу, которая вскоре должна была разразиться над Европой, и полагал, что судьба индивидуальной психологии зависит от возможности ее перенесения в Северную Америку. Основанный им журнал «Journal for Individual Psychology» выходил на английском языке. Адлер переехал в Америку и тяжело заболел. Узнав, что он смертельно болен, жена и дочь Александра приехали, чтобы ухаживать за ним. Он выздоровел, и с этого времени все семейство поселилось с ним в Америке.

24 февраля 1937 года, после длительных переговоров, дом в Салманнсдорфе был продан[57]. С 24 мая по 2 августа 1937 года у Адлера было запланировано проведение лекций и конференций в Англии. Однако он испытывал глубокое беспокойство по поводу исчезновения в России своей старшей дочери Валентины. На пути в Англию он прочел лекцию в Гааге для Ассоциации по изучению ребенка. В тот же вечер он позвонил своему другу д-ру Иоосту Мерлу и сообщил ему о болях в сердце, связанных, по всей вероятности, с грудной жабой (стенокардией). Д-р Мерлу приехал к нему с кардиологом. К этому времени боли исчезли, но кардиолог посоветовал провести тщательное кардиологическое обследование и рекомендовал отдых[58]. Однако уже на следующий день Адлер отправился в Англию. Через четыре дня, утром в пятницу 28 мая 1937 года, он упал на улице г. Абердина и скончался по пути в больницу в машине полицейской скорой помощи. По приглашению Абердинского университета 1 июня в присутствии нескольких членов семьи, представителей Городского совета и научных обществ в церкви Королевского колледжа прошла церемония прощания. Тело перевезли в Эдинбург и кремировали в Уарристонском крематории. Провел церковную службу и произнес прощальное слово на немецком языке д-р Ронге из голландской Группы по индивидуальной психологии[59].

Личность Альфреда Адлера

Трудность оценки личности Альфреда Адлера связана с противоречивостью отзывов современников и с изменениями, происшедшими в нем на протяжении жизненного пути.

Самые первые свидетели описывают болезненного ребенка, затмеваемого блестящим старшим братом, в дальнейшем — не очень преуспевающего студента. Далее пред нами появляется пламенный социалист

и умелый врач, интересующийся социальной медициной. В период сотрудничества с Фрейдом перед нами оказывается активный, но крайне чувствительный и раздражительный человек. Д-р Альфонс Медер, встречавшийся с ним в марте 1910 года в Нюрнберге, пишет:

> После того, как я закончил читать доклад, Адлер подошел ко мне и, перебирая пуговицы моего жилета, принялся объяснять мне свои идеи... В его манерах было что-то неприятное... Он был своеобразен, некрасив и полностью лишен обаяния[60].

Война оказала на него сильное влияние. Джонс говорит об этом так:

> Адлер произвел на меня впечатление угрюмого, придирчивого человека, порой сварливого, порой мрачного. Он был полон амбиций, постоянно спорил, доказывая приоритет своих идей. Однако встретив его через много лет, я заметил, что успех сделал его добрее[61].

Все в большей мере он становился апостолом идеи, означавшей для него единственную надежду на спасение, пропагандируя которую, он работал до изнеможения.

Индивидуальные психологи часто пытались понять Адлера исходя из разработанного им метода, то есть истолковывая его ранние воспоминания и анализируя его положение в семейном кругу.

> Одно из моих первых воспоминаний: я сижу на скамеечке, перебинтованный из-за рахита, а мой здоровый старший брат сидит напротив меня. Он мог бегать, прыгать, легко двигался, а от меня каждое движение требовало напряжения и усилий. Все изо всех сил старались помочь мне, отец и мать делали все, что было в их силах. Это воспоминание относится ко времени, когда мне было около двух лет[62].

Эти воспоминания действительно характерны. Рахит ассоциируется у Адлера с предрасположенным к болезни органом; это переживание он впоследствии временно расположил в центре своей психологической системы. Изображение беспомощного, обездвиженного ребенка демонстрирует стремление человека к движению, что является краеугольным элементом учения Адлера. Интенсивное соперничество со старшим братом отражено в первой формулировке концепции позиции ребенка среди братьев и сестер. Ребенок в окружении людей, старающихся ему помочь, является ранней версией выполненного им описания стиля жизни невротика.

Еще одно раннее воспоминание было связано с рождением и смертью младшего брата, частично отвлекшего на себя то внимание, которое ранее уделяла ему мать как болезненному ребенку. Раннее постижение факта смерти было годом спустя подкреплено тяжелой пневмонией, едва не унесшей его жизнь. Результатом явилось желание стать врачом, то есть бросить вызов смерти.

Классическая история произошла, когда ему было 8–10 лет. В школе Альфред не успевал по математике. Однажды учитель дал в классе задачу, которую никто не мог решить. Маленький Альфред почувствовал, что может это сделать. Он набрался мужества, пошел к доске и ко всеобщему изумлению написал верное решение. Поняв, что может не хуже других справляться с математикой, он стал прекрасно успевать по этому предмету. (По версии Филлис, даже учитель не мог решить задачу, и после своего подвига Альфред стал «математическим гением».)

Что касается положения в семейном кругу, то мы уже говорили, что отношения с родителями резко отличались от ситуации Фрейда, которая характеризовалась наличием «эдипова комплекса». Мать Альфреда была соперником, с которым он боролся, причем аналогичная ситуация соперничества сложилась у него и с женой. А разве его позиция второго сына, находившегося между блестящим старшим братом и соперничающим с ним младшим братом, не повторилась впоследствии, когда он оказался между Зигмундом Фрейдом и Карлом Густавом Юнгом?

Альфред Адлер был невысоким, коренастым человеком, которого нельзя было назвать красавцем. У него была большая круглая голова, массивный лоб и большой рот. Он не имел бороды, но носил большие черные усы, которые в поздние годы стал подстригать. Его глаза вызывали восхищение, они меняли свое выражение, порой были задумчивыми, порой пронизывали собеседника насквозь. Это был человек сильных эмоций, очень деятельный и сообразительный. Обычно он владел своими чувствами, но мог быть и сверхчувствительным. Отказ принять его на должность приват-доцента оставил незаживающую рану, как в дальнейшем инцидент в Колумбийском университете и неуместные слова венского мэра.

Как уже отмечалось, Адлер получил классическое образование, в которое входило изучение греческих, латинских и немецких авторов. Он много читал, но не любил выставлять свою эрудицию напоказ. Из классиков он любил произведения Гомера, Шекспира, Гете, Шиллера, Гейне; из австрийских поэтов — Грильпарцера и Нестроя; среди современных авторов он предпочитал Достоевского и других русских романистов[63]. Особенно он любил роман Вишера «Еще один», восхитительный юмор которого был ему близок.

В молодости к любимым видам спорта Адлера относились плавание, пешие прогулки, альпинизм, но с течением времени из-за болезни сердца ему пришлось от них отказаться. В возрасте почти 60 лет он научился водить машину, но по-настоящему хорошим водителем так и не стал. Адлер обладал большим музыкальным талантом, он прекрасно пел и исполнял роли в любительских спектаклях. В молодые и юные годы он часто посещал концерты и театральные спектакли. В дальнейшем, в годы одиночества в Нью-Йорке, его любимым развлечением стало посещение кинотеатров.

Не будучи блистательным собеседником, он умело перемежал задушевные разговоры веселыми шутками. С другой стороны, общеизвестно, что Адлер был блестящим лектором, обладавшим даром вставлять в лекции остроумные замечания и реплики. Как писатель он страдал отсутствием стиля, не был он и хорошим лингвистом. Свободно владея родным немецким языком (в том числе и венским диалектом), Адлер испытывал трудности с иностранными языками. Он так и не смог научиться французскому языку, а на венгерском, русском и других континентальных языках мог произнести только несколько слов. Правда, в конце жизни он смог изучить английский язык, прилично говорил и писал на нем, хотя в речи слышался заметный иностранный акцент.

Некоторых посетителей удивлял образ жизни Адлера. В отличие от Фрейда, у него не было художественных коллекций; он жил жизнью мелкого буржуа. Один из его бывших соседей рассказал автору данных заметок следующее:

> В нем не было ничего заметного. Адлер был скромным человеком и не производил особого впечатления. Его можно было принять за портного. Хотя у него был загородный дом, он не был похож на обладателя большого состояния. Его жена была нормальной приличной хозяйкой. В доме была только одна служанка. Хотя он много путешествовал и принимал многих посетителей, я не представлял себе, что это такой известный человек, пока в его честь как-то не была организована грандиозная церемония.

Д-р Юджин Минковский, посетивший Адлера в Вене, нашел его простым и обаятельным[64]. «Он совсем не изображал из себя великого Учителя».

В автобиографии Филлис сообщает, что при первой встрече с Адлером (летом 1927 года) испытала определенное разочарование:

> Я ожидала увидеть гениального Сократа, который должен был тотчас погрузить нас в бездну психологии, а встретила доброжелательного и деликатного гостя, беседовавшего со всеми присутствовавшими на общие темы[65].

Знавшие Адлера согласны с тем, что он в полной мере обладал даром понимания природы человека (причем пониманием интуитивным). Особенно отчетливо это проявлялось в клинической работе. Бросив короткий взгляд на нового больного, о котором ему ничего заранее не было известно, и задав несколько вопросов, Адлер получал полное представление о трудностях пациента, клинических симптомах и его жизненной ситуации. Заслушав историю болезни нового пациента, Адлер мог предугадать, каким будет его поведение и что он скажет, оказавшись перед собравшимися психологами. Он даже мог немедленно угадать положение любого человека в кругу семьи. Известна была также способность Адлера быстро устанавливать контакт с любым человеком, включая бунтующих детей, психически больных и преступников. Он испытывал искренний интерес ко всем человеческим существам и сочувствовал их страданиям; в то же время, подобно Жане, он немедленно обнаруживал даже искусную игру и лживость своих пациентов.

Таким же предвидением Адлер обладал в отношении политических событий. Как мы помним, уже в 1918 году он предсказал, что насилие со стороны большевиков приведет к противодействию и попыткам завоевать Европу. Это произошло задолго до того, как Гитлер создал свою партию и организовал первый путч, а затем он предсказал катастрофу нацистского вторжения и Вторую мировую войну.

В резком противоречии с психологической проницательностью Адлера были его организаторские способности; отсутствие практических навыков часто отрицательно сказывалось на развитии его идей. Так, серьезной ошибкой на начальном этапе его деятельности было проведение неформальных собраний в венских кафе, а также приглашение на эти встречи большого числа пациентов-невротиков. Этим он заслужил репутацию человека несерьезного и поверхностного[66]. С течением времени отсутствие практичности стало еще более явным. Многие трудности были обусловлены его отвращением к компромиссам, которое другими часто воспринималось как отсутствие гибкости и дипломатичности. После эмиграции Адлера в Америку практические трудности достигли своего пика. В возрасте 60 лет он оказался в одиночестве в чужой стране, без знания ее языка и обычаев. Филлис считает, что хороший секретарь продлил бы его жизнь лет на десять, но его выбор был столь неудачным, что посланные ему статьи терялись, а важные письма оставались без ответа[67].

История любви Адлера к Раисе Эпштейн рассказана Филлис Боттоми[68]. Раиса Эпштейн получила либеральное воспитание. В те годы многие русские девушки поступали в университеты Центральной Европы, а некоторые из них выходили замуж за сокурсников или профессоров. Можно составить обширный список французских, не-

мецких и австрийских ученых, женившихся на русских студентках. Интересно было бы проследить, какое влияние эти русские жены оказывали на судьбы и идеи своих мужей. В случае с Адлером такое влияние можно считать значительным. Раиса Эпштейн была пламенной социалисткой, и Фуртмюллер рассказывает, что прежде чем она вышла за него замуж, оба часто посещали социалистические митинги. Раиса была волевой, независимой женщиной, поэтому после начального периода безграничного счастья возникли трудности. По словам Филлис, «борьба за эмансипацию женщин и жизнь с женщиной, которая сама эмансипировалась, — это две разные вещи»[69]. Между ними существовали разногласия по многим вопросам. Адлер происходил из австрийской семьи, принадлежавшей к нижним слоям среднего класса, где от женщины ожидали, в первую очередь, что она будет хорошей хозяйкой, будет отвечать определенным критериям приличия; а Раиса вышла из интеллигентской среды, где подобные стандарты считались вторичными. Еще одним из источников разногласия было то, что Раиса, которая всегда была убежденной радикалкой, не могла понять, почему Альфред предпочел политике свою индивидуальную психологию. А в 1914 году их стала разделять симпатия к своим странам, находившимся в состоянии войны.

Филлис отмечала, что супружеские разногласия оказали значительное влияние на содержание книги «Нервный характер», особенно на концепцию «мужского протеста». Последние годы жизни Альфред Адлер мирно прожил в новом доме в Америке, куда Раиса приехала к нему во время его тяжелой болезни в 1934 году.

На протяжении жизни философские интересы Адлера видоизменялись. В юности он был сильно увлечен марксизмом и некоторое время состоял в социал-демократической партии. Он сохранил интерес к политике и никогда не скрывал своих политических убеждений, но постепенно пришел к признанию приоритета проблем образования и роли индивидуальной психологии.

Точно не известно, когда он утратил связи с иудейской религией. О скептическом отношении к религии вообще свидетельствует замечание о некоторых невротиках, которые уходят от жизненных трудностей под сень религии. Однако в его книгах и статьях отсутствуют антирелигиозные высказывания. Примечательно, что выйдя из синагоги в 1904 году, он примкнул к протестантской церкви. Как замечает Филлис Боттоми, он отрицательно относился к этническим ограничениям, характерным для иудейской религии, ему хотелось принадлежать к религии универсальной. Адлер весьма положительно относился к своим беседам с протестантским священником, достопочтенным Яном, на темы, связанные с религией и с индивидуальной психологией. Адлер

признавал, что у них с Яном во многом общие идеалы, хотя один остается в области науки, а другой — в области веры[70].

Мировоззрение Адлера уместно сравнить с мировоззрением Фрейда[71]. Фрейд, который был пессимистом в стиле Шопенгауэра, считал невротика жертвой грандиозного и трагического самообмана человечества. Адлер, оптимист, склонявшийся в сторону идей Лейбница, видел в невротике заслуживающего сочувствия и жалости индивида, пользующегося прозрачными уловками с целью уклониться от исполнения жизненного долга. Он пришел к убеждению, что сущностью человека является стремление к самоусовершенствованию. Разница между Адлером и Фрейдом отчетливо проявилась в организации возглавляемых ими движений. В то время, как Психоаналитическое общество было организовано до мельчайшей детали (по форме организация напоминала пирамиду, на вершине которой находился центральный комитет, а вокруг Фрейда располагался секретный «круг»), Общество индивидуальной психологии имело крайне свободную организацию. Сессии посещались многочисленными пациентами, поскольку Адлер ожидал, что каждый из них примет участие в движении и станет активистом. Исходя из почти мессианской установки, Адлер считал, что его движение победит и преобразует мир с помощью образования, обучения и психотерапии.

Современники Альфреда Адлера

Эволюцию любого мыслителя и ученого можно понять только рассматривая ее в рамках его личных и научных связей с современниками. Рассмотрев выше отношения между Жане и Фрейдом, мы попытаемся аналогичным образом проанализировать отношения между Адлером и одним из его современников, Вильгельмом Штекелем[72]. Сведения о его жизни взяты в основном из английской версии его автобиографии.

Детство и юность Вильгельма Штекеля прошли в Черновцах, в Буковине. Он родился в семье немецкоязычных ортодоксальных евреев. Окончив среднюю школу, Штекель отправился в Вену, чтобы заняться изучением медицины. Одновременно, продолжая обучение, он занялся медицинской практикой. Обладая писательским даром, он регулярно посылал статьи в газеты и медицинские журналы. Его статья, посвященная ранним сексуальным переживаниям детей, в которой использовались три клинических случая, привлекла внимание Фрейда, процитировавшего ее[73]. 29 и 30 января 1902 года в газете «Wiener Tagblatt» Штекель опубликовал полный энтузиазма отзыв на работу Фрейда «Толкование сновидений» с предисловием последнего. С этого времени Штекель превратился в восторженного последователя Фрейда; по его

словам, именно он предложил Фрейду проводить у него дома вечерние встречи по средам. Он участвовал во всех событиях на ранних этапах развития психоанализа. В 1908 году с предисловием Фрейда вышла его книга «Тревожные состояния и их лечение»[74]. В 1911 году был опубликован учебник Штекеля по сновидениям[75], а в 1912 году появилась его работа, посвященная исследованию сновидений поэтов[76]. Его литературная плодовитость казалась неистощимой. Постепенно началось его идейное расхождение с Фрейдом. Например, он рассматривал тревожные состояния как реакцию инстинкта жизни на инстинкт смерти; он настаивал на важном значении агрессивных побуждений и истолковывал эпилептические приступы как направленные против себя преступные побуждения. Он также утверждал, что неврозы часто обусловливаются давлением со стороны религии или общественной морали.

Когда Адлер отделился со своей небольшой группой от Фрейда, Штекель продолжал сохранять верность последнему, но после нападок со стороны членов группы Фрейда тоже покинул Психоаналитическое общество. Штекель по-прежнему оставался плодовитым автором в других областях. Он не только сочинял музыку и песни для детей, но писал, в стихах и прозе, театральные пьесы, а еще сочинял юмористические рассказы, причем как под своим собственным именем, так и под псевдонимом Серенус. Некоторые персонажи в его пьесах и юмористических рассказах представляются более реалистическими, чем люди, описанные в историях болезней его психоаналитических публикаций.

Во время Второй мировой войны Штекель работал военным врачом, и ему пришлось многократно заниматься лечением контузий. Однако он находил время и для частых выступлений на страницах газет и журналов. После войны он собрал вокруг себя учеников. Он продолжал называть себя психоаналитиком, а Фрейда — своим великим учителем, но его курсы лечения были значительно короче и содержали элемент перевоспитания. Его литературная активность не снижалась.

С течением времени известность его школы возрастала. Со своими лекциями он ездил по разным странам. Его произведения стали выходить в виде больших монографий, заполненных многочисленными историями болезней. Когда нацисты захватили Австрию, он сумел в последнее мгновение бежать в Швейцарию, а оттуда переехал в Англию, где и остался жить. Штекель покончил жизнь самоубийством в самый мрачный период Второй мировой войны.

Оба, и Адлер, и Штекель, были сыновьями еврейских купцов, оба считали несчастливым свое детство. Оба играли в детстве с уличными мальчишками, обладали музыкальными и актерскими способностями, прекрасно пели. Оба обучались в Вене медицине и стали врачами общей практики. Оба одновременно увлекались Фрейдом, были среди первых

посетителей вечерних встреч, проводившихся у Фрейда по средам, их наиболее активными участниками на протяжении ряда лет. Свои первые монографии они опубликовали почти одновременно, Адлер в 1907-м, а Штекель в 1908 году. Они описали явление, которое Адлер назвал «жаргоном органа», а Штекель — «языком органа», причем в дальнейшем каждый из них отстаивал свой приоритет в открытии этого нового явления. После оформления психоаналитического движения они, соответственно, стали президентом и вице-президентом Венского психоаналитического общества и соредакторами газеты «Zentralblatt». В дальнейшем оба вышли из общества психоаналитиков и пошли каждый своим путем. Во время Второй мировой войны поочередно работали в одном из военных госпиталей, а впоследствии приобрели дома в Салманнсдорфе[77]. Неизвестно, по какой причине, после столь длительной дружбы, их отношения так испортились, что они перестали разговаривать и даже здороваться при встречах. Судьба же распорядилась таким образом, что обоим пришлось покинуть свою страну и завершить жизненный путь на Британских островах!

Поначалу Штекель предстал психоаналитиком настолько, что Фрейд принял ряд его идей, относившихся к символизму сновидений и смыслу невротических симптомов. Адлер же вначале оказался более независим от основных идей Фрейда. Со временем Штекель спокойно перенял многие идеи Адлера, и его учение стало представлять собой смешение концепций Фрейда и Адлера, к которым добавлялись собственные идеи.

В книге о неполноценности органа, опубликованной в 1907 году, Адлер говорит о символическом смысле физических симптомов, который он назвал «жаргоном органа». В опубликованной в 1908 году работе Штекеля «Состояния тревожности» болезни объясняются как язык органов, символически выражающий бессознательные чувства. В 1908 году, в противовес мнению Фрейда, Адлер выдвинул гипотезу о существовании и важности первичных агрессивных побуждений; Штекель пошел еще дальше, утверждая, что криминальный инстинкт играет важную роль в неврозах[78], эпилепсии, меланхолии и в выборе профессии[79]. Вслед за Адлером, разработавшим концепцию «мужского протеста», Штекель написал о «войне между полами», а для явления, которое Адлер назвал «психическим гермафродитизмом», Штекель предложил термин «сексуальная биполярность».

Там, где Фрейд говорит о вытеснении, Адлер и Штекель единодушно утверждают, что в действительности невротик не желает видеть того, что якобы вытесняется. Указание Штекеля на существование в каждом невротике актера согласуется с тем, что Адлер говорит о жизненном стиле пациента. То, что Штекель называл представлением невротика

о своей великой миссии, соответствует адлеровскому желанию «быть как Бог» (богоподобие). Когда Фрейд заявил, что перверсия противоположна неврозу, Штекель и Адлер не согласились: для них перверсия была иной формой невроза.

В начале 1920-х годов адлеровская составляющая в работе Штекеля проступила еще более явственно. В памфлете по телепатическим сновидениям Штекель пишет: «Сновидения всегда пытаются исследовать будущее, они демонстрируют наше отношение к жизни, жизненным целям»[80]. В «Письмах к матери»[81] он говорит о значимости первых воспоминаний, о том, что в процессе воспитания ребенка никогда не следует прибегать к силе, поскольку это пробуждает в ребенке аналогичное противодействие [82]. В другом месте Штекель, обсуждая «жизненные цели», пишет: ребенок ставит перед собой недостижимые цели, а растущий индивид постепенно отвергает их[83]. Невротик не в состоянии сделать это, и возникающее состояние является результатом разрушенных амбиций. Центральную проблему самовоспитания можно сформулировать как «мужество в отношении себя». Таковы и идеи Адлера, причем выраженные почти в точности теми же словами.

Сходство между Адлером и Штекелем не должно позволить нам забыть о значительных различиях, существовавших между этими людьми и в их работах. Штекель был одним из учеников Фрейда, даже уйдя от него, он считал, что остался психоаналитиком. Действительно, он сохранил клинический и эмпирический элемент психоанализа, игнорируя его теоретическую сторону. С Адлером все обстоит совершенно иным образом. Он пришел к Фрейду с собственными сформировавшимися идеями и постепенно развивал их в период совместной работы с Фрейдом. И покинув Фрейда, он разработал собственную концепцию, отличную от психоанализа.

Учение Штекеля показывает, какой вид мог бы иметь психоанализ, если бы он представлял собой чисто практический эмпирический метод, лишенный солидной теоретической базы. В то же время вариант психоаналитического учения Штекеля наглядно демонстрирует, чем не является индивидуальная психология; иными словами, он показывает, чем бы она могла стать, если бы Адлер не порвал радикально все связи с психоанализом и не создал собственную концептуальную базу.

Работа Адлера: I — Социальная медицина

Прежде чем примкнуть к группе Фрейда, Адлер разработал и предложил оригинальные идеи в области социальной медицины. Его после-

дующие разработки в области индивидуальной психологии не могут быть в должной степени поняты без учета концепций, сформулированных им в преданалитический период.

В 1898 году д-р Г. Голебиевский из Берлина, специалист по профессиональным заболеваниям, принял к публикации монографию неизвестного до той поры автора Альфреда Адлера, озаглавленную «Книга о здоровье портных»[84]. Брошюрка объемом около тридцати страниц стала такой редкостью, что даже среди специалистов по индивидуальной психологии иногда звучали сомнения в отношении ее существования[85]. В предисловии автор объясняет, что хочет показать существование зависимости между экономической обстановкой и заболеваемостью в данной профессии, а также указать на вредные последствия высокой заболеваемости для здоровья населения. Такая зависимость свидетельствует о том, что болезнь может быть обусловлена условиями, существующими в обществе, когда к старым причинам болезней, уже признанным медиками, добавляются новые.

В первой части монографии Адлер рисует картину социальных и экономических условий труда портных в Австрии и Германии, показывая изменения, происшедшие в них за последние десятилетия. Ранее портные самостоятельно работали на индивидуальных заказчиков и находились под защитой своей гильдии. Переход к массовому производству готовой одежды означал снижение жизненного уровня владельцев мелких мастерских. Рабочие на фабриках находятся в лучших условиях благодаря контролю государства, им легче объединяться для защиты общих интересов. К преимуществам работы на фабриках относится применение больших машин и возможность работать на широкий внутренний и внешний рынок. Описывая условия работы на больших фабриках, автор противопоставляет им мрачную картину положения владельцев небольших пошивочных мастерских и работающих там подмастерьев. Технический прогресс, столь благоприятный для крупных предприятий, значительно менее выгоден предприятиям небольшим. Мелкий изготовитель имеет в своем распоряжении только швейную машину, он работает только на небольшой местный рынок и значительно более подвержен воздействию колебаний в экономике. Худшим бедствием является неравномерное распределение работы на протяжении года: в течение пяти или шести месяцев идет интенсивная работа, когда портной работает по шестнадцать или восемнадцать часов в сутки и ему помогают жена и дети. В остальное время года работа почти полностью отсутствует, мелкому предпринимателю приходится меньше платить подмастерьям или увольнять их. Как ни странно, несмотря на низкую оплату труда, в Германии не менее 200 000 малочисленных портновских мастерских и почти таково же их число в Австро-Венгрии. Владелец небольшой мастер-

ской должен не только выдерживать конкуренцию с крупными швейными фабриками, но и с подмастерьями, которые выполняют вспомогательные операции на дому и согласны полностью шить костюмы по индивидуальным заказам. Условия жизни владельца небольшой мастерской бедственны во всех отношениях. Его рабочее помещение одновременно служит жильем и расположено в самой дешевой и нездоровой части города; в нем темно и сыро, оно лишено доступа свежего воздуха и перенаселено, что благоприятствует распространению заразных болезней. В случае эпидемии это может быть опасным и для заказчика. Материальные заботы подрывают здоровье портного, а законы о труде недостаточно его защищают. Вторая часть монографии посвящена описанию болезней, распространенных среди работников небольших предприятий. Первое место занимают легочные заболевания, что не может вызывать удивления, ибо работать им приходится в согнутом положении, постоянно вдыхая пыль ткани. Туберкулез легких встречается среди них в два раза чаще, чем среди работников других профессий. Другим следствием работы в согнутом положении является распространенность циркуляторных заболеваний, таких, как варикоз вен и геморрой, а также желудочных и кишечных болезней, которыми страдают более 30 процентов портных. Типичное наклонное положение при сидячей работе способствует развитию таких деформаций, как сколиоз, кифоз, ревматизм, артрит правой руки, деформация щиколотки и так далее. Часто портные страдают от судорог рук (от кисти до плеча). Нередки кожные заболевания; около 25 процентов портных болеют чесоткой. Частые абсцессы на пальцах вызываются уколами иглы, а вывихи большого пальца руки — сильным давлением портновских ножниц. Привычка брать в рот нить при ее вдевании в иглу способствует частым заболеваниям десен, ротовой полости и желудка. Близость работы к глазам способствует развитию близорукости и подергиванию век. Портные являются жертвами медленного отравления ядовитыми красителями, а инфекционные болезни могут распространяться среди них через старые одежды, приносимые для починки. Частота несчастных случаев на работе невелика, но все же их больше, чем можно было бы предполагать. Согласно статистике, заболеваемость портных выше, чем в какой-либо иной профессии, а средняя продолжительность жизни — ниже. Среди причин высокой заболеваемости людей этой профессии Адлер называет недостаточное питание, плохие жилищные условия, непрерывную работу, отсутствие социальной защиты рабочих, а также тот факт, что многие люди выбирают профессию портного потому, что физически неспособны выполнять какую-либо иную работу, то есть происходит «отбор неспособных». В третьей части монографии автор предлагает программу, которая позволила бы изменить создавшуюся ситуацию. В первую очередь он полагает необходимым введение нового трудового законодательства. Должны выполняться существующие

правила (такие, как создание фондов на оплату по больничным листам); страхование от несчастных случаев, ранее введенное только на предприятиях с числом работников от 20 и более, следует распространить на все предприятия, законом должна быть установлена предельная продолжительность рабочего дня, инспектора должны контролировать условия повсеместно, а не только на фабриках, должно быть введено обязательное страхование по старости и безработице, обязательное разделение рабочих и жилых помещений. В другой части программы предусматривается строительство для рабочих жилья и столовых. Красной нитью в монографии проходит осуждение современной академической медицины, игнорирующей сам факт существования социальных болезней. Как в прошлом, когда было установлено, что заразные болезни можно поставить под контроль только путем введения общественной гигиены, так и профессиональные заболевания, подобные болезням портных, можно будет поставить под контроль только путем введения новой социальной медицины, о которой современная медицина не имеет представления.

Нам неизвестны обстоятельства, при которых Альфредом Адлером была написана данная монография. В качестве источников информации он указывает различные работы с описанием профессиональных заболеваний, а также статистические данные, связанные с коммерцией и здоровьем людей. Что касается утверждения Адлера о превосходстве крупных фабрик над небольшими предприятиями, то оно, по-видимому, связано с широко обсуждавшейся в те годы теорией Шульце-Геверница, утверждавшей, что условия жизни рабочего класса не могут быть улучшены без появления мощной и развитой тяжелой промышленности[86]. Приведенные Адлером описания труда портных свидетельствуют о том, что он знал о нем не понаслышке, возможно, от своего дяди Давида, портного. Очевидно, что Адлер был пламенным социалистом и стремился к слиянию социализма и медицины.

От публикации монографии до появления второй известной работы Адлера прошло четыре года. По семейным преданиям, Адлер писал в то время статьи для «Arbeiter Zeitung», венской социал-демократической газеты, публикуя их под разными псевдонимами. Однако эти статьи пока не были идентифицированы.

15 июля 1902 года некий д-р Генрих Грюн приступил к изданию нового медицинского журнала («Aerztliche Standeszeitung»). Предполагалось издавать его два раза в месяц тиражом 10000 экземпляров. Первый номер был бесплатно выслан каждому австрийскому врачу. Подвалы первых трех страниц занимала статья Альфреда Адлера (очевидно задуманная как манифест), озаглавленная «Проникновение социальных сил в медицину»[87].

> Медицина всегда была открыта влиянию всевозможных философских, научных и даже псевдонаучных направлений. Этиологию многих болезней удалось выяснить с помощью физики, химии и этнологии... Однако из всех наук наибольший вклад в прогресс медицины внесла оптика: микроскоп позволил Вирхову создать своей «клеточной теорией» новую научную базу патологии, создать бактериологию, что, в свою очередь, позволило контролировать заразные болезни посредством мер общественного здравоохранения. Тем временем государство уже осознало, что медицине необходимо уделять внимание, ибо здоровое население необходимо для того, чтобы у государства были здоровые солдаты и рабочие, для облегчения нагрузок, которые налагает на общество поддержка больных. До этой поры проблема решалась таким образом, что врачи оказывали больным дешевую медицинскую помощь. Но рост рабочего движения потребовал пересмотра проблемы, ее решения путем создания фондов для страхования по болезни и иными средствами. Теперь медики непосредственно столкнулись с понятием социальной медицины и необходимостью занять определенную позицию. Медики в меньшей степени, чем администраторы и люди, связанные с техникой, осознавали потребность в социальной медицине; это обусловлено тем, что те привыкли решать медицинские проблемы, не обращаясь к врачам. Сохранится ли ситуация, при которой медики позволят, чтобы чиновники по-прежнему тянули их на буксире, или они займут подобающее им место во главе движения? Перейдут ли они от привычной политики малых усилий к работе, направленной на сознательное и успешное предотвращение заболеваемости?

В номере от 15 октября 1902 года под псевдонимом Аладдин появилась статья, автором которой, несомненно, был Адлер (вспомним, что Аладар было его венгерским именем)[88]. В ней автор заявлял, что самая настоятельная задача современной медицины состоит в том, чтобы сделать хорошую медицинскую помощь доступной для бедняков. Ранее на такие требования следовал неизменный ответ властей: «У нас нет денег». Адлер понимал, что для устранения такого противодействия необходимо создать организацию, признаваемую государством и обладающую научным авторитетом, с семинаром по социальной медицине, в которой исследовались бы проблемы социальной гигиены и рассматривались возможности их решения.

В сентябре и октябре 1903 года была опубликована статья Адлера под названием «Город и деревня»; в ней анализировалось общепринятое допущение, согласно которому жить за городом и в деревне значительно лучше, чем жить в городе[89]. В действительности все обстоит иначе. В городах достигнут более значительный прогресс в области ги-

гиены в связи с тем, что возросшее число жителей (и, соответственно, избирателей) пользовалось большим вниманием властей. И Адлер понимал, что с течением времени пренебрежительное отношение к гигиене в сельской местности отрицательно скажется на жизни городов.

В ноябре 1903 года в статье «Помощь со стороны правительства или самопомощь?» Адлер вновь отрицательно отзывается о разрыве между научным и социальным аспектами медицины[90]. Адлер видел быстрый прогресс медицины и понимал, что она могла бы двигаться вперед еще быстрее, если бы ее продвижение не тормозилось властями. По его мнению, ввиду первостепенного значения научных исследований, следовало предусмотреть создание постоянных и хорошо оплачиваемых должностей исследователей и преподавателей в самых различных областях медицины (в том числе и в области социальной медицины).

В июле и августе 1904 года появилась большая статья, озаглавленная «Врач как воспитатель», в которой он осветил проблему под иным ракурсом.

Социальная роль врача не исчерпывается деятельностью, описанной в публиковавшихся ранее статьях. Следует упомянуть о его значении как воспитателя. В роли воспитателя он должен выступать, борясь с алкоголизмом, инфекциями, венерическими болезнями, туберкулезом, детской смертностью, а также в борьбе за гигиену в школе; но этим его роль воспитателя не исчерпывается: врач должен быть в состоянии давать советы в области воспитания детей. Недостаточно прописывать больным и слабым детям определенную диету, упражнения или иные укрепляющие мероприятия. Такие дети с легкостью утрачивают свою самую надежную опору — веру в собственные силы. Первостепенная задача врача должна состоять в возвращении им веры в себя и мужества путем правильной дозировки игр, упражнений и спортивных занятий.

Затем Адлер дает краткое описание процесса воспитания ребенка. Он должен начинаться с воспитания родителей ребенка, причем еще до рождения последнего. Самым могучим инструментом воспитания является любовь, при условии, что она распределяется равномерно между детьми и не расточается в избытке. К наиболее часто встречающимся ошибкам воспитания относится чрезмерно нежное отношение; оно лишает детей уверенности в себе и мужества, хотя в то же время опасно применять жестокие наказания, ребенка не следует избивать, запирать, постоянно бранить. Достаточно удалить ребенка из-за стола, предупредить или бросить на него строгий взгляд. Следует с осторожностью доверять детей слугам. Далее Адлер рассматривает типы трудных детей, среди которых он выделяет упрямого ребенка, маленького лжеца, труса, мастурбатора и тревожного ребенка. Лучшим средством предупреждения лживости является развитие

мужества, поскольку трусость — это наиболее опасный из недостатков: «В случае необходимости я мог бы воспитать из самого жестокого мальчика умелого мясника, охотника, собирателя насекомых или хирурга. Но трус всегда имеет наименьшую культурную ценность». В заключение Адлер добавляет: «Уверенность в себе ребенка и личное мужество — его высочайшее преимущество»[91].

Эта статья Адлера показала, что уже в 1904 году он полностью разработал свою теорию воспитания. В ней мы встречаем раннее изложение его любимых идей: роли неполноценности органа, описание изнеженного ребенка, а также терапевтической ценности уверенности в себе и мужества. Адлер ссылается на современных детских психологов Прейера и Карла Грооса, а также, впервые, на Фрейда как на человека, подчеркнувшего крайнюю важность первых детских впечатлений и указавшего на существование детской сексуальности.

В сентябре–октябре Адлер изложил свои идеи в статье под названием «Гигиена половой жизни», написанной им при рецензировании одноименной книги Макса Грубера.

Адлер не соглашается с Максом Грубером в отношении широко обсуждавшейся в то время темы. Он утверждает, что половое воздержание, за редким исключением, может отрицательно сказаться на эмоциональном здоровье. Что касается половых излишеств, то Адлер полагает, что Макс Грубер преувеличил их вредное воздействие и что нет данных, которые позволяли бы считать их причиной, приводящей к неврастении. Адлер говорит также, что опасность, приписываемая регулированию рождаемости, сильно преувеличена. (Как видим, в этом отношении мнение Адлера отличается от мнения Фрейда.) Что касается гомосексуализма, то Адлер соглашается с автором в том, что он не является врожденной аномалией, и что он заслуживает наказания лишь в том случае, когда он наносит вред другой стороне, а также в целях защиты малолетних. Адлер видит опасность мастурбации в ином плане, чем автор рецензируемой книги. Она вредна не столько для физического здоровья, сколько отрицательно сказывается на гармоничном эмоциональном развитии человека[92].

Это была последняя публикация Адлера в «Aerztliche Standeszeitung», хотя газета продолжала выходить еще в течение нескольких лет. Когда Адлер присоединился к небольшой группе Фрейда, у него уже были собственные идеи в отношении социальной медицины, воспитания, роли предрасположенности органов к заболеваниям, а также ошибок в воспитании, приводящих к возникновению эмоциональных отклонений. На протяжении нескольких последующих лет Адлер разрабатывал свои идеи в новом направлении в рамках психоаналитического движения.

Работа Адлера: II — Теория неполноценности органа

Адлер регулярно посещал встречи, проходившие по средам в доме Фрейда, активно участвовал в дискуссиях и читал свои статьи[93]. Так, при обсуждении работы Ницше «Генеалогия морали» Адлер выразил свое восхищение психологической проницательностью автора; в 1909 году он признавал за Карлом Марксом ряд важных психологических открытий. В апреле 1910 года Адлер председательствовал на симпозиуме, посвященном вопросу самоубийств школьников; вскоре материалы симпозиума были опубликованы с предисловием Адлера и заключительными комментариями Фрейда.

Среди многочисленных публикаций Адлера того времени две работы определенно примыкают к психоанализу. Обе появились в 1905 году; в одной из них, написанной в духе работы Фрейда «Психопатология обыденной жизни», Адлер пытается объяснить смысл одержимости числами на примере историй болезни трех пациентов[94]. В другой, посвященной сексуальным проблемам в воспитании, манера рассмотрения детской сексуальности аналогична манере Фрейда в его «Трех очерках»[95].

Важнейшим достижением Адлера на протяжении психоаналитического периода была небольшая книга объемом в девяносто две страницы, в которой рассматривался вопрос о неполноценности органа[96]. Проблема эта ставилась не впервые. Клиницисты и ранее обсуждали понятие locus minori resistentiae, то есть органа, характеризуемого меньшим сопротивлением, подверженного риску стать местом осложнения в случае общей инфекции. Адлер ссылался на своих предшественников, но его своеобразие состояло в том, что он разработал систематическую теорию неполноценности органа.

Адлер исходит из факта существования многочисленных состояний, симптомы которых мы знаем, но причины которых нам неизвестны. К известным причинам относятся причины общего порядка (инфекция, отравление) или локализованные (вызываемые дисфункцией какого-то органа). Однако для многих заболеваний мы не можем найти удовлетворительного объяснения, и Адлер полагал, что теория неполноценности органа позволит найти объяснение для ряда таких случаев.

Неполноценность органа может проявляться различным образом. В большинстве случаев микроскопические аномалии выявляются с трудом, но иногда их можно обнаружить по внешним признакам, таким, как так называемые признаки вырождения, или присутствие новообразования вблизи рассматриваемого органа. Поскольку неполноценность органа обусловлена обычно дефектом эмбрионального развития, она распространяется на значительный эмбриональный сегмент. Во-вторых,

такая неполноценность может оказаться обусловленной функциональной недостаточностью, например, недостаточной секрецией органа, а иногда простой аномалией рефлекторной функции (рефлекс может быть повышенным, пониженным или совсем отсутствовать). В-третьих, неполноценность органа может быть определена из истории болезни пациента: в случае, например, дисфункции определенного органа в детстве (в качестве конкретного примера Адлер описывает пациента, страдавшего в детстве нарушениями работы кишечника, а впоследствии заболевшего диабетом). Еще одним показателем этой неполноценности служит частота заболеваемости органа.

Таким образом, неполноценность органа может быть абсолютной или относительной. Благоприятный исход может наблюдаться в случае компенсации, которая возможна на разных уровнях: в самом органе, через другой орган или через нервные центры. В последнем случае неполноценность органа приводит к полному компенсаторному процессу. Компенсация происходит в результате концентрации внимания пациента на функционировании неполноценного органа. Происходит своего рода тренировка, приводящая к удовлетворительному или даже вполне приемлемому уровню его функционирования.

Не отрицая того, что определенные болезни могут вызываться наследственными факторами, Адлер признает более значительной роль наследственности в вопросе о неполноценности органов. Вследствие этого в некоторых семьях неполноценность одних и тех же органов проявляется в различной форме. У одного члена семьи она может выражаться в виде острого заболевания данного органа, у другого — в виде простого функционального нарушения органа, у третьего — в виде склонности к недолговременному заболеванию его, а у иного — в прекрасном его функционировании, обусловленном компенсацией. В качестве примера Адлер описывает музыкантов, у которых родственники или они сами страдали ушными болезнями; художников, в чьих семьях встречались глазные болезни, да и сами они страдали от нарушений зрения.

Согласно Адлеру, случайности в локализации заболевания встречаются реже, чем обычно считается. Он пишет о восьмилетнем мальчике, которому одноклассник, игравший пером, случайно попал в глаз; спустя два месяца в тот же глаз ему попала частица угольной пыли; еще через три месяца повторился случай с пером, причем пострадал тот же самый глаз. Была ли эта череда несчастных случаев действительно совершенно случайной? Заинтересовавшись проблемой, Адлер узнал, что дед пациента со стороны матери страдал воспалением радужной оболочки глаза на почве диабета, у матери и младшего брата наблюдалось косоглазие, кроме того, у последнего отмечалась дальнозоркость и слабая острота зрения. Брат матери тоже страдал косоглазием и часто болел конъюн-

ктивитом. А у самого малолетнего пациента было полное отсутствие защитных рефлексов на обоих глазах, что и позволяет объяснить многократное повторение несчастных случаев.

Представляется, что разработанная Адлером теория неполноценности органа и компенсаторного процесса не зависит от психоанализа и скорее дополняет его, чем ему противоречит. Фрейд всегда утверждал, что невроз развивается на базе предрасположенности к нему. Два места в книге указывают на связь с психоанализом. Согласно Адлеру, компенсация возникает вследствие концентрации внимания пациента на неполноценном органе, а также на прилегающей к нему поверхности тела, и если последняя является эрогенной зоной, то это неизбежно повлечет за собой ее избыточную стимуляцию и будет способствовать зарождению невротического процесса. Второе место, указывающее на связь с психоанализом, находят в утверждении Адлера, что «нет неполноценного органа без болезненной сексуальной неполноценности», особенно при наличии множественной неполноценности органов.

Предложенная Адлером теория неполноценности органа была с одобрением встречена психоаналитической группой. Представляется, что и Фрейд посчитал ее ценным вкладом в понимание невроза.

Но уже в 1908 году Адлер вступил в спор с концепцией Фрейда, согласно которой либидо является основным источником динамики психической жизни. Адлер утверждал, что существует агрессивное побуждение, которое нельзя толковать как результат фрустрации либидо и которое как в жизни нормальных людей, так и в жизни невротиков играет не менее важную роль, чем либидо[97].

В 1910 году Адлер предложил теорию психологического гермафродитизма[98]. Как показывал его опыт, среди пациентов-невротиков поразительно часто наблюдаются вторичные половые признаки противоположного пола. Это порождает у пациента субъективное чувство неполноценности и стремление к компенсации путем мужского протеста. Если речь идет о мальчике, то он будет приравнивать мужественность к агрессии, а женственность — к пассивности. Мужской протест может выражаться в форме эксгибиционизма и фетишизма. Тот же мужской протест может приводить к попыткам превзойти отца и, во-вторых, направить желания мальчика в сторону матери. Именно таким образом Адлер объясняет тему Эдипа.

Работа Адлера: III — Теория невроза

Расставшись в 1911 году с Фрейдом, Адлер переосмыслил свою теорию невроза. При этом он во многом вернулся к ранней концепции со-

циального патогенеза и роли неполноценности органа. Отвергнув значительную часть теоретической базы Фрейда, Адлер не отказался от представления о значимости ситуаций раннего детства, которое он соединил со своими собственными идеями об агрессивных побуждениях и психологическом гермафродитизме. Работа Вайхингера «Философия "как будто"» появилась в нужный момент, позволив ему создать новую концептуальную конструкцию.

Книга Адлера «Нервный характер» вышла в 1912 году с эпиграфом из Сенеки «Omnia ex opinione sunt» («Все зависит от мнения»), что перекликается с понятием «фикций», предложенным Вайхингером[99]. Книга имеет два раздела, теоретический и практический, но деление осуществлено не столь отчетливо, как об этом заявлено, поэтому не всегда легко понять смысл высказываний Адлера.

Базовое понятие выражено термином «индивидуальность», обозначающим как уникальность, так и неделимость человеческого существа. Лучшей иллюстрацией этого служит приведенное в предисловии высказывание Вирхова: «Индивид представляет собой единое целое, все составляющие части которого работают на общую цель». В результате, каждая отдельная психологическая черта индивида отражает всю его индивидуальность.

Индивид рассматривается во временном измерении. В любой момент времени в каждом его проявлении отражается настоящее, прошедшее и будущее. Психическая жизнь направлена на будущее и телеологична, то есть настроена на некоторую цель. Данная цель не является раз и навсегда заданной, она может изменяться.

Именно здесь Адлер использует концепцию «вымысла» Вайхингера. Все происходит так, «как будто» для деятельности человека была установлена идеальная норма, которую Адлер назвал абсолютной правдой, или абсолютной логикой социальной жизни (что синонимично полной согласованности с социальными и даже космическими требованиями). Адлер называет аномалией отклонение индивида от вымышленной (идеальной) нормы. Под неврозами понимаются разновидности таких отклонений.

Источники неврозов Адлер видит в чувствах, обусловленных неполноценностью органа; здесь он ссылается на свою книгу 1907 года. Помимо простой физиологической компенсации, неполноценность органа запускает комплексный психологический процесс самоутверждения, который становится постоянным фактором психического развития. Как указано в книге, при таком психологическом процессе происходит постоянное наблюдение и тренировка неполноценного органа. Но к таким ранее описанным явлениям Адлер добавляет теперь наблюдение, что ощущение неполноценности может вызываться чисто

социальными факторами, такими, как соперничество между братьями и сестрами в раннем детстве и положение ребенка в семье. Даже при наличии неполноценного органа основным элементом становится психологическая реакция.

При любых разновидностях неврозов происходит носящий общий характер процесс тренировки, обусловленный повышенным вниманием пациента к себе и своим отношениям с окружающими, понижением порога возбуждения и обострением способности предвидеть определенные события. Субъективно это рассматривается пациентом как стремление к превосходству и страх педред поражением. Помимо того, невротик прибегает к вспомогательным средствам, таким, как изобретение идеального образа, к которому следует стремиться, и невротический образ жизни. Со временем эти средства исчерпывают себя.

Невротик живет в вымышленном мире, который структурируется вокруг противостоящих друг другу парных концепций. Среди них первостепенная роль принадлежит противостоянию между глубоко коренящимся чувством неполноценности и возвышенными чувствами индивида. Такое противостояние приравнивается к оппозиции понятий «высоко» и «низко», «мужественный» и «женственный», «победа» и «поражение». Противопоставление высокого и низкого играет важную роль в фантазиях, сновидениях и высказываниях нормальных людей и имеет еще большее значение для невротиков, которые приравнивают идею превосходства к понятию высокого, а идею неполноценности к понятию низкого. То же самое относится к понятиям победы и поражения, а для невротика малейший успех или неудача крайне важны. В «Нервном характере» подробно рассматривается противостояние понятий «мужественный — женственный». Представляется, что Адлер придает меньшее, чем прежде, значение биологическим половым признакам. Реальную роль играет субъективное представление пациента. Поскольку в обществе господствует мнение о превосходстве мужчины над женщиной, мужской протест может наблюдаться как у мужчин, так и у женщин. У женщины мужской протест является почти нормальной реакцией женщины на роль, отведенную ей в мужском мире. У мужчины он является результатом сомнений в своей половой роли или боязни не выполнить ее должным образом; одновременно мужской протест укрепляет предубежденность мужчин против женщин. Исходя из этих предпосылок Адлер описывает различные формы неврозов мужчин и женщин, причем и здесь его представления сильно расходятся с представлениями Фрейда: не считая либидо коренной причиной неврозов и сексуальных отклонений, Адлер подчеркивает символический характер сексуального поведения.

В отличие от Фрейда Адлер подчеркивает роль социального фактора в происхождении неврозов и социальных недостатков. Например,

некоторые невротики убегают от общества, ограничивая семейным кругом сферу социального общения, причем порой предпочитают своей семье семью своих родителей.

Развитие невроза Адлер сравнивает с эволюцией фикций (вымыслов), описанных Вайхингером. Некоторые ученые предлагали теорию в виде вымышленной модели, в реальность которой они не верили. Затем вымышленную модель приняли за гипотезу, а гипотезу трансформировали в догму. Таким же образом невротик забавляется с фантазиями, а затем начинает в них верить. Такой процесс Адлер называет воплощением или обоснованием. Опасная ситуация возникает в тех случаях, когда воплощенная фикция сталкивается с реальностью. Указанный характер эволюции неврозов с этапами вымысла, воплощения и критической конфронтации с реальностью имеет место независимо от разновидности невроза. Адлер отказывается от классического определения неврозов (деления на истерии, фобии и навязчивые состояния), сохраненного Фрейдом. Он включает в понятие невроза и сексуальные отклонения.

Книга «Нервный характер» имеет стилистические и композиционные недостатки, но эта работа насыщена идеями и клиническими примерами. Приводятся ссылки на многих авторов: врачей, педиатров, университетских психиатров, таких, как Крепелин и Вернике, а из представителей новой школы называются имена Жане, Блейлера, Фрейда и многих психоаналитиков. Из философов часто упоминаются Ницше и Вайхингер, а из писателей Гете, Шиллер, Шекспир, Толстой, Достоевский, Гоголь и Ибсен.

Работа Адлера: IV — Индивидуальная психология

После Первой мировой войны Альфред Адлер пересмотрел и изменил формулировки своей психологической системы. Понятие чувства сообщества (Gemeinschaftsgefuehl), которое неявно присутствовало в прежней теории невроза, получило определение и было выведено на передний план. В 1927 году новая система была описана Адлером в работе «Понимание природы человека», которую из всех написанных им книг отличает наибольшая ясность и четкость изложения[100]. Далее на основе этой книги мы дадим общее представление об индивидуальной психологии Адлера, дополняя обзор материалом, взятым из других его работ того же периода.

Психология Адлера не относится ни к традиционной академической психологии, ни к психологии экспериментальной; она также коренным образом отличается от фрейдовского психоанализа.

Поэтому нельзя оценивать разработанную им систему по масштабам академической, экспериментальной или фрейдовской психологии. Направление, к которому принадлежит индивидуальная психология Адлера, определяется термином «Понимание природы человека». Эта разновидность прагматической психологии, называемой иногда конкретной психологией, не претендует на глубокое рассмотрение проблем; она предлагает принципы и методы, позволяющие человеку приобрести практическое понимание себя и других людей. Именно это попытался сделать Кант в своей «Антропологии с прагматической точки зрения»[101]. Кстати, в предисловии к своей книге Кант дважды использовал термин «понимание человека», а один раз применил термин «Menschenkenntnis», который Адлер применял почти как синоним понятия индивидуальной психологии. Анри Лефевр показал, что система практического понимания человека в общей и повседневной жизни может быть выведена из теории марксизма[102]. Другую систему практической психологии с еще большей легкостью можно вывести на основе работ Ницше[103].

Однако предложенный Адлером термин «Menschenkenntnis» значительно более систематизирован и всеобъемлющ по сравнению с тем смыслом, который вкладывали в это понятие Кант, Маркс или Ницше. Исходную точку системы Адлера можно выразить словами: «В душевной жизни все происходит так, как будто ... определенные базовые аксиомы были справедливы». Что это за аксиомы?

Во-первых, это *принцип единства:* человеческое существо едино и неделимо как в отношении связи между разумом и телом, так и в отношении различных функций и проявлений разума. Тем самым индивидуальная психология Адлера отличается от теории Фрейда с его признанием присутствия в человеке амбивалентности и конфликтов между сознанием и бессознательным, эго, ид и суперэго.

Во-вторых, это *принцип динамизма;* нельзя себе представить жизнь без движения. Однако, в отличие от Фрейда, подчеркивавшего роль причин, Адлер сосредоточил внимание на цели и намерениях психических процессов (по его терминологии — Zielstrebigkeit — «стремление к определенной цели»): «человек не может думать, чувствовать, хотеть, даже мечтать, если что-либо не намечено, определено, указано целью, которая ему видится впереди». Такая преднамеренность обязательно сопряжена со свободой выбора. Человек свободен в той мере, в какой он может выбирать цель или менять ее на другую, однако затем он уже ограничен в той мере, в какой он подчиняется установленному им самим закону.

В качестве основной концепции индивидуальной психологии Александр Нойер признавал решение проблемы человеком, постоянно находящимся в трудных ситуациях, необходимости преодоления труд-

ностей или отказе от этого[104]. Для преодоления недостаточно одного осознания или озарения; человек должен действовать, а для этого необходимо мужество. (Вспомним рассказ о ребенке, который не успевал по математике до тех пор, пока не оказался единственным учеником в классе, кто увидел решение задачи, набрался мужества, пошел к доске и решил ее.) Таким образом, мужественный поступок тоже способен повлечь за собой изменение образа жизни после того, как человек сознательно изменил ее цель. Согласно Нойеру, Адлер называет мужество тем видом высшей психической энергии, или *тимосом (thymos)*, который древние греки считали важнейшей составной частью души. Внушение ребенку мужества является основной задачей воспитателя, а также психотерапевта, независимо от того, является ли пациент ребенком или взрослым.

В-третьих, вводится *принцип космического влияния:* индивид не может рассматриваться в изоляции от космоса, влияющего на него тысячью всевозможных способов. Но, помимо всеохватывающих влияний, каждый индивид воспринимает космос в своей особой манере. *Чувство общности* отражает всеобщую зависимость от космоса, живущую внутри нас, от которой мы не можем полностью абстрагироваться, зависимость, наделяющую нас способностью вчувствоваться в других, то есть испытывать эмпатию ко всему живущему. Прежде всего это спонтанное приятие жизни в согласии с естественными и законными требованиями человеческого сообщества.

Возможно, здесь следует исключить некоторое недопонимание. Чувство общности никак не связано со способностью просто смешиваться с другими людьми и значительно больше, чем лояльность какой-либо группе или делу. Его не следует смешивать и с отказом от личностных позиций индивида в пользу какого-либо сообщества. Адлеровское понятие общины или группы включает структуру семейных и социальных связей, творческую деятельность (именно сообщество создает логику, язык, поговорки и фольклор) и этические функции (понятие справедливости формируется в сообществе). Таким образом, чувство общности является индивидуальным восприятием человека тех принципов, которые управляют взаимоотношениями людей.

Степень развитости чувства общности бывает различной и зависит от индивида: иногда это чувство ограничено семьей или родом, но может распространяться на нацию, все человечество, а порой и на животных, растения, неодушевленные предметы и на всю Вселенную.

В-четвертых, это *принцип спонтанной структуризации частей в некое целое:* все компоненты разума спонтанно организуются и уравновешиваются в соответствии с индивидуально обозначенной целью. Ощущения, восприятия, образы, фантазии, сновидения — все выстра-

ивается в направлении, выбранном индивидом. Аналогичное явление происходит с человечеством в целом; спонтанное структурирование происходит в форме разделения труда. Как для индивида, так и для человечества подобное спонтанное упорядочивание служит проявлением принципа приспособления человека к собственному закону.

Пятой основной аксиомой является *принцип действия и противодействия между индивидом и окружающей его средой.* С одной стороны, индивид должен приспосабливаться и постоянно изменять степень приспособления к окружающей его среде. Находясь в неполноценном состоянии, он спонтанно ищет из него прямой или косвенный выход. Это справедливо не только в отношении отдельного человека, но и всего вида. Как и Маркс, Адлер считает отличительной чертой человека его способность менять окружающую среду. Но здесь, по аналогии с механикой текучих сред, каждому действию есть свое противодействие, что особенно справедливо для индивида внутри его социальной группы: «Никто в сообществе не может произвольно встать и распространить свою власть над другими членами сообщества, не вызвав немедленно ответные силы, которые будут стремиться подавить такую экспансию».

В свете этих идей психология Адлера по своей сути представляет исследование динамики межличностных отношений. Она не рассматривает индивида в изолированной статичной ситуации, а видит его в контексте действий и противодействий со стороны окружающей среды.

Шестая аксиома состоит в том, что Адлер назвал *законом абсолютной правды,* вымышленной нормы, устанавливаемой для регулирования поведения индивида; эта норма заключается в определении оптимального соотношения между предписаниями сообщества и установками личности. Индивид, соответствующий требуемому идеалу, отвечает абсолютной истине, иными словами, он соответствует логике жизни в обществе или общественным правилам игры. Число несчастных, неудачников, невротиков, психически больных и преступников дает представление о степени отклонения от основного правила. Приведенные пояснения позволяют понять, каким образом можно определять отношения между людьми и природой, социальными группами в границах всего человечества, индивидом и обществом, между индивидами в небольших группах, а также между отдельными индивидами.

Диалектика *отношений между человеком как видом и природой* обозначена Адлером только слегка. Поскольку человек — самое слабое существо среди крупных животных, у него сформировался психический орган, позволяющий предвидеть будущее; помимо того, в сообществе людей произошло разделение труда. Таким путем человек смог компенсировать свою природную слабость и победить природу. Адлер

мог бы рассмотреть проблему вреда, нанесенного природе человеком, и ужасающие последствия этого вреда для самого человека, но он не продолжил свои изыскания в этом направлении.

Диалектика *взаимоотношений социальных групп* была широко рассмотрена Марксом и Энгельсом с применением разработанной ими теории классовой борьбы. Адлер легко мог дополнить данную тему, но по каким-то причинам он предпочел этого не делать. Он, однако, указал на чувство зависти как на результат социального неравенства, противопоставив его патологической зависти, обусловленной агрессивными побуждениями. Однако в социологии и биологии имеется один общий момент, которому Адлер уделил значительное внимание; речь идет о соответствующих ролях мужчины и женщины. Физиологические отличия не объясняют существующие различия в их психологических и социологических ролях. Все наши общественные и частные организации базируются на предрассудке о превосходстве мужчины над женщиной. Вслед за Бахофеном и Бебелем Адлер считает, что это суждение о превосходстве мужчины исторически явилось реакцией на существовавший в древности период матриархата. Такая установка закрепляется в мальчиках и девочках воспитанием, а также искусным, часто неосознанным, внушением. И она является одной из основных причин невроза и явления мужского протеста, о чем Адлер так подробно писал в книге «Нервный характер».

Диалектика взаимоотношений между группами людей рассматривалась Адлером в других публикациях. Мы помним, как в 1918 и 1919 годах он пытался проанализировать феномен войны и объяснял его преступно безответственным поведением правительств и беспомощностью людей, пришедших к пониманию того, что они были обмануты[105]. Тогда войну можно рассматривать как одну из форм массового психоза, спровоцированного небольшим числом людей, стремящихся к власти ради своих эгоистических интересов[106]. Однако Адлер считал стремление к личной власти не первичным побуждением; он полагал, что это результат ложного идеала, который можно заменить чувством общности; отсюда идет то первостепенное значение в деле предотвращения войн, которое он придает образованию и воспитанию[107].

Диалектика взаимоотношений индивида и сообщества занимает значительное место в работе Адлера «Понимание природы человека» и в других его работах. Равновесие между чувством общности и стремлением к самоутверждению может быть нарушено очень рано. Какими причинами Адлер объясняет такие нарушения? Он видит их в чувстве униженности, которое может возникнуть в очень раннем возрасте.

Здесь уместно сделать лингвистическое замечание. Термин «ощущение неполноценности», использованный Адлером, действительно

имеет два значения. В первом случае он может быть связан с природной недостаточностью, например, с ростом ребенка в сравнении с ростом взрослого, или такое ощущение может быть вызвано болезнью. Однако индивидуальные психологи в большинстве случаев используют этот термин в оценочном значении, присутствующем в немецком слове «Minderwertigkeitsgefuehl», которое означает нечто малозначимое, причем такое качество признано самим индивидом. Такое смысловое недоразумение отмечено Хеберлином[108]. Но в 1926 году Александр Нойер ввел понятие «положение неполноценности», имеющее многочисленные и многообразные разновидности, а также «чувство неполноценности», обусловленное соответствующими «положениями», если они не были со всей напористостью преодолены[109]. Тот же вопрос был рассмотрен Брахфельдом[110]. В дальнейшем Адлер сам должен был определить границу между естественным чувством недостаточности чего-то и субъективным комплексом неполноценности[111].

Адлер выявил несколько причин чувства неполноценности (униженности). Существует предрасположенность органов к заболеванию, описанная им в монографии 1907 года, но теперь Адлер подчеркивал важность не самой предрасположенности органа, а реакции на нее индивида. Другим часто встречающимся источником такого чувства служат ошибки воспитания, такие, как предъявление ребенку завышенных требований, подчеркивание его слабости, превращение его в игрушку своих настроений, упреки в том, что он является обузой, насмешки, ложь. Существуют также социальные причины, которые вызываются экономическим и социальным положением детей бедняков.

Каковы бы ни были причины, чувство неполноценности может развиваться по двум направлениям, которые можно выявить уже в раннем детстве. В обоих случаях ребенок ставит перед собой цель достичь превосходства, но пытается добиться ее разными путями.

В первом случае индивид будет добиваться непосредственного превосходства над другими. На достижение этой цели будут направлены его психологические усилия, и в этом же направлении будет развиваться его характер. Он станет дерзким, злым, ревнивым. Воля к власти (Ницше) является одним из проявлений комплекса превосходства, и, как показал Ницше, эти агрессивные чувства могут носить разные маски.

Во втором случае индивид будет пытаться достичь превосходства косвенным путем, он укроется за такими баррикадами, как слабость, робость, беспокойство, или же скроется в ограниченном кругу семьи; такая позиция позволит ему тиранить, по меньшей мере, несколько человек и осуществлять над ними господство. Здесь тоже возможно большое разнообразие вариантов поведения.

Адлер считал, что, как правило, индивид выберет первый, прямой путь. Он прибегнет ко второму, только потерпев неудачу, что, возможно, произойдет рано или поздно, часто в совсем раннем детстве. Однако во всех случаях расхождение между заданной себе высокой целью и способностью ее достичь приведет индивида к поражению. В течение долгого времени он будет пытаться его предотвратить, прибегая к дистанцированию[112]. При приближении к цели субъект будет внезапно отступать, он начнет останавливаться, подойдя к ней вплотную, занимать колеблющуюся позицию, или же будет создавать себе хитроумные препятствия, мешающие добиться успеха. Если затеянное дистанцирование окажется недостаточным, субъекту придется столкнуться с ситуацией, когда мечта встретится с реальностью; тогда, во избежание катастрофы, он прибегнет к тому, что Адлер определил словом «организуемая ситуация». Это может быть депрессия, беспокойство, фобия, амнезия или разновидность невроза; иногда она принимает форму физического заболевания или психоза. Задача «организуемой ситуации» состоит в том, чтобы скрыть от окружающих и от себя самого неизбежное поражение при стремлении к недостижимой цели.

В свете такой концепции многочисленные разновидности неврозов, депрессий, перверсий, вредных привычек, преступлений и даже психозов — это всего лишь проявления нарушений во взаимоотношениях между индивидом и обществом.

Еще одним предметом внимания индивидуальной психологии являются *взаимоотношения в пределах небольшой группы*. Речь может идти о любой естественной или искусственно созданной ситуации. В процессе проводимых им психологических исследований в промышленности и мире бизнеса предложенными Адлером правилами пользуется профессор Биэш из Цюриха. Сам Адлер обращал внимание главным образом на психологию в семейных группах.

Самое сильное влияние на ребенка исходит от матери; именно она внушает ему (или должна внушать) начала чувства общности с другими; задача отца состоит в том, чтобы научить ребенка полагаться на себя, сделать его мужественным. Эдипова ситуация, которую Фрейд считает нормальным и универсальным этапом человеческой жизни, рассматривается Адлером как результат ошибочного воспитания испорченного ребенка. По его мнению, отношения с родителями не сводятся только к любви и ненависти (как считает Фрейд), но каждый из родителей может играть роль «противника» (того, «против кого» ребенок выступает, меряясь с ним силой). Такую роль может играть и кто-то из братьев и сестер, особенно старший.

Согласно Адлеру, каждый ребенок в семье рождается и вырастает с определенной перспективой, соответствующей его позиции по отно-

шению к другим детям. Изначально позиция старшего брата предпочтительна. Ему дают почувствовать, что он самый сильный, умный, ответственный. Поэтому он признает авторитет и традиции, отличается консервативностью взглядов. Младшему же брату угрожает опасность остаться трусливым и испорченным младенцем. В то время как старший брат обычно наследует профессию отца, младший легко может стать художником, или же в результате избыточной компенсации у него разовьются чрезмерные амбиции, и он захочет стать спасителем всего семейства. Второй ребенок в семье находится под постоянным давлением с двух сторон: пытаясь превзойти старшего брата, он боится, что младший его перегонит. Что касается единственного ребенка, то ему еще больше, чем младшему, угрожает опасность оказаться избалованным и испорченным. Заботы родителей о его здоровье могут сделать его робким и пугливым. Такие схемы имеют варианты, зависящие от интервалов между рождениями детей, соотношения между числом мальчиков и девочек и их положения в семье. Если вслед за старшим мальчиком вскоре появилась сестра, то он может испытывать страх перед тем, что она перегонит его, поскольку девочки взрослеют быстрее. Среди многих вариантов возможна ситуация, когда среди нескольких мальчиков окажется только одна девочка, или один мальчик будет окружен одними только девочками (кстати, по мнению Адлера, это наиболее неблагоприятная ситуация).

Адлер касался и проблемы взаимоотношений двух индивидов. Существует нормальное послушание, обусловленное чувством общности; существует непослушание, обусловленное отсутствием чувства общности или стремлением к власти; существует слепое послушание, особо опасное в криминальной среде. Адлер рассматривает гипноз как особый вид межличностных отношений, сказывающийся в равной мере отрицательно на объекте гипноза и на гипнотизере. По Адлеру, внушение есть способ реагирования на определенную внешнюю стимуляцию; некоторые индивиды склонны переоценивать мнение других людей и недооценивать свое собственное; иные, напротив, считают верным только свое мнение и, не задумываясь, отвергают мнения других людей. Хотя Адлер нигде прямо об этом не говорит, но из его работ следует, что при первой же встрече двух людей между ними спонтанно возникают определенные межличностные отношения.

Одной из больших сложностей в межличностных отношениях является отсутствие взаимопонимания. В большинстве случаев люди плохо понимают себя и других, и, что еще хуже, опыт не помогает им, поскольку они будут давать оценку исходя из своей, уже искаженной, перспективы. К тому же они совсем не желают получать о себе правильное представление. Однако Адлер убежден, что при наличии более

общих сведений о человеке социальные взаимоотношения упростились бы, ибо тогда люди не могли бы с такой легкостью обманывать друг друга. Отсюда вытекает потребность в разработке методов практической психологической диагностики.

В своей методике Адлер исходит из утверждения, что в своем большинстве индивиды стремятся к тайной цели, которую они не осознают. Знание этой цели дает ключ к пониманию личности человека, и, наоборот, характер цели можно установить, критически оценив поведение индивида. Поскольку скрытая цель определяет как направляющую линию, так и перспективу (или картину мира) индивида, то в нашем распоряжении имеется ряд ключевых точек, указывающих на тайную цель. Индивидуальный психолог поступит примерно так, как действует астроном, желающий определить путь новой звезды. Он определит ряд последовательных точек и по ним восстановит линию и направление движения звезды. При этом психолог начнет с двух точек, максимально удаленных друг от друга; одной из них может быть какое-то детское воспоминание, а другой — недавнее происшествие, касающееся социального поведения индивида. Психолог, разумеется, обратится и к промежуточным точкам; и чем большим будет их число, тем точнее будет проходить восстановленная линия. К числу данных, используемых индивидуальным психологом, относятся ранние детские воспоминания, спонтанные игры ребенка, последовательные решения ребенка и взрослого относительно выбора профессии и его сновидения.

Согласно Адлеру, первые воспоминания имеют большую диагностическую ценность, независимо от их правдивости. Они отражают жизненную цель и стиль жизни индивида, при условии, что они рассматриваются вместе с другими психологическими индикаторами.

Адлер чувствует, что сновидения частично показывают что-то из стиля жизни индивида, особенно то, что он хочет скрыть от своих сограждан (ибо временно снята цензура социального контроля). Они выполняют также перспективную функцию: они выражают возможное решение существующих на данный момент проблем индивида, или, скорее, соответствуют бегству от истинно рационального решения и поэтому означают самообман[113].

Такого рода исследования современных установок, первых воспоминаний, детских поступков, взрослых желаний и сновидений раскрывают одновременно перспективы индивида, то есть его специфическое выборочное восприятие мира, его стиль жизни. Каждый индивид использует собственную тактику для достижения поставленной цели, именно это Адлер называет стилем жизни. Один прибегает к дерзости, другой — к притворной скромности, третий хочет пробудить к себе жалость и так далее, однако в большинстве случаев прибегают к сочетанию

различных приемов. Для диагностики стиля жизни действия и поведение индивида значительно важнее, чем слова. Таким образом, можно быстро и просто установить тайные цели, поставленные теми, с кем мы имеем дело, и выяснить, каким образом они хотят повлиять на нас. Это позволит увидеть, что скрывается под маской, и отразить атаку. У детей легко распознать скрытые трудности характера и препятствия на пути к социальной работе над ними.

Чтобы полностью определить характер, необходимо рассмотреть другие факты. Картина мира каждого индивида в значительной степени зависит от того, относится ли он к видящему, слушающему или моторному типу. Последнему требуется больше движения. Со временем Адлер стал придавать большое значение степени наличия душевной и физической энергии у индивида, вне зависимости от его мужества. Таким образом, мы видим, что для полной оценки личности человека необходимы сведения о предрасположенности его органов к заболеваниям, о его межличностных взаимоотношениях в детские годы, о ситуации в семье; о том, относится ли он к сенсорному или моторному типу, о его природной физической и душевной энергии, его предпочтениях и мужестве.

Адлер рассматривает течение жизни человека и жизненные перемены в свете вышеописанных понятий. Индивидуальность человека проявляется очень рано. Согласно Адлеру, степень присутствия чувства общности у младенца можно определить в возрасте нескольких месяцев, а на втором году жизни ее можно установить по тому, как ребенок выражает себя словесно. С возрастом ребенок демонстрирует своеобразную манеру игры. Адлер соглашается с Гроосом в том, что игра — это спонтанная подготовка ребенка к будущей жизни, однако он добавляет, что одновременно это и выражение его творческой активности или его чувства общности, или его стремления к власти. Раннее детство — это и период, когда человек, помимо общепринятых представлений о соответствующей роли мужчины и женщины в обществе, получает у своего окружения много дополнительных сведений, а также идентифицирует свою личность. Адлер придавал большое значение последовательно меняющимся желаниям ребенка относительно будущей профессии, и он считал отсутствие таких желаний признаком серьезных психологических нарушений. Становясь взрослым, человек вступает в период, когда он должен осуществить три основные задачи, которые ставит перед ним жизнь: испытать чувство любви и создать семью, овладеть профессией и наладить взаимоотношения с сообществом. Способ, каким индивид их решает, свидетельствует о степени его адаптации к жизни. В этой перспективе должны рассматриваться новые проблемы, появляющиеся в дальнейшем в процессе взросления.

В книге «Понимание природы человека» приводится также типология и содержится глава, которую древние авторы назвали бы трактатом о страстях. Хотя Адлер и говорил об уникальности каждого человеческого существа, он дает эмпирическую классификацию людей, деля их на две большие категории: на натуры агрессивные и натуры неагрессивные. К агрессивным он причисляет не только тех, кто открыто проявляет свою агрессивность, но и проявляющих ее в скрытой форме. Эта характерология тесно связана с приводимым Адлером описанием страстей, которые он делит на разъединяющие и объединяющие.

Концепция психоза, отклонений и преступности, предложенная Адлером, содержится в различных работах того же периода.

Свою теорию меланхолии Адлер опубликовал в 1920 году[114]. В депрессивном поведении Адлер видит только обострение способа решения жизненных ситуаций, типичного для данного пациента. Адлер утверждает, что находящийся в депрессии пациент — это человек, всегда страдавший от глубоко сидящего в нем чувства неполноценности, который именно таким способом справляется с этим чувством. С раннего детства для него характерно отсутствие устремлений и недостаточная активность; он избегает трудностей, принятия решений и ответственности. Он недоверчив и критически относится к другим, видит мир враждебным, а жизнь крайне трудной; считает, что другие люди холодно отвергают его. С другой стороны, данный субъект всегда втайне лелеял представление о своем превосходстве и желание получить максимально возможные преимущества перед другими людьми. Для достижения своей тайной цели субъект прибегает к четкой тактике: он старается стать маленьким и незаметным, ограничить круг общения небольшим числом людей, над которыми он сможет господствовать, главным образом с помощью слез, жалоб и печали. Меланхолия всегда появляется при наличии жизненного кризиса, в трудной ситуации, требующей принятия бескомпромиссного решения; или же в случае, когда его близкие стали критически к нему относиться и вышли из-под его контроля; или же пациент стал критически относиться к себе самому. В таких обстоятельствах наблюдается меланхолия и создается порочный круг: бессонница, отказ от еды и подобные факторы нарушают физиологическое равновесие пациента, что, в свою очередь, приводит к еще большим преувеличениям относительного своего расстройства. По мнению Адлера, исход болезни зависит от того, сможет ли пациент с помощью своей тактики одержать победу или нет. В первом случае болезнь пройдет, как только пациент достигнет своей тайной цели. Если же он потерпит поражение, то прибегнет к последнему средству, к самоубийству, которое одновременно является почетным выходом из безнадежной ситуации и актом мести по отношению к окружающим.

По Адлеру, паранойя является дальнейшим развитием другого рано проявляющегося способа выхода из сложных жизненных ситуаций[115]. Если индивид еще в детстве обнаруживал недостаточно развитое чувство общности, был постоянно недоволен жизнью, критически и враждебно настроен к другим, то это означает, что он поставил перед собой тайную крайне честолюбивую цель, подойти к которой он мечтает, ведя себя весьма воинственно. В течение некоторого времени он продвигается в заданном направлении, но затем наступает момент, когда он — по тем или иным причинам — вынужден остановиться на некотором удалении от намеченной цели. Чтобы оправдаться в глазах других людей и в своих собственных, он теперь прибегает к двум средствам: создает искусственные препятствия и истощает свои силы в борьбе за их преодоление или же переносит поле битвы в другую область.

По мысли Адлера, шизофрения поражает людей, рано проявляющих страх перед жизнью. Болезнь начинается, когда они должны приступить к решению своих жизненных задач. Она является проявлением экстремального отсутствия мужества.

Что касается алкоголизма, то Адлер и его ученики указывали на многие причины, приводящие к его возникновению. Возможно, некоторую роль играет предрасположенность органов к заболеванию[116]. Прием спиртных напитков может явиться средством избавления от чувства неполноценности, проявлением мужского протеста или способом усиления чувства враждебности по отношению к другим людям. Алкоголизм позволяет отделиться от общества. Приверженность к алкоголю позволяет избежать ответственности и уйти от необходимости выполнять свои обязанности[117].

В общем виде Адлер рассматривает сексуальные перверсии как увеличение психологического расстояния между мужчиной и женщиной, протеста субъекта против своей нормальной половой роли и презрительного отношения и враждебности к своему сексуальному партнеру[118].

Предметом брошюры объемом 75 страниц, опубликованной Адлером в 1917 году[119], и более обширной монографии, вышедшей в свет в 1930 году[120], был гомосексуализм. Адлер не считает причиной гомосексуализма физическую конституцию человека. Он не отрицает наличие некоторых вторичных половых признаков противоположного пола у гомосексуалистов, но они встречаются и у вполне нормальных людей. Биологическая предопределенность отсутствует; все зависит от субъективного восприятия пациентом своей соматической идентичности и того, как он ее использует. Побудительным мотивом являются страх и враждебность в отношении противоположного пола, ибо психологическое расстояние между лицами одного пола меньше, чем между лицами противоположного пола. Ребенок, не подготовленный надлежащим

образом для исполнения своей социальной роли, избегает лиц противоположного пола и переоценивает свои взаимоотношения с лицами собственного пола. Поэтому в тех ситуациях, когда ему необходимо общаться с лицами противоположного пола, он теряет мужество и убегает. В написанной позднее монографии Адлер подчеркивает важность элемента тренировки: как правило, стать извращенцем довольно трудно, и, прибегая к самообману, гомосексуалист убеждает себя, что его уже в раннем детстве привлекали дети одного с ним пола.

Среди великих первопроходцев динамической психиатрии Жане и Адлер были единственными, кто обладал клиническим опытом работы с преступниками, а Адлер был единственным, кто писал об этом предмете исходя из собственного опыта[121]. Адлер замечает, что для преступников и невротиков, а также лиц, страдающих психозами и сексуальными отклонениями, характерно отсутствие социальных интересов. Однако преступнику свойственно нежелание принимать помощь от других людей и быть для них обузой. Он действует так, как если бы весь мир был против него. Малолетнего преступника легко выявить: он добивается своего, обижая других. Адлер выделяет три типа преступников: во-первых, это избалованные дети, привыкшие только получать и ничего не давать и сохранившие этот стереотип; затем существуют заброшенные дети, к которым мир действительно отнесся враждебно; и, наконец, существует немногочисленная группа уродливых детей. Но какой бы ни была исходная ситуация, для всех преступников характерно интенсивное стремление к превосходству. Адлер считает, что преступнику всегда свойственна трусость. Он никогда не вступает в честную борьбу; он совершает преступления, только находясь в преимущественном положении. (Он украдет у невнимательной или беззащитной жертвы, убьет, если жертва не в состоянии себя защитить, и так далее.) Его чувство превосходства подкрепляется тем фактом, что прежде, чем его поймают, он обычно успевает безнаказанно совершить несколько преступлений. Сопутствующими преступности факторами являются низкий интеллектуальный уровень и отсутствие какой-либо профессии. Согласно Филлис Боттоми, Адлер установил, что среди преступников легче всего поддаются перевоспитанию взломщики. Он объяснял это их более высоким интеллектуальным уровнем и наличием «специальности», что позволяет им приобрести приемлемую профессию и впоследствии преуспеть в ней.

В отличие от Фрейда, Адлер не практиковал широкие экскурсы в область литературы, искусства, этнологии и истории культуры. В одной из статей, написанных для венской социал-демократической газеты, показана возможность использования индивидуальной психологии при интерпретации исторических событий (конкретным примером послужила французская революция 1789 года).

Быстрое экономическое развитие Франции, с сопутствующей урбанизацией, ростом численности пролетариата в промышленности, эксплуатацией крестьян, ввергло страну в хаос. Устранение наиболее способных людей от участия в общественной жизни раздражало их. Вольтер и Руссо выразили настроения масс и способствовали созданию «революционной ситуации». Критический момент наступил, когда первые попытки предпринять крайне необходимые реформы были подавлены правительством. Это привело в движение революционную волну и расчистило дорогу для великих вождей революции. Марат, преследуемый полицией голодный бедняк, призывал к восстанию бедных против богатых. Обладая слабым здоровьем, он предложил себя в качестве жертвы. Не будучи красноречивым оратором, он сочинял пламенные прокламации и газетные статьи. Помимо того, он принимал посетителей, соглашавшихся внимать его идеям. Он был бескорыстен и отличался искренностью, но не замечал, что его приверженцами были, в основном, преступники. Дантон, необычайно честолюбивый человек, очень рано проявил особенности своего стиля жизни: еще будучи школьником, он убежал из дому, чтобы стать свидетелем коронации. Во время революции Дантон ухитрялся предвидеть течение событий и оказываться на месте важных происшествий. Он был мужественным и решительным человеком и блестящим оратором. Его тактика заключалась в налаживании хороших отношений с богатыми и могущественными людьми, создавая при этом видимость служения людям. И он умел использовать их в собственных эгоистических интересах.

Робеспьер был «образцовым учеником», всегда первым в своем классе. Его отличали самомнение и высокомерие. Голодным людям он проповедовал абстрактные идеи «добродетели» и культ Высшего Существа (под которым он подразумевал себя самого). Он предпочитал находиться в тени, медленно и методично готовя нападение на своих противников, манипулируя ими таким образом, чтобы они уничтожали друг друга. Однако он не обладал достаточной гибкостью, и когда пришел черед его последнего врага, он внезапно рухнул сам[122].

Стоит задуматься, в какой мере приведенные характеристики основаны на индивидуальной психологии, а в какой степени они базируются на личном знакомстве с русскими революционерами.

Работа Адлера: V — Психотерапия и воспитание

Нет точных сведений о том, когда Адлер начал заниматься психотерапией. Возможно, он что-то узнал о ней от Морица Бенедикта из «Поликлиники». В последнее десятилетие XIX века появилась модная

профессия врача по нервным болезням (Nervenarzt). В задачу таких врачей входило лечение многочисленных пациентов, заболевания которых не относились ни к органической неврологии, ни к госпитальной психиатрии. Поскольку в организованном порядке этому не обучали, практики вынуждены были эмпирическим путем создавать свои собственные методы, сведения о которых не имели шансов на распространение. Работая в эти годы практикующим врачом, Адлер приобрел в качестве пациентов постоянно растущий контингент нервных больных. Открытым остается вопрос, лечил ли он их собственными методами или же пользовался методами, которые перенял от Бенедикта, а позднее от Фрейда и психоаналитической группы. Труды Адлера с очевидностью свидетельствуют о том, что в период сотрудничества с Фрейдом он активно участвовал в лечении неврозов. Работа «Нервный характер» ясно показывает, что ее автор обладает несколькими годами опыта психотерапии и полностью владеет ее методами.

К сожалению, в отличие от Фрейда, Адлер нигде детально не описывает применявшиеся им психотерапевтические приемы. Ссылки на них приводятся в различных работах, написанных им и его учениками[123].

Важное отличие Адлера от Фрейда состояло в том, что Фрейд разработал психотерапевтический метод только для взрослых индивидов; его дочь Анна первой применила его в анализе детей; Пфистер и Айхгорн — в обучении, а другие ученые — в групповой терапии. Адлер же сам разработал различные терапевтические методы, предназначенные для взрослых, для детей и для терапевтического обучения.

Между методами Фрейда и Адлера существуют заметные различия. У Адлера речь не идет о том, чтобы врач смотрел на пациента, сидя за изголовьем, а пациент лежал на кушетке и не видел врача, что практиковал Фрейд. Врач — последователь Адлера — сидит перед пациентом лицом к лицу; Адлер даже настаивал на том, чтобы их стулья не отличались по размеру, высоте и форме. Сеансы происходят реже, а лечение короче, чем у Фрейда. Обычно вначале часовые беседы происходят три раза в неделю, затем два раза, а со временем — один раз в неделю. Жесткие правила, характерные для фрейдовского психоанализа, не всегда соблюдаются последователями Адлера. Терапевт без колебаний может вести беседу с членами семьи или друзьями пациента в его присутствии (при условии согласия последнего), если посчитает это необходимым. Индивидуальные психологи не делают различий между бесплатным и оплачиваемым лечением; они также не считают, что следует оплачивать пропущенный сеанс лечения вне зависимости от причины пропуска.

Индивидуальная психотерапия делится на три этапа, имеющих различную продолжительность. Основная задача психотерапевта на первом этапе состоит в том, чтобы понять пациента и его проблемы.

В зависимости от опыта и проницательности терапевта на это может потребоваться от одного дня до двух и более недель. Адлер был известен быстрой постановкой диагноза. Пациент рассказывает о своей жизни, говорит о своих трудностях, а терапевт задает вопросы о первых воспоминаниях, запомнившихся ситуациях раннего детства, сновидениях и других особенностях характера, позволяющих ему установить цель и стиль жизни пациента. Любимый вопрос Адлера звучал так: «Допустим, что вы бы не болели этой болезнью, что бы вы делали?» Ответ пациента показывал, чего он на самом деле хотел бы избежать.

На втором этапе терапевт должен постепенно довести пациента до осознания его ложной жизненной цели и стиля жизни. Разумеется, это не говорится прямо. Понимание достигается постепенно, в процессе обсуждении жизненных неудач пациента или его нервного поведения. Пациенту демонстрируют также, насколько его цель и стиль жизни противоречат реальной жизни и законным интересам общества.

Когда пациент приходит к приятию собственного объективного образа, наступает третий этап, когда он должен решить, хочет ли он изменить цель и стиль жизни. В этом случае пациенту следует помочь в его усилиях, направленных на приспособление к новой реальности, для чего может потребоваться срок порядка еще нескольких месяцев. Однако индивидуальная психологическая терапия редко длится более года; в то время как Фрейд считал критерием успешной терапии появление способности работать и радоваться жизни, Адлер принимал в качестве критерия способность решать три основные жизненные задачи: работать, любить и иметь семью и испытывать чувство общности. Явления сопротивления и переноса, играющие важную роль в психоанализе Фрейда, сторонники Адлера считают артефактами. Приравнивая сопротивление к одной из форм мужского протеста, Адлер считал, что необходимо немедленно указать пациенту на его нежелательность, а перенос Адлер рассматривал как невротическое желание, от которого необходимо избавиться.

В отличие от Фрейда, Адлер никогда не публиковал полные истории болезни, сравнимые с рассказами о Человеке-Волке или о Маленьком Гансе. Однако мы располагаем двумя довольно длинными фрагментами историй заболеваний. Они известны под названиями случай мисс Р.[124] и случай миссис А.[125], хотя это не истории болезни в полном смысле слова. Первый случай — это краткая истории жизни, написанная самой пациенткой, а второй — краткий отчет, в котором врач пишет о пациентке. Оба фрагмента были прочитаны Адлеру (который не был знаком с пациентками), и он комментировал каждое предложение. Идея состояла в том, чтобы показать, каким образом можно, интерпретируя каждый

клинический документ, реконструировать жизненную цель пациента и его стиль жизни.

Методы, применявшиеся Адлером в детской психотерапии, во многом отличались от методов, использовавшихся им в работе со взрослыми. Они зависели от ребенка, его возраста и его проблем. Адлер никогда не приступал к лечению ребенка, не поговорив с его родителями; по меньшей мере, часть лечебных сеансов проводилась в присутствии одного из родителей или какого-то иного авторитетного лица.

Психотерапевтический метод Адлера по лечению индивидуальных пациентов охватывает только один из аспектов этой деятельности. Другой аспект представлен через терапевтическое обучение, организованное им в Вене[126].

В 1920 году Адлер почувствовал, что основные усилия в деле терапевтического обучения следует направить на подготовку учителей, а не на пропаганду его в семьях, поэтому он организовал консультации для учителей. С регулярными интервалами они встречались с Адлером или его помощниками, чтобы обсудить проблемы трудных детей в классах. Учителей учили понимать эти проблемы в свете индивидуальной психологии. Вскоре стала очевидной необходимость консультаций с участием родителей; такие консультации проводились бесплатно в одном из классных помещений дважды в неделю. Перед консультацией учитель готовил на ребенка характеристику; затем Адлер или его заместитель беседовали с матерью, потом с ребенком и, наконец, с учителем. Всегда присутствовало еще несколько учителей, а Адлер обязательно брал с собой, по крайней мере, одного ассистента, который вел запись беседы. Адлер подчеркивал важность присутствия нескольких учителей и воспитателей, причем не только для того, чтобы другие учителя и психологи могли изучить его методы, но и для того, чтобы ребенок почувствовал заботу о себе целой группы людей, искренне заинтересованных в его благополучии. Это был один из ранних примеров того, что позднее получило название множественной терапии. Адлер не пользовался психологическими тестами. Один из его принципов состоял в лечении ребенка в домашних условиях и в обучении его приспосабливаться к окружающим его трудностям. Только в экстремальных случаях детей отправляли в лечебные учреждения. Некоторых детей направляли в особые детские группы временного пребывания, где они выполняли домашние задания и играли после школьных занятий.

Адлер никогда не навязывал своих услуг, только получив приглашение, он начинал работать в новой школе. К 1929 году, по словам Мадлен Ганц, он уже проводил работу в двадцати шести школах. Вена стала первым городом в мире, где все дети могли в случае необходимости получать бесплатную воспитательную терапию.

Как подсказывал Адлеру опыт, чем раньше начиналась воспитательная терапия, тем выше была ее эффективность. Это привело его к созданию при детских садах классов, где занятия велись в соответствии с принципами индивидуальной психологии. Цель занятий состояла в том, чтобы сделать детей независимыми и научить их приспосабливаться к окружающим условиям. Мадлен Ганц, посетившая один из них в 1932 году, заметила, что дети казались там менее дисциплинированными, чем в детском саду Монтессори. Им разрешалось заниматься своими делами небольшими группами или в одиночку. Ребенок должен был выполнять только одно требование — выбранное дело надо было доводить до конца. Чувство общности поощрялось не только занятиями ритмической гимнастикой, но и часом совместной беседы, проводимой под руководством учителя. В десять часов дети усаживались за общий стол и принимались за совместный завтрак, угощая друг друга принесенной едой.

Еще одним достижением было открытие экспериментальной школы после десяти лет подготовительной работы и переговоров со школьной администрацией. Школой руководили три самых опытных соратника Адлера: Оскар Шпиль, Бирнбаум и Шармер. Перед ними стояла нелегкая задача, ибо совет школы постановил, что программа и правила в ней не должны отличаться от программ и правил, принятых в других средних школах Вены. Школа располагалась в одном из беднейших районов Вены, в классах было тридцать-сорок детей. К этому времени грянула Великая депрессия, многие родители оказались безработными, поэтому многие дети часто не получали достаточного питания. Мадлен Ганц говорит о своем восхищении самоотверженностью этих воспитателей и их удивительных успехах, несмотря на многочисленные препятствия. Классы были поделены на рабочие группы по пять-семь учеников в каждой; существовал и президент, который общался с первыми и вторыми учениками групп. Дух общности поддерживался с помощью «разговорного часа», в котором весь класс участвовал один раз в неделю, проводились и другие общие мероприятия. Систематически поощрялась взаимопомощь. Например, ребенка, успевающего по математике, усаживали рядом с тем, кто в ней не разбирался, чтобы он мог получить помощь от первого. Учителя беседовали индивидуально с теми учениками, которым требовалась такая помощь, а для учителей и родителей проводились ежемесячные встречи (что по тем временам было довольно необычным делом).

Эти организации были отменены, когда в 1934 году социал-демократическая партия сдала «Красную Вену», свой последний оплот. Но идеи Адлера не погибли. Его предложения сохранились в делах его учеников. Д-р Джошуа Бирер, эмигрировавший в Англию, которого лично обучил

и подготовил Адлер, заявил, что психиатрия, желающая быть социальной, должна включать идею общности. Эта идея легла в основу учрежденных Бирером[127] организаций, среди которых можно назвать первый самоуправляемый Социальный терапевтический клуб для пациентов с хроническими и острыми формами заболеваний в больнице Ранвелл (1938–1939), первый клуб для выписанных из больниц и амбулаторных больных в Ист-Хэм и Саутэнде в 1939 году, а также Социальный психотерапевтический центр (называемый в наши дни дневным стационаром) в 1946 году[128]. Групповая терапия и общинная психиатрия, несомненно, порождены мыслью и деятельностью Альфреда Адлера.

Работа Адлера: VI — Позднейшие разработки

В книге «Понимание природы человека», вышедшей в 1927 году, Адлер дал наиболее систематическое изложение своей доктрины. В дальнейшем, особенно после 1933 года, он ее несколько модифицировал. Некоторые изменения коснулись психологических концепций, другие относятся к его философским воззрениям. Эти новые моменты изложены в книге «Смысл жизни»[129] и в ряде опубликованных в дальнейшем статей[130].

В своих позднейших работах Адлер придавал большее значение творческой силе и степени активности индивида. Он рассматривал теперь творческую силу в качестве существенного фактора при выработке жизненного плана и стиля жизни. Жизненный стиль поэтому не может более считаться простым отражением ситуаций, имевших место в раннем детстве. Та же сила обнаруживается при формировании неврозов у невротиков. Еще одним важным новшеством, введенным Адлером в свое учение в процессе его создания, явилась концепция «степени активности» применительно к проблемным детям: различная степень активности определяет различия в психопатологическом развитии взрослого, и, следовательно, требуется различное воспитание. Еще одним новшеством явилось большее внимание, которое Адлер стал уделять стремлению к превосходству; он считает его теперь важным и нормальным. Он уже не рассматривает его как явление, антагонистическое по отношению к чувству общности. Чувство общности представляет собой некий нормативный идеал, указывающий направление стремлению к превосходству. Адлер более не считает первичным чувство неполноценности (а стремление к превосходству — его компенсацией). Напротив, теперь он воспринимает чувство неполноценности как вторичное по отношению к стремлению к превосходству. Понятием, противоположным чувству общности, он считает теперь «отдельный интеллект».

При описании неврозов и преступности Адлер использует теперь новые термины. Невротик и преступник, который руководствуется личными интересами, а не логикой общих интересов, расходует свои силы на бесполезную деятельность. У всех, кто отходит от общественных идеалов, неизбежно ограничение сферы общения. Так, например, гомосексуалисты не общаются с людьми противоположного пола, то есть с половиной человечества. У преступника такое ограничение еще более ярко выражено. Отличие невротика от преступника состоит в том, что первый не утратил чувства общности, его ответ на требования общества звучит «да, но», тогда как ответом преступника будет «нет». В другой написанной в эти годы статье Адлер рассматривает проблему смерти: душевно здоровый человек не позволит, чтобы мысли о смерти отвлекали его от решения жизненных проблем: в то же время невротик, в зависимости от своего стиля жизни, будет либо мысленно перебирать различные суицидные варианты, либо испытывать страх смерти[131].

Представляется, что Адлер не мог остановиться на какой-либо единственной типологии и колебался между несколькими, которые, однако, не являются взаимоисключающими. Вначале он разделил человечество на четыре группы: на людей, которые следовали логике чувства общности, на отчетливо агрессивных, на неявно агрессивных и на тех, кто уходил в наркоманию или психоз. Позднее он подчеркивал важность моторного и сенсорного типов: моторного, с его потребностью в деятельности, и сенсорного, с преобладанием зрительных и слуховых ощущений. Адлер высказывал даже предположение о возможности существования «вкусового» типа, к которому он относил некоторых алкоголиков. В книге «Смысл жизни» Адлер делит людей на три типа: на тех, в ком доминирует интеллект (к ним относятся одержимые навязчивыми состояниями невротики); на тех, в ком доминируют аффекты (к ним относится большинство невротиков и алкоголики); и на людей, одолеваемых стремлением к действию (к ним относятся преступники и люди, совершающие самоубийство). Однако Адлер не придавал решающего значения этим классификациям; в своих более поздних работах он подчеркивает уникальность индивида, что до него делали романтики, а после него — экзистенциалисты.

Методы лечения Адлера не претерпели существенных изменений. Что касается диагностики, то Адлер полагал, что любой человек может научиться ставить правильный диагноз; по его мнению, для тренировки следовало быстро ставить диагноз, а затем проверять его правильность. В процессе раскрытия невротических уловок пациента следует устраивать ему «ловушки» (кстати, это старый диалектический метод, к которому прибегал Сократ в своих дискуссиях с софистами)[132].

С течением времени система Адлера приобретала все более философский оттенок. Чувство неполноценности, не будучи невротическим симптомом, превратилось у него теперь в наиболее существенную характеристику человека. В «Смысле жизни» Адлера прозвучала его известная фраза: «Быть человеком означает страдать от чувства неполноценности, которое постоянно побуждает человека одолеть это чувство»[133]. Адлер отмечал также присущую человеку тенденцию переходить от чувства униженности к чувству превосходства, присущее ему стремление бросить вызов и одержать победу над самой смертью. Тот же самый процесс привел живую природу от первой клетки к человеку и к современному миру. В этих суждениях заметно сходство с концепциями Лейбница и Бергсона.

Ранее враждебная или, по меньшей мере, индифферентная установка Адлера по отношению к религии также заметно изменилась. Это проявилось в его встрече и дискуссии с пастором Яном в 1932 году. Д-р Эрнст Ян, лютеранский пастор из Штиглица под Берлином, крайне заинтересовался новыми психотерапевтическими направлениями и тем вкладом, который они могут внести в традиционную религиозную «заботу о душе»[134]. Он написал книгу по психоанализу[135]; состоял в переписке с Юнгом, Пфистером и Кюнкелем; написал критические заметки об индивидуальной психологии[136]. Когда Адлер переехал в 1932 году в Берлин, они познакомились лично и решили совместно написать книгу, в которой забота о душе рассматривалось бы в свете индивидуальной психологии. Книга вышла в 1933 году, но почти немедленно была уничтожена нацистами[137].

По Адлеру, человек привязан к земле; религия является проявлением чувства общности между людьми; исцеление души является своеобразной формой психотерапии, Бог есть материализация идеи совершенства, высочайшая из всех мыслимых идей; по своей природе человек ни хорош, ни дурен, все зависит от развития его чувства общности; зло — это ошибка в стиле жизни; добродетель состоит в осознании и исправлении ошибочного стиля жизни «в пределах имманентности» (то есть только с помощью человека). По Яну, человек связан не только с землей, но и с Богом; Бог есть надкосмическая, живая реальность; зло — это не только ошибка, но и грех, заслуживающий божьего гнева; но грех прощается благодаря милосердию, свойственному Богу; поэтому забота о душе, которая примиряет человека с Богом, никогда не может быть приравнена к психотерапии. Однако Ян признает заслуги психотерапии, особенно индивидуальной психологии. Он отмечает, что Адлер вспомнил одно из важнейших утверждений Лютера о том, чт эгоцентрическая любовь есть основная установка человека (хотя Адлер считает эту любовь ошибкой стиля жизни, а религия считает ее грехом против Бога).

На всем протяжении дискуссии Адлер и достопочтенный Ян проявляли друг к другу высочайшее уважение. Отвечая на вопрос автора данной биографии, Ян сказал, что встретил в Адлере непредубежденного человека, эмпирика и опытного психолога, большого идеалиста, убежденного в справедливости своих наблюдений. Возможно, он был позитивистом, но честно стремился к дискуссии с христианством. В заключение Ян замечает: «Сегодня я убежден в том, что Адлер не был атеистом».

Источники Адлера

Основным источником информации любого творческого человека является его собственная личность. Что касается деления на визуальный, слуховой и моторный типы, то Адлер принадлежал ко всем трем: он испытывал потребность в движении и деятельности, он был хорошим музыкантом и любил музыку, а острая наблюдательность позволяла ему быстро ставить диагноз. Его теория предрасположенности органов к заболеваниям была основана не только на клинических исследованиях; он сам находился в таком состоянии в раннем детстве, когда болезнь препятствовала удовлетворению его потребности в движении. Из своего личного опыта он был знаком с положением второго ребенка в семье, мальчика, имевшего как старшего, так и младшего брата — одной из ситуаций, которую он впоследствии опишет в своих работах; психологические портреты старшего и младшего ребенка были явно списаны с членов его собственной семьи. Если можно верить Филлис Боттоми, то трудности Адлера с женой явились одним из источников его теории мужского протеста. Его личная реакция на Первую мировую войну и опыт работы военным врачом могли способствовать формированию его концепции чувства общности.

Часто при рассмотрении источников теории невроза не учитывается тип пациентов, с которыми вынужден иметь дело психотерапевт. Отличие психоанализа Фрейда от индивидуальной психологии Адлера Исидор Вассерман объясняет тем, что, по его подсчетам, большинство пациентов Фрейда (74%) принадлежало к состоятельному высшему классу, тогда как основная масса пациентов Адлера относилась к среднему и низшему классу (74%)[138]. На это Ансбахер отвечал, что как психологические теории, так и предпочтения пациентов определялись личностью Фрейда и Адлера[139]. Согласно Вассерману, среди пациентов Адлера 26% относились к высшему классу, 28% — к среднему классу и 36% — к низшему классу. Еще одно отличие состояло в том, что Фрейд перешел от неврологии к неврозам, а Адлер пришел к неврозам из общей медицины; этим обусловлено то, что Фрейд создал концепту-

альную модель, базирующуюся на физиологии мозга, а Адлера интересовали взаимоотношения между душой и телом. Более того, Фрейд провел первые исследования неврозов на истеричных пациентах, но к 1900 году истерия стала выходить из моды, и в большинстве случаев Адлер проводил свои наблюдения на невротиках, страдающих навязчивыми состояниями.

Принято считать, что до встречи с Фрейдом Адлер ничего не знал о неврозах и о психотерапии. Действительная ситуация была более сложной. В своей автобиографии Хельпах пишет, как в 1899 году стало модным быть «врачом по нервам», подобно тому, как поколением раньше модно было быть офтальмологом[140]. Важной задачей представлялось найти то место, где можно было обучиться новой медицинской профессии. Возможно, что самые первые сведения Адлер получил из лекций Крафт-Эбинга. Однако наиболее вероятно, что первым учителем Адлера в деле изучения неврозов был Мориц Бенедикт в венской Поликлинике. В адлеровском методе и его теории наплавляющего вымысла нашли отражение отрицательное отношение Бенедикта к гипнозу, его открытая психотерапия на сознательном уровне и его понятие о наличии второй жизни индивида в тайных фантазиях. Понимание роли окружающей среды и особенно воспитания в психогенезисе неврозов также относится к периоду жизни Адлера, предшествовавшему знакомству с психоанализом.

Нелегко оценить вклад Фрейда в индивидуальную психологию Адлера. Хотя Адлер всегда утверждал, что никогда не принимал концепцию либидо и эдипова комплекса, он все же признавал, что перенял от Фрейда ряд основных положений: представление о длительном влиянии первых межличностных отношений ребенка, значимость симптомов и парапраксий, а также возможность толкования сновидений. Порой ложно утверждается, что Адлер отвергал концепцию бессознательного. Напротив, Адлер считал, что ситуации и события раннего детства бессознательно определяют стиль жизни взрослого; он говорил о бессознательных вымыслах и жизненных целях. Неверным является также утверждение о чисто телеологичной ориентации Адлера и чисто каузальной ориентации Фрейда; Адлер утверждал, что ситуации раннего детства являются действительными (не вымышленными) причинами невроза, а Фрейд утверждал, что у невротических симптомов существует цель.

Несомненно, что Фрейд вызывал у Адлера негативную реакцию. Представляется, что во время вечерних дискуссий по средам Адлер использовал Фрейда как антагониста, помогавшего ему найти собственный путь, вдохновлявшего его на противоположные идеи. Приведем некоторые из этих противоречивых суждений:

Фрейд	Адлер
Философский пессимизм	Философский оптимизм
Индивид расщеплен внутри себя	Индивид внутренне неделим
Преимущественно каузальная ориентация	Преимущественно телеологическая ориентация
Суперэго подавляет эго, которому угрожает цивилизация	Существует тенденция агрессивных действий индивида по отношению к сообществу
Защиты эго. Отреагирование может происходить при недостаточно сильных защитных установках	Стили агрессии индивида против других людей. «Баррикады», когда активная агрессия терпит неудачу
У младенца чувство всемогущества (воображаемое исполнение желаний)	У ребенка чувство неполноценности (отношение карлика к великану)
Значимость либидо, его фиксации и регрессии	Многое в сексуальном поведении человека имеет символический смысл в связи со стремлением к превосходству
Внимание к объект-отношениям в форме катексиса либидо и агрессивного чувства	Концепция «антагониста» (Gegenspieler)
Внимание к отношению с отцом и матерью и эдипов комплекс	Внимание к отношению с братьями и сестрами и положению среди них
Чувство неполноценности женщины в связи с отсутствием пениса («зависть к пенису»)	Чувство неполноценности мужчины в связи с ограниченностью его потенции по сравнению с потенцией женщины
Невроз — неизбежное следствие цивилизации, он почти неотъемлем от условий жизни человека	Невроз — это уловка индивида, осуществляемая с целью избежать исполнения своих обязанностей по отношению к сообществу
После Первой мировой войны Фрейд разработал концепцию инстинкта смерти	После Первой мировой войны Адлер разработал концепцию общественных интересов
В процессе психоаналитической терапии пациент лежит на кушетке	В процессе психотерапии, по Адлеру, пациент сидит перед терапевтом

В любой группе, когда при обучении учитель использует метод свободной дискуссии, невозможно установить, какое влияние учитель оказывает на учеников, ученики на учителя и ученики друг на друга. Это справедливо и для Адлера, и для группы его учеников. Так, например, отличие действительного и невротического чувства неполноценности (иными словами, чувства неполноценности и комплекса неполноценности) было, по-видимому, определено Александром Нойером. Возражения, выдвинутые против его теории, могут быть отвергнуты автором, однако они остаются в его сознании; возможно, в форме криптомнезии. Так произошло, когда Фрейд, отвергнув в 1908 году предложенное Адлером понятие автономного агрессивного побуждения, принял ее позднее, в 1920 году. Аналогично, в 1928 году Ганс Кунц

безжалостно раскритиковал индивидуальную психологию, утверждая, что стремление к превосходству не дает компенсации чувству неполноценности, а является автономным побуждением; в дальнейшем эта идея была введена Адлером в индивидуальную психологию в процессе пересмотра некоторых ее положений[141].

Важный вклад в индивидуальную психологию (как и в психоанализ) внесли различные философы. Как сообщает Филлис Боттоми, Адлер изучал Аристотеля и очень им восхищался[142]. Однако влияние Аристотеля в работах Адлера не слишком заметно, если не считать определение человека, данное Аристотелем: «политическое животное». Индивидуальная психология ближе к философии стоицизма, провозгласившей единство вселенной и человека, единство человечества, полагавшей, что мудрость заключается в соблюдении универсальных законов, а добродетель состоит в том, чтобы постоянно трудиться, стремясь к достижению поставленной цели (эта цель весьма похожа на то, что Адлер называл мужеством (courage)).

Мышление Адлера определяется главным образом философией Просвещения (хотя и не столь исключительно, как у Жане). В то время как философские взгляды Фрейда аналогичны взглядам Шопенгауэра, Адлер следует по стопам Лейбница и Канта. Подобно Лейбницу, Адлер учит, что человек есть неделимое существо, монада, отражающая вселенную. Каждая часть скоординирована с целым, и человек, подобно другим монадам, постоянно стремится к достижению все большего совершенства.

У Адлера много общего с Кантом. То, что Адлер называет абсолютной истиной, то есть правило, согласно которому человек должен полностью подчинить свою жизнь и деятельность требованиям сообщества, не очень сильно отличается от категорического императива Канта. В ироническом памфлете, посвященном Сведенборгу, Кант говорит, что великий шведский мистик построил для себя своего рода личный метафизический мир, отличный от мира, в котором живут другие люди[143]. В своей «Антропологии» Кант пишет, что «Единственной общей чертой, свойственной всем психическим нарушениям, является потеря общего смысла и компенсаторное развитие уникального личного смысла в рассуждениях»[144]. То, что Кант называет личным смыслом, сходно с тем, что Адлер назвал интеллектом[145].

Индивидуальная психология Адлера является такой психологией, моделью которой служит прагматическая антропология Канта. В свое время Кант разъяснил, что исследовать физиологическую основу памяти означает рассуждать о теоретической основе психологии, тогда как исследовать факторы, ухудшающие или улучшающие память с целью ее развития и совершенствования, означает пользоваться прагматической

антропологией. Кант придерживался мнения, что человек способен силой воли побеждать многочисленные эмоциональные и физические болезни; эту способность Адлер назвал мужеством[146].

По своему мировоззрению Адлер может быть с определенностью отнесен к философам эпохи Просвещения; он утверждал, что человек — рациональное и социальное существо, наделенное свободой воли и способностью принимать осознанные решения. Однако некоторые из его основных концепций соответствуют философии романтиков, признававших абсолютную уникальность индивида и его видения мира (перспектива у Адлера), рассматривавших сообщество как органичное и созидательное целое (эта концепция далека от концепции «общественного договора» философов Просвещения). Можно отметить еще один «романтический элемент» в индивидуальной психологии, идущий от Бахофена[147], который считал, что человечество пережило некогда период матриархата, и что современное господствующее положение мужчин достигнуто ими после долгой борьбы. Бебель соединил эту теорию с марксизмом[148]. Женщина была закабалена мужчиной, как пролетариат был закабален буржуазией; социализм же дает мужчинам и женщинам равные права. Теория Бебеля явилась источником мужского протеста у Адлера (компенсаторного процесса у женщины, направленного на преодоление своего чувства неполноценности) и понятия «страха перед женщиной» у мужчин-невротиков. Адлер предположил, что мужчины заменили матриархат собственным господством для компенсации чувства неполноценности перед женщиной. Подобная замена была обусловлена сознанием своей ограниченной потенции в сравнении с потенцией женщины[149].

Адлер жил и работал в интеллектуальной атмосфере, пронизанной мировоззрением Дарвина и, в частности, социальным дарвинизмом[150], в котором подчеркивалось значение борьбы за существование (часто понимаемой как борьба каждого против каждого), выживания самого приспособленного и гибель не сумевших приспособиться. Адлер относился к тем, кто занимал позицию, противоположную дарвиновской. Во-первых, он рассматривал органические недостатки не как причину поражения и гибели, а как стимул для достижения превосходства через компенсацию. Во-вторых, он видит один из основных инстинктов человека не в борьбе, а в чувстве общности.

Страстный интерес Адлера к социальным проблемам и социализму в молодости не мог не привести его к знакомству с учением Карла Маркса. Неизвестно, читал ли Адлер работы Маркса, но он не мог не усвоить значительную часть марксистской доктрины. Хотя Адлер не соглашался с тем, чтобы его движение идентифицировали с социализмом или коммунизмом, влияние марксизма сказывается в ряде основ-

ных концепций индивидуальной психологии. Вспомним, во-первых, что в первой работе Адлера описывался труд портных; в написанной им брошюре было показано, что причиной ряда болезней были не микробы или яды, а общество. Адлер постоянно подчеркивал роль социальных факторов и условий окружающей среды в этиологии невроза. Во-вторых, предложенная Марксом концепция «мистификаций» сходна с понятием бессознательных обманов и самообманов, разработанным Адлером[151]. А способы разоблачения мистификаций в марксизме и индивидуальной психологии также имеют большое сходство. Примером такого сходства служит одно из правил марксистского анализа: «За тем, что люди говорят, за тем, что они думают о себе, скрывается то, что они собой представляют; понять это можно по их поступкам»[152].

Как и все люди его поколения, Адлер ощущал мощное влияние Ницше[153]. Однако природу этого влияния часто истолковывали неправильно. Адлер не просто «заменил в своей системе либидо Фрейда на стремление к власти Ницше». В системе Адлера стремление к власти — это всего лишь одна из форм стремления к превосходству, а в дальнейшем, при переработке теории индивидуальной психологии, Адлер полагал, что стремление к превосходству обусловлено творческой силой индивида. Многочисленные похожие элементы у Адлера и Ницше были отмечены Крукшенком; возможно, что существуют еще и другие[154]. Однако концепция чувства общности абсолютно чужда Ницше.

Философом, часто вспоминаемым Адлером, является неокантианец Ганс Вайхингер с его «Философией “как будто”»[155]. Долгое время использовались юридические вымыслы. Как показал Бентам, вымыслы существуют и в других областях[156]. Ницше подчеркивал роль психологических и моральных вымыслов и их значение для человека. Вошли в моду разговоры об обычной лжи цивилизации. Оригинальность Вайхингера состояла в определении роли вымысла в науке и отличия вымысла от гипотезы.

> И то, и другое необходимо для прогресса науки, но их не следует смешивать, ибо у них совершенно различная природа. Посредством гипотезы ученый пытается достичь реальности; он выдвигает гипотезу как логичную возможность, а затем приступает к ее проверке. Если будет доказана ее справедливость, то она станет научной истиной. Если она будет опровергнута, то будет отброшена. Вымыслу не требуется быть истинным или хотя бы казаться вероятным, он не проверяется опытом, а остается речевым оборотом и сохраняется, покуда способен приносить пользу; когда он перестает работать или его можно заменить на лучший, от него тут же отказываются. Не всегда легко установить, является ли предположение гипотезой или вымыслом, к тому же предположение может поочередно оказаться и тем,

и другим. Например, во времена Демокрита идея об атоме была вымыслом, ибо не существовало способа, позволяющего проверить ее истинность; но она превратилась в гипотезу в эпоху современной физики. Когда астрономы Древней Греции предложили модель вселенной с неподвижной Землей в центре, окруженной рядом прозрачных концентрических сфер, с прикрепленными к каждой из них солнцем, луной, планетами и звездами, она была вымыслом, который позволял им решать поставленную задачу, а именно, предсказывать движение небесных тел. Но в Средние века фиктивный характер модели был забыт, и она превратилась в догму.

Современными психологами бессознательное рассматривалось либо как гипотеза, либо как вымысел. Фрейд относился к нему как к гипотезе, нашедшей подтверждение в результатах его исследований; в то же время Жане называл его «facon de parler» (речевым оборотом), подразумевая, очевидно, что данное понятие является научным вымыслом.

Адлер пользовался понятием «вымысел» двояким образом. Во-первых, он использовал его как общую методологическую концепцию. В отличие от психоанализа, индивидуальная психология не претендует на то, чтобы быть системой гипотез, она хочет быть системой вымыслов. Все происходит так, как если бы действия людей определялись нормативным идеалом адаптации человека к сообществу и космосу, и как если бы разновидности аномального поведения были отклонениями от нормы. Во-вторых, термин «вымысел» используется для того, чтобы сделать понятным поведение невротика. Подразумевается ситуация, в которой невротик как бы стремится к достижению вымышленной цели и живет соответственно своему стремлению.

Когда психиатр использует философскую концепцию, философ может встать и показать ему, что он неверно понял ее истинный смысл. Так, Ванделер утверждает, что вымышленная цель невротика по Адлеру не является вымыслом в значении, принятом Вайхингером, то есть прагматичным инструментом для исследования реальности, который отбрасывают, как только он перестает давать результаты[157]. Неудача не мешает невротику совершать ошибки, напротив, запутывает его еще больше. В действительности это обман или иллюзия. Согласно Ванделеру, многие положения, которые Адлер называет вымыслами, являются либо такого рода иллюзиями, либо, напротив, гипотезами, либо даже точными фактами (каким, например, служит жизненный план).

Позже, чем Вайхингер, возможно, в 1926 году, Адлер познакомился с холистической философией Яна Кристиана Смутса. В ней он нашел подтверждение своим идеям и философскую основу индивидуальной психологии. Смутс родился в 1870 году в Южной Африке, на удаленной от населенных мест ферме[158]. Он обрел мировую славу как военный ру-

ководитель и политик, но интересовался также естественными науками и философией. В 1924 году, после поражения своей партии на выборах, он вернулся на ферму и написал книгу «Холизм и революция».

> Смутс называет «Холос» универсальным принципом создания целостей, являющихся активными элементами, пронизывающими материю, жизнь и разум и находящимися в них. Смутс рассматривает эволюцию как последовательное развитие целостей, начиная от электронов и атомов, и кончая коллоидами, растениями и животными, разумом и личностями. Целое больше, чем его части, оно влияет на них; части, в свою очередь, влияют на целое, они влияют друг на друга, а целое влияет на окружающую среду. Смутс видит во вселенной «импульс, направленный на целостность, проявляющийся в каждом индивиде через возможность развития, роста и эволюцию изнутри; и действующий в собственной среде от себя». Низшие целости порождают более высокие целости и воплощаются в них.
>
> Каждая целость — это лаборатория, в которой время превращается в вечность. Смутс находит современную психологию неудовлетворительной. По его словам, есть место для новой науки о личности, которая «как синтетическая наука о природе человека увенчает все науки и, в свою очередь, станет базой для новой Этики и новой Метафизики». В качестве метода, позволяющего подойти к такой новой науке, он предлагает сравнительное изучение тщательно задокументированных биографий, которые позволят человеку сформулировать законы эволюции личности[159].

По сообщениям биографов Смутса и Адлера, они состояли в переписке (но из нее ничего еще не было опубликовано). Возможно, Адлер идентифицировал свою индивидуальную психологию с прогнозированной Смутсом будущей наукой о личности. Влияние холизма Смутса заметно в книге Адлера «Понимание природы человека» и в более поздних его работах.

Дадим теперь краткий обзор источников нескольких предложенных концепций: чувства неполноценности, стремления к превосходству, неэротических вымыслов, диагноза характера, закона социального интереса и чувства общности.

В отношении чувства неполноценности Оливер-Брахфельд составил длинный список авторов, предвосхитивших эту концепцию[160]. Адлер писал: «То, что я называю чувством неполноценосци, есть продолжение того, что Жане называет чувством неполноты»[161]. Здесь особо следует упомянуть двух авторов: Стендаля во Франции и Ральфа Уолдо Эмерсона в Соединенных Штатах. Судьба Стендаля служит отличным примером жизни, направляемой комплексом неполноценности[162]. Стендаль жестоко страдал от своего природного безобразия, непривлекательности,

неуклюжести, эти недостатки он старался компенсировать дерзостью, изысканными манерами, общением с законодателями моды. В своем дневнике он тщательно фиксировал встречи в обществе, отмечая, кто из собеседников в той или иной ситуации оказывался победителем. В своих романах он любил описывать людей, которые с избытком компенсировали глубоко затаившееся в них чувство неполноценности. Таких, как Жюльен Сорель, герой романа «Красное и черное»[163]. Психологические теории Стендаля часто предвосхищали теории Адлера. Стендаль считает чувство восхищения унизительным для того, кто его испытывает. В любовной связи нестерпимо оказаться покинутым, особенно если это станет известно, ибо в этом случае покинутый кажется униженным. Главная забота людей при встречах в общественных местах — выглядеть не хуже других. Разработанную Стендалем[164] теорию комического можно с легкостью ввести в индивидуальную психологию. Комичность начинает ощущаться при внезапном осознании человеком своего превосходства над кем-либо. Чем большее уважение мы должны испытывать по отношению к кому-то, тем больше наша готовность посмеяться над ним. Комичность возрастает при виде неловкого положения того, над кем смеются. Однако насмешник, в свою очередь, находится под судом очевидцев, которые оценивают его остроумие. Комичность снижается, если ей сопутствуют негодование и сочувствие (говоря языком Адлера, через чувство общности).

Ральф Уолдо Эмерсон не давал чувству неполноценности столь четкого определения, как Стендаль, но эта концепция неявно присутствует в его трудах, особенно в «Эссе» и в «Поведении в жизни»[165]. В эссе, носящем название «Самоуверенность», Эмерсон описывает то, что Адлер назвал мужеством и поддержкой. В трудах Эмерсона разбросаны советы и мысли, отлично согласующиеся с индивидуальной психологией.

Мысль о том, что основным побуждением человеческой натуры является стремление к превосходству, была выражена многократно и многообразно. Гоббс утверждал, что естественным состоянием человека является война каждого против каждого. Гельвеций считал, что основной силой, приводящей в движение человека, является его стремление к достижению максимально возможной власти, которая позволит ему управлять другими людьми и благодаря этому удовлетворять свои страсти[166]. У Ницше основой служит воля к власти, а могущество является конечной целью. Идея Адлера о стремлении к власти была одним из возможных вариантов основного стремления к превосходству; в этом у него также имелись предшественники. Французский психолог Проспер Деспен описывал, каким образом общественная жизнь регулируется возвышением одних индивидов над другими[167].

Понимание того, что стремление к превосходству — один из наиболее мощных факторов в межличностных отношениях, было достигнуто с прогрессом изучения психологии животных. Неизвестно, был ли Адлер знаком с исследованиями Шьелдрупа-Эббе «социального ранга» среди кур.

При первой же встрече двух петухов происходит проверка сил, осуществляемая через угрожающие движения или прямую борьбу. Обе птицы решают, кто из них будет господствовать над другой. Если в группе несколько птиц, то между ними вскоре устанавливается определенная иерархия. На вершине лестницы находится птица, которой подчиняются все остальные (альфа), затем следует птица, которая подчиняется только первой, но господствует над остальными (бета), и так далее, до самой последней, которая подчиняется всем и ни над кем не господствует. Чем выше животное стоит в «табеле о рангах», тем больше привилегий оно себе присваивает, захватывает больше еды, лучшее место под кровлей, большее количество кур. Над молодыми птицами господствуют старшие по возрасту; в своих играх молодые постепенно определяются со своей иерархией. Подрастая, они бросают вызов старшим и постепенно вытесняют их. Социальная иерархия молча соблюдается, но с появлением повода для соперничества (то ли из-за еды, то ли по иной причине) начинаются бои, в которых тоже соблюдается иерархия: животное альфа клюет всех, а его не клюет никто, животное бета атакует всех других, а его клюет только альфа, а самое последнее клюют все, а оно не клюет никого. Однако возможна и более сложная ситуация. Может возникнуть треугольник отношений, когда альфа господствует над бетой, бета над гаммой, которая, как это ни парадоксально, господствует над альфой. Возможна и ситуация, когда птица, находящаяся на одной из нижних ступеней, вступает в бой с птицей, находящейся на более высокой ступени, и, победив, занимает более высокое положение[168].

Ситуации, выявленные Шьелдрупом-Эббе, часто встречаются среди птиц и млекопитающих; при этом с самого начала Давид Катц показал, что их можно распространить на людей и с их помощью объяснить ряд фактов, относящихся к психологии человека и к социологии[169]. Такие факты, странным образом долгое время остававшиеся незамеченными учеными, были отражены в литературе. Например, Эмерсон пишет:

Когда в школу приходит новичок, когда человек путешествует и ежедневно встречается с незнакомыми людьми или когда в какой-либо клуб вступает новый человек, происходит то, что случается с быком, которого привозят на пастбище или в хлев, где уже пасется или содержится скот; между новичком и сильнейшим в стаде происходит проба сил, в процессе

которой определяется, кто будет лидером. Встретившиеся узнают свою судьбу в глазах друг друга.

Мужчины меряются силами при первой встрече и далее при каждой последующей. Откуда наступает такое быстрое понимание силы и положения другого еще перед тем, как будет сказано первое слово? Можно предположить, что убедительная сила речи заключается не в произносимых словах, что люди убеждают не аргументами, а своей личностью, тем, кем они являются, что они говорили и как поступали ранее[170].

Писатели знали об этом уже давно. Классическим примером может служить ситуация в романе Сэмюела Батлера «Путь всякой плоти», где мы встречаем пару молодоженов, прибывших в отель через несколько часов после церемонии бракосочетания. Муж велит жене спуститься вниз и заказать обед. Она устала, ей не хочется этого делать, но он настаивает, и с этого момента господство мужа установлено раз и навсегда.

Все приведенные факты удивительным образом согласуются с рядом основных концепций индивидуальной психологии, однако необходимо учитывать, что все в жизни обстоит сложнее. Отношения между двумя индивидами определяются не только их сравнительной силой, их самоуверенностью, но и их стилем жизни и направляющим вымыслом, а также взаимоотношениями между индивидами и окружающими их группами или теми группами, которыми они окружают себя. Такое предположение было высказано французским автором, бароном Эрнестом Сельером[171].

Вслед за Ницше Сельер рассматривал стремление к власти, которое он называл империализмом, как центральное побуждение человека к действию; оно может быть рациональным и здравым или превратиться в патологию. В последнем случае империализм часто опирается на мистицизм, то есть на иррациональную веру. Сельер различает три разновидности империализма. Существует индивидуальный империализм, потребности которого индивид может удовлетворить, победив себя или окружающих его людей. Существует еще коллективный империализм, означающий, что индивид идентифицирует себя с группой, лидером которой он становится. И, наконец, есть империализм человечества, иными словами, господство человечества над природой. Сельером были написаны многочисленные монографии, в частности, о Жан-Жаке Руссо, о романтиках, о неоромантиках, о Ницше. Удивительно, что в работе, посвященной Фрейду и Адлеру, Сельер не заметил поразительного сходства между своими концепциями империализма и мистицизма и понятиями стремления к превосходству и направляющим вымыслом, предложенными Адлером[172]. В других работах Сельер пошел дальше, чем Адлер. Он сказал, что истинную природу межличностных отноше-

ний легче понять на примерах, взятых из международной жизни, чем на ситуациях индивидуальных межличностных отношений, поскольку последние в большей или меньшей степени находятся под контролем общества.

Различные авторы неоднократно высказывали мысль о том, что люди живут, сообразуясь с вымышленными представлениями о себе и о других. Несколько гротескными иллюстрациями возможных ситуаций служат такие герои, как Дон Кихот или Тартарен из Тараскона. Что касается характеров, встречающихся в повседневной жизни, то ни один писатель не показал с большей проницательностью, чем Флобер расхождение между тем, что человек собой представляет в действительности, и тем, что он о себе думает; а также, в какой степени жизненный вымысел заводит его в тупик или даже иногда (как в случае с мадам Бовари) приводит к гибели. Иногда вымысел выполняет защитную роль, и грубое разоблачение может привести к катастрофе. Французский автор Жюль де Готье назвал «боваризмом» (по имени героини романа Флобера) создание индивидом своего вымышленного образа, отказ сообразовывать свои действия со своей истинной личностью, а не с созданным ложным образом[173]. В дальнейшем это нашло отражение при составлении биографий. Например, Н.В. Фаген попытался показать, что Эдгар Аллан По изобрел для себя и играл роль непонятого гения, которую он исполнил весьма успешно[174]. Аналогичным образом личность Торстена Веблена была интерпретирована Йозефом Дорфманом[175].

Приведенные факты требуют решения проблемы определения действительного характера человека. В этом вопросе у Адлера тоже были предшественники. Гете говорил: «Мы напрасно пытаемся изобразить характер человека; только рассмотрев его дела и достижения мы сможем понять его характер»[176]. Подробнее эту мысль изложил Ф. Дж. Голл:

> Хотите ли вы узнать характер человека, не рискуя ошибиться, даже при условии, что человек знает о вашем намерении и соблюдает осторожность? Пусть он тогда рассказывает о своем детстве и юности, пусть поведает о своих школьных проделках, отношениях с родителями, братьями и сестрами, школьными товарищами, о своих изменах, соперниках, об отношениях с друзьями и недругами, о детских играх и т. д. Едва ли он сочтет нужным скрывать эти сведения. Он не поймет, что имеет дело с человеком, которому прекрасно известно, что основные черты характера не меняются, что с возрастом и изменением социального положения меняются только интересующие человека объекты[177].

Трудно представить себе более точное предвосхищение метода Адлера, которым он пользовался при составлении индивидуально-

го психологического диагноза. Нам остается исследовать источники концепции Адлера, связанной с сообществом и чувством общности. Невозможной представляется задача определить, в какой мере Адлера могли вдохновить стоики, немецкие романтики, социалисты и многие другие, однако следует выделить два возможных источника.

Маловероятно, чтобы Адлер не слышал об Йозефе Поппер-Линкеусе и о грандиозной схеме радикального решения социальных проблем[178]. Поппер-Линкеус предложил учредить своего рода трудовую армию, в которой все мужчины и женщины должны были отслужить по несколько лет. Это гарантировало бы каждому члену общества приемлемый минимальный уровень удовлетворения жизненных, материальных и культурных потребностей. Освобождение человека от невыносимого груза материальных забот приведет к восстановлению утраченного им достоинства. В основу проекта Поппер-Линкеуса был положен идеал человеческой общности, аналогичный понятию чувства общности, сформулированному Адлером. Подобно Адлеру, Поппер-Линкеус настаивал на важной роли воспитания, при котором в максимально раннем возрасте каждому ребенку будет внушено верное представление о ценности и достоинстве каждого человека и о его обязанностях в отношении человечества.

Другим источником сформулированного Адлером чувства общности был, вероятно, Кропоткин и идеология русских мыслителей, полагавших, что истинным источником национальной культуры является народ. Народ создал язык, искусство, эпическую и лирическую поэзию страны, а господствующие классы, возвысившись над массами, обеднили себя. Молодым людям из высших классов следовало идти в народ, не для того, чтобы учить, а для того, чтобы учиться самим. Эта идея была чужда западноевропейской мысли; единственным исключением были, вероятно, немецкие романтики. Она была провозглашена революционерами, называемыми «народниками»; в дальнейшем мы встречаем ее в произведениях Толстого и Достоевского. У Максима Горького она приобрела форму философского мифа, изложенного в очерке «Разрушение личности».

> Вначале был народ, и народ был источником всех материальных и духовных ценностей. Народ создал язык, мифы, религию, эпическую поэзию, а также образы героев. С ростом общин и их борьбы против других групп появилась нужда в вождях и священниках. Личностям приписывались качества эпических героев. Это было началом появления «Я». Вначале эти привилегированные личности были орудием общины, затем они отделились и стали вести независимую жизнь рядом с общиной, а позднее над ней. Они тем не менее продолжали быть частью общины, поскольку являлись вопло-

щением эпических героев, которые были созданы народом. Но настал день, когда эти люди, ощутившие вкус власти над другими людьми, пожелали ее для себя. Последовал период борьбы между общиной и теми, кто пытался вознестись над массами. Личная собственность была одним из инструментов, примененных этими людьми для достижения власти, и тогда община распалась. С течением времени они стали сильнее и агрессивнее, и в конце настала эпоха борьбы каждого против каждого, что привело к разрушению самой личности[179].

В переводе на терминологию Адлера мы находим здесь историю индивида, ведомого своим стремлением к превосходству, к восстанию против сообщества во вред своим согражданам и своей собственной личности. Таким образом, Горький изложил тот центральный миф, который для индивидуальной психологии явился тем же самым, что и миф об убийстве праотца для психоанализа.

Влияние Адлера

Чтобы понять роль Адлера, следует учитывать, что его индивидуальная психология является не просто отклонением от психоанализа, а радикально от него отличается. В качестве психологической теории это прагматическая (или конкретная) психология, которая анализирует поведение человека по отношению к двум противоположным побуждениям: к чувству общности и к стремлению к превосходству. Неврозы, психозы и психопатия рассматриваются как разновидности отклонений от закона соблюдения интересов общества. Индивидуальная психология провозглашает уникальность, самодостаточность и творческие способности индивида, а также существование стиля жизни, предлагая одновременно концепции органической недостаточности, чувства униженности, компенсации, мужского протеста, вымышленной цели, тренировки невротиков, значимости ранних воспоминаний, роли положения индивида в ряду братьев и сестер. В качестве терапевтического метода индивидуальная психология пользуется, с одной стороны, методами рациональной индивидуальной терапии с раскрытием вымышленных целей и стиля жизни, придания мужества и возвращения к ориентации на чувство общности; а с другой — применяет различные методы воспитания детей, групповой терапии, общественной психиатрии. Индивидуальная психология настаивает на том, что ее, главным образом, интересуют не небольшое число привилегированных состоятельных пациентов, а основная масса населения. Представляется, что в связи с яркой выраженностью перечисленных особенностей индивидуальную психологию невозможно спутать с другими динамическими

школами, а ее влияние спутать с влиянием других школ. Однако парадокс заключается в том, что в современном мире крайне затруднительно проследить влияние трудов и идей Адлера.

Что касается самого движения индивидуальной психологии, то его история прослеживается легко. Первые годы его отличала неоформленность, даже в дальнейшем структура организации оставалась значительно менее жесткой, чем структура психоаналитической ассоциации. Адлеровское движение пострадало значительно больше от преследований со стороны национал-социалистов, поскольку оно не имело такой разветвленной сети за пределами Центральной Европы. Оно поднялось заново после Второй мировой войны и в настоящее время имеет собственные центры и периодические издания, проводит международные конгрессы. Тем не менее его нельзя сравнивать с психоаналитическим движением по численности, жесткости организационной структуры и популярности.

Как и в любом движении, здесь были такие участники, которые отделились от Адлера и основали собственные школы либо под видом слегка модифицированной индивидуальной психологии, как Ганс Кюнкель, либо под видом нового учения, как школа экзистенциального анализа Виктора Франкля.

Однако, как парадоксально это ни звучит, именно на психоанализ индивидуальная психология оказала наибольшее влияние, невзирая на фундаментальные различия между обеими школами.

Адлер повлиял даже на самого Фрейда, его влияние сказалось и на тенденциях внутри психоаналитического движения (так называемый неофрейдизм), что нашло свое выражение в трудноуловимых фактах ассимиляции концепций индивидуальной психологии.

За годы сотрудничества с Фрейдом ряд предложенных Адлером идей был принят немедленно, а некоторые отвергнутые вначале идеи принимались Фрейдом спустя какое-то время. В 1908 году Адлер высказал предположение о существовании автономного агрессивного побуждения, но тогда Фрейд отверг эту идею; однако в 1920 году он стал говорить о первичном разрушительном инстинкте [180]. В той же статье 1908 года Адлер стал использовать понятия слияния влечений, смещения влечений, обращения влечений против самой личности, замену на другое сильное влечение и трансформации в свою противоположность. Указанные понятия (впервые предложенные, кстати, Ницше) в различные периоды проникли в учение Фрейда[181]. Еще одной метаморфозой влечений выступает интернализация внешних требований, описанная Фуртмюллером и Адлером, принятая в 1920 году Фрейдом, а позднее интерпретированная Анной Фрейд как идентификация себя с агрессором. Смещение психоанализа в сторону эго-психологии было

в значительной мере адаптацией предложенных ранее понятий Адлера, которого некоторые психоаналитики провозгласили «предшественником дальнейшего развития психоанализа».

Более примечательным событием явилось принятие несколькими психоаналитическими группами большого числа понятий, очень схожих с понятиями индивидуальной психологии, с сохранением при этом в большинстве случаев психоаналитической терминологии. Среди лидеров неопсихоаналитических мы видим Эдварда Кемпфа, Гарри Стэк Салливана, Карен Хорни, Эриха Фромма и Клару Томпсон в Соединенных Штатах и Гаральда Шульц-Хенке в Германии.

Неопсихоаналитики не создали своей школы. У каждого имеется собственная теория, однако все они отвергают некоторые базовые идеи Фрейда и заменяют их понятиями, удивительно похожими на понятия Адлера (причем не упоминают имени последнего). Большинство неопсихоаналитиков придерживается следующих воззрений. Они отвергают понятие либидо с его стадиями, но сохраняют при этом понятие эдипова комплекса, хотя и дают ему совершенно иную интерпретацию. Врожденным инстинктам приписывается не столь большое значение; на их место выходят факторы окружающей среды, особенно большую роль играют теперь межличностные отношения. Человек более не воспринимается как беспокойное от природы и склонное к разрушительным действиям существо. Вместо того, чтобы анализировать конфликты между ид, эго и суперэго, современные схемы (паттерны) невротического поведения анализируются в форме разновидностей невротических стилей. При этом значительно меньшее внимание уделяется сексуальности, которая рассматривается как замена других аспектов поведения. В то же время большее внимание обращается на стремление к самоутверждению, к соперничеству. Меньшее место занимает анализ сновидений и символов. Терапия, продолжая называться психоанализом, сильно отклоняется от стандартов Фрейда, больше фокусируясь на настоящем, чем на прошлом, больше на межличностных отношениях, чем на внутриличностном анализе; во главу угла теперь не ставятся методы свободных ассоциаций, анализ сновидений или обязательное использование кушетки в процессе.

Эдвард Кемпф является автором объемного учебника по психиатрии, базирующегося на психоанализе; он иллюстрирован многочисленными репродукциями картин художников и фотографиями пациентов[182].

Хотя автор называет себя психоаналитиком, слово «либидо» в учебнике отсутствует. На 762 страницах имя Адлера встречается лишь однажды, однако его дух пронизывает всю книгу. Значительное внимание обраще-

но на органы, предрасположенные к заболеванию, чувству униженности, и на различные формы компенсации у здоровых пациентов и пациентов в болезненных состояниях. В числе защит против чувства неполноценности Кемпф описывает «отказ от соперничества», экстремальной формой которого является «страх перед всеми личными контактами», характерный для гебефреников. Упоминается даже конкретная ситуация второго ребенка в семье.

Для межличностной теории в психиатрии, разработанной Салливаном, характерна близость к воззрениям Адлера, хотя имя последнего ни разу не встречается на страницах посмертно изданного четырехтомного собрания лекций Салливана.

Салливан определяет психиатрию как исследование межличностных отношений; он идет дальше Адлера, утверждая, что личность не существует в отрыве от взаимоотношений индивида с окружающими его людьми. Согласно Салливану, личность есть схема (паттерн) повторяющихся ситуаций межличностных отношений. Ее система самости является стабильной организацией межличностных процессов (что весьма близко к предложенному Адлером термину «стиль жизни»). Подобно Адлеру, Салливан рассматривает концепцию самости, которая формируется отраженными оценками, то есть отражениями суждений родителей и близких родственников о ребенке в раннем детстве. То, что Салливан называет персонификациями, — это искаженные представления индивида о себе и о других (напоминает «вымыслы» у Адлера). Адлеровскую концепцию перспективы (с индивидуальными искажениями восприятия, воспоминаний и логики) мы обнаруживаем в психологии Салливана под иным наименованием. То, что Салливан называет селективным невниманием, есть один из аспектов тех искажений восприятия, которые соответствуют стилю жизни. А то, что Салливан называет паратаксическим способом мышления, соответствует, в терминологии Адлера, индивидуальным искажениям логики. В психотерапевтической практике Салливан во многих случаях не пользовался кушеткой, а сидел лицом к лицу с пациентом; он умеренно пользовался методом свободных ассоциаций и толкованием сновидений; он активно участвовал в беседе с пациентами (особенно имея дело со случаями навязчивых состояний и с шизоидными пациентами); он старался дать своим пациентам представление о наличии у них паратаксических и иных искаженных представлений. Короче говоря, все выглядит так, как если бы Салливан практиковал своего рода психотерапию Адлера, продолжая называть себя психоаналитиком. Основное отличие состояло в том, что Салливан давал детальное описание этапов развития индивида и в большей степени, чем Адлер, рассматривал общество как источник эмоциональных болезней[183].

Не менее примечательное сходство с учением Адлера мы находим в работах Карен Хорни. После пятнадцати лет работы в качестве ортодоксального психоаналитика она порвала отношения со школой Фрейда и основала собственную ассоциацию. Уже в 1926 году Карен Хорни усомнилась в концепции Фрейда относительно «зависти к пенису»[184]. Опубликованная в 1927 году статья «Мужской комплекс у женщин» весьма напоминает «мужской протест» Адлера[185].

Название опубликованной ею несколькими годами позднее статьи «Страх перед женщиной» также напоминает терминологию Адлера[186]. В Соединенных Штатах, куда она эмигрировала в 1932 году, ее поразила разница между пациентами в Европе и в Америке, которую она могла приписать только влиянию культурных факторов. Учение Карен Хорни изложено в четырех объемных томах.

Она критикует Фрейда за чрезмерное значение, приписываемое им биологии и недооценку культурных факторов. Она категорически отвергла теорию либидо с ее этапами развития и теорию неврозов Фрейда. В неврозе Карен Хорни видела попытку избавиться от беспокойства. (Адлер назвал бы это недостатком мужества.) Подобно Адлеру, она отошла от традиционной классификации неврозов, которой продолжал придерживаться Фрейд. Она считает невроз одним заболеванием с несколькими вариантами развития: соглашающийся (или подчиняющийся) тип, агрессивный тип, направляемый стремлением к власти, и уклоняющийся тип. Указанные типы развития неврозов обусловлены определенными ситуациями, имевшими место в раннем детстве. Что касается эдипова комплекса, то, в точности как Адлер, Карен Хорни допускает возможность его существования, но считает его разновидностью развития испорченного в детстве ребенка. Нарциссизм она трактует не как любовь к себе (как это делал Фрейд), а как восхищение собой, то есть восхищение своим идеализированным образом. В дальнейшем Карен Хорни пришла к заключению, что основным побуждением человека является стремление к самореализации; по ее мнению, этому стремлению человека препятствует его идеализированное представление о себе. Здесь мы вновь узнаем Адлера: значение, которое он в свой поздний период придавал творческому побуждению и той роли, которую играет вымышленное представление индивида о себе[187].

Теория Эриха Фромма, изложенная им в нескольких известных работах, — это еще один вид психоанализа, созданный под влиянием социологии и философской идеологии.

Он также критиковал теорию влечений Фрейда, но делал это с точки зрения различий между инстинктами человека и животного. По сравне-

нию с животным человек проходит совершенно иной путь развития (говоря о котором Юнг пользуется термином индивидуация), конечным итогом которого является свобода.

Невроз Фромм считает результатом дурного обращения или бегством от свободы. Фромм не признает традиционные невротические объекты (entities). Он говорит о различных типах невротического механизма: о стремлении к безусловному подчинению авторитету, о влечении к власти (авторитарный характер), о стремлении к разрушению и о навязчивости автоматического послушания. Фромм относит причины этих невротических механизмов на счет социальных и культурных факторов, присущих капиталистической системе. С другой стороны, он сообщает о существовании продуктивного характера, напоминающего описанного Адлером человека, руководствующегося социальным чувством и стремящегося приносить в жизни пользу. Не отрицая существование эдипова комплекса, Фромм объясняет его как бунт мальчика против патриархального авторитарного порядка вещей, который персонифицируется в образе отца. Как видим, марксизм влиял на Фромма еще в большей степени, чем на Адлера. Среди неопсихоаналитиков только у Фромма мы встречаем социальное чувство, эквивалентное тому, какое мы видим у Адлера[188].

Вклад в теорию психоанализа внесли также Томас Френч, Клара Томпсон, Шандор Радо, Теодор Рейк и Абрахам Кардинер. В Европе неопсихоаналитиком себя называл только Гаральд Шульц-Хенке. Он изложил свои идеи в нескольких работах и основал в Германии собственную школу. Его учение является оригинальной смесью концепций Фрейда и Адлера.

В основе всех неврозов и психозов мы находим одно общее расстройство: зажатость (Hemmung), выполняющую в его учении ту роль, которую в индивидуальной психологии играет недостаток мужества. Шульц-Хенке выделяет четыре основных влечения. Влечения, названные им захватом и удержанием, приблизительно соответствуют оральной и анальной стадиям или тенденциям Фрейда. Влечение к агрессии и завышенная самооценка имеют много общего с адлеровским стремлением к превосходству. В четвертом (сексуальном) влечении он усматривает в основном потребность в нежности; слово «либидо» у него не встречается. Зажатость можно объяснить воздействием окружающих на ребенка в раннем детстве; этим воздействием создается установка, определяющая поведение индивида на протяжении всей его жизни. Шульц-Хенке сформулировал теорию неполноценности психических функций и ее проявления в невротических структурах. Столь же широко, как и Адлер, он пользуется терминами «компенсация» и «сверхкомпенсация». В его системе бессознательное играет вторич-

ную роль; то же самое можно сказать о роли переноса в используемых им терапевтических методах[189].

Нами было показано, какое влияние индивидуальная психология оказала на неопсихоаналитиков (которых вернее следовало бы называть неоадлерианцами); далее мы отметим менее отчетливо выраженное влияние, которое она оказала на психоаналитическое учение в целом. Его трудно уловить, поскольку оно присутствует повсеместно в более или менее завуалированной форме. Некоторые психоаналитики решительно декларируют свою приверженность теории Фрейда, но в повседневной жизни придерживаются взглядов Адлера. Так, например, один швейцарский психоаналитик однажды громогласно заявил, что идеи Адлера настолько ничтожны, что не заслуживают даже упоминания; и буквально несколько мгновений спустя, обсуждая в частной беседе общего знакомого, сказал: «Этот человек жестоко страдает от чувства неполноценности и компенсирует его дерзкими манерами». Официально Адлером пренебрегают, но, не сознавая этого, придерживаются его взглядов. По той же причине внимательное чтение психоаналитической периодики показывает удивительно большое число статей, иллюстрирующих классические положения Адлера без ссылок на него, причем иногда они сопровождаются кратким примечанием, в котором говорится, что данное исследование не связано с работами Адлера. Такое отношение к работам Адлера не ограничивается только психоанализом; здесь мы обнаруживаем один из самых парадоксальных фактов в истории динамической психиатрии.

В 1959 году Йозеф Вильдер писал: «Я сознаю, что большая часть наблюдений и идей Альфреда Адлера в такой степени пронизывает современную психологию, что вопрос заключается не в том, адлерианец ли вы, а в том, в какой степени вы адлерианец»[190].

Это легко показать на примере экзистенциальной психиатрии[191]. Виктор Франкль начал свою деятельность как ученик Адлера и никогда этого не отрицал. Сравнивая Франкля и Адлера, Бирнбаум утверждает, что модель «парарелигиозной» установки в отношении своих пациентов Франкль нашел в «космическом чувстве» Адлера, которое тот изложил в своих последних работах[192]. Не менее очевидно влияние Адлера на экзистенциальный анализ Бинсвангера, хотя Бинсвангер нигде не упоминает Адлера. Описанные Бинсвангером двойная, множественная и единичная формы существования с другими мало отличаются от описанных Адлером чувства общности, активного стремления к превосходству и отступления за баррикады. Представляется, что феноменологическое описание вертикального измерения у Бинсвангера является дальнейшим развитием идей Адлера о диалектике верха и низа.

Когда Жан-Поль Сартр предложил свой экзистенциальный психоанализ в виде составной части философского экзистенциализма, психоаналитики единодушно заявили, что он не имеет ничего общего с психоанализом[193]. Основной принцип экзистенциального психоанализа состоит в том, что человек — это некая всеобщность, и, следовательно, он выражает себя в самых незначительных и поверхностных из своих действий. Метод состоит в расшифровке различных видов поведения индивидов. Экзистенциальный психоанализ Сартра отвергает концепцию бессознательного. Он не пытается выявлять комплексы, а стремится установить исходный выбор индивида. Выбор является свободным и сознательным решением и полностью проживается индивидом, хотя тот не всегда осознает это. Цель терапии состоит в том, чтобы довести до сознания человека его фундаментальный проект. Рассматриваемыми формами поведения здесь являются не только сновидения, парапраксии и неврозы (как во фрейдовском анализе), но прежде всего сознательные мысли, успешные действия и стиль. В заключение Сартр высказывает удивительную мысль: «Этот психоанализ еще не нашел своего Фрейда!» Как могло произойти, что Сартр не подозревал о существовании метода, автором которого был Альфред Адлер?

Студенты, изучавшие психиатрию в Берне под руководством профессора Клези, не могли не замечать поразительного сходства многих идей с идеями Адлера (имя которого никогда не упоминалось). Клези интерпретировал эдипов комплекс как Адлер; он утверждал, что неврозы вызываются конфликтами между инстинктами эгоистического доминирования («кратофорные инстинкты») и социальными инстинктами («аристофорные инстинкты»)[194].

Холистические аспекты индивидуальной психологии были разработаны Прескотом Леки, американским психологом, обучавшимся у Адлера в Вене в течение 1927 и 1928 года. Для их обозначения он использовал термин «самосогласованность».

> По мнению Леки, основная потребность организма состоит в сохранении целостности ментальной организации. Личность представляет собой собрание совместимых друг с другом ценностей. Поведение выражает усилие, направленное на поддержание логичности и последовательности в организации и действиях. Индивид — это единая система с двумя группами проблем; одна группа проблем связана с поддержанием внутренней гармонии в себе, и вторая группа проблем связана с поддержанием гармонии с окружающей средой, особенно с социальным окружением. Для сохранения постоянства своей структуры индивиду необходимо последовательно регулировать свое восприятие, свои чувства и воспоминания, мысли, воображение и так далее. Ядром системы является самооценка индивида. Любое проявление, которое

согласуется с такой самооценкой, ассимилируется; напротив, любое проявление, которое с ней не согласуется, встречает сопротивление и отвергается, если не происходит общая реорганизация системы.

Как психотерапевт, Леки говорил, что симптомы служат выражением установок, и предлагал перечень установок. Затем он демонстрировал пациенту неуместность и устарелый характер его установок, стимулируя его на замену их более совершенными. Сопротивление, по Леки, было не невротическим упорством, а природным средством, позволяющим избежать усилий, необходимых для реорганизации[195].

Идею, гласящую, что для человека характерно стремление к самоусовершенствованию, которую Адлер активно подчеркивал на заключительном этапе своей деятельности, разрабатывал и ряд других авторов, в частности, Вильгельм Келлер[196], по мнению которого в человеке существует сильная тяга к самоуважению, выражающаяся различным образом. Хотя имя Адлера упоминается только между прочим, анализируемая книга, несомненно, посвящена уточнению его идей.

Оригинальное и неожиданное продолжение нашло исследование Адлера о положении индивида в ряду братьев и сестер. По результатам наблюдений и на основании детальных записей о положении нескольких сотен индивидов в ряду братьев и сестер Уолтер Томан предложил новую теорию[197]. Анализируя отношения в семье, Томан учитывает число детей, количество мальчиков и девочек, интервалы между появлениями детей, а также случаи смертельных исходов среди них. Анализ распространен на отношения между родителями и детьми. Каждой из возможных комбинаций сопутствует данное Томаном краткое описание основных предполагаемых черт личности.

При анализе семейных отношений Мартенсен-Ларсен пользовался иными методами[198]. Работая с алкоголиками, Мартенсен-Ларсен провел генеалогическое исследование, на основании которого он установил, что положение в семье восходит к поколению дедушек и бабушек, и что наследственность не является определяющим фактором в этиологии алкоголизма. В дальнейшем это исследование было распространено на мужской гомосексуализм.

Как мы заметили, многие авторы писали о стиле жизни со ссылками на Адлера, а иногда и не упоминая его имени. Однако представляется, что ни Адлер, ни его последователи не обращали большого внимания на варианты взаимодействия двух различных стилей жизни. Но одна попытка была предпринята д-ром Эриком Берном, популярная книга которого «Игры, в которые играют люди» показала, насколько полезным могло бы быть систематическое научное исследование в этой малоизученной области[199].

Понятие чувства неполноценности было столь быстро усвоено публикой, что Пауль Хеберлин смог написать книгу на эту тему, описывать многочисленные формы, варианты, компенсации и причины чувства неполноценности, ни разу не упомянув имени Адлера[200]. Еще одним из многочисленных примеров может послужить рассказ психоаналитика о невротике, фобия которого нашла отражение в одном из ранних воспоминаний о том, как его напугала мышь; в детстве он играл с куклой[201]. С усилением чувства неполноценности он пытался компенсировать его с помощью величественных дневных сновидений, в которых видел себя суперменом. Этого пациента удалось излечить с помощью метода, который автор называл психоанализом.

Можно привести множество других примеров медленного, но постоянного проникновения взглядов Адлера в современную психологическую мысль. К ним относятся концепции чувства неполноценности и стиля жизни, значение предрасположенности органов к заболеванию, использование понятия Вайхингера «как если бы» применительно к теории невроза, роль мужского протеста и страха перед женщиной в этиологии гомосексуализма и других сексуальных отклонений. Мы могли бы привести перечень не менее дюжины авторов, лишь недавно обнаруживших символический смысл воспоминаний из раннего детства. Отказываясь от традиционных взглядов, согласно которым юношеские бури вызываются интенсификацией либидо, некоторые психоаналитики допускают теперь, что юношеское эго возмущают мощные энергии, непосредственно и прямо не зависящие от либидо. Было установлено сходство между содержанием книги Маргарет Мид «Семья» и содержанием работы Адлера «Что должна для вас значить жизнь»[202]. Теория Уолтера Голдсмита о социальном императиве обнаруживает сходство с концепцией адлеровского чувства общности: человек обречен на общественную жизнь, и каждый человек, вырастая, обязан подчинять свои личные цели требованиям общества; «общество должно быть организовано таким образом, чтобы тяга человека к удовлетворению своих потребностей уравновешивалась требованиями социальной гармонии»[203]. Некоторые особенности терапии, проводимой с опорой на индивидуальную психологию, можно обнаружить в таких недавно разработанных методах, как рациональная терапия (Эллис) и терапия реальности (Глассер).

Весьма вероятно, что индивидуальная психология благоприятно повлияет на криминологию и терапевтическое образование. Одним из вариантов применения идей Адлера является использование пластической хирургии при лечении ограниченной группы преступников с уродливой внешностью[204]. Как показал Эрнст Папанек, методика коррекции и творческого восстановления, разработанная независимо от

индивидуальной психологии, также соотносится с теорией Адлера[205]. Католический священник Ноель Майю, он же известный психолог из Монреаля, утверждает, что общепринятые теории преступности несовершеннолетних (отсутствие или искажение суперэго, нерешенный эдипов комплекс и идентификация с преступной моделью) не находят подтверждения в реальной практике[206]. Он склонен объяснять преступность среди несовершеннолетних процессом десоциализации, то есть деформацией нормального процесса социализации. По мнению Майю, социализация проходит собственный путь развития, параллельный пути развития сексуальности, и имеет собственные колебания, критические точки и начальный конфликт, сопоставимый с эдиповым конфликтом (хотя и ни в коей мере не идентичный ему). Неверное, излишне критическое отношение со стороны родителей заставляет ребенка считать себя своего рода парией, отвергаемым семьей и обществом. Считая себя плохим, ребенок чувствует себя обреченным на совершение дурных поступков. Такое поведение, в свою очередь, вызывает осуждение со стороны окружающих. Тогда он начинает считать себя жертвой ненависти и стремится к мести, отсюда происходит совершение более серьезных правонарушений и поиск защиты в бандах. Перевоспитание несовершеннолетних преступников включает встречи с воспитателем-терапевтом и коллективные занятия в группах. Эти теории и методы легко формулируются с привлечением терминологии индивидуальной психологии: морально задавленный ребенок оказывается в униженной позиции, поэтому он принимает стиль жизни, соответствующий его представлению о себе, что вызывает наказания со стороны окружающих (давление вызывает ответное давление); перевоспитание направлено на пробуждение и восстановление чувства общности с окружающими.

Всякая попытка оценить влияние Адлера приводит к парадоксальным выводам. Влияние индивидуальной психологии на современную психологию не вызывает сомнений. Ханс Хофф считал, что Адлер был творцом современной психосоматической медицины, предвестником социальной психологии и социального подхода к гигиене мыслительной деятельности, основателем групповой психотерапии, что его концепция творческого существа, стремящегося к некоторой цели, определяющей стиль жизни, делает его отцом психологии эго[207]. К этому он мог бы добавить, что Адлер был основателем первой унифицированной системы конкретной психологии, сведения о которой были опубликованы в печати.

Однако существует загадочный феномен коллективного отрицания заслуг Адлера и систематического приписывания всего, что было им сделано, другим авторам. Нам известны многочисленные примеры, когда психоаналитики брали самые оригинальные находки Адлера и ут-

верждали, что они в скрытой форме содержатся в работах Фрейда или представляют незамеченные аспекты идей Фрейда; если же имя Адлера все-таки упоминается, то при этом замечают, что несмотря на кажущееся сходство с идеями Адлера, данные положения существенно отличаются от адлеровских. Такое же отношение к Адлеру существует среди психологов нефрейдистского толка, причем там порой ему даются еще более отрицательные оценки. Характерен тон праведного негодования при отрицании влияния Адлера. Даже психологи, признающие, что лично встречались с Адлером и читали некоторые из его работ, энергично утверждают, что их идеи не имеют ничего общего с идеями Адлера.

Трудно найти другого автора, у которого было бы столько позаимствовано, как у Альфреда Адлера. Его учение стало тем, что можно было бы назвать «ничейной территорией», то есть местом, куда все и каждый могут приходить и брать оттуда все, что вздумается. Так, некий автор может мелочно перечислять все использованные им источники, но ему и в голову не приходит делать это, как только речь заходит об индивидуальной психологии; как если бы ничего оригинального не могло быть создано Адлером. Такое же отношение к Адлеру распространено среди широкой публики. Злой иронией звучат слова из некролога Фрейда, напечатанного лондонской газетой «The Times»: «Некоторые из предложенных им терминов вошли в повседневный обиход, например, комплексе неполноценносхи»[208]. Через двадцать два года, когда умер Юнг, газета «New York Times» озаглавила некролог следующим образом: «Умер д-р Карл Юнг...ввел термины *интроверт, экстраверт* и *комплекс неполноценности*»[209].

Может быть несколько причин такого резкого несоответствия между величиной достижений, массовым непризнанием личности и широкомасштабным спокойным плагиатом.

Во-первых, следует договориться о критериях, на основании которых человека можно признать гением или отказать ему в этом признании. Для определения гениальности предлагались различные теории. Согласно Ланге-Эйхбауму, проблема является психосоциологической, то есть при определении гениальности автора должны учитываться как психологические, так и социологические факторы[210]. Сочетание несколько «психотического» содержания с совершенной формой изложения имело бы максимальные шансы быть названным «плодом гения». (Под словом «психотическое» автор подразумевает странное, парадоксальное, поразительное.) В таком случае мысль Адлера слишком рациональна, а стиль слишком несовершенен, чтобы его можно было назвать гением.

Противоположного мнения придерживается Бернар Грассе, утверждающий, что гениальность — это способность к созданию новой очевидности[211]. Сказанное означает, что гениальность состоит в спо-

собности обнаруживать и формулировать нечто всегда имевшее место, но чего ранее никто не замечал. После того, как гений дал свою формулировку, предмет кажется столь очевидным, что она быстро усваивается в обиходе и все забывают о совершившемся открытии. (Аналогично, как говорят, обстояло дело с написанной Францем Шубертом музыкой его «Песен»; однажды он услышал, как прачки поют его мелодии, а на вопрос, откуда они их знают, он получил ответ, что это старые песни, которые всегда пели в народе.) Теория Бернара Грассе применима к Адлеру и к быстрому усвоению предложенных им понятий, в частности, концепции чувства неполноценности.

Сторонники третьей теории исходят из предположения, что гений является микросоциологическим феноменом и произвольным построением. Изолированный человек не может быть назван гением. Необходимо, чтобы человека окружала группа последователей, которые не только пропагандируют его учение, но и создают ему репутацию (а, возможно, и положительную легенду). Их успех зависит в основном от организации и применяемых методов. В этом отношении Фрейду повезло больше, чем Адлеру; его последователи были лучше организованы. У Адлера было меньше учеников, он никогда не был хорошим организатором и не стремился к фиксированию событий своей жизни и результатов исследований. Последователи Фрейда создали ему положительный имидж архетипического гения: новаторская работа, проводимая в условиях всеобщего отторжения, жестоких трудностей и преследований. Что касается Адлера, то немногие последователи называли его Конфуцием Запада и спасителем человечества, но им не удалось создать убедительный положительный образ или предотвратить преобладание отрицательного образа; его считали мелочным буржуа, завистливым учеником великого учителя, которого он предал, пропагандируя карикатурный психоанализ, психологию для школьных учителей, утомительный психологический довесок к социалистической доктрине.

Вопрос стоит так: чем объясняется преобладание такого отрицательного образа? Возможно, объяснение дает виктимология, новая ветвь криминологии, которая анализирует личность вероятной жертвы преступления[212]. Психологические особенности таких личностей характерны и для людей, которых постоянно преследуют неудачи. У Адлера мы обнаруживаем черты одного из типов потенциальной жертвы, так называемый синдром Авеля. В этом случае мы имеем дело с человеком, превосходство которого в какой-либо области деятельности вызывает обычно зависть, от которой он не может или не хочет защищаться. Такие случаи нередко встречаются в жизни. Исследуя личность Жан-Жака Руссо, Кокто следующим образом объяснял постоянные неудачи и преследования, которым подвергался великий писатель: «Когда неко-

торые люди получают пощечину, все говорят, что это они ее дали, когда другие люди дают пощечину, все утверждают, что они ее получили»[213] (подразумевалось, что Руссо относился к последней группе). Не заходя так далеко, вспомним о многих случаях, когда в какой-либо социальной группе человек, обладающий определенным престижем, может говорить банальности и все же привлекать внимание слушателей, тогда как другой человек, высказываясь справедливо и остроумно, остается незамеченным (или же его высказывания быстро подхватываются и пересказываются с большим успехом от своего имени).

В какой степени это относится к Адлеру, можно убедиться, сравнивая его с Фрейдом.

Фрейд	Адлер
Красивый, представительный, с аккуратно подстриженной бородой	Не особенно красив, скромный, с небольшими усиками, в пенсне
Жил в лучшем районе, имел коллекцию произведений искусства, нескольких слуг	Жил в менее благополучном районе, в обычной меблированной квартире, имел только одну служанку
Имел университетские звания	Не получил университетского звания
Читал академические лекции и был окружен восторженными последователями	В основном, читал курсы школьным учителям, проводил неформальные встречи в кафе
Был мастером немецкой прозы, прекрасным писателем, умевшим пользоваться яркими образами	Работы написаны обычным, невыразительным языком, без ярких образов
Основал глубинную психологию, науку, занятую исследованием тайн души	Основал рациональную психологию, основанную на здравом смысле, имеющую прямое практическое применение

Сравнение можно продолжить и найти в истории науки другие параллели, например, сопоставив Шампольона и Гротефенда[214]. Приукрашенная биография Фрейда полна романтики; Фрейд вел жизнь аристократа духа, идентифицируя себя с Шарко и Гете; Адлер вел жизнь мелкого буржуа, который считал, что его дело принадлежит народу. Узнав о смерти Адлера, Фрейд написал Арнольду Цвейгу: «Для еврейского мальчика из венского предместья умереть в Абердине уже само по себе означает неслыханную карьеру и служит доказательством огромного успеха»[215]. Мог ли Фрейд не помнить, что он и сам был «еврейским мальчиком из венского предместья»?

Существует и иное объяснение рассматриваемого парадокса. Успех человека в большой мере зависит от того, является ли он выразителем современных ему культурных и социальных тенденций. Если в течение трех десятилетий Шопенгауэру не сопутствовал успех, и слава пришла к нему с опозданием, то это объясняется не заговором молчания, а тем,

что его философия не соответствовала духу времени, господствовавшему на протяжении с 1820-х по 1848 год, но стала понятной новому поколению, пришедшему после 1848 года[216].

Сами современные течения часто возрождают забытые направления. В противостоянии индивидуальной психологии и психоанализа мы обнаруживаем возрождение старого противостояния Просвещения и Романтизма, где Жане и в меньшей мере Адлер являются сторонниками Просвещения, а Фрейд и в большей степени Юнг являются продолжателями романтической традиции[217]. Углубляясь в историю, мы видим, что в Греции и Риме имело место давление на сторонников философии стоиков и философии Эпикура; можно заметить, что стоицизм характеризуется чертами, свойственными школам Адлера и экзистенциализма, тогда как философия Эпикура небезосновательно сопоставлялась де Соссюром с психоанализом Фрейда[218]. И, наконец, с незапамятных времен существовало два подхода к исцелению: в одном случае использовались рациональные методы, во втором мобилизовались иррациональные силы. Таким образом, параллель между Адлером и Фрейдом является всего лишь одной из иллюстраций основополагающего закона истории культуры, состоящей из маятникового качания между двумя основными установками человеческого разума.

Глава 9. Карл Густав Юнг и аналитическая психология

Карл Густав Юнг в не меньшей степени, чем Альфред Адлер, отклоняется от психоанализа Фрейда, и его аналитическую психологию нельзя мерить мерой фрейдовского психоанализа — точно так же, как и психоанализ нельзя мерить мерой аналитической психологии. И психоанализ, и аналитическая психология должны быть поняты исходя из лежащей в основе их собственной философии.

Фундаментальное различие юнговской и фрейдовской систем сводится, на наш взгляд, к следующему.

Во-первых, у них совершенно разное философское основание. Юнговская аналитическая психология, как и психоанализ Фрейда, — поздние отпрыски романтического движения, однако психоанализ, помимо этого, является наследником позитивизма, сциентизма и дарвинизма, в то время как аналитическая психология отвергает это наследие и возвращается к таким не подверженным изменениям источникам, как психиатрический романтизм и натурфилософия.

Во-вторых, в то время как Фрейд ставит своей целью исследование той части человеческого разума, о которой уже имели интуитивное представление великие писатели, Юнг претендует на то, чтобы с помощью объективных методов приблизиться и сделать достоянием науки некую сферу человеческой души, находящуюся в промежутке между религией и психологией.

Жизнь Карла Густава Юнга

Карл Густав Юнг появился на свет в 1875 году в небольшой швейцарской деревушке, расположенной на территории кантона Тургау, а умер в Кюснахте, на берегу Цюрихского озера, в 1961 году. Всю свою жизнь он провел в родной Швейцарии, если не считать путешествий, совершенных им во Францию, Англию, Италию, Северную Америку, Африку и Индию. Когда он родился, Фрейду было девятнадцать, Жане — шестнадцать, а Адлеру — пять. Таким образом, Юнг был самым юным среди великих первооткрывателей новой динамической психиатрии, и к тому же он пережил их всех. А поскольку он жил в нейтральной Швейцарии, ему не пришлось страдать от превратностей судьбы, омрачавших жизнь Фрейда и Адлера.

Первая половина его жизни, с 1875 по 1914 год, — то есть годы его юности, годы успешной работы в качестве врача-психиатра, период сближения и сотрудничества с Фрейдом с последовавшим затем разрывом, — проходила в эпоху европейского «вооруженного мира». После Первой мировой войны он основал собственную школу и изложил свои идеи во множестве написанных им книг. В период Второй мировой войны и в последовавшие за ней годы его связи с собственной школой ослабли, и он все чаще стал прибегать к выражению своих мыслей в субъективно личной форме. На первых порах его пациентами являлись помещенные в принудительном порядке в больницу психотики из низших слоев общества, позднее он имел дело по преимуществу с невротиками из высших классов.

Жизнь Карла Густава Юнга можно рассматривать как пример социального восхождения. Рожденный в некогда зажиточной, но обедневшей буржуазной семье, он начинает свой путь неимущим студентом, чтобы по окончании университета начать карьеру в качестве врача в психиатрической больнице и преподавателя психиатрии в университете, а впоследствии стать всемирно известным психотерапевтом и главой основанной им школы. К концу жизни он был живым воплощением почти легендарной фигуры «мудрого старца из Кюснахта», посетить которого стремились люди со всех концов света.

Семейная предыстория

Невозможно понять личность Карла Густава Юнга и сделанного им без учета его швейцарского происхождения и воспитания, полученного в семье.

Швейцария представляет собой многонациональное государство, каким была в свое время Австро-Венгрия, с той лишь разницей, что в Швейцарии только три основные этнические группы и, соответственно, три языка, и что политическое единство здесь было достигнуто до подъема свирепого национализма. Проблемы, решения которых отчаянно искала Австро-Венгерская монархия, уже нашли для себя решение в Швейцарии с помощью федерализма. Несмотря на то, что три главные этнические группы говорят на языках соседних стран — Германии, Франции, Италии, — швейцарская национальная идентичность является очень прочной, и причина этого в том, что швейцарские политические институты значительно отличаются от политических институтов других европейских стран.

Для швейцарца понятия «федерализм» и «демократия» почти синонимы. Любой швейцарец осуществляет свои политические права на трех уровнях: общинном, кантональном и федеральном. Каждая общи-

на обладает широкой автономией, и все граждане мужского пола принимают активное и постоянное участие в делах общины. Каждый швейцарец от рождения принадлежит к какой-нибудь общине, и эта привилегия передается его потомкам, независимо от фактического места их проживания. Иностранец, желающий получить швейцарское гражданство, должен сначала получить согласие со стороны какой-либо конкретной общины, после чего он становится гражданином Швейцарской Федерации. Самоуправление в Швейцарии развивалось и совершенствовалось внутри общины, а кантональное устройство страны в высшей степени согласуется с национальным единством. Ничто не показалось бы швейцарцу более отвратительным, более недемократичным, чем мысль о том, чтобы навязать всей стране общий язык. Немецкий, французский и итальянский рассматриваются в качестве трех национальных языков, и каждый из них становится официальным языком в той части страны, где на нем говорят. Более того, в германоязычной части Швейцарии целый ряд диалектов используется в качестве разговорных языков — в противоположность Schriftdeutsch (литературный немецкий язык), являющемуся языком науки и официально-административной сферы.

Еще одной чертой, отличающей Швейцарию от других стран, является организация армии. Каждый швейцарец все время, пока он числится находящимся на действительной военной службе, хранит свое военное обмундирование и оружие у себя дома, остается под командой начальника воинского подразделения общины, а его военное снаряжение подвергается регулярной проверке. В отличие от других европейских армий, в которых существует практика прохождения обязательной воинской службы в течение одного, двух или более лет, в Швейцарии на долю иных призывников выпадает всего несколько недель интенсивного военного обучения и строевой подготовки. От желающих стать офицерами требуется обязательное участие в периодически проводимых аналогичных учебных сборах. Таким образом, здесь каждый мужчина является одновременно военным и гражданским лицом. Постоянный военный штат сведен к минимуму.

Для швейцарца характерна высокая степень интеграции в жизнь своей общины, кантона и страны. Он внимательно следит за происходящим в местной политической, равно как и военной жизни, для него не редкость самый серьезный интерес к генеалогическим вопросам и к истории своей семьи. Отметим также (и это — истинно демократическая черта), что не только аристократы, но почти все семейства в Швейцарии имеют свой герб. Одним из следствий подобной общественной системы (общности уже от рождения) является то, что швейцарцу очень легко реконструировать свое генеалогическое древо с помощью хранящихся в общине метрических книг.

Этим во многом объясняется общая устойчивость швейцарского населения и его приверженность традиции, его уважение к местным обычаям и диалектам, а следовательно, и к тем значительным различиям, которые существуют между местностями. Швейцария достигла подобного состояния в процессе долгой и мучительной эволюции, включающей в себя периоды многочисленных гражданских войн. Превратности исторической судьбы привели к тому, что Швейцария постепенно превратилась в федеративное государство, состоящее из двадцати двух кантонов, три из которых разделены на полукантоны, что дает в итоге двадцать пять автономных политических единиц. На протяжении второй половины девятнадцатого столетия Швейцария превратилась в своего рода экспериментальную лабораторию для разработки демократических учреждений. И хотя Швейцария остается одной из немногих стран, в которых женщины лишены избирательного права, она вместе с тем пользуется благами от общественных норм, не известных где-либо в другом месте, такими, например, как право на законодательную инициативу со стороны граждан и право на референдум[1].

Сегодня Швейцарию обычно представляют себе в виде страны, долгое время наслаждавшейся миром и спокойствием, — и это в то время когда остальную Европу сотрясали исторические катаклизмы. На деле же, в 1875 году, когда родился Карл Густав Юнг, его родители, равно как и их родители, определенно не могли бы согласиться с подобным мнением. Юность его дедушек и бабушек совпала с эпохой, когда Швейцария не самым удачным для себя образом оказалась втянутой во все перипетии Французской революции и наполеоновских войн. Затем, в период между 1815 и 1830 годами, страна страдала от великого множества накопившихся общественных противоречий, особенно когда крестьянские партии в нескольких кантонах попытались упразднить привилегии городского патрициата. В кантоне Базель это вылилось в вооруженное противостояние жителей сельской местности и горожан, закончившееся в 1833 году разделением этого кантона на две политические единицы: Базель-Штадт и Базель-Ланд. В 1938 году в Швейцарии была объявлена мобилизация, и она стояла на грани войны с Францией. В 1845 году семь католических кантонов образовали отдельную лигу, Зондербунд, что привело к гражданской войне, закончившейся победой Федерации и очередным воссоединением Швейцарии в 1847 году. В 1857 году Швейцария снова была вынуждена привести в состояние мобилизации свою армию — на этот раз ввиду угрозы со стороны Пруссии, но этот конфликт был улажен за столом переговоров. Не меньше несогласия и раздоров было и в религиозных делах.

В личности Карла Густава Юнга с предельной полнотой отразились не только характернейшие черты психического склада швейцар-

цев, но и дух его родного города, Базеля, дух его отдаленных предков и семьи. Базель — это не просто город, но единственный в своем роде образчик самодостаточной политической единицы: с собственным правительством, собственным законодательным собранием, собственными министерскими департаментами и администрацией. Промышленный и торговый центр международного значения, расположенный на скрещении Швейцарии, Франции и Германии, Базель в описываемое время был еще достаточно небольшим городом, так что горожане могли знать друг друга в лицо. В 1875 году — в год рождения Юнга — в Базеле было 50 000 жителей. Начиная с эпохи Ренессанса, Базель неизменно оставался одним из очагов европейской культуры. Прогуливаясь в детстве по его улицам, Юнг мог встретить выдающегося историка и философа Якоба Буркхардта или старого Бахофена; повсюду он слышал разговоры о Ницше, с которым многие в городе были знакомы; а самого малыша Юнга на улице безошибочно опознавали как «внука знаменитого Карла Густава Юнга». И действительно, его дед, Карл Густав Юнг (1794–1864)[2], был легендарной фигурой в Базеле[3]. Сын немецкого врача, он изучал медицину в Гейдельберге, где свел знакомство с поэтами-романтиками, сам писал стихи и студенческие песни[4]. Тогда же он был обращен в протестантизм прославленным Шлейермахером. 17 октября 1817 года группа университетских профессоров организовала с разрешения правительства религиозно-патриотический фестиваль в Вартбурге, в Саксонии. И хотя организаторы празднества тщательно воздерживались от каких-либо политических манифестаций, власти воспользовались ничтожным инцидентом для того, чтобы вмешаться, а немного погодя запретить подобные студенческие организации на всей территории Германии. Карл Густав Юнг, наряду со многими другими молодыми людьми, был брошен в тюрьму без суда. После своего освобождения тринадцать месяцев спустя ему стало ясно, что его карьера безнадежно испорчена, и он эмигрировал во Францию. В Париже ему довелось встретиться с Александром фон Гумбольдтом, который, будучи знаком с положением дел в Базельском университете и нуждаясь в энергичном молодом человеке, который был бы способен реорганизовать медицинский факультет университета, увидел такого человека в Юнге и написал для него рекомендательное письмо, в результате чего Карл Густав Юнг-старший стал швейцарским гражданином и одним из первейших лиц в Базеле. Согласно всем описаниям современников, это был человек неотразимого обаяния, покорявший сердца всех, с кем ему приходилось иметь дело. Тем не менее в изображении одного из сыновей он предстает деспотичным отцом, хотя временами у него и возникало желание принять участие в развлечениях и проделках детей[5]. После смерти первой жены, от которой у него было трое детей, он отправился

к мэру Базеля просить руки его дочери. Мэр отказал ему в этой просьбе, после чего Карл Густав Юнг прямиком направился в первую попавшуюся таверну и обратился к официантке с вопросом, не согласится ли она выйти за него замуж. Та немедленно приняла его предложение, и брак был заключен, к великому изумлению всего города. Она умерла спустя три года, оставив Юнгу еще двоих детей. Он решил жениться еще раз, и теперь мэр согласился выдать за него свою дочь, Софи Фрей. Всего у него было тринадцать детей, причем судьба некоторых из них явилась причиной глубокой скорби, не покидавшей его в течение последних лет жизни. В 1857 году он основал приют для умственно отсталых детей, которому стал отдавать большую часть своего времени.

Карл Густав Юнг-старший вкушал плоды необычайно успешной карьеры, являлся одним из самых модных врачей в Базеле, был избран ректором университета, стал Великим Магистром швейцарских франкмасонов и при этом успевал писать научные трактаты, а под различными псевдонимами — и театральные пьесы. Поговаривали, что он был незаконным сыном Гете. Несомненно, имеется определенное физическое сходство между этими двумя людьми. Карл Густав Юнг-старший никогда не касался этой темы, но, вероятно, заслуживает внимания тот факт, что на одной из страниц своего дневника он вынес суровый приговор отсутствию нравственного чувства в двух прочитанных им пьесах Гете, а также и то, что в анатомическом трактате об аномалиях в скелете он не сослался на классическое исследование Гете[6]. История о предполагаемом происхождении от Гете была одной из причин того, что на протяжении всей своей жизни старый Карл Густав Юнг оставался в глазах людей легендарной личностью. Вот таким был этот обворожительный и незаурядный человек, которого психиатру Карлу Густаву Юнгу уже не довелось застать в живых, но чье имя он получил и чей образ, вне всякого сомнения, оказал огромное влияние на его судьбу[7]. Дедушка и бабушка Карла Густава Юнга с материнской стороны были не менее замечательными людьми, чем родители его отца. Самуил Прейсверк (1799–1871), известный теолог и гебраист, испытал в своей жизни много превратностей, прежде чем стал antistes базельской церкви, то есть председателем сообщества пасторов. Он заслужил себе репутацию набожного и ученого человека, сочинившего множество стихотворений и церковных гимнов, а также написавшего грамматику древнееврейского языка. Он был убежден, что Палестина должна быть возвращена евреям, и активно отстаивал эту идею, так что в наши дни его рассматривают в качестве предшественника идеологов сионизма. Он был женат дважды: от первой жены у него был только один ребенок, а от второй, Аугусты Фабер, родилось тринадцать. Согласно семейному преданию, он имел видения

и беседовал с духами, и в его кабинете сохранялся специальный стул для духа его первой жены, навещавшего его каждую неделю — к глубокому огорчению его второй жены. Рассказывают также, что когда он писал свои проповеди, то обычно сажал свою дочь Эмилию у себя за спиной, чтобы духи не могли подглядывать через плечо, что он пишет. Говорили, что его вторая жена (бабушка К.Г. Юнга) обладала даром глубинного зрения, а некоторым членам ее семьи были присущи парапсихологические способности[8].

И отец, и мать К.Г. Юнга были младшими детьми в уже достаточно больших семьях и принадлежали, если можно так выразиться, к «поколению, принесенному в жертву», ибо они родились, когда их почтенные отцы впали в крайнюю бедность. Пауль Ахиллес Юнг (1842–1896) страстно интересовался классическими языками и древнееврейским, но был вынужден стать скромным сельским пастором. Он женился на Эмилии Прейсверк, последнем отпрыске профессора, у которого он изучал древнееврейский. У Юнга сложилось впечатление, что их брак был несчастливым. Позволим, однако, заметить, что автору этой книги некогда довелось беседовать с одной старой дамой, которая в молодости была хорошо знакома с преподобным Паулем Юнгом. Она вспоминала его как тихого, непритязательного, добросердечного человека, который превосходно знал, как проповедовать крестьянам, и пользовался повсеместной любовью и уважением со стороны своих прихожан. Согласно еще одному заслуживающему доверия источнику, коллеги находили его до некоторой степени скучным человеком.

По завершении своих занятий теологией преподобный Пауль Юнг был назначен пастором прихода в Кессвиле, расположенного на берегах Констанцкого озера, а затем, в течение трех лет служил пастором в приходе Лауфен, около Шаффхаузена. В 1879 году он получил окончательное назначение в Кляйн-Хюнинген, небольшую деревушку, относящуюся к кантону Базель-Штадт. Он сделался протестантским капелланом Фридматтской психиатрической больницы в Базеле[9]. Мы не располагаем достаточными сведениями о личности преподобного Пауля Юнга, чтобы понять, в чем заключалась причина того устойчивого негодования, которое сын испытывал по отношению к нему на протяжении всей его жизни. Он, конечно же, не обвинял его в тиранических замашках. Скорее, его возмущала, как ему представлялось, незрелость отца, то, что, будучи ученым по образованию, он не развился интеллектуально, но растратил свою духовную энергию на симпатичные и гуманные, но ничтожные занятия. К.Г. Юнг, кроме того, предполагал у своего отца религиозные сомнения, в которых тот не желал самому себе сознаться.

Не большими сведениями мы располагаем и о личности матери Карла Густава Юнга — Эмилии Прейсверк. В описании той же пожилой

особы, которая рассказывала автору о детстве Юнга и его отца, госпожа Пауль Юнг предстает толстой, некрасивой, не терпящей возражений и надменной. Ее собственный сын, упоминая о ней в своих мемуарах, считает нужным сказать о ее довольно трудном характере и двойственной природе ее личности. Временами, говорит он, мать бывала в высшей степени чувствительна — вплоть до демонстрации парапсихологических способностей, а вне этих периодов была скорее приземленной и неинтересной.

У преподобного и госпожи Пауль Юнг было трое детей. Самый старший, Пауль, родившийся в августе 1873 года, прожил только несколько дней. Затем появился Карл Густав, будущий психиатр, и, после девятилетнего перерыва, Иоганна Гертруда, родившаяся 17 июля 1884 года. Она никогда не была замужем, по-видимому, не имела какой-либо специальности, оставаясь в тени своего брата, которого боготворила, и умерла в Цюрихе 30 мая 1935 года.

Такой семейный фон, возможно, позволяет лучше понять некоторые стороны юнговского мышления и причины его расхождения с Фрейдом. Фрейд был любимым первенцем у красивой молодой матери, тогда как в памяти Юнга оставался образ матери, отнюдь не отличавшейся красотой и двойственной в своих проявлениях. Идея, что всякий маленький мальчик ощущает себя любовником своей матери и ревнует ее к отцу, казалась ему нелепостью. С другой стороны, Юнг делал упор не столько на враждебность сына по отношению к отцу, сколько на бессознательную идентификацию с ним и с предками с отцовской стороны. Без сомнения, Юнг меньше отождествлял себя с отцом, нежели с блестящим, романтичным и удачливым дедом. Когда Юнгу приходилось опровергать слухи о том, что последний являлся незаконным сыном Гете, он обычно улыбался при этом. Не исключено, что именно данная легенда стала одной из причин, заставивших его на склоне своих дней олицетворять собой фигуру старца-мудреца.

Юнг провел детство и юность в доме сельского пастора. Дом священника был назван «одной из зародышевых ячеек немецкой культуры»[10]. В тихом просторном доме с большим садом священнослужитель исполнял свои церковные обязанности, совершенствовался в искусстве врачевания душ, являл пример домашних добродетелей, поднимал свою семью и уделял определенное время размышлениям и научным занятиям. Сыновья многих пасторов стали выдающимися людьми, хотя были и такие, кто восставал против религиозной ортодоксии своих отцов (если не против самой религии вообще, как это было в случае с Ницше). Похоже, что в случае Юнга детство и юность, проведенные в атмосфере пасторского дома, как раз и пробудили в нем религиозные и философские интересы, но вследствие того, что он не мог получить от отца тако-

го ответа на свои вопросы, который удовлетворил бы его, он обратился к исследованию других проблем, — проблем, которые находились вне кругозора приверженцев традиционной религии.

События в жизни Карла Густава Юнга

Мы пока еще очень мало знаем о жизни Карла Густава Юнга. Биографические очерки схематичны и зияют большими пробелами[11]. Кое-что о его детстве и юности нам известно благодаря воспоминаниям его друга детства Альфреда Эри[12]. Документированного исследования жизни Юнга, подобного исследованиям Бернфельда и Гиклхорн в отношении Фрейда и Бек-Видманстеттера в отношении Адлера, еще не было проведено (единственным исключением является исследование Густава Штайнера, посвященное деятельности Юнга в ассоциации его студентов — на основе архивов этой ассоциации)[13].

Юнг всегда отклонял предложения друзей написать историю своей жизни. Но в конце 1957 года, когда ему было уже за восемьдесят, он изменил свое мнение на этот счет и написал то, что стало первыми главами его автобиографии; остальное он пересказал своей секретарше, которая позднее отредактировала текст и опубликовала его в виде книги[14]. Тем не менее здесь тоже налицо большие пробелы в биографической канве, а также противоречия между некоторыми из утверждений Юнга и тем, что нам известно по этому поводу из других источников[15]. Удивительно, что восьмидесятидвухлетний старец мог с такой точностью сохранить в памяти самые ранние из своих впечатлений. На сегодняшний день опубликована только малая часть обширной корреспонденции Юнга, а многое из написанного им недоступно читателю в печатном виде[16].

Согласно хранящимся в Базеле записям актов гражданского состояния, Юнг родился 26 июля 1875 года в Кессвиле (кантон Тургау), на побережье Констанцкого озера[17]. Шестью месяцами позже его семья переехала в Лауфен, около Шаффхаузена, где и оставалась в течение трех лет. Дом священника был расположен почти рядом с Рейнским водопадом. Место было крайне живописным, но у маленького сына священника оно вызывало некоторый страх, о чем свидетельствуют самые ранние воспоминания Юнга, зафиксированные в его автобиографии. В 1879 году, когда Карлу не было еще четырех лет, семья перебралась в Кляйн-Хюнинген, который в то время представлял собой небольшую деревушку, расположенную на берегу Рейна и заселенную крестьянами и рыбаками[18]. Сегодня Кляйн-Хюнинген — это промышленный пригород Базеля (в состав которого он был включен в 1908 году). Первоначальное сельское население давно сменилось рабочими, привлеченными из других районов для работы на химических заводах и в базельской гавани.

Но в то отдаленное время Кляйн-Хюнинген оставался еще патриархальной деревушкой, и Карл Густав ходил в школу с детьми из крестьянских семейств. Жилищем пастора стал на сей раз большой старый дом с садом и конюшнями, который был в свое время загородным домом семейства Изелин, богатой патрицианской фамилии, чей герб с тремя розами на щите все еще можно видеть на одной из дверей. Существовало определенное противоречие между аристократическим стилем постройки и материальными средствами сельского пастора в описываемые времена.

О детских годах Карла Густава нам известно не много. Альберт Эри рассказывает лишь о нескольких проделках своего товарища в отношении других детей. Сам Юнг в автобиографии уделяет подчеркнутое внимание детским фантазиям, сновидениям и тревожности. Он начал ходить в сельскую школу вместе с детьми местных фермеров и вскоре почувствовал, что чем-то отличается от своих однокашников. Юнг сообщает, что, когда ему исполнилось шесть лет, отец начал учить его латинскому языку. Впоследствии он приобрел солидные познания в этом языке, хотя, по-видимому, никогда не смог сравняться с отцом, в совершенстве владевшим им.

Весной 1886 года, в возрасте одиннадцати лет, Юнг приступил к занятиям в учебном заведении второй ступени — в гимназии Базеля. Судя по его автобиографии, это событие стало началом трудного для него периода, в течение которого ему долго не удавалось найти общего языка с одноклассниками. Он успевал в латыни, но был совершенно беспомощен в математике. Случай, который произошел тогда с Юнгом, удивительно напоминает случившееся в детстве с Андре Жидом. Какой-то школьник совершенно неожиданно для Юнга повалил его на землю; Карл Густав ненадолго потерял сознание, затем очнулся, но продолжал еще некоторое время симулировать обморок — с целью напугать виновного. С этих пор он терял сознание всякий раз, когда ему не хотелось идти в школу или даже просто выполнять домашнее задание. В течение шести месяцев он прогуливал уроки и бродил по окрестным полям и лесам, погруженный в мечтания и сновидения наяву. Доктора были озадачены; один из них заподозрил у него эпилепсию. Случилось, однако, так, что в один из дней Карл Густав подслушал, как его отец, беседуя с навестившим его приятелем, выражает озабоченность по поводу будущей судьбы сына. Мальчик неожиданно осознал, что жизнь — это серьезная штука, и что ему придется приготовиться к тому, чтобы самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. Начиная с этого дня он прилагал все усилия, чтобы преодолеть свои обмороки и преуспел в этом. Вскоре он возобновил свои школьные занятия. Этот эпизод демонстрирует не только то, как детский невроз способен начаться, но и то, как от него можно самостоятельно исцелиться, — в противоположность случаю

Андре Жида, все детство которого было испорчено аналогичным неврозом[19]. В этой истории можно также видеть предзнаменование одного из главных принципов юнговской психотерапии, а именно — возвращение пациента к реальности.

По-видимому, именно с этого момента занятия Юнга в гимназии пошли гораздо лучше. Тем не менее в автобиографии Юнг почти ничего не сообщает о своих занятиях и учителях, уделяя основное внимание событиям своей внутренней жизни: мечтам, снам наяву, фантазиям и интуициям. После того, как он однажды увидел старый, еще восемнадцатого века экипаж, он вдруг почувствовал, что жил в те времена, и у него стали возникать воспоминания о той, предшествующей жизни. Ему казалось, что в нем живут две личности: личность нервного и трудного мальчика, каким он виделся окружающим, а кроме нее, неведомая никому личность выдающегося человека из восемнадцатого столетия[20]. Кроме того, юный Карл Густав увлекся чтением. Сильнейшее впечатление произвели на него Шопенгауэр, чья пессимистическая философия достигла тогда пика своей популярности, и Гете, в «Фаусте» которого он увидел истолкование проблемы зла. Кроме того, в возрасте пятнадцати-восемнадцати лет он пережил религиозный кризис, именно в тот период, который был отмечен (о чем ясно говорится в автобиографии) долгими утомительными и бесплодными дискуссиями с отцом. В результате у него сложилось определенное отношение к религии, позднее выразившееся в излюбленном им суждении: «Я не могу верить в то, чего я не знаю, а в то, что я знаю, мне нет необходимости верить»[21].

Карл Густав Юнг сдал свои последние экзамены, дающие право на получение аттестата зрелости, весной 1895 года[22]. Как вспоминает Эри, ему повезло, что учебный устав того времени позволял выпускать из гимназии будущего абитуриента со средним баллом в аттестате, так что Юнг получил возможность компенсировать свои слабые успехи в математике за счет других дисциплин. Когда пришло время выбирать профессию, он остановился на медицине. Его отцу удалось выхлопотать для него стипендию в Базельском университете. (Следует отметить, что стипендии в то время были весьма скудные и назначались только студентам из самых малоимущих семейств.) Отец Юнга был уже тяжело болен и скончался годом позже. Карл Густав Юнг записался на медицинский факультет Базельского университета 18 апреля 1895 года и изучал здесь медицину с летнего семестра 1895 года до зимнего семестра 1900–1901 годов[23]. Отец Юнга умер 28 января 1896 года, когда сын его был еще только студентом-первокурсником. Юнг остался с матерью и сестрой и с этих пор должен был принять на себя обязанности главы семьи. Они переехали в маленький домик в деревне Биннинген, откуда Юнг каждый день, обычно пешком, отправлялся в университет. Он за-

кончил учебу через пять лет — сравнительно короткий срок даже для того времени, и это дает нам основание полагать, что он трудился не покладая рук.

Тем не менее часть своего времени он посвящал деятельности студенческих обществ. 18 мая 1895 года Юнг был принят в члены базельской секции Зофингии (Zofmgia), швейцарского студенческого общества. Густав Штайнер сообщает, что в базельской секции в то время состояло приблизительно 120 членов — из студентов четырех факультетов (теологического, философского, юридического и медицинского), и что в среднем на еженедельно проводившихся собраниях присутствовало до восьмидесяти членов[24]. Альберт Эри, принадлежавший к этому обществу, пишет, что Юнг не проявлял интереса ни к публичным балам, устраиваемым обществом, ни к пирушкам его членов, — интересовали его главным образом дискуссионные вечера, в которых он принимал самое активное участие, особенно если тема касалась вопросов философии, психологии и оккультизма. Густав Штайнер описывает, как Юнг покорял умы своих слушателей. Он был страстно увлечен в это время такими авторами, как Сведенборг, Месмер, Юнг-Штиллинг, Юстин Кернер, Ломброзо и, в первую очередь, Шопенгауэр. Как мы в дальнейшем увидим, выступления Юнга и его участие в дискуссиях нашли отражение в архивах общества, и это позволяет нам проследить зарождение некоторых из основных понятий аналитической психологии, начиная с самых их истоков. Густав Штайнер говорит также о доминирующем положении Юнга среди своих товарищей-студентов, об ощущении ими его превосходства, и рассказывает, в частности, как Юнг однажды с гордостью говорил о том, что является потомком Гете. «Это подавалось им не как легенда, которая должна озадачить и смутить слушателей, — добавляет Штайнер, — но как непреложный факт».

В автобиографии Юнг рассказывает, что важнейшим событием этого периода он считает открытие для себя «Заратустры» Ницше — книги, которая произвела на него необычайное впечатление, так же, как и на многих молодых людей его поколения. Он рассказывает также об одном летнем дне, когда он сидел за работой в своей комнате, а его мать, сидя у окна в соседней, служившей столовой, занималась вязанием. Неожиданно они услышали страшный шум, напоминающий шум от взрыва. Мать Юнга была страшно испугана: столешница круглого обеденного стола орехового дерева раскололась почти пополам. Двумя неделями позже еще один взрыв раздался в доме — на этот раз он донесся со стороны буфета. Нож для резки хлеба «разорвало» на четыре части, как если бы кто-то с усилием отламывал от него кусок за куском. Вскоре после этого Карл Густав узнал, что его пятнадцатилетняя кузина с материнской стороны, Элен Прейсверк, принимала дея-

тельное участие в спиритических сеансах и была подвержена приступам медиумического сомнамбулизма. Это открытие стало началом важного эпизода в жизни Юнга.

Карл Густав, которому было тогда двадцать четыре года, объединил вокруг себя группу лиц для проведения опытов с юным медиумом — Элен Прейсверк[25]. Заметки, делаемые Юнгом об этих экспериментах, собранные вместе должны были стать основой для его последующей медицинской диссертации. Тем временем он жадно поглощал все, что только мог найти из написанного по спиритизму и парапсихологии, и делал эти вопросы предметом обсуждения на встречах в Зофингии, отстаивая на них дело спиритизма и рассуждая о Цолльнере и Круксе как о мучениках науки.

К концу занятий Юнга на медицинском факультете его интерес сместился к психиатрии. Если верить его автобиографии, то это явилось следствием неожиданного импульса, полученного им в процессе чтения «Учебного курса психиатрии» (Lehrbuch der Psychiatric) Крафт-Эбинга. Но так ли уж была нова психиатрия для него, как это подразумевается в автобиографии? Согласно документам из архива Базельского университета, он прослушал курс по психиатрии у профессора Вилле в течение зимнего семестра 1898–1899 года и летнего семестра 1900 года, не говоря уже о том, что его дед, Карл Густав Юнг, проявлял глубокое внимание к умственно отсталым детям, а отец был капелланом Фридматтской психиатрической лечебницы. В то время в Швейцарии единственный способ освоить профессию психиатра заключался в том, чтобы стать сотрудником университетской психиатрической больницы в качестве ассистента-интерна (то есть постоянно живущего при больнице) и постепенно подниматься по ступеням медицинской иерархии Юнг решил покинуть Базель, где он ощущал себя слишком плотно идентифицированным с семьями своих родителей, и подал заявление о приеме на работу в качестве врача в прославленную психиатрическую клинику Бургхольцли в Цюрихе.

Тем временем Юнг выдержал последний экзамен, по-видимому, в октябре 1899 года и завершил первый период военной службы (так называемую Школу новобранцев) в качестве пехотинца в Ааргау[26]. После этого, 11 декабря 1900 года, он приступил к своей новой деятельности в Бургхольцли[27].

Свежеиспеченного врача-интерна, прибывшего в Бургхольцли, привратник проводил в приемную, где минуту спустя появился профессор Юджин Блейлер, чтобы приветствовать вновь прибывшего несколькими теплыми словами. Затем, невзирая на протесты юного врача, он пожелал взять его чемодан и сам отнес его в комнату, предназначенную для интерна. Начиная с этого момента молодому человеку предстояло

жить в своего рода психиатрическом монастыре. Юджин Блейлер являлся истинным воплощением работы и долга[28]. Он был неизменно требователен как к себе, так и к своим сотрудникам. Он требовал, чтобы те работали не щадя своих сил и были безгранично преданы пациентам. Врачи-интерны должны были совершать первый обход своих палат до начала ежедневного собрания медицинского персонала, проходившего в восемь тридцать утра, на котором они обязаны были отчитываться о состоянии своих пациентов. Два или три раза в неделю в 10.00 проводились собрания, носившие название Gemeinsame (общая дискуссия между врачами на материале историй болезни новых пациентов) под руководством Блейлера. Вечерний обход должен был проводиться между тремя и пятью часами пополудни. Секретарей не было, и врачам-интернам самим приходилось печатать на машинке истории болезни своих пациентов, часто засиживаясь за этим занятием до десяти-одиннадцати часов вечера. Двери больницы закрывались на ключ в десять вечера. Младшим интернам не положено было иметь ключ, и если им случалось возвращаться в больницу после десяти, то приходилось брать ключ взаймы у старшего врача-интерна. Блейлер являл собой пример предельного внимания к пациентам; он обычно наведывался в палаты от четырех до шести раз в день. Доктор Альфонс Мёдер, работавший в Бургхольцли в то героическое время, в частности, рассказывает:

> Все внимание персонала сосредоточивалось на пациенте. Исследователь учился тому, как беседовать с ним. Бургхольцли в то время являлась своего рода фабрикой, где вам приходилось работать очень много и за самую скудную плату. Все — от профессора до молодого врача-интерна — были целиком поглощены своей работой. Воздержание от спиртных напитков вменялось в обязанность каждому сотруднику. Блейлер был приветлив со всеми и никогда не пытался делать вид, что он здесь главный[29].

Профессор Якоб Вирш добавляет к вышесказанному:

> Блейлер никогда ни в чем не обвинял врача-интерна. Если что-то не было сделано, он обычно просто осведомлялся о причинах упущения. В нем не было ничего диктаторского. Он нередко захаживал в комнаты резидентов после ленча и выпивал с ними чашечку кофе. Затем он обычно заводил разговор о новых открытиях в медицине вообще или в хирургии — и не для того, чтобы проверять знания резидентов, а просто для обмена информацией[30].

Юнг рассказывает, что первые шесть месяцев своего пребывания здесь он был полностью отрезан от внешнего мира и к тому же по ряду

причин не мог сблизиться со своими коллегами, так что все свое свободное время он посвящал чтению пятидесяти томов «Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie». Крайне удивительно, что в его автобиографии имя Блейлера не упоминается ни разу. Странно и его утверждение, что, когда он прибыл в Бургхольцли, психиатры там интересовались только описанием симптомов и подыскиванием соответствующих ярлыков для пациентов, а «психология психически больного вообще не играла никакой роли». Это утверждение находится в полном противоречии с воспоминаниями тех, кто работал с Блейлером. В первый год своей работы в Бургхольцли Юнг, кроме того, завершил свой офицерский учебный курс и получил звание лейтенанта Швейцарской армии. Его медицинская диссертация, темой которой стала история юной кузины-медиума, появилась в 1902 году. Затем он взял отпуск, чтобы послушать лекции Жане в Париже в течение зимнего семестра 1902–1903 годов. Довольно любопытно, что и этот период опущен в автобиографии. Согласно надежным источникам из юнговского окружения, он не был особенно прилежным слушателем и тратил много времени на посещение интересных мест французской столицы.

По возвращении из Парижа Юнг возобновил свою работу в Бургхольцли, а 14 февраля 1903 года сочетался узами брака с Эммой Раушенбах, дочерью богатого промышленника из Шаффхаузена. Блейлер, который только что ввел в Бургхольцли практику психологических тестов в той форме, в какой они существовали тогда, предложил Юнгу поэкспериментировать с тестом словесных ассоциаций. Проводя исследования в этом направлении, Юнг впоследствии добился очень больших успехов.

У тех, кто был знаком с Юнгом в то время, возникало впечатление, что перед ним открывается необычайно блестящая карьера университетского психиатра. 1905 год был особенно удачным для него. Во-первых, он был назначен первым заместителем главного врача, звание, равноценное званию руководителя клиники в американском институте; это означало, что он занял в больничной иерархии второе место после Блейлера. Во-вторых, он был назначен главой амбулаторного отделения, в котором гипноз в то время постепенно заменялся другими формами психотерапии. В-третьих, он получил завидную должность приват-доцента в местном университете. Он открыл свою преподавательскую деятельность в зимний семестр 1905–1906 годов курсом лекций по психиатрии с демонстрацией клинических больных. За этим последовал (в течение летнего семестра 1906 года) курс по психотерапии, тоже с демонстрацией примеров. В течение нескольких лет ему приходилось чередовать курс по истерии в течение зимнего семестра и курс по психотерапии в течение летнего[31].

В 1906 году Юнг опубликовал первый том исследований, проведенных им совместно с рядом сотрудников по разработке теста словесных ассоциаций. Он обменялся первыми письмами с Фрейдом и с этого момента полностью посвятил свою жизнь делу психоанализа. В ноябре 1906 года он опубликовал резкое возражение на сравнительно безобидную критику фрейдовской теории истерии со стороны Ашаффенбурга. В феврале 1907 года он отправился в Вену, чтобы нанести визит Фрейду. В сентябре 1907 года он принял участие в работе Международного психиатрического конгресса в Амстердаме и выступал в дискуссии, посвященной проблеме истерии, в качестве убежденного сторонника Фрейда. 26 ноября того же года он прочел лекцию о психоанализе на заседании Цюрихского медицинского общества. Лекция эта вызвала оживленную дискуссию, в ходе которой Юнг получил поддержку со стороны Блейлера[32]. Кроме того, в этом же году вышла в свет «Психология Dementia Praecox», первая монография, посвященная исследованию психотического больного методами «глубинной психологии». Между тем все сотрудники Бургхольцли находились под обаянием идей Фрейда и стремились прояснить, в какой степени эти идеи способны помочь лучшему пониманию психических заболеваний.

В 1908 году Юнг становится владельцем большого и красивого дома, построенного по его собственному проекту в Кюснахте на берегу озера, неподалеку от Цюриха. Он приобретает международное признание, и в 1909 году его приглашают принять участие в торжествах, связанных с двадцатилетним юбилеем университета Кларка в Вустере, штат Массачусетс. Фрейд, как мы уже знаем, тоже был в числе приглашенных гостей, и они оба выступали с несколькими лекциями в сентябре 1909 года.

Приблизительно в то же самое время Юнг расстался с Бургхольцли и переехал в собственный дом в Кюснахте, где ему было суждено провести остаток жизни. Этот поворотный пункт в его биографии объясняли по-разному, но, без сомнения, за ним скрывался острый конфликт, развившийся между Юнгом и Блейлером.

Чувствовалось, что Юнг настолько связал себя с психоанализом, что стал пренебрегать своими обязанностями больничного врача, и между этими двумя людьми все чаще возникали разногласия во взглядах[33]. Юнг теперь много времени посвящал растущей частной практике и, помимо того, играл выдающуюся роль в психоаналитическом движении в период с 1909 по 1913 год. Он был первым президентом Международной психоаналитической ассоциации и ведущим редактором «Ежегодника психоаналитических и психопатологических исследований» — первого психоаналитического журнала. Начиная с 1910 года в течение каждого летнего семестра Юнг читал в Цюрихском университете курс лекций под названием «Введение в психоанализ».

Об истории взаимоотношений Фрейда и Юнга мы долгое время составляли себе представление на основании отчетов, принадлежащих Фрейду и его ученикам. Юнговская версия этой истории была представлена им в 1925 году на семинаре для ограниченного круга исследователей и в 1962 году, для значительно большей аудитории, — в его автобиографии. Юнг никогда не скрывал своего восхищения Фрейдом и его открытиями. Но Фрейд, помимо этого, символизировал для него фигуру отца, которую ему не удалось открыть для себя в личностях таких ученых, как Флурнуа и Жане. Фрейд был занят поисками ученика, достойного стать его преемником в качестве лидера психоаналитического движения, и полагал, что нашел такового в лице Юнга. В результате определенный период их отношений сопровождался взаимным энтузиазмом, который усиливался за счет того, что не только Юнг, но и его научный руководитель Блейлер, открыто выступили в защиту Фрейда. Однако с самого начала здесь присутствовало также и фундаментальное взаимное непонимание. В то время как Фрейду требовались ученики, которые принимали бы его доктрину безоговорочно, Блейлер и Юнг воспринимали свои отношения с ним как сотрудничество, которое оставляло обе стороны свободными. На первых порах связь между ними облегчалась обоюдной благорасположенностью. Юнг был столь же победительной и легко приспосабливающейся к обстоятельствам натурой, что и его дед с отцовской стороны; Фрейд был склонен по своему характеру более терпеливо переносить превратности судьбы и даже идти на определенные уступки, хотя и оставался непреклонен в том, что касалось его теории эдипова комплекса и либидо. Но это были идеи, заведомо неприемлемые для Юнга, а отсюда с неизбежностью вытекало, что рано или поздно Фрейд вынужден будет предъявить Юнгу упрек в оппортунизме, а Юнг — порвать отношения с Фрейдом из-за его не терпящего возражений догматизма. Подлинная история их взаимоотношений станет, по-видимому, известна нам только после публикации их переписки.

Психоанализ еще не представлял собой единого учения, каким ему было суждено стать позднее. Как поясняет Мёдер, члены Цюрихской психоаналитической группы не подвергались такому строгому контролю со стороны Фрейда, как члены Венской группы[34]. Они чувствовали себя свободными развивать свои идеи на свой собственный лад, так что самые первые отклонения от доктрины Фрейда еще могли осуществляться беспрепятственно. Первые же серьезные расхождения с Фрейдом дали о себе знать в 1911 году в работе Юнга «Метаморфозы и символы либидо». Затем, с декабря 1911 по февраль 1912 года, в Цюрихе проходила оживленная полемика, в которую Юнг включился в качестве сторонника Фрейда[35]. В ноябре 1912 года Юнга пригла-

сили в Нью-Йорк прочесть цикл лекций о психоанализе, где он изложил свою собственную версию психоанализа, являющуюся дальнейшим развитием основных идей Фрейда. Фрейд со все более возрастающей подозрительностью присматривался к этим отклонениям. Тем не менее он доверил Юнгу миссию отстаивать психоанализ в полемике с Жане на Международном медицинском конгрессе, проводившемся в августе 1913 года в Лондоне. Однако доклад Юнга, посвященный психоанализу, содержал в себе по преимуществу его собственные взгляды на этот предмет [36]. Когда Международная психоаналитическая ассоциация в следующем месяце собралась в Мюнхене на свой очередной конгресс, конфликт между Юнгом и основной психоаналитической группой принял более острый характер[37]. В октябре 1913 года Юнг выходит из психоаналитической ассоциации и слагает с себя обязанности редактора «Ежегодника психоаналитических исследований». Помимо этого, Юнг отказывается от своей должности приват-доцента; он прочел свой последний курс лекций в зимний семестр 1913–1914 академического года, после чего порвал связи с Цюрихским университетом, подобно тому, как он прервал их с Бургхольцли в 1909 году и с психоаналитической ассоциацией в 1913[38]. Эти события ознаменовали начало промежуточного периода протяженностью в шесть лет (с конца 1913 до 1919 года), который долго оставался наиболее неясным в жизни Юнга, и только после появления автобиографии его смысл полностью открылся.

Было известно, что после своего разрыва с Фрейдом и ухода из Цюрихского университета Юнг целиком отдался частной практике. Во время Первой мировой войны Юнг в течение каждого года с перерывами на несколько месяцев мобилизовывался для несения службы в Швейцарской армии, и в период с 1914 по 1919 год очень мало публиковался. На семинаре, состоявшемся в 1925 году, он пролил свет на основные стадии своего противоборства с бессознательным, которому он решил посвятить вышеозначенные годы[39]. Эти факты, которые до недавнего времени были известны только небольшому кружку приверженцев, теперь благодаря автобиографии сделались достоянием широкой гласности. Они дают ключ к пониманию учения Юнга и объясняют его происхождение.

Юнг, которому пришлось работать в Бургхольцли с тяжелыми психическими больными, был поражен тем, насколько часто в их галлюцинациях и разнообразных формах бреда встречаются универсальные символы (то, что он позднее назвал архетипами). Это обстоятельство заставило его предположить, что существует еще одна сфера бессознательного, помимо сферы вытесненных представлений, являвшейся объектом исследования Фрейда. Юнг достиг к этому времени возраста, который, согласно его собственным теориям, знаменует «поворот

жизни», то есть периода между тридцатью пятью и тридцатью восемью годами. Он предпринял четырехдневное путешествие на яхте по Цюрихскому озеру в компании с Альбертом Эри и тремя молодыми врачами. Альберту Эри страстно захотелось прочитать вслух перед друзьями эпизод так называемой «Некии» из гомеровской «Одиссеи» — путешествия Одиссея в Обиталище Мертвых — в классическом немецком переводе Фосса[40]. Все вместе взятое стало приятной прелюдией к путешествию через бессознательное, которое Юнгу предстояло совершить и которое он нередко называл своей собственной «некией» (Nekyia). Похоже, что в период между 1910 и 1913 годами Юнг сделал несколько попыток измерить глубину этой неведомой сферы, позволяя бессознательному материалу всплывать в сновидениях и фантазиях. Затем настал момент когда он сделал решающий шаг и пустился в одинокое плавание и полное опасностей предприятие.

Этот новый эксперимент в чем-то сходен с «самоанализом» Фрейда, который, скорее всего, был неизвестен Юнгу, впрочем, и сам метод «самоанализа» был совершенно иным. В то время как Фрейд использовал прием свободных ассоциаций, Юнг прибегнул к технике, позволяющей вызывать подъем бессознательных образных содержаний и их перетекание в сознание с помощью двух средств: во-первых, путем записывания и зарисовывания каждое утро своих сновидений, а во-вторых, рассказывая самому себе различные истории и заставляя себя продолжать их дальше, записывая при этом все, что его воображение могло бы продиктовать. По словам Юнга, он начал проводить подобные опыты с 12 декабря 1913 года. Сперва он дал направление своим дневным грезам, вообразив, что он прорывает ход глубоко под землю и попадает в какие-то подземные галереи и пещеры, где навстречу ему попадаются всевозможного рода причудливые, фантастические фигуры. 18 декабря архетипы начали проявляться в более зримом виде. Юнгу приснилось, что он с каким-то юным дикарем, одетым в звериные шкуры, находится на вершине пустынной горы, где они убили древнего германского героя, Зигфрида. Юнг истолковал этот сон как означающий, что он должен убить тайно живущее в его душе отождествление себя с героической фигурой, — позиция, которую ему необходимо преодолеть[41]. В подземном мире, куда теперь вели его фантазии, Юнг встретил фигуру старца, который назвал себя Илией, вместе со слепой девушкой, Саломеей, а несколько позже мудрого и ученого мужа — Филемона. Беседуя с Филемоном, Юнг узнал, что человек способен получить знание о вещах, которые сам непосредственно не сознает.

Однако мир архетипов таил в себе угрозу затянуть искателя в свою пучину, и Юнг понял, что этот тип опыта крайне опасен. Поэтому он решил установить для себя обязательным подчинение нескольким прави-

лам. Во-первых, необходимо сохранять прочную связь с реальностью. К счастью, у него имелся дом, семья, профессия и клиентура — и он заставлял себя скрупулезно исполнять все свои обязанности. Во-вторых, он должен был подвергать тщательной проверке каждый образ, всплывающий из бессознательного, и переводить его, насколько это возможно, на язык сознания. В-третьих, он должен был удостовериться, насколько откровения бессознательного могут быть переводимы в поступки и включаемы в повседневную жизнь. Благодаря этим правилам, говорит Юнг, он оказался способен осуществить свое нисхождение в Аид и вернуться назад, с честью завершив опасный для себя эксперимент. Юнг считал, что Ницше пережил сходный опыт. Его «Заратустра» — это не что иное, как грозное, труднопереносимое извержение архетипического материала, но вследствие того, что сам Ницше не имел прочной опоры в реальности, живя одиноко, без семьи и без определенных занятий, он был задавлен этим материалом.

Одним из самых необыкновенных эпизодов юнговского эксперимента был такой. Как-то раз, записывая то, что ему диктовало бессознательное, он спросил себя: «Действительно ли является наукой то, что я сейчас делаю?» — и услышал в ответ женский голос: «То, чем ты занимаешься, — это искусство!» Юнг не соглашался с этим, но голос продолжал настаивать, что это все-таки искусство, и в таком духе они беседовали некоторое время. В результате Юнгу стало понятно, что внутри него имеется автономная, женской природы, не до конца выраженная личность, которую он назвал своей анимой. Эта анима говорила голосом дамы, имевшей в то время на Юнга определенное влияние. Юнг сознавал, что то, что говорит ему анима, неверно, и после долгого спора с ней он понял, что ее влияние может быть как благотворным, так и вредным; проблема заключалась в том, чтобы установить с ней правильные взаимоотношения.

Еще один шаг вперед был сделан, когда Юнг ощутил потребность в тщательной разработке поступавших к нему посланий из бессознательного. Согласно его автобиографии, в одно из воскресений 1916 года звонок у входной двери его дома громко зазвонил, хотя на площадке перед дверью никого не было видно. В итоге у него возникло впечатление, что толпа духов заполнила дом. Юнг невольно воскликнул про себя: «Что все это значит?» и в ответ услышал хор: «Мы души мертвых, вернувшихся из Иерусалима, где не нашли того, что там искали». Этот ответ послужил началом его «Septem Sermones ad Mortuos» («Семь проповедей мертвецам»), которые он написал за три вечера и опубликовал анонимно, приписав их авторство гностику Василиду из Александрии[42]. Впоследствии он написал еще две работы, по-видимому, в том же неогностическом ключе — «Черную книгу» и «Красную книгу», которые остались неопубликованными.

Постепенно у Юнга стало создаваться впечатление, что он выходит из пределов бесконечно длящейся ночи, и тогда он сделал еще одно замечательное открытие: процесс, в который он был вовлечен, имел свою цель: он вел индивидуума к открытию наиболее сокровенных начал своей личности, иначе говоря — самости[43]. Это продвижение от бессознательного к сознательному и от эго к самости Юнг наименовал индивидуацией. К концу Первой мировой войны Юнг обнаружил, что решающий сдвиг в процессе индивидуации часто знаменовался появлением в сновидениях специфической квадратной фигуры, более или менее сходной с мандалами Индии или Тибета. В начале 1919 года Юнг решил положить конец своему эксперименту, из которого он вышел новым человеком с новым учением. Ему предстояло теперь посвятить оставшуюся часть жизни применению и распространению своих открытий.

Мы, таким образом, видим, что промежуточный период с 1913 по 1919 год явился периодом *творческой болезни*. Она характеризовалась теми же чертами, что уже были отмечены нами в болезни Фрейда. Творческие болезни обоих этих людей последовали за периодом интенсивного интереса к тайнам человеческой души. Как Фрейд, так и Юнг, порвали или свели к минимуму свои связи с университетом и профессиональными или научными организациями. Оба испытывали симптомы эмоционального нездоровья: Фрейд говорил о своей «неврастении», или «истерии»; Юнг долгие часы проводил в раздумье у берегов озера или строил из камешков маленькие замки. Оба добровольно приняли на себя бремя обязательных психических упражнений, каждый согласно своему собственному методу: Фрейд — с помощью свободных ассоциаций, пытаясь таким образом вернуть себе утраченные воспоминания раннего детства; Юнг — посредством сознательно возбуждаемого воображения и зарисовывания своих сновидений. Для обоих описанные упражнения играли роль самотерапии, хотя поначалу они лишь усиливали их страдания. Безусловно, подобные эксперименты были небезопасны для экспериментирующих. Парадоксальная дружба Фрейда с Флиссом лучше всего может быть понята в качестве средства сохранения связи с реальностью. Что касается Юнга, то нам неизвестно, какую роль взаимоотношения с людьми играли для него в эти годы и можно ли вообще говорить о каких-либо серьезных взаимоотношениях, но, так или иначе, он сознательно оставался верен своим семейным, профессиональным и гражданским обязанностям.

О путешествии Юнга через бессознательное нам известно лишь то, что он сам рассказал о нем на своих семинарах 1925 года и позднее в автобиографии. К сожалению, совпадающих по времени документальных свидетельств об этом путешествии, сопоставимых с письмами Фрейда к Флиссу, нет, а о профессиональной деятельности Юнга на протяже-

нии данного периода имеется очень мало сведений. Юнг говорит, что в это время он был покинут всеми своими друзьями и находился в состоянии совершенной изоляции. Здесь мы имеем дело с несомненным преувеличением, поскольку у него сохранялось несколько учеников, и, кроме того, в 1916 году в Цюрихе образовалась небольшая группа юнгианцев, именовавшаяся Психологическим клубом[44].

Состоянию творческой болезни обычно быстро наступает конец, и за ним следует непродолжительная фаза эйфории, ощущения приятного возбуждения и потребности в деятельности. В своих семинарах Юнг иногда ссылается на эмоциональное состояние индивидуума, преодолевшего чрезмерную интроверсию и успешно продвигающегося в сторону экстраверсии, а также упоминает о «чувстве облегчения и свободы» у человека, который не ощущает более на себе бремени общественных условностей.

Когда подобного рода эксперимент увенчивается успехом, то это находит свое выражение в устойчивом изменении личности. Юнг, подобно Фрейду, почувствовал теперь в себе силы стать основателем и вождем своей собственной школы. Но, в противоположность Фрейду, он, кроме того, вышел из своей творческой болезни с повышенной расположенностью к интуиции, психическим переживаниям и исполненным смысла сновидениям. Еще одной характерной особенностью тех, кто пережил подобное духовное приключение, является их склонность приписывать универсальную значимость своему личному опыту. Знавшие Юнга помнят тот тон абсолютной убежденности, каким он говорил об аниме, самости, архетипах и коллективном бессознательном. Для него они являлись психологическими реальностями, существование которых было столь же несомненным, как и существование материального мира вокруг него. В эпоху, последовавшую за Первой мировой войной, Юнг вошел, благодаря своему психологическому опыту, человеком, претерпевшим глубоко обогатившую его внутреннюю метаморфозу. Он был теперь главой психологической школы и одним из самых модных психотерапевтов, привлекавшим к себе массу пациентов из Англии и Америки. Он жил в собственном прекрасном аристократическом доме в Кюснахте вместе с семьей, включавшей уже пятерых детей: Агату (родившуюся 26 декабря 1904 года), Анну (8 февраля 1906 года), Франца (28 ноября 1908 года), Марианну (20 сентября 1910 года) и Эмму (18 марта 1914 года). Его жена была незаурядной женщиной: прекрасно знающая свое дело мать и домашняя хозяйка, с богатыми и яркими жизненными интересами, она стала его сотрудницей и применяла его психотерапевтические методы. Из своего «Путешествия через Бессознательное» Юнг возвратился с таким изобилием архетипов и символов, что мог теперь почти двадцать лет заниматься одной только разработкой этого

материала, а кроме того, использовать его в своей лечебной практике и в целом ряде проводимых семинаров (их содержание машинописно зафиксировано) и печатных трудов. Некоторые из учеников Юнга описывают его жизнь на протяжении этих двадцати лет как посвященную исключительно психотерапии, преподаванию и писанию книг. Сам Юнг считал, что его жизнь была «необыкновенно бедна внешними событиями». Здесь перед нами, несомненно, чрезмерное упрощение, поскольку на самом деле он много путешествовал по свету и имел встречи с выдающимися личностями.

В 1919 году Юнг отправился в Англию, чтобы прочесть там в Обществе психических исследований лекцию о вере в духов: по его мнению, «духи» — это всего лишь проекции расколотых частей бессознательного. Однако в следующем году он снова поехал в Англию, на этот раз на более продолжительный срок, в течение которого, согласно его собственному отчету, он имел любопытный опыт, кульминацией которого стало появление перед ним — на очень непродолжительное время — призрака; впоследствии он узнал, что в доме, в котором с ним это случилось, по общему мнению, живут привидения[45]. В 1920 году он, кроме того, совершил поездки в Алжир, Тунис и некоторые районы Сахары, с острым интересом наблюдая жизнь и психологию представителей неевропейских цивилизаций.

В 1921 году появляется одна из наиболее известных работ Юнга — «Психологические типы»[46]. Этот фундаментальный труд объемом около 700 страниц содержит в себе не только юнговскую теорию интроверсии, экстраверсии и, собственно, его систему типов, но также и общий обзор его новых взглядов на бессознательное. Многие из его последующих работ являются лишь разработками мыслей, бегло очерченных в этой книге.

В начале 1920-х годов Юнг познакомился с известным синологом Рихардом Вильгельмом. В 1923 году Юнг пригласил его прочесть цикл докладов в Психологическом клубе в Цюрихе. Но еще до того, как Вильгельм опубликовал свой перевод на немецкий «И Цзин», Юнг уже страстно интересовался китайским методом предсказаний (описанием которого и является эта книга) и сам экспериментировал с ним — по-видимому, с определенным успехом. Однако на протяжении многих последующих лет он тщательно воздерживался от комментирования этой своей практики. В те же самые годы он принял участие вместе с Юджином Блейлером и фон Шренк-Нотцингом в медиумических опытах в Цюрихе. Собравшиеся работали со знаменитым тогда австрийским медиумом Руди Шнейдером. Юнг, однако, отказался делать какие-либо выводы после завершения опытов и в то время даже не упоминал о них. В 1923 году он приобрел участок земли в Боллингене, на побережье про-

тивоположной оконечности Цюрихского озера, на территории которого впоследствии построил башню, где ему предстояло в дальнейшем проводить свои уик-энды и праздничные дни.

На этой стадии своей жизни (и, похоже, для того, чтобы расширить свои познания о бессознательном) Юнг почувствовал, что для него было бы весьма полезным вступить в контакт с представителями примитивных обществ. Поэтому во время поездок в Соединенные Штаты в 1924 и 1925 годах он присоединился к группе своих американских друзей, чтобы посетить вместе с ними поселение индейцев пуэбло в штате Нью-Мехико. На Юнга произвели сильное впечатление атмосфера крайней тайны, царившая среди пуэбло, и тот нелестный портрет белого человека, который нарисовал в беседе с ним умный индеец с горного плато Таос. Годом позже Юнг направляется в Африку, чтобы провести несколько месяцев среди представителей первобытного племени, живущего на горе Элгон в Танганьике. Известно, что он поселился совершенно в стороне от деревни этого племени — с тем, чтобы иметь возможность наблюдать повседневную жизнь и разговаривать с людьми без риска показаться им бесцеремонным. У него были интересные беседы с некоторыми из мужчин этого племени, особенно с местным шаманом, и у него хранится дневник сделанных наблюдений[47].

В 1930-е годы слава Юнга неуклонно росла. В 1930 году он был избран почетным президентом Немецкого общества врачей-психотерапевтов. 25 ноября 1932 года Цюрихский городской совет решил присудить ему литературную премию города Цюриха, исчисляющуюся восемью тысячами швейцарских франков[48]. Церемония вручения премии состоялась в Цюрихской ратуше 18 декабря того же года. Юнгу воздавалась хвала за то, что благодаря ему «психология без души», характерная для девятнадцатого века, была преодолена, так же, как и односторонние концепции Фрейда; отмечалось, что его идеи оказали заметное влияние на художественную литературу, и он сам выступал с комментарием к литературным произведениям[49].

В 1930-е годы у Юнга возобновился интерес к медиумическим экспериментам. Теперь он убедился в реальности феноменов, которые до этого казались ему необъяснимыми. Но он тщательно воздерживался от того, чтобы публично упоминать о них. Он проявлял также огромный интерес к писаниям алхимиков — в последних он видел предшественников психологии бессознательного.

В январе 1933 года в Германии пришел к власти Гитлер. Немецкое общество врачей-психотерапевтов реорганизуется в соответствии с национал-социалистическими принципами, и его президент Эрнст Кречмер подает в отставку со своего поста. Тогда же организуется Международное общество врачей-психотерапевтов с Юнгом в качест-

ве президента, но это общество представляло собой так называемую Dachorganisation, «организацию-крышу», состоящую из национальных обществ (среди которых было и Немецкое) и индивидуальных членов. Как позднее объяснял Юнг, созданное общество являлось уловкой, дающей возможность психотерапевтам-евреям, изгнанным из Немецкого общества, оставаться в рамках организации.

С октября 1933 по февраль 1934 года в Швейцарской политехнической школе в Цюрихе Юнг прочел курс по истории психологии, в котором дал обзор психологической мысли философов, начиная с Декарта, причем уделял особое внимание таким философам, как Фехнер, К.Г. Карус и Шопенгауэр. Однако наибольшая по объему часть курса была посвящена Юстину Кернеру и ясновидящей из Преворста. Флурнуа также воздавалось должное за его исследование, посвященное Элен Смит.

В феврале 1934 года Гюстав Балли выразил недоумение, почему Юнг продолжает выполнять свои обязанности в рамках Общества врачей-психотерапевтов и почему он стал главным редактором «Zentrakblatt für Psychotherapie»[50]. Юнг ответил, что Балли ошибается. Для него было бы гораздо легче не связываться со всем этим делом, но он предпочел поддержать своих немецких коллег — с риском быть неправильно понятым[51]. Он объяснил, что не занял место Кречмера в прежнем Немецком обществе врачей-психотерапевтов, но был избран президентом только что образованного Международного общества врачей-психотерапевтов. Он протестовал против обвинения его в солидарности с нацистами и в антисемитизме. Балли не ответил, однако несколько лет спустя опубликовал статью, где с редким беспристрастием давалась высокая оценка юнговской психологии и высказывалась явная симпатия в отношении самого Юнга[52].

В 1935 году Юнг назначается ординарным профессором психологии в Швейцарской политехнической школе в Цюрихе. В том же году он основал Швейцарское общество практической психологии. В сентябре 1936 года он был одним из участников празднеств по случаю трехсотлетия Гарвардского университета; он сделал доклад, и ему была присуждена почетная степень доктора наук.

В конце 1937 года Юнга пригласили участвовать в праздновании 25-й годовщины Калькуттского университета, что дало ему возможность совершить путешествие по Индии и Цейлону[53]. Однако, судя по автобиографии, Юнг был более занят поиском своей собственной истины, нежели восприятием готовых истин от мудрецов Индии. Тем не менее переживания, связанные с этим путешествием, имели для него огромный стимулирующий эффект[54]. В 1938 году Юнгу присуждается также почетная степень доктора Оксфордского университета и, кроме

того, 15 мая 1939 года его избирают почетным членом Королевского медицинского общества в Лондоне.

По мере того, как международная обстановка ухудшалась, Юнг, никогда до этого не проявлявший чрезмерного интереса к мировой политике, все более и более заинтересовывается происходящим на политической сцене. Из интервью, которые он давал различным журналам, видно, что он пытался анализировать психологию глав государств и в особенности психологию диктаторов. 28 сентября 1937 года он находился в Берлине в момент исторической встречи Муссолини с Гитлером и внимательно наблюдал за ними во время парада, длившегося три четверти часа. С этого момента массовые психозы и опасности, угрожающие существованию человечества, постепенно оказываются в центре наиболее волнующих Юнга проблем.

15 октября 1943 года Базельский университет присваивает Юнгу звание профессора медицинской психологии с особым акцентом на психотерапию. Он прочел только две или три лекции и подал в отставку в связи с ухудшившимся состоянием здоровья. Таким образом, хотя и с запозданием, Юнг получил от своего родного города академическое признание — то, чего он не смог добиться тридцать лет назад в Цюрихе.

Новым поворотным пунктом в жизни Юнга стало случившееся с ним в преддверии окончания Второй мировой войны. Автобиография пролила свет на неизвестные до того стороны этой дальнейшей его эволюции. В начале 1944 года, сообщает Юнг, он сломал ногу, а затем перенес инфаркт, во время которого потерял сознание и почувствовал себя как бы стоящим на грани жизни и смерти. В этом состоянии у него было космическое видение, во время которого он увидел нашу планету как бы с безмерной высоты, а его собственная личность показалась ему не более чем суммой того, что он сказал и сделал в течение своей жизни. Затем, в тот момент, когда он собирался войти в здание, чем-то напоминающее храм, Юнг увидел своего лечащего врача, медленно идущего ему навстречу; врач принял облик царя острова Кос (родина Гиппократа), чтобы вернуть его на землю, и у Юнга создалось впечатление, что жизнь врача находится в опасности, в то время как его собственная — спасена (врач действительно несколькими неделями позже неожиданно умер). Юнг признается, что когда он вернулся к жизни, то сначала был глубоко разочарован. На самом же деле что-то изменилось в нем, его мысль приняла новое направление, что и демонстрируют написанные им впоследствии работы. Он теперь стал «старцем-мудрецом из Кюснахта». В оставшуюся часть жизни ему предстояло писать книги, обыкновенно пугавшие его учеников (такие, как «Ответ Иову»), давать интервью визитерам со всех концов света, быть объектом всевозможных почестей, но при этом вынести и немало оскорблений.

В конце Второй мировой войны Юнг стал объектом кампании, раздуваемой лицами, обвинявшими его в том, что в период с 1933 по 1940 год он открыто занимал прогитлеровскую и антисемитскую позицию[55]. Юнга обвиняли в том, что он стал президентом подвергшегося нацификации Немецкого общества врачей-психотерапевтов — после того, как члены организации еврейского происхождения были из нее исключены, а Кречмер подал в отставку. Обвинение в антисемитизме сосредоточивалось на нескольких цитатах из статьи, в которой Юнг говорил о еврейской и арийской психотерапии[56]. На эти обвинения друзья Юнга отвечали: во-первых, Юнг никогда не принимал от Кречмера бразды правления в Немецком обществе, но принял пост президента Международного общества для того, чтобы хоть чем-то помочь еврейским членам организации[57]. В то время, то есть в 1934 году, не кто иной, как сам Джонс, вел в Базеле переговоры с Герингом и другими представителями нацистского движения[58]. Во-вторых, заявляли друзья Юнга, инкриминируемые Юнгу фразы не содержали в себе антисемитского смысла, который находили в них обвинители. Юнг придерживался мнения, что в психотерапии нет универсального метода и что дзен или йога, которые могут быть эффективными в Японии или Индии, не обязательно столь же эффективны в Европе; аналогичным образом швейцарец, который на протяжении многих поколений глубоко укоренился в структурах своей специфической культуры (семья, община, кантон и Федерация), обыкновенно нуждается в ином роде психотерапии, нежели еврей, некогда насильственно выселенный из родных мест и усвоивший культуру принявшей его страны[59]. По существу, то, что говорил Юнг об отсутствии у евреев культурной идентичности, не слишком отличалось от того, что провозглашали Теодор Герцль и сионисты. Остается сказать последнее, а именно то, что Юнг, подобно многим из своих современников, поначалу недооценил заразительность зла, таящегося в нацизме. Не исключено, что он находился под влиянием воспоминаний об участии своего деда в немецком националистическом и демократическом движении, раздавленном после революции 1848 года. Возможно, он бессознательно отождествлял зарождающееся нацистское движение с патриотическим и творческим подъемом, охватившим немецкую молодежь в 1848 году, и статья, написанная им в 1945 году, показывает, насколько Юнг был потрясен, когда ему открылась вся ужасная правда[60].

Между тем Юнг и его работы получали также и признание с самых разных сторон. 26 июля 1945 года Женевский университет присудил ему степень доктора honoris causa. В Англии основывается «Журнал аналитической психологии». В Соединенных Штатах Пол и Мэри Мэллон, лично знавшие Юнга, основали Боллингеновский фонд (Bollingen

Foundation), который субсидировал публикацию английского перевода полного собрания сочинений Юнга и других научных работ.

24 апреля 1948 года по инициативе комитета, состоящего из ряда швейцарских, английских и американских граждан, в Цюрихе открылся Юнговский институт. Первоначально в его задачу входило обучение юнговским теориям и методам аналитической психологии. В институте читаются лекции на немецком и английском языках и проводится учебный анализ. Имеется также хорошо подобранная библиотека, в которой, в частности, можно найти неопубликованные лекции Юнга и материалы проводившихся им семинаров. Институт, кроме того, старается стимулировать научно-исследовательскую работу, в основе которой лежали бы юнговские теории, и обеспечивает публикацию результатов такой работы.

Всю свою жизнь Юнг страстно интересовался гностицизмом и в 1945 году был приятно взволнован известием, что в деревне Кхенобоскион, в Верхнем Египте, обнаружили собрание гностических рукописей. И мог ли он предполагать, что одна из этих рукописей будет преподнесена ему в дар одним влиятельным другом, которому удалось приобрести ее. Юнгу вручили рукопись в ноябре 1953 года в Цюрихе, и она получила название Codex Jung. Со своей стороны Юнг обеспечил научную публикацию этой рукописи[61].

На протяжении 1955 года — когда Юнгу исполнилось восемьдесят лет — ему воздавалось много почестей, организовывались специальные торжества. В Цюрихе прошел Международный конгресс психиатров, председательствовал на котором профессор Манфред Блейлер, сын Юджина Блейлера (под началом которого Юнг начинал свою психиатрическую карьеру в Бургхольцли). Юнга попросили выступить с речью о психологии шизофрении — тема, которую он начал исследовать еще в 1901 году. Но восьмидесятая годовщина Юнга была отмечена также возобновлением кампании, стремившейся заклеймить его позором за предполагаемое сотрудничество с нацистами. Говорилось, что Юнг тщательно скрывал свои антисемитские настроения и обнаружил их лишь в тот момент, когда поверил, что Гитлер добьется своего в Европе. Он якобы предал Фрейда в 1913 году и пытался уничтожить психоанализ в 1933-м[62]. Группа учеников Юнга, евреев по происхождению, опубликовала протест в «Israelitisches Wochenblatt»[63]. Сторонники Юнга, напротив, утверждали, что обвинения против него держатся на нескольких фразах, которые к тому же были вырваны из контекста, неправильно истолкованы, а порой и неточно переведены, что Юнг открыто выступал против антисемитизма, что он оказывал тактичную и действенную помощь еврейским беженцам в Швейцарии, что его имя было занесено нацистами в черный список и что его произведения были запрещены нацистами в Германии и на территории оккупированных

ею государств. Тем не менее кампании против Юнга суждено было продолжаться даже после его смерти.

В день своего восьмидесятипятилетия Юнг получил звание почетного гражданина городка Кюснахт, где в 1908 году он купил участок земли, на котором возвел свой дом и где он жил с июня 1909 года. Мэр городка в ходе непродолжительной церемонии вручил ему «письмо и печать», а Юнг в ответ произнес благодарственную речь, обращенную к «мэру и советникам» на своем родном базельском диалекте[64]. Для Юнга, в высшей степени приверженного швейцарским обычаям и традициям, это значило очень много, тем более что подобной чести редко кто удостаивается в Швейцарии. Но в последние годы жизни его одиночество росло. 27 ноября 1955 года он навеки расстался с женой, умерли и многие из его старых друзей. Он стал излюбленным объектом для интервьюеров, которые на основании бесед с ним составляли целые книги[65]. После длительного сопротивления он написал первые три главы автобиографии, а остальное продиктовал своему личному секретарю, госпоже Аннеле Яффе. Он принял также предложение написать вместе с группой своих учеников богато иллюстрированную книгу, которой суждено было стать его последней работой,— «Человек и его символы»[66].

Карл Густав Юнг скончался 6 июня 1961 года в своем доме в Кюснахте. Траурная церемония состоялась в кюснахтской протестантской церкви в присутствии огромного количества собравшихся почтить память Юнга. Преподобный Вернер Мейер, кюснахтский пастор, почтил покойного как пророка, сумевшего остановить всесокрушающий напор рационализма и давшего человеку мужество снова иметь душу. Двое из учеников Юнга, теолог Ханс Шер и экономист Юджин Бёлер, воздали хвалу научным и человеческим заслугам своего учителя. Тело было кремировано, а пепел предан захоронению на кладбище в Кюснахте, в семейном склепе, который Юнг сам спроектировал и украсил латинскими надписями и фамильным гербом и где уже покоились бренные останки его отца, матери, сестры и жены.

Личность Карла Густава Юнга

Карл Густав Юнг обыкновенно говорил, что жизнь представляет собой последовательность психических метаморфоз. Его собственная жизнь не была в этом отношении исключением, и это, возможно, объясняет те противоречивые суждения, которые приходилось слышать о нем. В своей автобиографии он говорит, что с самых ранних лет жил богатой внутренней жизнью, о которой никто не догадывался, и что он казался своим родителям и учителям нервным ребенком. Бывшие со-

ученики Юнга говорили Густаву Штайнеру, что в гимназии он отличался чрезмерной чувствительностью и вспыльчивостью, не искал общества своих одноклассников и с недоверием относился к учителям[67]. В свои студенческие годы Штайнер был непосредственно знаком с Юнгом, он рассказывает о его энергичности, порывистости, красноречии и непоколебимой уверенности в себе. У тех, кто знал в те годы Юнга, создавалось впечатление, что он ощущал свое превосходство над окружающими, нуждался в товарищах, которые слушали бы его, и знал, как пленять их умы. Он был, однако, сверхчувствителен к критике со стороны других, хотя сам далеко не всегда отличался тактичностью. Никто в то время не мог бы представить себе, каким одиноким он себя чувствовал, как сообщает он в автобиографии.

В период, связанный с работой в Бургхольцли, о Юнге вспоминают как о необычайно блестящем психиатре, вызывавшем восхищение своих более юных коллег, даже если изредка им и приходилось возмущаться его властными и эгоцентричными манерами. Когда по пути в Америку в 1909 году Фрейд заехал в Цюрих, Юнг принимал его как своего гостя и не представил остальному медицинскому персоналу Бургхольцли, чем в значительной степени восстановил против себя своих коллег[68]. Жан-Мартин Фрейд, рассказывая о первом визите, нанесенном Юнгом его отцу в Вене, вспоминает, что в ходе встречи Юнг почти все время говорил один, обращаясь при этом только к Фрейду, и ни разу не попытался хотя бы из вежливости завязать беседу с госпожой Фрейд или детьми[69]. Относительно личностной установки Юнга в его психоаналитический период с 1909 по 1913 год существуют противоречивые утверждения. И, самое главное, у нас отсутствует информация, имеющая отношение к периоду с 1914 по 1919 год. Согласно Мёдеру, Юнг был чрезвычайно скрытен и в известной степени подозрителен даже в отношении своих самых преданных учеников[70]. Никто из них не догадывался о внутреннем опыте, который он тогда претерпевал.

Почти все пытавшиеся охарактеризовать личность Юнга ссылаются на период после 1920 года, когда он в совершенстве овладел своей психологической системой и своим терапевтическим методом и являлся главой школы. Именно этот его образ мы впредь и будем иметь в виду.

Карл Густав Юнг был высоким широкоплечим человеком с властной наружностью. У него были голубые глаза, высокие скулы, твердый подбородок, орлиный нос, он носил небольшие усы. Всех, кто сталкивался с ним, поражало ощущение физической и нравственной силы, исходившей от него, и той особой, разлитой во всем его облике устойчивости и прочности, свойственной обычно людям, хорошо укорененным в окружающей их среде. Некоторые полагали, что в его внешности заявляет о себе кровь его предков-крестьян, хотя в действительности и с отцов-

ской, и с материнской стороны он происходил из крайне интеллектуальных семей. Он любил работать с землей, камнем и деревом и находил особое удовольствие в строительстве и конструировании. Он получал истинное наслаждение от хождения под парусом по Цюрихскому озеру и сохранял привязанность к этому виду спорта до самых последних дней своей жизни.

Юнг производил впечатление практичного человека, прочно укрепившегося в реальности, и поэтому у некоторых из его посетителей вызывала удивление та абсолютная убежденность, с которой он говорил об аниме, самости, архетипах и других трудноуловимых материях. Тем не менее это прочное ощущение реальности проявлялось также и в его психотерапии, первая фаза которой состояла в том, чтобы воскресить в пациенте сознание.

Юнг был кем угодно, только не кабинетным ученым. Ему доставляло удовольствие общение с людьми, равно как и мелкие происшествия повседневной жизни. Когда он путешествовал, то осматривал не только памятники и музеи, но старался получить наслаждение от всего, что видел. Жан-Мартин Фрейд рассказывает, что однажды, когда его сестра Матильда сопровождала Юнга и его семейство во время прогулки по Вене с посещением венских магазинов, по улице случайно проезжал император[71]. Юнг извинился и побежал, чтобы слиться с ликующей толпой — «исполненный самого что ни на есть мальчишеского энтузиазма». Юнг к тому же был человеком весьма компанейским. Эрнст Кречмер рассказывает, как на вечеринках, которыми завершались собрания Общества врачей-психотерапевтов, Юнг обычно сбрасывал свою тирольскую куртку и танцевал до поздней ночи, как никто другой умея создавать атмосферу веселья[72]. Он обладал острым чувством юмора, и его узнавали по разнообразию модуляций его смеха, который обычно пробегал всю свою обычную гамму — от тихого и тонкого хихиканья до гомерического хохота.

Те, кому доводилось лично общаться с Юнгом, единодушно отмечают блеск и очарование его беседы. Самые тонкие, глубокие, а порой и парадоксальные мнения следовали одно за другим с непередаваемой легкостью и быстротой. В неопубликованных материалах его семинаров можно обнаружить некоторые из уникальных особенностей, характеризовавших его беседы, в противоположность нередко тяжеловесному стилю его книг.

Уже много было сказано об огромной эрудиции Юнга. Его первоначальные интересы лежали в сфере психологии и археологии. Позднее, когда он приступил к исследованию символов, то приобрел обширные познания по истории мифов и религий. Особое место среди его интересов занимали гностицизм и алхимия, а чуть позже философия Индии,

Тибета и Китая. На протяжении всей своей жизни он очень интересовался этнологией. Такое разнообразие интересов нашло отражение и в его библиотеке. Хоть он и не собирал книги с точки зрения их редкости, однако постепенно стал владельцем единственной в своем роде библиотеки, состоящей из старых трудов по алхимии.

У Юнга были хорошие способности к языкам. Помимо классического немецкого и базельского диалекта, которым он пользовался в повседневной речи, Юнг прекрасно говорил по-французски. Английскому он выучился несколько позже и владел им вполне сносно, хотя ему так и не удалось избавиться от своего швейцарско-немецкого акцента. Он был знатоком латинского и довольно хорошо знал греческий, но, в отличие от своего отца, не знал древнееврейского. Перед тем как отправиться в Восточную Африку, он взял несколько уроков суахили в Цюрихе, но в своих беседах с туземцами полагался в основном на переводчика.

Юнгу был присущ особый талант, восхищавший многих, — умение разговаривать с представителями всех слоев общества; он одинаково непринужденно чувствовал себя, беседуя с простыми крестьянами и с людьми, занимавшими самое высокое положение в обществе (без сомнения, драгоценный дар для психотерапевта). Юнг держался того мнения, что всякому, кто хочет стать хорошим психиатром, необходимо оставить стены консультационного кабинета и поехать за границу, чтобы посетить тюрьмы и богадельни, игорные дома, бордели и таверны, прославленные салоны, фондовые биржи, социалистические митинги, церкви и сектантские собрания. В том случае, если ему удалось стать обладателем подобного опыта, он может вернуться к своим пациентам уже с возросшим пониманием своего дела. Если отбросить известную долю преувеличения, звучащую в этих словах, Юнг просто указывает на необходимость для психотерапевта дополнять свои профессиональные знания практическим знанием жизни. В кругах, близких к Юнгу, нередко высказывалось мнение, что он груб и нетерпим в отношении некоторых пациентов. Сведения о его отношении к деньгам, на первый взгляд, противоречивы; из заслуживающих доверия источников известно, что в начале двадцатых годов он требовал с пациентов за час психотерапии 50 швейцарских франков (очень высокий по тем временам гонорар в Швейцарии), однако имеются и другие сообщения, а именно, что в более поздние годы многие удивлялись мизерной плате, которую он назначал за лечение. Противоречие разрешается, если учитывать, что Юнг был необычайно искусным психотерапевтом, применявшим индивидуальный подход к каждому из своих пациентов в соответствии с его личностью и нуждами.

Юнг считал, что невозможно быть нормальным человеком, не исполняя всех своих гражданских обязанностей. Он делал особый упор на необходимости участия во всех общественных выборах, будь то вы-

боры на уровне общины, кантона или конфедерации. Заслуживающий доверия свидетель рассказывал, что, когда Юнг был болен, он просил, чтобы его доставили к избирательным урнам на машине. Подобно многим швейцарцам, Юнг испытывал глубокий интерес к своей родословной, к своему фамильному гербу и к истории своих предков. Он гордился службой в швейцарской армии и званием капитана. Ему нравилось вспоминать различные эпизоды своей воинской службы и рассказывать о тяготах солдатской жизни в горах, которую он познал на собственном опыте во время обязательных сборов. Он любил играть со своими детьми в военные игры собственного изобретения, включавшие в себя, как правило, сооружение крепостей из камня, штурм их и оборону[73].

Мы уже говорили о жене Юнга, о которой все, кто ее знал, вспоминают как о замечательной женщине. Среди великих первопроходцев динамической психиатрии Юнг — единственный, чья жена стала его ученицей, усвоила его учение и применяла на практике его психотерапевтический метод.

Возможно, самая поразительная черта личности Юнга выражалась в контрасте между свойственным ему острым восприятием реальности, с одной стороны, и тайной жизнью, включающей медитации, сновидения и парапсихологические переживания, с другой. Он был в высшей степени социализированным человеком, но он же всеми возможными способами иллюстрировал собой афоризм Гете: «Наивысшее возможное благо, дарованное смертным, — это личность». Он пошел настолько далеко, чтобы заявить, что «общества не существует, есть только индивидуумы». Но он же утверждал, что индивид не смог бы развиваться, если бы не обладал определенным запасом материальной прочности — вот почему так важно для поддержания психического здоровья быть владельцем дома и сада.

Юнг применял эти принципы на практике, являясь владельцем дома, построенного им для себя в Кюснахте, и участвуя в гражданской и политической жизни своей коммуны. Если говорить о доме, то это был большой великолепный дом, несколько напоминающий своим стилем аристократический особняк восемнадцатого столетия, с латинскими надписями, выгравированными над парадной дверью, среди которых был девиз:

Vocatus atque non vocatus, Deus aderit!
(Званый или незваный, да пребудет здесь Бог)

Дом был расположен посреди прекрасного сада. Имелся эллинг для парусников и обзорный домик, из которого открывался роскошный вид на озеро (в летние месяцы Юнг часто использовал его в психотера-

певтических целях). Как уже упоминалось, Юнг приобрел в 1923 году небольшой участок земли в Боллингене, на противоположном конце Цюрихского озера, и около 1928 года у него уже была выстроена там башня. По мере того, как годы шли, он постепенно расширял первоначальное сооружение, прибавив к нему несколько комнат, вторую башню и двор. Обычно он приезжал сюда проводить выходные дни, и именно здесь он мог применять на практике еще один из своих любимых принципов, а именно: следует жить столь просто, насколько это возможно. В боллингенском доме не было ни телефона, ни электрического света, ни центрального отопления. Вода набиралась из колодца, а пища стряпалась на дровяной печи, которую Юнг сам растапливал. В доме имелась комната, куда никого никогда не допускали и где хозяин дома мог спокойно предаваться размышлениям. Все было так, словно переход из Кюснахта в боллингенский дом символизировал для Юнга переход от эго к самости, иными словами — путь индивидуации.

В последние годы жизни Юнг физически ослаб, но ум его сохранял свою живость. Он приводил в восхищение своих гостей размышлениями о тайнах человеческой души или о будущем человечества. Он стал теперь живым воплощением почти легендарной фигуры «старца-мудреца из Кюснахта».

Современники Карла Густава Юнга

Для того чтобы более точно определить положение аналитической психологии среди наук о духе, было бы, вероятно, небесполезным сопоставить Юнга с тремя из его современников: теологом Карлом Бартом, философом Паулем Хеберлином и антропологом Рудольфом Штайнером. Дени де Ружемон сказал: «Возможно, что величайшим теологом и величайшим психологом нашего столетия являются два швейцарца: Карл Барт (1886–1968) и К.Г. Юнг»[74]. Эти два человека, пояснял де Ружемон, посвятили свою жизнь исцелению душ и созиданию грандиозных систем. Оба были сыновьями базельских пасторов, оба — высокого роста и крепкого сложения, оба любили курить трубку и обладали хорошим чувством юмора, — словом, ничего из того, что ассоциируется с образом «ученого», не было ни в их образе жизни, ни в их отношениях к людям. Общим у Барта с Юнгом было и то, что они с гордостью несли звание швейцарского гражданина, а также их любовь к армейской жизни. В остальном же они резко отличались друг от друга. В бытность скромным деревенским пастором Барт опубликовал комментарий на «Послание к Римлянам», который революционизировал теологическую мысль. Ему предлагали место профессора теологии в германских университетах. Когда Гитлер пришел к власти, Барт стал видным лидером

сопротивления протестантской церкви нацизму. Вследствие этого его привлекли к судебной ответственности и выслали из Германии.

По возвращении в Швейцарию он был назначен профессором теологии в Базельском университете. Барт, бывший к тому времени автором бесчисленного множества книг и статей, сосредоточил теперь свои усилия на составлении всеохватывающего трактата по теологии, «Kirchliche Dogmatik» («Церковная догматика»), который некоторыми сравнивался с «Summa» («Суммой теологии») Фомы Аквинского за его обширность и глубину мысли. Барта единодушно считают величайшим протестантским теологом после Лютера и Кальвина, и его книги завоевали всемирную аудиторию, пользуясь успехом не только у протестантов, но и у католиков.

Если Юнг тоже принадлежит к числу широко читаемых авторов среди протестантских, католических и православных богословов, то по совершенно другим причинам. В то время как Барт призывает человека назад — к безусловному повиновению трансцендентному Богу библейского откровения, Юнг расшифровывает замаскированные религиозные ценности в самом человеке, особенно в своем анализе мифов и ритуалов. Как Барт, так и Юнг демонстрируют безграничные познания и ученость, но если первый из них делает свои заключения исходя из интерпретации канонических библейских текстов, то второй отдает явное предпочтение апокрифическим Евангелиям, сочинениям гностиков и священным книгам Востока. Догматика Барта решительно стоит вне психологии; его Бог есть «совершенно другое», которое говорит с человеком через своих посредников в виде Слова и Церкви. Юнг, напротив, никогда не покидает сферы психологии. То, что он называет Богом, — это своего рода психическая реальность, источник которой остается покрытым тайной. Синтезировать мысли этих двух людей едва ли возможно, но временами оказывается, что некоторые их идеи совпадают, например, представление о том, что сущность мужчины заключается в его комплементарной взаимосвязи с женщиной, и наоборот[75].

У Пауля Хеберлина (1878–1960), которого обыкновенно считают наиболее значительным из современных швейцарских философов, немного общих черт с Юнгом, и одна из них — это то, что он тоже родился в небольшом городке Кессвиле. Сын учителя, он почувствовал в себе призвание к пастырскому служению, изучал теологию в Базеле, где у него возникали дискуссии с Юнгом в Зофингии, и выдержал свой магистерский экзамен в 1900 году. Затем он переключился на философию, получил степень доктора философии в Базеле в 1903 году и в дальнейшем занимал преподавательские должности, посвятив себя, в числе прочего, воспитанию трудных детей. В течение многих лет в его семье постоянно жили двое или трое трудных детей. С 1914 по 1922 год он за-

нимал должность профессора философии в Берне. Его лекции собирали многочисленную аудиторию, а успех этих лекций вполне сопоставим с успехом, которым пользовались лекции Бергсона в Коллеж де Франс. Он занимал аналогичный пост в университете в Базеле с 1922 года, до тех пор, пока не вышел в отставку в 1944 году. Произведения Хеберлина многочисленны и замечательны благодаря свойственной им ясности стиля, нравоучительным качествам, безупречной организации и той досконального, которая старается не упустить ни малейшей подробности трактуемого предмета. Его «Философская антропология» считается наиболее известной вещью[76]. Творчество Хеберлина охватывает сферы метафизики, логики, философии природы, религии, эстетики, этики, характерологии, психологии брака и воспитания[77]. Некоторые выражали удивление, что несмотря на блестящую научную карьеру, популярность своих лекций, свою разносторонность и количество написанного им, Хеберлин не пользовался известностью, сравнимой с известностью Юнга. Причина, возможно, в том, что вокруг его жизни и творчества не было романтической ауры. Два из написанных Хеберлином произведений резко выделяются на фоне остального его творчества: автобиографический очерк[78] и небольшая книжечка, рассказывающая о переживаниях во время охоты в швейцарских горах, где он в свободной форме делится своими мыслями о жизни и людях[79]. Хеберлин считает угнетенное состояние духа следствием высокомерного отношения к жизни и недостатка юмора, причиной же пресловутого беспокойства часто, на его взгляд, является чувство вины. Что же касается «беспокойства современного человека», то он не видел в нем ничего, кроме причуды, вполне сравнимой с излюбленной мыслью романтиков о том, что «век болен». Анализируя разновидности хвастливых преувеличений, которым с удовольствием предаются охотники, Хеберлин распространяет это понятие на «преувеличения» философов и психологов. Хеберлин уверяет, что Юнг однажды признал в своих работах присутствие подобного элемента, добавив, что rnundus vult decipi (мир хочет быть обманутым).

Противоположность между Хеберлином и Юнгом особенно заметна в их позиции по отношению к Фрейду. Для Юнга в начале его пути был характерен страстный интерес и восторженное приятие теорий Фрейда, которые сменились все возрастающим критическим отношением, достигшим кульминации в разрыве отношений, после чего Юнг отверг почти все, чему его учил Фрейд. Позиция Хеберлина по отношению к Фрейду, при том, что он с острым любопытством следил за его работой, всегда была критичной; тем не менее его ни в коем случае нельзя было бы назвать антифрейдистом. В уже упомянутых двух небольших книгах Хеберлин рассказывает о встречах с Фрейдом[80]. Насколько он уважал Фрейда как человека, настолько равнодушен оставался к его

идеям. Во фрейдовской теории влечений Хеберлин видел всего лишь отражение событий, имевших место в жизни Фрейда. Психоанализ не является всеобъемлющей психологической теорией, говорил Хеберлин, поскольку сам Фрейд соглашался с тем, что он не способен объяснить тайну художественного и поэтического гения. Фрейд не мог объяснить Хеберлину, каким образом влечения могли бы быть сдерживаемы цензором, берущим начало в самих влечениях (это было еще до введения Фрейдом понятия суперэго). Во время их беседы Фрейд утверждал, что религия, философия и наука являются формами сублимированной сексуальности. Хеберлин возражал, что психология в таком случае тоже должна быть некой формой сублимированной сексуальности, на что Фрейд ответил уклончиво: «Но она полезна в социальном отношении». Хеберлин брал из психоанализа все, что представлялось ему в нем верным. Идеи, которые им не принимались, он при случае использовал в качестве отправных точек для собственного исследования, и в результате фрейдовская теория сновидений, отвергнутая Хеберлином, привела его к построению собственной теории сна[81].

Карла Густава Юнга часто сравнивали с Рудольфом Штайнером (1861–1925), основателем антропософии. Утверждалось, что учения этих двух людей представляют собой разновидности мировоззрения, выходящего за пределы экспериментальной науки. О жизни Рудольфа Штайнера мы знаем, главным образом, по его автобиографии, которая, в отличие от автобиографии Юнга, имеет дело в основном с внешними событиями его жизни и очень мало сообщает о его сокровенном духовном развитии[82]. Сын мелкого служащего австрийской железной дороги, Штайнер очень рано выказал замечательные способности к математике и естественным наукам. Он получил свое среднее и техническое образование в Вене, где слушал лекции философа Франца Брентано. Скрывая это от своей семьи, начиная с семи лет он испытывал переживания, которые сегодня мы относим к разряду парапсихологических. Помимо этого, он сталкивался с людьми, которые, несмотря на очень скромный образ жизни, имели отношение к таинственному духовному миру. В возрасте от двадцати трех до двадцати девяти лет он состоял на службе в одном знатном австрийском семействе в качестве воспитателя трудного ребенка, причем на этом поприще ему удалось добиться замечательных успехов. У него установились знакомства среди интеллектуальной элиты Вены, например, с Йозефом Брейером. Затем Штайнер работал в течение семи лет в архиве Гете–Шиллера в Веймаре, и ему было доверено издание научных трудов Гете. В то время было распространено представление о том, что данная часть наследия великого писателя принадлежит к устаревшей разновидности философии природы (натурфилософии). Штайнер, однако, утверждал, что гетевский подход закладывает основу

для подлинно научного подхода к изучению природы. Этот период стал для Штайнера временем углубленной интроверсии. В автобиографии он рассказывает, что воспринимал мир вокруг себя словно бы во сне, и что единственной реальностью для него был внутренний, духовный мир. Без сомнения, именно в эти годы Штайнер пережил то духовное приключение, на которое, к сожалению, он лишь намекнул в своих сочинениях. В 1896 году, когда ему было тридцать пять лет, всеобъемлющая психологическая метаморфоза произошла с ним. К нему пришло теперь резкое и точное видение материального мира; его взаимоотношения с людьми стали «открытыми». Вслед за тем он провел несколько лет в полубогемной литературной среде Берлина. Начиная с 1902 года и далее он являлся влиятельным членом Теософского общества, но постепенно стал развивать свои идеи в направлении, которое в конечном счете привело его к основанию в феврале 1923 года своего собственного движения, оформившегося под названием Антропософского общества. В том же году в Дорнахе, швейцарском местечке неподалеку от Базеля, было предпринято сооружение большого Антропософского центра. Он получил название Гетеанум (Goetheanum) — в честь человека, который, по мнению Штайнера, достиг наивысшей возможной степени человеческой мудрости. С этого времени жизнь Штайнера, по сути, сливается с развитием антропософского движения и приложением его идей к различным областям человеческой деятельности.

Слово *антропософия* было введено в употребление швейцарским философом-романтиком Игнацем Трокслером (1780–1866) для обозначения познавательного метода, который, беря в качестве отправной точки духовную природу человека, подвергает исследованию духовную природу мира (подобно тому, как сенсорные органы исследуют свою физическую природу, а интеллект — свои абстрактные законы)[83]. Рудольф Штайнер утверждал, что любой человек способен с помощью системы психической тренировки прийти к осознанию определенных скрытых психических способностей, посредством которых он может приобрести непосредственное знание высших, чисто духовных миров. Его метод психической подготовки составил содержание небольшой книжечки[84]. Будущему ученику необходимо исполниться глубочайшего почтения перед истиной и жить скромно и неприметно, обратив все свое внимание на внутреннюю жизнь, стараясь узнать то, что может принести пользу человеку и миру, а не то, что служит удовлетворению собственного любопытства, далее — проводить резкое различие между существенным и несущественным и каждый день посвящать определенное количество времени медитации. Одно из основных упражнений состоит в том, чтобы сделать объектом созерцания любое без различия существо в его временном измерении, то есть в том, чтобы с помощью

воображения представить, каким оно было раньше и каким оно будет после. Другое упражнение заключалось в том, чтобы непосредственно различать сенсорные восприятия, исходящие от одушевленного и неодушевленного. Если подобные способы восприятия становятся второй натурой, то индивид приобретает способность ощущать определенные свойства вещей, ускользающие от других людей. На следующей стадии даруется способность управлять не только своими чувствами и мыслями, но и сном и грезами наяву, приобретая таким образом непрерывность сознания. В конце концов, ученик должен пройти через тяжелые духовные испытания, и Штайнер даже говорит о встрече с таинственными духовными существами. Но, в противоположность Юнгу, Штайнер не рассматривает их в качестве всего лишь проекций отколовшихся содержаний бессознательного.

Несмотря на то, что множество людей пытались применять метод Рудольфа Штайнера, никому из них, по-видимому, не удавалось подняться до уровня, достигнутого учителем. Штайнер утверждал, что в результате открывшегося ему знания духовных миров он способен устанавливать многие истины о структуре человека, его эфирном и астральном телах, реинкарнации и т. п. Постепенно откровения Штайнера распространились на многие области науки, искусства, а также политической и экономической жизни. Он учил новому архитектурному стилю, новым принципам живописи, декламации и драмы. Его новые принципы воспитания нормальных и анормальных детей вызвали к себе огромный интерес, далеко выходящий за пределы антропософских кружков.

На сходство между Юнгом и Штайнером постоянно указывалось. Оба наблюдали парапсихологические явления, оба придумали метод самообучения, который привел их к исследованию бездн бессознательного разума, и оба вышли на свет из своих соответствующих духовных путешествий совершенно новыми личностями. Неудивительно, что оба воспринимают жизнь как последовательность метаморфоз, центральной в ряду которых является «поворот жизни», приблизительно в возрасте тридцати пяти лет[85].

Юнговское понятие тени и существующих в проекции неявно выраженных, малых личностей человека находит себе параллель у Штайнера. В своем комментарии к «Фаусту» Гете Штайнер объясняет, что Вагнер и Мефистофель суть различные аспекты личности Фауста[86]. Достаточно любопытно, что точно такой же пример часто используют для иллюстрации юнговского учения, которое в этом пункте совпадает со штайнеровским. Тем не менее там, где Юнг в большинстве случаев видит проецируемые содержания бессознательного, Штайнер склонен усматривать независимые духовные существа[87].

Существенное различие между Юнгом и Штайнером хорошо видно на примере того, какую пользу извлек каждый из них из своего путешествия в бессознательное. Оба, как мы уже видели, к середине своей жизни (подобно Фехнеру и Фрейду) перенесли то, что можно было бы назвать творческой болезнью, и извлекли основные понятия своих учений из этого опыта. Штайнер, однако, претендовал на то, что он достиг духовного источника знания, и это дало ему возможность делать откровения, тогда как Юнг и Фрейд строго придерживались практической работы, которую в изобилии предоставляла им их психотерапевтическая практика. Эти соображения, возможно, помогут нам более точно определить позицию Юнга. Юнга обвиняли в том, что он мистик, метафизик, неогностик и т. д. Сам Юнг всегда настаивал на том, что он не философ, а ученый-эмпирик, который всего лишь описывает все данные своих наблюдений в ходе психотерапевтической деятельности. Тем не менее главный источник юнговских идей следует искать в его «некии», то есть в его путешествии через нисхождение в бессознательное. Опыт «некии» принадлежит к той же категории, что и фрейдовский самоанализ, то есть к своего рода творческой болезни, проложившей путь к основанию системы динамической психологии. И хотя понятийная структура Юнга радикально отличается от аналогичной структуры у Фрейда, Юнг все равно бесконечно ближе к Фрейду, нежели к теологам типа Барта, философам типа Хеберлина или антропософам вроде Рудольфа Штайнера.

Работа Юнга: I — Понятие психологической реальности

Аналитическая психология Юнга в зародышевой форме содержится уже в его выступлениях в ходе дискуссий в студенческом обществе Зофингия, равно как и в его экспериментах со своей юной кузиной-медиумом Элен Прейсверк. Из воспоминаний Альберта Эри известно, что Юнг нередко выступал в качестве инициатора дискуссий среди своих товарищей-студентов. Как уже говорилось, Юнг был членом базельской секции Зофингии и активным участником ее еженедельных собраний. Поскольку отчет о докладах и основных аргументах, выдвигавшихся участниками дискуссии, существовал в стенографической записи и подлежал хранению в архиве Зофингии, то Густав Штайнер получил возможность дополнить свои личные вспоминания документированным исследованием и реконструировать отличительные черты юнговской мысли и в те, решающие для ее дальнейшего развития, годы[88]. Как указывает Штайнер, «Зофингия предоставила ему неоценимую возможность переходить от монологов о своих мечтах и раздумьях к страстным

дискуссиям и подвергать проверке заносчивую непреклонность своих идей путем интеллектуальных поединков со своими сведущими коллегами». В течение первых трех семестров своих занятий медициной Юнг ни разу не подавал свой голос в дискуссиях, даже когда студент-теолог Альтхер читал доклад о спиритизме. В четвертом семестре, 28 ноября 1896 года, Юнг сделал свой первый доклад «О границах точных наук». Это была яростная атака на современную материалистическую науку в соединении с доводами в пользу объективного изучения гипнотизма и спиритизма. В развернувшейся дискуссии Юнг подчеркивал, что ничто не препятствует проведению исследований в метафизической сфере точными методами. Прочитанный доклад имел такой успех, что собрание единодушно рекомендовало опубликовать его в центральном журнале общества. Остается неизвестным, почему он не был принят к напечатанию редакционным комитетом в Берне. Густав Штайнер отмечает, что огромный успех этого доклада противоречит тому, что Юнг писал в автобиографии, а именно тому, что любые его попытки заговорить с товарищами о спиритизме встречались насмешками и недоверием или даже тревожным нежеланием разговаривать на подобные темы[89].

В течение летнего семестра 1897 года Юнг прочел доклад, носивший заглавие «Некоторые мысли о психологии». Юнг сожалел об отсутствии интереса к метафизике в современном мире. «Когда нормальный человек воображает, что ничего метафизического не происходит в его жизни, он упускает из виду одно метафизическое событие: свою смерть». Смерть всегда была отправной точкой для надежд на существование трансцендентной реальности, а эти надежды, в свою очередь, постулируют существование души. Задача рациональной психологии заключается в том, чтобы доказать существование души. Душа может быть понимаема как бесплотный дух, независимый от времени и пространства. В качестве аргумента против материалистических предрассудков докладчиком привлекалось явление сомнамбулизма. Дебаты после доклада носили чрезвычайно оживленный характер, да и участников дискуссии было заметно больше обычного.

В зимний семестр 1897–1898 годов Юнга избрали президентом базельского отделения Зофингии. В своей вступительной речи он заявил, что образованному человеку не следует принимать активного участия в политической жизни. (Это была наиболее типичная для интеллектуалов позиция до 1914 года.)

В январе 1899 года Юнг — к удивлению студентов-теологов, участников общества, — прочел доклад о теологии Альбрехта Ричля, которого подверг критике за его отказ от мистического элемента в религии. В течение этого года Юнг особенно активно участвовал в дискуссиях. Когда студент-медик избрал темой своего доклада проблему сна, Юнг

резко критиковал его за то, что тот совершенно оставил в стороне феномен сновидений, добавив при этом: «В сновидениях мы суть и наше желание, и в то же время разнообразные его актеры-исполнители».

Последний раз Юнг принял участие в работе Зофингии в связи с докладом студента-теолога Лихтенгана на тему «О теологии и религии». Юнг ставил под сомнение идею докладчика, что Бог может быть объектом нашего переживания. Что до него самого, сказал Юнг, то он никогда такого опыта не имел. Религиозные переживания, добавил Юнг, нередко сопровождаются эротическими эмоциями. Современная психиатрия склоняется к тому, чтобы допустить существование внутренней связи между религией и сексуальным инстинктом[90]. Сопротивление религиозным переживаниям, встречающееся среди нормальных людей, лишь служит подтверждением болезненной природы религиозных импульсов, хотя бы потому, что все они могут брать свое начало в нашем бессознательном. На довод, приведенный Паулем Хеберлином, Юнг отвечал, что понятие «доброго Бога» содержит в себе внутреннее противоречие. Дискуссия проходила в более жесткой форме, чем обычно, но Лихтенган одержал в ней победу.

Повсюду в статье Штайнера мы наталкиваемся на свидетельства того, что Юнг уже в то время поддерживал двусмысленные отношения с изучавшими теологию, — взаимоотношения, которые ему было суждено и позднее поддерживать со многими служителями церкви. Дело в том, что последних пугала критика Юнгом традиционной религии, но, с другой стороны, его энергичные выступления против современного материализма не могли не вызывать одобрения. Некоторые моменты здесь заслуживают особого внимания. Во-первых, это озабоченность Юнга с самых юных лет проблемой зла, проблемой, которую ему пришлось разрабатывать в одной из своих последних книг — в «Ответе Иову». Хотя Юнг ни в коей мере не был атеистом, он, тем не менее, резко выступал против некоторых форм религиозности: традиционной религиозной веры, рационализма (который он обнаруживал в теологии Ричля) и интереса к «религиозным переживаниям» (в стиле Уильяма Джеймса). Замечателен был тон абсолютной убежденности, с каким Юнг говорил о *душе* (термин, который исчез из психологии), и способ, каким он определял ее как нечто бестелесное, трансцендентное, находящееся вне времени и пространства — и, тем не менее, доступное для научного исследования. Среди средств, помогающих приблизиться к познанию души, упоминались изучение сомнамбулизма, гипноза и проявлений контакта с духами во время спиритических сеансов. Таким образом, для Юнга спиритизм не столько имел отношение к оккультизму, сколько являлся неразгаданным психическим феноменом, нуждавшимся в исследовании соответствующими научными методами.

К тому же еще до своего прихода в Бургхольцли Юнг уже провел наблюдения, которые должны были стать предметом его диссертации в 1902 году[91]. В ней мы уже находим некоторые из наиболее важных идей Юнга в еще эмбриональном состоянии. Упомянутые наблюдения проводились над юным медиумом Элен Прейсверк.

Согласно отчету Юнга, сначала юная особа участвовала в эксперименте с вертящимися столами (это происходило в июле 1899 года), а в начале августа у нее стали проявляться признаки медиумического сомнамбулизма. Сперва в нее вселился дух ее покойного дедушки Самуила Прейсверка, и участники эксперимента были в восторге от того, насколько точно она воспроизводила его пасторские интонации, хотя никогда не знала его. С этого момента усердие Юнга к начатому эксперименту резко возросло. Элен также олицетворяла во время последующих сеансов некоторых из умерших членов ее семьи и знакомых и продемонстрировала при этом незаурядный исполнительский талант. Вызывало удивление то, как в состоянии транса она могла говорить на классическом верхненемецком — вместо привычного для себя базельского диалекта. Неясно, до какой степени она помнила сказанное ею во время сомнамбулических состояний после того, как сеансы заканчивались, но она всегда настаивала на том, что ее устами действительно говорили духи мертвых. Следствием этого было восхищение и уважение со стороны ряда родственников и друзей, которые время от времени стали теперь обращаться к ней за советом. Где-то месяц спустя она стала впадать в полусомнамбулические состояния, при которых продолжала отдавать себе отчет в окружающей ее обстановке, но одновременно сохраняла тесный контакт с духами. В таком положении она сказала, что ее зовут Ивенс, говорила тихим, исполненным чувства собственного достоинства голосом и не выказывала никаких признаков свойственного ей в жизни неустойчивого и легкомысленного характера.

В сентябре юному медиуму была показана книга Юстина Кернера «Ясновидящая из Преворста», и характер ее манифестаций изменился[92]. Следуя примеру Фредерики Хофф, она к концу сеанса оказывалась намагнетизированной настолько, что начинала говорить на неизвестном языке, смутно напоминавшем смесь итальянского с французским.

Ивенс сообщала, что совершила путешествие на планету Марс, видела на ней каналы и летающие по воздуху машины и гостила у обитателей звезд и духовного мира. Она получила наставления от чистых духов и сама, в свою очередь, наставляла темных. Роль духа-распорядителя по-прежнему сохранялась за духом ее деда, преподобного Самуила Прейсверка, с его назидательными речами. Остальных духов можно было распределить на две группы. Некоторые были довольно угрюмы, а другие, наоборот, восторженны. Юнг отметил, что эти характеристи-

ки соответствуют двум основным аспектам личности юного медиума, между которыми она постоянно колебалась. Эти персонификации постепенно сменились откровениями. Медиум изливал из себя необычайное обилие подробностей о своих собственных предыдущих жизнях. Она была ясновидящей из Преворста, а до этого — молодой женщиной, совращенной Гете, и это якобы делало ее прабабкой Юнга. В четырнадцатом веке она была графиней Тирфельзенбургской, а в тринадцатом — госпожой де Валуа, которую сожгли на костре как ведьму, а еще раньше она была христианской мученицей, казненной во времена правления Нерона в Риме. В ходе каждой из ее предыдущих жизней от нее появлялись на свет дети с многочисленными потомками. На протяжении каких-нибудь нескольких недель она соткала огромную сеть из воображаемых генеалогий и обнаружила своих предков во множестве известных ей из истории людей. Любое новое лицо, попадавшееся ей, немедленно интегрировалось в эту систему. Она уверяла Юнга, что одна его знакомая была известной отравительницей в Париже в восемнадцатом столетии и в своей нынешней жизни тайно совершала всевозможные преступления.

В марте 1900 года она стала описывать строение мистического мира с помощью образа семи кругов: первоначальная сила — в центральном круге, материя во втором, свет и тьма в третьем и т. д. После того, как эти откровения медиума пошли на убыль, создалось впечатление, что ее вдохновение ослабевает. Юнг сообщает, что на этой стадии он приостановил сеансы и что шестью месяцами позже Элен продемонстрировала своей аудитории «апорты», т. е. предметы, якобы приносимые на эти сеансы духами. Но здесь она получила от участников эксперимента «красную карточку», и это означало конец ее карьеры медиума.

Анализируя этот случай, Юнг определил и классифицировал разнообразные медиумические феномены, продемонстрированные испытуемой: сомнамбулизм, частичный сомнамбулизм, автоматическое письмо и галлюцинации. Он пытался также установить источники ее медиумических фантазий. Одним из них, несомненно, являлась кернеровская ясновидящая из Преворста, другим были разговоры, которые она слышала о космогонии Канта. Но Юнг не упомянул об устных и записанных преданиях, тесно связанных со старинными базельскими семействами. Только в подобном бытовом контексте смогла бы пациентка сконструировать систему генеалогических галлюцинаций таких фантастических размеров.

Два свойства этого медиума поразили Юнга. Во-первых, ее способность совершать — находясь в состоянии транса — такие действия, которые намного превосходили то, на что она была способна в сознательном состоянии. Во-вторых, контраст между личностью Ивенс, которая была

серьезной, уравновешенной и мудрой женщиной, и неуравновешенной, легкомысленной личностью юного медиума. Юнг пришел к выводу, что Ивенс являлась не кем иным, как взрослой личностью медиума — личностью, находящейся в процессе разработки в ее бессознательном. Психическому росту пациентки мешали психологические и социальные препятствия, и ее медиумическая карьера была лишь средством, к которому прибегло бессознательное, чтобы преодолеть эти препятствия. Мы видим здесь зародыш того, что впоследствии примет форму юнговской теории индивидуации. Фантазии медиума изобиловали историями о явных и тайных любовных связях и о плодах их — незаконнорожденных детях, и Юнг считал, что ее желание огромной семьи послужило проявлением мечты о сексуальном удовлетворении. По-видимому, лишь гораздо позже Юнг осознал, что его юная кузина просто влюбилась в него и умножала свои медиумические откровения с целью доставить ему удовольствие.

О том, чем закончилась вся эта история, Юнг поведал на семинаре, проводившемся им в 1925 году[93]. Элен Прейсверк покинула Базель и отправилась учиться искусству портнихи в Монпелье и Париж. В 1903 году Юнг навестил ее в Париже и с удивлением стал свидетелем того, что она, по ее словам, забыла все, что имело отношение к тем медиумическим сеансам. Позднее она вернулась в Базель, где стала вместе со своей сестрой совладелицей ателье по пошиву дамского платья. Юнг утверждал, что из-под ее рук выходили чрезвычайно элегантные дамские наряды[94]. К сожалению, в 1911 году она умерла сравнительно молодой от туберкулеза.

На диссертацию Юнга откликнулся восторженной рецензией Теодор Флурнуа[95]. Курьезным эпилогом к вышесказанному стала история с французским художником Корнилье, который в 1910 году обнаружил, что его девятнадцатилетняя натурщица Рейне обладает способностями медиума, и на протяжении двух лет она проводила с ним спиритические сеансы, во время которых выступала с откровениями о своих предшествующих жизнях и жизнях уже умерших лиц и объясняла ему тонкости устройства потустороннего мира — с его особыми законами, нравами и обычаями, а заодно знакомила и с иерархией духов[96]. Французский драматург Ленорман догадался, что весь этот тянувшийся свыше двух лет процесс имел своей причиной тайную страсть медиума к художнику и цитировал в связи с этим Юнга[97]. История эта вдохновила его написать пьесу «L'Amour Magicien»[98].

Когда Юнг в декабре 1900 года появился в стенах Бургхольцли, у него уже имелись совершенно определенные представления о том, какой должна быть психология. Он определял ее как научное исследование человеческой души, берущее в качестве своей отправной

точки манифестации, называемые им психической реальностью. Он убедился на опыте, что отколовшиеся содержания бессознательного способны принимать облик человеческой личности, проецируются ли они вовне в виде галлюцинаций или осуществляют контроль над сознательным разумом, как это происходит во время спиритических сеансов. Интерес Юнга и был направлен на исследование этих психических реальностей (и в этом он следовал примеру Майерса, Жане, Бине и Флурнуа).

Работа Юнга: II — Период Бургхольцли

Девять лет, проведенных Юнгом в Бургхольцли, были периодом интенсивной и сосредоточенной работы. После написания диссертации и нескольких научных статей, главным образом о различных клинических случаях, Юнг сосредоточил свои усилия на исследовании словесных ассоциаций с помощью теста. Этот тест заключался в том, чтобы зачитывать испытуемому перечень тщательно подобранных слов; на каждое из произнесенных слов испытуемый должен был отвечать первым пришедшим ему в голову словом; время каждой реакции измерялось с помощью секундомера.

В свое время Юнг представил подробный отчет об истории этого теста[99]. Он был изобретен Гальтоном, который показал, каким образом его можно было бы использовать при исследовании скрытых тайников психики. Он был взят на вооружение и усовершенствован Вундтом, стремившимся экспериментальным способом установить законы ассоциации идей. Затем Ашаффенбург и Крепелин ввели различение между внутренними и внешними ассоциациями; первые — это ассоциации согласно смыслу, вторые — согласно формам речи и звука; их можно было бы также назвать семантическими и вербальными ассоциациями. Крепелин продемонстрировал, что усталость вызывала постепенный сдвиг в сторону увеличения общей доли вербальных ассоциаций. Сходные эффекты наблюдались при нервном возбуждении и алкогольном опьянении. Те же самые авторы сравнивали результаты, получаемые с помощью теста словесных ассоциаций, учитывая при этом различные психические состояния испытуемых. Затем новый путь был открыт Цигеном, обнаружившим, что время реакции удлиняется, если слово-стимул имеет связь с чем-либо неприятным для испытуемого. Иногда путем подбора некоторых прозвучавших с запозданием ответов их можно было бы связать с неким лежащим в основе их общим представлением, которое Циген назвал gefuehlsbetonter Vorstellungskomplex (эмоционально заряженный комплекс представлений) или просто ком-

плекс. Циген установил, что, давая подобные замедленные ответы, испытуемый, как правило, не сознавал связи между своими ответами и комплексом.

На этой стадии Блейлер, стремясь сделать более эффективным клиническое исследование пациентов, решил ввести в Бургхольцли метод тестов. Поскольку Блейлер считал, что основной симптом при шизофрении выражается в ослаблении ассоциативного напряжения, то было вполне естественным проверить эту гипотезу с помощью теста словесных ассоциаций, и он поручил научно-исследовательскую разработку этого вопроса Юнгу. Юнг вместе с рядом других врачей-резидентов энергично включился в широкомасштабное проведение опытов с данным тестом. Результаты этих исследований, проводившихся в течение нескольких лет, были собраны и изданы в виде отдельной книги[100]. Юнг значительно усовершенствовал технику теста. Сравнивая данные, полученные в результате обследования с помощью этого теста образованных и необразованных людей, он обнаружил большее процентное содержание семантических ассоциаций среди необразованных. Один из сотрудников Юнга установил, что в статистическом отношении заметно больше сходства в тестах лиц, принадлежащих к одной и той же семье, особенно заметно это сходство в ответах отца и сына или матери и дочери.

Однако основной целью Юнга оставалось обнаружение и анализ комплексов (в том первоначальном значении, которое придавал этому термину Циген). Юнг проводил различие между нормальными, случайными и постоянными комплексами. Он сопоставлял нормальные комплексы у мужчин и женщин. У женщин комплексы, связанные с семьей и жилищем, беременностью, детьми и супружескими проблемами, играли не менее важную роль, чем эротические комплексы; у более пожилых женщин он обнаружил комплексы, проявлявшие себя в сожалениях о прежних возлюбленных. У мужчин комплексы честолюбия, денег и стремления к преуспеянию занимали более важное место в сравнении с эротическими комплексами. Случайные комплексы были связаны со специфическими событиями, имевшими место в жизни пациента. Постоянные комплексы представляли особый интерес в случаях с больными, страдающими истерией и шизофренией (dementia praecox).

Юнг обнаружил, что при истерии ассоциации поглощаются одним очень стойким комплексом, связанным с какой-то старой тайной душевной раной, тем не менее индивид мог бы излечиться, если бы смог заставить себя победить и ассимилировать свой комплекс. Шизофрения характеризуется, как установил Юнг, наличием одного или более неподвижных комплексов, которые уже невозможно победить.

В результате открывался новый подход к проблеме шизофрении, дополняющий исследования, которыми в течение предшествующих

пятнадцати лет был занят Блейлер. Юнг собрал данные своих первых открытий в этой области в томе, озаглавленном «Психология раннего слабоумия»[101]. В этой книге Юнг еще в значительной степени находится под влиянием Жане и Флурнуа. Он отдает должное Блейлеру и высказывает серьезные оговорки относительно теорий Фрейда. Термин «комплекс» использовался теперь за пределами своей первоначальной сферы, вследствие чего Юнгу пришлось выделять различные виды комплексов: например, были ли они связаны с отдельным событием или с непрекращающейся ситуацией, были ли они осознанными, частично осознанными или полностью бессознательными, и, наконец, насколько сильную эмоциональную нагрузку они несли. Чтобы продемонстрировать свой метод, Юнг приводит обстоятельно изложенный анализ случая шестидесятилетней пациентки, которая провела почти двадцать лет в Бургхольцли и представляла собой существо, переполненное всевозможными галлюцинациями и бредовыми идеями, которые казались всем, кто имел с ней дело, лишь бессвязным набором фраз. Юнг неоднократно подвергал ее проверке с помощью теста словесных ассоциаций, а затем позволил ей отдаться свободным ассоциациям для того, чтобы установить предполагаемые ключевые слова ее бредовых идей. В результате он понял, что способен опознать целый ряд комплексов, которые он подразделил на три группы: мечты о счастье, жалобы на перенесенные ею несправедливости и, наконец, сексуальные комплексы. Таким образом, бессвязные с виду высказывания больной выражали собой систематическое, изо дня в день, осуществление тайных желаний, призванное компенсировать жизнь, полную тяжкого труда и лишений. Юнг указывал, что его выводы имеют много общего с выводами Флурнуа, полученными в процессе его работы с Элен Смит; ее «фантазии подсознательного воображения» являлись компенсацией за посредственность и скуку ее жизни. У Юнга уже имелись точно такие же наблюдения в работе с юным медиумом из Базеля, с той лишь очевидной разницей, что ее «подсознательные фантазии» были попыткой преодолеть препятствия, мешавшие ее развитию. В отличие от нее пациентка Бургхольцли была заключена в свои галлюцинации как в тюрьму. Но почему упомянутые комплексы можно победить в случае истерии и нельзя при шизофрении? Юнг предложил гипотезу, что в последнем случае комплексы производят токсин, который оказывает пагубное действие на мозг, делая таким образом болезнь необратимой. Такая теория входила в противоречие с собственной теорией Блейлера относительно шизофрении, утверждавшей, что основная причина болезни заключалась в действии гипотетического токсина на мозг и что комплексы не являются причиной симптомов, но сообщают им определенную форму. В совместной декларации Блейлер и Юнг определили, в чем суть их рас-

хождений в данном вопросе[102]. В том же году Юнг высказал предположение, что бредовые идеи психотика являются выражением его усилий по созданию нового видения мира[103].

Между тем Юнг нашел новое приложение тесту словесных ассоциаций. В 1905 году к нему обратился пожилой джентльмен в связи с тем, что у него были украдены деньги и он подозревал в краже своего подопечного, восемнадцатилетнего юношу. Юнг предложил юноше тест словесных ассоциаций, который был специально приспособлен для данного случая. Молодой человек отвечал таким образом, что стало ясно: достаточно сказать испытуемому: «вы украли», чтобы добиться признания, и так оно действительно и произошло[104]. Имела место также история с кражей денег в госпитале, причем подозрение падало на трех медсестер. Юнг предложил им ответить на вопросы своего теста — и обнаружил виновную, ею, между прочим, оказалась не та медсестра, которую более всего подозревали[105].

Какое-то время Юнг верил, что ему удалось открыть новый метод разоблачения преступников, но вскоре понял, что все обстоит не так просто. Фрейд отметил, что испытуемый реагирует на тест не соответственно своей объективной вине, а в соответствии со своим субъективным переживанием вины и с тревожностью, вызываемой тестовой ситуацией[106]. После нескольких лет интенсивного применения этого теста Юнг совершенно перестал им пользоваться. Он никогда не отрекался от него как своего изобретения, и тест продолжал применяться в институте К.Г. Юнга в качестве полезного педагогического инструмента. Тем не менее Юнг заявил, что «тому, кто желает получить представление о человеческой психике, экспериментальная психология не даст ничего или почти ничего»[107].

Работа Юнга: III — Психоаналитический период

Знакомство Юнга с психоанализом восходит к началу его пребывания в Бургхольцли. В интервью, данном им в 1957 году[108], Юнг сообщает, что еще в 1900 году[109] Блейлер предложил ему сделать сообщение о «Толковании сновидений» Фрейда на одном из дискуссионных вечеров врачей, работавших в Бургхольцли[110]. Фрейд, между прочим, четыре раза цитируется в разных местах юнговской диссертации 1902 года, несколько раз в его статьях, написанных в период с 1902 по 1905 год, а в своих печатных материалах по тесту словесных ассоциаций Юнг ссылается на Фрейда как на авторитет. Интерес Юнга первоначально был направлен на отщепленные содержания бессознательного (подсознательные навязчивые идеи Жане), затем он приспособил их к эмо-

ционально нагруженным комплексам представлений Цигена, а теперь он столкнулся с ними снова в виде травматических воспоминаний Фрейда[111]. Начиная с этого времени Юнг со страстным интересом стал изучать все, что делает Фрейд. У него он нашел подтверждение собственным открытиям, сделанным с помощью теста словесных ассоциаций, но в дополнение к этому его открытия приобрели в свете фрейдовских идей качественно новый смысл. В работах, написанных Юнгом за этот период, мы находим постоянно восторженное отношение к тому, что делает Фрейд, агрессивную позицию в отношении противников психоанализа, но, помимо этого, и спокойную констатацию своих расхождений с Фрейдом. В предисловии к «Психологии раннего слабоумия», датированном июлем 1906 года, Юнг пишет, что он не разделяет представлений Фрейда об огромной роли, которую играет сексуальная травма, полученная в раннем детстве, что он не склонен в отличие от Фрейда ставить сексуальность во главу угла, и что он рассматривает психотерапию Фрейда как «в лучшем случае возможную, но не более».

Психоаналитический период Юнга продолжался с 1909 года (когда он покидает стены Бургхольцли) до 1915 года (когда он выходит из психоаналитической ассоциации). На протяжении этого периода в его понятиях происходили постепенные изменения: сначала он лишь предлагал альтернативы некоторым из идей Фрейда, но вскоре его отклонения от психоаналитического учения стали неприемлемы для Фрейда.

Юнг никогда не принимал понятия эдипова комплекса. В статье, опубликованной в 1909 году и озаглавленной «Значение отца в судьбе индивида», Юнг вспоминает, что он был поражен тем, что в процессе испытания с помощью теста словесных ассоциаций поступали сходные ответы от отцов и сыновей и матерей и дочерей[112]. Как мальчики, так и девочки, говорит он, бессознательно приспосабливались к семейным установкам, как если бы существовало нечто вроде психической инфекции. В том случае, если эти установки закрепляются, они будут сохраняться на протяжении всей жизни. С помощью нескольких впечатляющих историй болезни Юнг наглядно показывал, как подобные установки бессознательно направляли жизни людей и формировали то, что называют судьбой. Короче говоря, Юнг относил на счет этой ранней ассимиляции семейных установок («идентификации» в его позднейшей терминологической системе) все те эффекты, которые Фрейд приписывал разрешению проблемы эдипова комплекса. В подстрочных примечаниях Юнг утверждал, что либидо — это то, что психиатры называли волей и стремлением.

В следующем году Фрейд опубликовал историю своего пациента, вошедшего в историю психоанализа как Маленький Ганс. Вскоре после этого в том же самом журнале Юнг публикует статью под названи-

ем «Психические конфликты у ребенка», в которой анализировалась история, до некоторой степени напоминающая историю Маленького Ганса[113]. Подобно тому, как страхи пятилетнего мальчика начались после появления на свет маленькой сестры, затруднения в жизни четырехлетней Анны в истории, рассказанной Юнгом, последовали вслед за рождением маленького брата. Это событие породило множество тревог и фантазий в голове девочки — и не только относительно того, как появляются на свет дети, но и о жизни после смерти и до рождения. Девочка даже непроизвольно создала в своем воображении теорию реинкарнации. Отец девочки счел за лучшее в этой ситуации отвечать на все вопросы по возможности прямо и откровенно. Просвещение завершилось объяснением роли отца в рождении ребенка, и Анна в конце концов совершенно успокоилась. При позднейшем издании той же самой статьи Юнг счел нужным упомянуть, что впоследствии эта девочка отклонила «просвещенческое» объяснение и вернулась к детской теории.

Ранним приложением психоанализа к социальной психологии явилась статья Юнга «Вклад в психологию слухов»: тринадцатилетняя школьница рассказала своим одноклассницам приснившийся ей сон, в котором она вступила в половую связь со своим учителем. Эта история произвела скандал, и девочку временно исключили из школы. Тем не менее школьный совет через некоторое время был готов вновь допустить ее к занятиям при условии одобрения такого решения со стороны психиатра. Юнг, которого попросили дать свое заключение, приводит сновидение в том виде, как оно было рассказано испытуемой, а также те версии, которые возникли при последующем его пересказе восемью присутствовавшими при первоначальном рассказе школьницами. Само по себе сновидение не содержало ничего постыдного, однако юные свидетельницы при пересказе услышанного внесли в него целый ряд скабрезных подробностей. В итоге Юнг пришел к выводу, что данное сновидение действительно репрезентировало бессознательные желания девочки и что свидетельницы рассказа снабдили его новыми вариантами, как если бы они интерпретировали услышанное сновидение в психоаналитической манере[114].

Между тем Юнг энергично включился в работу над произведением большого идейного охвата. Воодушевляемые примером Фрейда, некоторые из психоаналитиков занялись изучением мифов, в частности, Абрахам, Ранк и Зильберер, а также Риклин — в Цюрихе. Юнг, давно уже испытывавший серьезный интерес к истории религии, возобновил свои прежние штудии. Как указывается в его автобиографии, с особым увлечением он читал работы Крейцера[115]. Но он не просто дал психоаналитическую интерпретацию мифов, но использовал также свое знание

мифов как средство для понимания сновидений и фантазий своих пациентов. Юнг посвятил более четырехсот страниц текста мифологической интерпретации нескольких фантазий и снов наяву лица, с которым он никогда не встречался в жизни. Написанная им работа была опубликована в двух частях в «Jahrbuch», соответственно в 1911 и 1912 годах[116].

В 1906 году Флурнуа опубликовал некоторые заметки и наброски, полученные им от молодой американской студентки, мисс Фрэнк Миллер[117]. Эта молодая дама была в высшей степени склонна к переживаниям на основе внушения и самовнушения. Находясь в состоянии между сном и явью во время своего путешествия на корабле по Средиземному морю, она услышала стихотворение из трех строф, «Слава Богу». Как-то бессонной ночью в поезде, когда ею все-таки стал постепенно овладевать сон, в ее голове возникло стихотворение из десяти строчек, озаглавленное ею «Мотылек и солнце». Некоторое время спустя, после одного вечера, полного тревог и беспокойства, в ее воображении при переходе из состояния бодрствования ко сну сама собой возникла драматическая история, в центре которой стояла фигура ацтека или сына перуанского инки, по имени Шивантопель. Занося на бумагу свои фантазии, мисс Миллер пыталась возвести их к определенному источнику — или к предшествующим событиям своей жизни, или к чем-то ею прочитанному. Вот с каким скудным материалом Юнгу приходилось работать, чтобы отыскать истолкование, которое основывалось бы на мифологии и истории религии.

Написанное Юнгом нельзя отнести к легкому чтению. В своей изначальной немецкой версии его работы изобилуют оставленными без перевода латинскими, греческими, английскими и французскими цитатами и длинными этимологиями, переписанными из словарей. Читатель барахтается под лавиной свидетельствующих об огромной эрудиции автора ссылок на Библию, Упанишады и другие священные книги; на эпос о Гильгамеше и Одиссее; на поэтов и философов (особенно Гете и Ницше); на археологов, лингвистов и историков религии; на Крейцера, Штейнталя и других исследователей мифологии, не говоря уже о современных Юнгу психологах, психиатрах и психоаналитиках. В море этого материала читатель постоянно опасается потерять смысловую нить, но время от времени его снова возвращают к мисс Миллер. Создается впечатление, что автору хочется освободить себя от избытка материалов, накапливаемых им на протяжении многих лет. Приводится даже гимн, сочиненный его дедушкой Самуилом Прейсверком. Но все же пока еще мало ссылок на работы этнологов (если не считать ссылок на Фробениуса) и почти ничего не берется от гностиков и алхимиков.

Несмотря на то, что книга Юнга оказалась нелегким чтением, она вызвала к себе большой интерес. Книга принесла с собой три новшества

в психоаналитический мир. Первое состояло в отходе от первоначальной концепции либидо у Фрейда: Юнг приходит к заключению, что невозможно объяснить феномен психоза отведением либидо от внешнего мира. Подобный отвод был бы возможен только в том случае, если бы либидо было чем-то большим, нежели просто половой инстинкт, и поэтому Юнг теперь отождествляет либидо с психической энергией. Второе новшество заключалось в утверждении Юнга, что либидо в его новом значении естественно выражает себя только посредством символов. Как говорил Юнг позднее на одном из своих семинаров, либидо всегда появляется в кристаллизировавшейся форме, то есть в форме универсальных символов, как мы представляем их себе благодаря изучению сравнительной мифологии. Мы видим здесь истоки того, что вскоре станет понятием коллективного бессознательного и архетипов. В-третьих, из всех мифов, обсуждаемых в этой книге, один занимает особенно важное место — миф о герое. Ранк к этому времени уже дал свою трактовку мифа о рождении героя. Юнг в своей книге говорит о борьбе героя за освобождение от матери и о его битве с чудовищным животным.

В своем первоначальном немецком варианте книга заканчивалась замечанием, звучащим до некоторой степени двусмысленно, замечанием, которое можно было бы отнести как к противникам Фрейда, так и к самому Фрейду: «Я смотрю на дело науки не как на состязание в том, за кем останется последнее слово, а как на работу, направленную на умножение и углубление познания»[118].

В сентябре 1912 года Юнг прочитал в Нью-Йорке цикл из девяти лекций по психоанализу. Они были собраны под одной обложкой и опубликованы в 1913 году[119]. Юнг отмечает, что психоаналитическая теория с годами изменялась и что Фрейд отказался от своей ранней теории о том, что причина всех неврозов коренится в сексуальной травме, полученной в детстве. Подобным же образом Юнг ставит своей целью развить психоаналитическую теорию даже еще дальше и, в частности, подвергнуть пересмотру теорию либидо. Во-первых, уравнивание либидо с сексуальным влечением представляется ему неубедительным. Почему удовольствие, испытываемое младенцем при сосании материнской груди, должно иметь сексуальную природу, а не являться удовлетворением питательного инстинкта? Концепция Фрейда обычно подразумевает, что голод есть проявление сексуального влечения; но мы могли бы с таким же успехом и не утруждая себя особыми доказательствами описать собственно сексуальные проявления как стадии развития инстинкта питания! К сожалению, Фрейд, употребляя термин *либидо* в смысле полового влечения, позднее расширил его значение до таких пределов, что дал повод Клапареду заметить, что он использует его в смысле, который вкладывается в слово *интерес*. Все эти затруднения, согласно Юнгу, нашли бы для себя раз-

решение, если бы слово *либидо* получило значение *психической энергии*. Это — энергия, проявляющаяся в жизненном процессе и субъективно воспринимающаяся как стремление и желание. Такое переосмысление привело бы к революции в психологии, подобной той, что произвел в физике Роберт Майер, когда предложил теорию трансформации энергии. Более того, подобная реадаптация лишила бы противников психоанализа вполне определенного аргумента, а именно, что *либидо* — это мистическое понятие. Понимаемый в этом новом, предложенном Юнгом смысле термин *либидо* превратился бы в абстрактное понятие (подобно понятию энергии в физике) и оказался бы сугубо теоретической гипотезой[120]. В свете этих новых принципов и эволюцию либидо следует понимать поновому. Юнг различает три стадии этой эволюции: первая стадия — досексуальная, продолжающаяся до трех- или даже пятилетнего возраста; здесь либидо, иначе психическая энергия, находится на службе роста и питания. Инфантильной сексуальности как таковой не существует, и Юнг энергично критиковал понятие *полиморфной перверсии*, приписываемой Фрейдом младенцу. Вторая стадия простирается от указанного выше времени до начала полового созревания, включая его в себя. Фрейд называет этот период «латентным», однако Юнг, напротив, настаивает на том, что именно на этой стадии уже проявляются зачатки сексуального инстинкта, для того чтобы полностью развернуться на третьей стадии, когда индивид достигает половой зрелости. Рассмотрев выводы, следующие из подвергшейся им пересмотру теории либидо сначала применительно к перверсии и психозу, Юнг затем подробно останавливается на понимании им в свете своей теории либидо — невроза. Он не принимает постулата, что корни невроза скрываются в отдаленном детстве, — скорее, наоборот, считает он: они лежат в нынешних обстоятельствах и проблемах пациента. (Это, говорит Юнг, все равно, что объяснять политические затруднения Германии девятнадцатого века завоеванием ее территории древними римлянами.) Как же в таком случае следует объяснять происхождение «родительских комплексов»? Юнг полагает, что естественная эволюция либидо приостанавливается вследствие нынешних затруднений больного, что приводит к реактивации прошлых конфликтов. Кроме того, Юнг не приемлет фрейдовской идеи эдипова комплекса. Он признает, что маленький мальчик или девочка более или менее прочно привязаны к матери, что, возможно, вносит элемент определенного ее соперничества с отцом в глазах ребенка, однако мать рассматривается как фигура защищающая и питающая, а отнюдь не как объект инцестуозных желаний. Представляется более вероятным, что подлинные детские неврозы появляются, когда ребенок начинает ходить в школу, а позднее невроз может разразиться в тех случаях, когда индивиду приходится вплотную столкнуться с проблемой брака или с необходимостью зараба-

тывать себе на жизнь. При наличии невроза вопрос правильно будет ставить так: *Какой стоящей перед ним задачи пациент желает избежать? От решения какой неприятной жизненной проблемы он пытается уклониться?* (Здесь можно было бы отметить, что юнговское понимание невроза перекликается со взглядами Жане и Адлера.)

Что касается психотерапии, то Юнг напоминает, что признание в обременительной для человека тайне может иметь для него огромные благотворные последствия. Об этой истине знали на протяжении столетий, и она по-прежнему остается в силе, хотя соматический лечебный процесс резко отличается от аналогичного процесса в психоанализе. В отношении самой психоаналитической техники Юнг придает особое значение интерпретации сновидений, признавая, вслед за Мёдером, телеологическую функцию сновидений и настойчиво подчеркивая помощь, которую может принести психоаналитику изучение сравнительной мифологии. Юнг также делает упор на идею, которая в то время была абсолютно новой: психоаналитику самому необходимо подвергнуться анализу. Самоанализ Юнг считает фикцией. Заключает он утверждением, что психоанализ способен разработать филогенез духа.

Иллюстрацию этим взглядам можно найти в лекции, прочитанной Юнгом в Лондоне в августе 1913 года[121]. Перед нами история невротического юноши, который сообщил следующее сновидение: «Я вместе со своей матерью и сестрой медленно, марш за маршем, поднимаюсь по ступенькам лестницы. Когда мы достигаем последнего этажа, мне говорят, что у моей сестры скоро должен родиться ребенок». С точки зрения ортодоксального психоанализа, это — типично инцестуозное сновидение. Юнг возражал против такого толкования: «Если я говорю, что лестница является символом сексуального акта, то кто дает мне право рассматривать фигурирующих в сновидении мать, сестру и ребенка как нечто реальное, а не — в свою очередь — символическое?». В дальнейшем выяснилось, что молодой человек испытывал чувство вины из-за того, что закончил свои занятия в учебном заведении на несколько месяцев раньше и не мог заставить себя приступить к работе по специальности. В этом свете сновидение пациента являлось не столько осуществлением инфантильных инцестуозных желаний, сколько призывом исполнить обязанности, которыми он до сих пор пренебрегал.

Работа Юнга: IV — Промежуточный период

В конце 1913 года Юнг порвал отношения с Фрейдом, а вскоре после этого отказался от занимаемой должности в Цюрихском университете. В 1921 году появились его «Психологические типы», где была предло-

жена зрелая, всесторонне продуманная новая система динамической психиатрии[122]. В течение промежуточного периода (1914–1920) Юнг мало публиковался, но зато решил для себя три серьезные задачи. Ему удалось связать на сокровенно-личном уровне свое путешествие через бессознательное, свою давнюю и глубокую увлеченность проблемой психологических типов и свое постижение гностицизма.

Мы видели, что в декабре 1913 года Юнг начал свою «некию», прилагая к самому себе метод активного воображения, сочетаемый с анализом возникающих в процессе его символов. Теперь он практически применял к собственным фантазиям, по мере того как они всплывали из тьмы бессознательного, то же самое просвечивание символов с помощью сравнительной мифологии, которое он уже практиковал ранее при работе с фантазиями мисс Миллер. Этот эксперимент стал источником ряда наиболее важных понятий юнговской психологии — анимы, самости, трансцендентальной функции и процесса индивидуации. Названные понятия являлись психическими реальностями, которые он пережил на собственном опыте. В статье, опубликованной в декабре 1916 года, Юнг в общих чертах обрисовал свое новое понимание бессознательного, констатируя, что существует несколько способов выстроить отношения с последним[123]. Можно пытаться подавить его или посредством редуктивного анализа истощить до пустой фикции, но попытки эти бесполезны, потому что бессознательное невозможно редуцировать или, говоря проще, ослабить до такой степени, чтобы оно оставалось бездеятельным. Можно также с головой погрузиться в бессознательное, как это происходит с шизофрениками. Можно попытаться идентифицировать себя — мистическим путем — с коллективной психеей. Предпочтительнее иное решение проблемы — вступить в опасную, но стоящую того битву с содержаниями бессознательного, для того чтобы овладеть ими. В этом следует видеть символический смысл мифов, повествующих о битве героя с чудовищем и о победе, благодаря которой герою достается сокровище, непобедимое оружие или волшебный талисман. «Именно в достижении победы над коллективной психеей таятся истинные ценности». Эта сентенция, которая, скорее всего, относится к собственному опыту, указывает, по-видимому, на то, что к концу 1916 года Юнг почувствовал, что основная победа в его эксперименте над собой уже одержана.

Этот эксперимент Юнга над самим собой дал ему право придать более широкий смысл своей более ранней концепции психологических типов. Впервые он представил на обсуждение краткий набросок своей типологии 7 и 8 сентября 1913 года на Психоаналитическом конгрессе в Мюнхене, а опубликовал его в декабре того же года в журнале, издаваемом Флурнуа[124]. В противоположности между психологически-

ми синдромами истерии и шизофрении он видел тогда крайнюю степень противоположности между двумя установками, существующими и у нормальных индивидов, а именно — экстраверсии и интроверсии. Эти две установки могут видоизменяться у одного и того же индивида. Каждая из них влечет за собой различное видение мира, и это, возможно, объясняет недоразумения, возникающие между интровертами и экстравертами (вроде тех, например, что имели место между Фрейдом и Адлером). Теперь же путешествие Юнга через бессознательное привело его к осознанию того, что экстраверсия и интроверсия — это не просто две противоположные установки, но две взаимодополняющие психологические функции. Он испытал на собственном опыте постепенно возрастающее состояние интроверсии, при котором восприятие внешнего мира тускнеет и ослабевает, в то время как внутренние видения и фантазии становятся основной реальностью, а позднее он пережил постепенное возвращение из интроверсии к явной экстраверсии, с характерным для нее обостренным восприятием мира и других людей, равно как и потребностью в деятельности и наслаждении.

В течение этих промежуточных лет Юнга, который вообще был прекрасно начитан в истории религии, охватил страстный интерес к гностикам. Эти еретики, расцвет деятельности которых падает на второй век после Рождества Христова, претендовали на то, чтобы заменить чистую веру знанием. Они полагали, что их видения являются реальностью, и систематизировали их, придавая им форму космогонических систем. Юнг провозгласил гностиков предтечами психологии бессознательного. Очевидно, Юнг предполагал, что эти люди извлекли свой «гнозис» из того же самого источника, из которого он извлек свое знание о бессознательном.

Если сравнить материал, использованный в «Метаморфозах и символах либидо» (1911–1912) и в «Психологических типах» (1921), то можно оценить, насколько Юнг расширил свои познания: помимо гностиков, он теперь цитирует Отцов Церкви, средневековых теологов, классические поэмы Древней Индии, китайских философов и ряд работ по этнологии. Этим разнообразием источников объясняется, почему «Психологические типы» — до известной степени озадачивающая книга. Читатель, открывающий этот том объемом в семьсот страниц, предполагая, что он начнется с ясной психологической дескрипции психологических типов, вскоре ощущает себя разочарованным. Клиническое описание типов занимает только последнюю треть книги — после затянувшегося обзора, охватывающего произведения теологов, философов, психологов, поэтов и историков науки. Но было бы ошибкой видеть в этом обзоре всего лишь демонстрацию эрудиции. Идея ее заключается в том, что существует как интровертное, так и экс-

травертное видение мира, сопоставление которых могло бы помочь нам понять расхождения во взглядах, выливающиеся порой в острейшую полемику среди некоторых философов и богословов. Яростные споры между Тертуллианом и Оригеном, Блаженным Августином и Пелагием, приверженцами и противниками догмата о пресуществлении, средневековыми реалистами и номиналистами и Лютером и Цвингли коренятся, в конечном счете, в расхождениях между крайне интровертным и крайне экстравертным видением мира. Сюда же относится и шиллеровское различие между сентиментальной и наивной поэзией. (По существу, Шиллер описал различие, которое он наблюдал между самим собой, сентиментальным интровертным поэтом, и Гете, наивным экстравертным поэтом.) Таким же является и различие между аполлонической и дионисийной установками у Ницше, и противоположность характеров Прометея и Эпиметея в поэме Шпиттелера «Олимпийская весна». Вильгельм Оствальд незадолго до Юнга провел различие между двумя типами ученых — классиками и романтиками; Юнг уравнял типы, намеченные Оствальдом, с интровертным и экстравертным типами[125].

Большинство толкований юнговской теории психологических типов страдает излишним упрощением. Для того чтобы постичь теорию Юнга во всей ее сложности, необходимо прочесть десятую главу «Психологических типов». Юнговский вклад в юбилейный сборник в честь Мортона Принса мог бы послужить хорошим введением в тему[126].

Интроверсия и экстраверсия — это установки, непроизвольные или произвольные, которые присутствуют у каждого индивида, причем в самых разнообразных пропорциях. Интроверсия — установка, характерная для индивидов, получающих мотивацию для своих действий, главным образом, из самих себя, то есть из внутренних или субъективных факторов, а экстраверсия — установка тех лиц, что получают свои мотивации по преимуществу извне, то есть из внешних факторов. Один и тот же индивид способен быть в большей или меньшей степени интровертом или экстравертом, или, может быть, даже перейти в ходе своей жизни от одной установки к другой. Но одна из этих двух установок может закрепиться у индивидов, и тогда мы говорим об интровертных или экстравертных типах. Не всегда просто определить, к какому типу относится данный индивид, потому что существует также множество промежуточных типов, и, как любил подчеркивать Юнг, «каждый индивид — это исключение из правила». Крайняя степень интроверсии или экстраверсии имеет тенденцию вызывать компенсаторный процесс у подчиненной установки в бессознательном. Эта экстраверсия интроверта (или наоборот) представляет собой своего рода возвращение вытесненного. Наличие интроверсии или экстраверсии влечет за собой специфическое видение мира у индиви-

да. Тем не менее интровертный индивид может иметь экстравертное видение мира и наоборот. Что касается индивидов, прочно связанных со своей установкой, интровертной или экстравертной, то им бывает очень трудно понять индивида, принадлежащего к другому типу, по крайней мере, понять его не только на интеллектуальном уровне. Но вследствие того, что интроверты и экстраверты находятся в комплементарных отношениях друг к другу, то браки между ними нередки, и весьма часто это счастливые браки.

Понятия интроверсии и экстраверсии Юнг дополнил системой из четырех фундаментальных функций сознательного психического. Они включают в себя две пары противоположных функций: две рациональные функции, к которым относятся мышление и чувство, и две иррациональные — ощущение и интуиция. Внутри этих пар мышление противоположно чувству, а ощущение — интуиции. (Слово *иррациональный* не означает в данном случае, что эти две функции антирациональны, неразумны, но скорее подразумевает, что они находятся вне пределов поля рациональности.) Названные четыре функции имеются у каждого индивида, однако у каждого индивида одна из функций является преобладающей, что ставит противоположную функцию пары в подчиненное положение. Например, если преобладает мышление, то чувство оказывается в подчиненном положении. Но и здесь мы можем видеть, как происходит своего рода возвращение вытесненного. В чрезмерно интеллектуализированном индивиде этот процесс может вылиться в форму приступов гротескной сентиментальности, а у крайне сентиментальной личности он может обернуться потоком глупых интеллектуальных высказываний. Дело, однако, осложняется еще и тем, что наряду с основной функцией нередко существует еще и вспомогательная.

Идея интроверсии и экстраверсии и четырех функций дала Юнгу возможность построить систему из восьми психологических типов, из которых четыре являлись экстравертными и четыре интровертными.

Экстравертный мыслительный тип подчиняет свою жизнь и жизнь тех, кто от него зависит, твердо установленным правилам; его мышление позитивно, синтетично, догматично. *Экстравертный чувствующий* тип придерживается ценностей, к которым был приучен, уважает социальные условности, делает то, что считает правильным, и очень эмоционален. *Экстравертный ощущающий* тип ориентирован на наслаждение жизнью, общителен и легко приспособляется к людям и обстоятельствам. *Экстравертный интуитивный* тип демонстрирует способность проникать в суть жизненных ситуаций, изобретателен и обладает особым чутьем на новые возможности, у него хорошие данные для занятий бизнесом, спекуляциями и политикой. Затем мы имеем дело с *интровертным мыслитель-*

ным типом, подробно описанным Юнгом, который, по-видимому, взял в качестве модели для этого типа Ницше. Это — некий человек, у которого отсутствует практическое знание жизни; вынеся неприятный опыт из общения с ближними, он замыкается в себе, он желал бы добраться до последней сути вещей и демонстрирует величайшую духовную смелость в своих идеях, но нередко сам находится во власти колебаний и угрызений совести. *Интровертный чувствующий* тип — это, как правило, непритязательная, тихая, чрезмерно чувствительная личность, испытывающая затруднения в общении с ближними; в случае, когда это женщина, она обладает загадочной властью над мужчинами-экстравертами. *Интровертный ощущающий* тип — тоже, как правило, спокойная натура, взирающая на окружающий мир с доброжелательностью и восхищением, и особенно восприимчивая к эстетическим свойствам вещей. *Интровертный интуитивный* тип — это чаще всего мечтатель, сновидец наяву, который склонен придавать величайшее значение внутреннему течению своих мыслей, и которого другие нередко воспринимают как человека странного или эксцентричного.

Прибегнув к своего рода мнемотехническому приему, А. Тейлард[127] описала воображаемый званый обед, участниками которого являются психологические типы. Идеальная хозяйка (экстравертный чувствующий тип) принимает гостей вместе со своим мужем, сдержанным в своих манерах господином, коллекционером искусства и знатоком старинной живописи (интровертный ощущающий тип). Первый гость, прибывший на вечеринку, — преуспевающий юрист (экстравертный мыслительный тип). Затем появляется известный предприниматель (экстравертный ощущающий тип) со своей женой, молчаливой, в известной степени загадочной женщиной, музыкантом по профессии (интровертный чувствующий тип). Эту пару сменяют выдающийся ученый (интровертный мыслительный тип), который пришел без своей жены, в прошлом, поговаривают, кухарки (экстравертный чувствующий тип), и известный инженер (экстравертный интуитивный тип). Собравшиеся тщетно ждут последнего гостя — поэта (интровертный интуитивный тип), но бедняга попросту забыл о приглашении.

Источники юнговской типологии многообразны. Одним из них является обычное для психиатров желание отыскать взаимосвязь между клиническими данными и психологическими типами. Жане, Блейлер, Кречмер и Роршах в разное время и в различных случаях использовали данный подход[128]. Базисным для юнговской концепции стал его личный, жизненно достоверный опыт возрастания интроверсии, а затем возврата экстраверсии в ходе развития его творческой болезни. И, наконец, не в последнюю очередь экстенсивное изучение Юнгом под определенным научно-исследовательским углом истории философии, теологии и литературы. Однако при желании можно найти и другие случаи предвос-

хищения юнговской типологии — помимо тех, что указаны в его историческом обзоре.

Мистический писатель Сведенборг (книги которого Юнг жадно поглощал в юности) утверждал, что посетил рай и ад[129]. Он обнаружил два отдельных небесных царства и две категории ангелов. Небесные ангелы получают божественную истину непосредственно от Господа, постигают ее внутренне и немедленно признают как таковую. Духовные ангелы получают истину косвенным путем, удостоверяясь посредством разума, является ли постигнутая ими истина объективной. Достаточно в этом видении подставить вместо слова «ангел» слово «поэт», а вместо «божественной истины» — «поэтическое вдохновение», чтобы иметь в итоге шиллеровское различение наивных и сентиментальных поэтов и поэзии[130].

Оливер-Брахфельд[131] указал на сходство, имеющееся между юнговскими типами интроверсии и экстраверсии и двумя типами интеллектуальных установок, описанных в свое время Бине[132].

В течение трех лет Бине проводил научные исследования над двумя своими юными дочерьми, Арман и Маргерит, с помощью многочисленных психологических тестов собственного изобретения. Арман он назвал субъективисткой, а Маргерит — объективисткой. Предлагая каждой из дочерей записывать наугад определенное количество слов, Бине обнаружил, что Арман записывала по большей части абстрактные слова и слова, связанные с фантазиями и старыми воспоминаниями, Маргерит же отдавала предпочтение более конкретным словам и словам, ассоциирующимся с современными предметами и недавними воспоминаниями. Воображение Арман носило более непроизвольный характер, в то время как Маргерит была способна контролировать течение своего воображения. Кроме того, Арман описывала предложенный ей объект менее методично по сравнению с Маргерит, которая точно определяла положение объекта в пространстве. У Арман преобладало непроизвольное внимание, тогда как внимание Маргерит носило активный, произвольный характер. Арман могла более точно измерять интервалы во времени, а Маргерит — в пространстве. Бине пришел к заключению, что налицо две различные установки и качественные характеристики психики, которые он называет *интроспекцией* и *экстерноспекцией*. Интроспекция, которую иллюстрирует собой Арман, это «знание, которое мы имеем о нашем внутреннем мире, наших мыслях, наших чувствах. Экстерноспекция — это «ориентация нашего знания на внешний мир, в противоположность знанию о нас самих». Поэтому Арман лучше описывала состояние своего сознания, но была менее точной в своих описаниях внешнего мира, а обратное было верным в отношении Маргерит. Бине подчеркнул, что общительность и способность сходиться с другими людьми

не обязательно жестко связаны с той или другой установкой. Тем не менее «интроспекционный» тип более наделен способностью к искусству, поэзии и мистицизму, а «экстерноспекционный» тип более одарен способностями к науке[133]. Бине пришел к выводу, что различие этих типов играло важную роль в истории философии, и это обстоятельство могло бы, между прочим, многое объяснить в спорах реалистов с номиналистами.

Поскольку книга Бине появилась приблизительно в то же время, когда Юнг занимался в Париже у Жане, то вполне возможно, что он читал ее, а потом забыл, и этот случай мог бы быть еще одним примером криптомнезии, столь нередкой в истории динамической психиатрии.

Работа Юнга: V — Аналитическая психология

После того, как Юнг оставил психоаналитическое движение, ни он сам никогда более не называл себя психоаналитиком, ни сторонники Фрейда не признавали его за такового. С самого начала своей карьеры он выдвинул ряд не-фрейдистских концепций, и теперь был волен следовать собственным идеям и развивать свою систему, которую он назвал аналитической, или комплексной психологией. Его новые понятия получили дефиницию в 1922 году в последней главе «Психологических типов». Именно этот материал ему было суждено разрабатывать на протяжении оставшейся жизни и в не менее чем двух десятках книг, и в многочисленных статьях. В дальнейшем мы постараемся дать очень сжатый очерк юнговской аналитической психологии. Для полного обзора этой обширной системы потребовалась бы книга объемом не менее пятисот страниц, которую Юнг, к сожалению, сам так и не написал. Мы вынуждены ограничиться лишь кратким обзором основных проблем аналитической психологии, как то: психическая энергетика, бессознательное и архетипы, структура человеческого психического или психе, индивидуация, сновидения и юнговские концепции психоза и невроза.

Психическая энергетика

Подобно многим из своих современников, Юнг развивал систему психической энергетики. Его идеи на этот счет можно найти в его «Метаморфозах и символах либидо» и в книге о психической энергетике[134]. В конце девятнадцатого века слово *либидо* часто употреблялось для обозначения «сексуального желания» или «сексуального инстинкта». Молль придал либидо дополнительное значение одной из стадий эволюции сексуального инстинкта, а Фрейд расширил его значение до суммарного целого эволюции и возможных трансформаций сексуаль-

ного инстинкта. То, что сделал Фрейд в отношении Молла, Юнг совершил в отношении Фрейда; он расширил значение либидо еще дальше — а именно, до психической энергии в целом. Позднее Юнг вообще перестал употреблять слово *либидо* и говорил только о психической энергии.

Таким образом, с неизбежностью возникает вопрос о соотношении психической и физической энергии. Подобно Жане, Юнг допускает, что подобное соотношение существует, но его невозможно продемонстрировать, и что, в противоположность физической энергии, психическую энергию нельзя измерить. Никакие эквиваленты неустановимы между физической и психической энергией. В остальном Юнг допускает, что основные законы физической энергии находят себе соответствие в психической энергии, а именно — законы сохранения, трансформации и диссипации. Но в отличие от физической энергии энергия психическая имеет не только причину, но и цель.

Психическая энергия имеет свой источник в инстинктах и может быть перенесена с одного инстинкта на другой (сублимация представляет собой лишь один из множества разнообразных процессов). На всем протяжении этих процессов количество энергии остается неизменным; если же энергия по видимости исчезает, то это всего лишь означает, что она ложится на сохранение в бессознательное, из недр которого она снова может быть приведена в движение. Хотя у нас не имеется средств для измерения психической энергии, оценить количественные различия внутри нее возможно. Существуют индикаторы, позволяющие приблизительно оценить величину энергии, которой заряжен комплекс. Таковы, например, в случае теста словесных ассоциаций группы слов, имеющих тенденцию констеллироваться, равно как и интенсивность вызывающих беспокойство у испытуемого элементов.

Существуют также уровни психической энергии. Юнг, следуя в этом примеру Жане, говорит о более высокой и более низкой психической энергии. Даже принцип энтропии может быть применен в психологии, поскольку существуют закрытые системы психологической природы. Многолетний больной шизофренией, который давно потерял связь с внешним миром и остается неподвижным и безмолвствующим, является наглядным примером крайней деградации психической энергии и возрастания энтропии.

Юнг полагает, что психическая энергия имеет определенное направление и принимает форму либо прогрессии, либо регрессии. Прогрессия есть непрерывный процесс адаптации к требованиям внешнего мира. Неспособность к адаптации порождает явления застоя в развитии или регрессии, которые приводят к реактивации бессознательных содержаний и старых внутренних конфликтов. Тем не менее профессия не

должна быть смешиваема с поступательной эволюцией: индивид может оставаться хорошо приспособленным к требованиям внешнего мира, но потерять контакт со своей внутренней психической реальностью, и в подобном случае временная регрессия могла бы быть полезной, поскольку дала бы ему возможность приспособиться к требованиям бессознательного.

В той же самой перспективе символы становятся преобразователями энергии. Когда символ ассимилируется, то определенное количество психической энергии освобождается и может быть использовано на сознательном уровне. Религиозные и магические ритуалы, вроде тех, что совершаются у первобытных народов перед началом охоты или боевых действий, являются средством мобилизации энергии для вполне определенных целей[135].

Коллективное бессознательное и архетипы

На протяжении нескольких лет интересы Юнга лежали по преимуществу в области личного бессознательного, хотя с самого начала он не придавал исключительно рефессивного характера личному бессознательному. (Здесь уместно вспомнить историю юного медиума, в одной из бессознательных личностей которого Юнг увидел будущую личность, пытавшуюся пробиться через социальные и психологические препятствия.) Затем в своих экспериментах с тестом словесных ассоциаций Юнгу пришлось иметь дело с комплексами, и он узнал все возможные разновидности их — от небольших групп бессознательных представлений до вполне созревших раздвоенных личностей. Две черты выглядели особенно примечательными: автономное развитие комплексов и свойственная им тенденция принимать форму личности (как это можно видеть в сновидениях, спиритизме, медиумических явлениях, одержимости и множественной личности).

Следующим шагом на этом пути стало понятие *имаго*. Фрейд подчеркнул важность и продолжительность воздействия отношений детей с их родителями; значение имело, однако, не то, какими отец и мать были в действительности, а то, какими их видел ребенок субъективно. Юнг предложил назвать это субъективное представление imago, термином, внушенным названием романа Карла Шпиттелера[136]. Фрейд отметил, что *имаго* бессознательно определяет выбор объекта любви. Юнга же интересовали несоответствия между реальной матерью и материнским имаго. Он пришел к допущению, что основной факт заключается в предсуществовании в мужчине бессознательного образа женщины. Идея имаго, являвшаяся одной из наиболее популярных среди психоаналитиков приблизительно около 1907 года, постепенно утратила свое значение, хотя от нее формально никогда не отказывались. В юнгов-

ской психологии имаго явилось стадией перехода от понятия комплекса к понятию архетипа, последний же был тесно связан с юнговской концепцией коллективного бессознательного[137].

Юнговское «бессознательное» отличается от «бессознательного» Фрейда в трех основных пунктах: (1) Бессознательное, по Юнгу, развивается совершенно автономно. (2) Оно комплементарно к сознанию. (3) Оно является местопребыванием универсальных первичных образов — *архетипов*. Юнг говорит, что одним из первых наблюдений, приведших его к идее архетипов, был случай с шизофреником, многолетним пациентом Бургхольцли, который день и ночь без устали предавался галлюцинациям. Этот пациент однажды объявил дежурному врачу, доктору Хонеггеру, что лично видел, что у солнца имелся фаллос, движения которого производили ветер. Происхождение этого странного бреда казалось необъяснимым до тех пор, пока на глаза Юнгу не попалась недавно вышедшая в свет книга историка религии Дитериха[138] о литургии, практиковавшейся в митраистской религии, какой она представала, например, на страницах доселе неопубликованного греческого папируса. Этот текст содержал в себе упоминание о ветре, получающем начало в трубе, свешивающейся с солнца. Возможность того, что пациент прочитал этот недавно открытый текст, исключалась. Юнгу[139] казалось, что единственным объяснением этому факту может быть только то, что существуют универсальные символы, которые могут появляться в религиозных мифах, так же как и в психических галлюцинациях[140]. Оказалось, что совпадения подобного рода встречаются довольно часто, даже если и не в такой шокирующей форме, как в данном случае.

Юнговскую теорию архетипов часто понимают неправильно. Необходимо проводить различие между «архетипами как таковыми», которые обычно находятся в скрытом и бессознательном состоянии, и «архетипическими образами», которые суть манифестации «собственно архетипов» сознания. Архетипы не являются продуктом индивидуального опыта, они — «универсальны». Эта их универсальность истолковывалась юнгианцами или как вытекающая из структуры человеческого мозга, или как выражение своего рода неоплатонической души мира. Не отрицая возможности и того, и другого объяснения, Юнг, который претендовал на то, чтобы быть ученым-эмпириком, говорил, что он вынужден признать существование архетипов, хотя и не обладает знанием их сокровенной природы. Архетипические образы Юнга напоминают нам идею фон Шуберта об универсальном языке символов, общем всему человечеству и проявляющемуся в сновидениях, так же как и в мифах всех народов. Однако в юнговской концепции архетипы являются чем-то большим, чем универсальный язык символов: они представляют собой центры психической энергии; они обладают

«нуминозным» жизнеподобным качеством; и они, по-видимому, проявляются в критических обстоятельствах — или благодаря внешнему событию, или вследствие какого-то внутреннего изменения.

В качестве примера архетипического образа, высвобожденного внешним событием, мы могли бы привести переживания Уильяма Джеймса, связанные с землетрясением в Сан-Франциско в 1906 году[141]. Проснувшись в своей постели ранним утром, он сразу понял, что происходит, но не почувствовал никакого страха, а лишь неподдельный восторг и желание приветствовать происходящее. Далее, словами самого Джеймса:

> Я персонифицировал землетрясение как постоянное индивидуальное существо... оно пришло, более того, прямо ко *мне*. Оно незаметно прокралось за моей спиной и, как только оказалось в комнате, полностью захватило меня и могло проявлять себя с потрясающей убедительностью. Разумное начало и цель более не присутствовали ни в одном человеческом действии, да и самой человеческой деятельности определенно некуда было направить свой взор в поисках животворной движущей силы как своего источника и первоначала.

Джеймс обнаружил, что другие лица почувствовали в этом землетрясении какой-то умысел, называли его жестким, склонным к разрушению, в то время как другие говорили о его смутной демонической власти. А некоторые размышляли в связи со случившимся о конце света и страшном суде. Для Джеймса землетрясение обладало скорее качеством индивидуального существа. Он приходит к следующему заключению:

> Я понял после этого лучше, чем когда-либо, насколько неизбежны были для человека ранние мифологические версии подобных катастроф и какими искусственными и противными самому нутру нашего непроизвольного восприятия являются более поздние привычки, которые наука прививает нам. Землетрясение просто не может укладываться в сознание необученного человека, если только он не воспринимает его в качестве сверхъестественного предупреждения или возмездия.

Перед нами изумительный пример того, как человек переживает возникновение архетипического образа. В случае Уильяма Джеймса архетип спроецировался под воздействием внешнего события. Гораздо чаще архетипы манифестируются во взаимодействии с событиями нашей самой сокровенной жизни. Архетипы могут появляться в сновидениях; их можно также извлечь из недр бессознательного с помощью

принудительного воображения или непроизвольного набрасывания рисунков. Существует почти бесконечное разнообразие архетипов. Некоторые из них, по-видимому, очень отдалены от сознания, другие находятся в более непосредственной близости, и наш долг — попытаться описать их в связи с психической структурой человека.

Структура человеческой психики

Юнг видит сознающее эго находящимся в точке соединения двух миров: внешнего (или пространственного) мира и внутреннего, или психического объективного мира. Как отмечает Бодуэн: «То, что бессознательное простирается так далеко за пределы сознания, является лишь аналогом того факта, что внешний мир простирается так же далеко за пределы нашего зрительного поля»[142]. Окружая наше эго, к нему тяготеет ряд не до конца проявившихся личностей (субличностей), связь которых с эго видоизменяется на протяжении всей жизни человека. К таковым относятся персона, тень, анима или анимус, архетип духа и самость. Удовлетворяя требованиям внешнего, индивид представляет окружающим нечто вроде фасада, или социальной маски, persona, слово, которое в латинском языке означает театральную маску. Персона — это совокупность конвенциональных установок, которые индивид усваивает в силу того, что принадлежит к определенным группам: в зависимости от рода занятий, общественного класса, касты, политической партии или нации. Некоторые индивиды стремятся максимально прочно слиться с этими установками, в результате чего они теряют контакт со своей подлинной личностью. Наиболее жесткие аспекты персоны проявляются в расовых, социальных и национальных предрассудках.

Тень — это сумма тех специфических личных особенностей, которые индивид хочет скрыть от других и от самого себя. Но чем более он старается скрыть их от себя, тем более шансов, что тень может стать активней и разнузданней. Яркий пример из литературы — Черный монах, неотвязный спутник монаха Медарда, в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры Сатаны». В данном случае перед нами литературный пример «тени», высвободившейся из-под контроля сознательной личности, чтобы творить злодеяния за ее спиной. Но тень, кроме того, способна стать объектом проекции; в таком случае индивид видит свои собственные темные черты отраженными в другом человеке, которого он, возможно, неосознанно избирает в качестве козла отпущения. В некоторых случаях вследствие влияния алкоголя или какой-либо другой причины тень способна временно воспользоваться данным индивидом в своих целях, так что позднее он, возможно, будет в совершенном недоумении, как он оказался способен на такие злые поступки.

Юнговское понятие тени не следует смешивать с фрейдовским понятием вытесненного; тень родственна феномену неосведомленности в противоположность бессознательности[143]. К неосведомленности, к неосознанности относятся те стороны мира и самого себя, которые индивид не видит, хотя и мог бы увидеть, если бы честно желал этого. Человек может мысленно представлять себя хорошим мужем и отцом, который пользуется любовью своих подчиненных и уважением сограждан, и при этом игнорирует тот факт, что он — эгоистичный муж, деспотически ведущий себя отец, что ненавидят его подчиненные, и скорее боятся, нежели уважают, ближние. Эта негативная сторона его личности, о которой не подозревает данный человек, и есть именно то, что Юнг называет тенью.

В то время как персона и тень представляют собой более внешние аспекты индивида, другие не до конца проявившиеся личности (субличности) тесно связаны с внутренней психической реальностью коллективного бессознательного. Таковыми являются архетипы души (анима или анимус), архетипы духа (старец-мудрец, великая мать) и занимающая центральное место среди всех прочих архетипов — самость.

Подобно всем архетипам, архетип души узнается благодаря своим манифестациям, когда он проецируется вовне, а именно, в качестве характерной персонификации другого пола. Таким образом, в мужчине он принимает форму женской фигуры, анимы, а в женщине форму мужской фигуры, анимус. Мы видели, каким образом Юнг обнаружил аниму в процессе своего самоанализа; позднее он встретился с ней в сновидениях и фантазиях своих пациентов, а впоследствии под самыми разнообразными видами в религиях, мифах и литературе[144].

Архетип души принимает в мужчине форму идеальной женской личности, анимы, а в женщине — форму мужской фигуры, анимуса, вследствие взаимодополняющей природы мужчины и женщины, которые хранят в своем бессознательном идеальное представление о другом поле. Существование анимы проявляется, в частности, в том, как мужчина искажает образ реальных женщин в своей жизни: своей матери, сестер, подруг, возлюбленных и супруги. Анима, помимо этого, персонифицируется в снах, видениях и фантазиях, во множестве мифов всего народонаселения Земли, и всегда служила богатым источником вдохновения для романистов и поэтов. В некоторых случаях проекция анимы из глубины бессознательного осуществляется драматическим путем, таким, например, как любовь с первого взгляда или непостижимая для нормального ума страстная, безрассудная влюбленность, очень часто с катастрофическими последствиями. Но действие анимы не обязательно связано с отрицательными последствиями. Индивид способен управлять своими отношениями с анимой таким образом, что последняя превращается для него в источник мудрости, вдохновения и творческой активности.

Юнговское понятие анимы сопрягается с некоторыми идеями, являвшимися предметом оживленных дискуссий в конце девятнадцатого века. Во-первых, это идея *нарциссической любви*, понятой как проекция более или менее бессознательной любви к себе на другое лицо. Во-вторых, это идея *материнского имаго*. Ницше уже было сказано: каждый мужчина хранит в себе образ женщины, берущий свое происхождение в образе его матери, и в соответствии с этим образом он будет предрасположен уважать или презирать женщин. Во многом близкая идея развивалась Карлом Нейссером: для того чтобы мужчина мог любить женщину, она должна быть похожей на женщин из рода его предков[145]. В стихотворении Верлена «Мой привычный сон» говорится о женщине, имеющей смутно-идеальный облик, которую любит поэт и чувствует, что тоже любим, женщине, чей образ постоянно меняется, хотя всегда один и тот же, и напоминает своими чертами женщин из его семьи, уже покинувших этот мир. Третьей отправной точкой была тема рано зародившейся любви в душе мужчины, любви, которую он переносил с одной женщины на другую. Литературная иллюстрация этой темы — роман Томаса Харди «Горячо любимая», где в продолжение своей жизни герой последовательно влюбляется в трех женщин — в своей юности, в зрелом возрасте и на склоне лет[146]. Его любовь к каждой из трех тщетна: они выходят замуж за других мужчин, и первая из них станет матерью второй, а вторая — третьей. В итоге он осознает, что всегда любил одну и ту же женщину. В-четвертых, идея анимы включает в себя также притяжение, являющееся следствием физиологической бисексуальности человеческого существа. Вследствие того, что в мужчине имеется женский, а в женщине мужской компонент, то мужчину и женщину притягивает также к этому дополнительному элементу в личности, который они обнаруживают друг у друга. К природе анимы как раз и относится то, что мужчина может проецировать ее образ на женщину, которую он любит, как и то, что он в таком случае видит ее совсем не такой, какой она в действительности является. Такой мужчина приписывает своей возлюбленной качества, которые совершенно чужды ей. Но это еще не все. Юнг называет Anima-Gestalt (фигуру, облик анимы) специфическим типом женщины, которая, по-видимому, способна притягивать проекцию анимы у других мужчин. Юнг часто ссылается на роман Райдера Хаггарда «Она»[147].

Молодой англичанин (в роду которого имеются греческие предки) обнаруживает в самом сердце Восточной Африки неизвестный город, владычицей которого является белая королева Эйша. Она появляется перед людьми только закрытая вуалью. Этой загадочной чарующей демонической женщине уже две тысячи лет, и она сохраняет свою молодость с помощью

магического искусства. Она не устает оплакивать единственного мужчину, которого любила, а именно грека по имени Калликрат. Когда она узнает, что присутствующий в городе гость — потомок того самого Калликрата, она влюбляется в него и желает сделать его бессмертным. Для этого он должен пройти через столб огня, и когда юноша колеблется, она сама проходит через огонь, чтобы показать ему, как это делается. Однако следствием этого становится лишь то, что она утрачивает свое бессмертие и превращается в горстку праха. В конце девятнадцатого века этот роман был бестселлером, и говорят, что он был написан под влиянием неожиданно нахлынувшего вдохновения, в состоянии своего рода транса[148].

Можно было бы дать длинный список подобных анима-фигур в литературе, начиная с гомеровской Цирцеи в «Одиссее» и до Антинеи в романе Пьера Бенуа «Атлантида» (на который Юнг тоже часто ссылался).

В женщине архетип души — это анимус. Анимусу в работах Юнга и его последователей уделено заметно меньше места, чем аниме[149]. В то время как анима обычно предстает в виде единичной женской фигуры, анимус нередко являет собой множественность мужских фигур. В очень молодой женщине он заявляет о себе в виде страстной влюбленности в пожилого мужчину или в фигуру с отцовским обликом; в зрелой женщине таким объектом может стать чемпион в каком-либо виде спорта или, в негативном случае, плейбой или даже преступник; у пожилых женщин более вероятна проекция анимуса на врача, священнослужителя или предположительно непонятного людям гения. Проекция анимуса на реального мужчину может иметь последствия столь же катастрофические, как и в случае проекции мужчиной своей анимы на анима-фигуру. Более обычно анимус манифестируется в искаженном восприятии женщиной своего мужа или других мужских фигур в ее жизни. Анимус может также быть источником навязчивых идей и упрямства, неразумных мнений, приводящих к изнурительным и вызывающим обоюдное раздражение спорам. (Нередко создается впечатление, что многое из того, что Адлер называл маскулинным протестом в женщине, рассматривалось Юнгом в качестве манифестаций анимуса.) Но если женщине удается установить верные взаимоотношения со своим анимусом, последний перестает вносить беспокойство в ее жизнь и становится источником интеллектуального самообладания и уравновешенности. Похоже, однако, что анимус не вдохновлял романистов столь же часто, как анима[150].

Архетип духа — следующий по важности после архетипа души (анимы и анимуса). Индивид обыкновенно сталкивается с ним в критических жизненных ситуациях, когда ему необходимо принимать трудные решения. Он появляется в сновидениях, используя для этого

множество символических форм: ветра, образов предков, животных-помощников, божеств и т. п. Этот архетип имеет тенденцию появляться в облике старца-мудреца, такого, например, как шаман у примитивных народов, священника и монаха во всех религиях или любого известного нам человека, способного дать хороший совет. Характерно для всех архетипов, что старец-мудрец может появиться в качестве зловещей фигуры, например, колдуна. Такой архетип способен проецироваться на реальное человеческое существо, как это бывает в процессе психотерапии. Пациент представляет себе врача в образе всеведущего волшебника. Идентификация себя с этим архетипом — опаснейший пример того, что Юнг называет психической инфляцией. В литературе предельную персонификацию мудрого старца можно найти в Заратустре Ницше. Согласно Юнгу, Ницше отождествил себя с фигурой Заратустры, то есть с архетипом старца-мудреца. Это могло бы объяснить, почему Ницше впал в такой мегаломанический бред, когда его психическая болезнь достигла стадии психоза.

По-видимому, в течение длительного времени Юнг рассматривал архетип старца-мудреца в качестве характерного признака мужской психологии, однако позднее он встретился с ним также и у женщин. И наоборот, архетип magna mater (или Великой Матери), который Юнг сначала считал типическим для женщины, мог также встречаться у мужчин. Похоже, что Юнг видит в нем особую форму архетипа матери и считает, что подобно другим архетипам он может выступать во многих видах[151]. Он может проецироваться на нашу мать, бабушку или няню. Может предстать в облике предка с женской стороны, святой, Богоматери, божественной мудрости, церкви, университета (alma mater) или родной страны. Среди негативных аспектов этого архетипа — божества, управляющие человеческими судьбами (парки, фурии), ведьмы, драконы и т. п.

Самость — наиболее важный из всех архетипов. Английское слово self (свое «я», сущность; филос. эго; наконец, местоимение: я сам(а) и др.), с которым вошло в психологический обиход так много противоречащих друг другу значений, едва ли способно выразить то, что имел в виду Юнг, обращаясь к немецкому слову Selbst (буквально означающее «сам», «себя»). Самость в одно и то же время — невидимый, бессознательный, глубочайший центр личности и психическая цельность, как это следует из объединения сознательного и бессознательного. Прежде всего самость не следует смешивать с сознательным эго. Как и в случае с другими архетипами, самость, как правило, нами не сознается, но напоминает о себе в проективных формах или через появление архетипических фигур в сновидениях или фантазиях. Описание самости невозможно отделить от описания процесса индивидуации.

Индивидуация

Мы, таким образом, приближаемся к самому главному понятию юнговской психологической системы и терапии. Юнг называет индивидуацией процесс, который обыкновенно ведет человека к объединению личности. Термин *индивидуация* использовался средневековыми богословами, но имел у них другое значение[152]. Процесс индивидуации распространяется на все течение человеческой жизни.

Фрейд предложил новую концепцию стадиального хода человеческой жизни: сначала серия фаз либидного развития, достигающая кульминации в эдиповой ситуации, затем — латентный период, за которым следует вторичное пробуждение сексуального инстинкта в период полового созревания, завершающегося с достижением половой зрелости — и с этого времени никаких существенных изменений. Юнговская концепция носит совершенно иной характер. Юнг видит человеческую жизнь как ряд метаморфоз. По существу, перед нами продолжающийся всю жизнь процесс — начиная с момента, когда младенец выныривает из пучины коллективного бессознательного, и до окончательного оформления самости.

Человек входит в жизнь с недифференцированным бессознательным; затем он медленно поднимается в качестве сознающего эго. Юнг настойчиво подчеркивает наличие психологического симбиоза, в условиях которого живет маленький ребенок, живет не только с матерью, но и с семьей в целом. Достаточно сослаться на примеры параллельных сновидений у матери и ребенка и на сходство в ответах родителей и детей в тесте словесных ассоциаций. По этой причине в случае детских неврозов следует обратить пристальное внимание на личностные установки родителей. Что касается эдипова комплекса, то Юнг никогда не считал его универсальным и необходимым свойством человеческой природы, но допускал, что мы, возможно, имеем здесь дело с симптомом неправильных установок психики родителей в отношении ребенка.

Постепенно индивидуальность ребенка выбивается из индивидуальности его семьи. Начальная школа — важное событие в жизни ребенка и одна из первых ступенек индивидуации. Далее подросток должен оставить позади себя черты детской психологии, а юноша, соответственно, черты подростковой. Юнг наблюдал в Восточной Африке, как этот переход от детства к взрослости облегчался для юношей с помощью ритуалов инициации. Молодежь поэтому избегала здесь опасностей, которыми бывает чревата затянувшаяся юность — явление, столь распространенное в западном мире. Взрослость приносит с собой новые интересы, связанные с общественными обязанностями, и вместе с тем новые проблемы, имеющие отношение к аниме или анимусу.

Одна из главных метаморфоз в человеческой жизни — это «поворот жизни» (Lebenswende). В возрасте между тридцатью двумя и тридцатью восемью годами глубокая перемена неминуемо должна произойти в человеке; она совершается постепенно или неожиданно, а иногда предотвращается с помощью впечатляющего сновидения архетипического свойства. Проблемы, обязанности или потребности, которыми пренебрегали в течение первой половины жизни, теперь властно напоминают о себе. Порой человека, который всегда подавлял свою потребность в любви, обуревает желание сделаться жертвой того, что французы называют le demon de midi («полуденным демоном»), как это ярко показано в одном из широко известных романов Поля Бурже[153] и анализировалось с психоаналитической точки зрения Репондом[154]. Иногда невроз возникает в результате долго подавлявшихся интеллектуальных или духовных потребностей[155]. Подобный невроз должен быть понят как предупреждение, поступившее из бессознательного, а испытывающему невроз следует изменить свой образ жизни, — в противном случае вторая половина его жизни, вполне возможно, пропадет попусту. Насколько важно для индивида по достижении им зрелости суметь оставить позади принадлежащее детству и юности, настолько же необходимо для него расстаться с тем, что принадлежит к первой половине жизни, когда он вступает во вторую. Вторая половина жизни — это период противостояния с архетипами духа и архетипом самости. Юнг сопоставлял достойную сожаления псевдомолодость вступивших в старческий возраст людей на Западе с достоинством, свойственным старикам из племени элгонийцев в Восточной Африке, и не думающим скрывать свой возраст, и тем уважением, которым они пользовались у своих соплеменников.

Если индивидуация достигнута, эго больше не представляет собой центр личности, но уподобляется планете, вращающейся вокруг невидимого солнца — самости. Индивид приобрел невозмутимость и более не страшится смерти и, подобно тому, как он нашел самого себя, он нашел и подлинную связь с другими людьми. Юнг не колеблется использовать почти вышедшее из употребления слово «мудрость» (удовлетворительным заместителем которого не может быть более современный термин «зрелость») и заявляет: «Естественный конец жизни не старость, но мудрость»[156].

Индивидуация может остановиться, и задача психотерапевта в том, чтобы помочь пациенту устранить препятствия, мешающие непрерывному развитию личности. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать психотерапию Юнга.

Прогресс в индивидуации нередко открывается сознанию с помощью появления того или иного арехетипического образа самости. Среди этих образов три появляются, по-видимому, с особой частотой: *те-*

трада (или четверица), *мандала* и *божественное дитя*. Тетрада может являться в виде геометрической фигуры квадратной или в некоторых случаях прямоугольной формы; или же она будет иметь какую-нибудь связь с числом четыре: четыре человека, четыре дерева и т. д. Нередко вопрос как раз и состоит в том, чтобы придать завершенность триадной фигуре с помощью четвертого элемента, превращая тем самым троицу в четверицу. В опубликованной Юнгом серии из четырехсот сновидений данный символ появляется не менее семидесяти одного раза[157]. Юнг был не первым, кто занимался символами тетрадности. Во Франции в девятнадцатом веке Фабр д'Оливе уже писал до него об этом предмете [158]. Тем не менее, несомненно, что Юнг был первым, кто так тесно связал тетрадность с процессом индивидуации. Мандала представляет собой круглую фигуру, орнаментованную символами, которая обычно разделена на четыре части. Мандала широко известна в Индии и Тибете, где ею пользовались в течение столетий аскеты и мистики с целью получения поддержки в медитации[159].

Не следует смешивать процесс индивидуации с более ограниченными во времени процессами регрессии и прогрессии. То, что Юнг называет регрессией, есть обращенное внутрь движение, т. е. постепенное возрастание интроверсии или движение по направлению к бессознательному. Напротив, прогрессия представляет собой возвращение из бессознательного к сознательному, уменьшение интроверсии и возрастание экстраверсии индивида, всегда принимающее форму более прочного овладения реальностью. Всякий раз, когда индивидуация останавливается, регрессия за которой рано или поздно последует прогрессия, сообщает ей новый импульс. В этом как раз и заключается принцип терапевтической индивидуации. С помощью анализа сновидений, активного воображения, живописи или зарисовывания бессознательных фантазий пациент обретает способность к осуществлению регрессии и начинает свое путешествие через бессознательное. Такого рода путешествие, которое Юнг пережил на собственном опыте в период с 1913 по 1918 год, является также и моделью его синтетически-герменевтической терапии. По мнению Юнга, сходные переживания служили образцом для старинных отчетов о путешествиях в страну мертвых. Давняя традиция, берущая, по-видимому, начало в путешествиях шаманов через страну духов, нашла себе выражение в эпосе о Гильгамеше, в гомеровской «Одиссее», в «Энеиде» Вергилия и «Божественной комедии» Данте [160] и могла бы обрести последователей и в современной литературе, приняв, разумеется, новые формы[161].

У любого путешествия через бессознательное имеется одна характерная особенность: явление того, что Юнг называл энантиодромией. Это выражение, ведущее начало от Гераклита, означает возвраще-

ние к своей противоположности. Определенные психические процессы оборачиваются в какой-то точке своей противоположностью, как бы посредством своего рода саморегуляции. Это понятие в символической форме получило также наглядное выражение у поэтов. В «Божественной комедии» мы являемся свидетелями того, как Данте и Вергилий достигают самой глубокой точки ада и вслед за этим совершают свой первый шаг по направлению вверх — к чистилищу и небесам. Этот таинственный феномен самопроизвольного изменения регрессии был пережит всеми, кто успешно прошел через творчески плодотворную болезнь и стал характерным признаком юнговской синтетико-герменевтической терапии.

Работа Юнга: VI — Психотерапия

Юнговскую психотерапию можно разделить на несколько стадий, каждая из которых и сама по себе могла бы конституировать определенный метод. Мы вынуждены рассматривать по отдельности юнговскую терапию приведения к осознанию, лечение патогенных тайн, редуктивно-аналитический метод, способ продвижения вперед индивидуации и перевоспитание.

Согласно Юнгу, первый шаг любой психотерапии должен состоять в возвращении пациента к реальности и в особенности к осознанию им его теперешней ситуации. Некоторые пациенты нуждаются в том, чтобы им открыли глаза на некоторые стороны их проблемы, другие живут в состоянии полной неосведомленности относительно истинного положения своих дел. Юнг любил напоминать историю Тартарена, героя романа Альфонса Доде, который поверил шутке, рассказанной ему одним балагуром, а именно, что Швейцарские Альпы были оборудованы туннелями и галереями, в которых к тому же полно рабочих и служителей, так что подъем на вершину горы не представляет никакой опасности[162]. Узнав об этом, Тартарен, отбросив всякие сомнения, начал взбираться на вершину Юнгфрау (одну и самых высоких гор в Альпах), но был охвачен смертельным ужасом, когда осознал суровую правду. Сходным образом, говорит Юнг, многие люди ведут как бы предварительную, а еще не настоящую жизнь; некоторые из них пробуждаются рано, некоторые в середине своего существования, другие очень поздно или даже на своем смертном одре. Временами индивиду необходимо открыть глаза на некую существенную опасность, к которой он остается слеп[163]. Гораздо чаще ему необходимо осознать моральные последствия того, что он делает. В качестве примера последней ситуации Юнг рассказывает о невротическом юноше, который был вынужден прой-

ти у него курс психотерапевтического лечения[164]. Юноша жил за счет бедной старой женщины, учительницы, которая была очень привязана к нему. Первый шаг в терапии заключался в том, чтобы заставить его понастоящему понять, что его образ жизни безнравственен, и необходимо, чтобы он изменил его. Это первостепенное внимание к фактической ситуации и реальности как таковой всегда остается на переднем плане в юнговской психотерапии. Как мы еще увидим, даже анализируя наиболее темные символы при столкновении с архетипами, пациент всегда поставлен перед вопросом, как ему следует применить эти прозрения в своей практической сегодняшней жизни.

Вторая стадия юнговской психотерапии — лечение патогенных тайн. Мы видели в одной из предыдущих глав, что осмотрительное и искусное обращение с болезнетворной тайной стало действенным терапевтическим средством в лечении душ, практиковавшемся некоторыми протестантскими священниками[165]. Мы видели также, что терапия болезнетворной тайны постепенно освобождалась от церковного влияния, пока прямо не была введена в арсенал психиатрии Морицем Бенедиктом. Остается открытым вопрос: услышал ли Юнг от кого-то о терапии психогенной тайны или заново открыл ее самостоятельно? В автобиографии Юнг рассказывает о своем первом клиническом опыте такого рода терапии.

> Когда Юнг был еще юным интерном в Бургхольцли, в отделение к нему поступила женщина в состоянии тяжелой депрессии, настолько тяжелой, что предполагалось, что здесь имеет место случай dementia praecox. Данные, полученные Юнгом с помощью теста словесных ассоциаций, и анализ сновидений пациентки привели его, однако, к подозрению о существовании здесь какой-то трагической тайны, которую пациентка впоследствии и открыла ему. История была следующей. Она была потрясена, узнав, что мужчина, за которого она когда-то хотела выйти замуж, но который явно не интересовался ею, в действительности был влюблен в нее. Не было никакого средства помочь ей, потому что она уже успела выйти замуж за другого человека и имела от него двоих детей. После этого она как-то раз машинально позволила своей маленькой дочке сосать во время купания мочалку, впитавшую грязную воду, и даже предложила своему маленькому сыну выпить стакан такой же воды. Когда девочка через некоторое время умерла от тифозной лихорадки, ее мать впала в такую депрессию, что ее были вынуждены поместить в психиатрическую больницу. Юнг объяснил ей, в чем заключалась тайна, вызвавшая ее болезнь, и не прошло и двух недель, как она смогла покинуть больницу — исцеленной. Юнг, тем не менее, решил, что ему следует скрыть эту неприятную тайну от своих коллег. Он имел возможность снова и снова совершать подобные исцеления и пришел

к выводу, что вероятность наличия патогенной тайны должна методично рассматриваться в каждом случае[166].

Нелишним будет подчеркнуть, что подобного рода терапия требует от психиатра абсолютного уважения к тайне пациента. Нет сомнений в невозможности делиться такой информацией с коллегами или супервизорами, заносить ее в историю болезни и уж тем более использовать магнитофоны или комнаты со стенами, прозрачными со стороны наблюдающего медперсонала. Это, так сказать, лечение «тайны с помощью тайны».

Прежде чем продолжать обзор терапии, необходимо рассмотреть религиозную проблему. Юнг утверждает, что среди его пациентов, успевших перевалить во вторую половину жизни, нет ни одного, у кого бы основная его проблема не была так или иначе связана с его отношением к религии[167]. Не приходится и говорить, что не дело психотерапевта вмешиваться в эти проблемы, но он имеет право указать своему пациенту, что если тот действительно верующий, то не исключено, что он мог бы излечиться от своего невроза, просто всерьез возобновив практику своей религии. Это особенно справедливо в отношении католиков; гораздо сложнее дело обстоит в случае с протестантами. Тем не менее Юнг рассказывает, как некоторые из его пациентов протестантского вероисповедания успешно избавились от своего невроза после того, как присоединились к Оксфордской группе или какому-нибудь движению подобного рода.

Большинство пациентов, однако, не открыто для такого простого радикального метода лечения и нуждается в развернутом психотерапевтическом курсе. Необходимое предварительное условие при этом заключается в том, чтобы добиться от пациента подробного отчета о его жизни и истории заболевания. После этого психиатр должен решить, прибегнет ли он при лечении своего пациента к аналитико-редуктивной терапии (то есть к терапии, основанной на фрейдовских или адлеровских принципах) или к синтетически-герменевтической.

Есть пациенты, говорит Юнг, основная особенность которых заключается в инфантильном гедонизме и страстном стремлении к удовлетворению инстинктивных потребностей; тогда как другие пациенты одержимы «драйвом» к власти и превосходству. При лечении первой группы следует обратиться к психоаналитически ориентированной терапии, вторую же группу лечить в соответствии с адлеровскими принципами. Было бы грубой ошибкой, например, лечить неудачливого человека с инфантильной потребностью в превосходстве с помощью фрейдовского метода, и не менее грубой ошибкой было бы лечить преуспевающего человека с откровенно гедонистической психологией, пользуясь ад-

леровским методом. Предварительного обследования обыкновенно бывает достаточно для прояснения того, какая из этих двух терапий является более подходящей; иногда Юнг просто давал почитать своим более образованным пациентам сочинения Фрейда и Адлера, и, как правило, они вскоре сами выясняли, какой из двух более подходит для них. Редуктивно-аналитические методы часто дают хорошие результаты, но нередко они не вполне удовлетворительны, и прогресс в лечении прекращается, или у пациента появляются сновидения архетипического характера. Все это указывает на необходимость изменения процедуры, то есть на то, чтобы прибегнуть к помощи синтетически-герменевтического метода. Последний рекомендуется с самого начала назначать для тех пациентов — главным образом, находящихся во второй половине жизни — кто проявляет интерес к нравственным, философским или религиозным проблемам.

Синтетически-герменевтический метод, обычно известный в качестве юнгианской терапии, во многих отношениях отличается от фрейдовского психоанализа. Как и в адлеровской терапии, пациент здесь не лежит на кушетке, но сидит на стуле с лицом, обращенным к психотерапевту. Расписанием предусматриваются для начала одночасовые сеансы дважды в неделю, а затем раз в неделю. Начинать курс рекомендуется по возможности сразу. От пациента требовалось выполнение специфических задач, нередко ему вменялось в обязанность прочитать определенные тексты. Короче говоря, он должен был активно сотрудничать со своим врачом. Преимущества такого метода, говорит Юнг, в том, что анализанд избавляется от риска впасть в инфантильную регрессию, он не отчуждается от своего окружения, лечение обходится ему дешевле, а у психотерапевта появляется время для лечения большего числа пациентов. Упор делается на наличную жизненную ситуацию пациента и на непосредственное, конкретное использование любого внезапного озарения, которое, возможно, пришло к пациенту в процессе лечения. Юнг понимает перенос (трансфер) совершенно иначе, нежели Фрейд. Он рассматривает те бросающиеся в глаза (позитивные или негативные) результаты переноса, которые имеют место в психоанализе, в качестве всего лишь артефактов, продлевающих без особой нужды процесс лечения или даже способных пагубно повлиять на его ход. То, что Фрейд называет неврозом переноса, является, по мнению Юнга, отчаянной попыткой пациента компенсировать свои ошибочные установки в отношении реальности и следствием недостаточной профессиональной опытности врача. Такого рода перенос есть унизительная зависимость для пациента и представляет опасность как для него самого, так и для врача, который рискует заразиться неврозом пациента. Перенос состоит не только из эротических переживаний, но и из смеси собственни-

ческих и властных побуждений, а также страха[168]. По мнению Юнга, единственный приемлемый перенос должен быть мягким и почти неприметным. Ему следует быть процессом сотрудничества пациента и психиатра, в частности, сопоставлением их обоюдных открытий в ходе лечения. Только таким образом способен психотерапевтический процесс получить развитие — благодаря действию того, что Юнг называет трансцендентной функцией[169].

Трансцендентная функция представляет собой прогрессивный синтез сознательных и бессознательных данных, ведущий к индивидуации. Сознательная и бессознательная жизнь редко текут параллельно друг другу, и для пациента небезопасно, если между ними возникает резкий разрыв, потому что это ведет к образованию сильных оппозиций в бессознательном, что приводит к серьезным расстройствам психики. Психиатр должен помочь пациенту сопоставить сознательное с бессознательным так, чтобы мог произойти желательный синтез. Всякий раз, когда содержания бессознательного слишком слабы или заторможены, психиатр будет стремиться помочь пациенту стимулировать их деятельность и заставить подняться наверх; в результате он поможет пациенту поставить эти содержания лицом к лицу с сознательным эго и повседневной жизненной обстановкой.

Как заставить всплыть на поверхность содержания бессознательного? Для этого требуется специальная подготовка, включающая в себя главным образом использование сновидений, непроизвольных фантазий и свободного рисования или изображений в красках. Ученые, изучавшие сновидения, например Эрве де Сен-Дени, знали, каким образом вызвать частые и изобилующие образами сновидения: начинают обычно с записывания сновидений сразу после пробуждения и иллюстрирования их содержания с помощью рисунков, черно-белых или в цвете [170]. Тот же метод можно использовать применительно к непроизвольным фантазиям в бодрствующем состоянии, или же можно рисовать или писать красками, не определяя заранее, что будет изображаться. Лепка из глины и автоматическое письмо также могут быть использованы.

В юнгианской терапии сновидение, тем не менее, остается наиболее важным способом приближения к бессознательному. В то время как сегодня многие психоаналитики-фрейдисты абсолютно не пытаются анализировать сновидения своих пациентов, подобное было бы совершенно невозможным в юнгианской терапии. Юнговские идеи относительно сновидений и их терапевтического использования расходятся с теорией Фрейда почти в каждом пункте. В то время как Фрейд считает, что всякое сновидение является замещающим осуществлением вытесненного желания, обыкновенно имеющего отношение к инфантильной сексуальности, Юнг утверждает, что функции сновидений разнообраз-

ны. Они могут служить выражением страхов, так же как и желаний; они способны давать зеркальное изображение фактического положения дел сновидца; существуют сновидения, предсказывающие то, что ожидает нас (в том виде, как они описываются Адлером и Мёдером); другие из них имеют творческий, предупреждающий или парапсихологический характер. Юнг не принимает фрейдовского различения явного и скрытого содержания сновидений, но утверждает, что явное в сновидении — это и есть само сновидение. Ассоциации, получаемые с помощью фрейдистской техники, приводят к имеющимся в данное время у пациента комплексам, которые можно было бы открыть с таким же успехом посредством ассоциативной работы с любым другим текстом. Для понимания символов сновидения совсем необязательно привлекать понятие вытеснения и цензора. Сновидения невозможно интерпретировать, если интерпретатор недостаточно хорошо знаком с жизнью сновидца и фактически существующим положением дел и если он не обладает хорошим знанием символов, а следовательно, мифологии и истории религий. Одна из основных особенностей юнговской интерпретации сновидений — это постоянное подчеркивание им важности серии сновидений: данное конкретное сновидение можно понять лишь в контексте тех сновидений, что предшествуют ему или следуют за ним, а иногда и всей серии в целом. Там, где Фрейд анализирует сновидения с помощью метода свободных ассоциаций, Юнг прибегает к методу амплификации. Это подразумевает тщательное изучение всех возможных коннотаций данного образа, среди которых многие, возможно, имеют отношение к прошлому пациента или к нынешним переживаниям, в то время как другие, может быть, прольют свет на важность архетипических элементов сновидения. Огромное значение придается архетипическим сновидениям; они должны изучаться особенно тщательно и в фактической последовательности, как вехи, отмечающие путь индивидуации.

Сходный метод интерпретации может применяться и к другим данным, полученным из бессознательного, особенно к непроизвольным фантазиям, рисункам и изображениям в красках. В оценке рисунков и изображений в красках не следует придавать чрезмерного значения ни содержанию, ни формальной стороне. (Например, пациенту совершенно не следует задумываться над тем, художник он или нет.) Метод обращения к графическим и живописным изображениям используется не только для того, чтобы добыть из бессознательного определенные содержания, но для того, чтобы осуществлять контроль над ними. Когда пациент одержим каким-либо представлением, Юнг обычно настоятельно рекомендует ему рисовать или изображать в красках мучающий его образ — с тем, чтобы сделать его постепенно не столь устрашающим и, в конечном счете, приобрести полный контроль над ним.

Мы теперь вкратце обрисуем последовательные стадии обычной, не выше и не ниже среднего уровня, синтетически-герменевтической психотерапии.

Давайте сначала припомним, что Юнг обращается за помощью к анализу бессознательного только в том случае, когда все другие методы не имели успеха и только после того, как он располагает доскональным анамнезом. Первое сновидение нередко очень прозрачно и иногда содержит в себе указание на то, как лечить заболевание. На первой стадии нам приходится иметь дело с персоной и, главным образом, с тенью. Пациент видит во сне отвратительного субъекта, который всегда не такой, как в прошлый раз, но вместе с тем сохраняет некоторые свои особенности на всем протяжении снов, а кроме того, демонстрирует определенные черты характера, имеющие сходство с чертами характера сновидца. В конце концов, для пациента настает время понять, что данный субъект — не кто иной, как он сам, или, скорее, его тень, и это понимание дает ему возможность осознать те аспекты своей личности, которые он прежде отказывался видеть. Раз он полностью осознал свою тень, ему ничего другого не остается, как ассимилировать ее. Индивид не может отделить себя от своей тени, но он, конечно же, не имеет в виду, что ему следует теперь совершать открыто и сознательно то, что тень принуждала его делать все время до этого в состоянии незнания о ней. Следует, разумеется, принять тень, но в то же самое время от нас требуется сделать ее безвредной. В качестве иллюстрации этой процедуры в юнгианских кругах любили рассказывать историю о святом Франциске Ассизском и волке в Губбио[171]. Обитателей Губбио измучил своими нападениями волк, и они обратились в святому Франциску с просьбой помочь им. Тот пошел к волку — но не с целью убить его, а поговорить с ним. Волк добровольно последовал после разговора за святым Франциском в этот городок, где получил приют и оставался в качестве безобидного гостя до самого конца своей жизни.

На второй стадии терапевтического процесса стихийно начинают манифестироваться проблемы анимы и анимуса. В случае мужчины последнего часто начинают посещать сновидения, в которых женщина появляется в различных аспектах и в разном настроении. Она может быть милой и обаятельной, странной и обворожительной, а иногда и угрожающей. Пациент видит, что все являющиеся ему во сне женские образы имеют нечто общее, и в конце концов он понимает, что она — не кто иной, как его анима. Теперь в центре дискуссий между врачом и пациентом оказывается проблема анимы. Пациенту необходимо осознать, что, имея дело с женщинами, он всегда, в большей или меньшей степени, проецирует на них свою аниму. Теперь практическая задача пациента заключается в том, чтобы заставить себя видеть женщин такими, как

они есть, — без вмешательства проекции анимы. В случае, когда пациент — женщина, проблемы, связанные с анимусом, лечатся аналогичным образом. После того как проблемы анимы и анимуса разрешены, они перестают вносить беспокойство в эмоциональную жизнь и общественные взаимоотношения; в терминах Юнга анима и анимус становятся «психологическими функциями».

На третьей стадии терапии на передний план выступают архетипы старца-мудреца и Великой Матери. Здесь архетипические образы тоже появляются в сновидениях, равно как и в фантазиях и рисунках. Тут возможны опасности, которых надлежит избегать; пациент способен спроецировать архетип старца-мудреца на своего психиатра или даже идентифицировать себя с этим образом, что уже являло бы собой пример психической инфляции.

Таким образом, юнговская терапия состоит из трех главных стадий, связанных, соответственно, с тенью, анимой или анимусом, старцем-мудрецом и Великой Матерью. Тем не менее на деле очень часто все обстоит гораздо сложнее, поскольку великое множество других архетипов может появиться на различных стадиях терапии. И ими необходимо управлять, каждым только для него подходящим способом. Задача психиатра состоит в том, чтобы и способствовать появлению архетипов, и не дать им затопить собою сознание пациента. Каждый новый архетип должен быть истолкован и ассимилирован сознательным разумом, а то, чему пациент научился в процессе терапии, должно найти себе применение в его практической жизни. Мёдер подчеркивал, что в некоторых случаях исцеление наступает быстрее, если возникает архетип спасителя, который, кстати, можно было бы рассматривать в качестве разновидности архетипа старца-мудреца[172].

Как правило, нормальная юнгианская терапия продолжается три года. Опыт показал, что можно уменьшить количество и частоту сеансов, однако не общую продолжительность лечения. Как уже упоминалось, прогресс, намечающийся в индивидуации, может быть ознаменован появлением особых архетипических образов, особенно мандалы или кватерных фигур, а иногда также появлением архетипа божественного ребенка. Цель лечения — содействовать осуществлению им завершения индивидуации, имеется в виду, что человек должен следовать старой заповеди: «Стань тем, что ты есть», — заповеди, которую иногда приписывают Ницше, но которая в действительности является цитатой из греческого поэта Пиндара.

Юнговская синтетически-герменевтическая терапия, разумеется, предприятие не из легких. Временами пациент чувствует себя ошеломленным тем жизненно важным для него содержанием, которое поднимается из бессознательного, а противостояние с архетипами может

иногда показать, что ему просто страшно. Необходимо непрерывное усилие, чтобы сохранить прочную связь с реальностью. Вот также причина, почему юнгианский самоанализ, как правило, является опасным предприятием, от которого следует всячески предостерегать.

Среди терапевтических методов, используемых Юнгом, мы находим также перевоспитание. В то время как Фрейд заявляет, что психоаналитику не следует пытаться перевоспитать своего пациента, Юнг настойчиво утверждает, что пациенту необходимо оказывать помощь уже с начала терапии и на протяжении всех ее стадий, какая бы из терапий ни использовалась. Любой внезапный опыт лучшего понимания своего внутреннего мира (инсайт), приобретенный пациентом, должен немедленно переводиться им в более разумное поведение в повседневной жизни. Один из важнейших моментов такого перевоспитания состоит в том, чтобы отучить пациента от проецирования своих собственных проблем на людей, окружающих его; в связи с этим уместно отметить, что Юнг определяет невроз как «больную систему общественных взаимоотношений» — это хорошо согласуется с идеями Жане и Адлера[173]. Вследствие подобного проецирования невротик бессознательно манипулирует лицами вокруг себя (супругом или супругой, родителями, детьми и друзьями) и натравливает их друг на друга, так что скоро он запутывается в паутине интриг, жертвами которых становится как он сам, так и другие. Урегулирование и прояснение такого рода затруднений — одна из конечных целей психотерапии.

Одна из основных особенностей юнговской терапии — это усиленное внимание, уделяемое им с самого начала тому, что теперь называют контрпереносом. Юнг утверждает, что никто не способен вести когалибо дальше того, к чему еще сам не пришел. Обычно признают, что принцип личного анализа для обучающихся на аналитика был введен Юнгом и что этот принцип является одним из его прочных вкладов во фрейдовский анализ. Но, пройдя через личный анализ, психотерапевт должен всегда оставаться начеку и наблюдать за собственным бессознательным — с помощью, например, анализа своих сновидений.

Работа Юнга: VII — Восточная и западная мудрость

До сих пор мы были заняты тем, что пытались набросать очень схематичную картину психологии и психотерапии Юнга. Однако круг его деятельности и интеллектуальных интересов значительно шире. С самого начала рефлексия Юнга распространялась на историю человечества, этнопсихологию, современные проблемы, искусство и художественную литературу. В более поздние годы своей жизни он проявлял все более

и более возраставший интерес к сопоставлению традиционных учений и священных книг Востока и Запада, к принципу «синхронии»* и к религиозным проблемам.

Мы уже видели, как в период с 1914 по 1929 год Юнг страстно заинтересовался гностицизмом. Он приветствовал гностиков как людей, которые не просто веровали, но знали, и видел в них своих учителей в деле освоения бессознательного. Как и Юнгу, их мысли не давала покоя проблема зла. Позднее, в 1937 году, Юнг истолковал в соответствии со своей теорией архетипов видения Зосимы Панополитанского, гностика третьего века н. э., деятельность которого знаменовала одновременно и эволюцию гностицизма в алхимию[174].

Алхимия всегда являлась загадкой для историков культуры. С эпохи греко-римской античности и вплоть до восемнадцатого века огромное множество ученых людей посвящало свою жизнь практике псевдохимических операций — практике, подразумевавшей осуществление метаморфозы веществ согласно определенным правилам. Историк науки Марселей Вертело считал алхимию «полурациональной, полумистической наукой, основанной на ложных интерпретациях объективных фактов»[175]. Зильберер, по-видимому, был первым, увидевшим в алхимии наличие определенной последовательности символических операций, которые могли бы получить психологическую расшифровку. В одном алхимическом трактате, относящемся к восемнадцатому веку, он обнаружил символическое изображение убийства отца, инфантильных сексуальных теорий и пр.[176] Юнг, в свою очередь, в серии операций, совершаемых алхимиками, видит проекцию процесса индивидуации. Подобно тому, как пациенты Юнга материализовали свои сны и фантазии в форме рисунков и картин, алхимики материализовали процессы собственной индивидуации в форме псевдохимических операций. И это также причина того, добавляет Юнг, почему описания видений нередко можно встретить в сочинениях алхимиков. По мере того, как годы шли, интерес Юнга к алхимии усиливался, и он уделял значительное коли-

* Термин, изобретенный Юнгом для обозначения осмысленных совпадений или соответствий между: а) психическими или физическими состояниями или событиями, не связанными между собой причинной связью. Такие синхроничные явления возникают, например, когда некое чисто внутреннее восприятие обнаруживает соответствие внешней действительности; б) сходными или идентичными мыслями, снами и т. д., возникающими одновременно в разных местах. «Я выбрал этот термин, ибо одновременность двух событий, выказывающих между собой осмысленную, но не причинную связь, представлялась мне существенным критерием. Итак, я использую общее понятие синхронии в специальном смысле, указывающем на совпадение во времени двух или более событий, не имеющих между собой причинной связи, но наделенных одним и тем же или сходным смыслом — в противовес термину “синхронность”, означающему всего лишь одновременность двух событий» (СС. Т. VIII. С. 560).

чество времени и сил расшифровке и психологической интерпретации символов в старых алхимических трактатах[177].

Новое направление интересов Юнга — астрология и астрологические символы. Он не верил в каузальную связь звезд с судьбой индивида, но, как мы увидим, не отвергал возможности взаимоотношений между ними в форме синхроничности.

В годы Второй мировой войны в Швейцарии возродился интерес к фигуре знаменитого и таинственного врача и философа Парацельса. Юнг видел в нем первопроходца психологии бессознательного и психотерапии, но, по-видимому, Юнга более интересовала его личность, чем довольно темные писания. «Ничто не имеет более мощного влияния на детей, чем непрожитая жизнь их родителей», — заметил Юнг в своем докладе о Парацельсе. Он, помимо того, нашел в судьбе Парацельса хороший пример «поворота жизни»: философия Парацельса претерпела существенное изменение после того, как ему исполнилось тридцать восемь лет[178].

С юных лет свойственный Юнгу интерес к истории религий привел его к изучению священных книг Востока. Одна из них, «Тибетская Книга Мертвых», была переведена на английский в 1927 году[179]. Юнг проявил особое внимание к этому произведению и написал вступление к переводу его на немецкий язык.

«Тибетская Книга Мертвых» — это описание того, что душа должна будет испытать от момента смерти до момента последующей реинкарнации, и в ней также сообщается душе, каким образом она может достичь окончательного просветления и, следовательно, избежать реинкарнации. Путешествие через Бардо Тодол, т. е. обиталище мертвых, разделяется на три периода. В течение первого, короткого, душа пребывает во сне, или, точнее, не сознавая смерти. Затем наступает пробуждение, вместе с первыми видениями. На этом этапе просветленная душа может попасть прямо в райскую область, но если душа упускает эту возможность, она продолжает оставаться в плену видений и галлюцинаций; в частности, в плену иллюзии, что она имеет тело из плоти и крови. Она будет верить, что видит другие человеческие существа, так же как всякого рода богов и фантастические создания. Но душе следует постоянно отдавать себе отчет, что все это — лишь продукты ее собственного ума. Подобные видения непрерывно сменяют друг друга, но постепенно, по мере того, как душа шаг за шагом отступает ко все более низшим уровням сознания, их силы истощаются. Когда душа достигает третьей стадии, она воспринимает мужское и женское в единстве. Если душе предстоит родиться мужчиной, она будет ощущать себя мужчиной и проникнется глубоким отвращением к отцу и ревностью и тяготением к матери. В результате она будет метаться между ними и, как

следствие, реинкарнируется; а если ей суждено родиться женщиной, чувства ее изменятся на противоположные и она будет ненавидеть мать и любить отца[180].

Юнг восхищался психологическими познаниями неизвестных авторов «Тибетской Книги Мертвых» и их пониманием феномена проекции. Он был поражен тем, что путешествие через Бардо Тодол, по всей видимости, обладало сходством с процессом индивидуации — только рассмотренным в обратном порядке. В 1929 году Юнг опубликовал в качестве введения психологический комментарий к немецкому изданию старинной китайской книги «Тайна золотого цветка». Перевод на немецкий был сделан другом Юнга, синологом Рихардом Вильгельмом[181]. В этой книге Юнг увидел эквивалент своему описанию самости и определенную аналогию между китайскими символами и теми, что спонтанно возникали у его пациентов, равно как и параллели между китайскими символами и символами некоторых христианских мистиков и алхимиков.

Рихард Вильгельм перевел на немецкий язык еще одну старинную китайскую книгу — «И Цзин», или «Книга перемен». В этой книге описывается способ получения предсказаний с помощью маленьких палочек или монет; говорится, что подобное предсказание обладает персональной соотнесенностью с человеком, который пользуется им, а также с моментом, когда он им пользуется. Рихард Вильгельм обучался практике таких предсказаний у китайского специалиста. Юнга заинтересовал не только символический характер магических формул, но и прежде всего сам принцип «И Цзин»: последний основывался на допущении, что все, что ни случается в данный момент, обязательно наделяется специфическим качеством этого момента[182]. Эта идея стала одной из отправных точек юнговской концепции синхроничности.

Что касается дзен-буддизма, то Юнг указал на несколько параллелей между практикой дзен и некоторыми переживаниями западных мистиков, хотя и отмечал, что сам метод дзен крайне отличен от всего, что когда-либо было постигнуто западным миром и вошло в его духовный фонд[183]. Насколько Юнг предостерегал от недооценки мудрости таких учений, настолько же не советовал западным людям практиковать их методы.

Юнг проявлял также немалый интерес к йоге и неоднократно приглашал немецких индологов Й.В. Хауэра и Генриха Циммера проводить семинары по йоге в Цюрихе в период с 1931 по 1933 год[184]. Несмотря на сохраняющуюся на Западе нерасположенность к йоге, Юнг считал, что можно было бы извлечь много пользы из сравнения йоги с некоторыми западными учениями. Богатый символизм тантрической йоги предо-

ставил Юнгу массу сравнительного материала для изучения символов коллективного бессознательного. Рассматриваемые в качестве тренировочных систем, некоторые разновидности йоги могли бы найти себе параллель в упражнениях Игнатия Лойолы, в аутотренинге Шульца и в методах динамической психотерапии Фрейда и Юнга.

В ряде комментариев к восточным учениям и особенно в своем исследовании, посвященном «И Цзин», Юнг выдвинул новую концепцию, которую ему предстояло развить только в 1952 году под именем синхронии[185]. Он определяет ее как принцип каузальной связи и поражен тем, какое огромное значение имел этот принцип для китайской мысли. Однако что-то от него было также и в лейбницевской идее *предустановленной гармонии*, и в некоторых заметках Шопенгауэра, и в достаточно обычном случае так называемого закона серий. Внимание Юнга привлекли явления «значимых совпадений». Наглядным примером таких совпадений была история пациентки, анализ которой почти не продвигался вперед из-за ее сверхрационального анимуса. Как-то ей приснилось, что ей преподнесли в подарок золотого жука, и Юнг обсуждал с ней этот сон. Как вдруг настоящий жук ударился в оконное стекло. Юнг поднял жука и подал его пациентке. На нее это произвело столь сильное впечатление, что стена рациональности, мешавшая ее контакту с людьми, была опрокинута. Юнг свел вместе эти феномены с данными относительно экстрасенсорного восприятия, полученными экспериментальным путем Райном. В то время как Райн подчеркивал роль эмоционального фактора в случаях экстрасенсорного восприятия, Юнг пришел к выводу, что его «значимые совпадения» невозможны без участия в них архетипического элемента. В конце концов Юнг встал перед вопросом: а не сделала ли современная физика, дистанцируясь от принципа жесткого каузального детерминизма, шаг в сторону принципа синхроничности?

Из всех философов, которых Юнг читал в своей юности, Ницше на протяжении многих лет привлекал к себе его особое внимание. Юнг видел в Ницше человека, постепенно развившего в своем бессознательном вторую личность, которая поднялась на поверхность неожиданно, вызвав своего рода вулканическое извержение и выведя на свет огромное количество архетипического материала. Только этим, по-видимому, можно объяснить, почему «Заратустра» оказывает такое чарующее воздействие на многих читателей. С весны 1934 до зимы 1939 года Юнг в каждом семестре один из семинаров посвящал «Заратустре». Собрание материалов этих семинаров, хранящееся в его институте, состоит из десяти машинописных томов и, несомненно, представляет собой наиболее тщательный комментарий, который когда-либо давался шедевру Ницше[186].

Часть многообразных интересов Юнга была направлена на современное искусство и литературу, хотя и не так уж много материала на эту тему можно найти в его опубликованных работах. Когда в Цюрихе была организована выставка картин Пикассо, Юнг, изучая выставленные работы в их хронологической последовательности, обнаружил характерную психологическую эволюцию[187]. «Голубой период» Пикассо знаменовал собой начало «некии», то есть путешествия в подземное царство мертвых, с целым рядом «регрессий» (в том смысле, какой имеет это слово в юнговской психологии), и Юнг задавался вопросом: какой исход будет иметь духовное приключение этого художника?

Достаточно странно, что когда Юнга попросили написать предисловие к третьему изданию немецкого перевода джойсовского «Улисса», то он не распознал, что это произведение является современным аналогом «Одиссеи», включая в себя даже «некию». Юнг был озадачен явной абсурдностью книги. Казалось, что он имеет дело с каким-то видом бесконечного ленточного червя, и Юнг почувствовал, что этот роман с одинаковым успехом может читаться как с начала, так и с конца. Эти критические наблюдения были опубликованы в журнале[188] и вызвали раздражение Джойса[189]. К сожалению, эта статья оказалась единственной литературно-критической вещью, когда-либо им опубликованной. Он часто ссылался в ходе своих семинаров на английские, французские или немецкие романы, в которых обнаруживал неожиданные иллюстрации к своим теориям.

В статьях Юнга и особенно в материалах его семинаров можно было бы отыскать разрозненные элементы философии истории, концентрирующиеся вокруг идеи, что человечество претерпевало и продолжает претерпевать процесс коллективной индивидуации. Юнг считал, что психические эпидемии являются следствием оживления архетипа на массовом уровне. В гитлеризме он видел возрождение архетипа Вотана, древнего германского бога бури, битвы, пророческого вдохновения и тайных знаний[190]. Он различал два типа диктаторов: тип «хозяина» (вроде Муссолини и Сталина) и тип «видящего» (как, например, Гитлер). Последний тип способен понимать смутные неосознанные силы в бессознательном своих сторонников и вести их за собой, подобно мессии[191]. В небольшой книге, посвященной «летающим тарелкам», Юнг писал, что независимо от того, относятся эти манифестации к физической реальности или нет, они являются «психическими реальностями» для тех, кто верит в их существование; они — миф, берущий начало в страхе перед возможностью уничтожения всего человечества[192]. Однако наибольшая опасность, угрожающая человечеству, по мнению Юнга, — это утверждение массового склада мышления взамен подлинно демократического менталитета, основанного на воспитании и совершенствовании каждого отдельного индивидуума.

Те, кто посещал Юнга в более поздние годы его жизни, вспоминают о беседах с ним как о неповторимом сочетании возвышенных психологических идей и практической мудрости. Он подчеркивал огромное значение осознания и не только как терапевтического приема, но и как этического принципа. «Неосознанность — величайший грех» — было одним из его любимых изречений[193]. Многие неврозы, говорил Юнг, возникают из-за неосознанности, не меньше их коренится в уходе от своих жизненных задач. Именно так обстоит дело с маленьким ребенком, который отлынивает от занятий в школе, с юношей, не желающим расставаться с психологией подростка, с вечным студентом, с мужчиной, не исполняющим своих обязанностей гражданина, с пожилым человеком, который хочет вести жизнь юноши. Брак может являться фактором, служащим эмоциональному здоровью, но лишь постольку, поскольку муж и жена не проецируют друг на друга соответственно он — своей анимы, она — своего анимуса. Одна из функций брака — способствовать индивидуации обоих супругов. Дополнительный фактор эмоциональной устойчивости — социальная интеграция индивида: каждый должен быть владельцем собственного дома и сада, быть активным членом своей коммуны, жить, поддерживая непрерывность своей семейной традиции и своей культуры, подчиняясь заповедям своей религии, если он верит в нее. Несмотря на то, что путь индивидуации может не совпадать на Востоке и на Западе, все же он направлен к одной и той же цели: чем больше индивиду удалось «стать тем, что он есть», тем больше он является подлинно общественным человеком.

Работа Юнга: VIII — Психология религии

Со времени пережитого им в юности религиозного кризиса у Юнга никогда не пропадал глубокий интерес к религии, даже если в его ранних работах мы наталкиваемся на разбросанные здесь и там скептические замечания по адресу установившейся религии. Похоже, что в результате путешествия через бессознательное в период с 1913 по 1918 год его позиция изменилась. Он стал приписывать «нуминозный» характер архетипам и говорить об «естественной функции религии».

Как это нередко случается в истории динамической психиатрии, именно одна современная публикация и дала толчок новому направлению в развитии юнговских идей. Книга Рудольфа Отто «Идея священного» появилась в 1917 году и была приветствуема как существенный вклад в психологию религии[194]. Пытаясь выявить фундаментальное переживание, общее для всех религий, Отто описал «нуминозное» как ясно очерченное, комплексное и строго определенное переживание.

«Нуминозное» тотчас же вызывает у человека «ощущение сотворенности», иначе говоря, ощущение не просто зависимости, но ничтожества твари перед лицом своего Творца. Присутствие Творца переживается как misterium tremendum, то есть с чувством благоговения и содрогания перед недоступным Бытием, которое есть живая энергия и «полностью иное». Но, в отличие от tremendum, нуминозное переживается одновременно и как Fascinans, то есть как нечто, что притягивает и наполняет блаженным восторгом. Нуминозное также ощущают как очную ставку с некой высшей ценностью, с которой ничто не может сравниться и к которой чувство внутреннего долга обязывает относиться с абсолютным уважением и послушанием.

Юнг взял на вооружение понятие нуминозного, однако расширил его значение. Отто видел в нуминозном некое исключительное переживание, которого удостаиваются и способны выдержать только пророки, мистики и основатели религий. Юнг распространяет «нуминозное качество» на переживание архетипа, но это также означает, что только некоторые признаки целостного переживания нуминозного (как его описывает Отто) сопровождают манифестацию архетипа. Юнг видел в архетипах источник тех религиозных переживаний, к которым восходят религиозные обряды и догматы. По мнению Юнга, многое из этого первичного религиозного опыта не реализуется в установившихся религиях.

Это позволяет лучше понять одно из его излюбленных утверждений: человек религиозен по природе. «Религиозная функция» у человека так же сильна, говорит Юнг, как инстинкт пола или агрессии. И это объясняет, почему некоторые индивиды освобождаются от своего невроза просто благодаря возвращению к практике своей религии, и почему, добавляет Юнг, психическое здоровье среди пожилых лиц лучше у тех, у кого есть религиозная вера. В этой связи стоит отметить, что неопсихоаналитик Шульц-Хенке, по-видимому, совершенно независимо от Юнга, утверждал, что ему приходилось встречать религиозные чувства и установки среди неверующих[195].

Юнг пошел даже дальше, заявляя, что «среди всех его пациентов, достигших второй половины жизни, нет ни одного, у кого главной проблемой не была бы религиозная». Вызывает сомнения, однако, та широта, которую Юнг придал слову *религия*. В результате, среди тех, кого Юнг называет «религиозными» людьми, одни — это верующие, хотя и неизвестно, исполняют они обряды своей религии или нет, другие — просто симпатизирующие религии, хотя и не имеющие о ней ясного представления, есть и такие, кто на сознательном уровне не принимает религии, однако при определенных обстоятельствах становится субъектом архетипического религиозного переживания.

В некоторых случаях религиозные архетипы сваливаются как снег на голову в форме «непосредственного религиозного переживания», которое изменяет жизнь данного индивида и, вследствие этого, возможно, влияет на ход истории. В качестве примера можно вспомнить видение Савлу на пути в Дамаск, заставившее его стать христианином и великим апостолом, святым Павлом. Еще одним, едва ли менее впечатляющим примером непосредственного религиозного переживания было переживание швейцарского мистика Николаса фон дер Флюэ[196]. Богатый и уважаемый горожанин, он порвал со своей семьей и мирскими интересами для того, чтобы стать отшельником в Стансе. К нему нередко обращались за советом окрестные жители. Однажды он имел видение Святой Троицы, которое вызвало в нем такой благоговейный ужас, что его физический облик изменился и теперь он сам стал вызывать у людей ужас. Много часов он провел в размышлениях над этим видением, изображая его с помощью красок так и эдак, пока наконец не получилось похоже. В этот момент, в 1481 году, швейцарские кантоны находились на грани гражданской войны, однако конфедерация была спасена благодаря своевременному вмешательству отшельника Николаса фон дер Флюэ на заседании швейцарского парламента в Стансе.

Тем не менее следует всегда помнить, что явление таких архетипов — это не только пугающий, но и опасный опыт. Одни и те же архетипы, чьи кристаллизовавшиеся формы становятся источником религиозного переживания у нормального индивида, могут также манифестироваться и в религиозных галлюцинациях шизофреников.

Одним из архетипов, наиболее тесно связанных с религией, является архетип самости. Временами Юнг, по-видимому, рассматривает этот архетип как промежуточное звено к религиозному переживанию Бога — вплоть до того, что называет его архетипом Бога. Тем не менее Юнг всегда подчеркивал, что он — эмпирик: то, что человек «по природе религиозен», не обязательно свидетельствует об истинности религии, равно как и существование архетипа Бога отнюдь не доказывает существование самого Бога.

Уклончивая позиция Юнга некоторыми была воспринята как двусмысленная. Это ощущение усилилось, когда Юнг опубликовал в 1951 году «Aion»[197]. В «Aion» он, по всей видимости, отождествляет Христа с архетипом самости и подводит к мысли, что человечество в целом претерпевает процесс коллективной индивидуации; Христос явился миру в предопределенный момент, то есть тогда, когда точка начала вошла в зодиакальный дом Рыб. В 1952 году появилась наиболее противоречивая книга Юнга — «Ответ Иову»[198]. В ней он возвращается к проблеме, которая приковала к себе его мысль еще в юношеские годы — проблеме зла. Подобно тысячам людей, жившим до него, Юнг глубоко задумался над

вопросом: почему совершенно благой и всемогущий Бог мог допустить существование зла, в особенности же страдания невинных и праведных. Возможно ли, чтобы Бог был одновременно и добрым, и злым? Юнг подвергает критической проверке ответы, даваемые на этот вопрос «Книгой Иова». Его возмущает поведение Бога, который заставил Адама попасть в ловушку в райском саду, требовал от Авраама принесения в жертву собственного сына и позволил Сатане мучить Иова. Поскольку у Иова оказывается более высокое понимание справедливости, нежели у самого Бога, Бог отвечает на этот вызов воплощением Собственного Сына. Жертва Христа, таким образом, является со стороны Бога возмещением несправедливости, совершавшейся Им в отношении человека. Бог стал более совершенным через Свое соединение с Божественной Мудростью, «Софией», женственным двойником Святого Духа, которая снова является в образе Святой Девы. По этой причине Юнг считает, что возглашение в 1950 году догмата о Вознесении Богородицы является «важнейшим религиозным событием со времен Реформации».

Юнговский «Ответ Иову» шокировал некоторых из его учеников и стал поводом для оживленной полемики. Некоторые давали книге психологическое истолкование, предполагая, что Юнг имел в виду просто описать эволюцию того образа, который создал для себя человек о Боге. Другие считали, что Юнг пустился в рискованные спекуляции о метаморфозах Бога в неогностическом стиле. Не исключено также, что книга могла быть понята как крик экзистенциальной боли, исходящий от человека, отчаянно ищущего решения величайшей из всех философских загадок — проблемы зла.

Когда Юнга спрашивали, верит или не верит он в существование Бога, Юнг никогда не давал прямого ответа. Иногда он загадочно отсылал вопрошающих к «старику», как если бы он имел в виду коллективное человеческое существо, с которым каждый индивид имеет связь через коллективное бессознательное и архетипы[199]. В конце концов он занял более определенную позицию в этом вопросе: он усматривал присутствие воли божьей в тех странных, неожиданных, но имеющих скрытый смысл событиях, которые сваливаются, вопреки его желанию, на каждого человека в течение его жизни. В одном из своих последних интервью он заявил, что Бог — это одновременно и голос совести, говорящий внутри нас, и необъяснимые роковые события: «Весь мой жизненный опыт привел меня, шаг за шагом, к неколебимому убеждению в существовании Бога. (...) Я не принимаю Его существование на веру — я *знаю*, что Он существует»[200].

В отношении к проблеме жизни после смерти Юнг проявлял даже еще большую осторожность. О его суждениях по этому вопросу мы узнали только из его посмертно изданной автобиографии. Юнг говорил, что для

мыслителя обнажать сокровенные пути своих размышлений так же трудно, как для уважающей себя женщины рассказывать о своей любовной жизни. Сколько мыслителей сожгло свои неопубликованные рукописи перед смертью, или, подобно Бергсону, запретило их посмертную публикацию! Юнг, разумеется, не претендует на то, чтобы дать точный ответ; тем не менее он уверен, что поиски решения этой проблемы характерны для нормальной личности. Но как найти свой путь в таком запутанном вопросе? Юнг рассматривает различные гипотезы. Идея о существовании мира блаженных духов, свободных от всякого страдания, представляется ему неправдоподобной в силу фундаментального единства вселенной; в ином мире, должно быть, много боли и страданий; он, вероятно, «грандиозен и ужасен — этот иной мир, но там тоже, как и на земле, должен существовать какой-то род эволюции». Юнг находит, что доводов в пользу перевоплощения не так уж много. Тем не менее наша индивидуальная жизнь, должно быть, является лишь звеном в куда более протяженной цепи, возможно, по отношению к жизни наших предков. Может быть, жизнь, которую нам суждено прожить на земле, предназначается для того, чтобы служить ответом на вопросы, задаваемые ими, или для того, чтобы решить некую задачу, поставленную извне. А почему бы не предположить, что жизнь, может быть, не более чем инкарнация определенного архетипа (иными словами, временная проекция неизменной самости)? Юнг считает возможным существование коммуникации между живыми и мертвыми. Он приводит мнение, высказанное в свое время Фехнером и поддержанное с помощью интересных аргументов Фредериком ван Эйденом[201], что если в некоторых сновидениях нам является умерший человек и мы испытываем при этом ощущение абсолютной реальности, то это соответствует действительному явлению данного лица. Однако анализируя свои сновидения подобного рода, Юнг вынужден отметить общую им всем особенность: отнюдь не пытаясь открывать нам что-либо или поучать нас, мертвые, напротив, нуждаются в нас и задают нам вопросы. Так как они живут вне времени и пространства, то вынуждены обращаться за помощью к тем, кто еще участвует в пространственно-временной жизни. Но все это может быть не более, чем гипотезой. Основная проблема в том, чтобы понять, прониклись ли мы существованием бесконечности[202]. Всякий, кто достиг этой стадии и довел до конца свою индивидуацию, освобождается от страха смерти; и даже многие земные заботы меньше будут на нем отражаться.

Источники Юнга

Самые непосредственные источники Юнга — это его собственная личность, его семья, его этнический фон. Он был практичным чело-

веком, хорошо приспособленным к материальной действительности, но притом он обладал острой психической восприимчивостью. Этот контраст проявляется в его учении и в его терапии. Швейцарское происхождение наделило его практической наклонностью, которая побуждала его, во-первых, возвращать своих пациентов к осознанию реального положения вещей, а затем — помогать им заново приспособиться, насколько это возможно, к социальной и традиционной среде. С другой стороны, редкий дар психологической интуиции и склонность Юнга к наблюдению парапсихологических феноменов объясняют другую сторону его учения и терапии: исследование коллективного бессознательного и мира архетипов.

Будучи сыном протестантского священника и имея нескольких родственников среди духовенства, Юнг был хорошо знаком с религиозными проблемами, а религиозный кризис, пережитый им в юности, оставил след в его душе на всю последующую жизнь. Своему социальному происхождению Юнг обязан бесспорной осведомленностью в протестантской богословской мысли (мы уже упоминали здесь Альбрехта Ричля и Рудольфа Отто) и, по всей вероятности, знакомством с принципом «лечения душ». Интерес к медицине, классическим языкам и истории религии, опять же, являлись частью фамильной традиции. Не последнюю роль играла и гуманистическая традиция Базеля, родного города ученых, обладавших способностью сочетать эрудицию с воображением (таких, к примеру, как Бахофен, с которым у Юнга достаточно много общего).

Подобно всем интеллектуалам своего поколения, Юнг был хорошо знаком с греческими и латинскими классиками, так что когда он предпринял свое путешествие в бессознательное, ему, вполне естественно, должно было прийти на ум сравнение такого предприятия с путешествиями Улисса и Энея через Страну Мертвых. Естественно и то, что он хорошо знал Гете и, подобно Фрейду, цитировал «Фауста» при каждом удобном случае. Мы уже отмечали, что Шиллер был одним из основных источников «Психологических типов» Юнга.

Юнг получал психиатрическое образование в эпоху, когда психиатрия претерпевала существенные изменения. Его учителями были Блейлер, Жане, Бине и Флурнуа. Основной профессиональный интерес Блейлера заключался в том, чтобы понять пациента и установить с ним эмоциональный раппорт; он играл выдающуюся роль среди тех, кто пытался в то время «репсихологизировать» психиатрию[203]. Что касается Пьера Жане, лекции которого Юнг слушал в Париже в течение одного семестра, то его влияние на Юнга было значительным. Именно от него Юнг узнал о «психическом автоматизме», о раздвоении личности, о психической силе и слабости, о «функции синтеза», об abaissement du

niveau mental (понижении ментального уровня) и о «подсознательных устойчивых идеях» (которые Юнг позднее отождествил с «комплексами» Цигена и «травматическими воспоминаниями» Фрейда). Юнг научился у Жане различению двух основных неврозов: истерии и психастении (которое он заменил впоследствии различием между экстравертированной и интровертированной шизофренией). Юнг ссылается на книгу Бине об изменениях личности, и, хотя он не цитирует работу Бине о двух типах интеллекта[204], едва ли возможно, чтобы он не знал ее и не вдохновлялся ею в своей дескрипции интровертного и экстравертного типов. Юнг воздавал должное помощи и стимулирующим его мысль идеям, полученным от Теодора Флурнуа. Он не смог бы понять так хорошо своего юного базельского медиума, если бы не существовало исследования Флурнуа об Элен Смит. И именно от Флурнуа Юнг заимствовал свой интерес к феномену криптомнезии.

В психоанализе Юнг с энтузиазмом принял предложенный Фрейдом новый метод исследования бессознательного с помощью свободных ассоциаций, его утверждение, что сновидения могут быть истолкованы и, таким образом, использованы в психотерапевтических целях, и подчеркивание Фрейдом длительного влияния детства и самых первых взаимоотношений с родительскими фигурами. Конечно, позднее Юнг заменил собственными методами и идеями эти три великих нововведения Фрейда, но решающий толчок был получен им все-таки от него. С другой стороны, Юнг никогда не принимал фрейдовских идей относительно роли сексуальности в неврозе, сексуального символизма и эдипова комплекса.

Юнг неоднократно признавал важную роль Адлера; он допускал, что в генезисе определенных неврозов можно обнаружить стремление к превосходству, и то, что адлеровская теория сновидений могла бы дать ключ к интерпретации некоторых сновидений, равно как и то, что невротики имеют склонность манипулировать своим окружением, и, наконец, подобно Адлеру, Юнг усаживал пациента на стул, стоявший напротив его собственного, так, чтобы собеседники могли смотреть в лицо друг другу. То, чему учил Юнг, говоря об «общественном возрасте» индивида и его общественных обязанностях, имеет много общего с концепцией Адлера о «трех великих жизненных задачах»; «терапевтическое перевоспитание» Юнг сделал частью своей собственной психотерапии.

Юнг принял теорию Альфонса Мёдера о телеологической функции сновидений; он включил ее в свою систему, признав за Мёдером заслугу первооткрывателя[205]. Герберт Зильберер, как и Юнг, пришел к заключению, что некоторые образы, возникающие во сне, являются символическими автопортретами сновидца, и он был также первым психоаналитиком, заинтересовавшимся символическим смыслом алхимических образов и процедур[206].

Юнговское путешествие в бессознательное стало для него мощной движущей силой, благодаря которой возникла его система. Мы знаем, что благодаря этому эксперименту над самим собой Юнг получил первое живое представление об аниме, самости и индивидуации, вместе с их символами. Коллективное бессознательное и архетипы, о которых ему было кое-что известно из его работы с пациентами и из художественной литературы, он теперь испытал на собственном опыте. Методы, которые он применял в эксперименте над самим собой — активное воображение, амплификация сновидений и изображение с помощью карандаша и красок полученного из бессознательного, — он теперь систематизировал в качестве терапевтического метода для своих пациентов.

Юнг много и постоянно читал. Его неизменно или в течение длительного времени привлекали произведения философов, теологов, мистиков, ориенталистов, этнологов, романистов и поэтов. Вероятно, наиболее важный из его источников можно найти в романтической философии и в философии природы, иначе натурфилософии. По мнению Лейббранда, Юнга нельзя понять без философии Шеллинга[207]. Роза Мелих нашла параллели между идеями Фихте относительно души и некоторыми из основных утверждений Юнга[208]. Еще ряд параллелей можно провести между психологией Юнга и философией Готтхильфа Генриха фон Шуберта[209], а то, что последний развил в философских терминах, Э.Т.А. Гофман использовал в качестве философской основы для своего романа[210]. Подобно фон Шуберту, Гофман изобразил сосуществование в каждом человеке индивидуальной души (эго) и другого психического начала, связанного с деятельностью Мировой Души (самости). Временами индивид может сознавать существование Мировой Души; такие мгновения фон Шуберт называл «космическими моментами» человеческой жизни, а Гофман — «возвышенными состояниями» (erhohte Zustande). К таковым относятся некоторые сновидения, видения, сомнамбулические кризы и психотические галлюцинации.

Стало традицией указывать на великих философов бессознательного — Карла Густава Каруса, Артура Шопенгауэра и Эдуарда фон Гартмана — как на предшественников Юнга. Было бы, однако, уместней обратить внимание на еще одного романтического философа, Игнаца Пауля Витала Трокслера, который недавно был заново открыт после столетия забвения[211]. Трокслеру течение человеческой жизни представлялось в виде серии психических метаморфоз. Не Я (эго) в обыденном смысле этого слова является центром личности, но то, что Трокслер называет Gemut* или Ich selbst**, то есть именно то, что Юнг называ-

* Gemut — одно из ключевых слов немецких романтиков, имеющее широкий спектр значений: душа, нрав, характер. — *Прим. пер.*

** Ich selbst — «я сам» (*нем.*). — *Прим. пер.*

ет самостью. Трокслер понимает Ich selbst как цель, к которой нужно стремиться в земной жизни, а также как отправную точку для жизни после смерти и для коммуникации с Богом. Переживаемое в сновидениях откровение об этой сущности человека самому человеку и служит средством продвижения к заветной цели. Юнговское понятие индивидуации можно также найти у Шлейермахера[212]: Шлейермахер делал акцент на абсолютной уникальности человеческой личности, на идее, что каждый человек призван осуществить свое изначальное представление о самом себе и что подлинная свобода приходит с достижением этой самореализации.

Среди прочих романтиков Фридрих Крейцер заслуживает особого упоминания[213]; сам Юнг вспоминает, что поглощал его работы со страстным интересом[214]. В работах Крейцера Юнг нашел богатый источник сведений о мифах и символах вместе с их истолкованием, а также специфическую концепцию мифов и символов как таковых. Они, согласно Крейцеру, являются не производными истории или поэзии, но особого рода реальностями, промежуточными между абстракцией и жизнью. Человеческому разуму присуща двойная символическая функция; первобытные люди преобразовывают определенные переживания и знания в мифы, а одаренные личности способны постичь их смысл и истолковать.

Неизвестно, был ли Юнг знаком с такими романтически настроенными психиатрами, как Рейль, Хейнрот, Иделер и Нойманн, делавшими акцент на психогенезе душевной болезни, символическом значении некоторых симптомов и возможности психотерапии психоза[215]. Но нет сомнений, что он был хорошо знаком с Юстином Кернером и с историей его знаменитой «провидицы» Фредерики Хофф, которая в известном отношении служила образцом для медиумической деятельности Элен Прейсверк[216].

Хотя Юнг едва ли где-нибудь цитирует Бахофена, трудно представить, чтобы он не был знаком с его трудами. Бахофен принадлежал к числу тех немногих, кто, подобно Крейцеру, учил, как добираться до глубинного смысла символов[217]. Он учил, что матриархат был побежден и вытеснен патриархатом и что память о нем сохраняется, находя себе выражение в символических формах. Если перевести это учение на язык психологии, то перед нами было бы юнговское описание мужественного индивидуума с подавленной женственной душой и, соответственно, символами, в которых проявляется его анима. Что касается Ницше, то Юнг обильно его цитировал и, возможно, заимствовал от него понятия тени и старца-мудреца.

Остается открытым вопрос, насколько повлияли мистики и оккультисты на мысль Юнга, или же они служили для него лишь объектом исследования. Романтические философы, являвшиеся более непосредственны-

ми источниками Юнга, сами имели длинный ряд предшественников — от гностиков и алхимиков до Парацельса, Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена, фон Баадера и Фабра д'Оливе. Некоторых из них Юнг приветствовал в качестве первопроходцев психологии бессознательного.

На Юнга, по-видимому, оказали влияние работы немецкого этнолога Адольфа Бастиана, эрудита, неутомимого путешественника и плодовитого писателя, развившего, в частности, теорию «элементарных мыслей». Бастиан утверждал, что теории диффузии недостаточно для того, чтобы объяснить факт распространенности одних и тех же ритуалов, мифов и мыслей в самых разных уголках земли, и что это можно сделать только с помощью теории универсальной структуры человеческой психики. Эти идеи побудили известного итальянского психиатра Танци провести параллель между галлюцинациями и маниями своих параноидных пациентов и ритуалами и верованиями многих примитивных народов[219]. Другой немецкий этнолог, Лео Фробениус, разработал теорию, согласно которой человечество прошло через три последовательные стадии видения мира: древнейшей стадией была анималистическая, когда человек поклонялся культу животных. С развитием земледелия на смену анималистическому пришло новое видение мира, в центре которого находилась проблема смерти и культ мертвых. Затем наступила «эпоха Солнца-Бога», сосредоточенная на культе Солнца. Человек верил, что души мертвых следуют за Солнцем в подземный мир, и эта вера дала начало бесчисленным историям о мифических героях, которые были поглощены чудовищем и путешествовали через его внутренности до тех пор, пока снова не появлялись на свет и не начинали новую жизнь[220]. Юнг распознал этот основной миф в рожденных подсознанием фантазиях мисс Миллер, и на протяжении некоторого времени он и его ученики находили его у пациентов Бургхольцли[221]. Можно поставить вопрос, в какой степени этот миф определил собой некоторые особенности путешествия через бессознательное самого Юнга. Работа Альбрехта Дитериха «Мать-Земля»[222], по-видимому, отчасти стимулировала возникновение юнговского понятия Великой Матери и трактовку ее символики.

Трудно установить с достоверностью, что в востоковедческой литературе послужило источником или стимулом для юнговской мысли. Влияние бесед с людьми вроде Рихарда Вильгельма или Генриха Циммера было, вероятно, более решающим, нежели тома прочитанной литературы.

Мы уже упоминали о поддержке, которую Юнг находил для своей мысли в таких романах, как «Имаго» Шпиттелера, «Тартарен в Альпах» Альфонса Доде, «Она» Райдера Хаггарда и «Атлантида» Пьера Бенуа. Еще один романист, Леон Доде, провозгласил идеи, которые выглядят

заслуживающими внимания параллелями к психологическим теориям Юнга[223].

Леон Доде утверждает, что главная потребность человека выражается в его стремлении реализовать себя, вопреки пагубному влиянию передаваемого по наследству и, таким образом, обрести внутреннюю свободу. Человеческая личность, говорит Доде, состоит из двух сущностей, я (эго) и самости (moi и soi), и жизненная драма каждого человека заключается в борьбе этих двух. Эго включает в себя не только сознательную личность с ее восприятиями, воспоминаниями, настроениями и смутными стремлениями, но также и бессознательную личность с «родовым инстинктом», психическими автоматизмами и разрозненными остатками наследственных влияний. С другой стороны, самость — это подлинное, самобытное и новое бытие, сущность человеческой личности. Творческие импульсы, наиболее важные решения, акты разума и веры исходят из самости.

В случае, если эго превалирует, личность теряет свое единство и открывает дорогу целой группе борющихся между собой «персонажей», которые суть не что иное, как рудименты наших предков. Иногда личность может потерпеть крах в результате появления одного или нескольких «предков», которые становятся хозяевами данного человека — через воздействие внешних обстоятельств или спонтанно, посредством своего рода самооплодотворения. Поначалу индивид может переживать этот натиск как полезное для него воздействие, однако со временем оно становится губительным для него. Такого «оказавшегося во власти предка» индивида Доде называет «наследыш» (hérédo); он беспокоен, импульсивен и легко поддается переменам настроения. Человек, в котором доминирует самость, уравновешен, не теряет самость, проявляет в своих поступках интуицию и гражданское мужество. Только подлинная одержимость самостью дает человеку силы быть героем или творческим гением. Поэтому главная цель человеческой жизни состоит в том, чтобы преодолеть эго вместе с неуправляемыми родовыми импульсами и открыть и актуализировать свою самость. Эта задача должна стать предметом новой науки, которую Доде называет «метапсихологией».

Многие люди могут прожить жизнь в полном неведении о своей самости, открывая ее очень поздно или только в момент смерти. В жизни есть благоприятные периоды для проявления самости; это — время от семи лет и до наступления половой зрелости, затем превосходный, но скоропреходящий момент где-то в районе нашего двадцатилетия, и наконец, особенно благоприятный период между тридцать пятым и сороковым годами нашей жизни, когда человек поставлен перед выбором: оставаться «наследышем» в течение всей оставшейся ему жизни или обрести свою самость. Доде считает, что долголетие человека находится в прямой зависимости от «методической тонификации» самости. Удачным ли неудачным оказывается брак,

во многом зависит от того, насколько каждый из супругов продвинулся в обретении своей самости. Самость в высшей степени общительная часть личности, в то время как доминирование эго в личности — источник беспорядка в человеческих взаимоотношениях.

Доде называет «воображение» функцией самости, функцией, при помощи которой человек осознает полученные им по наследству стереотипы мышления и поведения, с тем, чтобы он мог отвергнуть пагубное для себя и сохранить в качестве образцов лишь образы, доставшиеся ему от разумных предков. Психическая болезнь, добавляет он, есть следствие жизненных катаклизмов, благодаря которым определенные предки овладевают индивидуумом. Таким образом, «человек живет и умирает под диктовку своих образов», и Доде делает вывод, что его «метапсихология» могла бы быть полезной в самых непредвиденных обстоятельствах.

Когда читаешь «Наследыша» и его продолжение, «Мир образов»[224], то возникает ощущение, что перед тобой конспект вполне сложившейся системы динамической психиатрии, хотя и бездоказательной в глазах практикующего психотерапевта. Неизвестно, в какой степени эти книги стимулировали мысль Юнга, но он, несомненно, читал одну из них, поскольку ссылается на «Наследыша», по крайней мере, однажды[225].

Влияние Юнга

Влияние Юнга осуществлялось через его личность, его учение, его учеников, его первых пациентов и его школу. Сначала оно ограничивалось сферой психиатрии и психотерапии, но после 1920 года распространилось на круги религиоведов и историков культуры. Позднее он и его ученики привлекли также внимание социологов, экономистов и изучающих науку об организации и управлении государством.

Имя Юнга впервые приобрело известность благодаря его работе с тестом словесных ассоциаций — уже существовавшим до него методом, на основе которого он создал первый проективный тест[226]. Он стал частью заведенного порядка в швейцарских психиатрических больницах, стимулировал появление теста Роршаха и других. Несмотря на то, что попытки Юнга использовать этот тест в криминологических целях не имели успеха, исследования в этом направлении были продолжены другими учеными и достигли высшей точки с изобретением детектора лжи. Затем последовали юнговские исследования шизофрении, которые находились в общем русле с усилиями Блейлера, направленными на понимание своих психически больных пациентов и на установление с ними раппорта. Мы уже видели, как Юнг обнаружил, что в основе шизофренических симптомов лежат «комплексы» и «архетипы» (о последних

речь зашла позднее). Юнг сделал очень много для прогресса в области психотерапии шизофрении и опередил современных экзистенциальных аналитиков в их попытках понять и сделать доступным для понимания других субъективный опыт шизофреников. Ряд психиатров, как юнгианской, так и иных ориентаций, указывали в своих работах на сходство универсальных мифов и субъективных переживаний шизофреников[227].

Вклад Юнга в психоанализ был вполне оценен последователями Фрейда[228]. Он ввел в обращение такие термины, как *комплекс* и *имаго*, и он же был инициатором введения личностного анализа для обучающихся анализу. По словам Юнга, именно он привлек внимание Фрейда к «Мемуарам» Шребера. Критика Юнгом фрейдовской интерпретации случая Шребера заставила Фрейда пересмотреть свою теорию либидо и ввести понятие нарциссизма. Усиленное внимание Юнга к мифам и его «Метаморфозы и символы либидо» стимулировали Фрейда к написанию «Тотема и табу». Занимающиеся психоанализом детей приняли юнговскую технику терапии с помощью рисования и живописи. Недавно ряд психоаналитиков в осторожной форме изложил идеи, имеющие определенное сходство с учением Юнга. Эриксон, например, описывает развитие личности в виде последовательного прохождения восьми стадий, из которых пять аналогичны фрейдовским стадиям либидинального развития, а три другие были, по-видимому, навеяны юнговской концепцией индивидуации[229].

Юнговский метод активного воображения навел Десуаля на мысль о лечении посредством снов наяву[230]. Пациент Десуаля лежит на кушетке, воображая, что поднимается в воздух — все выше и выше, до самого неба, и рассказывает при этом врачу обо всех образах, являющихся ему, что в результате дает врачу возможность исследовать его бессознательное.

Многие психиатры взяли на вооружение юнговский метод изображения с помощью карандаша или красок поступающего из бессознательного в самых разнообразных формах; психоаналитики, кроме того, использовали его при лечении детей и психотиков. Один из юнговских учеников, Ханс Трюб, пришел к выводу, что единственным исцеляющим фактором в психотерапии является противоборство между психиатром и пациентом[231]. В процессе развития этой теории он разошелся с Юнгом, и, по его словам, они остались врагами, что выглядит вполне правдоподобным.

Юнгианские методы лечения психических болезней были изложены в систематической форме Х.К. Фирцем[232]. Где-то около 1909 года Юнг имел непродолжительный контакт с психосоматической медициной, и юнговский подход к ней уже в недавнее время получил развитие у К.А. Мейера[233]. Обзор разнообразных форм групповой терапии, основанной на юнговских принципах, был сделан Хансом Иллингом[234].

Следует также упомянуть, что организация *Анонимные алкоголики* (А.А.) косвенно обязана своим возникновением Юнгу.

Эта малоизвестная история приобрела ясность благодаря недавней публикации переписки между одним из соучредителей А.А. и Юнгом[235]. Приблизительно в 1931 году страдающий алкоголизмом американец, Роланд Х., обратился за помощью к Юнгу. Тот стал лечить его посредством психотерапии, и лечение продолжалось, по-видимому, год. Однако вскоре после окончания лечения Роланд Х. снова взялся за старое. Он вернулся к Юнгу, который откровенно сказал ему, что ему не следует более возлагать надежд на какое-либо дополнительное медицинское или психиатрическое лечение. Роланд Х. спросил, а нет ли для него какой-нибудь другой надежды, и Юнг ответил, что надежда, возможно, и появилась бы, если бы он смог целиком отдаться духовным или религиозным переживаниям, что, возможно, совершенно изменило бы его привычки. Роланд Х. стал членом Оксфордской группы и через некоторое время пережил религиозное обращение, которое освободило его от непреодолимого влечения к алкоголю и, более того, вдохновило на решение посвятить свою жизнь оказанию помощи другим алкоголикам. Один из них, Эдди, последовал его примеру, присоединился к Оксфордской группе и вскоре тоже освободился от своей пагубной привычки. В ноябре 1934 года Эдди навестил своего приятеля Билла, чей случай считался безнадежным, и рассказал ему о своем опыте. Впоследствии Биллу, отдавшемуся религиозным переживаниям, было видение, в котором ему явилось некое общество, состоявшее из алкоголиков, передающих свой опыт выздоровления по цепочке от одного к другому. После этого Эдди и Билл основали Общество анонимных алкоголиков, последующее развитие которого известно[236].

Юнговская типология с ее различением эстраверсии и интроверсии и четырех психологических функций подверглась критике со стороны ученых, занимающихся проблемами характерологии. Тем не менее Айзенк использовал дихотомию экстраверсии–интроверсии в качестве одного из измерений личности в своей работе на эту тему[237]. Швейцарский консультант по вопросам семьи и брака, Платтнер, утверждает, что большинству индивидов свойственна тенденция выбирать в качестве партнера лиц, принадлежащих к типу и функции, противоположной их собственной; например, представители экстравертного мыслительного типа будут избирать себе партнера среди представителей интровертного чувствующего типа, из чего следует, что существуют определенные типы браков, каждый со своими собственными проблемами и потенциальными конфликтами[238]. Историк Тойнби пришел к заключению, что великие мировые религии можно было бы классифици-

ровать исходя из юнговских психологических типов[239]. Вообще говоря, понятия экстраверсии и интроверсии приобрели такую популярность, что используются теперь в разговорном языке (хотя не всегда в соответствии с их первоначальным значением). Нередко первоначальное понятие приходится опознавать под иной терминологией. В качестве примера можно сослаться на различение Дэвидом Ризменом изнутри и извне ориентированных людей[240].

Постоянный глубокий интерес к мифам, символам и архетипам — основная особенность юнговской психологии. Первоначально это выражалось в исследовании мифов методами глубинной психологии. Второй период характеризовался тем, что Юнг обращался к помощи мифов с целью лучшего понимания психологических феноменов и применял при этом свой метод амплификации, требующий от психиатра досконального знания мифологии и разнообразных возможных значений символов. Например, для аналитика-фрейдиста змея — просто фаллический символ; для юнгианца это, возможно, и так, однако для него она может иметь и десять других значений. Третий период был связан со сравнительным исследованием одних и тех же мифов, предпринятым мифологами, с одной стороны, и психологами-юнгианцами, с другой. Прототипом такого рода сравнительных исследований стала книга, совместно изданная Карлом Кереньи, венгерским исследователем мифов, живущим в Цюрихе, и К.Г. Юнгом[241]. Миф о божественном ребенке и божественной деве анализировался как Кереньи, так и Юнгом в терминах их собственных дисциплин. Многие сравнительные исследования выносились на обсуждение на ежегодных Эраносских конференциях и впоследствии публиковались в «Эраносских ежегодниках».

Юнговское понятие коллективного бессознательного нашло применение в психологии философских озарений (инсайтов) и научных открытий. Такова, например, интерпретация, данная Юнгом открытию Робертом Майером закона сохранения энергии. До некоторой степени сходным образом физик Паули интерпретировал открытия Кеплера[242]. Обращаясь к идее Анаксимандра о первовеществе, каковым для него была безграничная вселенная без начала и конца, Ф.М. Корнфорд отмечает, что подобная идея не могла быть следствием наблюдения или научной гипотезы[243]. Следовательно, эта идея возникла «на уровне бессознательного разума, — уровне столь глубоком, что мы не воспринимаем его в качестве части нас самих». То есть имеется в виду, что данная идея пришла из юнговского коллективного бессознательного. При таком подходе стало бы ясным сходство анакисимандровского представления с образом мана у примитивных полинезийских племен. Корнфорд полагает, что «развитие философии и науки по сути заключается в дифференциации — под действием критики со стороны сознающего ин-

теллекта — тех первоначальных образов, которые с помощью совсем иного процесса уже до этого дали начало всякой форме религиозного представления». В этой перспективе философия, наука и мифология, пользуясь различными путями, одинаково вытекают из коллективного бессознательного.

Идеи Юнга относительно естественной функции религии и существования религиозных архетипов в человеке вызвали оживленную дискуссию в религиозных кругах. Некоторые теологи считали, что нашли в лице Юнга союзника против атеизма, другие порицали его за психологизм в вопросах веры. Они говорили, что если Фрейд открыто стоял на атеистических позициях, считая религию иллюзией и продуктом мышления, склонного выдавать желаемое за действительное, то Юнг видел в религии проекцию религиозных архетипов, относительно которых неизвестно, какой трансцендентной реальности они соответствуют. Теолог Фришкнехт из Базеля называет юнговскую систему «доброжелательной и понимающей» разновидностью атеизма[244]. Другой теолог, Ханс Шер, живущий в Берне, настаивает на том, что в наши дни ни один человек, серьезно интересующийся религией, не сможет обойтись без изучения работ Юнга[245]. Исходя из юнговских идей, Ханс Шер написал семисотстраничный трактат, посвященный психологии религии[246].

Еще один теолог, Рошедьё, развивая идею Юнга о том, что человек по природе религиозен, заявляет, что, хотя об этом и не догадывается большинство психиатров, но перенос в известной степени есть религиозное проявление[247]. Другой, широко известный теолог Пауль Тиллих констатирует, что юнговское учение об архетипах оказывает неоценимую помощь протестантской теологии, особенно в том, что касается теории религиозных символов[248]. Идеи Юнга вызвали к себе заметный интерес также и среди католических богословов[249]. По крайней мере, трое из них написали обширные исследования на эту тему: отец Уайт [250], отец Хости[251] и отец Гольдбруннер[252]. Среди представителей русской православной богословской мысли его преподобие о. Евдокимов использовал юнговские понятия архетипов и анимы и анимуса в философско-антропологическом исследовании женщины[253].

В своей учебной книге по коллективной психологии Рейвальд посвятил целую главу Юнгу, подчеркивая огромное значение его идей для понимания массовых психозов[254]. Юнг всегда обращал особое внимание на «психическую инфляцию», происходящую с отдельной личностью в толпе. Если Фрейд видел в массовом психозе отождествление массою себя с вождем, то Юнг (подобно Жане) подчеркивал, что вождь, в свою очередь, зависит от массы. Юнг объясняет массовые психозы неожиданным пробуждением в коллективом сознании архетипов, пребывавших до этого в латентном состоянии.

Одним из ближайших учеников Юнга был швейцарский экономист Юджин Бёлер[255], который привлек внимание деловых кругов к психологии Юнга и пытался в многочисленных публикациях применить концепции Юнга в экономической науке[256], особенно концепцию мифов в связи с психологией масс[257].

Народнохозяйственная жизнь, согласно Бёлеру, определяется не столько национальными целями, сколько коллективными импульсами, берущими начало в фантазии и мифе. Или еще точнее, если производство является результатом рационального процесса, то потребление зависит от иррациональных импульсов, чем-то подобных эротическому импульсу. Фантазия — настоящий стимул экономического прогресса: прогресс науки и техники привел к огромному увеличению экономической сферы, предназначенной для обслуживания фантазии в человеческой жизни. Беллетристика, изобразительное искусство, газеты, кинотеатры, радио, телевидение — все это не что иное, как «фабрики грез», и такова же функция современных отелей и туристического бизнеса; «современная экономика в такой же степени фабрика грез, как и Голливуд». Она основывается в меньшей своей части на удовлетворении реальных потребностей, в наибольшей же — на обслуживании фантазии и мифа. Отсюда центральная роль в современной экономике рекламного бизнеса. Сама наука окружена теперь мифическим ореолом. Потрафляя человеческому воображению, наука в свою очередь создает новые потребности среди потребителей — так же, как и средства для удовлетворения этих искусственно созданных потребностей. Мода означает для женщины «дионисийное освобождение от рациональности» и залог очарования ее личности. И даже сама ее непредсказуемость наделяет ее таинственностью оракула, чьи суждения не обсуждаются, но должны быть постигнуты. Сама Фондовая Биржа обладает мифической функцией; она не «мозг», но скорее «сердце» экономической жизни, приносящее компенсацию за нагрузки, которые приходится выносить homo economicus в его упорном стремлении к рациональной организации, порядку, к бережливости и строгости бухгалтерского учета, к постоянным вычислениям и подготовке балансовых отчетов. В то же самое время верования, надежды и желания огромного количества людей проецируются и сосредоточиваются на Фондовой Бирже. Далекая от того, чтобы управлять экономической жизнью, Фондовая Биржа сама находится во власти приливов и отливов коллективных фантазий; экономические депрессии происходят в случае неожиданной потери экономического мифа. Бёлер распространил свою критику и на другие экономические мифы, прошлые или настоящие, такие, как свободная торговля, мировое экономическое пространство (Grossraum) и пр.

Применению юнговских понятий и политической философии положил начало в 1931 году Шиндлер своим исследованием по конституционному праву и социальной структуре[258]. В 1954 году Ханс Фер прилагал в своей книге учение об архетипах к философии права[259]. Затем Ханс Марти предложил юнгианскую интерпретацию швейцарской конституции[260]. Однако наиболее последовательные усилия в этом направлении были предприняты Эрихом Фехнером в 1956 году[261] и Максом Тимбоденом в 1959 году[262].

В критическом обзоре всех возможных теорий, которые имели бы отношение к происхождению понятия права (теорий биологических, экономических, политических, социологических, философских, теологических), Эрих Фехнер в конце концов представляет на обсуждение психологическую теорию, основанную на юнгианских понятиях архетипов. По мнению Эриха Фехнера, с помощью социального инстинкта нельзя объяснить возникновение правового общества и государства. Например, заповедь *Не убий* и институт моногамии, вероятно, долго существовали в качестве бессознательных представлений, прежде чем приобрели статус правовых установлений, и, следовательно, есть основания видеть в них первоначальные образы или архетипы.

Макс Тимбоден утверждает, что государственный строй есть отражение психической реальности. Три классические формы государственного устройства: монархия, аристократия и демократия — соответствуют разным ступеням развития коллективного сознания. Монархия (или автократия) — это государство, в котором один индивидуум приписывает своему я (эго) могущество и актуализирует бессознательные содержания всех остальных индивидуумов. Правитель и управляемые крепко связаны друг с другом благодаря феномену переноса (трансфер), что препятствует развитию индивидов. Аристократия, т. е. строй, характеризующийся господством группы избранных, допускает известное количество психического роста в управляемых индивидуумах. Однако это предполагает сложную сеть взаимоотношений между элитой и массами. Такого рода система имеет много разновидностей, в зависимости от того, держатся ли скрепляющие государство узы на бессознательном переносе или на сознательной передаче полномочий. Под демократией следует понимать государственное образование, состоящее из граждан, в котором все или большинство из них достигли достаточной степени индивидуации; вследствие чего они осознают свои права и обязанности и способны создать подлинное сообщество людей. Обращаясь к теории Монтескье о трех властях (законодательной, исполнительной и судебной), Тимбоден указывает на определенные аналогии, имеющиеся у этой теории с догматом о Св. Троице, и полагает, что она действительно обязана своим происхождением этому догмату, благодаря, как он считает, росту осознанности в начале Нового времени.

Такова уж судьба всех новаторов, что развитие их дела невозможно предсказать, ибо это зависит не столько от его действительной ценности, сколько от материальных факторов, исторических обстоятельств и колебаний общественной психики.

Существует фундаментальное сходство систем Фрейда и Юнга, каждая из которых берет начало в «творческой болезни», трансформированной в психотерапевтический метод. Оба предоставляют нам возможность путешествия в бессознательное — в форме личностного анализа или терапевтического анализа пациентов. Но это очень разные путешествия. У тех, кто избирает путь фрейдистского анализа, вскоре развивается интенсивный невроз переноса, их сновидения принимают фрейдистский характер, они открывают у себя эдипов комплекс, детскую сексуальность и страх перед кастрацией. Тем, кто принимается за юнгианский анализ, начинают сниться юнгианские сны, они сталкиваются со своей тенью, своей анимой, прочими своими архетипами и озабочены осуществлением своей индивидуации. Психоаналитик фрейдистского толка, рискнувший подвергнуться юнгианскому анализу, почувствовал бы себя сбитым с толку — подобно Мефистофелю во второй части «Фауста», когда он прибывает на классическую Вальпургиеву ночь и с удивлением обнаруживает, что «здесь другой Ад, со своими собственными законами». (В действительности противоположность между фрейдистским и юнгианским бессознательным можно было бы легко проиллюстрировать с помощью противоположности между Вальпургиевой ночью на Блоксберге, с ее демонами и ведьмами, и классической Вальпургиевой ночью с ее мифологическими фигурами.)

И поэтому многие люди реагируют на Фрейда и Юнга более в соответствии со своими личными склонностями, нежели исходя из объективного исследования фактов. Некоторые лица чувствуют, что Фрейд стоит на твердой почве научных фактов, тогда как Юнг заблудился в туманах мистицизма. Другие же полагают, что Фрейд лишает человеческую душу той атмосферы тайны, которая ее окружает[263], и что Юнг спасает ее возвышенные ценности. Не сам ли Фрейд (скажут они) взял в качестве эпиграфа к «Толкованию сновидений» стих Вергилия:

Flectere si nequeo Superos, Acheronta movebo
(Не преклоню я Всевышних, но Ахеронт всколыхну!) то есть (Если я не способен тронуть силы Неба, я призову на помощь силы Ада)

В противоположность этому юнговским девизом мог бы быть другой стих из Вергилия[264]:

Carmina vel coelo possunt deducere lunam
(Песни могут и саму луну совлечь с небес)

В результате те же самые люди, которые видят во Фрейде колдуна, низведшего человека до его дьявольских инстинктов, вероятно, представляют себе Юнга в виде волшебника, который был способен раскачать луну.

Есть все основания предполагать, что с течением времени сделанное Юнгом подвергнется определенным трансформациям. Одна из причин для этого — общего характера: такова уж судьба всякой идеологии, что каждое последующее поколение стремится увидеть ее в новой перспективе. В случае с Юнгом имеется и еще кое-что. Сделанное им известно сегодня главным образом через посредство книг, статей и выступлений, опубликованных в течение его жизни и собранных в Collected Works. Когда материалы его семинаров, существующие в машинописи, станут доступными в печатном виде, личность Юнга и его работа предстанут в новой перспективе, и это произойдет еще в большей степени, когда будут опубликованы его письма. Не исключено, что даже его «Красная книга» и «Черная книга», а возможно, и его дневники когда-нибудь будут изданы и покажут его с еще одной, неожиданной стороны. Не только биография человека, но и его образ и посмертное влияние могут претерпевать непредвиденный ряд метаморфоз.

Глава 10. Подъем и становление новой динамической психиатрии

Одна из трудностей при написании истории состоит в том, что мы всегда склонны описывать прошлые события на основе того смысла, который они приобрели в наше время. Однако люди прошлого рассматривали современные события в их собственной перспективе. Они уделяли много внимания фактам, которые сегодня забыты или считаются несущественными, и вступали в неистовую полемику по вопросам, которые сегодня едва ли понятны, тогда как многие события, которые представляются нам важными, привлекли к себе мало внимания в тот момент, когда они происходили. Историки должны изображать события в перспективе их прошлого и сосредоточиваться на тех событиях, которые мы теперь считаем существенными.

Поэтому после описания социальных, политических, культурных и медицинских данных о новой динамической психиатрии и после попытки обобщить теории ее четырех великих представителей — Жане, Фрейда, Адлера и Юнга — нам остается описать в общих чертах сложную взаимосвязь этих великих систем друг с другом, второстепенными системами и общей обстановкой современных событий. В качестве отправной точки мы возьмем памятную статью Шарко о гипнозе, написанную в феврале 1882 года, которая открыла новую эру и закончилась в конце Второй мировой войны, так как после этой даты нам не хватает достаточной перспективы для синтетической точки зрения.

Соперничество между школами Сальпетриер и Нанси: 1882–1893

В течение одиннадцати лет, в период с 1882 по 1893 год, произошло возрождение животного магнетизма в модифицированной форме под названием гипноза и внушения. Научная санкция была дана этим формам практики двумя научными центрами: один центр, сформировавшийся вокруг Шарко в Сальпетриере, и другой, сформировавшийся вокруг Бернгейма в Нанси. Работа этих двух школ и их соперничество доминировали на сцене. Этот период можно разделить на три подпериода.

Рождение и развитие школ Сальпетриер и Нанси: 1882–1885

13 февраля 1882 года прославленный невропатолог Ж.-М. Шарко взошел на трибуну Академии наук в Париже, чтобы прочесть доклад

«О различных нервных состояниях, определяемых гипнотизированием и истерикой»[1]. Этот доклад был призван дать строго объективную картину гипнотических состояний в чисто неврологических терминах. В развернутом представлении, как это можно наблюдать у истерических женщин, сказал Шарко:

> Гипнотизм включает три состояния, которые могут следовать друг за другом в любой комбинации или существовать независимо друг от друга. В *каталептическом состоянии* пациент держит свои конечности в том положении, которое им было придано, сухожильные рефлексы не действуют или очень слабы; респираторные паузы длительные, и могут провоцироваться различные автоматические импульсы. В *летаргическом состоянии* мышцы вялые, дыхание глубокое и быстрое, сухожильные рефлексы заметно усилены, и пациент проявляет «повышенную нервно-мышечную возбудимость», т. е. склонность мышц к сильному сокращению при прикосновении к сухожилию, мышце или соответствующему нерву. В третьем, *сомнамбулическом состоянии* сухожильные рефлексы нормальные, отсутствует нервно-мышечная возбудимость, хотя некоторое небольшое раздражение вызывает состояние ригидности в конечности; обычно имеет место «повышение некоторой малоизвестной кожной чувствительности, мышечного ощущения и некоторых специальных видов чувствительности», и при необходимости обычно можно легко вызвать самые сложные автоматические акты. Легким потиранием темени пациента можно перевести из каталептического состояния в летаргическое и сомнамбулическое. Давление на глазное яблоко переводит пациента из сомнамбулизма в летаргию.

В ретроспективе может показаться, что этот доклад Шарко означал неожиданную революцию. По словам Жане, «заставить Академию наук признать гипнотизм, который за последнее столетие она трижды порицала под названием магнетизма, было проявлением изобретательности»[2]. На самом деле медики того времени не очень интересовались историей. Вряд ли многие члены Академии наук прочитали работы прежних магнетизеров и кто-либо из них (включая самого Шарко) имел хотя бы слабое подозрение, что возрождалось что-то древнее. Эти люди разделяли иллюзию, которая вовсе не исчезла в настоящее время, а именно то, что все произведенное ими было новым.

Будет преувеличением говорить, что в то время гипнотизм считался лишь шарлатанством. Росла численность врачей, работавших с ним либо в одиночку, либо в обществах, хотя эта тема считалась неясной и противоречивой. Тем не менее нет уверенности в том, достаточно ли было бы авторитета Шарко, чтобы стимулировать возрождение гипноза, если бы почва не была приготовлена неожиданным образом, а имен-

но гастролирующими гипнотизерами[3]. Хансен (в Германии и Австрии) и Донато (в Бельгии, Франции, Швейцарии и Италии) переезжали из города в город, организуя театральные гипнотические представления, привлекая большие толпы и нередко оставляя следы психических эпидемий. Многие невропатологи и психиатры видели эти представления и некоторые из них заключали, что «в этом, должно быть, что-то есть». Физиолог Шарль Рише одним из первых осмелился экспериментировать в этой очевидно новой области и опубликовать результаты в научном журнале[4]. Это, вероятно, побудило Шарко приступить к проведению своих экспериментов, и по мере его продвижения в исследованиях другие люди испытывали стимул к использованию гипноза.

До появления доклада Шарко представления Хансена произвели впечатление на невропатолога Хайденхайна из Бреслау, который освоил метод гипноза и в 1880 году опубликовал книгу о гипнозе[5]. В Австрии Мориц Бенедикт опробовал этот метод, и его примеру последовал Йозеф Брейер. Сторонники гипноза были также и в Бельгии, а в Нанси так много говорили об исцелениях Льебо, что Медицинское общество этого города посвятило в 1882 году одно заседание экспериментам с гипнотизмом. Бернгейм познакомился с Льебо, который произвел на него благоприятное впечатление, и решил освоить и усовершенствовать его метод[6]. Гипноз также привлек внимание публики и стал актуальной темой в газетах[7].

Начиная с этого времени, из-за того, что Шарко дал санкцию на применение гипноза, или по иной причине, «ворота были открыты» (по словам Жане) и на публику обрушился поток публикаций о гипнозе. В 1883 году Бернгейм прочел доклад в Медицинском обществе Нанси, определив гипноз как «просто сон, вызванный внушением, с терапевтическими последствиями». То было равносильно объявлению войны теории Шарко, так как для Шарко гипноз был физиологическим состоянием, весьма отличным от сна, состоянием, которое могло возникать у индивидов, предрасположенных к истерии, и использоваться в терапевтических целях.

В следующем, 1884 году «война» между двумя школами переместилась на новый участок. Юрист из Нанси Льежуа провел эксперименты с загипнотизированными индивидами, внушая им, что они совершают преступления, для которых он снабдил их безобидным оружием[8]. Он побуждал субъектов совершать псевдопреступления. Однако школа Нанси возразила против выводов, сделанных Льежуа, и брошюра Бернгейма о внушении была встречена в Париже критически[9].

В 1885 году, когда всеобщее внимание было приковано к гипнозу и истерии, Шарко прочел лекции о травматических формах паралича и продемонстрировал клинически, как с помощью гипноза он воспроиз-

водил у предрасположенных индивидов аналогичные формы паралича. Шарко и многие из его аудиторов считали, что эти демонстрации научно доказали психогенез травматических форм паралича. Мы видели, что эти эксперименты Шарко имели широкий спектр следствий[10]. Считая, что механизм этих травматических форм паралича идентичен механизму истерических форм паралича, Шарко теперь включил и травматические формы паралича в область истерии. Эта новая терминология вызвала существенное противодействие, особенно в Германии, и возродила споры по поводу распространенности органической и функциональной этиологии в области травматических форм паралича. В среде невропатологов повсеместно нарастало противодействие новым концепциям истерии Шарко.

Именно в это время, в конце 1885 года, Зигмунд Фрейд получил субсидию, позволившую ему провести четыре месяца в Париже. Здесь мы находим типичный пример тех событий, которые представлялись существенными в ретроспективе, но казались несущественными в то время. Это станет более ясным, если сопоставить это событие с условиями жизни в Париже и в Сальпетриере в течение тех четырех месяцев.

Внимательное чтение парижских газет с октября 1885 года по февраль 1886 года показывает, что это был период брожения во всем мире. Было много сообщений об англо-российском соперничестве в Центральной Азии, франко-английском соперничестве в Африке и испано-германском соперничестве на островах Южного моря; англичане оккупировали Бирму; в Лондоне был скандал, вызванный разоблачением «Pall Mall Gazette» по поводу проституции несовершеннолетних. Итальянцы оккупировали Эритрею; французы сражались в Индокитае; французские канадцы были обеспокоены казнью Луиса Риеля, вождя восстания индейцев. В Перу шла гражданская война; войска Соединенных Штатов вытесняли мормонов в Солт-Лейк-Сити; велась социалистическая агитация, вспыхивали забастовки и кровавые беспорядки в различных городах Франции, Бельгии и Соединенных Штатов. Вспыхнула война между Болгарией и Сербией, доведя соперничество между Россией и Австро-Венгрией до опасной черты. В Нью-Йорке была только что воздвигнута статуя Свободы. Во Франции генерал Буланже, идол националистов, был назначен в январе 1886 года военным министром, и это вдохновило тех, кто жаждал реванша за поражение 1870–1871 годов. Было много протестов по поводу потока порнографической литературы и театральных постановок. Разразился скандал по поводу конкурсных экзаменов в парижских больницах, когда, как говорили, некоторые кандидаты заранее получали информацию о вопросах от одного из экзаменаторов. Общественное мнение было взбудоражено первым эффектным излечением бешенства Пастером,

и люди, искусанные бешеными собаками, устремились в Париж со всей Европы. Однако публику, по-видимому, интересовали главным образом новые пьесы, такие, как «Сафо» Доде, визит в Париж под чужим именем эксцентричного короля Баварии Людвига II и выставка австралийских аборигенов в зоологическом парке. Из дневника братьев Гонкур мы узнаем, что за год до этого Шарко въехал в великолепный дворец, который он построил для себя в Фобур Сен Жермен, и, судя по слухам, его дочь Жанна влюбилась в сына Альфонса Доде, Леона, чье нерасположение вызвало недовольство Шарко. Медицинские журналы сообщали во всех деталях о лекциях Шарко, который тогда находился на вершине своей славы.

Вне сомнения, поездка молодого австрийского невропатолога в то время, когда так много известных людей совершали паломничество в Сальпетриер, «мекку неврологии», представлялась как событие второстепенного значения. И тем не менее в ретроспективе мы находим здесь одну из исторических связей между старой и новой динамической психиатрией.

Зигмунд Фрейд, который только что получил звание приват-доцента в Венском университете, был автором нескольких оцененных по достоинству статей о невропатологии, но испытал разочарование в своих исследованиях по кокаину. Он прибыл в Париж в октябре 1885 года после посещения своей невесты в Вандсбеке неподалеку от Гамбурга. По словам Джонса, Фрейд впервые повидался с Шарко 20 октября 1885 года и уехал от него 23 февраля 1886 года. В этот период необходимо включить время болезни Шарко и рождественский отпуск Фрейда в Вандсбеке, но оставшегося времени Шарко хватило для того, чтобы произвести неизгладимое впечатление на Фрейда. Вне сомнения, Фрейд не относился к числу тех, кто, подобно Дельбёфу, приезжал в Сальпетриер, чтобы наблюдать критическим взором то, как Шарко проводил опыты с истерическими субъектами. Фрейда очаровала личность великого человека. Фрейд увидел в Шарко не только мировую славу великого невропатолога, художественные дарования, красноречие и манеры человека мира, но также и его способ видения людей и вещей без предвзятых идей. Но период времени был слишком короток, чтобы Фрейд смог приобрести реальные знания о работе Шарко. На Фрейда произвели впечатление эксперименты Шарко с истерическими формами паралича, которые проводились незадолго до этого, и идея того, что бессознательное представление могло быть причиной двигательных расстройств[11]. Но сам Фрейд создал несколько неточное и идеализированное представление о работе Шарко. Таким образом, как это можно ясно видеть из написанного им впоследствии некролога, Фрейд приписывал Шарко то, что на самом деле было заслугой Брике в иссле-

дованиях истерии[12]. Он преувеличивал ту значимость, которую Шарко приписывал неодинаковой наследственности («дегенерации», по терминологии того времени). Он, по-видимому, не знал об описании Рише *grande hystérie*, при которой приступ истерии нередко описывался как отыгрывание психической, часто сексуальной, травмы[13]. Если бы Фрейд прочел это описание, он не был бы столь удивлен, услышав упоминание Шарко о роли сексуальности в невротических расстройствах как о чем-то само собой разумеющемся. Можно сделать вывод, что отношение Фрейда к Шарко не было отношением ученика к учителю; за ним скорее скрывалась экзистенциальная «встреча». Шарко дал Фрейду модель идентификации и плодотворную идею бессознательного психического динамизма.

Существует некоторое сомнение в том, познакомился ли Фрейд с Жане во время посещения Сальпетриера. Сам Фрейд опровергал слухи о том, что он придерживался теории Жане в Сальпетриере, добавляя, что во время его пребывания в Сальпетриере имя Жане даже не упоминалось[14]. Конечно, Жане в то время жил в Гавре, где в феврале 1883 года он был назначен на должность профессора философии в Лицее[15]. Но иногда он отправлялся в отпуск в Париж и тогда посещал Сальпетриер[16]. 30 ноября, когда Фрейд находился в Париже, доклад Пьера Жане о его первых опытах с Леони был прочитан его дядей Полем Жане на заседании Общества физиологической психологии, которое проходило под председательством Шарко[17]. Этот доклад вызвал большой интерес и оживленное обсуждение, и маловероятно, что имя Жане не упоминалось в Сальпетриере по этому поводу[18]. Однако надежных свидетельств того что Фрейд и Жане встречались или слышали друг о друге в то время, нет.

Среди людей, с которыми Фрейд встречался в Париже, был Леон Доде (сын писателя Альфонса Доде). Он виделся с ним, по меньшей мере, один раз в доме Шарко[19]. Хотя одаренный молодой человек и был студентом-медиком, он был светским львом, и ему пророчили блестящее будущее в сфере политики, литературы или медицины. Леон Доде, который был проницательным наблюдателем и обладал хорошей памятью на людей, с которыми встречался, по-видимому, не заметил венского невропатолога, потому что никогда не упоминал о встрече с ним, тогда как Фрейд надолго запомнил молодого Доде[20]. Кто бы подумал в то время, что австрийский гость станет мировой знаменитостью и что Леон Доде не закончит медицинское образование, его политическая карьера в качестве лидера роялистского движения будет неудачной и, несмотря на выдающийся литературный талант, он так и не напишет шедевр? Любопытные черты сходства можно было бы найти между Фрейдом и Леоном Доде, двумя людьми, испытавшими на себе глубокое влияние

личности Шарко. Некоторые из романов Леона Доде посвящены инцесту, другим сексуальным отклонениям, морфинизму и психопатической наследственности. Писал он также и научные статьи о грезах, человеческой личности и особенно об эго и самости. Свою психологическую систему он называл метапсихологией[21]. Концепции Доде, однако, заметно отличаются от концепций Фрейда и выказывают больше сходств с концепциями Юнга[22].

Война школ и дебют Пьера Жане: 1886–1889

С 1886 по 1889 год историю динамической психиатрии омрачала полемика между школами Сальпетриер и Нанси. В этот период количество публикаций о гипнозе и внушении росло из года в год.

Людям того времени 1886 год представлялся годом политического напряжения и трагедии. После триумфа генерала Буланже Франция стала жертвой шовинистической лихорадки, которая привела к ухудшению и без того напряженных отношений с Германией. Несмотря на успех вакцинации от бешенства, Пастер стал объектом гнусных нападок Петера в Медицинской академии, кампании в медицинских журналах и оскорблений в ежедневных газетах, так что его здоровье пошатнулось и он отправился в Италию восстанавливать силы. 13 июня молодой экстравагантный король Баварии Людвиг II, только что объявленный медицинской комиссией больным психозом с разрешением на проживание только в своем Бергском замке, был найден утонувшим в озере вместе со своим лечащим психиатром профессором Гудденом. В Соединенных Штатах шла бешеная социалистическая агитация, приведшая к делу Хэймаркет, когда четверо лидеров профсоюзов, жертвы интриг администрации, были приговорены к смертной казни и повешены в Чикаго 1 мая. С тех пор эта дата отмечается каждый год социалистами во всем мире.

Если звезда Шарко находилась в зените, то его работа подвергалась серьезному сомнению в компетентных кругах, и его приравнивание неорганических травматических форм паралича к мужской истерии в общем отвергалось в немецкоязычных странах. Холодный прием доклада Фрейда в Венском обществе врачей 15 октября был лишь одним из многих признаков этого отношения[23]. В Бельгии Дельбёф объяснил свои сомнения по поводу экспериментов Шарко[24]. В Клермон-Ферране молодой профессор философии Анри Бергсон (которого ждала слава в далеком будущем) опубликовал статью «Бессознательная симуляция в гипнотическом состоянии», которая была осторожным предостережением для многих людей, занимавшихся исследованиями в этой области[25].

Другой молодой профессор философии из Гавра Пьер Жане, который был очевидцем опытов, проводившихся комиссией над Леони, проявил осторожность и решил воздержаться от проведения парап-

сихологических опытов. Он ограничился работой с только что поступившими пациентами и применением проверенных методов. В 1886 году он опубликовал результаты своей работы с пациенткой Люси, которая в ретроспективе считается первым зарегистрированным катарсическим исцелением[26].

В Нанси Бернгейм опубликовал в виде учебника расширенное и дополненное издание своего первого руководства по внушению[27]. Благодаря этой книге он стал главой школы, и студенты, изучавшие гипноз, начали стекаться в Нанси, чтобы посетить его и Льебо. Льебо, проведший свою жизнь в неизвестности, неожиданно оказался в центре внимания. Бернгейм объявил себя учеником Льебо, никогда не упускал возможности признать его заслуги, и люди дивились тому, как университетский профессор мог оказаться учеником сельского врача. Однако в Италии происходили более удивительные вещи. Энрико Морселли, который был профессором психиатрии в Туринском университете и считался чутким и разборчивым человеком, побывал на сценической демонстрации гипноза Донато, позволил этому грубому и вульгарному человеку загипнотизировать себя и имел с ним продолжительные беседы, после чего опубликовал книгу о гипнозе, посвятив тридцать страниц восхвалению Донато и нападкам на тех, кто, как утверждалось, были его плагиаторами[28].

В Англии интерес к гипнозу был связан с проблемами парапсихологии. Майерс, который в 1882 году был одним из основателей Общества психических исследований, провел внимательное исследование гипноза и того, что он называл подсознательным «я», в качестве предварительной стадии собственно парапсихологических исследований. В 1886 году Майерс подчеркнул аналогию гипнотического состояния с вдохновением и истерией и предугадал, что продолжение этого исследования приведет к непредвиденным открытиям в сфере человеческой природы[29]. В том же году Эдмунд Гурней и Фредерик Майерс опубликовали работу «Иллюзии живого», которая осталась классической в области парапсихологии[30].

В Австрии главным событием 1886 года, по-видимому, было издание книги Крафт-Эбинга «Сексуальная психопатия».

> В своем предисловии Крафт-Эбинг подчеркнул «сильное влияние половой жизни на индивидуальное и социальное существование, на области чувств, мысли и действия». В связи с этим он сослался на философию Шопенгауэра и Гартмана и высказывания Шиллера и Мишле. Он упомянул теорию Модели, согласно которой сексуальность составляет основу развития социальных чувств, и добавил, что она стимулирует использование физической энергии, влечение к стяжательству, этику и в значительной сте-

пени эстетику и религию. Сексуальность — источник как высших добродетелей, так и пороков. «Что стало бы с изящными искусствами без сексуальной основы!... Чувственность остается основой этики в целом». Следующая глава посвящена физиологии «сексуального либидо». Книга в основном содержит описание «общей сексуальной патологии», в котором Крафт-Эбинг придерживается неврологической классификации, используемой французскими авторами, различающими сексуальные неврозы «периферического», «спинномозгового» и «церебрального» происхождения. К ним он добавляет ряд неклассифицированных расстройств. Книга заканчивалась двумя главами о психотических и криминальных формах сексуальных отклонений. Она содержала сорок пять историй болезни (одиннадцать из которых были историями болезни пациентов Крафт-Эбинга)[31].

В России Тарновский также опубликовал том, посвященный сексуальным отклонениям, который пользовался большим успехом[32]. Однако именно работа Крафт-Эбинга с ее философским масштабом, а возможно, и замечательным названием, оказала на сферу сексуальной патологии такой же эффект, как и доклад Шарко в 1882 году на сферу гипноза. «Врата распахнулись», и с тех пор количество публикаций о сексуальной патологии росло из года в год. Хотя Крафт-Эбинг проявил осторожность, написав некоторые части своей книги на латыни, интерес выказали более широкие круги, нежели представители медицины. Нет свидетельств о критике, вызванной содержанием книги, если не считать замечаний по поводу ограничения ее распространения профессиональной сферой. За первым изданием, содержавшим лишь сто десять страниц, быстро последовали расширенные и дополненные издания с множеством историй болезни и существенно модифицированной классификацией.

В 1887 году широкие круги общественности интересовали дипломатические события между Германией и Францией и политические скандалы во Франции. Нескончаемые нападки на Пастера в конечном итоге вызвали вмешательство Шарко и Вульпиана в Медицинской академии, заставившее зачинщиков замолчать. Некоторые из медицинских событий этого года представляются нам более значимыми в ретроспективе, чем они казались современникам. В 1887 году Виктор Хорсли впервые провел операцию по поводу опухоли, которая сжимала костный мозг, и таким образом вылечил своего пациента. Однако континентальные невропатологи сохраняли свой скептицизм. В Австрии Вагнер-Яурегг, обративший внимание на положительное воздействие лихорадки на больных психозом, начал длинную серию экспериментов, которая много лет спустя привела его к открытию метода лечения общепаретической малярии[33].

В Европе живой интерес вызывали проблемы психических заболеваний, неврозов и гипноза. В Цюрихе Огюст Форель создал большой престиж Бургхольцли (психиатрическая больница при Цюрихском университете). Молодой немецкий писатель Г. Гауптман с пристальным интересом следил за клиническими демонстрациями Фореля и позже использовал это знание в своей литературной работе [34]. В Голландии, по возвращении из Нанси, ван Рентергем и ван Эден открыли 15 августа 1887 года в Амстердаме клинику для лечения гипнозом. В Берлине Альберт Молл прочел медицинской аудитории лекцию о методах лечения гипнозом[35]. По его словам, она была принята без особого расположения, однако вторая лекция была лучше понята. В Стокгольме Веттерштранд начал применять на практике методы лечения гипнозом, и эта практика была обречена на невероятный успех. В Париже Берийон, освоивший идеи Бернгейма, получил разрешение на проведение ряда лекций по терапевтическому применению гипноза в самой Медицинской школе, которая считалась цитаделью Шарко[36].

Считается, что 1888 год потряс мир. В Германии он назывался роковым годом: в марте в возрасте девяноста одного года умер император Вильгельм I; однако три месяца спустя умер либерально настроенный его наследник Фридрих III, от которого ожидали кардинального изменения авторитарной политики его отца, и престол унаследовал неуверенный Вильгельм II. Во Франции возрастала буланжистская лихорадка, и националисты видели в Буланже того человека, который отвоюет Эльзас и Лотарингию. Французы, которые теперь думали о союзе с Россией, с энтузиазмом подписывались на российские займы. Европейские державы вели ожесточенную конкуренцию за последние оставшиеся колонии. Когда Бразилия отменила рабство в 1888 году, остальной мир был потрясен, узнав, что оно просуществовало до тех пор.

Такова была общая атмосфера, в которой росли и развивались знания и практическое применение гипноза. В этом году Макс Дессуар выпустил в свет «Библиографию современного гипнотизма», которая содержала восемьсот одно название публикаций, но не включала названия статей о гипнотизме в популярных журналах и газетах, романов, рассказов, или пьес, основанных на гипнотизме или раздвоении личности[37]. Гипноз приобретал новых сторонников. В Швейцарии Огюст Форель съездил в Нанси, вернулся в Цюрих и, восхищаясь гипнотизмом, опубликовал книгу, в которой выразил свою веру в возможность совершения убийства под гипнозом и рассмотрел феномен сознательного и бессознательного сопротивления под гипнозом[38]. В Берлине Прейер прочел ряд лекций о гипнозе. В Бельгии Масуэн спровоцировал дискуссию о гипнозе в Бельгийской медицинской академии. Во Франции

оригинальные независимые исследования проводилась Бине в Париже и Жане в Гавре.

Гипноз также был и предметом судебных споров. Поскольку школа Нанси допускала возможность совершения преступления под гипнозом, а школа Сальпетриер ее отвергала, для словесных баталий специалистов имелись достаточные основания. Таким был знаменитый судебный процесс против Шамбижа[39]. В январе 1888 года в небольшом алжирском городке на кровати на вилле было найдено обнаженное тело мадам Гриль, рядом с которым находился двадцатидвухлетний студент-юрист Анри Шамбиж с простреленным лицом. Муж жертвы считал, что совращение его жены состоялось под гипнозом. Шамбиж сказал, что они с мадам Гриль испытывали пылкую страсть друг к другу, она захотела завершить любовную связь двойным самоубийством, и по ее просьбе он застрелил ее, а затем выстрелил в себя. Обвинение считало, что Шамбиж загипнотизировал ее или, возможно, использовал какое-то таинственное лекарственное средство, чтобы привести ее в бессознательное состояние. Шамбиж это отрицал, но, тем не менее, был приговорен к семи годам каторжных работ.

Истерия также повсеместно привлекала к себе большой интерес. Вслед за Шарко и Штрюмпелем Мёбиус в Германии определил истерию как «патологические изменения, вызванные представлениями»[40].

1889 год начался с двух сенсаций. 30 января кронпринц Рудольф, наследник престола Австро-Венгерской монархии, был найден застреленным в охотничьем павильоне Майерлинга в Венском лесу со своей возлюбленной, молодой баронессой Марией Вечера. Тайна, окружавшая эту двойную смерть, так и осталась неразгаданной. Смерть вызвала сильное потрясение у императора Франца Иосифа I и создала проблемы, связанные с престолонаследованием. Другой сенсацией был триумфальный успех Буланже на общих выборах во Франции. Энтузиазм вокруг Буланже достиг пика, и от него ожидали захвата власти, но в решающий момент он дрогнул и бежал в Бельгию. Его движение развалилось. Политический накал во Франции снизился, создав более благоприятную атмосферу для проведения международной выставки. Она была организована французским правительством, чтобы торжественно отметить столетие Революции и показать, что несмотря на поражение от Германии в 1870–1871 годах, Франция все еще остается великой державой.

Третьей сенсацией была новость о том, что Фридрих Ницше стал жертвой острого психического расстройства и его пришлось поместить в психиатрическую клинику, где он провел остаток жизни, пребывая в умственном помрачении. Эта трагедия способствовала привлечению внимания к трудам Ницше, и около двух десятилетий европейская молодежь была непомерно им очарована.

Международная выставка привлекла в Париж огромные толпы, жаждавшие посетить Эйфелеву башню, Мулен Руж и другие достопримечательности. Непрерывно проводились конгрессы, иногда по пять или шесть одновременно. У посетителей складывалось впечатление, что интеллектуальная деятельность во Франции никогда не была столь высока. Среди бестселлеров этого года были «Человек-зверь» Золя, «Таис» Анатоля Франса, «Свободный человек» Барреса, «Ученик» Поля Бурже (написанный под влиянием дела Шамбижа). Диссертация Анри Бергсона «Непосредственные данные сознания» позволила ему занять высокое положение среди философов[41]. Его коллега Пьер Жане, с блеском защитивший диссертацию «Психический автоматизм», также стал знаменитым в философских и психологических кругах[42]. Другим событием, о котором много говорили, был доклад Браун-Секара об омолаживающих воздействиях на людей инъекций экстракта тестикул, прочитанный в Биологическом обществе. В качестве подопытного субъекта он использовал себя, и коллеги считали, что он стал выглядеть значительно моложе. Это было одно из самых ранних применений эндокринологии.

Среди конгрессов, проводившихся в это время, есть интересные для нашей цели: конгрессы по физиологической психологии, гипнотизму и магнетизму. Международный конгресс по физиологической психологии проходил с шестого по десятое августа[44]. Такое название было выбрано с целью указать, что психология также является полноправной наукой и перестала быть лишь отпрыском философии. Шарко был назначен президентом конгресса, но он принес свои извинения, так что конгресс был открыт одним из вице-президентов, Рибо. Во время конгресса работали четыре секции. Первая секция под председательством Уильяма Джеймса обсуждала мышечную чувствительность. Вторая обсуждала психологическую наследственность с Гальтоном в качестве главного участника дискуссии. Третья обсуждала галлюцинации и, в частности, их распространенность у непсихотических индивидов, и это позволило Фредерику Майерсу и Уильяму Джеймсу сообщить о некоторых парапсихологических феноменах. В четвертой секции, посвященной гипнотизму, столкнулись три теории. Бернгейм защищал позицию Нанси, а именно то, что загипнотизировать можно любого, хотя и с оговоркой, что предварительным условием является определенная восприимчивость. Жане утверждал, что истерических и изнуренных индивидов можно загипнотизировать. Окорович считал, что гипнотизируемость является индивидуальным состоянием, которое можно обнаружить и у нормальных, и у больных индивидов.

Международный конгресс по гипнотизму проходил в Отель-Дьё в Париже с восьмого по двенадцатое августа[45]. Он широко рекламиро-

вался, и на нем присутствовали журналисты тридцати одной газеты (необычная черта в то время), включая мюнхенский «Sphinx» и нью-йоркский «Sun». Делегаты были столь многочисленны, что аудитория не смогла всех вместить. Среди участников были Азам, Бабинский, Бине, Дессуар, Зигмунд Фрейд, Уильям Джеймс, Ладам, Ломброзо, Майерс, Альберт де Роша, ван Эден и ван Рентергем, странная смесь философов, невропатологов, психиатров и практикующих гипнотизеров. Конгресс был открыт Дюмонпалье, первопроходцем в исследовании гипноза, который напомнил длинный перечень первых исследователей и в заключение отметил, что «гипнотизм является экспериментальной наукой; его развитие неизбежно». Затем Ладам из Женевы прочел доклад с нападками на Дельбёфа и поддержал запрет на сценические демонстрации гипноза. Этот доклад вызвал оживленную дискуссию. Ван Рентергем и ван Эден привели описание Клиники суггестивной психотерапии, которую они открыли в Амстердаме два года назад. (Быть может, впервые на конгрессе было употреблено слово «психотерапия».)

Следующий день, девятое августа, начался с сообщения Бернгейма о сравнительной ценности различных методик, используемых для стимулирования гипноза и усиления внушаемости, с терапевтической точки зрения. Он заявил: «Вы не гипнотизер, если загипнотизировали двух или трех индивидов, которые сами себя загипнотизировали. Вы — гипнотизер, когда в отделении больницы, где вы пользуетесь авторитетом у пациентов, вы влияете на восемь или девять субъектов из десяти». Доклад Бернгейма вызвал оживленную дискуссию; Пьер Жане объявил высказывания Бернгейма опасными, потому что они влекли за собой исключение любой формы детерминизма, и антипсихологическими, потому что психология, подобно физиологии, также имеет свои законы. Бернгейм ответил, что существует один основной закон: любая клетка мозга, активированная идеей, стремится реализовать эту идею.

Третий день, десятое августа, был посвящен клиническому применению гипнотизма с историями болезни. Марсель Бриан рассказал историю одной из своих пациенток, которая каждую ночь в один и тот же час громко вскрикивала[46]. Внушение «ты не должна вскрикивать» не помогало. Бриан предложил ее мужу спросить ее во время кризиса, в чем дело. Муж сообщил, что она видела себя заживо погребенной. Поэтому Бриан расспросил ее под гипнозом обо всей сцене похорон и сказал ей, что в нужный момент он ее спасет, и на этом ночные кошмары закончатся. Пациентка вылечилась, но Бриан решил закрепить эффект, повторно проведя занятие через пять дней и еще одно занятие месяц спустя. Затем Буррю и Бюро рассказали историю болезни сорокапятилетней женщины, которая, после ряда жизненных невзгод, стала страдать от серьезных истерических припадков. Она попросила прове-

сти гипноз, будучи уверенной, что это позволит воссоздать приятное событие, которое произошло два года назад. Под гипнозом она вновь пережила счастливое время, и симптомы временно исчезли. Затем она вспомнила в бодрствующем состоянии свою жизнь и приятное время. С этого момента пациентка прибрела двойственную личность с чередованием болезни и счастья. Из этой истории болезни можно было бы заключить, что автор достиг ограниченного успеха, трансформировав пациентку из постоянно больной в периодически здорового человека; но доклад содержит замечательное высказывание:

> Недостаточно вести борьбу поочередно с каждым патологическим феноменом с помощью внушения. Феномены могут исчезать, а болезни оставаться. Это лишь терапия симптомов, не что иное, как средство для достижения цели. Реальное и длительное улучшение было достигнуто только тогда, когда внимательное последовательное наблюдение привело нас к самому истоку болезни ... Выяснение этих галлюцинаторных кризисов вызвало идею о возвращении пациентки к этому периоду ее жизни посредством стимулирования изменения в ее личности.

Авторы объясняли терапевтический эффект этих кризисов тем, что кризисы представляют собой некоторую разновидность разрядки или взрыва.

Одиннадцатого августа участники посетили больницу в Вилежуиф. Двенадцатое августа, последний день конгресса, был посвящен визиту в Сальпетриер. Достаточно характерно то, что делегатам показали не отделение Шарко, а отделение психиатра Огюста Вуазена, который заявил, что способен загипнотизировать одного из десяти психотиков, улучшив состояние многих из них с помощью этого метода. На одном из заседаний доклад Льежуа о «Преступном внушении» вызвал дискуссию с резкими обвинениями, и Дельбёф дал резкий ответ на критику Ладама от восьмого августа.

Примечателен тот факт, что на конгрессе доминировали Бернгейм и школа Нанси, и почти никто из школы Сальпетриер, за исключением Жоржа Жилль де ля Туретт и Пьера Жане, не участвовал в дискуссиях.

Международный конгресс по магнетизму, который проходил с двадцать первого по двадцать шестое октября 1889 года под председательством графа Константина, подтвердил, что, несмотря на недавнюю широкую популярность гипнотизма, магнетизм не умер[48]. На конгрессе присутствовали не только многие непрофессионалы, занимавшиеся магнетизмом в тени официальной медицины, но и врачи; конгресс гордился тем, что пользовался расположением знаменитостей. Камиль

Фламмарион написал письмо с извинением за свое отсутствие, сообщив, что он побывал «на планете Марс», т. е. заканчивал географическое исследование этой планеты. Участники дискуссий подчеркивали, что их учителем был Месмер, магнетизм не следует путать с гипнотизмом и магнетический сон не обязательно является частью магнетического лечения болезни. Язвительные замечания были высказаны по поводу работы Шарко. Рекомендовалось основать школу лечебного магнетизма, в которой будущие магнетизеры будут проходить обучение.

1889 год был удачным для динамической психологии. В медицинских журналах в Париже много места занимали статьи Шарко и репортажи о его лекциях. Очевидно, он становился более сдержанным по отношению к гипнотизму и, что характерно, прочел лекцию о травмах, вызванных гипнозом[49]. Последние исследования по гипнозу и истерии, проведенные Альфредом Бине, а также вновь опубликованная диссертация Жане о «Психическом автоматизме», служили доказательством для общественности, что теории Шарко развивались в новых направлениях. В своем отделении в Сальпетриере Шарко создал психологическую лабораторию, которой должен был руководить Пьер Жане, приступивший к медицинским исследованиям и лечению истерических пациентов и преподававший в то время философию в лицее Луи Ле Гран.

Однако, мы уже видели, школа Нанси неуклонно продвигалась вперед. Льебо воспользовался запоздалой славой, чтобы опубликовать переработанное издание своей книги[50]. Форель открыл в Цюрихе амбулаторное отделение, в котором проводил лечение гипнозом. В Берлине Молл наконец нашел восприимчивую аудиторию и опубликовал книгу о гипнотизме[51]. В Монпелье Грассе прочел ряд лекций о гипнотизме и приступил к созданию своей собственной теории. Однако в Вене Мейнерт подчеркивал значение эротического элемента в гипнозе, а один из его учеников, Антон, опубликовал впечатляющие примеры опасностей метода[52]. Среди сторонников гипнотизма был Зигмунд Фрейд, который по пути в Париж заглянул в Нанси, чтобы поучиться у Бернгейма и Льебо.

Дессуар[53] в Германии и Эрикюр[54] во Франции постарались подытожить приобретенные знания о бессознательной психике. Мориц Бенедикт опубликовал истории болезни, иллюстрирующие его наблюдения над тайной жизнью грез и подавленных эмоций (особенно сексуального рода) и об их роли в патогенезе истерии и неврозов[55].

Сексуальная психопатология составляла другую сферу, все более привлекавшую к себе интерес. Врачи не только описывали и классифицировали различные виды сексуальных отклонений, но также изучали замаскированные воздействия сексуальных расстройств на эмоцио-

нальную и психическую жизнь. Таковы были публикации Александра Пейера в Цюрихе по поводу пагубных воздействий прерывания коитуса и особенно его проявлений в виде «сексуальной астмы»[56].

Упадок школы Сальпетриер: 1890–1893

Конгресс по гипнозу дал первый отдаленный намек на закат звезды Шарко и полное развитие школы Нанси. В период с 1890 по 1893 год то есть вплоть до момента смерти Шарко, школа Сальпетриер утратила силу. Недруги Шарко говорили, что он не обращал внимания ни на какую работу, проделанную вне школы Сальпетриер. Скорее всего, он был встревожен нарастающим потоком сомнительных публикаций о гипнотизме.

В представлении современников, 1890 год был годом большой социально-политической напряженности и метания бомб анархистами, однако в анналах медицинского мира он известен как год туберкулина. Роберт Кох, открывший туберкулезную бациллу и известный тщательностью проведения экспериментов, приготовил туберкулин из культуры бацилл. Ранние эксперименты привели медиков к убеждению, что туберкулин мог оказывать лечебное действие на туберкулез. Эта новость вызвала невиданную сенсацию среди больных туберкулезом и их врачей. Врачи устремились в Берлин, чтобы запастись туберкулином, и полные надежд пациенты почувствовали временное улучшение, так что поспешно опубликованные репортажи еще больше усилили надежду. Понадобилось несколько месяцев, чтобы всплыла ужасная правда, а именно то, что пациенты, которых лечили новым методом, умирали сотнями и тысячами[57].

В области психологии важным событием было опубликование «Принципов психологии» Уильяма Джеймса[58]. Известный гарвардский психолог проработал двенадцать лет над книгой, которая была первым главным трудом в этой области, появившимся в Соединенных Штатах, и длительное время пользовалась успехом по обеим сторонам Атлантики. В этом учебнике рассматривались не только различные аспекты экспериментальной психологии, но и проблемы гипноза, двойственной личности, психических исследований.

А тем временем публикации о гипнозе стали столь многочисленны, что уследить за ними было невозможно. К восемьсот одному названию в своей библиографии по современному гипнотизму, изданной в 1888 году, Макс Дессуар добавил приложение с тремястами восемьюдесятью двумя новыми названиями книг. Многие из этих книг были посвящены проблеме совершения преступления под гипнозом. Эта проблема была не только теоретической; она вызвала жаркие споры специалистов в судах и страстные дискуссии в обществе и газетах.

Одно памятное судебное разбирательство 1890 года было посвящено делу Габриэль Бомпар[59]. В июле 1889 года в Париже был убит судебный пристав Гуффе. Несколько месяцев спустя молодая женщина Габриэль Бомпар приехала в Париж и призналась в совершении убийства совместно с сообщником Мишелем Эйро. Она заявила, что была загипнотизирована своим любовником Эйро, чтобы завлечь Гуффе в квартиру, где она обвязала веревку вокруг его шеи, а затем Эйро задушил и ограбил его. После признания Эйро был арестован в Гаване и подвергнут экстрадиции, но он отрицал тот факт, что загипнотизировал Габриэль. Эйро был приговорен к смертной казни, а его сообщница — к двадцати годам тюремного заключения. Общественное мнение было взволновано этим преступлением и спорами специалистов в суде. Приводя доводы в пользу возможности совершения преступления под гипнозом, Льежуа выступал в качестве представителя школы Нанси. Ему оппонировали известные специалисты Бруардель, Моте и Балле, апеллировавшие к авторитету Шарко при отрицании такой возможности. Даже многие годы спустя Бернгейм считал, что Габриэль Бомпар действовала под гипнозом, добавляя, однако, что у нее отсутствовало врожденное моральное чувство[60].

Теорию совершения преступления под гипнозом могли дискредитировать и другие причины. Грассе рассказал о девятнадцатилетней истерической женщине, которая, узнав о своей беременности, заявила, что была загипнотизирована каким-то торговцем[61]. Специалисты, в свою очередь, загипнотизировали ее и таким образом получили подробные сведения о предполагаемом изнасиловании. Торговец, несмотря на отрицание своей вины, был арестован. Случилось так, что доношенный ребенок родился на два месяца раньше ожидаемого срока. Тогда мать новорожденного призналась, что ее обвинения против торговца были ложными и ее гипнотические занятия со специалистами были целиком симулированы.

В 1891 году Шарко героически защищал свои позиции от нападок школы Нанси. Его ученик Жорж Жилль де ля Туретт опубликовал свой замечательный «Трактат об истерии», синтез теории Шарко и опровержений его оппонентов[62]. Тем временем Пьер Жане, новая звезда в Сальпетриере, разрабатывал свой психологический анализ. В этот год он опубликовал историю Марселлы, в которой подробно проанализировал связь между симптомами, бессознательными навязчивыми идеями и конституциональной основой[63].

25 мая в Нанси проводилась церемония в честь Льебо, уходившего в отставку, с обычным банкетом, речами и подарками. Это позволило увидеть, как много сторонников приобрела школа Нанси во всем мире[64]. Была учреждена премия Льебо за исследования в области гипнотизма.

В Вене Мориц Бенедикт переформулировал свою теорию истерии, утверждая, что ее основа состоит из врожденной и приобретенной восприимчивости нервной системы, но ее действительная причина — либо психическая травма (у мужчин или женщин), либо функциональное расстройство генитальной системы, либо половая жизнь, которую женщина будет хранить в тайне даже от ближайшего родственника и семейного врача[65]. Бенедикт заявил о тщетности гипнотического лечения истерии и о необходимости психотерапии на сознательном уровне. Криминолог Ганс Гросс из Граца опубликовал в 1891 году свой «Учебник следователя по уголовным делам», который содержал проницательные наблюдения по поводу вредных воздействий различных масок, под которыми скрывается фрустрированный половый инстинкт[66]. В это время внимание Зигмунда Фрейда было все еще в основном приковано к неврологии. Он опубликовал статьи о корковом параличе и книгу об афазии.

1892 год производит впечатление особенно неспокойного года, изза многочисленных покушений анархистов на преступления в Европе и Америке.

В Париже звезда Шарко определенно закатывалась, и он впервые потерпел серьезную неудачу. Шарко хотел, чтобы Бабинский занял пост профессора (скорее всего, он видел в нем своего преемника); но Бушар сумел воспротивиться воле Шарко, в результате чего Бабинский никогда не получил пост профессора и его университетская карьера провалилась. На него произвело сильное впечатление зрелище того, как некоторые из его пациентов возвращались из Лурда, освободившись от симптомов (не только истерических форм паралича, но также опухолей и язв), и он пришел к заключению, что существовали неизвестные мощные исцеляющие факторы, которые медицина будущего должна научиться контролировать[67]. Шарко также старался распространить на другие области различие, которое он провел между органическими и динамическими формами паралича. Знаменитая пациентка, известная как мадам Д., послужила прототипом для демонстрации различия между органической и динамической формами амнезии[68]. Эту же пациентку передали Жане для проведения психотерапии, и это стал один из его наиболее известных случаев лечения с помощью психологического анализа[69].

В Сальпетриере Жане активно вел исследования совершенно независимо от неврологического персонала. Его лекции по истерической амнезии и анестезии, статья о спиритизме, в которой он дал динамическую психологическую интерпретацию феноменам, наблюдаемым в состоянии медиума, привлекли к себе внимание[70]. Его психологический анализ нескольких выбранных пациентов создал модель для последующих исследований и лечения. Если бы он опубликовал в то

время книгу с историями болезни Люси, Марселя, мадам Д. и других пациентов, которых он уже с успехом вылечил, никто бы не поставил под сомнение его приоритет относительно открытия того, что позже стало называться катарсической терапией. Как показывает медицинская диссертация Лорана о патологических изменениях в области сознания, Жане становился источником вдохновения и для других исследователей[71].

Тем временем влияние школы Нанси распространялось на всю Европу. Это стало очевидно на Втором международном конгрессе по психологии, проходившем в Лондоне с первого по четвертое августа[72]. Первый конгресс, состоявшийся тремя годами раньше, был назван конгрессом по физиологической психологии, но по желанию некоторых участников на конгрессе было принято решение о замене слова «физиологический» словом «экспериментальный». Президентом второго конгресса был Сиджвик, а общим секретарем — Ф. Майерс. Одним из первых был доклад Жане о «Непрерывной амнезии» с тремя клиническими наблюдениями. Самой длинной была история мадам Д. Жане показал, что эта пациентка, по-видимому, неспособная приобретать новые воспоминания и сразу же забывавшая вещи, обладала подсознательно сохранившейся памятью, которая скрывалась за фасадом очевидной амнезии. Жане использовал три средства: гипноз, автоматическое письмо и автоматическую речь (новая методика, которая заключалась в том, чтобы побудить пациента к произвольной беседе). Таким образом он сумел добраться не только до бессознательных навязчивых идей и бессознательных сновидений, но также модифицировать их и вернуть пациентке большую часть ее воспоминаний, когда она возвращалась в сознательное состояние.

Фредерик ван Эден, молодой голландский врач и поэт, открывший вместе с ван Рентергемом клинику суггестивной терапии в Амстердаме, обсудил «теорию психотерапии». Термин «психотерапия», введенный Х. Тюком, определялся как «лечение организма с помощью психических функций пострадавших». Ван Эден теперь определил «психотерапию» как «лечение организма умом, подкрепленное передачей импульса от одного ума к другому». «Централизация психических функций должна быть главным принципом психотерапии, — сказал ван Эден, — при этом центром должен быть интеллект и сознательная воля». Психотерапия должна руководить и наставлять, но не командовать, и лучшим средством для достижения этой цели является обучение. Замечание «психотерапия не исцеляет целиком и на длительное время» представляется нелепым. Школа Нанси доминировала в большей степени, чем на первом конгрессе. Единственный, кто вмешался, — это Жане, отметивший, что существует такая вещь, как гипноз.

Потребность в новой психологии, более широкой, чем просто гипнотизм и суггестия, проявлялась во всей Европе. Другим примером служит вступительная лекция Штрюмпеля «К вопросу о причине и лечении болезней с помощью умственных представлений», которая была прочитана 4 ноября 1892 года, в день избрания его проректором Эрлангенского университета.

Штрюмпель напомнил, что влияние психологических факторов в этиологии соматических заболеваний известно с незапамятных времен, хотя некоторые люди более восприимчивы, чем другие. Если психологические факторы могут вызывать болезнь, они также могут и исцелять. Многие исцеления обусловлены не столько лекарственными препаратами, сколько верой пациентов в их эффективность. Сегодня мода требует применения гипноза и суггестии. На самом деле гипноз эффективен в той мере, в какой пациент верит в его силу и не сознает его истинную природу. Нормальный человек, который в точности знает, что такое гипноз, едва ли будет загипнотизирован, не говоря уж о том, что гипноз является тяжелой формой искусственной истерии. Любое исцеление, обусловленное гипнозом, может быть вызвано и другими средствами. Гипнотизм не получил бы столь широкого распространения, если бы молодые врачи получили лучшее психологическое образование. В заключение своей речи Штрюмпель выразил надежду, что психология станет обязательным предметом в медицинских школах, как это произошло с физиологией[73].

Общий интерес к новым формам психотерапии нашел выражение в романе Марселя Прево «Осень женщины», опубликованном в конце 1892 года с указанием даты издания 1893 год и стихотворной строкой Альфреда де Виньи в качестве эпиграфа: *Il rêvera partout à la chaleur du sein* («Повсюду он грезит о тепле груди»).

Молодой человек, Морис, необычайно испорченный в детстве матерью и привязанный к ней, ищет женщин с материнской натурой. У него роман с фрустрированной женщиной, которая чувствует, что стареет, и эта любовь имеет трагический оттенок из-за незрелости Мориса и оттого, что его возлюбленную, мадам Сурже, религиозную женщину, терзает чувство вины. С другой стороны, ее приемная дочь Клер страстно влюблена в него, и после легкого флирта с ней Морис считает, что она станет его женой, когда он устанет от своего приключения. А тем временем семья устроила помолвку Клер со старым мужчиной, которого Клер уважает, но не любит. Клер погружается в глубокую депрессию, вызванную тайной, которую она никому не осмеливается открыть. Ее состояние ухудшается, и она уже при смерти, когда о ее тайне догадывается доктор Домье, молодой невропато-

лог из Сальпетриера, и добивается от нее признания. Необычайно искусный психотерапевт, доктор Домье блестяще справляется с ситуацией в целом и заставляет каждого из персонажей осознать глубинную причину его неприятностей. Он показывает Морису, какова реальная ситуация, и успешно апеллирует к его чувству ответственности. Морис порывает с мадам Сурже и решает жениться на Клер, которая в результате быстро выздоравливает. Что касается мадам Сурже, то доктор Домье помогает ей преодолеть шок от разрыва с Морисом и направляет к священнику, который примиряет ее с религией. Что касается серьезного джентльмена, с которым была помолвлена Клер, то доктор Домье помогает ему осознать свое истинное призвание — быть священнослужителем[74].

Этот роман интересен в двух отношениях. Он содержит психологический анализ нескольких персонажей. Морис, которому не хватало авторитета отца и который был испорчен матерью, представляет собой невозмужалого безответственного молодого человека, ищущего преходящих приключений или любви старших по возрасту женщин материнского типа. Болезнь Клер начинается в виде обычной депрессии, которая постепенно достигает тревожных размеров, а затем у нее происходит кровотечение, приведшее ее на край гибели. Она быстро исцеляется, когда раскрывается патогенный секрет и находится средство для исполнения ее желания. (В наше время ее состояние назвали бы психосоматическим заболеванием.) Другая замечательная черта романа заключается в изображении психотерапевта доктора Домье с его острым восприятием, мастерством в разгадывании ситуации, тактом, которым он пользуется в беседе с каждым персонажем. У тех, кто знаком с личностью и психотерапией Пьера Жане, едва ли возникнут сомнения в том, что писатель использовал его в качестве прототипа для своего персонажа. Психотерапевтические методики доктора Домье также напоминают методики, применявшиеся Бенедиктом в Вене, когда исследуются тайные проблемы пациента, находящегося в сознательном состоянии, а затем исцеление обеспечивается оказанием ему помощи в решении этих проблем.

Таким образом, можно видеть, что в 1892 году существовал выбор различных видов психотерапии, от гипнотической суггестии и катарсиса до комбинации поддерживающей, экспрессивной и директивной терапии. Такова была ситуация в начале решающего 1893 года.

1893 год был еще одним годом социально-политического напряжения во всем мире. Русская флотилия нанесла визит в Тулон, и французское население оказало ей триумфальный прием. Это было подготовительное мероприятие к заключению франко-русского союза. Французы воспринимали его как освобождение от угрозы германской мощи; ба-

ланс сил теперь был восстановлен (Германия, Австро-Венгрия и Италия с одной стороны, и Франция и Россия с другой). Между тем французы были склонны расширить свою уже огромную колониальную империю. Как никогда была высока активность анархистов, и 9 декабря анархист Веллан бросил бомбу в палате депутатов. За этим инцидентом последовала знаменитая фраза президента: *«Messieurs, la séance continue»* («Господа, заседание продолжается»).

После открытия Пастером профилактического лечения бешенства открытие его учеником Ру антидифтерийной сыворотки торжественно отмечалось во Франции как триумф французского гения.

В Сальпетриере постепенно появлялись новые тенденции. Пока Жане проводил психологический анализ истерии, Бабинский искал точные неврологические критерии определения истерических симптомов и их отличия от органических симптомов (это должно было привести его к открытию кожно-подошвенного рефлекса или «рефлекса Бабинского»).

В Вене с невиданной прежде яростью шла битва за и против гипноза. Крафт-Эбинг опубликовал результаты ряда исследований по гипнозу, которые были встречены неистовой критикой со стороны Бабинского, причем не только в медицинских собраниях, но и в ежедневных газетах[75]. Зигмунд Фрейд, чья репутация как невропатолога к тому времени упрочилась, становится известным в области нейропсихиатрии. Мы видели, что в 1893 году Фрейд все еще лечил пациентов по методу Бернгейма, но также отдал должное и Шарко, написав статью о различии органических и истерических форм паралича[76]. Фрейд, очевидно, не понимал тех событий, которые происходили в Париже. Его статья была написана в духе доктрины школы Сальпетриер 1886 года, однако с учетом нового направления, открытого Бабинским, она казалась в 1893 году несколько устаревшей. Тем не менее Фрейд написал совместно с Брейером статью «О психическом механизме истерических феноменов», предложив новую теорию, комбинацию концепций Жане и Бенедикта. Эта статья получила положительный прием. В течение одного месяца в «Revue Neurologique» появилась объективная обзорная статья; были обзорные статьи и в немецких журналах[77]. Оберштейнер упомянул статью в своей книге о гипнозе как «весьма интересное применение гипнотической суггестии»[78]. В Англии Майерс установил, что она подтверждает его взгляды на сублиминальную самость[79]. Майкл Кларк поместил в журнале «Brain» развернутый и сочувственный комментарий[80]. В Бельгии Даллемань дал хороший обзор теории Брейера–Фрейда и высказал несколько оговорок[81]. Жане писал: «Я рад видеть, что результаты моих уже старых исследований были недавно подтверждены двумя немецкими авторами, Брейером и Фрейдом»[82]. Бенедикт, который, подобно

Жане, был упомянут в сноске, критически отозвался о статье и сказал, что Брейеру и Фрейду, должно быть, действительно посчастливилось найти такой необычайно удачный набор клинических случаев[83].

Внезапная смерть Шарко, наступившая 16 августа 1893 года, вызвала потрясение во Франции и во всем научном мире. Шарко, как отмечалось в другом месте, был окружен множеством недругов, стремившихся использовать каждый инцидент против него[84]. Шарко критиковали за его позицию в деле Вальрофа, когда домашний слуга Вальроф, покушавшийся на убийство хозяйки дома и ее горничной, заявил, что он действовал в сомнамбулическом состоянии. Обвиняемый утверждал, что действовал совершенно бессознательно[85]. Обратились за советом к Шарко. Он уклонился, приведя описание сомнамбулического состояния, но ничего не сказал о его применимости к недавнему состоянию Вальрофа. В это время с необычайной яростью велась кампания за общие выборы. Общественное мнение было встревожено финансовыми скандалами. В июне в палате депутатов нескольких политических деятелей обвинили в подкупе англичанами через посредничество финансиста Корнелиуса Герца. Представленные в качестве доказательства документы оказались поддельными, но Герц, обвиненный в растрате, бежал в Англию. Англичане отказались выдать его французским властям, потому что он был серьезно болен. Французы отправили Шарко с другим медицинским экспертом в Англию, чтобы составить отчет о состоянии Герца. Шарко критиковали за составление прогноза о смерти этого человека в течение двух недель (на самом деле он пережил Шарко). Июль начался со студенческих демонстраций в Париже, и в кафе случайно был убит молодой человек. Это послужило сигналом для сильных студенческих беспорядков, которые были поддержаны рабочими. В течение четырех дней Латинский квартал был перегорожен баррикадами. Погода была нестерпимо душной, отчего работа над окончанием диссертации в Медицинской школе становилась невыносимой. 29 июля Жане с блеском защитил медицинскую диссертацию перед комиссией под председательством Шарко. Приготовления к общим выборам послужили поводом для яростной полемики, которая в ряде случаев приняла форму актов насилия.

В этих тревожных обстоятельствах Шарко покинул Париж незадолго до 15 августа, отправившись на отдых в район Морвана в сопровождении двух своих любимых учеников, Дебова и Штрауса. Русский врач Любимов рассказал о том, как он поехал туда, чтобы доставить Шарко домой и, не зная о близящемся конце, был потрясен выражением страдания Шарко[86]. Однако Шарко согласился с требованием Любимова, и таким образом Шарко увидел своего последнего пациента по дороге от дома до железнодорожной станции. На следующий день казалось,

что Шарко выздоравливает, но поздно вечером он почувствовал себя больным и позвал своих спутников. Они сделали ему инъекцию морфина и оставили спать. На следующее утро, 16 августа, они нашли его мертвым[87]. Похоронили Шарко с национальными почестями. В часовне Сальпетриера состоялась внушительная церемония с представителями правительства, государственной администрации, научных учреждений и множеством сопровождающих лиц. Несколько медицинских журналов вышло в свет с обложками в черной рамке, а газеты содержали множество подробностей — точных и неточных — о карьере и смерти Шарко. Говорили, что в утро его смерти делегация взволнованных истерических пациентов пришла к директору больницы с вопросом, не случилось ли что-нибудь с Шарко, потому что им приснилось, что Шарко мертв. Некоторые некрологи были написаны в двусмысленном тоне. «Figaro» от 17 августа подчеркивала гений Шарко и его великие научные достижения, но в то же время извлекла на свет божий старые обвинения в необыкновенной гордыне, всепоглощающем эгоизме и стремлении к величию, граничащем с театральностью. Доктор Антуан Эмиль Бланш, умерший в тот же день, восхвалялся как врач старой школы, который умел писать доступные для понимания отчеты, был человечным и сострадательным, и пациенты были для него людьми, а не историями болезни.

В медицинских журналах Франции и в других странах появилось много сообщений о смерти Шарко. Одно из первых сообщений появилось в «Wiener Medizinische Wochenschrift» от 9 сентября 1893 года за подписью доктора Зигмунда Фрейда[88]. Автор, с гордостью приведший личные воспоминания, сравнивал Шарко с Адамом, который давал имена животным, и с Пинелем, который освобождал безумцев от оков, подобно тому как Шарко давал названия неизвестным болезням в Сальпетриере и освобождал истерические припадки от оков предрассудков. В отношении невропатологической работы Шарко Фрейд высказал полное одобрение; в отношении его работы по истерии Фрейд отметил новаторский подход к ее интерпретации. В отношении гипноза Фрейд признал серьезные, хотя, быть может, и узкие исследования Шарко.

В глазах современников написанный Фрейдом некролог Шарко был лишь одним из многих некрологов, написанных во всей Европе. Во Франции после написанных учениками Шарко панегирических некрологов появилась вдумчивая статья Жане со сдержанными указаниями слабых мест в методологии Шарко[89]. Как ни странно, первую книгу о Шарко написал русский врач Любимов, который двадцать лет был знаком с Шарко и записал интересные сведения о нем, которые невозможно нигде найти. Общее впечатление было таким, что заменить

Шарко будет очень трудно, и с его кончиной закончилась эра в истории психоневрологии.

Господство и упадок школы Нанси: 1894–1900

Со смертью Шарко, казалось, закончилось господство школы Сальпетриер. Последние годы Шарко сдавал позиции школе Нанси, и отклики против идей Шарко появлялись также и в самой школе Сальпетриер. В экспериментах с истерическими пациентами было столь много неясных элементов, что требовалась более прочная основа для исследований. Отклики были двух видов; были отклики таких исследователей, как Жане, которые положительно отзывались о проведении психологических исследований объективными критическими методами, но большинство учеников Шарко отвергало психологический метод в пользу невропатологического. Наследник Шарко, профессор Ф. Реймон, занял среднюю позицию. Он склонялся к невропатологическому подходу, но поощрял применение Жане психологического метода. Теперь школа Нанси, казалось, господствовала и распространялась, но при этом «размывалась» ее доктрина. Бернгейм начал с гипнотического сна, и впоследствии сосредоточился на суггестии. Смысл слова «суггестия» становился все более неясным, и постепенно его заменил новый, модный термин «психотерапия».

Поиск новых форм психотерапии: 1894–1896

В 1894 году политическое верховенство Европы было все еще бесспорным, однако предостережением должны были послужить два события. Япония по собственной инициативе объявила войну Китаю и после быстрой победы сделала Корею «протекторатом». Турецкий султан Абдул Хамид II выбрал армян в качестве козлов отпущения и вырезал восемьдесят тысяч армян. До этих пор европейские страны обычно вмешивались, объявляя войну или угрожая войной, когда турки устраивали резню христиан. Однако на этот раз, несмотря на негодование христианских стран, Кровавый Султан не столкнулся с эффективным противодействием, и это означало моральное поражение для Европы. В это время в Европе продолжалась активность анархистов, и был убит французский президент Сади Карно. Умер царь Александр III, и политика, которую будет проводить его наследник, Николай II, стала предметом беспокойства для остальной Европы.

В Париже негативное отношение к Шарко вскоре проявилось как в самой школе Сальпетриер, так и вне ее стен[90]. Тем не менее Жане, которому благоприятствовало отношение благосклонного нейтралитета Реймона, опубликовал две из своих знаменитых историй болезни:

Жюстины и Ахилла[91]. Однако Бернгейм теперь считал себя великим вождем психотерапии, и его влияние неуклонно ширилось.

В немецкоязычном мире некоторый интерес вызвало «Предварительное сообщение» Брейера и Фрейда; однако те, кто прочел труды Жане, не увидели в этой статье ничего особенно нового. Но Фрейд теперь настаивал на различиях между его теориями и теориями Жане и в 1894 году опубликовал статью о «защитных неврозах», в которой он занял позицию, противоположную позиции Жане.

События 1895 года представлялись тем, кто жил тогда, как губительные для престижа западного мира. Вопреки протестам со стороны христианских держав резня армян продолжалась, и в Европе пробуждался антисемитизм. Во время выборной кампании на пост мэра Вены был избран вождь антисемитов Карл Люгер, хотя насилия по отношению к евреям или их собственности практически не было. Во Франции антисемитизм группировался вокруг дела Дрейфуса. Капитан Альфред Дрейфус был обвинен в измене, лишен звания и приговорен к каторге на острове Дьявола. В этом же году были сделаны два великих научных открытия: рентгеновское излучение открыл Рентген, а кинематограф — Люмьер. Пастер, умерший 28 сентября, был похоронен с национальными почестями как один из самых великих ученых всех времен, и французы считали, что теперь историю медицины можно разделить на два периода: до и после Пастера.

В Париже Жане опубликовал ряд статей, иллюстрирующих роль подсознательных идей в этиологии истерических симптомов, реакций бегства и даже мышечных судорог. Однако образованная публика благосклонно отнеслась к «Психологии толпы» Гюстава Ле Бона, которая, как считалось, дала новый ключ к пониманию социологии, истории, и политологии[93].

В Вене Зигмунд Фрейд, изучавший неврозы, становился соперником Пьера Жане. Об этом свидетельствуют его статьи по психиатрии истерии, неврозам тревоги, статья на французском языке о навязчивых состояниях и фобиях (с его теорией четырех типов неврозов и их специфической сексуальной этиологией) и, самое главное, его совместный с Брейером труд «Исследования истерии»[94]. Эта книга, как мы видели, содержит описание истории болезни пациентки Брейера Анны О. и четырех историй болезни пациентов Фрейда. Заметна эволюция со времени издания «Предварительного сообщения»: из этих четырех пациентов только двое лечились под гипнозом, а двое других лечились методом прямого решения их проблем в бодрствующем состоянии, который во многом походил на метод Бенедикта.

Традиционное мнение, что «Исследования истерии» не увенчались успехом, явно противоречит фактам. Умпфенбах писал, что пять исто-

рий болезни очень интересны и оба автора пришли к концепциям Жане и Бине[95]. Блейлер дал объективный отзыв об этой книге и высказал несколько оговорок (не исключено, сказал он, что терапевтический успех катарсического метода есть просто результат суггестии); он рассматривал книгу как одну из самых важных книг, опубликованных за предыдущие годы[96]. По словам Джонса, книга была встречена непонимающей и пренебрежительной критикой Штрюмпеля, но получила очень благоприятный отзыв Дж.М. Кларка. На самом деле Штрюмпель и Кларк высказали одинаковую похвалу и одинаковые критические замечания, хотя и по-разному сформулированные. Штрюмпель сказал, что «оба автора, с большим искусством и психологическим проникновением, позволили нам глубже понять психическое состояние истерических пациентов, и их высказывания содержат много интересного и стимулирующего»[97]. Он не подвергал сомнению терапевтический успех Брейера и Фрейда, но ставил вопрос, в какой мере мы вправе исследовать самые сокровенные тайны наших пациентов и действительно ли сказанное пациентом под гипнозом соответствует истине, потому что истерические пациенты, находясь под гипнозом, способны придумывать романтические истории. Эти же возражения (которые Джонс считает пренебрежительными в устах Штрюмпеля) высказал Кларк, который написал: «Я не рассматриваю вопрос целесообразности столь интимного проникновения в личные мысли и проблемы пациента» и «по-видимому, пациентам, по крайней мере во многих случаях, это очень не нравится. Можно вновь и вновь подчеркивать, что при изучении истерических пациентов необходимо учитывать большую готовность, с которой они реагируют на суггестию, так как здесь, быть может, и таится слабое место метода исследования»[98]. Опасность, добавляет он, «заключалась бы в том, что пациенты высказывались бы в соответствии с малейшим внушением», даже совершенно неосознанно, со стороны исследователя. В Англии Майерс также похвально отозвался о книге, в которой он увидел подтверждение его собственных взглядов и исследований Бине и Жане во Франции[99]. Х. Эллис горячо отозвался о книге и сказал, что Брейер и Фрейд «открыли дверь», добавив, что «будущие успехи в объяснении истерии, по-видимому, должны лежать в сфере дальнейшего психического анализа»[100]. История Анны О. была использована Бресслером[101] при изучении пациентки Блумхардта и ее исцеления с помощью заклинаний[102]. Предложенная Брейером и Фрейдом теория истерии, сказал Бресслер, может помочь нам обрести научное понимание этого случая. В Будапеште Раншбург и Хайос дали сравнительный обзор теории истерии Жане, Брейера и Фрейда, признав достоинства обеих теорий, хотя они и не приняли критику Брейером концепций Жане[103]. Наиболее объективный отклик поступил от Крафт-Эбинга, который сказал, что он

опробовал метод Брейера–Фрейда на нескольких истерических пациентах и установил, что выявления причинной травмы недостаточно для устранения симптома[104]. Крафт-Эбинг также подчеркнул, что память о подавленной травме может проявляться в сознании фантастическим и искаженным образом[105].

«Исследования истерии» также пользовались успехом в литературных кругах. Писатель Альфред Бергер, автор философского эссе о Декарте, психологических романов, известный также как литературный критик, написал опубликованную в «Morgenpresse» рецензию под названием «Хирургия души»[106]. Он с похвалой отозвался об эмоциональной глубине, психологической проницательности и доброте, проявившихся в работе этих двух авторов; он сравнил их катарсические исцеления с исцелением Ореста в драме Гете «Ифигения в Тавриде». В первую очередь он превозносил их книгу как «образчик психологии древних авторов». Писатели, сказал он, подобны великим викингам, которые побывали в Америке задолго до Колумба; теперь наконец врачи догоняли их. Из переписки Гофманшталя нам также известно, что «Исследования истерии» интересовали его как исходный материал при подготовке его драмы «Электра»[107]. Он хотел, чтобы его героиня, в отличие от героини Гете, походила на истерическую фурию[108]. Г. Бар, одолживший свой экземпляр книги Брейера–Фрейда Гофманшталю, использовал их катарсический метод для интерпретации драматических произведений[109].

1896 год отмечен очередным сильным ударом по самолюбию Европы. Итальянцы, предпринявшие завоевание Эфиопии, потерпели сокрушительное поражение от императора Менелика при Адуа. Но самым ужасным из событий этого года была катастрофа, сопровождавшая коронование царя Николая II и императрицы Александры 29 мая. Во время празднеств толпу охватила паника, и несколько тысяч мужчин, женщин и детей были затоптаны насмерть. За этим событием последовали протесты либералов и студенческие беспорядки, которые были подавлены. Суеверные люди расценили эти события как зловещее предзнаменование нового царствования. Тем не менее постепенно складывался союз между Францией и Россией, и когда царь Николай побывал в Париже, ему оказали торжественный прием. Все это могло лишь усилить напряжение между двумя политическими блоками в Европе.

В Европе вызывал растущую тревогу антисемитизм. Во Франции развернулась кампания в поддержку Дрейфуса, и сформировались два противоборствующих лагеря. В Австрии еврейский журналист и драматург Т. Герцль опубликовал свою эпохальную книгу «Еврейское государство»[110]. В качестве журналиста «Neue Freie Presse» он привел свидетельства о волнении по поводу выборов Люгера и дела Дрейфуса во

Франции. Единственную альтернативу антисемитизму он видел в создании еврейского национального государства в Палестине. Герцль не первым предложил такое решение, но в своей книге он излагал конкретные планы и работал в направлении их реализации.

В Мюнхене с 4 по 7 августа 1896 года проходил Третий международный конгресс по психологии[111]. Конгресс был подготовлен с типично немецкой основательностью *(Gründllichkeit)* и собрал 500 участников, что считалось очень большим числом. 76 докладов было прочитано на четырех языках (немецком, испанском, английском и итальянском). Среди участников были наиболее известные в то время философы, психиатры и психологи. Многие доклады были высокого качества и в ретроспективе некоторые остаются особенно интересными.

Т. Липпс прочел замечательный доклад о концепции бессознательного[112]. Бессознательное, сказал он, — «центральный» вопрос психологии. Бессознательное, общая основа психической жизни, подобно цепи подводных гор, в которой видны только вершины, и эти вершины представляют сознательное. В нашей сознательной жизни в значительной степени преобладают бессознательные представления: «Таким образом, прошлые представления теперь действуют во мне без моего осознания их присутствия и деятельности». Бессознательное невозможно целиком объяснить в психологических терминах, оно — психическая реальность в себе. В аналогичном духе был сделан доклад Г. Гирта о *Merksysteme,* т. е. о длящихся ассоциациях восприятий, которые, находясь ниже порога сознания, активно конфликтуют друг с другом[113]. Эти *Merksysteme* могут овладевать индивидом без его ведома. В худших случаях их тирания может довести индивида до гибели. *Merksysteme* могут объединяться в форме теневых систем, которые лежат в основе антипатий, подозрений, извращений и т. п.; они нередко выявляются системами сновидений. «Жизненный путь истерического и меланхолического индивидов вымощен *теневыми системами*». При обсуждении, проходившем после конференции, Р. Уфер высказал замечание, что *Merksysteme* являются *Vorstellungsmassen* Гербарта, а Трупер сказал, что они идентичны конденсациям Лазаруса.

В докладе «Различие между внушаемостью и истерией» Форель попытался дать ответ на старый вопрос «Что такое истерия?» Он определил истерию как «патологический комплекс симптомов», который может быть либо конституциональным, либо приобретенным, либо и этим, и другим, хотя конституциональный элемент, как правило, преобладает. Это верно, сказал Форель, даже несмотря на доказательство, представленное «Шарко, Фрейдом, Брейером, Фогтом и многими другими до них», относительно того, что симптомы, которые представляются тяжелыми, могут порождаться бессознательными ментальными пред-

ставлениями и излечиваться устранением последних. О. Веттерштранд прочел доклад о своем новом методе гипнотического лечения и длительного гипнотического сна. Он гипнотизировал пациентов, чтобы продержать их в состоянии гипнотического сна в течение шести, восьми, десяти и более дней, и утверждал, что способен таким способом исцелять истерических пациентов.

В своем докладе «Сомнамбулическое влияние и необходимость руководства» Жане дал ясное описание специфической связи между терапевтом и пациентом. На основе своего клинического опыта Жане различал два типа связи: сомнамбулическое влияние, встречающееся у истерических пациентов, и необходимость руководства в случае психастеников[114].

Описанные здесь доклады представляют собой лишь небольшую выборку из числа прочитанных на конгрессе докладов. Количество, многообразие и оригинальность докладов, должно быть, вызвали у участников сознание того, что психология находится на грани прорыва.

В этом же году генеральный секретарь конгресса, фон Шренк-Нотцинг, опубликовал исследование о раздвоении личности[115]. Он утверждал, что раздвоение личности отражает бессознательное возрождение забытых воспоминаний. Подкрепил эту точку зрения он тщательным анализом известных клинических случаев (Фелиды Азама, Бланш Уитман Шарко и различных пациентов Жане) и результатами последних исследований французских авторов, Брейера и Фрейда.

Период конца века: 1897–1900

1897–1900 годы — это период кульминации духа *конца века* в Европе[116]. Одна из его особенностей, как мы видели, заключается в величайшем интересе со стороны общественности к психологическим и психопатологическим проблемам, а также поиске новых систем психотерапии. Бернгейм все еще считал себя бесспорным главой психологической медицины, но школа Нанси становилась концепцией, терявшей ясность очертаний. В Париже реакция против Шарко зашла настолько далеко, что многие считали психологию ненужной в лечении душевнобольных. Жане, не отрицая результатов своих предыдущих исследований в области подсознательных навязчивых идей, уделял больше внимания подробным описаниям психастении. Разумеется, кое-кто знал, что Флурнуа в Женеве занимался долгосрочным исследованием с медиумом Элен Смит, но кто мог бы догадаться, что Зигмунд Фрейд в Вене проводил самоанализ вместе с исследованием сновидений?

1897 год, подобно предыдущим годам, производил впечатление насыщенности политическими и социальными напряжениями. Население Крита восстало против турецкого правления и было поддержано вой-

сками из Греции, но турки отвоевали остров, вызвав вмешательство европейских держав. Франко-русский союз укрепился благодаря визиту французского президента Феликса Фора к царю Николаю II. В Вене Карл Люгер, вождь антисемитов, был выбран в третий раз мэром Вены, после того как император отменил его назначение, и на этот раз его избрание было ратифицировано. В Базеле под председательством Т. Герцля проводился первый сионистский конгресс. Но наиболее драматическим событием этого года, по-видимому, был пожар, вспыхнувший 4 мая на благотворительном базаре дома призрения в Париже. Организаторы и участники базара принадлежали к элите французской аристократии. Одной из жертв этого бедствия была сестра императрицы Австрии Елизаветы. Среди ста двадцати пяти человек погибших при пожаре только пятеро были мужчинами (трое пожилых мужчин, один двенадцатилетний мальчик и один врач). Установлено, что присутствовавшие молодые аристократы силой пробились к выходу, и это постыдное поведение нанесло смертельный удар тому, что осталось от уважения к аристократии.

Среди многочисленных публикаций этого года была обзорная статья Ф. Майерса, посвященная связи между истерическими симптомами и навязчивыми идеями[117]. Истерические симптомы, сказал он, имеют детские черты и «очень напоминают мне фантастическую, похожую на сон игру сублиминальной самости». Далее он добавил:

> Я смело говорю, что истерические симптомы тогда эквивалентны навязчивым идеям, и истерический приступ есть бурное проявление навязчивой идеи ... подобные представления, подсказанные мне в основном экспериментами д-ра Жане, находят (как мне кажется) странное подтверждение в недавних «Исследованиях истерии» д-в Брейера и Фрейда. Эти врачи исследовали — главным образом в случае Анны О. д-ра Брейера — истерических пациентов с намного более высоким уровнем интеллектуального развития, чем пациенты Сальпетриера. [Майерс сравнил механизм возникновения истерических симптомов с механизмом креативности гения]... Гений заключается главным образом в сублиминальных всплесках, которые символически выражают результат наблюдений и логический вывод которых сублиминальная самость не осознает.

Однако в целом все связанное с истерией, гипнозом и внушением становилось все более подозрительным, и слово «психотерапия» теперь было принятым термином для обозначения всех методов лечения с помощью психики. Типичный пример этого нового отношения можно найти в руководстве по психотерапии Лёвенфельда[118]. После исторического обзора психотерапии и общих принципов медицинской психо-

логии Лёвенфельд дает указания относительно связи «пациент–врач». Среди основных психотерапевтических методов Лёвенфельд подробно описывает психическую гимнастику, гипнотическое и суггестивное лечение, метод Брейера–Фрейда, эмоциональную терапию и исцеление верой.

1898 год привел Европу на грань войны. Исходный инцидент был частью конкуренции за колониальные владения в Африке. Французы уже обладали большой империей, простиравшейся от Атлантического океана до озера Чад. Экспедиция под командованием полковника Маршана прибыла в Фашоду, где была остановлена англичанами. Это вызвало сильное негодование во Франции, и война между Францией и Англией казалась неизбежной, но французы, в конечном счете, уступили требованиям англичан (это была оппортунистическая уступка ввиду возможной войны с Германией). Новый серьезный удар европейскому нарциссизму нанесла испано-американская война. На Кубе произошло восстание против испанцев, и повстанцев поддержали добровольцы из Соединенных Штатов. Вблизи Гаваны при невыясненных обстоятельствах взорвался американский корабль «Main», и в ответ на это американцы объявили войну. Испанский флот потерпел сокрушительное поражение, после которого американцы оккупировали Кубу, Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины. В Испании поражение вызвало так называемый *маразм*. Молодое поколение, впоследствии названное поколением 1898 года, глубоко переживало поражение, но, в конечном счете, многие из этого поколения инициировали обновление интеллектуальной жизни в своей стране. Скандал, связанный с делом Дрейфуса, достиг пика во Франции, когда романист Золя опубликовал обвинительное заявление «Я обвиняю», и один из обвиняемых, полковник Анри, уличенный в подлоге, совершил самоубийство. И когда императрица Австрии Елизавета была убита анархистом в Женеве, многим показалось, что рука судьбы действовала против несчастного императора Франца Иосифа I.

В том же 1898 году Пьер Жане опубликовал «Неврозы и навязчивые идеи», первую из своих крупных работ, появившихся под эгидой психологической лаборатории Сальпетриер[119]. Значительная часть ее уже была известна в форме отдельных статей. Следуя французскому обычаю того времени, патронат Реймона был признан присоединением его имени к имени автора, хотя все было написано Жане. Работа «Неврозы и навязчивые идеи» содержит несколько известных историй болезни пациентов Жане: Марселлы, Жюстины, Марселины, мадам Д. и Ахилла, а также статьи более теоретического характера. После «Психического автоматизма» и медицинской диссертации по истерии эта последняя книга принесла Жане славу лучшего во Франции специалиста по неврозам. Тем более, что в этом же году Жане написал основательную статью

«Психологическое лечение истерии» для энциклопедического справочника А. Робина по терапии.

> Жане синтезировал здесь свои концепции о бессознательных навязчивых идеях, их природу: выявление и лечение, их связь с симптомами (в том числе символический характер симптомов в некоторых случаях); он подчеркнул, что недостаточно возвратить их в сферу сознания, их необходимо диссоциировать, несмотря на существенное сопротивление (нередко в форме соматических симптомов). Жане также настаивал на фундаментальной роли сомнамбулического влияния и методах использования его в целях лечения, хотя и при сохранении этого влияния на минимальном, совместимом с терапевтическим эффектом уровне. Не менее существенным, сказал Жане, является дополнение гипнотического лечения программой переобучения[120].

Школа Нанси быстро распространялась, и один из ее приверженцев, голландец ван Рентергем, опубликовал обзорную статью о школе, впервые описав членов группы Нанси — Льебо и Бернгейма, — и приверженцев школы во всех странах Европы, таких, как Польша, Швеция и Германия[121]. Брейер и Фрейд представляли австрийский филиал.

Читая медицинские журналы с сообщениями о назначении на должность, врач 1898 года мог бы с удивлением заметить, что знаменитый профессор Огюст Форель покинул свою кафедру психиатрии в Цюрихском университете и его место занял почти неизвестный новичок Юджин Блейлер в знак признания его замечательной клинической работы за последние десять лет в психиатрической больнице Рейнау[122].

К числу многочисленных публикаций этого года относится работа Альберта Молла «Исследования сексуального либидо»[123]. Он разработал предложенную в 1894 году Дессуаром идею, которая заключалась в том, что имеет место эволюция полового инстинкта, у подростков, как правило, существует переходная недифференцированная стадия, и в некоторых случаях нарушение в развитии может объяснить существование гомосексуальности у взрослых. Слово «либидо», которое употреблялось Бенедиктом, Крафт-Эбингом и другими в смысле сексуального желания, получило новое значение в смысле полового инстинкта на стадиях его эволюции. В Вене Фрейд опубликовал статьи «Психический механизм забывания» и «Сексуальность в этиологии неврозов».

1899 год принес Бурскую войну. Общественность ожидала, что англичане быстро одержат победу, но они потерпели вначале ряд поражений и были вынуждены послать подкрепление. Буры пользовались широким сочувствием во Франции и Германии. Во Франции широкое

обсуждение дела Дрейфуса постепенно стихло. Исполнение приговора, вынесенного Дрейфусу, было приостановлено, и он вернулся с острова Дьявола.

Школа Нанси добилась заметных успехов в Голландии. Психотерапевтическая клиника ван Бентергема, расположенная в жилом квартале Амстердама, была торжественно преобразована в Институт Льебо. Он состоял из входного холла, комнат ожидания, смотровых кабинетов, офисов, библиотеки и двадцати шести кабинетов для приема пациентов. В холле была установлена дощечка с надписью:

Ambrosio August» Liébeault
Ex Favereis oriundo (Lotharingia)
Dedicatum

(напоминавшая посетителям о том, что Льебо родился в деревне Фавьер, в Лотарингии). Клиника была украшена портретами Льебо, Бернгейма и Льежуа.

Интерес к сексуальной патологии, который был очень силен после публикации первого издания книги Крафт-Эбинга «Сексуальная психопатия», проявился в основании «Jahrbuch» Магнуса Хиршфельда[124]. Это издание предлагало оригинальные статьи и обзор текущей литературы по сексуальной патологии. Кроме того, оно занимало активную позицию, отстаивая реформу законодательства относительно гомосексуальности. Среди многих публикаций этого года была книга Фере «Половой инстинкт: эволюция и распад», в которой автор попытался ввести эволюционную концепцию в область сексуальных отклонений[125]. На основе многих проведенных им клинических наблюдений он подчеркнул влияние ранних сексуальных опытов на будущее сексуальное развитие индивидов.

В этом году Фрейд опубликовал статью «Завесы памяти», которая получила благоприятные отзывы в «Revue Neurologique» и нескольких психиатрических и психологических журналах.

1900 год представлялся одним из самых кровопролитных. В Южной Африке шла война, англичане, по-видимому, увязли там и, несмотря на локальные успехи, были неспособны одержать решающую победу. Президент Трансвааля Крюгер ездил по Европе, но получал лишь добрые слова и сочувствие. В Китае тайное общество боксеров начало восстание. В июне европейцы были осаждены в своих посольствах в Пекине и спасены в августе международной экспедицией под командованием немца. В Европе много говорили о «желтой опасности», и одним из ночных кошмаров был страх, что китайцы объединятся и создадут сильную армию, которая захватит и ограбит Европу. Король Италии Умберто был убит анархистом.

Однако 1900 год представлялся продуктивным во многих отношениях. В Германии Планк прочел свой первый доклад о квантовой теории, которая должна была произвести революцию в физике. Элен Кей опубликовала книгу «Век ребенка», в которой заявила, что двадцатый век принесет освобождение ребенка; она защищала революционные реформы в образовании. В искусстве на первый план вышли новые, постепенно развивавшиеся в предыдущие годы тенденции. Во Франции победил «стиль модерн», в Германии и Австрии — *Jugendstil*. В Вене Густаву Климту поручили произвести мозаичное украшение нового университетского здания, но проекты вызвали негодование профессоров. Новость о смерти Ницше после десяти лет слабоумия усилила интерес к его философии во всех странах Европы. Другой немец, Эдмунд Гуссерль, опубликовал книгу, которая привлекла к себе мало внимания за пределами узкого круга профессиональных философов[126]. Кто мог бы угадать, что пятьдесят лет спустя она станет источником вдохновения для нового психиатрического направления, экзистенциального анализа?

Многие ожидали, что новый век будет веком психологии. Быть может, неслучайно, что в 1900 году в Париже был основан Международный институт психологии с Жане в качестве вдохновителя[127]. В этом же году Жане предложили заменить Рибо на курсе психологии в Коллеж де Франс. Жане прочел первую серию лекций «Сон и гипнотические состояния», в которых он обсуждал проблемы сна, сновидений, нарушений сна, сомнамбулизма.

Одним из событий, о которых больше всего говорили в 1900 году, была знаменитая Всемирная выставка в Париже. Международный конгресс по медицине собрал 8000 участников, распределившихся по 23 секциям. Это было очень большое число участников для того времени. Секция неврологии с Реймоном в качестве председателя приняла меры, чтобы остаться на прочной основе неврологии, не вторгаясь в область гипнотизма.

Второй международный конгресс по гипнотизму проходил с 12 по 16 августа[128]. Вступительное слово Реймона иллюстрирует то, насколько изменились представления о гипнотизме в Сальпетриере после смерти Шарко. Он сказал, что Шарко сделал гипнотизм предметом исследований с помощью тех методов, которые он применял к исследованию неврологических заболеваний, тогда как школа Нанси подчеркивала психологические аспекты этого феномена. На самом деле, продолжал Реймон, оба направления имеют старые предпосылки. Пьер Жане показал, что уже в 1840 году магнетизеры описали три стадии гипноза, и старый спор между школами был лишь старым спором между флюидистами и анимистами. Единственным действительно новым фактом,

добавил Реймон, было то, что теперь мы все верим в психологический детерминизм и стремимся открыть законы психики. После этой лекции Берийон дал длинный и подробный обзор истории гипнотизма, начиная с Брейда и по настоящее время.

Оскар Фогт говорил о ценности гипноза как инструмента психологических исследований. Он разработал метод, побуждающий загипнотизированного субъекта сконцентрироваться на определенной идее, образе, воспоминании или чувстве, что повышало степень сознательности, как будто содержание и связи исследуемого феномена находятся под увеличительным стеклом[129]. 13 августа участники конгресса под руководством д-в Кестана, Филиппа и Жане побывали в Сальпетриере. Сопровождавшие их журналисты, вероятно, почувствовали отсутствие того элемента таинственности, который витал в Сальпетриере во времена Шарко, так что они были рады распространить новость о необычайной пациентке по имени Мадлен, которая носила стигматы страстей господних.

Четвертый международный конгресс по психологии проходил с 20 по 25 августа с Т. Рибо в качестве президента, Ш. Рише в качестве вице-президента и П. Жане в качестве генерального секретаря[130]. Среди участников было большое число философов, психологов, психиатров и даже писателей. Обсуждались все возможные темы, представлявшие психологический интерес. Третья общая сессия была посвящена феномену сомнамбулизма. Т. Флурнуа, чья книга «От Индии до планеты Марс» появилась несколькими месяцами раньше, рассказал об Элен Смит и ее сомнамбулических высказываниях; детскость и неуместность того, что она говорила, показывали, что эти феномены зарождаются в примитивных, инфантильных слоях психики индивида. Они представляют собой некоторую разновидность переходного возникновения стадий психологического развития, давно оставшихся позади. Другая особенность сомнамбулических поступков — это смелость, с которой субъект старается навязать свою бессмыслицу как бесспорный факт. И в этом случае Флурнуа рассматривал инфантильную характеристику как отыгрыш искренности, с которой ребенок переживает свои вымыслы и игры.

В докладе «О феноменах транса миссис Томпсон» Ф. Майерс упомянул П. Жане, Бине, Брейера и Фрейда как крупных специалистов в области истерии. Сразу после него Фредерик ван Эден рассказал о своих экспериментах с той же миссис Томпсон (ясновидящим медиумом). Когда ван Эден находился в Голландии, а миссис Томпсон — в Англии, он трижды во сне вызывал ее, и позже она смогла подтвердить время и даты. Первые два раза он назвал ее Нелли, а в третий он по ошибке назвал ее Элси. Два дня спустя он получил письмо от миссис Томпсон с сообщени-

ем, что она слышала, как он назвал ее Элси, но это было имя духа ее знакомой. Ван Эден также сказал, что между медиумическим трансом и сновидением нет существенной разницы, и человек может самостоятельно научиться управлять по своему желанию сновидениями[131].

Были прочитаны доклады М. Принсом о расщеплении личности мисс Бошан, Хартенбергом — о неврозе тревоги с отрицанием теории Фрейда о сексуальном происхождении этого невроза (хотя при обсуждении он признал, что это возможно в некоторых случаях) и Дюраном (де Гросом) о его теории полипсихизма. После доклада Йовича, защищавшего применение экспериментальных методов в психологии, молодой венец Отто Вейнингер живо откликнулся, сказав, что поскольку совершенствуются экспериментальные методы в психологии, интроспекция достигнет такой степени совершенства, которую пока невозможно себе даже представить.

Кроме того, были прочитаны доклады о клинических случаях. П. Фарес, ученик Дюрана (де Гроса), провел различие между двумя видами гипнотического лечения: один вид, когда для исцеления достаточно команды, и другой, когда для нахождения причины с целью ее устранения необходимо провести исследование бессознательного[132]. Причиной может быть ночной кошмар или яркое впечатление, о котором пациент не сохранил сознательного воспоминания. Фарес также рассказал историю писателя, который оказался игрушкой в руках актрисы и жаловался на провалы в памяти. Находясь под гипнозом, он смог вспомнить, что актриса гипнотизировала его и заставляла делать все, что она хотела, а затем все забывать. Тогда Фарес сумел нейтрализовать пагубное влияние женщины.

В репортаже о конгрессе газета «Фигаро» писала:

> Никогда еще столь многообразные умы не обсуждали столь различные вопросы. Там присутствовали профессора философии, литераторы, священники, иезуиты, доминиканцы, физиологи, маги, индусские брамины, криминологи, ветеринары, русские князья и довольно много женщин, некоторые из которых прибыли обсудить спиритизм...[133]

В 1900 году вышли в свет две книги, которые стали классическими трудами по динамической психиатрии: «От Индии до планеты Марс» Флурнуа и «Толкование сновидений» Фрейда. (На самом деле обе книги вышли в свет в конце 1899 года, но имели титульную дату 1900 год).

Мы уже упоминали о пятилетнем исследовании, проведенном в Женеве Флурнуа с медиумом Катериной Миллер, которая утверждала, что обладает даром ясновидения и способностью воплощать вновь этапы своих предыдущих жизней. Она была царицей Симандини

в Индии XV века, королевой Марией Антуанеттой в Версале, и жила на Марсе, на языке которого она свободно говорила и писала[134]. Флурнуа описал эти три цикла, назвав их романтическими приключениями сублиминального воображения. Эта книга, столь же увлекательная, как роман Жюля Верна или Г. Уэллса, содержит глубокий анализ некоторых тонких процессов подсознательной психики. Она показывает сублиминальное воображение как творческую, непрерывную деятельность. Во всех подличностях своего медиума Флурнуа подчеркивал фундаментальное единство ее личности. Показал он также и важность криптомнезии, сублиминальных романтических приключений, которые в основном состоят из забытых детских воспоминаний, особенно книг. Исполнение желаний получило свободу; мечты о превосходстве, о желании быть королевой, давать советы или сообщать сведения о других мирах выражали желания пациентки о величии, хотя и смешанные с символическими выражениями скучной реальности. Флурнуа проследил регрессию, выраженную каждым циклом, до определенного возраста. Один элемент, представляющийся современному читателю недостаточно акцентированным, — роль раппорта или переноса, но, как указал Клапаред, Флурнуа знал об этом феномене, но рассматривал его абстрактно.

Книга Флурнуа привела в ярость тех, кто верил в то, что высказывания медиума являются подлинными откровениями из других миров. Однако были те, кто высказал здравые критические замечания. Доктор Мецгер отметил тревожное воздействие новичков во время сеансов с Элен, мешающих проявлению спонтанности у медиума своими неуклюжими спорами и влияющими на нее[135]. Отзывы из Женевы были менее восторженными, чем из других мест. В подробной рецензии от 15 января ответственная «Journal de Genève» отдала должное стараниям и психологической проницательности Флурнуа. Анонимный критик отметил с чувством юмора странность того, что именно та группа предприимчивых лиц, которая собиралась вокруг Элен Смит при каждой инкарнации, теперь представляла собой мирных буржуа Женевы, и «От Индии до планеты Марс» на самом деле сводилась к некоторому роману с ключом для женевцев. Критик даже намекнул, что поверхностное знание медиумом санскрита могло возникнуть из-за шутки, сыгранной одним из ученых друзей Флурнуа. Кроме того, он подчеркнул фантастические достижения молодой женщины, способной одновременно создавать словесные образы и сюжеты, читать и говорить на нескольких языках, один из которых был ее собственным творением. Он сожалел о том, что так много таланта тратилось попусту, и в заключение отметил, что медиум в первую очередь была замечательной актрисой, которая играла свои роли с такой страстью, что очаровала круг своих близких знако-

мых. В письме в «Journal de Genève», опубликованном в номере от 19 января, Флурнуа выразил протест против этих заявлений.

Книга Флурнуа пользовалась широким успехом. Английский перевод вышел в том же году, что и французский оригинал (итальянский и немецкий переводы вышли позднее). По словам Клапареда, рецензии на нее появились в бесчисленных журналах, периодических изданиях и газетах, а нью-йоркский «World» добавил красочный портрет Флурнуа[136]. В юмористических журналах, таких, как лондонский «Punch» (номер от 14 января 1900 года), были опубликованы отзывы, и на новогодних представлениях студенты читали памфлеты, посвященные этой книге. Женевский театр Казино поставил пьесу «En avant, Mars!» («Вперед, Марс!»). Флурнуа получал письма из всех стран мира. Уильям Джеймс написал: «Я думаю, что ваша книга сделала решающий шаг в превращении психического исследования в почтенную науку». Майерс сказал, что книга была «образцом беспристрастности во всех отношениях», и также рассматривал её как решающий шаг в исследовании сублиминальной психики. Это мнение разделяли Морселли, Дессуар, Остеррайх и другие.

Второй замечательной книгой 1900 года была книга Фрейда «Толкование сновидений», на которой мы уже останавливались[137]. Здесь нас интересует лишь то, как эта книга была принята после ее публикации. Среди многих книг, публиковавшихся каждый год по сновидениям, привлекает внимание «Traumdeutung», так как со времен Шернера так мало было публикаций, посвященных интерпретации сновидений. Кроме того, слово *Traumdeutung* напоминало *Sterndeutung* (астрология). Несмотря на несколько двусмысленное название, книга Фрейда сообщала читателю много сведений: вначале был приведен исторический обзор психологии сновидений, далее шло объяснение фрейдовского метода интерпретации сновидений, затем излагалась его теория сна и, наконец, его теория психики. Книга была хорошо написана и содержала иллюстрации сновидений автора, а также увлекательные подробности жизни в Вене в конце XIX века. Она обещала стать краеугольным камнем новой науки о психике.

Прием, оказанный книге «Толкование сновидений», вызвал появление стойкой легенды. «Важная книга редко не вызывала отклика», сказал Джонс; и, по словам Фрейда, полтора года спустя после публикации книги ни один из психиатрических журналов не поместил на своих страницах рецензию о ней. Ильзе Брай и Альфред Рифкин показали, что на самом деле все было по-другому:

> Вначале рецензии на «Толкование сновидений» появились, по меньшей мере, в одиннадцати массовых и специализированных журналах, включая

семь журналов в областях философии и теологии, психологии, психоневрологии, психических исследований и криминальной антропологии. Рецензии представляют собой детальные изложения, а не просто рутинные заметки, и в совокупности содержат более 7500 слов. Промежуток между публикацией и рецензией составляет в среднем около года, что было вовсе неплохо... Оказывается, что книги Фрейда о сновидениях быстро получили широкий отклик в признанных журналах, которые включали знаменитые журналы в соответствующих областях.

Кроме того, издатели международных ежегодных библиографических справочников по психологии и философии решили включить в них книги Фрейда о сновидениях. Четыре месяца спустя после публикации в этой стране «Psychological index» упомянул «Толкование сновидений» на своих страницах. Примерно к концу 1901 года публикация книги Фрейда была доведена до внимания медицинских, психиатрических, психологических и образованных кругов на международном уровне.

Некоторые рецензии отличаются основательностью и высокой компетентностью. Несколько рецензий были написаны уважаемыми авторами основных исследований по данному предмету. Критические замечания приводятся после беспристрастного краткого изложения основного содержания книги...[138]

Чтобы обосновать это заявление, Брай и Рифкин привели выдержку из рецензии Уильяма Стерна, показав, насколько далека она была от «уничтожительной» (если воспользоваться словом Джонса)[139]. Стерн признает тот факт, что Фрейд исследовал сновидения с новой точки зрения, «открылись многие новые перспективы», Фрейду «удалось найти новое объяснение сновидений в малоизвестной сфере эмоциональной жизни», книга содержит «множество весьма стимулирующих подробностей, замечательных наблюдений и теоретических перспектив, и самое главное — необычайно богатый материал очень точно зарегистрированных сновидений». Нэке дал крайне благоприятный отзыв о «замечательной книге» Фрейда *(vortreffliches Buck)*, в котором он говорит, что «психологически книга является самой глубокой из тех, что до сих пор породила психология сновидений», и добавляет, что «работа представлена как единое целое и гениально продумана»[140].

Вейгандт написал, что «книга предлагает хорошо обозримый богатый материал и в стремлении к анализу сновидений идет дальше, чем кто-либо до сих пор старался это сделать»[141]. Флурнуа дал самый благоприятный отзыв, в котором он говорит, что «книга дает нам бесчисленные примеры (анализа сновидений), которые являются чистыми шедеврами тонкой проницательности и оригинальности»[142].

В Париже Анри Бергсон процитировал книгу в лекции, которую он прочел 26 марта 1901 года в Психологическом институте[143]. Карл Густав

Юнг, в то время молодой ординатор из клиники Бургхольцли в Цюрихе, упомянул ее в своей диссертации 1902 года. В книге об истерии Эмиль Райман написал: «Фрейд достаточно убедительно показал, что в сновидении выражается психическая жизнь, бессознательные желания и мысли становятся содержанием сновидений, скрываясь под почти неузнаваемой личиной»[144]. Однако Райман возразил против сексуальной теории Фрейда, предположив, что «поскольку здесь теория Фрейда известна в самых широких кругах», пациенты шли к Фрейду, заранее находясь под ее влиянием. Райман подчеркнул, что эти возражения не преуменьшают достоинство теории Фрейда. Во всей книге нет ни одного уничижительного упоминания имени Фрейда[145].

Рецензии на «Толкование сновидений» появились также и в ряде газет и периодических изданий, предназначенных для широкой публики. Сразу после ее выхода в свет в номерах венского журнала «Die Zeit» от 6 и 13 января 1900 года была опубликована рецензия самого Макса Буркхардта, главного редактора. Она содержала пространный, эрудированный, хотя и несколько велеречивый отзыв. На самом деле он вовсе не был отрицательным; Буркхардт, очевидно, внимательно прочел «Traumdeutung»[146]. Он ясно и точно обобщил ее, приведя множество цитат. По его мнению, автор придал слишком большое значение инфантильному элементу и, к сожалению, не объяснил ни сновидения лиц вербального типа (тех, кто мыслит словами, а не образами), ни раскол личности в сновидениях. Не прошло и трех месяцев после выхода в свет «Traumdeutung», как берлинский журнал «Die Umschau» опубликовал рецензию доктора К. Оппенгеймера, который назвал ее «очень интересной, хотя и странной книгой»[147]. В тот же день венская ежедневная газета «Femden-Blatt» дала столь же положительный отзыв о «чрезвычайно оригинальной и интересной книге», особенно превознося наблюдения Фрейда по поводу мира детей, которые должны воодушевить всех друзей детей[148]. Весьма благоприятный отзыв «Толкование сновидений» получило также и в «Arbeiter-Zeitung»[149] и пространный восторженный отклик в «Neues Wiener Tagblatt»[150], написанный Вильгельмом Штекелем, который вскоре стал одним из первых учеников Фрейда[151].

Психологический анализ в противовес психоанализу: 1901–1914

Вхождение в двадцатое столетие было воспринято современниками как рассвет новой эры. Атмосфера декадентства и fin de siecle сделалась невыносимой. Смерть королевы Виктории ознаменовала завершение отживших времен, и правление Эдуарда VII характеризовалось смесью «аристократического изящества и современного комфорта». Этот пе-

риод — Belle Epocqe «Прекрасная Эпоха» — в ретроспективе выглядит мирным, защищенным, уверенным в своем будущем и полным радости бытия (joie de vivre), но для современников он был «вооруженным миром», и война постоянно маячила на горизонте предстоявшего будущего. Это нашло свое отражение в ряде художественных произведений, таких, как «Война в воздухе» Герберта Уэллса и романы полковника Данри, изображавшие ужасающую войну. Общая политическая тенденция склонялась влево, и многие надеялись, что успех социалистических партий обеспечит международный мир. Незаметно подкрадывающееся крушение Европы проявилось в росте неевропейских сил с выказыванием их полного пренебрежения к европейскому авторитету.

Общим желанием в ту пору было повернуть все назад в девятнадцатое столетие и поискать другие пути. Вошли в моду новые (технические) виды спорта и катание с гор на лыжах. Интеллектуалы приветствовали появление новых мыслителей: философа Анри Бергсона, экономиста Вильфреда Парето и политического мыслителя Жоржа Сореля, предложившего новую антидемократическую идеологию. В динамической психиатрии это проявилось в отказе от первой динамической психиатрии, утрате интереса к истерии и гипнозу и в поиске новых психотерапий, как, например, та, что предложил Дюбуа. Так или иначе, два имени характеризовали полярные позиции в новой динамической психиатрии: Пьер Жане в Париже и Зигмунд Фрейд в Вене.

Начало новой эры: 1901–1905

1901 год был отмечен одним событием, которое весьма остро почувствовали почти все европейцы, а именно, смерть королевы Виктории, Вечной Королевы и «бабушки» Европы. Ее имя было тесно связано с экспансией и претензиями на мировое господство Британской империи, а также с установлением моральных и общественных норм и ценностей, «викторианского духа»[152]. Король Эдуард VII был ревниво отстранен своей матушкой от управления империей, но имел свою собственную политическую философию, согласно которой и начал проводить собственный политический курс. Заняв престол, он первым делом постарался закончить Бурскую войну и установить хорошие отношения с Францией. Другими важными событиями этого года стали насильственный мирный договор между европейскими державами по вопросу о Китае и убийство президента Мак-Кинли в США.

В этом году Иосиф Бабинский, любимый ученик Шарко, нанес смертельный удар тому, что осталось от учения его наставника об истерии. На памятной встрече Неврологического общества в Париже он прочел свою работу, озаглавленную «Определение истерии», в которой предложил чисто прагматическое определение истерии[153]. Истерия, сказал

он, является общей суммой тех симптомов, которые могут быть вызваны к жизни внушением и развеяны контрвнушением (которое он назвал убеждением). Таким образом, определенные симптомы, такие, как мнимая истерическая лихорадка, кровотечения и так далее, больше не рассматривались как относящиеся к истерии. По мнению Бабинского, здесь не было ничего общего с истерией, если не считать специфической склонности положительно реагировать на внушение. Бабинский рекомендовал вместо термина «истерия» использовать термин «пифиатизм». Большинство французских неврологов, вдоволь насмотревшись на истерических пациентов на показах в Сальпетриере, Шарите и Отель-Дьё, охотно приняли идеи Бабинского. Многие их них не заметили того, что Бабинский признает, что определенные индивиды предрасположены к внушаемости; они просто заключили, что истерия — это своего рода несуществующая сущность. Количество пациентов с диагнозом «истерия» быстро и устойчиво стало уменьшаться; французы были склонны приписывать это явление влиянию новых концепций Бабинского, но, поскольку та же самая тенденция наблюдалась и в других странах Европы, остается под вопросом, не сработали ли здесь социальные и культурные факторы.

Фрейд написал и краткую версию «Толкования сновидений»; это небольшая книга, получившая название «О сновидениях», вышла в свет в начале 1901 года в виде одного из выпусков издававшейся тогда серии медицинских брошюр. Фрейд надеялся, что в таком виде его книга, в отличие от «Traumdeutung», дойдет до более широких медицинских кругов[154]. Отклики оказались даже более благоприятными по сравнению с откликами на «Traumdeutung». Брай и Рифкин пишут: «Что касается очерка “О сновидениях”, то мы обнаружили девятнадцать рецензий, причем все они появились в медицинских и психиатрических журналах, потребовав от их авторов в общей сложности около девяти с половиной тысяч слов; все они успели появиться на протяжении временного отрезка не более восьми месяцев»[155].

Среди этих рецензий следует особо отметить — вследствие объективного характера и того, что их авторами были известные в своей области специалисты, — рецензии Корнфельда[156], Цигена[157], Мёбиуса[158], Липмана[159], Гисслера[160], Конштамма[161], Пика[162] и Фосса[163].

В том же году Фрейд опубликовал первые результаты своих исследований по парапраксии в виде серии статей в психиатрическом журнале[164]. Эти статьи были хорошо приняты. Тем не менее Циген утверждал, что то, что Фрейд называет вытеснением, он сам уже описал как *Vorstekkungshemmung* (торможение представления)[165]. В заключение он писал, что исследование Фрейда «заслуживает внимания не одних только критически настроенных специалистов, но и более широкого читателя».

После выхода в свет в 1886 году «Сексуальной психопатии» Крафт-Эбинга количество публикаций по сексуальной патологии непрерывно возрастало. Сексуальная патология привлекала к себе не меньше внимания, чем теории Ломброзо в течение прошедших двух десятилетий. В своем курсе по сексуальной патологии Роледер подчеркивал распространенность мастурбации среди детей и то, что «половое влечение может проявляться в самой ранней юности, даже в детском возрасте»[166].

1902 год выдался относительно более спокойным в сравнении с предыдущими. Извержение вулкана Мон-Пеле на Мартинике, стершее с лица земли столицу острова, некоторыми современниками было воспринято как знак божьего гнева, обращенного против антиклерикального французского правительства. Новая наука, предметом которой являлась сексуальная патология, быстро распространялась. Среди многочисленных публикаций в этой области следует отметить предостережение Альберта Молла против использования телесных наказаний — ввиду опасности вызвать косвенное сексуальное удовольствие у исполнителя наказания, наказуемого и зрителей[167]. Этнолог Генрих Шурц выдвинул теорию, согласно которой общество брало свое начало не в семье (что считалось до этого само собой разумеющимся), но в мужских союзах, — теорию, которая была подхвачена Хансом Блюхером и другими[168].

В том же году Жане получил должность профессора экспериментальной психологии в Коллеж де Франс и начал читать курс лекций о психологическом напряжении и эмоциях, между тем как Фрейд был назначен экстраординарным профессором Венского университета и приступил к организации небольшого психологического кружка, собиравшегося по средам вечером («Общество психологических сред»).

Текущая психиатрическая литература демонстрировала растущий интерес к зарождающейся на глазах новой динамической психиатрии. Врач из Варшавы, Теодор Дунин, сопоставил теории истерии, развивавшиеся Жане и Фрейдом, и предлагаемые ими методы ее лечения, и отдал предпочтение Жане, добавив, однако, что и другие способы лечения могли бы быть применены с равным успехом[169]. На Психиатрическом конгрессе в Гренобле идеи Фрейда относительно невроза тревоги стали предметом оживленной, но объективной дискуссии[170].

В Цюрихе Юджин Блейлер, новый профессор психиатрии и директор психиатрической больницы при университете (Бургхольцли) после ее реорганизации продолжал заниматься исследованиями dementia praecox и развивал свои идеи относительно этого заболевания перед молодыми врачами-интернами. Один из них, Карл Густав Юнг, зачисленный в больничный штат в конце 1900 года, опубликовал свою диссертацию «О психопатологии так называемых оккультных фено-

менов», после чего отправился в Париж, чтобы лучше познакомиться с учением Жане[171]. Эта диссертация получила благоприятную оценку в рецензии на нее Теодора Флурнуа, который в том же году закончил работу над своей историей медиума Элен Смит[172]. Дополнительная разработка Флурнуа этой темы в рецензии на диссертацию Юнга содержала в себе строки, по сути равнозначные *mea culpa:*

> Я считаю неоправданным, когда медиум слишком долго исследуется одним и тем же исследователем, потому что последний, как бы ни был он осторожен, неизбежно заканчивает тем, что исподволь формирует подсознание своего испытуемого (который поэтому легко поддается внушению) и запечатлевает в нем все более и более устойчивые искажения, препятствующие расширению сферы, в которой автоматизм испытуемого берет свое начало (стр. 116).

1903 год был отмечен возрастанием напряженности во всем мире. В Сербии король Александр III и королева Драга были убиты в результате заговора, организованного тайным обществом. Новый король, Петр I, стал проводить новый политический курс. Его правительство, состоявшее из рьяных националистов, противодействовало экспансии Австро-Венгрии и опиралось на поддержку России. То, что представлялось многим просто еще одним дворцовым переворотом в балканской стране, в действительности повлекло за собой вызывающее тревогу усиление напряженности в европейских странах. Во Франции правительство издало закон, запрещающий членам любых религиозных конгрегаций заниматься обучением детей; беспорядки, последовавшие за этим, приобрели такой размах, что происходящее в стране называли религиозной войной, разве что без кровопролития. На американском континенте Соединенные Штаты, успешно закончившие строительство Панамского канала, что в свое время не удалось французам, получили в территориальную концессию зону канала. На Международном медицинском конгрессе в Мадриде, проходившем в апреле 1903 года, Павлов прочитал доклад на тему «Экспериментальная психология и психопатология животных», содержавший в себе первые определения условного и безусловного рефлексов[173].

Из публикаций этого года три имели прямое отношение к динамической психиатрии. Жане издал два объемистых тома своих работ под названием «Навязчивые состояния и психастения» — всестороннее и тщательное описание навязчивых состояний и близких по своему типу психастенических расстройств, с приведением множества историй болезни и разработкой предложенных им новых понятий психической силы и напряжения[174].

Далее следует посмертно изданная работа Фредерика Майерса «Человеческая личность»[175]. Эта книга представляла собой не только единственное в своем роде собрание первоисточников по таким темам, как сомнамбулизм, гипноз, истерия, раздвоение личности и парапсихологические феномены, но и содержала законченную теорию бессознательного разума с его регрессивными, креативными и мифопоэтическими функциями[176].

Тем не менее в литературе по психологии за 1903 год ничто не могло сравниться по своему успеху с книгой Вейнингера «Пол и характер».

Вейнингер ставил своей целью создание новой метафизики пола: различие между мужчиной и женщиной берется у него в качестве отправной точки для освещения многочисленных психологических, социологических, моральных и философских проблем. Его основной тезис — фундаментальная бисексуальность человеческого существа. В первых главах своей книги Вейнингер дает сводку всех доступных ему анатомических, физиологических и психологических данных о бисексуальности живых существ. Он ссылается на датского зоолога Йоханна Йоптуса Стэнструпа, который еще в 1846 году утверждал, что принадлежность к тому или иному полу характеризует не только тело в целом, но и каждый орган и каждую клетку. Вейнингер считает, что всякий мужчина или женщина представляют собой сочетание — в различных пропорциях — двух субстанций: мужской *(arrhenoplasma)* и женской *(thelyplasma)*. И эта пропорция различна не только в любой клетке и органе каждого индивида, но колеблется у одного и того же индивида и может изменяться в ходе его жизни. Основной закон полового притяжения состоит в том, что любой индивид испытывает влечение к другому индивиду вследствие наличия у того дополняющей его пропорции (например, мужчина с пропорцией 3/4М. + 1/4Ж. будет искать женщину с пропорцией 3/4Ж. + 1/4М.). Гомосексуалисты являются промежуточными (интерсексуальными) в половом отношении существами, объекты любви которых тоже подчиняются этому закону взаимодополнительности, хотя и принадлежат к одноименному полу.

Согласно Вейнингеру, весь индивид целиком присутствует в любом из своих поступков, высказываний, чувств или помышлений, в любой момент своей жизни. Поскольку бисексуальность и противоположность мужского и женского типов суть постоянные данные, они будут находить отражение в любом из возможных секторов психической жизни. Вейнингер набрасывает типологию промежуточных типов: женственный мужчина, мужественная женщина (к последнему типу относятся женщины, борющиеся за эмансипацию; великие женщины — это существа, в которых мужской элемент является преобладающим). Но прежде всего Вейнингер описывает два противоположных идеальных типа: «абсолютного мужчину» и «абсолютную

женщину», которых не следует смешивать со средним мужчиной и средней женщиной. Существенное различие между мужчиной и женщиной в том, что у женщины сексуальная сфера распространяется на всю ее личность: «женщина — это ничего, кроме сексуальности, мужчина — это сексуальность плюс нечто еще... женщина *только* сексуальна, мужчина *также и* сексуален». У мужчины несколько хорошо локализованных эрогенных зон, у женщины они распространяются на все тело. Женщина постоянно сексуальна, мужчина — с промежутками. ... Мужчина обладает пенисом, вагина обладает женщиной. ... Все тело женщины находится в зависимости от ее гениталий». Мужчина более объективно судит о своей сексуальности, в отличие от женщины, он способен дистанцироваться от нее — или принять, или отвергнуть.

Другое фундаментальное различие между «абсолютным мужчиной» и «абсолютной женщиной» заключается в соответственно присущем им уровне сознания. Сознание женщины находится еще на стадии *гениды* (henide), то есть в состоянии, когда восприятие и чувство недифференцированы; у мужчины восприятие и чувство разделены, отсюда и большая ясность мысли, способность четко выражать мысли в слове и достигать объективности в суждениях. «Мужчина живет сознательно, женщина бессознательно». Половой функцией типичного мужчины по отношению к типичной женщине является приведение бессознательного (в ее лице) в сознательное. Гений — это способность к высшей ясности мысли в сочетании с универсальностью; следствием этого является присущая гению высшая степень мужественности, которой не способна достичь женщина. Психическая жизнь женщины и ее память лишены непрерывности; памяти мужчины свойственна непрерывность. Непрерывность — это основа логического мышления, этической жизни и личности в целом. Поэтому «женщина вообще» — алогична, аморальна, не имеет своего Я и не должна допускаться к общественным делам.

Вейнингер различает два противоположных идеальных типа женщин: «абсолютной проститутки» и «абсолютной матери». Тип матери существует только для сохранения человеческого рода; единственная цель женщин, принадлежащих к этому типу, — ребенок; они готовы стать матерью от любого мужчины; отличаются бесстрашием и бережливостью. Тип проститутки существует только ради половых сношений; женщины этого типа трусливы и расточительны. «Проститутка» получает побуждение к деятельности и понимание жизни в мужественности своего сына; и так как ни одна женщина полностью не представляет собой «материнский тип», то отношения матери и младенца всегда имеют определенное сходство с отношениями женщины и мужчины, свидетельством чему могут быть чувственное наслаждение, получаемое женщиной при кормлении грудью. Вейнингер различает *сексуальность* и *эротику*. Любовь — это иллюзия, созданная

страстным томлением мужчины. Отношение мужчины и женщины — это отношения субъекта и объекта; говоря языком Аристотеля, женщина является «материей», на которую оказывает действие мужская «форма». Мужское и женское начала распределяются неравномерно — не только среди человеческих особей, но и среди народов: китайцы, и особенно евреи, более «женственны»[177].

472 страницы книги Вейнингера имели дополнение в виде приложения, занимавшего 133 страницы, с цитатами из греческих, латинских и немецких классиков, Шекспира, Данте, древних и новых философов, Отцов Церкви, современных психиатров, включая Жане, Брейера, Фрейда, Флисса, Крафт-Эбинга, сексологов и других авторов. «Пол и характер» широко освещался в прессе, породил вокруг себя бурную полемику в обществе, был приветствуем в качестве шедевра и имел невероятный успех, особенно в немецкоязычных странах, а также в Италии, России и Дании. В Швеции этой книгой восхищался Стриндберг. В Вене только о ней и говорили. Ее успех был усугблен тем фактом, что ее двадцатитрехлетний автор покончил с собой в том же году[178].

Понятие основополагающей бисексуальности человеческого существа, наряду с понятием *либидо*, стало основой усовершенствованной классификации и теории сексуальных аномалий, развитой Г. Херманом в его «Либидо и мания»[179]. Эта небольшая по объему книга в то время не привлекла к себе особого внимания, но сегодня, в обратной перспективе, воспринимается нами в качестве предвестницы «Трех очерков» Фрейда.

Среди литературной продукции 1903 года стоит упомянуть еще две книги, которым было суждено приобрести известность несколько позднее, благодаря комментарию к ним Фрейда. Первой была апология, написанная душевнобольным чиновником, Даниелем Полем Шребером[180]. Другой книгой был небольшой роман Вильгельма Йенсена «Градива».

Норберт Ханольд, молодой археолог, с головой погруженный в изучение греко-римских древностей, вполне равнодушен к своим современникам и особенно к женщинам. Подружкой его детских игр была некогда маленькая Зоэ Бертганг, дочь профессора зоологии. Он настолько забыл о ее существовании, что не мог бы узнать при встрече, хотя она жила с ним на соседней улице. Как-то раз, оказавшись в Риме, Норберт увидел барельеф молодой женщины, изображенной в тот момент, когда она поднимает край одежды, чтобы сделать очередной шаг, причем тяжесть ее тела ложится на правую ногу, в то время как левая согнута для следующего шага. Ханольд влюбился в этот барельеф и сделал с него слепок для того, чтобы повесить его в своей комнате. Он создал в мечтах целый особый мир вокруг изображенной на барельефе девушки, назвал ее *Градивой* (Gradiva), что

означает в переводе с латинского «шествующая» (не замечая при этом, что произвел перевод фамилии Bertgang), и вообразил, что она была дочерью жреца из Помпеи, погибшей во время катастрофы, которая постигла город в 79 году н. э. Однажды ему приснилось, что он находится в Помпеях в день катастрофы и видит Градиву, идущую под падающими на нее хлопьями пепла, видит затем, как она падает в изнеможении на землю и превращается в камень. Под влиянием этого сна у него вдруг возникло желание поехать в Италию, что он и сделал, но в Риме и Неаполе его настолько отталкивали своим видом многочисленные брачные пары из Германии, проводящие здесь свой медовый месяц, что он решил уехать в Помпеи. Здесь ему приснилось, что он стоит под падающим на него пеплом и видит, как Аполлон несет на своих руках Венеру в ожидающий их экипаж. На следующий день, сидя в полдень среди развалин, он увидел реальную Зоэ, однако решил, что перед ним сама Градива. Поскольку в свое время он вытеснил мысль о Зоэ и перенес ее на Градиву своей фантазии, то теперь он перенес образ, созданный фантазией, на реальную Зоэ. Автор хорошо передает ощущения Норберта при виде Зоэ: перед ним и незнакомка, и одновременно кто-то очень хорошо знакомый. Зоэ постепенно поняла, во власти какой иллюзии он находится, и прониклась его чувствами. На следующий день Норберт встречает отца Зоэ, охотящегося за ящерицами, и узнает, что тот остановился в Солнечном отеле. Ночью после этого герой видит сон, в котором ему является Градива, сидящая на солнце и держащая в руке пойманную ею ящерицу, при этом она говорит: «Сохраняй спокойствие, коллега прав — она применила этот прием с успехом». На третий день Зоэ легко избавляет Норберта от его заблуждения, они обручаются и решают провести медовый месяц в Помпеях[181].

Для современников «Градива» была всего лишь одним из тех романов в неоромантическом стиле, содержание которых служило иллюстрацией модной тогда темы безрассудной влюбленности мужчины в «фантом» женщины[182].

История юноши, ищущего предмет своей грезы в реальной жизни и находящего его в подруге детских лет, была рассказана Новалисом в его «Учениках в Саисе»[183]. Состояние Норберта было хорошо знакомо психиатрам предшествующего столетия в качестве примера «экстатического видения»: Причард описал его в 1835 году как состояние, при котором элементы живой грезы и событий повседневной жизни полностью перемешаны[184]. Кто мог бы догадаться в 1903 году, что «Градива» будет спасена от забвения благодаря появившемуся четырьмя годами позже психоаналитическому комментарию к ней Фрейда? Среди психоаналитиков одно время было даже модным, чтобы на стене их консультационного кабинета висел гипсовый слепок с барельефа, изображаю-

щего Градиву, и те, кто жил в Париже в 1936 или 1937 году, может быть, помнят маленькую художественную галерею на рю де Сен под названием «Градива».

Год 1904 был ознаменован таким тяжелым ударом по европейскому престижу, какого еще не знали. Великая держава, Россия, подверглась нападению со стороны неевропейского государства, Японии, о самом существовании которого западная цивилизация получила более или менее определенное представление только полвека назад. Хуже всего было, вероятно, то, что ни одна страна не протестовала против вероломного характера японского нападения на русский флот — без объявления войны. Получив благодаря этому стратегическое преимущество с самого начала военных действий, японцы непрерывно наносили поражения русским. Нобелевская премия, которой был впервые награжден русский, физиолог Павлов, едва ли могла компенсировать его родине горечь случившегося.

Между тем в Соединенных Штатах, в городе Сент-Луис, штат Миссури, была организована международная выставка. Следуя примеру французских международных выставок, ее устроители включили в свою программу проведение Конгресса искусств и наук. Были организованы многочисленные секции, посвященные различным наукам. В секторе Mental Sciences (философии, логики и психологии) XV отделение было отдано психологии и включало в себя секцию анормальной психологии. Секретарем этой секции был д-р Адольф Мейер, а двумя приглашенными председателями — Пьер Жане и Мортон Принс. Пьер Жане, впервые посетивший Америку, прочитал 24 сентября 1904 года в Сент-Луисе доклад под заглавием «Анормальная психология в ее отношении к другим разделам психологии»[185]. Вслед за докладом Жане Мортон Принс говорил о «Некоторых современных проблемах анормальной психологии», в ходе своего выступления он сказал, что «определенные проблемы подсознательного автоматизма всегда будут ассоциироваться в сознании людей с именами Брейера и Фрейда в Германии, Жане и Адольфа Бине во Франции». Список основополагающих работ по анормальной психологии, составленный Мортоном Принсом, включал в себя работы Бернгейма, Флурнуа, Фореля и других, «Исследования истерии» Брейера и Фрейда, а также четыре книги Жане, три — Бине и две — Фрейда[186].

К тому времени репутация Жане как одного из ведущих специалистов в своей области прочно укрепилась в Соединенных Штатах, и по окончании конгресса он выступал с лекциями в Бостоне и ряде других мест. Из публикаций Жане того года заслуживает внимания история Ирен — в том отношении, что истерические симптомы возводятся здесь к травматическим событиям и объясняются с их помощью точно так же, как и в более ранних случаях Мари и Жюстины, описанных Жане, —

с той, однако, разницей, что Жане теперь признает, что воспоминание о травме до некоторой степени подверглось изменению (расходясь в данном случае с Фрейдом, настаивавшим на том, что бессознательные воспоминания остаются неизменными).

Два французских невропатолога, Камю и Панье, опубликовали очерк истории психотерапии, уделяя особое внимание методам изоляции, внушения, убеждения и воспитания[187]. Между тем новая звезда появилась на небосводе психотерапии. Швейцарский врач Поль Дюбуа учил, что невротические расстройства и многие психические недомогания являются продуктами воображения, и их можно вылечить волевым усилием, при помощи самовоспитания[188]. В 1904 году Дюбуа прочел курс лекций в Бернском университете о терапевтических методах, которые он использовал в своей практике и в санаториях. Согласно всем имеющимся отчетам, Дюбуа был очень удачливым психиатром; пациенты съезжались к нему со всех концов света, а профессор Дежерен из Сальпетриера обучался у него с целью усвоить его метод. Причины такого терапевтического успеха Дюбуа нельзя было понять из его сочинений, они казались загадочными его современникам.

В Вене «Психопатология обыденной жизни» Зигмунда Фрейда, изданная теперь в виде книги, была хорошо встречена прессой[189]. Когда Лёвенфельд готовил к выпуску свой том о навязчивых идеях, он обратился к Фрейду с просьбой написать для этого издания обзор его психоаналитического метода[190].

В Германии Хельпах в своем исследовании делал основной упор на роль принадлежности к тому или иному общественному классу в этиологии истерии, но в том, что касается психогенеза этого заболевания, он солидаризовался с теорией Фрейда[191]. Эмиль Райман (которому позднее суждено было стать ярым противником Фрейда) рассмотрел различные теории истерии, дав, в частности, объективный отчет о «теории Брейера–Фрейда», хотя и критически оценивая при этом терапевтические выводы, из нее следующие[192].

1905 год стал годом окончания русско-японской войны. Русские терпели поражение за поражением. Балтийский флот, который достиг Тихого океана, обогнув почти полсвета, был потоплен японцами в течение нескольких часов. Русская армия, осажденная в Порт-Артуре, была вынуждена капитулировать. Президент Теодор Рузвельт предложил свои услуги в качестве посредника в деле подписания мирного договора, который и был подписан в Портсмуте, штат Нью-Хэмпшир. Вслед за этим национальным унижением в России вспыхнула революция, но была подавлена. После этого царь дал согласие на проведение ряда реформ и на образование корпуса народных представителей в виде Думы. Тем временем Германия стала занимать более агрессивную позицию

в международных делах, и на территории Марокко у нее возник конфликт с Францией.

В этом же году Альберт Эйнштейн осуществил свою первую публикацию по теории относительности. В Женеве Клапаред опубликовал свою «Психологию ребенка», которая расценивалась многими как поворотный пункт в истории детской психологии и воспитания[193]. В Париже Альфред Бине вместе с Теодором Симоном познакомили общественность со своим методом измерения умственных способностей ребенка[194]. Эти двое ученых вряд ли могли догадываться, в какой степени и с какой быстротой их метод будет усвоен и получит практическое применение[195]. Книга Фореля о половом вопросе имела немедленный успех в обществе, и автору еще не раз приходилось переиздавать ее, каждый раз дополняя новым материалом[196].

1905 год был успешным для Зигмунда Фрейда, который опубликовал в этом году три из своих главных работ: «Три очерка по теории сексуальности», «Остроумие и его отношение к бессознательному» и историю болезни пациентки Доры. Нередко приходится слышать, что «Три очерка» явились «революционным новшеством», «вызвавшим бурю негодования и возмущения». Последние два утверждения, по меньшей мере, преувеличены. На протяжении предшествующих трех десятилетий, и особенно после публикации Крафт-Эбингом «Сексуальной психопатии», имел место непрерывно увеличивавшийся поток литературы по сексуальной психологии и патологии, и едва ли в «Трех очерках» можно найти что-либо, чего еще не было в той или иной форме сказано раньше. Более того, объективный обзор современной Фрейду литературы неоспоримо свидетельствует, что идеи Фрейда были встречены многими с сочувственным интересом. Брай и Рифкин привели в своей книге выдержки из положительных рецензий, принадлежащих Ойленбургу[197], Нэке[198], Розе Майредер[199], Адольфу Мейеру[200] и в особенности Магнусу Хиршфельду[201]. Этот список при желании можно было бы продолжить. В журнале Карла Крауса «Die Fackel» Отто Сойка сопоставлял фрейдовские «Три очерка» с «Половым вопросом» Фореля. Сделав несколько язвительных замечаний в адрес последней книги, он, тем не менее, отдал ей предпочтение — по причине ее объема, новизны и стилистических достоинств — перед книгой Фрейда, и поставил в один ряд с «Метафизикой любви» Шопенгауэра[202].

Расцвет психоанализа: 1906–1910

Характерной чертой этого периода был контраст между медленным развитием работы Жане, протекавшей в академических рамках, и стремительным ростом фрейдовского психоанализа, приобретшего уже качество некоего движения.

1906 год, как и предыдущий, был полон напряженности и слухов о войне. Конфликты вокруг Марокко и на почве распределения колоний снова поставили европейские державы на грань войны, но мир был сохранен благодаря Конференции в Алкесире, на которой был подтвержден суверенитет Марокко, хотя и при наличии административного контроля со стороны Испании и Франции. В итоге немцы почувствовали, что при помощи этого урегулирования их обвели вокруг пальца. В Соединенных Штатах Сан-Франциско был практически уничтожен в результате землетрясения и последующего пожара[203].

В Женеве Клапаред организовал семинар по педагогической психологии, но был вынужден прекратить его работу вследствие интриг. Будучи человеком широких интересов, он также начал проводить вместе со своими студентами эксперименты, связанные с психологией свидетельских показаний, в то время как Бине во Франции занимался исследованием свидетельских показаний детей.

В Париже Жане столкнулся с растущей оппозицией в лице Бабинского и Дежерена. Бабинский, как мы уже видели, являлся лидером направления, которое можно было бы назвать антипсихологическим. Дежерен был сторонником психотерапии, но метод, который он вводил в Сальпетриере, был заимствован им у Дюбуа. Репутация Жане была очень высока в Соединенных Штатах; он был приглашен на торжественное открытие новых зданий Медицинской школы в Гарварде и прочел там серию лекций в период с 15 октября и по конец ноября.

Под руководством Юджина Блейлера Университетская психиатрическая больница при Цюрихском университете (Бургхольцли) стала подлинно передовым и эффективным центром в медицинской сфере, а сам Блейлер опубликовал выдающееся исследование паранойи[204]. Двумя годами раньше он встречался с Фрейдом и принял некоторые из его идей. Он признавал, что принципы, которыми руководствовался Фрейд, могли бы принести помощь в понимании смысла маний и бреда у определенной части психотических пациентов[205]. Блейлер поручил Карлу Густаву Юнгу исследование dementia praecox посредством теста словесных ассоциаций. Как мы уже видели, это исследование дало вскоре неожиданные результаты[206]. Юнг обнаружил, что тест словесных ассоциаций мог бы использоваться в качестве средства для обнаружения комплексов. Психологический тест по сути дела впервые был применен для исследования подсознательного разума.

По мере того, как идеи Фрейда все шире распространялись, в их адрес усиливалась и критика. Ашаффенбург писал, что пока Фрейд выступал в одиночку со своими утверждениями относительно роли сексуальности в неврозах, достаточно было ограничиться проверкой его интересных идей в каждом отдельном случае; но теперь, когда такие

известные авторы, как Лёвенфельд, Хельпах, Блейлер и Юнг открыто встали на сторону Фрейда, необходимо, чтобы медицинская общественность заняла определенную позицию в этом вопросе. Ашаффенбург не сомневался, что в утверждениях Фрейда относительно роли воспоминаний и сексуальности в истерии имеется доля истины, однако у него имелись некоторые сомнения, касающиеся способа, каким Фрейд исследовал психику своих пациентов, и того, насколько прочными были результаты его лечения. Фрейд не давал точных сведений ни о количестве своих пациентов, ни о процентном соотношении успешного и отрицательного исходов лечения. Любой психиатр, отмечал Ашаффенбург, каким бы методом он ни пользовался, уделяя столько времени своему пациенту, сколько ему уделяет Фрейд, добился бы успеха в лечении. Юнг незамедлительно ответил на эту критику в том же самом журнале, заявляя, что он использовал метод Фрейда в своей практике и убедился в его полезности во всех отношениях[207].

В Соединенных Штатах психиатр Адольф Мейер, уроженец Швейцарии, начал обучать новому пониманию dementia praecox, даже более новаторскому по сравнению с концепцией Блейлера[208]. Любой человек, говорил Мейер, способен реагировать на огромное множество ситуаций, предлагаемых ему жизнью, только с помощью ограниченного количества типов реакций. Некоторые из них благотворны и приводят к вполне удовлетворительной адаптации, другие носят временный, паллиативный характер. Однако иные реакции определенно вредны и опасны (угрожающее бессвязное бормотание, вспышки раздражения, истерические припадки, необоснованные затянувшиеся предубеждения и т. п.). У пациентов с тенденцией к хронической dementia praecox определенные типы неадекватных реакций встречаются с такой частотой, что эту регрессию навыков следует рассматривать в качестве основного патологического процесса, и понимание этого обеспечило бы разработку нового терапевтического метода.

Роман «Имаго» швейцарского поэта (и будущего нобелевского лауреата) Карла Шпиттелера появился в 1906 году и имел неожиданный успех среди психоаналитиков[209].

Тридцатичетырехлетний поэт по имени Виктор возвращается после долгого отсутствия с кратким визитом в городок, где он родился и провел юношеские годы. Когда-то давно он случайно познакомился здесь с одной девушкой — Теудой Нойком; с обеих сторон тогда не прозвучало ни слова о любви. Теуда ничего не знала о его чувствах к ней, однако Виктор обрел благодаря этой краткой встрече с ней «парусию» (parusia), то есть нечто вроде духовного откровения или ощущения присутствия высшего начала. Он превратил Теуду в идеальный образ и источник вдохновения под име-

нем *Imago*. И вот теперь он узнает, что она замужем за неким директором Виссом, и у нее ребенок. Он решает подвергнуть символическому наказанию «неверную» и дает ей имя *Псеуда* (Pseuda), внося таким образом коррективы в первоначальный образ. Вскоре Виктора приглашают на собрания местного благотворительно-увеселительного общества «Идеалиа». Несмотря на совершаемые им в обществе промах за промахом, он принят в доме директора Висса и становится здесь своим человеком. Директор просит его написать стихи для прочтения их на ежегоднике «Идеалии». Участниками небольшой любительской труппы, переодетыми до неузнаваемости, разыгрывается нечто вроде инсценированной волшебной сказки. Когда артиста, который должен был исполнять роль медведя, отзывают по какому-то срочному делу, Виктора просят заменить его. Он соглашается, и ему представляется возможность рычать по-медвежьи, к вящему удовольствию публики. Представление достигает кульминации, когда фрау Висс начинает декламировать стихи, обращенные к стоящему перед ней большому кокону. В этот момент покровы с кокона спадают и на свет появляется «бабочка», а точнее девочка-сиротка, *Idealkind* (идеальное дитя), состоящая на попечении «Идеалии». Теперь уже она, в свою очередь, читает стихи, адресованные своим благодетелям. Виктор вдруг начинает понимать, что он безумно влюблен в Теуду. Однако он продолжает совершать новые ошибки. Тем не менее Виссы приглашают его на день рождения своего маленького ребенка. Теуда, в белом одеянии, словно сказочная королева, с двумя крыльями и короной на голове, декламирует стихи; восхищенный Виктор взирает на нее как на богиню. Несколькими днями позже он бросается перед ней на колени и признается в своей любви. Для того чтобы помочь ему выйти из этой щекотливой ситуации, Теуда разрешает ему ежедневно навещать ее и вести беседы. Их разговоры постепенно приобретают более бесстрастный характер, и однажды она спрашивает Виктора, когда он собирается покинуть их город. Когда Виктор приходит на следующий день, Теуды не оказывается дома, и его очень любезно принимает ее муж, однако из нескольких прозрачных намеков, сделанных ему во время беседы, Виктору становится понятно, что его дальнейшие визиты нежелательны. Вечером того же дня хозяйка гостиницы, где остановился Виктор, фрау Штейнбах, молодая вдова, сердито спрашивает его, когда он, наконец, поймет, что его дурачат, как мальчишку. Виктор узнает, что каждое слово, сказанное им Теуде, пересказывалось ею не только мужу, но и фрау Штейнбах. Виктор почувствовал, что сгорает от стыда. На следующий день он покидает этот город, так, кстати, и не заметив, что фрау Штейнбах была с самого начала влюблена в него. Но теперь он распутал этот узел и отделил подлинную *Имаго* от реальной Теуды и фальшивой *Псеуды*. Очистившийся лик *Имаго* на всю жизнь останется для него излучающим свет источником вдохновения.

Как сюжет, так и стиль этого романа выглядят сегодня поразительно анахроничными, но «Имаго» Шпиттелера следует понимать в свете мышления того времени. Мы видели, что понятие рожденного фантазией образа, проецируемого на реальную личность, являлось общей темой романтической философии и литературы, и что оно снова стало широко обсуждаемой темой в конце девятнадцатого столетия[210]. Много было написано о *femmes inspiratrices** и разрушительных последствиях смешения реальной личности с фантомом. Роман Йенсена «Градива», появившийся в 1903 году, дал новый поворот этой теме — в том смысле, что женщина, ставшая объектом проекции, помогла герою этой истории освободиться от иллюзии при помощи своего рода психотерапии. В сущности, о том же самом рассказывает и Шпиттелер в своем романе, только, может быть, с большей психологической проницательностью. Его роман можно воспринимать в качестве одного из связующих звеньев между романтической традицией и новой динамической психиатрией. Роман Шпиттелера был восторженно встречен психоаналитиками; они заимствовали понятие *imago* для обозначения образа, который бессознательно создает индивидуум для своих отца и матери, независимо от того, соответствует этот образ действительности или нет. Это понятие позднее эволюционировало в юнговскую концепцию *анимы*. Название «Imago» было также дано психоаналитическому журналу, серии психоаналитических книг и, наконец, издательству, публиковавшему полное собрание трудов Фрейда.

В 1907 году французские оккупационные войска высадились в Марокко, а президент Теодор Рузвельт отправил Великий Белый Флот в кругосветное плавание с целью демонстрации американской военной мощи. На юге Франции в связи с разразившимся сельскохозяйственным кризисом имели место беспорядки, бурные споры шли вокруг появлявшихся одна за другой новых художественных школ, и дерзкие молодые дарования, такие, как Пикассо, привлекали к себе всеобщее внимание.

В Берне огромным успехом пользовался Дюбуа с его теорией о воздействии разума на тело; его книги непрерывно переиздавались и переводились на иностранные языки. В феврале 1907 года Юнг вместе со своим юным коллегой Людвигом Бинсвангером отправился в Вену, чтобы нанести визит Фрейду. Фрейд, несмотря на численный рост его венской группы, был не вполне удовлетворен тем, как воспринимались его идеи в Вене, и ему было приятно узнать, что его идеи были хорошо приняты в университетской среде. Личность Юнга произвела на Фрейда самое благоприятное впечатление, и он готов был видеть в нем своего потенциального преемника.

---

* *femmes inspiratrices* — женщины-вдохновительницы. — *Прим. пер.*

В свою очередь Юнг считал, что теперь он нашел учителя, которого так долго искал, и с увлечением стал пропагандировать фрейдовские концепции в стенах Бургхольцли. Начиная с этого времени стало казаться, что у психоанализа теперь два центра — Вена и Цюрих, и весь медицинский персонал Бургхольцли был охвачен страстным интересом к идеям Фрейда. Д-р А.А. Брилл, в те годы еще молодой врач, приехавший на стажировку в Бургхольцли, много лет спустя вспоминал о своих тогдашних впечатлениях:

> В 1907 году все сотрудники Бургхольцли были с головой погружены в изучение психоанализа Фрейда. Сам директор клиники, профессор Юджин Блейлер, первым среди ортодоксальных психиатров признавший ценность фрейдовского вклада в науку, настаивал, чтобы его ассистенты овладевали этими новыми теориями и использовали методики Фрейда в своей клинической практике. Все ассистенты во главе с Юнгом активно применяли в своей работе тест словесных ассоциаций; ежедневно в течение нескольких часов они обследовали с помощью этого теста своих пациентов, чтобы экспериментальным путем установить, корректны ли в научном отношении взгляды Фрейда... Сегодня просто невозможно описать, что я почувствовал, когда был принят в круг этих пылких и восторженных тружеников науки. Я уверен, что подобного коллектива психиатров-энтузиастов, забывавших обо всем, кроме своей работы и интересов истины, не существовало ни до, ни после. Порой казалось, что не только фрейдовские принципы применяются при лечении страдающих неврозами и навязчивыми идеями, но что сам психоанализ стал навязчивой идеей всех сотрудников клиники, превращая их в своего рода одержимых[211].

С каждым годом росло число учеников, группировавшихся вокруг Фрейда в Вене, к ним присоединялись и иностранные визитеры. Оригинальные работы выходили уже из-под пера и самих учеников. Таким, например, было «Исследование неполноценности органа», принадлежавшее Альфреду Адлеру[212]. Совсем еще юноша, двадцатиоднолетний Отто Ранк, произвел заметное впечатление на психоаналитическую группу своей монографией «Художник»[213].

Чем больше психоанализ приобретал характер движения, тем больше споров разгоралось вокруг него. В качестве примера мы возьмем Первый международный конгресс по психиатрии и неврологии, проходивший в Амстердаме со 2 по 7 сентября 1907 года и предоставивший участвующим в нем хорошую возможность продемонстрировать соперничающие направления внутри динамической психиатрии во всем их блеске[214]. Одна из основных дискуссий, проходившая 4 сентября, была посвящена современным теориям генезиса истерии, а основной доклад

на эту тему было поручено сделать Жане. Жане снова повторил свою теорию подсознательных навязчивых идей и сужения поля сознания, являющегося следствием психической диссоциации, и заключил тем, что истерия относится к более широкой группе психических депрессий. Выступая после Жане, Ашаффенбург прочел доклад, содержащий критику фрейдовской теории истерии. Теория Фрейда, сказал он, не объясняет, почему после перенесения сходной травмы одни индивиды заболевают истерией, а другие нет; несомненно, здесь играет важную роль предрасположенность к психической болезни. Фрейд и Юнг, добавил он, делают столь сильный упор на сексуальность, что содействуют появлению сексуальных представлений у пациентов.

Третьим докладчиком был Карл Густав Юнг, который начал с исторического обзора и заявил, что «теоретические предпосылки интеллектуальной стороны фрейдовского поиска находятся, главным образом, в данных, полученных в результате экспериментов Жане». Юнг дал пространный очерк психоаналитической техники и заявил, что его собственный опыт подтвердил правильность теории Фрейда по всем пунктам. Если верить Джонсу, присутствовавшему на конгрессе, Юнг «допустил ошибку, не проведя предварительного хронометража своего доклада, а также отказавшись подчиниться неоднократным призывам со стороны председателя закончить выступление. В конечном счете он был вынужден это сделать, после чего, с побагровевшим, сердитым лицом крупными шагами вышел из зала»[215].

На следующий день, 5 сентября, продолжалась оживленная дискуссия о природе истерии, и присутствующие имели возможность ознакомиться с самыми различными точками зрения[216]. Дюпре, Огюст Мари и Соллье поочередно отстаивали каждый свою теорию. Жуар утверждал, что истерия возникает в результате изменений нервного потенциала и что он изобрел аппарат, «стенометр», который мог бы показывать эти изменения. Беццола сказал, что он согласен с прежней теорией Брейера–Фрейда, но не может принять более позднюю, психоаналитическую, теорию истерии, развиваемую Фрейдом. Отто Гросс и Людвиг Франк выступили в поддержку фрейдовской теории, после чего Конрад Альт и Хайльброннер подвергли ее яростной критике. Альт заявил: «если взгляды Фрейда на генезис истерии восторжествуют, то бедняги, страдающие истерией, снова окажутся в положении изгоев. Это был бы огромный шаг назад с точки зрения морального прогресса, не говоря уже о вредоносных последствиях его для несчастных больных». Жане заявил: «Первая работа об истерии месье Брейера и Фрейда, появившаяся в 1895 году, представляет собой, по моему мнению, интересный вклад в работу французских врачей, которые в течение пятнадцати лет анализировали психическое состояние страдающих истерией с помо-

щью гипноза или автоматического письма». Брейер и Фрейд обнаружили случаи, сходные с теми, что были уже описаны французскими авторами, добавил Жане, но Фрейд сделал из них неправомерные выводы. Всем нам известно, сказал он в заключение, что при анализе истерии иногда обнаруживаются навязчивые идеи сексуального характера, но было бы ошибкой основывать общую теорию истерии на этих отдельных случаях.

Дюбуа рассказал о своем методе лечения фобий. Эмоции, сказал он, всегда следуют за идеями, поэтому задача лечения в том, чтобы устранить коренную причину заболевания, а таковой является ложная идея, которой пациент позволил проникнуть в свой разум. Ван Рентергем в своем выступлении дал классификацию психотерапевтических методов, разбив их на три группы: методы, направленные на аффективность пациента (например, рассеять его страхи или вселить в него мужество); методы, апеллирующие к его интеллекту (разъяснения по поводу причин болезни, тренинг и перевоспитание); и, наконец, методы, нацеленные на воображение (различные формы суггестивного лечения).

Интересно отметить, насколько высок был престиж Жане на этом конгрессе. Ему было поручено выступить с основным докладом по проблеме истерии; Юнг приписывал ему авторство основных идей, из которых возник психоанализ, а молодой английский врач Эрнст Джонс в докладе об аллохирии сослался на «замечательный очерк профессора Жане, который не получил, к сожалению, того внимания, которого он заслуживает». Другая примечательная особенность этого конгресса — заметное оживление дискуссии, как только речь заходила о психоанализе. В сообщении о конгрессе Конрад Альт утверждал, что среди присутствовавших на конгрессе многочисленных немецких неврологов и психиатров теории фрейдистского толка не встретили сколько-нибудь заметной поддержки[217]. Упоминалось, что Жане назвал фрейдовскую гипотезу относительно истерии шуткой (une plaisanterie)[218].

Эти споры вокруг психоанализа на амстердамском конгрессе являлись частью более широкой полемики, смысл которой нередко был затемняем различными легендами и преувеличениями. Так, Джонсом цитируется одна из научных статей Фридлендера, по его мнению, «полная грубых ошибок и нежелания понять теорию оппонента»[219]. На самом же деле Фридлендер в этой статье отдавал должное методу Фрейда и писал: «Я считаю “Исследования” Брейера–Фрейда одной из наиболее ценных работ по истерии»[220]. Тем не менее Фридлендер не принимал довод Юнга, что только те, кто уже практически применял психоаналитический метод, имеют право ставить под сомнение концепцию Фрейда; один из способов, опровергающих Фрейда, заключался, по мнению

Фридлендера, в успешном лечении истерии неаналитическими методами. Фридлендер приводил пример исцеления семи страдавших тяжелой формой истерии пациентов, — исцеления отнюдь не с помощью аналитического метода, причем болезнь не возвращалась к ним в течение вот уже двух десятилетий. То же самое можно было бы сказать и о приписываемых Вейгандту яростных нападках на психоанализ[221]. У Вейгандта вызывала возражение манера, в какой ученики Фрейда сравнивали своего учителя с Галилеем, и то, что они отказывались прислушиваться к любому мнению, не совпадавшему с теориями Фрейда. Вейгандт также протестовал против аргумента фрейдистов, что «только те, кто применял психоаналитический метод, имеют право обсуждать его», поскольку, говорил он, «ошибочные методы приводят к ошибочным выводам, и повторение ошибочного метода будет с необходимостью воспроизводить ту же самую ошибку снова и снова». Кроме того, Вейгандт считал некоторые психоаналитические термины ненаучными, например, «осуществление желаемого». В книжной рецензии на юнговскую «Психологию Dementia Praecox» Иссерлин задавался вопросом, существует ли каузальная связь между конкретным словом теста и ответом на него, и действительно ли такой ответ обнаруживает отколовшиеся комплексы[222]. И эту осторожную методологическую критику Джонс называет «яростной полемикой».

В 1908 году Османская империя продемонстрировала миру, что она еще жива. Произошло событие, в котором некоторые видели предсмертную судорогу, другие же — первый признак выздоровления. Группа революционно настроенных офицеров, младотурки, не желавшие более мириться с кровавым деспотизмом султана Абдул-Хамида II, произвела государственный переворот, после чего султан был вынужден предоставить им часть мест в правительстве. В результате этих событий воспрянули духом и угнетаемые национальные меньшинства Османской империи. Провозгласила свою независимость Болгария, резко поднялась национальная агитация среди армян, мечтавших освободиться от турецкого гнета, как это уже сделали греки, сербы и болгары. Австро-венгерское правительство, со своей стороны, воспользовалось моментом, чтобы объявить аннексию провинций Боснии и Герцеговины, которые в течение последних трех десятилетий находились под номинальной властью султана, хотя фактически управлялись австро-венгерской администрацией. Эта аннексия усилила политическую напряженность в отношениях между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Сербией и Россией, с другой. Напряженность в отношениях между Германией и Францией не уменьшалась. Восстановление дружественных отношений между Францией и Англией, торжественно провозглашенное королем Эдуардом VII, принимает все более осязаемую форму, в результа-

те чего Германия начинает все сильнее ощущать себя жертвой своего окружения.

У людей появляется чувство, что жизненная атмосфера в мире изменилась и стала пропитана флюидами насилия и разрушения. Анархисты не прекращают своей деятельности, и португальский король Карлуш I становится жертвой политического убийства. Среди европейских интеллектуалов возникают новые течения, характеризующиеся антидемократизмом, антиинтеллектуализмом и футуризмом. Экономист Жорж Сорель опубликовал свои «Размышления о насилии», пафос которых — отрицание либеральной веры в разум и прогресс[223]. Публика была шокирована выставками художников-кубистов. Многие задумываются о грядущих ужасных войнах как неизбежном исходе сложившейся международной ситуации. Карл Краус выступил с предсказанием, что с появлением на сцене авиации крушение нашего мира становится реальностью[224].

Никогда прежде так много не говорили о психотерапии, как теперь: и в плане устройства психиатрических лечебниц, и в плане приватного лечения. Два американца, Е. Райан[225] и Р.К. Кларк[226], посетившие германские и швейцарские соответствующие учреждения, были в восторге от терапевтических достижений в психиатрических больницах, осмотренных ими в Берлине, Мюнхене, Тюбингене и Цюрихе. Оберндорф, который проходил стажировку в Германии в том же году, рассказывает о санатории неподалеку от Берлина, «Haus Schonow», где спортивные мероприятия, занятия садоводством и лечение с помощью искусства были задействованы на полную мощность[227]. К услугам пациентов были даже домашние животные (включая осла). В Париже Пьер Жане сделал в Коллеж де Франс обзор всех методов психотерапии, начиная с чудесных религиозных исцелений, в особенности же подробно останавливаясь на гипнозе, внушении, перевоспитании и тренинге.

Фрейд был теперь всемирно известным психотерапевтом с обширной практикой, и к нему продолжали непрерывно прибывать новые ученики, в числе которых были, например, Ференци и Брилл. 26 апреля в Зальцбурге была проведена неформальная встреча лиц, интересующихся психоанализом, собравшая сорок двух участников, причем большинство из них были из Австрии. Из шести докладов, прочитанных на этой встрече, один принадлежал Фрейду, представившему в нем выдержки из истории болезни своего ставшего впоследствии знаменитым пациента, Человека-Крысы. В последующие годы эта встреча стала более известной под названием Первого международного психоаналитического конгресса.

Некоторые из благожелательно настроенных к Фрейду критиков выражали, тем не менее, скептицизм и озадаченность в связи с отдель-

ными его работами. Примером такой реакции может служить рецензия Груле на статью Фрейда «Культурная сексуальная мораль и современная нервозность»[228]. Дав подробный и объективный пересказ содержания статьи, Груле добавлял, что выводы из него он предоставляет делать самому читателю. «Наверное, приятно иногда бродить, — замечает он в заключение, — непроторенными, фантастически выглядящими тропинками, которые уводят нас далеко прочь от мира — в царство странных грез». Более решительная оппозиция психоанализу исходила от лиц, которые еще недавно воспринимали его с энтузиазмом. Знаменитый журнал Карла Крауса «Fackel», который вел ожесточенную войну с условной сексуальной моралью и прославлял маркиза де Сада и Вейнингера, с похвалой отозвался в свое время о «Трех очерках» Фрейда. Теперь же Карл Краус поднимал на смех психоаналитика, пытающегося обнаружить, фантазии мастурбационного характера в гетевском стихотворении «Ученик чародея»[229]. Краус отрицал исцеляющую силу психоанализа и сравнивал психоаналитиков с метеорологами, которые возомнили бы, что в их власти не просто предсказывать погоду, но и оказывать на нее влияние.

Между тем полемика в психиатрических кругах продолжалась. 9 ноября 1908 года Карл Абрахам прочитал в Психиатрической ассоциации Берлина доклад о браках между близкими родственниками с точки зрения невротических последствий[230]. По рассказам современников, это заседание превратилось постепенно в почти необузданное собрание, что выразилось, в частности, в неистовых вспышках гнева со стороны Оппенгейма против «подобных чудовищных идей», со стороны Цигена — против «таких фривольных заявлений» докладчика и просто «бессмыслицы», и особенно со стороны Брааца, выкрикивавшего, что «немецкие идеалы находятся под угрозой, и необходимы какие-то решительные меры, чтобы защитить их»[231]. Тем не менее, согласно официальному стенографическому отчету, встреча была далеко не столь бурной. Оппенгейм, несмотря на неприятие им эдипова комплекса, сказал, что он имел дело со случаями, сходными с теми, о которых сообщал Абрахам, и что он согласен с его интерпретациями. Циген, действительно заявил, что идеи Фрейда — «бессмыслица», однако нашел наблюдения Абрахама интересными и в большинстве случаев верными. Ротман высказал мнение, что браки между состоящими в кровном родстве были широко распространенным явлением среди евреев, поскольку последние жили изолированными общинами. В заключительном слове Абрахам заявил, что он согласен с Оппенгеймом, но не в отношении интерпретации, а в том, что касается признания им самим фактов подобного рода.

1909 год характеризовался продолжающимся усилением повсюду в Европе напряженности. В Турции консервативные элементы ор-

ганизовали мятеж против младотурок в Стамбуле и 31 марта зверски расправились с их лидерами. Однако армейские подразделения, находившиеся под командой младотурок, оказались в состоянии удержать власть и свергнуть Абдул-Хамида II с престола, поставив на его место его брата, Мухамеда V. Новое турецкое правительство было исполнено решимости реорганизовать и модернизировать свою страну. Армия была поставлена под контроль германских военных советников. В стране набирало силу свирепое националистическое движение, следствием чего стала массовая резня армянского населения в Киликии и Константинополе. Новое правительство старалось оживить турецкую литературу и культуру. Широкая мировая общественность была восхищена покорением Северного полюса американцем Пири, исследованиями Шеклтона в зоне Южного полюса и первым перелетом на самолете через Ла-Манш, осуществленным Блерио.

Шестой международный психологический конгресс проходил в Женеве со 2 по 7 августа под председательством Клапареда[232]. Основной темой конгресса было *Подсознательное*, а основной доклад было предоставлено сделать тому, кто ввел в обращение сам этот термин, т. е. Пьеру Жане. Проблема, занимавшая Жане, заключалась в том, чтобы провести четкое различие между подсознательным, являвшимся для него клиническим понятием, и бессознательным как философской категорией. Первый термин был изобретен, чтобы обобщить, суммировать странные психические особенности, представленные у той или иной определенной личности, страдающей психическими расстройствами в форме невроза или истерии, всегда имеющих специфический, индивидуальный характер. На этом конгрессе отсутствовали психоаналитики, которые могли бы, вероятно, выступить с возражениями Жане и получить от него разъяснения, однако в последующих публикациях они, тем не менее, неверно истолковали его позицию — в том смысле, что он отказался от своих прежних взглядов и отрицает существование бессознательного.

Ввиду непрерывно возрастающего интереса к психотерапии, предпринимались попытки определить и сравнить истинную ценность существующих методов. В Америке вышел коллективный труд, изданный В.Б. Паркером, содержащий в себе работы по философии и истории психотерапии, а также обозрение различных методов: религиозно окрашенной терапии, практикуемой движением Эммануэля, морального лечения Дюбуа, изоляционного метода Дежерена, трудовой терапии, терапии посредством анализа и видоизменения окружающей среды и, наконец, процедуры «творческого утверждения», разработанной Кэботом[233]. Глава о психоанализе была написана Бриллом[234]. В заключительной главе Р.К. Кэбот подвергал критике наметившуюся в последнее

время моду рассматривать работу Фрейда в качестве наиболее научной части психотерапии; по его мнению, только работа Жане заслуживала подобного отношения к себе, хотя, в принципе, каждый метод мог бы быть полезен[235].

Между тем психоаналитическое движение делало все более заметные успехи. Фрейд и Юнг вместе с рядом других ученых получили приглашение принять участие в праздновании двадцатой годовщины основания Кларкского университета в Вустере, штат Массачусетс. Выразительный отчет о посещении Фрейдом и Юнгом Америки был написан Джонсом[236]. Отчеты о научных заседаниях можно найти в трудах университета, а любопытная информация по поводу этих событий в изобилии рассыпана в нью-йоркских и бостонских газетах[237].

В первые дни сентября 1909 года «New-York Times» сообщала читателям, что Кук заявляет, что он первым достиг Северного полюса, что наследный принц Абиссинии подарил белого слона президенту Рузвельту, что первый национальный авиационный парад был публично проведен в Реймсе во Франции и что пароход «Джордж Вашингтон» прибыл из Бремена 30 августа. Достаточно любопытно, что список почетных пассажиров не включал в себя фамилий Фрейда и Юнга; тем не менее был упомянут психолог Уильям Стерн.

«Boston Evening Transcript» снабжала своих читателей подробной информацией о празднествах и лекциях. В понедельник 6 сентября Уильям Стерн говорил о психологии свидетелей, новой отрасли прикладной психологии, в которой ему принадлежала роль первооткрывателя, а на следующий день он же говорил о проблемах школьной психологии. Среди других выдающихся ученых, выступавших во вторник, 7 сентября, были Франц Боас и Зигмунд Фрейд. «Boston Evening Transcript» сообщала 8 сентября:

> Изучавшие книгу д-ра Фрейда о психическом анализе, несомненно, представляли его себе в виде бесстрастной и мрачной личности, но это предубеждение совершенно исчезает, когда сталкиваешься с человеком, слегка согбенным и седым, но с благожелательным лицом, которое, кажется, никогда не сможет стать под влиянием возраста холодным и чопорным, и с увлечением слушаешь его рассказы о своих пациентах. К тому же д-р Фрейд отличается скромностью и воздает должное заслугам д-ра Брейера, своего коллеги, в гораздо большей степени, чем того заслуживает человек, который просто в течение десяти или чуть более лет не возражал против открытия, совершенного другим. Эта характерная черта д-ра Фрейда проявилась еще раз, когда он — говоря с аудиторией по-немецки, но, в отличие от д-ра Стерна, с продуманной ясностью, — говорил о своей собственной болезни. Д-р Франц Боас... великодушно уступивший свое место в утрен-

ней программе гостям, был в восторге от этой жертвы, и хотя друзья д-ра Боаса утешали себя мыслью, что его выступление заслуживает того, чтобы его подождать, они были рады в первую очередь познакомиться с венцами, которым, по-видимому, справедливо приписывается честь открытия, делающего эпоху.

Кроме того, в этот день были заслушаны стоящие на очень высоком научном уровне доклады по биологии, математике, а итальянский физик Вольтерра сообщил на французском языке о теориях Максвелла и Лоренца.

В четверг, 9 сентября, широкий спектр научных тем обсуждался в различных секциях. Титченер говорил об экспериментальной психологии, К.Г. Юнг — о тесте словесных ассоциаций, а Лео Бюргерштейн из Вены («который уже стал любимцем аудиторий Кларка») о совместном обучении лиц разного пола. Адольф Мейер прочел «поразительное эссе» о динамических факторах в dementia praecox, лекции же Фрейда нашли восторженных слушателей.

В пятницу, 10 сентября, присутствующих продолжали угощать смесью из лекций на самые разнообразные ученые темы. Фрейд подчеркнул в своей лекции, что его теория является «динамической», в противоположность «эредитарной» (признающей ведущую роль наследственных факторов) теории школы Жане. Юнг надолго заворожил свою аудиторию рассказом о том, с каким успехом он использовал свой тест словесных ассоциаций при раскрытии преступлений и в обнаружении скрытых причин заболевания. Академическая атмосфера была нарушена в полдень, когда на конференции по вопросам воспитания анархистка Эмма Гольдман в сопровождении небезызвестного Бена Рейтмана прервала ход дискуссии.

В субботу, 11 сентября, в «Boston Evening Transcript» было опубликовано пространное интервью Адельберта Альбрехта с Зигмундом Фрейдом[238]. По словам Альбрехта, Фрейд предсказал, что вызывавшее тогда много толков в Соединенных Штатах движение Эммануэля прекратит свое существование. В качестве пионеров психотерапии Фрейд упомянул Льебо, Бернгейма и Мёбиуса. Он отозвался о гипнозе как о «неудаче и методе, имеющем сомнительную нравственную ценность». Что касается психоаналитического лечения, то Фрейд сказал: «Я обычно бываю в состоянии применять свой метод только к случаям, являющимся тяжелыми и от которых отказываются другие врачи, считая их безнадежными. Мой метод лучше всего подходит для тяжелых случаев».

В период своего пребывания в университете Кларка Фрейд и Юнг были лично приняты его президентом, Стэнли Холлом. Фрейд заявил в своем вступительном слове, обращенном к президенту, что это его

приглашение в Америку было первым официальным признанием его научных усилий, — довольно странно звучащее утверждение, если вспомнить об уже установившемся его признании со стороны Блейлера и сотрудников Бургхольцли.

В это время Юнг как раз отказался от своей должности ассоциированного директора в Бургхольцли. Он целиком отдается теперь частной практике, руководящей работе в только что основанной Международной психоаналитической ассоциации и редактированию «Jahrbuch». Создается впечатление, что он полностью соединил свои интересы с судьбой психоаналитического движения.

Психоаналитическая литература количественно возрастала год от года. Фрейд публиковал много статей, среди которых были две из его наиболее известных историй болезни — история Маленького Ганса и история Человека-Крысы. Плодовитыми писателями были и ученики Фрейда, в особенности Штекель, Ранк и Абрахам; было много и других, о которых сегодня, может быть, вспоминают меньше. Более того, не было недостатка в литературе о психоанализе — или в форме беспристрастных обзоров, или в виде полемических сочинений — направленных против психоанализа или берущих его под защиту.

Интересен в этом отношении доклад, прочитанный Фридлендером на Международном медицинском конгрессе в Будапеште, поскольку он показывает, какие именно возражения вызывал психоанализ:

> Во-первых, вместо спокойного доказательства своих положений, как это принято в научных дискуссиях, психоаналитики выступают с догматическими утверждениями, то и дело перемежая их эмоциональными вспышками; психоаналитики не знают себе равных в научном мире по части приравнивания своего лидера, Фрейда, к таким личностям, как Кеплер, Ньютон и Земмельвейс, столь же выделяются они и необыкновенной энергичностью нападок на тех, кто не согласен с ними. Во-вторых, вместо доказательства своих утверждений в научной форме психоаналитики довольствуются заявлениями, не поддающимися проверке. Они говорят: «Мы знаем из психоаналитического опыта, что...» — и возлагают бремя доказательств на других. В-третьих, психоаналитики не принимают в свой адрес никакой критики, равно как и выражения вполне оправданных сомнений, расценивая эти сомнения как «невротическое сопротивление». В качестве примера Фридлендер приводит цитату из Саджера: «Притворная стыдливость врачей при обсуждении ими сексуальных проблем является следствием не столько их нравственных принципов, сколько им самим неведомых психологических предпосылок... Вместо того, чтобы принять себя в качестве истериков, они предпочитают быть неврастениками. Даже если они — ни то, ни другое, у них (приходится это допустить), возможно, имеется страдающая

истерией жена, мать или сестра. Многим совсем не по нутру допустить подобные вещи в отношении своих близких родственников или самих себя, поэтому они предпочитают объявить всю эту теорию в целом несостоятельной и осудить ее априори»[239]. Фридлендер соглашался с Ашаффенбургом, что подобная аргументация является неприемлемой для ученых. В-четвертых, психоаналитики не желают замечать того, что было сделано до них или одновременно с ними другими исследователями, тем самым претендуя на роль новаторов. Это как если бы до Фрейда никогда не излечивали больных истерией и не существовало никакой психотерапии. В-пятых, сексуальные теории психоанализа представляются его адептам научным фактом, хотя и недоказанным, вроде того, как это высказано у Вульфена: «Все нравственные способности внутри человека, его чувство стыда, его поклонение Богу, его эстетика, его социальные чувства имеют свое начало в подавленной сексуальности». Вульфен напоминает одно место у Вейнингера, когда тот говорит: «Женщина — прирожденная сексуальная преступница; ее сильная сексуальность в случае успешного ее подавления легко приводит к болезням и истерии, а в случае недостаточного подавления — к преступным деяниям; нередко сексуальность приводит ее и к тому, и к другому». В-шестых, Фридлендер протестовал против манеры психоаналитиков адресоваться прямо к широкой непрофессиональной публике, как если бы их теории были уже научно доказанными; поступая таким образом, они добиваются того, что не принимающие их теорий ученые предстают в глазах публики в виде невежд и ретроградов[240].

Аргументы Фридлендера получили дополнение со стороны других современных психиатров. Одним из распространенных упреков в адрес психоаналитиков был упрек в отсутствии у них статистики. Другая претензия выражалась в том, что психоаналитические идеи были «остроумными» (geistreich), но не «научными» в строгом смысле этого слова. Третьим было то, что далеко не всегда отличаясь новизной, психоаналитические идеи нередко являлись возвращением к прежним, устаревшим понятиям (это как раз то, что имел в виду Ригер, когда толковал о «старых вдовах психиатрии», то есть о психиатрии в том виде, в каком она существовала до введения современной нозологии; фрейдовскую сексуальную теорию истерии рассматривали как возврат к уже отвергнутой теории). Наконец, имелся еще один аргумент, связанный с *genius loci*. Ашаффенбург, Лёвенфельд и Фридлендер объясняли успех сексуальных теорий Фрейда тем, что они упали на благодатную для них почву Вены. «Половая психопатия» Крафт-Эбинга имела в Вене в 1886 году экстраординарный успех у непрофессиональной публики, и с той поры специфический интерес к сексуальным проблемам рос как на дрожжах, что показал, в частности, баснословный успех книги Вейнингера, не го-

воря уже о произведениях Шницлера и других писателей. Таким образом, пациенты Фрейда были в известной степени подготовлены к специфическому типу его вопросов. Этот аргумент относительно «гения места», который позднее приводился Ладамом, а вслед за ним Жане, был неправильно понят в качестве указания на общую аморальность венской жизненной атмосферы.

Первый предвоенный период: 1910–1914

До 1910 года Европа жила в условиях вооруженного мира, но, несмотря на усиливающуюся политическую напряженность, она надеялась на то, что сможет поддерживать мирное сосуществование. Теперь стало очевидным, что общий мировой пожар становится неизбежным. Многие рассматривали Балканские войны как прелюдию к войне между великими европейскими державами. Франция, Англия и Германия стали жертвами массового националистического невроза, и отчаянные попытки горстки пацифистов оказались совершенно неадекватными для противодействия этому явлению[241]. Ожидание войны отражалось в литературе того времени и в общем умонастроении народа.

Другим дурным предзнаменованием было появление нигилистических тенденций, таких, как движение футуристов. Некий итальянский поэт Филиппо Томмазо Маринетти проповедовал ниспровержение нравственности и традиционных ценностей, разрушение академий, библиотек и музеев; он превозносил красоту скорости, современных автомобилей, опасности и войны[242]. Маринетти и его сподвижники пытались революционизировать живопись, скульптуру, музыку и литературу; они организовывали театральные шоу, предназначенные шокировать и приводить в ярость публику, что нередко заканчивалось скандалами. Они пропагандировали некий агрессивный итальянский национализм; позже именно они провели кампанию за вступление Италии в Первую мировую войну и послужили причиной возникновения фашизма. Маринетти нашел подражателей во всей Европе, а особенно много их оказалось в России.

Общая напряженность, казалось, отражалась и на динамической психиатрии. Для психоаналитического движения это был период полемизирования и внутренних кризисов.

Огромным событием 1910 года стала смерть короля Эдуарда VII, которому наследовал Георг V. За десять лет своего правления Эдуард достиг сближения с Францией, но немцы обвинили его в политическом окружении своей страны, в результате чего ситуация ко времени его смерти накалилась еще более, в сравнении с той, какой она была в момент его восшествия на трон. В тот же год умер великий проповедник мира, восьмидесятидвухлетний патриарх европейской литературы граф

Лев Толстой. Его доктрина непротивления злу насилием позже была использована его выдающимся приверженцем Ганди.

В течение первой декады двадцатого столетия произошло много перемен в динамической психиатрии. Когда праздновался юбилей Бернгейма, он казался фигурой из прошлого, и речь, с которой он обратился к присутствующим, была наполнена горечью[243]. Он сказал, что все написанное им в течение двадцати восьми лет — теперь забыто. Некий швейцарец, Дюбуа, теперь считался основателем психотерапии и «аннексировал» ее (это было сравнение с немецкой «аннексией» французских провинций Эльзаса и Лотарингии). Очевидно, Бернгейм не сознавал, что происходило в то время в Вене и Цюрихе.

Активность психоаналитиков возрастала особенно в области интерпретации мифов, в литературе и антропологии. Фрейд опубликовал свое прославленное эссе о Леонардо да Винчи[244]. Джонс издал свою интерпретацию Гамлета[245]. Фольклорист Фридрих Краусс, периодический журнал которого «Anthropophyteia» был посвящен коллекционированию непристойных шуток всех народов и стран, попросил Фрейда дать психоаналитическую оценку этого материала[246].

Второй международный съезд происходил в Нюрнберге 30 и 31 марта. Было решено сформировать Международную психоаналитическую ассоциацию. Фрейд предпочел, чтобы во главе организации стоял нееврей[247]. Вопреки мощной оппозиции венских членов президентом был избран Юнг. В качестве компенсации новый периодический журнал «Zentralblatt für Psychoanalyse» стал выходить под объединенной редакцией Адлера и Штекеля.

Большая часть антагонизма, существовавшего в то время в отношении психоаналитиков, была вызвана так называемым «диким анализом», то есть людьми, которые без всякой подготовки к этой работе начинали «анализировать» посредством методов, часто оказывавшихся пагубными для их пациентов. Ханс Блюхер, принадлежавший к фрейдистской группе в Берлине, описал картину сложившейся ситуации:

> В Берлине [вспоминает Блюхер], так же, как в Вене и Цюрихе, психоаналитическая группа состояла из двух кругов: меньшего, медицинского, пользовавшегося строго медицинской терминологией, его целью было лечение невротиков; и намного большего круга непрофессионалов, задача которых состояла в привлечении публичного внимания к неврозам и психоанализу. Согласно Блюхеру, этот круг непрофессионалов был главной движущей силой психоаналитического движения; его сподвижники заполонили мир якобы психоаналитической литературой. Действуя в своей необузданной манере, они заявляли, что психоаналитики могут найти ключ к разрешению всех мыслимых проблем человечества, от излечения индивидуальных не-

врозов до устранения войны. Таким образом, хотя им и удавалось привлекать к себе пациентов, они создали сомнительную репутацию движению[248].

Именно это обстоятельство побудило Фрейда написать широко известную статью о «Диком анализе»[249]. Фрейд подчеркнул, что ни один человек не должен заниматься анализом, если не получил соответствующей подготовки. Фрейд впервые использовал в этой работе термин «психосексуальность». Он объяснил, что его концепция либидо не только содержит инстинктивные сексуальные побуждения, но также включает общее значение немецкого слова *lieben* (любить). «Сколь много злобы и ненависти можно было бы оставить в покое, если бы это уточнение появилось ранее», — прокомментировал эту мысль Оскар Пфистер[250].

Международный конгресс медицинской психологии и психотерапии, состоявшийся в Брюсселе 7 и 8 августа, показал, насколько изменились взаимоотношения между психотерапевтическими школами[251]. Жане, игравший роль миротворца на предыдущих конгрессах, не посетил его в этот раз (его доклад о внушении был зачитан в его отсутствие). Дискуссии часто принимали характер конфликта поколений между старыми (Форель, Бернгейм и Фогт) и молодыми (Шейф, Джонс и Мутман). Временами казалось, что молодые готовы ответить массированной атакой на любое высказывание стариков. Примером послужила статья Тремнера о «Процессе засыпания» и гипнотических явлениях. Главным в дискуссии об этой статье оказался Шейф, возразивший автору потому, что тот не цитировал Фрейда и Зильберера, и добавивший, что «материал созрел для тщательного психоанализа». Форель поднялся в знак протеста, в то время как Мутман, Джонс и Гретер энергично поддержали Шейфа. Де Монте стал противоречить теории Фрейда, и тогда Тремнер напомнил аудитории, что темой его статьи является скорее засыпание, чем сновидения. Во время дискуссии об одной из последующих статей Фогт протестовал против требования Шейфа запретить ему говорить о сновидениях и бессознательном: «Я возражаю против того, чтобы человека, подобного мне, собиравшего свои собственные сновидения с шестнадцати лет и исследовавшего обсуждаемую здесь проблему с 1894 года, то есть почти столько же, сколько Фрейд, и дольше любого из его учеников, лишал права дискутировать эти вопросы всякий фрейдист!»

Брюссельский конгресс представлял типичный вид дискуссий, возникавших почти на каждом конгрессе того времени в немецкоязычных странах. Их тон почти всегда задавали психоаналитики, как это случилось в Брюсселе, а временами — их противники. На съезде психиатров и неврологов Юго-Западной Германии в Баден-Бадене 8 мая доктор Хох произнес памятную речь на тему «Психическая эпидемия среди врачей».

Психическая эпидемия, сказал он, это передача специфических представлений неотразимой мощности в огромное количество голов, в результате чего утрачивается способность к суждению и здравомыслию. Последователи Фрейда, продолжал он, принадлежат не к «Школе» в научном смысле, а к некоего вида секте, выдвигающей не достоверные факты, а символы веры. Психоанализ выказывает все признаки секты: фанатическую убежденность в своем превосходстве над другими, свой профессиональный язык, острую нетерпимость и унижение иноверцев, свое священное благоговение перед Учителем, тенденцию к прозелитизму, готовность воспринимать наиболее чудовищные невероятности и фантастическое завышение оценки совершенного и того, что могут совершить приверженцы секты. В качестве объяснения этих психических эпидемий Хох выдвигает отсутствие ощущения истории и философского образования в их жертвах, а также неблагодарность занятия излечения нервных заболеваний. Терапевтические удачи достигаются, сказал он, неустанным вниманием, уделяемым врачами своим пациентам. Хох заключил свою речь словами о том, что фрейдистское движение является «возвратом, в модифицированной форме, магической медицины, некоего вида тайного учения...» и может внести в историю медицины еще один пример психической эпидемии[252].

В Цюрихе Людвиг Франк применял модификацию метода катарсиса, предложенного Брейером и Фрейдом[253]. Он помещал своих пациентов на кушетку и понуждал их сосредотачиваться на чувствах, приходящих им в голову. Пациент мог оживить эмоции из прошлого, часто из забытых эпизодов своей жизни, вследствие чего память о событиях могла возвратиться, и их можно было обсуждать вместе с терапевтом. Иногда посредством абреакции подавленные эмоции высвобождались, и этого оказывалось достаточным для излечения. Форель провозгласил, что этот метод является единственным правильным, оригинальным методом Брейера, который впоследствии исказил Фрейд.

1911 год привел европейские конфликты почти на грань взрыва, и объектом разногласий снова стало Марокко. В силу соглашения с Англией, Франция отказалась от своих притязаний в Египте в обмен на свободу действий в Марокко. Однако немцы, также имея интересы в Марокко, послали военный корабль в Агадир, чтобы напомнить о них. После трудных переговоров опасности войны удалось избежать. Германия отказалась от своих «прав» в Марокко в обмен на часть Французского Конго, но как Франция, так и Германия чувствовали себя обманутыми, и напряженность вряд ли ослабла. Италия возражала изза своего исключения при разделе Африки и, видя, что Турецкая империя переживает тяжелый внутренний кризис, объявила войну Турции

и вторглась в Триполи, чтобы захватить новую колонию и таким образом отомстить за поражение при Адуе.

Казалось, никогда не было столь большого количества психотерапевтических школ. Жане в Париже и Дюбуа в Берне все еще наслаждались громадным авторитетом. Другим терапевтом, приобретшим большую славу в то время, был Роджер Виттоц, живший в Лозанне на берегу Женевского озера[254]. Он подвергал своих пациентов воздействию остроумной системы психической тренировки, состоявшей из различных упражнений в релаксации и концентрации. Виттоц учил своих пациентов полному осознанию всех ощущений и концентрации на одном образе или идее, таких, как идея «отдыха», «управления» или «бесконечности». Виттоц полагал, что, приложив ладонь ко лбу пациента, он может проверять степень управления пациентом. Он также обучал философии жизни[255]. Пациенты съезжались к Виттоцу изо всех частей мира, но он не обучал своему методу, и только несколько терапевтов практиковали его метод после его смерти.

Для людей того времени великим событием 1911 года, возможно, стала публикация книги Блейлера о раннем слабоумии (dementia praecox), которому он присвоил новый термин «шизофрения»:

> Эта книга, плод двадцатилетнего труда, внесла четыре новшества. Во-первых, она включила в более обширную концепцию «шизофрении» не только старое понятие о раннем слабоумии, но и некоторое количество состояний, особенно острых и неустойчивых, которые ранее рассматривались как отдельные явления. Во-вторых, он ввел динамическую концепцию заболевания, на которую, казалось, его вдохновила концепция Жане о психастении, то есть отличие первичных симптомов, непосредственно относящихся к процессу болезни, от вторичных симптомов, возникающих из первичных. В-третьих, Блейлер предложил интерпретацию содержимого шизофренической галлюцинации и бредовых состояний, в которой он последовал за Фрейдом. В-четвертых, вопреки мнению, что раннее слабоумие неизлечимо, Блейлер внес оптимистическую концепцию о том, что шизофрения — некая болезнь, которую можно остановить или заставить пойти на убыль в любой точке течения заболевания. Интенсивная работа врачей в Бургхольцли с их пациентами и использование профессиональной терапии и других методик выразились в значительном увеличении количества терапевтических успехов[256].

1911 год ознаменовался огромным распространением психоаналитического движения и весьма успешным Конгрессом в Веймаре в сентябре. Но это также был период внутреннего разногласия. Даже после отставки Адлера в июле Венское общество, по словам Джонса, «раздиралось ревностями и раздорами».

В 1911 году появился роман Греты Мейзель-Хесс, он стал первым известным художественным произведением, описавшим образ психоаналитика, каким публика могла вообразить его в то время.

Герои этого романа — группа утонченных интеллектуалов, проводящих время в бесплодных любовных интригах и в пространных дискуссиях на любую мыслимую тему. Сорокалетняя невротическая дама, прожившая лучшие годы в этом окружении, осознает, что нуждается во врачебной помощи. Она узнает, что новый метод, психоанализ, способен излечивать пациентов переведением бессознательной жизни в сознание. Испытывая сильные чувства любопытства и надежды, она входит в дом психоаналитика. Горничная, высокая костлявая женщина, одетая в черное, ведет ее сквозь анфиладу изящно обставленных комнат к двери кабинета великого человека.

Доктор, сидящий за письменным столом, пронзительным взглядом рассматривает ее некоторое время, молча поглаживая бороду. Затем просит ее присесть и предлагает рассказать свою историю. С этого момента консультация включает четыре фазы. Пациентка излагает всю свою историю, в то время как психоаналитик молча слушает и записывает свои замечания. Затем наступает вторая фаза: аналитик объясняет пациентке, что она вытеснила болезненные сексуальные воспоминания, вследствие чего он пытается вытащить их «посредством специальной методики». Среди прочих вопросов он спрашивает ее о сновидениях. В третьей фазе психоаналитик превращается в гинеколога, так как в основе невроза лежат причины сексуального характера, и требуется провести тщательный гинекологический осмотр. К счастью, результаты обследования оказываются удовлетворительными. Поэтому мы можем перейти к четвертой фазе, в которой гинеколог превращается в гипнотизера. Он усаживает пациентку в удобное кресло, и тут пространно описывается следующая процедура. Как только дама впадает в гипнотический сон, аналитик, непрестанно поглаживая ее лоб, внушает ей, что она утратила все свои комплексы. Когда сеанс заканчивается, пациентка уходит от аналитика, испытывая чувство приятного возбуждения. О гонораре даже не было и речи. Психоаналитическое лечение прекращается после первого же сеанса, и до конца романа бывшая пациентка ощущает себя избавленной от любых невротических симптомов[257].

1912 год сверх всего был отмечен Балканскими войнами. Греция, Сербия и Болгария напали на Турцию, требуя освобождения своих сограждан, все еще находившихся под турецким игом. Это событие было темой дня, и многое было сказано о «македонских зверствах». Эта война вызвала еще большее обострение напряженности между другими европейскими государствами, особенно между Россией и Австро-Венгрией.

Другим сенсационным событием явилась гибель «Титаника» во время его первого плавания 14 апреля, с потерей более полутора тысяч жизней. Судно считалось наиболее современным и усовершенствованным кораблем из всех когда-либо построенных и было разрекламировано как непотопляемое, но меры безопасности оказались неадекватными, а количество спасательных шлюпок — недостаточным. В способе спасения пассажиров отразились социальные предубеждения: пассажиров первого и второго классов спасали прежде, чем занимавших третий класс. Таким образом, огромное количество бедных иммигрантов и их детей было принесено в жертву[258]. Суеверные рассматривали это несчастье как дурное предзнаменование для будущего европейской цивилизации. Многое было написано о неизбежности войны. Некий немец, Фон Бернарди, объяснял в своей книге «Германия и следующая война», что его страну ожидает встреча с вражескими толпищами; победу можно было бы одержать только ценой неслыханных усилий и жертв[259]. Группа ученых образовала «Gesellschaft für positivistische Philosophic» (Общество позитивистской философии) с центром в Берлине для разработки объединенной научной концепции Вселенной и разрешения с ее помощью всех проблем человечества. Среди членов Общества были Эрнст Мах, Йозеф Поппер, Альберт Эйнштейн, Огюст Форель и Зигмунд Фрейд.

То было время проведения лихорадочной агитации в среде европейской молодежи. Повсюду процветали новые литературные, художественные, культурные и политические группы, полемизирующие друг с другом и призывающие к разрыву с прошлым и введению новых ценностей. Полемику вокруг и внутри психоаналитического движения следует понимать в этом контексте.

Новое поколение теперь почти полностью игнорировало Йозефа Брейера. Когда 15 января 1912 года праздновалось его семидесятилетие, с адресом к юбиляру обратился Зигмунд Фрейд и вручил ему документы «Breuer-Stiftung» — фонда, цель которого заключалась в награждении премиями за исследовательские работы и в обеспечении возможностей для выдающихся ученых читать лекции в Вене. Подписка принесла сразу общую сумму в 58 125 крон[260]. Список подписчиков включал имена выдающихся венских ученых, писателей и художников. Имени Фрейда, однако, не было обнаружено в этом списке[261].

Психоаналитики развивали бурную деятельность. Новый периодический журнал, «Imago», начали издавать Ранк и Сакс. В первый номер был помещен начальный вклад Фрейда, то, чему предстояло впоследствии стать его «Тотемом и табу». Интерес Фрейда к антропологии, вероятно, стимулировали «Метаморфозы и символы либидо» Юнга. В течение нескольких предыдущих лет проявлялся большой интерес

к проблеме тотемизма. Фрэзер опубликовал свою работу «Тотемизм и экзогамия»[262]. Дюркгейм[263] утверждал, что тотемизм являлся первоначальной формой религии, а Торнвальд описывал его как примитивную манеру мышления[264]. Вундт обрисовал громадную картину эволюции человечества. Он сказал, что эволюция состоит из четырех периодов: примитивного периода первобытной жизни, тотемического периода племенной организации и экзогамии, «периода героев и богов» и современного периода (с мировыми религиями, мировыми силами, мировой культурой и мировой историей)[265]. Более того, казалось, что Фрейд, когда писал «Тотем и табу», был вдохновлен совсем недавними событиями: восстанием младотурков (несговорчивых сыновей) против султана Абдул Хамида II (жестокого старого отца), содержавшего огромный гарем, охраняемый евнухами, и послужившего моделью для автора. После революции в Турции смогли модернизироваться социальные структуры, начала процветать литература, точно как в модели Фрейда, в которой человеческая культура начала развиваться после убийства старого отца. В дополнение к работе «Тотему и табу» Отто Ранк опубликовал огромную компиляцию кровосмесительного мотива в поэзии и легендах[266].

Противоречия вокруг психоанализа бушевали яростнее, чем когда-либо. Для понимания их истинного значения требуются основательные познания культурного фона того времени. Эта мысль ярко иллюстрируется на примере разногласий, случившихся в Цюрихе в начале 1912 года[267].

Ни одного упоминания о психоанализе нельзя было обнаружить в «Neue Zürcher Zeitung» до 8 февраля 1911 года, когда доктор Карл Откер опубликовал обзор брошюры Людвига Франка «Die Psychoanalyse»[268]. Этот обзор, в котором не упоминалось имя Фрейда, оставил читателя под впечатлением, что «Psychanalysis» (sic) был швейцарским открытием и состоял из материалистического представления о вере, включавшего утверждение, что в момент смерти душа погибает навсегда. Десять месяцев спустя, 7 декабря, некий «Dr. E. A.» представил отчет о лекции д-ра Ф. Риклина на недавнем заседании Цюрихского филологического общества, «Gesellschaft für deutche Sprache». Риклин сказал, что психоанализ доказал свою способность вылечивать неврозы посредством возвращения в сознание вытесненных образов и интерпретации сновидений. Риклин добавил, что было доказано, что символы сновидений и галлюцинаций идентичны с универсальными мифами человечества, так что значения универсальных символов и мифов уже разгаданы. Например, солнце есть символ мужской сексуальной энергии, змея и ступня — фаллические символы, а золото — символ экскрементов. Все это было представлено в обзоре не в виде гипотез, но

как абсолютно достоверные открытия. Кажется, именно эта лекция и, возможно, другие того же типа вынудили Kepler-Bund посвятить вечер теме психоанализа. Значение этого заседания было бы утрачено без предварительных объяснений.

В те годы европейская культура была пронизана наукообразием, то есть верой в то, что только наука способна дать ответы на великие загадки мира. Доминантной в то время была естественная наука (как атомная физика в наши дни) с теорией эволюции на ее переднем плане. Под этим именем переплетались четыре различные концепции: концепция трансформизма (как противоположность креационизму или фиксизму), оригинальная теория Дарвина, согласно которой эволюция видов произошла из-за естественного отбора под воздействием борьбы за существование; группа псевдодарвинистских доктрин, называемых социальным дарвинизмом, и, наконец, доктрина Геккеля. Никто сегодня не может вообразить, насколько ошеломляющую роль играли идеи Геккеля в культурной жизни его времени. Геккель начал свою карьеру как блестящий натуралист, развился в натурфилософа и постепенно становился все большим врагом религии. В его мировоззрении наука приравнивалась к материализму, атеизму и к геккелевскому виду трансформизма. Религия приравнивалась к традиции, суеверию и к антинаучным теориям. Геккель стал идолом многих молодых людей, подвергшихся обращению в его доктрину. Например, существовала история о драматическом обращении молодого Голдсмита: прочтя «Естественную историю мироздания» Геккеля, он поверил в то, что нашел ключ ко всем философским и научным проблемам, и начал пропагандировать свои взгляды с рвением миссионера[269].

К тому времени Геккель основал ассоциацию, Monisten-Bund, требовавшую поглощения религии наукой и претендовавшую на роль религии будущего. Неудивительно, что его активная деятельность встретила значительное сопротивление различных церквей. Его противникам было легко демонстрировать, что он постоянно представляет гипотезы как несомненные факты, и его обвинили в фальсификации нескольких книжных иллюстраций, чтобы они соответствовали его доктрине. Борьба с Геккелем велась с двух направлений. Богослов Васманн основал Thomas-Bund, чтобы доказать несостоятельность Геккеля во имя религии, а натуралист Деннерт создал союз Kepler-Bund, официальной целью которого был разгром во имя науки его псевдонаучных предположений. В этот союз вошли выдающиеся ученые, и он имел отделения в главных немецкоязычных городах.

Цюрихское отделение Kepler-Bund организовало собрание по поводу психоанализа. На основании обзора Откера о брошюре Франка и отчета «Е. А.» о лекции Риклина Kepler-Bund оказался, очевидно,

под впечатлением, что психоанализ является материалистической и атеистической доктриной, преподносящей фантастические гипотезы под видом научных истин. 2 января 1912 года газета «Neue Zürcher Zeitung» опубликовала отчет о собрании членов Kepler-Bund. Доктор Макс Кессельринг, специалист по нервным болезням в Цюрихе, рассказал о «теории и практике венского психолога Фрейда». Рассказчик начал с выражения сожаления о том, что учение Фрейда возымело такой успех у педагогов и священников Цюриха. Кессельринг посещал курс лекций Фрейда в Вене и сказал, что Фрейд был буквально пропитан убеждением, что его учение является истинным, что в своих лекциях он поощрял студентов задавать ему вопросы, но давал на них туманные и неубедительные ответы. После того как он дал исторический обзор психоанализа, Кессельринг объявил себя решительным его оппонентом. Он прочел цитаты из Фрейда, вызвавшие смех в аудитории. Обозреватель выразил сожаление, что Кессельринг не воздал должного уважения зерну истины, содержащемуся в учениях Фрейда. На следующий день, 3 января 1912 года, газета «Neue Zürcher Zeitung» опубликовала краткое заявление Кессельринга, сообщившего, что он не является членом союза Kepler-Bund, а отторжение им психоанализа основано не на философском размышлении, но является результатом его непредубежденных исследований. 5 января некий член Kepler-Bund подтвердил, что доктор Кессельринг не является членом союза Kepler-Bund, и объяснил, что Kepler-Bund занимает «нейтральную» позицию в отношении обсуждаемой темы. Единственная забота Kepler-Bund состоит в различении гипотезы от фактов, нашедших подтверждение в научной литературе.

В выпуске от 10 января газета «Neue Zürcher Zeitung» опубликовала два письма: в одном, за подписью «J. M.», утверждалось, что Kepler-Bund действительно является организацией, борющейся против монизма и атеизма. Очевидно, учение Фрейда противостояло идеям, которых придерживается Kepler-Bund, и, когда Kepler-Bund пригласил доктора Кессельринга рассказать о Фрейде, его члены знали заранее, каким будет его отношение к теме обсуждения. Во втором письме, подписанном «Dr. J.», говорилось, что проведение подобной дискуссии перед непрофессиональной аудиторией — признак дурного вкуса; почему бы в таком случае не проводить там, например, гинекологические осмотры? Даже наиболее образованная аудитория не смогла бы сформировать объективного мнения по таким вопросам. Более того, автор письма заявил, что лекции не хватало объективности, и в ней содержалось немало несправедливых утверждений.

В выпуске от 13 января некий «F. M.» ответил «Dr. J.», что в самом последнем издании «Raschers Jahrbuch» содержится пространная ста-

тья К.Г. Юнга об идеях Фрейда, представляющая собой шедевр вульгаризации. «F. M.» считает чрезвычайно опрометчивым, что личные тайны, доверявшиеся ранее только священнику, теперь следует без всякой предосторожности сообщать психоаналитику. Он добавляет, что пребывает в ошеломленном состоянии от чтения экстравагантной психоаналитической литературы. Он только что получил работу Михельсена, в которой автор интерпретирует Христа как символ полового акта, осла в стойле — как символ кастрации, и каждый второй предмет, относящийся к сцене Рождества, истолковывает в той же манере[270]. Затем «F. M.» цитирует несколько примеров сексуального символизма из работ самого Фрейда: если в сновидении возникает пейзаж, в котором, как сновидец уверен, он был раньше, сцена является символом женских половых органов, так как это — единственное место, о котором человек с уверенностью может сказать, что был там. «F. M.» заканчивает письмо указанием на опасность психоаналитика, верящего в то, что он обладает непогрешимой истиной. Кроме того, страдающим от сексуальных расстройств помочь невозможно, ввиду того, что причина расстройства часто бывает социальной или экономической, а в таких случаях для излечения может потребоваться отречение от концепций нравственности. В следующем выпуске газеты от 15 января доктор Кессельринг протестует против выдвинутого Юнгом обвинения в том, что он излагал психоанализ непрофессиональной публике. В Цюрихе педагоги и священники постоянно поступают точно так же, что можно видеть во многих статьях в изданиях «Evangelische Freiheit», «Berner Seminarblätter», и, уж во всяком случае, психоаналитики сами затеяли такую практику.

В выпуске газеты от 17 января снова появились два письма. В первом, от К.Г. Юнга, говорилось, что «концепция сексуальности, использованная Фрейдом и мною, имеет гораздо большее значение, чем вульгарное ... Об этом можно прочесть в сочинениях Фрейда и в моих собственных...». Кроме того, утверждалось, что несправедливо помещать книгу Михельсена на тот же самый уровень, что и ценные работы Риклина. Второе письмо было ответом «F. M.» Юнгу. Теоретически, говорит автор, Фрейд создал широкую концепцию сексуальности, но на практике пользуется этим словом в более узком смысле. «F. M.» протестует против тех, кто критикует его за то, что он рассказывает о психоанализе, не будучи врачом; человеку фактически нет нужды быть врачом, чтобы судить о чудовищной опасности психоанализа — псевдонауки, высвободившей на волю психическую эпидемию и нашедшей столь большое число приверженцев в Цюрихе, что равного ему не существует нигде.

25 января Огюст Форель, отдыхая на берегу Женевского озера, присоединился к этому обмену корреспонденцией. Он возразил против

критики, направленной «F. M.» в отношении гипноза и против утверждения Кессельринга о том, что невротические пациенты становятся психопатами после психоаналитического лечения. Он выразил сожаление по поводу искажения Фрейдом плодотворного учения Брейера о катарсисе. Человек не обязан ввязываться в полемику о психоанализе, но ему следовало бы изучить его серьезно, как поступил доктор Франк в Цюрихе. За этим письмом последовал ответ Кессельринга: психоаналитики постоянно говорят о своих успехах и никогда — о своих неудачах. Он привел два примера невротических пациентов, которые, следуя анализу, превратились в психопатов. Наконец, «F. M.» отвечает Форелю, что именно психоаналитики обращаются к широкой непрофессиональной публике и пропагандируют свое учение посредством многочисленных брошюр и газетных статей.

Выпуск газеты от 27 января содержал протест психоаналитиков в несколько страстных терминах:

> Президент Международной и Цюрихской психоаналитических ассоциаций считает себя обязанным энергично отвергнуть оскорбительные и серьезно порочащие обвинения, сформулированные неким непрофессионалом против медицинских специалистов. Статьи, подписанные инициалами «F. M.», дают полностью искаженное представление о психоаналитическом лечении, благодаря невежеству их автора. Ни один здравомыслящий человек не подверг бы себя столь омерзительному методу лечения, каковой описан F.M. Тон этих обвинений делает невозможной проведение любой дискуссии в дальнейшем.
>
> От имени Международной психоаналитической ассоциации: К.Г. Юнг, доктор медицины, президент, Ф. Риклин, доктор медицины, Секретарь.
>
> От имени Цюрихской психоаналитической ассоциации: Альфонс Мёдер, доктор медицины, президент, ван Офусен, физик, секретарь.

За этим протестом в том же номере газеты следовал ответ «F. M.». «Господа психоаналитики, — говорилось в нем,— столь уверенно идентифицируют себя со своей наукой, что воспринимают любую ее критику как личное оскорбление». Автор указал на весьма высокомерный тон доктора Юнга, назвавшего его репортером и непрофессионалом, и на то обстоятельство, что существуют и врачи, также препятствующие психоанализу. Хотя Фрейд и произвел много интересных наблюдений над неврозами, его метод оказался ошибочным и антинаучным. (Упоминание о том, что его наблюдения производились в полуславянской Вене, не показалось автору неуместным.) Психоаналитики теперь подвергают анализу не только живущее, но и мертвое: всю духовную жизнь человечества, религию, живопись, литературу и фольклор. Они

не могут воспринимать критику от непрофессионалов, но, ничуть не задумываясь, постепенно внедряются в области, в которых сами являются непрофессионалами.

28 января F. M. продолжил свои нападки на психоанализ, называя его безусловно опасным методом. Даже в наилучших случаях, то есть, когда его практикует чрезвычайно способный и добросовестный врач, психоанализ сводит индивида к сексуальной формуле и претендует на излечение больного на этой основе. Какое дитя не стало бы страдать от отчаяния, узнав, что испытывает кровосмесительные желания в отношении своей матери? Что касается взрослого человека, то, если его невроз происходит из вытесненных сексуальных желаний, каким должен быть в таком случае катарсис? F. M. упоминает о случае с его другом, отзываясь о нем как о выдающемся специалисте-неврологе, который, вопреки предостережениям, обратился за помощью к психоаналитику. Не имея возможности следовать советам психоаналитика в своем родном городе, он исчез, и больше о нем никогда не слышали. Если психоанализ — столь опасный инструмент в руках добросовестного врача, какие беды он может причинить, если им пользуется врач беспринципный? Более того, популяризация психоаналитических концепций может означать отвержение сексуальной нравственности на основе научного оправдания.

31 января газета «Neue Zürcher Zeitung» опубликовала ответ Кессельринга Форелю. Он настаивал на том, что психоанализ может быть опасным, и что не только он наблюдал его губительные воздействия на пациентов. В том, что психоаналитики должны говорить только о своих успехах в лечении и запрещать другим говорить о своих неудачах, проявляется несостоятельность их позиции. Тот факт, что психоаналитики столь чувствительны, выдает отсутствие объективности в их суждениях и создает невозможность любой конструктивной дискуссии.

В выпуске газеты от 1 февраля появился ответ Фореля Фрицу Марти (впервые названному собственным именем), в котором Форель порицал Марти за сваливание в одну кучу гипноза, психоанализа Фрейда и новых психотерапий (имея в виду усовершенствованный Людвигом Франком старый метод Брейера–Фрейда лечения посредством катарсиса). «Я должен решительно заявить, что здравомыслящие исследователи полностью согласны с F. M. в его осуждении фрейдистской школы за ее односторонность, за ее возвеличивание сексуального вероисповедания, за детскую сексуальность, за ее талмудические, теологические интерпретации». Именно Фрейд и Юнг вовлекли непрофессионалов в обсуждение этих вопросов. По счастью, нашлась горстка людей, озаботившихся использованием зерна истины, содержавшегося в иссле-

дованиях Брейера–Фрейда. За этим письмом последовало несколько строк от F. M. с благодарностью Форелю и объявлением об окончании дискуссии.

Этот пример цюрихского противостояния в 1912 году может навлечь подозрение, что истинная природа оппозиции психоанализу в те годы весьма отличалась от той ее картины, которую обычно предлагают в наше время. Бытующий стереотип сформировался в таком виде: «Открытия Фрейда вызвали неистовое и фанатическое сопротивление тех, кто, вследствие "викторианских" предубеждений времени и невротического вытеснения», не мог принять его концепцию сексуальности. В действительности объективное рассмотрение фактов показывает, что ситуация была совершенно другой. В противоречиях вокруг психоанализа следует различать, по меньшей мере, пять составляющих.

Во-первых, психоаналитические концепции преподносились публике в такой манере, что они были обязаны вызвать два вида реакций. Одна группа должна была испытать шок и отозваться об этих концепциях как об омерзительных и опасных. Другая группа должна была воспринять их с энтузиазмом, как откровения. На это явление весьма ясно указал Виттгенштейн[271]. Стычки между двумя этими группами были неизбежны и часто приобретали форму конфликта поколений. Среднюю позицию между этими крайними принимали здравомыслящие люди, пытавшиеся думать самостоятельно, для того чтобы выбрать из этих теорий все имеющее отношение к науке. Такие личности, как Оппенгейм, Фридлендер, Иссерлин, которых обычно в наше время считают ранними противниками психоанализа, на самом деле принадлежали к той группе, которая пыталась дать ему объективную оценку. С тех пор их критицизм был значительно преувеличен, и «зерно истины», воспринятое ими, упущено из виду.

Во-вторых, под понятием психоанализа смешивали великое множество направлений: существовало большое количество степеней различия между сочинениями Фрейда, его соратников из ближайшего окружения, последователей из более широкого круга непрофессиональных аналитиков и эксцентричных авторов, подобных Михельсену, провозглашавших себя психоаналитиками. Как могла публика определить, что именно принадлежит истинному психоанализу? То же было справедливо в отношении психоаналитической терапии, которую могли предложить как аналитики из группы Фрейда, так и безответственные индивиды. То были те самые злоупотребления, которые вызывали критическое отношение и оппозицию к психоанализу, вынудившие Фрейда написать эссе «Дикий анализ».

В-третьих, психоанализ доходил до внимания публики двумя различными путями. В Вене такие ученые, как Крафт-Эбинг, Вейнингер и Шницлер, подготовили публику к восприятию сексуальных теорий Фрейда. В Цюрихе другой *genius loci* побудил публику воспринять пси-

хоанализ как ключ к разрешению проблем религии и воспитания и к пониманию мифов и психозов. Неизбежно между этими двумя различными точками зрения должны были происходить столкновения.

В-четвертых, психоанализ обычно отождествляли с материалистической философией и монизмом Геккеля. Не стоит сомневаться в том, что психоанализ можно было с равной убедительностью использовать и как аргумент против атеизма, и как довод в его пользу. Ранк и Сакс внушали, что атеизм является экстремальным выражением преодоления отца[272]. Знание об общепризнанном атеизме Фрейда, назвавшего религию коллективным неврозом, добавляло свою долю в непонимание. Ханс Блюхер вспоминает в своих мемуарах, как берлинский дом доктора Кербера, главы местного союза Monisten-Bund, был также местом собраний молодых «модернистских» художников, писателей и фрейдистов[273]. До некоторой степени оппозиция психоанализу была частью растущей оппозиции к Геккелю и его союзу Monisten-Bund.

Наконец, наиболее значимая причина антагонизма против психоанализа, возможно, определялась способом его поддержки. Психоаналитики, особенно молодые приверженцы психоанализа, заявляли о своих открытиях, не заботясь об их научных или статистических подтверждениях. Они оставляли бремя доказательств своим противникам, были нетерпимы к любому виду критики и использовали *argumentum ad hominem*, уверяя, например, что их противники — невротики. Временами психоанализ использовался личностями типа Михельсена для написания таких текстов, которые, казалось, и были предназначены для приведения в шоковое состояние благочестивого читателя, что весьма похоже на поведение футуристов[274].

Картина этих противоречий была бы неполной, если не сказать о том, что не менее страстные споры разгорались и в среде самих психоаналитиков. Альфонс Мёдер вспоминает, как однажды во время дискуссии о сновидениях на заседании психологического конгресса он упомянул о собственной концепции функции «влияния на будущее», присущей сновидениям. Эта мысль вызвала «бурю оппозиции против меня, как если бы я коснулся чего-то священного». Он не противоречил ни одному аспекту в теориях Фрейда, но просто предложил дополнить их[275]. В тот же период разразились конфликты между Венским обществом и Штекелем. Наихудшим событием явилось начало работ Юнга об эволюции, которым впоследствии суждено было отделить его от Фрейда. В феврале 1912 года газета *Zentralblatt* опубликовала за подписью Фрейда сжатый отрывок из книги французского историка искусства Сартио[276]:

Двадцать столетий тому назад в городе Эфесе храм Дианы привлекал множество паломников, как Лурд в наше время. К 54 году н. э. святой апо-

стол Павел проповедовал и обращал в христианскую веру уже в течение нескольких лет. Будучи преследуемым, он основал свою собственную общину. Это событие оказалось пагубным для ювелирной торговли, и ювелиры восстали против святого Павла с возгласами: «Да прославится великая Диана Эфесская!» Община святого Павла не сохранила верность ему, она разрушилась под влиянием человека по имени Иоанн, пришедшего в город с Марией и установившего культ Божьей Матери. Снова в город хлынули паломники, а ювелиры снова нашли работу. Девятнадцатью веками позже эта же местность стала объектом видений Катерины из Эммериха[277].

Почему Фрейд опубликовал этот исторический рассказ? Нет нужды быть знатоком герменевтики, чтобы понять его аллегорическое значение. Фрейд (святой Павел) проповедовал новое учение и вследствие оппозиции к себе собрал группу из преданных учеников, ставших объектом неистовых гонений, так как его учения угрожали определенным интересам. Ученик Иоанн (Юнг) пришел к нему (хотя сначала был его союзником, но позже стал проявлять мистические тенденции), увел от него учеников и образовал общину инакомыслящих, которые вновь стали потворствовать «торгующим в Храме».

Год 1913 принес в Европу обострение политических конфликтов до такой степени, что временами мировая война казалась неизбежной. Центр конфликта расположился на Балканах. После того как Греция, Болгария и Сербия одержали победы над Турцией, они стали раздирать друг друга в клочья во время второй Балканской войны, когда Греция, Сербия и Румыния объединились в союз против Болгарии. Эти катаклизмы потрясли Австро-Венгрию и Россию. В России происходила частичная мобилизация, и война предотвращалась только переговорами послов. Напряженность между Францией и Германией нарастала из-за участившихся пограничных инцидентов, и французский парламент продлил срок обязательной воинской службы с двух до трех лет. Характерно, что Леон Доде опубликовал книгу под названием «L'Avant-Guerre» (Канун войны).

В том же году все шире распространялись многочисленные конфликты между различными школами динамической психиатрии. В Париже Жане составлял огромный труд по психологическому лечению. В Нанси за отставкой Бернгейма последовала антипсихологическая реакция, весьма похожая на ту, которая произошла в Париже после смерти Шарко. В Берне Дюбуа все еще оставался светилом психотерапии, как и Виттоц в Лозанне, но оба работали в изоляции. В Цюрихе Людвиг Франк напряженно боролся за признание своей собственной модификации лечения посредством катарсиса и в том же году опубликовал книгу об этом методе[278]. В Вене психоаналитическое движение

переживало наиболее глубокий кризис за всю свою историю. Оно уже утратило Альфреда Адлера, который теперь как глава новой школы опубликовал учебник о своем методе[279]. Штекель, вышедший из движения годом раньше, продвигал собственный метод краткого психоаналитического лечения. А теперь и Юнг обострил взаимоотношения с Фрейдом, опубликовав собственные, нефрейдистские взгляды в описании психоанализа. В тот год война между школами динамической психиатрии разразилась на двух главных полях сражений: на Семнадцатом международном конгрессе в Лондоне и на Четвертом психоаналитическом конгрессе в Мюнхене.

Семнадцатый Международный медицинский конгресс происходил в Лондоне с 7 по 12 августа. Психоанализ был одной из тем, обсуждавшихся в XII секции. Последовавшие доклады и дискуссии известны не только из официальных изданий трудов конгресса, но также из подробных отчетов, публиковавшихся в «The Times»[280]. В четверг, 7 августа, Адольф Мейер прочел доклад о психиатрической клинике Фиппса, недавно открывшейся в Балтиморе под его руководством. Дискуссия вызывала изумление его английских коллег пропорцией десяти врачей на девяносто пациентов. Сэр Томас Клоустон воскликнул: «Мы чувствуем, что нашим казначеям и комитетам необходимо многому поучиться, прежде чем заниматься сбором средств для выполнения столь благотворительных программ, как эта!»

В пятницу, 8 августа, Пьер Жане прочел свой доклад о психоанализе.

Отправная точка психоанализа, сказал Жане, находится в наблюдениях Шарко за травматическими неврозами, которые он (Жане) распространил на другие виды неврозов, добавив к ним концепции о сужении поля сознания и ослабления психологической напряженности. Таким образом, с самого начала Жане усмотрел подтверждение своих собственных наблюдений в работе Фрейда. Фрейд заявил как об открытии об огромном количестве времени, посвящаемом им каждому пациенту, о тщательном расследовании истории его жизни, о тончайших наблюдениях за его словами, жестами и т. д., но Жане ответил, что всегда делает то же самое. Метод свободных ассоциаций Жане назвал наивным, так как терапевт всегда непроизвольно внушает пациенту направление ассоциаций. Что касается истолкования сновидений, Фрейд не разрабатывал точную методику записи сновидений, и его методы их интерпретации являются произвольными. Фрейд назвал комплексом то, что Жане определял как подсознательные навязчивые идеи. Многие из так называемых новых идей психоанализа представляли собой не что иное, как переименованные существующие концепции, как, например, вытеснение, названное Жане сужением поля сознания. Даже слово «психоанализ» было другим вариантом написания «психологического ана-

лиза» в работах Жане. Более того, Жане не признавал концепцию Фрейда о том, что сексуальность представляет собой существенную и уникальную составляющую невроза. По опыту Жане, сексуальное нарушение в большей степени являлось результатом, чем причиной возникновения невроза. Фрейд придал слову «либидо» неизмеримо широкое и туманное значение. Психоанализ мог достичь таких же терапевтических успехов, как и любой другой метод. Мимоходом Жане упомянул (не акцентируя), любопытное мнение, высказанное некоторыми авторами о роли genius loci в Вене[281]. Жане закончил доклад в примирительном тоне, сказав, что сочинения Фрейда содержат громадное количество ценных исследований неврозов, развития умственных способностей в детстве, различных форм сексуальных чувств... Позднее, сказал он, ныне существующие преувеличения значения психоанализа позабудутся и будут только напоминать о том, что психоанализ оказал громадные услуги психологическому анализу.

Очевидно, Жане основывал свои знания об учении Фрейда на существовавшей психоаналитической литературе на английском и французском языках. Он прочел «Толкование сновидений» в переводе Брилла, отрывки из фрейдистской литературы, опубликованные Бриллом и Эчером, и некоторые публикации Мёдера, Ференци, Саджера, Юнга, Джонса и Путнема. Таким образом, критицизм Жане был направлен, скорее, против раннего психоанализа, чем против его более поздних результатов.

Последовавшая затем речь Юнга в защиту психоанализа, произнесенная на английском языке, началась с саркастического замечания по поводу Жане: «К сожалению, часто случается так, что люди, уверенные в своем праве критиковать психоанализ, не способны даже читать по-немецки». В связи с тем, что теория Фрейда в целом пока не слишком ясно изложена и трудна для восприятия, Юнг предложил сжатую версию психоанализа, с критическими замечаниями, даже более суровыми, чем сделал Жане: «Итак, я предлагаю освободить психоаналитическую теорию от ее чисто сексуального отправного начала. На его место мне хотелось бы поставить энергетическую точку зрения на психологию неврозов». Юнг отождествлял либидо с *élan vital* (жизненной энергией) Бергсона. Невроз — это неудавшийся акт адаптации, вызывающий сдерживание энергии и замещение нижних частей функции ее верхними частями. (Вследствие совпадения, хотя в этой фразе и не цитировался Жане, она практически точно выражала его концепцию невроза.)

В последовавшей дискуссии никто не ответил Юнгу. Девять человек приняли участие в дискуссии, из них пятеро в защиту Фрейда, трое — против, и один придерживался нейтралитета. Джонс утверждал, что отчет Жане содержал длинную цепь из неправильных представлений,

искажений и ложных заявлений, и что он ничего не понимает в психоанализе. Корриат сказал, что ранее был противником психоанализа, но теперь начал понимать полную обоснованность его теории и его предельную ценность с терапевтической точки зрения. Форсайт заявил, что Фрейд дал «уникальный инсайт на эмоциональные свойства детей». Эдер выразил удивление, как мог Жане утверждать, что психоанализ — абсурд и в то же время настаивать на том, что он и есть его настоящий автор. Сэвидж заявил, что следует восхищаться не красноречием Жане, а осознать важность детского бессознательного. Франкль-Хохварт из Вены возразил, что имеют место многочисленные случаи, в которых психоаналитическое лечение не оправдало ожиданий, что часто оказывается опасным возбуждать сексуальные проблемы пациентов, что непрофессиональные аналитики опасны, и сверх всего, каждый может сам устанавливать статистику успешных и неудачных случаев лечения. Уэлш также обратил внимание на опасность подчеркивания сексуальности и сказал, что не существует терапевтического метода, который не имел бы удачных случаев лечения. Берийон привел шесть критериев приемлемости психотерапии и обнаружил, что ни один из шести не достигается психоаналитиками. Уильямс высказал несколько мнений по поводу различных аспектов психоанализа: «Психоаналитическое исследование происхождения болезни имеет огромное преимущество перед его описанием». Однако он сомневается в том, что вызывающие беспокойство комплексы действительно являются бессознательными, считает, что психоанализ не излечивает вредные привычки, и всегда предпочтительнее переориентация, независимо от того, воздействует ли она на сознание или на разум. Он закончил выступление, сказав, что терапевтический критерий психоанализа считает сомнительным.

Все отчеты об этой дискуссии подтверждали, что, похоже, назревает буря. В автобиографии Джонс писал, что доклад Жане был «беспощадной и саркастической атакой на Фрейда и его работу... исполненной с его неповторимым актерским искусством». Затем он добавляет: «Мне было легко демонстрировать аудитории не только глубокое невежество Жане в отношении психоанализа, но и отсутствие в нем угрызений совести, когда он самым несправедливым образом изобретал соломенные чучела для насмешек над ними»[282]. Джонс приписывал оппозицию Жане к психоанализу его ревности, так как он и сам чувствовал превосходство Фрейда над собой. В своей биографии Фрейда Джонс просто сказал: «В первую неделю августа состоялась дуэль между мной и Жане на Международном медицинском конгрессе. Она положила конец его претензиям на роль основателя психоанализа и последующим наблюдениям за тем, как его портит Фрейд»; затем последовало благодарственное письмо от Фрейда[283]. Отчеты современников не подкрепляли

доказательствами историю о «дуэли». В официальных изданиях материалов конгресса вмешательство Джонса выглядит весьма кратковременным и ничем не выделяется среди речей других восьми выступавших. Лондонская «Times» в подробных отчетах обо всех собраниях и дискуссиях резюмировала только убедительное выступление доктора Кориата в поддержку психоанализа и утверждение доктора Уэлша, что психоанализ явился новейшим в ряду психических эпидемий. В газете не было ни одного упоминания о Джонсе. Возможно, Джонс спутал свою словесную перепалку на конгрессе со своим вторым спором с Жане, который позже был опубликован в «Journal for Abnormal Psychology».

Для полной оценки событий, произошедших на этом конгрессе, необязательно рассматривать политическую атмосферу того времени. В течение нескольких лет в Англии велась кампания против всего, что было «сделано в Германии». Волленберг, один из немецких психиатров, участвовавших в конгрессе, позже вспоминал в качестве свидетельства этого антинемецкого настроения на конгрессе то обстоятельство, что ни одному немцу не предложили произнести тост на банкете по поводу закрытия конгресса[284].

Три недели спустя после Международного медицинского конгресса в Лондоне психоаналитики собрались на свой Четвертый международный конгресс в Мюнхене, проходивший 7 и 8 сентября. Казалось, его участники были озабочены не столько научными статьями, сколько конфликтами внутри ассоциации. Фрейд и его ближайшие сотрудники были обеспокоены произошедшей переменой в отношениях Юнга и его последователей к психоанализу. В должности президента Международной ассоциации Юнг занимал место председателя, но срок его президентства подходил к концу. Вопреки сильной оппозиции, Юнг был переизбран тридцатью голосами из пятидесяти двух.

Лу Андреас-Саломе, пришедшая в качестве гостьи, сопровождаемой поэтом Рильке, записала свои впечатления в дневнике[285]. Она чувствовала, что отношение Юнга к Фрейду было слишком безапелляционным и высокомерным. Фрейд занял оборонительную позицию и с трудом сдерживал глубокое переживание, наблюдая признаки грядущего разрыва с «сыном», которого так нежно любил.

Можно предположить, что конфликт был не лишен эмоциональности. Разве не напоминают отношения Фрейда и Юнга те, что сложились у Фрейда с Брейером восемнадцать лет тому назад? Что касается Юнга, он заново разыгрывал свой конфликт с Блейлером в 1909 году, если не вспомнить о более раннем его конфликте с отцом. Но более глубокой причиной конфликта было существенное различие в перспективах Цюрихской группы и Фрейда. Блейлер и Юнг смотрели на свои взаимоотношения с Фрейдом как на сотрудничество между независимыми

учеными, работающими в одной области. Они восприняли из психоанализа то, что полагали истинным, и установили существующие различия. В той же манере Брейер и Фрейд установили различия своих теорий в «Исследованиях истерии». В 1908 году Блейлер и Юнг объяснили свои конфликтующие теории о шизофрении в совместной статье[286]. Но Фрейду хотелось иметь таких учеников, которые бы воспринимали его учение *en block** или развивали свои теории под его управлением, так что конфликт был неизбежным. Это обстоятельство явилось одной из причин отклонения Блейлером членства в Международной психоаналитической ассоциации.

Подлинная история этого эпизода до сих пор не описана, как не написана и истинная история полемики вокруг психоанализа. Бытующая версия о том, что Фрейд и его ученики стали жертвами массированных атак своих бесчестных противников, не выдерживает критики при объективном рассмотрении доступных фактов, как не выдерживает ее и история о предполагаемых преследованиях. Существовали ожесточенные, иногда неистовые дискуссии на собраниях медицинских обществ и конгрессах, но отсутствуют записи о том, чтобы кто-нибудь когда-нибудь поставил под сомнение искренность и честность Фрейда. Что касается утверждений Джонса, что австралийский пастор, преподобный Дональд Фрезер, был вынужден уйти в отставку из-за его интереса к психоанализу, и что шведский лингвист Ханс Шпербер разрушил свою карьеру по той же причине, то обе эти истории определенно относятся к легендам. Преподобный Дональд Фрезер оставил духовенство по своей воле, чтобы изучать медицину при поддержке своей общины[288], а Шперберу было отказано в звании приват-доцента на основании причин, не имеющих никакого отношения к его статье о сексуальном происхождении языка[289]. Характерным свойством легенды является способ, посредством которого безобидные шутки превращаются в гнусные оскорбления. Джонс, более знакомый с британским юмором, нежели с венскими *Witz* (остротами), приводит пример неприличной антифрейдистской оскорбительной шутки, связывающей имя Фрейда со словом *Freudenmadchen* (проститутка)[290]. Фактически шутка заключалась в двух фразах: «Почему одни женщины обращаются к Фрейду, а другие — к Юнгу? Первые — это *Freudenmädchen* (проститутки), остальные — *Jungfrauen* (девицы)».

Год 1914 начался под черными тучами. Европу заполонили публичные и скрытые конфликты. Растущие чешские националистические волнения вызвали сильный протест немецкоязычных групп населения против того, что они называли славянским вторжением. Из-за Албании

* *en block* — полностью. — *Прим. пер.*

осложнялись отношения между Австрией и Сербией: сербы стремились захватить Албанию, в то время как Австро-Венгрия охраняла ее независимость. Англичане были поглощены усилением националистических волнений в Ирландии. Новый президент Франции Пуанкаре в июне посетил Россию и на официальном банкете заверил русских во французской поддержке в случае конфликта.

Это были месяцы острых кризисов и в психоаналитическом движении. Юнг счел свое положение неприемлемым и вышел из состава Международной ассоциации в марте. Блейлер опубликовал критический материал о теории Фрейда, но это не осложнило его личных отношений с Фрейдом. Швейцарская психоаналитическая ассоциация разрушилась.

Значительный кризис вынудил Фрейда написать историю психоаналитического движения как некую *apologia pro domo*, с обычными для него погрешностями памяти и скрытыми полемическими намеками, касающимися его взаимоотношений с Адлером и Юнгом. В те же месяцы журнал «Imago» опубликовал анонимный материал «О Моисее Микеланджело»[291]. Анонимный автор анализировал позу и выражение лица знаменитой статуи и сделал вывод, что лицо выражает отнюдь не гнев Пророка из-за расколотых каменных скрижалей, оно выражает огромное усилие великого вождя, чтобы усмирить свой справедливый гнев. Спустя годы выяснилось, что автором работы был не кто иной, как Фрейд. Все пришли к общему мнению, что таким образом Фрейд проецировал собственные чувства. Эти же месяцы принесли главную новинку психоаналитической теории: «Введение в нарциссизм» Фрейда[292].

Несмотря на кризис в психоаналитическом движении, теории Фрейда привлекали все более широкое внимание во всем мире. Психоаналитики приобретали популярность в России, где были переведены основные труды Фрейда, и в больших городах обосновались психоаналитические группы. Они также нашли благодатную почву в Англии и Соединенных Штатах. Во Франции идеи Фрейда были известны ограниченному числу лиц, но в атмосфере сильного шовинизма, пронизавшего страну, он стал объектом яростных атак, как, например, 16 июня, перед Парижским психотерапевтическим обществом, где Жане выступил в его защиту.

> Жане протестовал против того факта, что на сессии, посвященной трудам Фрейда, не было слышно ничего, кроме критики; это было не только невежливо, но и несправедливо. Исследования Фрейда и его школы получили развитие не только в Австрии и Германии, но и в других странах, включая Соединенные Штаты. Такого бы не случилось, если бы эти труды были лишены ценности. Признавая частичные ошибки и преувеличения, можно утверждать, что теория в целом послужила основой для чрезвычайно по-

лезных исследований. Психоанализ многое добавил в информацию о неврозах, сексуальной патологии и психопатологии. «Так признаем же эти заслуги; наши неизбежные критические выпады не должны отвлекать нас от возможности выказать свое уважение к превосходной работе и важным наблюдениям наших венских коллег»[293].

Но националистические настроения достигли такого накала, что научная объективность стала невозможной в грядущие годы. Именно в такой напряженной атмосфере двенадцатью днями позже новость об убийстве в Сараево прозвучала погребальным звоном по Европе.

Первая мировая война: июль 1914 — ноябрь 1918

Анри Бергсон говорит, что когда 4 августа 1914 года он развернул газету и его взгляд упал на протянувшийся через всю газетную полосу заголовок: «Германия объявляет войну Франции», ему внезапно почудилось присутствие невидимой сущности, как если бы мифическое создание выступило со страниц книги и спокойно перешло в его комнату[294]. Как все, кто в детстве пережил Франко-Прусскую войну 1870–1871 годов, последующие 12–15 лет он прожил с мыслью о неизбежности новой войны, а в дальнейшем жил со сложным чувством вероятности и невозможности этой войны. И теперь Бергсон осознал, что это событие наступило, событие, ожидание которого наполняло беспокойством все прошедшие сорок три года; и несмотря на ужас, охвативший его перед лицом наступившей катастрофы, он не мог не поражаться той легкости, с которой абстрактная идея войны стала живой реальностью. Эта война, которая за давностью лет представляется нам внезапным громом среди ясного неба, драматическим перерывом марша Европы к счастью и процветанию, многим современникам казалась неизбежным следствием длинной череды конфликтов, угроз, локальных войн и слухов о войне, а, быть может, и освобождением от невыносимого напряжения.

В 1914 году распространяющейся европейской цивилизации противостоял последний аванпост варварства, Турецкая империя. Только соперничество, существовавшее среди европейских стран, помешало нанести смертельный удар «больному человеку», как тогда обычно называли Турцию. А из посеянных зубов дракона выросли новые Балканские страны. Едва получив свободу, они начали угнетать свои собственные меньшинства и бороться друг с другом. Тайные террористические организации, занятые ранее борьбой с турками, использовались теперь в качестве политического оружия. Молодых людей, которые называли себя

патриотами, готовили в качестве террористов и использовали в грязных политических целях.

Принцип национализма, распространившийся теперь на Балканские страны, в большей степени, чем когда-либо ранее, господствовал в Европе, и у каждой страны существовал свой собственный способ решения проблемы. Франция ассимилировала свои меньшинства в прошлом, но у Великобритании были трудности с ирландцами, у Испании были трудности с каталонцами, у Германии — с эльзасскими, датскими и польскими меньшинствами. Турция периодически прибегала к массовым убийствам, последними жертвами которых были болгары и армяне. Россия, которая долгое время была в этом плане либеральной страной, пыталась теперь «русифицировать» свои меньшинства. Наиболее трудной была ситуация в Австро-Венгрии, поскольку она была единственным многонациональным государством во время всеобщего господства национализма. Она подвергалась агитации изнутри, в то же время против нее интриговали Россия и Сербия. Проблемы Австро-Венгерской монархии едва ли можно было понять, когда еще не были сформулированы понятия «деколонизация», «зависимые страны», и «наднациональное государство». Балканские страны, недавно освободившиеся от турецкого господства, пали жертвой фанатического национализма и внутренней борьбы. Сербия была зависима от России, которая практически руководила ее политикой и использовала ее против Австро-Венгрии. Последняя в наши дни называлась бы наднациональным государством, однако ввиду внутренних противоречий ей требовались крупные политические реформы[295]. Монархия была единственной связующей силой империи, а кронпринц Франц Фердинанд считался единственным человеком, обладавшим волей и способностью провести необходимые реформы.

Европейская публика настолько привыкла к убийствам королей и глав государств анархистами-одиночками или параноиками, что она не поняла истинного значения убийства в Сараево, которое в действительности было заговором, организованным сербской секретной службой[296]. Мы уже видели, как были убиты в 1903 году ориентированный на защиту интересов Австрии король Сербии Александр III и его жена Драга, а также некоторые их сторонники.

Новый король Петр, которого поддерживала Россия, проводил с помощью приведших его к власти террористов политику, направленную против Австрии. Осуществленная Австро-Венгрией аннексия Боснии и Гецеговины, а также создание боснийского парламента привели в ярость сербских националистов, которые провели ряд терактов против австрийских гражданских чиновников, а в 1912 году даже против губернатора Хорватии. 28 июня 1914 года группой молодых бос-

нийских заговорщиков, подготовленных в сербской школе террористов и вооруженных сербским оружием, которым помогали из-за границы сербские агенты, во время визита в Сараево были убиты эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена. Если когда-либо было осуществлено преступление, которое мог бы задумать Макиавелли, то именно таким было это убийство: поскольку эрцгерцог намеревался решить проблемы империи, дав равные права южным славянам, остановив тем самым сербских националистов, его убийство положило конец надеждам на такое урегулирование, оставив уставшего престарелого императора и неопытного молодого наследника. Перед правительством Австро-Венгрии стояла теперь трагическая дилемма: оставить без наказания опасное гнездо террористов, поклявшихся разрушить империю, или предпринять вооруженную интервенцию, рискуя вызвать мировую войну, учитывая поддержку, которую Россия оказывала Сербии[297]. Как утверждал Сомари:

> Западная Европа не поняла сущности происшедшего... Они ошибочно предположили, что на маленькую страну обрушилась империалистическая держава, и они инстинктивно стали на сторону Давида, тогда как на самом деле это был случай систематического разрушения цивилизованной империи союзником России; убийство в Сараево было типичным партизанским действием[298].

Война была смертельным риском, тем более, что годом ранее удалось установить, что путем шантажа от главы австрийской контрразведки полковника Альфреда Редла Россия смогла получить важную военную информацию. Помимо того, Италия отвернулась от союза с Австро-Венгрией. Ответ на вопрос, останется ли военный конфликт локальным, зависел от поведения России. Из-за быстрого экономического развития, социальных конфликтов и деятельности революционных групп Россия была плохо подготовлена к войне. Однако милитаристской партии удалось добиться общей мобилизации, что явилось угрозой для Германии. Германия была готова к войне, которую ее военные и политические руководители давно полагали неизбежной. Поскольку считалось, что исход будет зависеть от быстроты первых шагов, а также с целью обеспечить начальное стратегическое преимущество, Германия объявила войну России и Франции и нарушила нейтралитет Бельгии; в ответ Италия вышла из союза с Австро-Венгрией, а Англия объявила войну Германии. Таким образом в течение нескольких недель была приведена в движение адская машина.

Большинство народов Европы давно было готово к этой войне, которую они встретили взрывом крайнего патриотического энтузиазма. Австрийцы и венгры видели в войне единственную возможность

сохранить двойную монархию. Немцы пытались освободиться от натиска соседних народов и российского варварства. Французы видели в ней крестовый поход за свободу в мире и за освобождение Эльзаса и Лотарингии. Война означала банкротство сил духовности. Церкви всех вероисповеданий стали на сторону своих государств, а папа просто призвал Бога в помощь сражающимся. Социалисты, которые неоднократно выступали против войн, присоединились к защитникам интересов своих стран едва ли с меньшим энтузиазмом, чем другие сограждане. Пацифисты были повсеместно в меньшинстве, а тех, кто отказывался сражаться, спокойно расстреливали. Интеллектуалы с лихорадочным энтузиазмом принимали участие в том, что получило наименование мобилизации совести, означавшей нетерпимость фанатичного национализма к малейшему инакомыслию. Небольшое число мыслителей сохранило способность ясно предвидеть катастрофу. Французский философ Ален предсказал, что война повлечет за собой массовую гибель элиты, оставив страну во власти дельцов, тиранов и рабов[299]. Анатоль Франс, который в письменном протесте против бомбардировки Реймсского собора выразил надежду на то, что после войны французский народ вновь подаст руку дружбы побежденному противнику, получил многочисленные оскорбительные послания, а его дом был побит каменьями собравшейся толпой. Ромен Роллан, другой французский писатель, живший в Женеве, издал манифест, в котором восхвалялся героизм европейской молодежи и ее самопожертвование во имя патриотического идеала, но осуждались политики, которые развязали войну и ничего не делали, чтобы прекратить ее, а также порицались писатели, разжигавшие пламя[300]. В том же духе писал немецкий писатель Германн Гессе, который, восхваляя сражавшихся, осуждал тех, кто, оставаясь в безопасности, писал пламенные призывы, направленные против врага[301].

В начальный период войны каждый психиатр реагировал в соответствии со своим характером и воспитанием. Брейер предсказывал, что Австрия либо сгорит, либо восстанет из пепла, подобно молодой и сильной птице Феникс[302]. Фрейд выражал чувства австрийского патриотизма, и можно только удивляться изумлению, которое выражал по этому поводу Джонс[303].

Более обычным было поведение Жане, одного из немногих, кто не участвовал в шовинистической лихорадке[304]. В своей автобиографии любопытный эпизод излагает Молл[305]. К нему явился тайный агент и потребовал, чтобы Молл научил его убедительно представиться врачом. Молл сказал, что это невозможно, но предложил ему показать, как представиться психоаналитиком. Он настолько хорошо обучил его за несколько дней основам профессионального жаргона, что человек слу-

жил своей стране на протяжении всей войны, «практикуя» свою новую профессию. В Швейцарии Огюст Форель был настолько опечален происшедшей катастрофой, что прекратил свою антиалкогольную кампанию и занялся активной пацифистской деятельностью[306].

Тысячи людей, которые с таким энтузиазмом пошли на войну, ожидали, что она продлится недолго, полагая, что к этому неизбежно приведет мощное современное оружие. Лишь очень немногие предвидели, что борьба продлится более четырех лет. Война началась с пламенного энтузиазма и стремительных атак. Возможно, что никогда еще в истории человечества от стольких людей не требовалось совершать такого количества героических подвигов, и жизни людей не тратились с такой расточительностью. За начальным периодом последовало затишье в боевых действиях на Западном фронте, где войска зашли в своего рода тупик. Война на истощение перемежалась с бесплодными попытками прорвать вражеские боевые порядки. Как в гигантском котле воюющие состязались друг с другом, желая увидеть, кто бросит в костер больше людей и приобретет больше союзников. Тогда же произошел первый крупномасштабный геноцид современности. Армяне, которых агенты союзников подстрекали на борьбу против турецкого ига, пали жертвой организованной систематической бойни; почти два миллиона армян были убиты самым жестоким образом[307].

Постепенно на смену спонтанному патриотическому энтузиазму, проявленному вначале воюющими сторонами, пришла постоянная, хорошо организованная коварная пропаганда. К 1917 году у населения стали проявляться признаки усталости; так, во французской армии происходили бунты. Первой рухнула Российская империя под ударами демократической революции Керенского в марте 1917 года и большевистской революции в ноябре 1917 года, за которыми последовало заключение сепаратного мира с империями Центральной Европы. Германия попыталась изменить ход событий, ведя интенсивную войну посредством своих подводных лодок, но это привело к вступлению в войну Соединенных Штатов на стороне союзников.

После смерти императора Франца Иосифа его наследник, молодой Карл, предпринял тщетные попытки заключить сепаратный мир. Германия предпринимала отчаянные усилия, стремясь добиться победы до эффективного вмешательства со стороны армии Соединенных Штатов. Но вновь решение пришло с Ближнего Востока. Все началось с крушения Турции, за которым последовало поражение Болгарии, Австро-Венгрии и, наконец, Германии; затем, 11 ноября 1918 года, было заключено перемирие. Для англичан и особенно для французов это была пиррова победа, достигнутая только благодаря американской интервенции. К концу 1918 года все народы Европы возложили свои надежды на

американского президента Вильсона. Союзники увидели в нем могучего защитника, который поддержит их требования на мирной конференции; немцы и австрийцы были убеждены, что он добьется справедливого мира, который приведет к всеобщему согласию. Истекшие четыре с половиной года полностью потрясли устоявшуюся жизнь западного мира. Политическая, экономическая, социальная и интеллектуальная жизнь воевавших народов была поглощена войной. В этом отношении психиатры не составили исключения. Их непосредственной заботой стало лечение военных неврозов, но к вставшим перед ними проблемам они были плохо подготовлены. Применение электростимуляции, которое порой давало положительные результаты при лечении функциональных параличей, происходило в столь грубой форме, что получило во Франции название «torpillage» («торпедирование»). Бабинский, опровергнув концепцию истерии, предложенную Шарко, оказался перед лицом клинических явлений, весьма похожих на картину старой истерии, которая, однако, не поддавалась терапевтическому воздействию внушением[308]. Он назвал их физиопатическими расстройствами. В отношении контузий Вагнер-Яурегг различал действие физических факторов (шум, сильные световые вспышки, вибрации и воздушное давление) и две категории психогенных факторов: стремительные, но выпадающие и определяющие[309]. Он отмечал, что среди пациентов с военными неврозами было крайне мало немцев, австрийцев, венгров и южных славян, но зато было много чехов, а наиболее тяжелые случаи военных неврозов встречались среди солдат, относившихся к этническим итальянцам и румынам. (Иными словами, частота военных неврозов была пропорциональна отсутствию лояльности к двойной монархии.) Психоаналитикам, для которых военные неврозы также были новой областью, приходилось пересматривать и изменять свои теории. Тем временем психиатрия успешно развивалась. В 1917 году Вагнер-Яурегг опубликовал первые результаты своих исследований, посвященных лечению общего пареза с помощью малярии. Фон Экономо дал первое описание эпидемического энцефалита и его последствий. Мобилизация американской армии позволила впервые провести психологическое тестирование приблизительно двух миллионов индивидов, и в дальнейшем психологическое тестирование стало рутинной процедурой. В течение военных лет авторы великих систем динамической психиатрии ввели в них новые формулировки. Жане был увлечен разработкой своей новой психологии тенденций. В 1916 году Фрейд опубликовал работу «Введение в психоанализ. Лекции», явившуюся первым систематическим обзором его теорий. Одновременно, публикуя статьи по метапсихологии, он продолжил свои разработки в области психоанализа. Полагали, что возросшая роль, которую Фрейд приписывал агрессивным побуждениям,

была обусловлена военными событиями. Альфред Адлер, который, как и другие, вначале проявлял пламенный патриотизм, стал постепенно с ужасом воспринимать войну и считать чувства общности основной составляющей природы человека. Для Юнга годы войны были периодом творческого невроза; он почти ничего не опубликовал за это время, но сохранил около себя группу своих последователей. Из четырех великих динамических систем только психоанализ добился в годы войны заметного прогресса. В 1918 году в Вене благодаря щедрому пожертвованию Антона фон Фройнда, состоятельного венгра, — пациента Фрейда, — было основано Издательство психоаналитической литературы. Оно явилось могущественным инструментом, обеспечившим распространение психоаналитического движения. В Англии своей растущей популярностью психоанализ был обязан работам Риверса. В Америке Фринк опубликовал свою некогда знаменитую книгу о смертельном страхе и принуждениях[310]. Оригинальные работы были созданы в граничащих с психоанализом областях, например, труд Зильберера о символизме переселения душ[311]. Ханс Блюхер утверждал, что ассоциации молодых людей держатся благодаря более или менее бессознательным гомосексуальным узам; это явилось одним из ранних приложений психоанализа к массовой психологии[312].

Обстоятельства заставляли многих людей размышлять о причинах и смысле войны. Когда в 1915 году Фрейд опубликовал работу «Размышления о войне и смерти», он шел по пути, по которому следовали многие выдающиеся мыслители. Известный немецкий кардиолог, Г.Ф. Николаи, который был заключен в тюрьму за свои пацифистские идеи, написал книгу «Биология войны»[313]. Другие, например, Артур Шницлер в Вене, или французский философ Ален, делали записи, которые позднее были изданы в виде книг. Во время войны крупнейший город Швейцарии Цюрих сохранял свой космополитический характер[314]. Группа молодых художников, поэтов и музыкантов, группировавшихся вокруг румына Тристана Тцара, открыла в 1916 году «Кабаре Вольтер», разместившееся на одной из самых узких и старых улиц Цюриха, носившей название Шпигельгассе (кстати, на этой же улице жил Ленин). Там эти молодые люди, называвшие себя дадаистами, читали абсурдистские поэмы и всевозможными способами выражали свое презрение к истеблишменту, который не сумел предотвратить массовую резню. Некоторые из этих людей избежали военной службы в своих странах[315]. Некоторые дадаисты — Ганс Арп, Гуго Балл и Марсель Янко — стали в дальнейшем известными писателями или художниками. Фридрих Глаузер стал известным швейцарским писателем — создателем детективных историй, а другой дадаист, Рихард Гюльзенбек, завершил свою карьеру в Нью-Йорке в качестве психоаналитика. В Вене воен-

ные события имели различные следствия. Первые поражения привели к быстрому снижению патриотического энтузиазма. Сербская армия, хорошо подготовленная в процессе Балканских войн, оказалась более трудным противником, чем предполагалось вначале. Русское вторжение в Галицию заставило толпы беженцев, среди которых было много евреев из бедных слоев общества, броситься в Вену. Италия, а позднее и Румыния, объявили войну Австрии. Умелая пропаганда спровоцировала массовое дезертирство среди чехов и других менее лояльных меньшинств. Запасы еды и топлива сокращались, а жизнь неуклонно дорожала. Смерть императора Франца Иосифа ощущалась многими как гибель империи. В последние месяцы войны открыто говорилось о необходимости прекращения боевых действий. Молодой врач, Джекоб Морено, активно участвовавший в литературной жизни, предпринял издание нового журнала «Daimon», первый номер которого открывал лирический манифест: «Приглашение к встрече», представлявший собой замаскированную мольбу о мире; позднее он рассматривался как важная веха на пути развития экзистенциалистской литературы[316]. Все надежды население возлагало на американского президента Вильсона, который 8 января 1918 года выступил с программой о мире, сформулировав ее в «четырнадцати пунктах».

Однако поражение в войне и падение существовавшей столетиями империи Габсбургов было воспринято большинством австрийцев как трагическая катастрофа. Это нашло яркое выражение в воспоминаниях Эрнста Лотара:

> Дни падения Австро-Венгрии нанесли мне и многочисленным согражданам сильнейший удар. Мы поняли с поразительной ясностью, что умерло нечто невозвратимое, что оно уже никогда не повторится... Империя сократилась до одной восьмой прежних размеров. Ранее это была небольшая вселенная, включавшая море и степи, ледники и пшеничные поля, Юг, Запад и Восток; германские, романские и славянские народы, венгры и даже турки — сосуществовали здесь на протяжении жизни многих поколений, составляя Соединенные штаты Европы, хотя более нигде не удавалось заставить эти народы жить в мире и согласии. И эта многокрасочная империя, с ее многоязычием, разнообразием культур и темпераментов, эта блестящая смесь контрастных цветовых сочетаний, она существовала только здесь...[317].

Лотар, который был знаком с Фрейдом, ощутил потребность посоветоваться с ним в своем горе и, по его словам, спросил у Фрейда, как можно существовать без страны, для которой человек жил. Фрейд, знавший, что несколькими месяцами ранее Лотар потерял мать, ответил ему:

Меня опечалила весть о смерти вашей матери, но вы продолжаете жить. Мать — это родина человека. Но то, что человек живет и после ее смерти, есть биологический факт, ибо мать умирает раньше, чем ее дети... Всегда наступает время, когда взрослый становится сиротой. Вы говорите: «Страны больше нет». Быть может, страны, о которой вы говорите, никогда и не существовало, и мы с вами обманывались, думая иначе. Потребность в самообмане тоже является биологическим фактом.

Может произойти так, что близкий вам человек оказывается не таким, каким вы его считали...

Лотар настаивал на том, что Австрия была единственной страной, где он мог жить, на что Фрейд отвечал:

В скольких странах вы жили?... Как и вы, я выходец из Моравии, как и вы, я испытываю глубокую привязанность к Вене и к Австрии, хотя, возможно, в отличие от вас, мне известна ее изнаночная сторона[318].

Далее, на отдельном листе бумаги, Фрейд написал:

Австро-Венгрии больше нет. Я не могу жить в другом месте. Эмиграция для меня исключается. Я буду жить в ее оставшейся части, воображая, что это целое.

В заключение Фрейд заметил, что эта страна могла заставить человека умереть от ярости, но в ней он с радостью закончил бы свои дни.

В Вене, посреди бедствий, существовало несколько человек, которые пытались сделать все возможное в этих условиях; они были озабочены спасением молодежи и изобретением новых методов воспитания и обучения людей.

Между двумя мировыми войнами. Ноябрь 1918 — сентябрь 1939

После завершения войны Франция и Англия оказались истощены своей пирровой победой, Россия стала добычей революции и гражданской войны, а Центральная Европа была охвачена голодом и отчаянием. Миллионы людей сражались в убеждении, внушенном коварной пропагандой, что они сражаются на последней войне, которая ведется ради установления вечного мира и демократии. Но политики, которые не смогли предотвратить войну или прекратить ее, когда она началась, не смогли и обеспечить длительный мир; и через двадцать лет после Первой мировой войны разразилась Вторая мировая война. Промежуток меж-

ду войнами был отмечен бесчисленными изменениями, также наложившими свой отпечаток на развитие динамической психиатрии.

Год неудавшегося мира: 1919

Люди с нетерпением ожидали обещанного мира, который должен был установить новый порядок под эгидой Лиги Наций. Но мирные договоры были заключены в манере, резко отличавшейся от существовавших на Западе традиций. Венский конгресс, на котором в 1815 году, после Наполеоновских войн, был подписан длительный мир, предоставлял побежденной Франции на время переговоров равные права. Договоры 1919 года не допускали к переговорам побежденные страны; более того, Германию вынудили признать свою вину; это было неслыханным требованием в истории дипломатии. Неудивительно, что народы Центральной Европы, возлагавшие такие надежды на президента Вильсона, пришли в ярость; и если Фрейд испытывал непреодолимое отвращение к президенту Вильсону, то он всего лишь разделял чувство, получившее широкое распространение, с населением Австрии и стран Центральной Европы.

Подписанный 28 июня 1919 года Версальский договор возвращал Франции Эльзас и Лотарингию, а восстановленной Польше — Силезию. После позорного бегства кайзера в Голландию и краткосрочной попытки коммунистической революции, в Германии, на весьма непрочной основе, было создано демократическое Веймарское правительство. Германия перестала существовать как мировая держава, она потеряла флот, колонии в Африке и на Тихом океане и свои представительства в Китае. Немецкие землевладельцы в прибалтийских странах были экспроприированы, немецкие иммигранты в Соединенных Штатах ускоренно американизировались, а на смену немецкому языку, игравшему до того роль величайшего культурного языка в мире, пришел английский. Под давлением материальных и духовных бедствий многие немцы восставали против создавшейся ситуации, приняли легенду об «ударе ножа в спину» (Dolchstoss), нанесенном социалистами, и стали мечтать о реванше.

Население бывшей Австро-Венгрии разделилось теперь на три группы. К первой группе относились так называемые страны-наследники: Югославия, Румыния, Польша и Чехословакия. Во вторую группу вошли Австрия, лишившаяся немецкоязычной области Судеты, которая перешла к Чехословакии, и Южного Тироля, который отошел к Италии; и Венгрия, от которой отошла одна треть венгроязычного населения. В третью группу входили словенцы, словаки и русины, которые отошли к странам-наследникам.

Договор, вернувший Франции Эльзас и Лотарингию, создал в Центральной Европе десяток новых аналогичных областей и породил

в сердцах людей неутолимую ненависть. «Составители мирного договора не учли, что распад империи Габсбургов высвободил народы, соперничество между которыми продолжалось в течение тысячелетий, которые удерживались в едином государстве только благодаря традициям установившейся монархии»[319].

Австрия оказалась теперь страной с населением в шесть с половиной миллионов жителей и колоссальной столицей, в которой жили два с половиной миллиона человек. Она оказалась в бедственном положении. Не было еды, топлива, транспорта; повсеместно грабили, бунтовали, процветал черный рынок, моральные устои рушились.

В России новое Советское правительство оказалось сильнее, чем предполагали союзники, и Европа задрожала от страха перед призраком большевизма. Ранее нигилизм был всего лишь абстрактной концепцией, имевшей отношение только к русским, но теперь он внезапно стал угрожать всему миру[320].

Турецкая империя тоже распалась, особенно с появлением новых арабских государств. Армянам было обещано независимое государство, но оказалось, что после массовой резни армян почти не осталось. Бальфурской декларацией от 2 ноября 1917 года евреям было обещано основание «национального отечества» в Палестине, но это обещание только частично выполнялось Британским мандатом в Палестине.

На настроении сказывались последствия войны и крупномасштабных разрушений. Десятками публиковались романы о войне, создавались книги о гибели Европы, западной цивилизации, белой расы и человечества в целом. Успехом пользовалось произведение Освальда Шпенглера «Закат Европы», опубликованное на немецком языке.

> Подобно Ницше, Шпенглер видит в человеке хищника, хотя и способного к творчеству, который создал науку, технику и искусство, чтобы отделиться от природы и стать подобным Богу.
>
> Согласно Шпенглеру, великие культуры являются биологическими формами жизни, которые рождаются, растут, загнивают и умирают, следуя неотвратимому паттерну. Существовало восемь таких культур, и восьмая, или современная западная культура, умирает, и вскоре ее сменит культура цветных рас. Человеку Запада остается только умереть почетной смертью у последнего рубежа[321].

За многочисленные ошибки, содержавшиеся в его работах, Шпенглера критиковали как биологи, так и историки. Некоторые сравнивали его с Фрейдом в связи с присущим ему культурным пессимизмом и той важной ролью, которую он приписывал агрессивным побуждениям. Такое сравнение не совсем обоснованно, поскольку, в отличие от

Шпенглера, Фрейд полагал, что побуждения либидо в определенной мере нейтрализуют агрессивные побуждения.

Катастрофические настроения данного периода нашли отражение в драме Карла Крауса «Последние дни человечества»[322]. Подобно книге Шпенглера, она была написана в годы войны, хотя и появилась позднее. Это обширное апокалипсическое видение, рисующее не только конец Австрии, но и разрушение человеческих ценностей, поражение человечества и разрушение нашей планеты за грехи, направленные против космической гармонии.

Некоторые представители динамической психиатрии пытались интерпретировать современные события. Как уже ранее было сказано, Альфред Адлер издал памфлет «Другая сторона», в котором он попытался объяснить причины, по которым простой рабочий человек воевал с таким мужеством и переносил такие страдания, сражаясь за чуждое ему дело[323]. Он пришел к заключению, что помимо военного давления и лживой пропаганды его привела к этому полная изоляция, заставившая его бороться за дело истинного врага (которым были высшие слои общества), как за свое собственное.

Среди последствий австрийской революции психоаналитик Пауль Федерн выделял как отрицательные (такие, как стачки), так и положительные (к ним он относил советы рабочих)[324]. И то, и другое он толковал в свете фрейдовской концепции первобытных орд и восстания сыновей. Старый император Франц Иосиф был в стране фигурой отца. После его гибели осталось осиротевшее общество; некоторые сироты отвергали любую замену, что и породило стачки и бунты; другие пытались создать новую организацию и Общество братьев.

Среди возникшей разрухи предпринимались героические усилия, направленные на спасение эмоционального здоровья юношества. К таким попыткам относились прославленные эксперименты Айхгорна по терапевтическому воспитанию, проводившиеся в Оберхоллабрунне вблизи Вены. К сожалению, это один из наименее подкрепленных документами эпизодов из истории воспитания. Неизвестно, в какой мере данный эксперимент был вызван происходящими событиями, и в какой степени он планировался Айхгорном. В нашем распоряжении нет рассказов современников, отсутствуют статистические данные, нет последователей; нам даже не известно, как долго он продолжался.

Имена сотрудников Айхгорна не сохранились, а те скудные данные, которыми мы располагаем, известны нам из книги Айхгорна, которая была опубликована через шесть лет. Айхгорн был школьным учителем в Вене. Во время войны он активно участвовал в организации юношеских центров для мальчиков, где их обучали военному делу и воспи-

тывали в них патриотические чувства, что видно из листовок, которые Айхгорн издавал в связи с этой деятельностью[325].

Когда Австро-Венгерская монархия рухнула, Айхгорну поручили заботу о группе трудных подростков. (Как сообщает сам Айхгорн, ему была поручена забота о двенадцати агрессивных малолетних преступниках, большинство которых были бездомными.) Они жили в помещении старых военных бараков. В тех условиях, когда Вена была ареной революционной агитации, восстаний и нарушения общественного порядка, не вызывает удивления тот факт, что эти мальчики тоже бунтовали, ломали мебель, двери и окна, дрались друг с другом. Айхгорн советовал своим сотрудникам вмешиваться только в случае серьезной опасности. И так же, как в самой Вене революционные манифестации, сохраняя свой шумный характер, становились менее опасными, так и на смену агрессивности мальчиков пришла своего рода псевдоагрессивность, сопровождавшаяся взрывами эмоций. А далее, подобно тому, как в Австрии наступил период некоторого улучшения обстановки, несмотря на продолжающуюся нестабильность, такая же нестабильность долгое время сохранялась среди подростков, и только крайне медленно они возвращались в уравновешенное состояние. Результаты данного эксперимента получили позднее психоаналитическую интерпретацию[326]. Несмотря на крайне суровые времена, психоаналитическое движение было реорганизовано, и с рядом зарубежных стран были восстановлены контакты. Три американских психоаналитика прибыли в Вену для проведения с Фрейдом тренировочного анализа[327].

Ученики Фрейда продолжали распространять его учение в своих работах. Так, ими был опубликован сборник работ, посвященных исследованию военных неврозов[328].

Во Франции Жане постепенно создавал новую систему поведенческой психологии, однако у него был сравнительно небольшой круг слушателей. В 1919 году он, наконец, смог опубликовать свою книгу о душевном целительстве[329], но ее запоздалое появление привело к созданию ошибочного впечатления о том, что его учение исчерпало себя в годы, предшествовавшие войне.

Что касается Юнга, то никто не знал о проводимых им на себе экспериментах, и он продолжал работать над монографией «Психологические типы». Любопытно, что первым откликнулся на его новую аналитическую психологию писатель Германн Гессе в романе «Демиан».

Эмиль Синклер рос в очень религиозной среде. В школьные годы он однажды похвастался, что совершил дурной поступок, который на самом деле совершили другие; в связи с этим его стал шантажировать один из товарищей. Затем он встретился с мальчиком, старше его по возрасту, с Максом

Демианом, которому он доверил свою тайну; тот помог ему избавиться от невыносимой ситуации. Тесная дружба с Демианом заставила Синклера изменить свой взгляд нам мир, признать существование и неизбежность зла. Но Синклер заходит слишком далеко, он ведет распущенную студенческую жизнь, пока не встречается с юной девушкой. За короткую встречу Беатрис внушает ему новые идеалы (хотя они не обменялись ни единым словом). Позднее он встречается с мудрым ученым музыкантом, который учит его, как надо толковать сновидения и спонтанные рисунки. Оба приходят к единому мнению об идентичности Бога и дьявола (или, иначе говоря, Бог и дьявол — это две ипостаси единого верховного Существа Абраксаса). В дальнейшем Синклер встречает мать Демиана Еву и узнает в ней тот женский образ, который виделся ему в мечтах и который он изображал на полотнах. И в этот момент начинается Мировая война. Демиан приходит к Синклеру и объясняет ему, что отныне, когда ему потребуется совет и помощь, он обретет их в глубинах собственной личности[330].

В духовных похождениях героя легко распознаются этапы юнговской терапии: признание во вредоносной тайне, ассимиляция тени, конфронтация с анимой, старик-мудрец и самость[331].

Первый послевоенный период: 1920–1925

На Великой войне (как называли ее современники) погибло около тридцати миллионов человек, много было жертв, не говоря уже о пострадавших от голода и эпидемий, но самой большой бедой можно считать «массовую гибель элиты», то есть цветущих молодых мужчин в возрасте от двадцати до сорока лет. Руководители послевоенного мира принадлежали к старшему поколению, представители которого часто не могли понять новые проблемы и справиться с ними. Новое поколение, то, которое повзрослело непосредственно после войны, чувствовало, что у него нет ничего общего со старшими, презирало их, однако оказалось более способным к протесту, чем к созидательной деятельности. Как молодые, так и старые, столкнулись с полной неразберихой во всех сферах жизни. Под вопрос было поставлено господство белой расы, особенно в Европе. Французы жили с иллюзией, что они заняли здесь господствующее положение вместо немцев. Либеральные демократические формы правления клонились к закату, и появлялись новые типы государственного устройства, основанные на абсолютной власти одной партии, поддерживаемой силами политической полиции. Вернулись пытки, исчезнувшие в девятнадцатом веке; они стали постоянно практиковаться во все большем количестве государств[332]. Повсеместно возникали революционные и контрреволюционные движения, и предпринимались отчаянные попытки найти новые решения.

Некоторый прогресс наблюдался в социальном законодательстве, например, был сокращен рабочий день.

Возможно, больше всего современников поражали изменения нравов; одними это рассматривалось как ужасная утрата ценностей, другими — как желательное упрощение образа жизни[333]. Эти изменения проявлялись в одежде, в речи, в манере писать письма, в социальных отношениях, даже в жестах и интонациях голоса. Воспитание становилось не столь строгим. Сокращались дистанции между социальными слоями, люди различного происхождения могли свободно общаться. Отношения между полами становились менее формальными. Молодым женщинам разрешалось выходить из дома без сопровождения даже ночью, не одобрялось вступление в брак по рассудку, в качестве нормы принималась «романтическая» любовь, браки часто заключались после короткого знакомства, а разведенные женщины более не подвергались социальному осуждению. Росла популярность спорта и путешествий, особенно с развитием автомобилестроения. Место театра постепенно занимал кинематограф, имевший значительно большую зрительскую аудиторию, которой представили новую идеальную фигуру кинозвезды. Джазовая музыка завоевала колоссальную популярность не только в Америке, но и в Европе. Мир охватила лихорадочная жажда денег и удовольствий, тысячи людей спекулировали на биржах. Предметы искусства и специальные книжные издания использовались в качестве объектов для спекуляции. В Европе распространилась мода подражать всему англосаксонскому. В то время как перед войной распитие спиртных напитков считалось пороком, свойственным рабочему классу, оно превратилось теперь в элегантную привычку высших слоев общества[334].

Широко распространились бунтарские настроения, и предпринимались поиски новых форм выражения. Это был период расцвета экспрессионизма и кубизма, а кино было провозглашено седьмым искусством. Молодое литературное поколение было полно сарказма и испытывало презрение к старым мастерам. Когда в 1924 году умер Анатоль Франс, группа молодых писателей сочинила сумбурную и пламенную обличительную речь под заголовком: «Труп»[335]. Новое поколение искало в прошлом предшественников и пророков нового духа времени. Так, во Франции величайшим французским поэтом девятнадцатого века был провозглашен умерший молодым поэт Лотреамон, на произведениях которого лежал отпечаток душевной болезни. Маркиза де Сада прославляли как мощного гения, глубокого философа и писателя, истинного основателя сексуальной патологии.

Такие черты послевоенного периода, как презрение к старшему поколению, антиинтеллектуализм и невозмутимость перед лицом чего бы

то ни было, благоприятствовали успеху сюрреалистического движения, сыгравшего значительную роль в культурной жизни этого времени, особенно во Франции[336]. Сюрреализм часто принимали за изобретение художников, созданное под влиянием интеллектуальных снобов. Однако это было нечто большее, поскольку он удовлетворял интеллектуальные потребности того времени. Все началось, когда Тристан Тцара с несколькими другими дадаистами покинули Цюрих и прибыли в Париж, чтобы продолжить здесь свою деятельность. К ним присоединились другие, но вскоре это движение распалось на различные группы.

Одна из них назвала себя сюрреалистами и сгруппировалась вокруг Андре Бретона, Филиппа Супо, Поля Элюара и Луи Арагона. У этого движения весьма бурная история, его сторонники находились в состоянии постоянного противоборства. Однако Андре Бретон в течение двух десятилетий сумел сохранить свое лидерство в этом движении; он оказался наиболее способным к творчеству.

Сюрреалисты сохранили отрицательное отношение к общепринятым ценностям, характерное для дадаизма: к семье, родине, религии, работе и даже к чести. Многие из них вступили, по крайней мере временно, в коммунистическую партию. Однако больше всего их интересовало исследование скрытых областей души, которым романтики дали наименование ночной стороны природы, то есть исследование бессознательного, сновидений, душевных болезней, фантастического и чудесного.

В качестве студента-медика Андре Бретон был мобилизован на службу в военном психиатрическом отделении. Среди его пациентов был человек, имевший обыкновение стоять во время боя на краю окопа и, подобно полицейскому, регулирующему уличное движение, «управлять» полетом снарядов, летавших вокруг него. Человек был убежден, что это выдуманная война, а снаряды безвредны; раненые и мертвые, по его мнению, притворялись; доказательством тому он считал то, что сам оставался всегда невредимым. На Бретона произвело глубокое впечатление, что молодой, казавшийся вполне разумным, человек мог в такой степени жить в вымышленном фантастическом мире. Бретон заинтересовался работами Майерса, Флурнуа, Жане и Фрейда, но после войны он отошел от медицинских исследований, примкнул к дадаистам, а позднее основал собственное литературное движение. Его цель состояла в омоложении поэзии и искусства путем использования новых источников творческих сил. В первую очередь его интересовало промежуточное состояние между сном и бодрствованием, иными словами, то полусонное состояние, при котором в мозгу всплывают отдельные слова и образы. Однажды он услышал слова: «Окно разрезало человека надвое», и он увидел соответствующую картину.

Бретон, по-видимому, не подозревал, что такой тип сновидений был детально изучен Гербертом Зильберером, который полагал, что представившийся в полусне образ является символическим отражением состояния сновидца, находящегося в промежуточном состоянии между сном и бодрствованием[337].

Внимание Бретона привлекли мистические предложения, в которых ему виделась сущность поэзии. Он отличал такой вербальный автоматизм от визуальных образов, считая, что хотя временами они могут перемешиваться, это все же различные разновидности явлений. Однако для поэта вербальный автоматизм представлял более высокую ценность, чем для других людей.

Далее Бретон заметил, что в человеке постоянно, а не только в полусонном состоянии, присутствует discours intérieur («внутренний собеседник»), которого можно заметить в любой момент, если только наблюдать достаточно внимательно. Этот внутренний голос весьма сильно отличается от того, что такие поэты, как Джеймс Джойс, называли внутренним монологом, который скорее представляет собой имитацию обычной речи. Внутренняя беседа (по Бретону) прерывается и появляется в виде коротких предложений и словесных сочетаний, не связанных друг с другом. Более того, возможно существование нескольких одновременных словесных течений, каждое из которых несет поток образов, соперничающих между собой за первенство.

Проблема заключалась, таким образом, в том, как использовать эту внутреннюю беседу в творческих целях. В течение некоторого времени Бретон, работая с Десносом, экспериментировал с автоматической речью, говоря подряд все, что приходило в голову (кстати, этот метод применил Жане со своей пациенткой мадам Д.)[338]. Однако вскоре они нашли этот метод опасным, и Бретон перешел к автоматическому письму. Сюрреалисты использовали этот метод иначе, чем спириты, у которых все сводилось к чистому автоматизму, а пишущий не сознавал, какой текст он наносит на бумагу. У сюрреалистов автоматическое письмо представляло собой внутренний диктант (dictée intérieure), то есть поэт должен войти в состояние вслушивания в свой внутренний разговор, с тем, чтобы без изменений письменно изложить его. Согласно Бретону, ясное сознание и визуальные образы препятствуют внутреннему диктанту, для которого необходима тренировка, причем нет никакой гарантии, что при этом будут созданы шедевры. Только немногие произведения сюрреалистов были созданы в процессе автоматического письма[339].

Бретон пришел к выводу, что в душе человека существует таинственная область, своего рода центральный пункт, соединяющий сознание индивида с его внутренней сущностью и одновременно с неведомыми силами во вселенной. Задача сюрреализма заключается в том, чтобы

вновь завоевать этот центральный пункт и дать индивиду возможность полностью восстановить его психическую энергию и неведомые богатства, хранящиеся в нем. Из этого центра излучаются все формы художественного творчества: поэзия, живопись, способность к ваянию, а также новые формы искусства.

На протяжении первых двух лет сюрреалисты широко пользовались автоматическим письмом и гипнозом, однако вскоре они осознали опасности, связанные с этой практикой. Бретон рассказывает, как неумеренное использование автоматического письма приводило его к галлюцинациям[340]. Один из его единомышленников, Деснос, все с большей легкостью впадал в сомнамбулическое состояние, в котором он настолько возбуждался, что становился опасным для окружающих, однажды он даже преследовал поэта Элюара с ножом, намереваясь убить его. Случилось как-то, что во время проводимой сюрреалистами вечеринки десять из около тридцати ее участников впали в состояние гипнотического сомнамбулизма, и семь человек были обнаружены в темной прихожей, где пытались повеситься (один из них позднее действительно покончил жизнь самоубийством). Это привело к временной приостановке деятельности движения, которое Бретон реорганизовал в 1924 году.

Постепенно область интересов сюрреализма распространилась на живопись, скульптуру, фотографию и кино; он предполагал обогатить человечество новыми эстетическими формами. Сюрреалисты, находясь в процессе поиска предшественников и союзников, причислили к ним Фрейда, Сада и Лотреамона. (В длинном списке они опустили только футуристов — своих прямых предшественников.) Сюрреалисты интересовались всеми проявлениями чудесного, фантастического, опасного, необъяснимыми совпадениями (Бретон подозревал, что в жизни человека важную роль играют странные невидимые существа). Они с вниманием относились к иронии, которая внезапно нарушает трагический ход жизни (именно это они называли черным юмором). Их также крайне интересовали странные совпадения, которые, казалось, сочетались с ироническими замыслами.

Сюрреалисты изобретали новые формы искусства, организовывали выставки предметов сюрреализма: включая точные и искусно сделанные машины, не имевшие практического применения; предметы, которые привиделись во сне или возникшие благодаря сочетанию творческого вдохновения, случая и автоматизма[341]. Среди прочих изобретений сюрреалистов следует отметить их сознательную имитацию душевных заболеваний, по меньшей мере, в письменной форме. Однажды Бретон и Элюар опубликовали серию из пяти очерков, в которых они имитировали вербальные проявления слабоумия, острой мании, общего пареза, бредовых представлений и шизофрении[342].

Сюрреалистическое движение связано с историей динамической психиатрии по нескольким линиям. Андре Бретон многое перенял из начального периода динамической психиатрии, хотя его методы автоматического письма не имели ничего общего со спиритами, Уильямом Джеймсом или Жане. Его метод диктантов из области бессознательного также не имел сходства с методом свободных ассоциаций Фрейда. Если бы Бретон завершил медицинское образование, получив степень доктора медицины, и продолжал работать в области психиатрии, он вполне мог бы, используя эти новые методы, стать основателем нового направления в динамической психиатрии. Этим и объясняется его восхищение Фрейдом и интерес к психоанализу. Он посещал Фрейда в Вене и обменялся с ним несколькими письмами[343]. По крайней мере, две статьи Фрейда впервые были опубликованы во французском переводе в сюрреалистических журналах[344]. Правда, Фрейда весьма удивил интерес, проявленный к нему со стороны этих людей, идеи и писания которых были ему непонятны[345]. Как и следовало предполагать, сюрреализм стал предметом изучения со стороны психиатров. Генри Эй утверждает, что как психопатологическое искусство, так и сюрреалистическое искусство берут свое начало из одного бессознательного творческого источника; однако сюрреалист сознательно подходит к этому источнику и черпает из него свое вдохновение, тогда как душевнобольной пациент бывает им ошеломлен[346]. Иными словами, заключает Эй, сюрреалист «творит чудо», тогда как психически больной человек сам «является чудом».

В 1920 году, когда Европа и Америка находились на пути к новому расцвету и благополучию, Германия и особенно Австрия по-прежнему находились в бедственном экономическом и финансовом положении. Хуже всего выглядело униженное отношение австрийцев к своей стране и к своей традиционной культуре. Ничего, кроме сарказма и презрения в отношении к периоду двойной монархии, они не испытывали.

В социалистических кругах яростно нападали на тех военных хирургов, которые при лечении военных неврозов пользовались электростимуляцией. Австрийский парламент учредил комиссию по расследованию под председательством выдающегося юриста профессора Леффлера. От ряда бывших пациентов-военнослужащих поступили жалобы против полудюжины нейропсихиатров, включая Вагнер-Яурегга[347]. Слушания проходили с 15 по 17 октября 1920 года в присутствии многочисленных нейропсихиатров и журналистов[348]. Для составления экспертного отчета по электролечению военных невротиков комиссия назначила Зигмунда Фрейда и Эмиля Раймана.

Вагнер-Яурегг объявил, что его главный обвинитель, лейтенант Каудерс, был симулянтом и поставить ему такой диагноз было очень неприятно. Вагнер-Яурегг отметил, что он добровольно вызвался служить

в качестве нейропсихиатра в течение всей войны, причем не имея ни военной формы, ни военного звания, не получая оплаты и не имея официального признания. Он обследовал и лечил тысячи солдат и офицеров, страдавших различными формами военных неврозов. Только небольшая часть этих неврозов явилась следствием боевых действий. Среди военнопленных неврозы не были отмечены. В большинстве случаев неврозами страдали военнослужащие, находившиеся в тылу; порой неврозы протекали в форме эпидемий, чаще среди определенных этнических групп. «Среди чехов наиболее смелые сдавались в плен противнику, хотя они и знали, что им придется сражаться на его стороне; менее смелые убегали в болезнь. К концу войны большое число невротиков бежало из госпиталей. Они внезапно приобрели способность передвигаться». Многие чехи откровенно признавались, что раньше они симулировали, что даже существовали школы для симулянтов. Вагнер-Яурегг добавил, что вначале он лечил невротиков изоляцией и молочной диетой, а затем прибегал к электротерапии, «к лечению истерических состояний, которое было известно давно» и давало блестящие результаты, часто всего лишь после одного сеанса.

Следующим свой доклад прочел Фрейд[349]. Он не согласился с Вагнером-Яуреггом в том, что видел много случаев симуляции, и отметил, что термин «бегство в болезнь» был им введен и принят медицинской наукой[350]. Число симулянтов не было велико. (Здесь Вагнер-Яурегг прервал его возгласом: «А как быть с признаниями!») Врач не должен, как пулемет, отстреливать солдат-дезертиров; он должен защищать пациентов, а не кого-либо другого. Пациент Каудерс был ранен (Вагнер-Яурегг воскликнул: «Нет!»), и Вагнер-Яурегг был неправ, назвав его симулянтом.

«Поэтому я полагаю, что вина частично лежит на советнике юстиции Вагнере. Это произошло потому, что он не воспользовался предложенным мной методом лечения. Но я не могу надеяться, что он был в состоянии сделать это, ибо даже мои ученики не могут пользоваться моим методом».

Далее Фрейд добавил, что в Германии психоаналитическое лечение с большим успехом применялось д-ром Шнее и д-ром Зигелем. Вагнер-Яурегг возразил на это: «Что касается симуляции, то я без ложной скромности могу утверждать, что я более компетентен в этом вопросе. Симулянты не посещают профессора Фрейда, тогда как я имею много возможностей лечить их. У меня был в этом отношении большой опыт, который отсутствует у профессора Фрейда». Вагнер добавил к этому, что во время войны психоанализом нельзя было пользоваться, и сам Фрейд говорил о лингвистических помехах[351]. Однако Фрейд возразил, сказав, что психоанализ можно было применять во время войны. «Но

только в отдельных случаях», возразил Вагнер-Яурегг. Фрейд с этим не согласился. Он сказал, что психоаналитическое лечение можно было применять в массовом порядке, но только в сочетании с гипнозом. Это связано с рядом сложностей, но в особо трудных случаях достигались вполне положительные результаты.

На следующий день, 16 октября, другой эксперт, Райман, прочел свой доклад; он, как и следовало ожидать от верного ученика Вагнера-Яурегга, полностью его поддержал. Фрейд подвергся также резкой критике со стороны Фухса. На это Фрейд возразил, что мнение Вагнера-Яурегга «доказывает, что он плохой психолог и склонен во всех видеть симулянтов»... «Если бы этих пациентов обследовали психоаналитики, то таких жалоб не было бы».

Райман ухватился за слова Фрейда, сказанные в сослагательном наклонении. «Почему он не сделал все по-своему и не показал, как надо лечить неврозы с помощью психоанализа? Ему немедленно предоставили бы такую возможность... Он никогда не видел военные неврозы, а для того, чтобы давать экспертные оценки по вопросам, о которых ничего не знаешь, требуется обладать изрядным мужеством». К этому Райман добавил, что на психоаналитическом конгрессе 1918 года два ближайших ученика Фрейда признались, что в таких случаях психоанализ не мог быть использован, не затрагивая даже денежную проблему. Анализировать бедных пациентов невозможно... «Когда человек не в состоянии платить, он тем самым признается, что здоров». Отто Петцль выступил на стороне Фрейда и заявил, что с теоретической точки зрения он является убежденным сторонником психоанализа, хотя в вопросе его практического применения придерживается другого мнения. Фукс заявил, что он изучал и применял психоанализ, но ему так и не удалось добиться с его помощью положительных результатов. Он направлял военных невротиков к психоаналитикам, но всех ему вернули, не излечив ни одного пациента. «Если профессор Фрейд говорит, что его ученики не справляются с такой задачей, то почему же он сам не займется лечением таких больных?» — добавил он с изрядной долей сарказма.

Очевидно, что рассмотрение проблемы на комитете быстро перешло в словесную перепалку между сторонниками и противниками психоанализа, причем победу одержали последние. Комиссия заключила, что причины для судебного процесса отсутствуют. На фоне бурных событий того времени этот инцидент был вскоре забыт. Позднее, когда был опубликован экспертный доклад Фрейда, психоаналитики сочли, что он весьма снисходительно отнесся к Вагнеру-Яуреггу, который, однако, придерживался противоположной точки зрения[352]. В своей автобиографии он пишет, что проведенное расследование предоставило Фрейду неожиданную возможность выразить свой гнев по отношению к нему[353].

Однако подобная полемика не смогла помешать росту психоаналитического движения. У англичан и американцев стало традицией ездить в Вену с целью дидактического и терапевтического анализа. В Берлине Макс Эйтингон открыл первую психоаналитическую поликлинику. Фрейд находился на этапе творческого подъема и опубликовал свое эссе «По ту сторону принципа удовольствия».

1921 год вновь показал, как трудно Европе было оправиться от ударов, нанесенных ей войной. От Германии комиссия по репарациям потребовала уплаты 132 миллиардов марок золотом, что привело к неразрешимым экономическим и финансовым проблемам. Революция в Ирландии заставила Великобританию согласиться на создание Ирландской республики (Эйре). Италия стала добычей левых подрывных движений, в то время как Муссолини выстраивал там свое фашистское движение. Российское большевистское правительство испытывало большие трудности с организацией чисто коммунистической экономики, и Ленин объявил о переходе к Новой экономической политике (НЭП'у) с частичным возвратом к традиционным методам в экономике. Австрия отчаянно боролась в кажущейся безнадежной ситуации сепаратистских движений, возникавших в ряде провинций.

В психиатрии некоторые светила прежних поколений меняли круг своих интересов. Юджин Блейлер опубликовал свою «Естественную историю души»[354], над которой работал долгие годы и которую некоторые люди называли «Вторым Фаустом»[355]. Многих удивило, что ученый-позитивист принял ряд предположительных концепций Дриша и стал описывать развитие сознания исходя из психоида, гипотетической элементарной формы психической деятельности. (Нечто напоминавшее органическое бессознательное немецких романтиков.) Форель, который, будучи нейропсихиатром, всю свою жизнь страстно боролся за проведение социальных реформ и считался также мировым авторитетом в области классификации муравьев, опубликовал большую работу, в который описывался якобы совершенный социальный порядок у муравьев, предложенный им человечеству в качестве образца[356].

В 1920–1921 учебном году Жане прочел курс лекций по психологии религии, привлекший восторженных слушателей, включая американского священника, достопочтенного Хортона, который опубликовал свои записи по возвращении в Соединенные Штаты[357]. Однако Жане не пользовался сколько-нибудь значительной популярностью среди молодого поколения, которое как во Франции, так и в других странах обратило свои взоры в сторону Вены.

Событием в психиатрии того года была публикация работы Юнга «Психологические типы». Эта книга явилась плодом многолетнего труда, которым Юнг занимался в годы войны, а также, как нам стало

известно, результатом проводившихся им над собой экспериментов. В ней объяснялись основные принципы его системы, которые ему еще предстояло разрабатывать в течение дальнейших двадцати или тридцати лет. Одновременно в книге рассматривалась тема, привлекшая внимание молодого поколения психиатров, а именно — изучение психологических типов и их корреляция с различного рода психическими заболеваниями.

Примечательно, что почти одновременно три психиатра, Юнг, Кречмер и Роршах, опубликовали описание систем, сосредоточенных на особенностях двух типов. Типология Юнга была описана в предшествующей главе [358]. Для Кречмера маниакально-депрессивное заболевание и шизофрения представляли собой экстремальные формы двух установок, которые он назвал циклотимией и шизотимией[359]. Циклотимики являются синтониками, а это значит, что их личность колеблется вместе с окружающей их средой, тогда как шизотимики являются шизоидами, а это значит, что их реакция на окружающие условия отличается некоторой рассогласованностью. Кречмер установил также корреляцию между циклотимией и пикническим типом людей, с одной стороны, и шизофренией и астеническим типом; иными словами, существует определенное соотношение между психологическим типом, предрасположенностью к психическому заболеванию и конституциональным биотипом.

Германн Роршах, молодой швейцарский психиатр, с интересом наблюдавший за развитием типологии Юнга, интегрировал понятия интроверсии и экстранапряжения в рамки психологической теории, сочетая это с изобретением нового и оригинального проективного теста[360]. Художественно одаренный человек с многогранными интересами, Роршах был учеником Блейлера (хотя он никогда не был штатным сотрудником Бурхгольцли); он публиковал исследования, посвященные изучению психопатологии швейцарских сект и различных психоаналитических тем[361]. Роршах тестировал школьников, используя листы промокательной бумаги, и сравнивал полученные результаты с тестами свободных ассоциаций. Он был увлечен проблемой перевода чувственных образов из одной области восприятия в другую; например, переводом визуальных восприятий в кинетические. Как показал Джон Моурли Волд, торможение движений стимулирует появление кинетических сновидений. Это наблюдение позволило Роршаху сделать вывод, что интроверсия является поворотным пунктом к внутреннему миру кинетических образов и творчества. Напротив, экстранапряжение является поворотом к миру красок, эмоций и приспособления к реальности.

Роршах объединил обе функции в более широкую концепцию «типа переживаний» (Erlebnistypus), то есть протяженности интроверсии, экс-

транапряжения и их пропорционального соотношения друг с другом. Далее, он воспринимал тип переживаний как внутреннюю способность реагировать на жизненные переживания и одновременную способность перерабатывать эти новые переживания. Один и тот же индивид способен к ежедневным колебаниям «типа переживаний», а также к медленному, непрерывному, автономному эволюционному процессу. «Тип переживаний» можно исследовать с помощью пятен на промокательной бумаге (тест Роршаха). Сравнение с аналогичными предшествовавшими тестами (например, тестом Хенса) показывает, что здесь основным диагностическим элементом было не содержание ответов, а формальные элементы: число и соотношение целых и частичных ответов, кинетических и цветовых ответов и так далее.

Книга Роршаха «Психодиагностика» была опубликована, несмотря на трудности, в середине 1921 года и была с признанием воспринята небольшой группой друзей и коллег[362].

Главным трудом Фрейда, опубликованным в том же году, явилась книга «Массовая психология и анализ человеческого Я»[363].

Шестидесятипятилетний Фрейд занимался теперь исключительно психоанализом; в этом году у него появилось не менее четырех новых анализандов-американцев, среди которых были Абрахам Кардинер и Кларенс Оберндорф[364]. В рассматриваемое время атмосфера в Вене в области психоанализа была довольно бурной. В связи с неуклонно растущим потоком иностранцев, прибывающих в Вену с целью подвергнуться психоанализу, ощущался недостаток в серьезных аналитиках, и возникла ситуация, благоприятная для некомпетентных и недостаточно подготовленных специалистов.

Бродили слухи о богатых американцах, которые, приезжая в Вену, попадали в руки опасных шарлатанов; беря большие деньги, те только ухудшали состояние своих клиентов[365]. У издательства психоаналитической литературы тоже были темные и светлые периоды. После публикации «психоаналитического романа» Гроддека была развернута широкая критическая кампания; некоторые аналитики сочли его образцом дурного вкуса, произведением порнографическим и недостойным публикации в научном издательстве[366].

Другая работа, опубликованная в издательстве в 1918 году и переизданная к рассматриваемому периоду, вызвала оживленную полемику. Это был дневник анонимной девочки-подростка в возрасте от 11 до 14 лет, представленный Герминой фон Хуг-Хельмут и снабженный предисловием, написанным Фрейдом[367]. Полагали, что эта книга была мистификацией. Так, по утверждению Сирила Берта[368] из Англии, совершенно невероятно, чтобы такой документ вышел из-под пера подростка без добавлений, пропусков или иных изменений[369].

В России психоаналитическое движение, которое прекратило свое существование во время войны и революции, было реорганизовано; процветающая группа возникла в Москве, а интерес к психоанализу пробудился даже на Балканах. Так, в Болгарии Иван Кинкель опубликовал психоаналитическое исследование, посвященное основам религии[370].

В 1922 году на Западе по-прежнему не затихали конфликты: между немцами и союзниками, между самими союзниками. В Малой Азии турки одержали победу над греками. Однако наблюдались определенные приметы экономического подъема. В Австрии премьер-министром стал католический священник Зайппель, который постепенно начал выводить Австрию из кажущегося безнадежным положения.

Новые тенденции наметились и в психиатрии. Широкую известность и применение нашел метод лечения общего пареза с помощью малярии, который был предложен Вагнером-Яуреггом.

Сегодня трудно себе представить, какую сенсацию вызвало это открытие: общий парез являлся архетипом неизлечимого психического заболевания; в психиатрию стали вводиться физиологические методы лечения. Клези в Швейцарии разработал новый метод длительной сонной терапии с использованием сомнифена (Somnifain), который был значительно эффективнее метода лечения Отто Вольфа с помощью трионала[371]. Психиатры постепенно приходили к убеждению о возможности лечения серьезных психических заболеваний с помощью физиологических методов.

Все более важную роль в психотерапии стал играть психоанализ. Гипноз, внушение и теории первой динамической психиатрии вновь стали считаться устаревшими, как это было в 1860–1880-е годы. Существовала, однако, так называемая вторая школа города Нанси. Один из фармацевтов этого города, Эмиль Куэ, разработал метод лечения нервных заболеваний, основанный на тренировке подсознания[372]. Пациенты приезжали к нему из различных стран, и он бесплатно занимался с ними групповым лечением[373].

Первым признаком совершенно иного, нового подхода явилось выступление Людвига Бинсвангера с чтением написанной им статьи «О феноменологии» в Швейцарском обществе неврологии и психиатрии[374]. Бинсвангер, психиатр с философским образованием, ученик Блейлера, находившийся под влиянием Фрейда, особо выделил феноменологию Гуссерля в качестве метода, который может быть использован в клинической психиатрии. В то время этот доклад не вызвал сколько-нибудь значительного интереса, но когда Роршах прочел свое последнее сообщение на заседании Швейцарского психоаналитического общества 18 февраля 1922 года, стало ясно, что он разработал метод интерпретации результатов тестирования в направлении феноменологии. Однако

вскоре, 2 апреля 1922 года, в возрасте тридцати семи лет Роршах умер; эта утрата была трагически воспринята его коллегами.

1923 год принес резкое обострение конфликтов в Западной Европе. В связи с тем, что Германия не смогла выплачивать репарации, Франция оккупировала богатые промышленные центры Рура. Это привело к политическим волнениям в Германии и конфликтам между Францией и Англией. Диктаторские режимы приходили к власти во все растущем числе государств. Вскоре после установления фашистской диктатуры Муссолини в Италии власть в Испании захватил Примо де Ривера.

Психология развивалась быстро и захватывала все новые сферы жизни, приводя к так называемой психологической революции. Особенно заметно это было в Швейцарии. В Женеве ученики Теодора Флурнуа и Клапареда развивали детскую психологию и науку о воспитании. Жан Пиаже опубликовал свою книгу «Язык и мысли ребенка», первую из длинной серии монографий, которым предстояло обновить наши знания о психологии и развитии ребенка[375]. В Цюрихе группа инженеров собралась вокруг Альфреда Каррара и основала Институт прикладной психологии, применяя на практике новейшие психологические разработки в области профессионального менеджмента, промышленной психологии и каунселинга (социального консультирования). Особое внимание обращалось на психологическое тестирование и графологию.

В том же году появилась первая статья по клинической феноменологии. Юджин Минковский рассказал о шизофренике, находившемся в стадии депрессии, который ежедневно объявлял, что вечером его казнят [376]. Когда Минковский отметил, что хотя он столько раз сообщал о предстоящей казни, та все же не состоялась, пациент, не вступая в спор, заявил, что его казнят тем же вечером. Минковский заключил, что этот пациент воспринимал время иначе, чем нормальные люди. Обычным допущением было бы предположение, что восприятие времени искажалось бредовыми представлениями, однако Минковский выдвинул противоположную идею.

> Разве искаженное представление будущего не является естественным следствием бредового убеждения в неизбежности казни? ... Разве нельзя, напротив, предположить, что более основополагающим нарушением естественного хода событий является искаженная установка в отношении будущего, тогда как бредовое представление является только одним из ее проявлений?

Эта статья, автором которой был Минковский, явилась началом нового направления в психиатрической феноменологии. В том же году появилась маленькая книга Бубера «Я и Ты», которой предстояло стать

классическим образцом экзистенциализма[377]. Бубер подчеркивал различие между отношением к вещи, которую я вижу, и к человеку, который обращается ко мне и на обращение которого я отвечаю. Однако, хотя мое отношение к человеку может укладываться в формулу «Я и Ты», оно часто превращается в отношение «Я и Оно».

Психоаналитическое движение развивалось и одновременно претерпевало изменения. Его издательство опубликовало монографию Фрейда «Эго и Ид» (Я и Оно), в которой он объяснял свою новую теорию трех «составляющих» человеческой личности: *эго, ид* и *суперэго*[378].

Термин *Ид* (Оно) Фрейд позаимствовал у Гроддека, книга которого под заголовком «Книга про Ид» была тогда опубликована и вызвала значительный интерес[379]. В ней были собраны письма, якобы написанные неким Патриком Троллом и обращенные к женщине; в письмах обсуждалось влияние бессознательного на нашу сознательную жизнь и на наш организм. Описание, которое Гроддек давал понятию *ид*, отражало в значительной степени старую романтическую концепцию иррационального бессознательного. Он воспринимал *ид* как нечто безличное, полное агрессивных и убийственных импульсов, и полагал, что каждое побуждение имеет свою лицевую сторону. Например, молодая мать, любящая своего младенца, одновременно бессознательно его ненавидит. Тошнота беременной женщины, рвота, зубная боль — это символические проявления ее желания избавиться от ребенка. Будучи истинным последователем Новалиса, Каруса и фон Гартмана, Гроддек утверждал, что *ид* может формировать физиологические процессы и вызывать болезни.

Психоанализ получил распространение и в России. В предисловии к третьему тому нового собрания переводов произведений Фрейда Иван Ермаков признает предложенную Фрейдом концепцию детской сексуальности одним из величайших психологических открытий нашего времени, знать которую совершенно необходимо каждому воспитателю[380].

В 1924 году многие наблюдатели полагали, что западный мир находится на пути к возрождению, несмотря на политическую смуту в Германии. В Италии после убийства социалистического лидера Маттеотти фашисты приступили к укреплению своей диктатуры.

Медленно восстанавливались нормальные условия в Австрии. В динамической психиатрии психоанализ определенно был доминирующим направлением; его обсуждали в Западной Европе, Соединенных Штатах и даже в России. В Болгарии Иван Кинкель написал психоаналитическое исследование революционных движений (особое внимание при этом обращалось на Французскую революцию 1789–1799 гг.)[381]. Широкая полемика разворачивалась вокруг новейших тенденций, обсуждались проблемы их отклонения от традиционных направлений. В начале года

появилась книга, плод совместного творчества Ференци и Ранка, которые наметили новые пути в области психоаналитической теории и терапии[382]. В течение того же года они издали и отдельные книги, причем обе публикации отличались крайней смелостью.

В своей книге «Травма рождения» Отто Ранк попытался заново сформулировать психоаналитическую теорию и практику, базируясь на предположении, что каждое человеческое существо переживает при рождении величайшую травму своей жизни, напрасно пытается всеми возможными способами преодолеть последствия этой травмы и бессознательно пытается вернуться в чрево своей матери[383].

Книга была посвящена Фрейду и претендовала на то, чтобы служить делу дальнейшего развития психоанализа на основании аналитической работы Ранка с пациентами. Некогда Фрейд высказал предположение, что болезненные процессы, испытываемые ребенком при рождении, являются предвестниками всех переживаний в его дальнейшей жизни. Ранк пошел дальше и предположил, что не только переживания, но и все процессы психической жизни индивида можно соотнести с испытываемой при рождении травмой. Он утверждал, что в сновидениях и фантазиях его пациентов процесс исцеления сопровождается представлениями символов рождения, перенос является воспроизведением раннего прикрепления к матери, а в конечном периоде анализа освобождение от аналитика является аналогией отделения от матери при рождении. Таким образом, успешное завершение процесса анализа представляет собой абреакцию родовой травмы. Эта теория повлекла за собой новую систему интерпретации сновидений, создание нового кода универсальных символов, новую формулировку принципа удовольствия как желания вернуться в чрево матери и новую интерпретацию нормальной и аномальной сексуальной жизни, невроза, психоза и культурной жизни в целом.

Работа Ранка стала неожиданным явлением для психоаналитиков. Даже на самого Фрейда эта теория произвела большое впечатление, хотя одновременно и смутила его; в течение нескольких месяцев он колебался, однако в конечном счете отверг теорию Ранка и с большим сожалением расстался с ним. Как заметил Эдвард Гловер, после публикации книги Ранка некоторые аналитики быстро обнаружили родовые травмы у всех своих пациентов, но это прекратилось после официального опровержения теории Ранка[384].

Теория Ференци отличалась еще большей смелостью по сравнению с теорией Ранка, но она вызвала меньше споров[385]. По утверждению Ференци, внутриутробная жизнь является повторением существования самых ранних форм жизни в океане. Когда представители животного мира вышли из моря, чтобы продолжить свою эволюцию на суше, они

испытали травму, после которой родовая травма оказалась всего лишь ее повторением. Человек испытывает ностальгию, стремясь не просто вернуться в чрево матери (как утверждал Ранк), но и вернуться в свое первобытное состояние в морских глубинах[386].

В 1925 году западный мир переживал период, когда могло показаться, что наконец-то кончилась сумятица, последовавшая за Первой мировой войной. В октябре 1925 года были заключены Локарнские соглашения, имевшие своей целью предотвращение дальнейшей агрессии; они были подписаны великими державами и ознаменовали собой «конец послевоенного периода».

Это был также период процветания психиатрии, психологии и психотерапии, особенно в Цюрихе и Вене, которые соперничали между собой за звание столицы психологии.

В Цюрихе располагалась не только знаменитая клиника Бургхольцли, но и Институт прикладной психологии, где проходили подготовку психологи-практики, в Цюрихе проводились также «семинары» Ханса Хансельмана по терапевтическому обучению, на которых обучались терапевты-преподаватели. В Цюрихе и его окрестностях находилось такое количество психологов и психотерапевтов, что его озеро получило название «Озера Психологии». Юджин Блейлер, великий мудрец швейцарской психиатрии, проводил исследования в области бессознательной деятельности, которой он дал название психоида[387]. Его последователь в Бургхольцли, Ханс Майер, который создал в 1920 году первый Центр по наблюдению за ребенком, основал подобные организации в Швейцарии и в других странах. Макс Биршер-Беннер, выдающийся диетолог и одаренный психотерапевт, проводил дискуссионные занятия по проблемам физического и душевного здоровья в своем санатории. Швейцарское психоаналитическое общество с 1920 года вновь переживало период расцвета; его ведущим лидером был достопочтенный Оскар Пфистер, неуживчивая личность, который потоками издавал книги и статьи по прикладному психоанализу, применяемому к нормальным детям и детям с аномалиями в развитии, к исцелению душ (Seelsorge) и проблемам искусства и философии. К жившему в Кюснахте Юнгу, находившемуся в окружении учеников в «Психологическом Клубе», пришла большая слава. В 1925 году он предпринял путешествие в Кению, на гору Эльгон. Недалеко от Цюриха, в Кильхберге, на берегу озера, жил немецкий философ и психолог Людвиг Клагес, один из основателей характерологии и графологии.

Вторым городом, претендовавшим на титул столицы психологии, была Вена, живое описание которой дала приезжавшая сюда американка, миссис Страттон Паркер[388]. По ее словам, Фрейд был стареющим больным человеком, ограничившим свою деятельность проведени-

ем психоанализа нескольких важных личностей и написанием статей; его почти никто не видел, даже жившие в Вене ученики. Главный штаб Психоаналитического общества располагался на улице Пеликангассе; это был центр активной деятельности, где каждую среду проводились заседания Психоаналитического общества, а в остальные вечера читались лекции. Миссис Паркер рассказывает также о необычной активности, которую проявлял Альфред Адлер, о лекциях, которые он читал перед большими аудиториями (в своем большинстве слушатели принадлежали к рабочему классу), о лечебных центрах (клиниках), организованных им в школах, где лечили сложных подростков, о дискуссионных вечерах, которые проводились им для учителей, социальных работников и врачей.

Субботними вечерами в присутствии сотен слушателей лекции по психиатрии читал д-р Шильдер; существовала также клиника д-ра Лазара для трудных детей, и активно работала группа Штекеля.

Об активной деятельности фрейдовской группы в Вене свидетельствует тот факт, что в 1925 году в этом городе были опубликованы две работы, которые и по сей день причисляются к классическим произведениям психоанализа. Автором одной из них, вышедшей под названием «Понуждение к признанию», был Теодор Рейк[389]. Будучи юристом и непрофессиональным аналитиком, он поднял проблему, которая беспокоила таких криминалистов, как Ансельм Фейербах и Ганс Гросс: по какой причине некоторые преступники неожиданно признаются в преступлениях, когда, умолчав о них, они могли бы спасти свою жизнь? И чем объяснить тот факт, что преступник забывает на месте преступления обличающую его важную улику? Рейк объясняет это потребностью в наказании, обусловленной эдиповым комплексом. Изначально побуждения преступника находились в конфликте с побуждениями суперэго; после удовлетворения потребности в преступлении потребность в наказании становится относительно сильнее и может проявиться посредством бессознательного самообмана (этим и объясняется предмет, забытый на месте преступления) или «ненужного» признания. Рейк подчеркивал значение потребности в наказании и побуждения к самонаказанию в жизни индивида и общества. Он приходит к выводу, что в свете такого понимания человечество могло было бы избежать многих бед. После публикации книги Рейка концепция самонаказания приобрела большую популярность в психоанализе.

Вторым классическим произведением психоанализа, опубликованным в 1925 году, была книга Айхгорна «Неустойчивая юность», появившаяся с предисловием Фрейда[390]. Неизвестно, по какой причине Айхгорн так долго медлил с опубликованием рассказа о проведенном им эксперименте по терапевтическому обучению, проведенном

в Оберхоллабрунне еще в 1918–1919 годах[391]. За истекший с тех пор период Айхгорн прошел аналитическую подготовку, и в книге меньшее внимание уделяется описанию самого эксперимента, а большее внимание обращается на его психоаналитическую интерпретацию.

В Советской России переиздавались ранние работы Фрейда и стали переводиться его новые произведения. Выдающийся русский психоаналитик Александр Лурия публиковал полные энтузиазма книги и статьи, посвященные проблемам психоанализа, который он считал «системой монистической психологии» и «фундаментальной материалистической базой для построения истинно марксистской психологии», включая области педагогики и криминологии («изучение преступления без психоанализа — это чтение названия главы без знания ее содержания»)[392]. По сообщениям Морселли, психоанализ стал одной из основных тем, обсуждавшихся интеллектуалами в России[393].

Во Франции у психоанализа было много противников, а вмешательство Фрейда в дело Филиппа Доде подвергалось резкой критике. Четырнадцатилетний подросток, сын писателя и лидера роялистов Леона Доде и внук писателя Альфонса Доде, исчез из дома 20 ноября 1923 года и был найден 23 ноября мертвым, с пулей в голове. Предполагалось, что это было самоубийство, однако судебное расследование показало, что юноша поддерживал тесные контакты с группой анархистов. Леон Доде был убежден, что сын был убит тайной полицией, и развернул широкую кампанию в прессе, направленную против тех, кого он обвинял в убийстве сына[394]. Спустя некоторое время анархист Андре Гоше, известный яростными нападками на Леона Доде, рассказал, что незадолго до таинственной гибели Филиппа его посетил незнакомый ему юноша, желавший узнать, действительно ли Леон Доде является автором порнографических произведений; далее он рассказал, что показал своему посетителю несколько выдержек из романов Леона Доде. Гоше намекал, что этим посетителем был Филипп Доде, который, испытав жестокое разочарование в отце, мог покончить жизнь самоубийством. Гоше воспользовался сенсацией, вызванной его рассказом, и издал книгу, направленную против Леона Доде; одновременно он попытался вовлечь в свою кампанию Пьера Жане и Зигмунда Фрейда[395]. Через посредника он отправил Жане письмо, в котором, не называя имен, частично изложил историю о Филиппе Доде, однако получил только короткий, уклончивый ответ.

Фрейду Гоше послал часть рукописи книги, которую он писал о Леоне Доде, и в ответ получил два письма. Фрейд написал, что несколько раз встречался с Леоном Доде в Париже в 1885 и 1886 годах, но никогда не читал его произведений. Далее Фрейд заметил, что Альфонс Доде был сифилитиком, что, как об этом свидетельствуют имеющиеся

у него данные, является одним из основных факторов, предрасполагающих к неврозу. Фрейд заявил:

«Вашего Доде, быть может, задушил бы его невроз, если бы он не обладал достаточным талантом, который позволял ему выразить свои перверсии в виде литературной продукции». В заключение Фрейд отметил, что случай с Филиппом Доде, подобно любому другому, можно объяснить посредством психоанализа. Очевидно, Фрейд не подозревал, что Андре Гоше был известным анархистом, который не замедлит воспользоваться его письмами в своих сомнительных целях. Немецкий поэт и журналист Тухольски, писавший об этом случае, выразил сожаление в связи с тем, что Зигмунд Фрейд «благословил это злое деяние»[396].

Период неудавшейся перестройки: 1926–1929

Подписание Локарнских соглашений в октябре 1925 года создало у миллионов европейцев впечатление, что мир отныне гарантирован. Экономическое благосостояние в разной степени вернулось в страны Европы и достигло небывалых размеров в Соединенных Штатах. Однако молодые люди, пережившие войну, были дезориентированы в большей мере, чем когда-либо ранее. Например, существовали американцы, которые жили в Париже как добровольные эмигранты, описанные Хемингуэем как потерянное поколение, или англичане, появляющиеся в романах Олдоса Хаксли. В тех странах, где диктатуры были уже установлены или еще только возникали, то же самое поколение поставляло лидеров и сторонников фашистских организаций. Эмоциональная незрелость, безответственность, отсутствие надежд, цинизм и бунтарство были приметами этого нового заболевания, часто служившими для прикрытия реальных, но непризнанных страданий. Отказ от старых моральных стандартов и пронизывающая всю жизнь погоня за удовольствиями заставили французов дать этому периоду название «безумных лет» (les années folks). Он завершился крахом на Нью-Йоркской бирже, последовавшим в октябре 1929 года.

Некоторым очевидцам событий тех лет допуск Германии в Лигу Наций в сентябре 1926 года представлялся шагом в направлении к перестройке Европы, другим — вызывающей обеспокоенность приметой восстановления утраченной ею мощи. Политические обозреватели отмечали, что демократия утрачивает почву под ногами, например, когда генерал Пилсудский пришел к власти в Польше в мае 1926 года. Во Франции левое правительство, пришедшее к власти в 1924 году, привело страну на грань финансовой катастрофы, и в июле 1926 года французский парламент вынужден был призвать на помощь Пуанкаре.

Пьер Жане, который в течение предыдущих двенадцати лет увлеченно занимался созданием своего великого психологического синте-

за, блестяще вернулся на арену в 1926 году, опубликовав работу «От страданий к восторгу», в которой излагалась история болезни его пациентки Мадлен и впервые подробно описывалась разрабатываемая им система[397]. Был также опубликован курс лекций Жане, прочитанный им в 1925–1926 годах в Коллеж де Франс[398]; в испанском переводе были опубликованы лекции о психологии чувств, прочитанные им в качестве приглашенного профессора в Мексике[399]. Однако интерес к этим трудам не вышел за пределы французских академических кругов.

В Цюрихе Юнг, который почти ничего не опубликовал с 1921 года, когда вышли в свет его «Психологические типы», издал сборник ранее написанных статей, которые давали общее представление о созданной им системе[400]. Характерной особенностью Цюриха было большое число и разнообразие независимых психотерапевтических школ, которые сосуществовали бок о бок.

Весь цивилизованный мир отпраздновал семидесятилетие Фрейда. В этом году Фрейд опубликовал свои работы «Торможение, симптом и беспокойство» и «Проблемы лэй-анализа»*. Перед психоаналитическим движением встали те же проблемы, с которыми за столетие до того столкнулись приверженцы магнетизма: следует ли предоставлять право практиковать новый метод только врачам, или же можно распространить это право на хорошо подготовленных непрофессионалов[401]. Фрейд явно придерживался второй точки зрения. Психоанализ неуклонно развивался по многим направлениям. Эрнст Зиммель открыл психоаналитический санаторий «Шлосс Тегель» под Берлином. В России психоаналитическое движение достигло своего пика, хотя, в связи с недостаточным поступлением информации из Советской России, мало кто подозревал об этом в западном мире. В Париже психоанализ долгое время был всего лишь причудой сюрреалистов и писателей-авангардистов; теперь он привлек внимание психиатров и психологов, и в ноябре 1926 года в Париже было основано Психоаналитическое общество[402].

Другим выдающимся событием 1926 года явился проходивший в Берлине с 11 по 16 октября Международный конгресс по проблемам сексуальных исследований, организованный Альбертом Моллом. Его задачей было дать полное представление о современном уровне знаний в области сексологии; работа проводилась по секциям биологии, психологии, социологии и криминологии, причем каждая секция была представлена блестящим созвездием выдающихся специалистов. Фрейд отказался принять участие в конгрессе, и его ученики последовали его примеру. Одним из докладчиков был Альфред Адлер. Сам Молл прочитал вызвавшую значительный интерес лекцию, посвященную тенденции

* Lay Analiysis — анализ, проводимый аналитиком без медицинского образования. — *Прим. рус. ред.*

некоторых гомосексуалистов выдавать свой Эрос за нечто возвышающееся над обычной сексуальностью.

В 1927 году закончился военный контроль союзников над Германией, произошли также другие политические события, однако для современников великим событием года был перелет Чарлза Линдберга на самолете «Дух Сан-Луи» через Атлантику, который продолжался с 20 по 22 мая. Теперь европейцы и американцы могли говорить о сближении своих континентов.

Главным трудом Фрейда этого года был его очерк «Будущее одной иллюзии», в котором он объявлял, что религия является эквивалентом детского, а также вынужденного невроза, опровержением реальности и защитой культуры, которая редко достигает цели[403]. Достопочтенный Оскар Пфистер, которого с Фрейдом связывало взаимное уважение и дружба, написал в ответ статью, озаглавленную «Иллюзия будущего», в которой он тактично, но твердо указал на слабость аргументации Фрейда и на его научный оптимизм[404]. Ответа от Фрейда не последовало, и оба остались при своем мнении, сохранив взаимное чувство уважения и дружбы.

Два ученика Фрейда, Федерн и Менг, задумали опубликовать книгу, иллюстрирующую влияние и уместность применения психоанализа в различных отраслях науки и областях человеческой деятельности[405]. Другой последователь Фрейда, Хайнц Гартман, дал систематическое описание психоаналитической доктрины[406].

В Берлине Франц Александер, ссылаясь на поздние работы Фрейда («Я и Оно», «Торможение, симптом и беспокойство»), предпринял попытку переформулировать теорию невроза[407]. Это явилось первым шагом в направлении того, что стало затем психоаналитической теорией эго. Совершенно иное новшество мы обнаруживаем в книге Вильгельма Райха «Функция оргазма», в которой он попытался установить связь между сексуальностью, беспокойством и вегетативной системой[408]. Модифицировав психоаналитическую теорию, Отто Ранк разработал свой собственный терапевтический метод[409]. Он заранее устанавливал продолжительность лечебного курса. Теперь сопротивление рассматривалось как проявление стремления пациента к независимости и являлось, следовательно, позитивным фактором.

Главное внимание уделялось непосредственной ситуации, а не ситуации в прошлом, «переживанию», а не обучению, осознанию паттерна реакции, а не анализу личных переживаний. Ранк подчеркивал волю пациента к самоопределению, творческие аспекты анализа. Такую терапию можно считать смесью фрейдовских, адлеровских и юнговских принципов.

В Вене Адлер опубликовал книгу «Понимание природы человека», которая была повсеместно признана самым ясным изложением его системы, которое он когда-либо сумел ей дать[410]. В Цюрихе большим успе-

хом пользовался Людвиг Франк, который успешно практиковал усовершенствованный им старый очистительный метод Брейера и Фрейда[411]. Биршер-Беннер также приступил к публикациям по результатам проведенных им психотерапевтических экспериментов[412]. В Париже Юджин Минковский ввел новое направление в феноменологическую психиатрию[413]. Его книга «Шизофрения» вводила новый подход к этому давно известному заболеванию; Минковский выявил преобладание переживания пространства над переживанием времени во внутреннем мире пациента и его «патологическую геометричность».

Среди международных событий следует назвать Виттенбергский симпозиум, проводившийся с 19 по 23 октября в Спрингфилде, штат Огайо, в связи с организацией новой психологической лаборатории в Виттенбергском колледже [414]. Гостями были наиболее выдающиеся психологи из всех стран мира. Россию, которая никогда не посылала делегатов на международные конгрессы, представлял известный психиатр Бехтерев из Ленинграда. Почетные звания были присвоены Пьеру Жане и Альфреду Адлеру.

В России знаменитый физиолог Иван Петрович Павлов, который приступил к изучению экспериментальных неврозов около 1921 года, начал все более глубоко интересоваться клинической психиатрией.

Представляется, что такая эволюция научных интересов была вызвана событием его личной жизни. В 1927 году Павлову сделали операцию по поводу желчекаменной болезни, а в послеоперационный период он заболел сердечным неврозом, что позднее описал в малоизвестной статье[415].

Подведение итогов 1927 года не будет полным, если не упомянуть книгу Хайдеггера «Бытие и время», в которой дается совершенно новый и оригинальный анализ структуры человеческого существования[416]. Как произошло с работой Гуссерля «Логические исследования», опубликованной в 1900 году, вышеупомянутая философская работа прошла почти незамеченной в психиатрических кругах. Однако спустя многие годы работа Хайдеггера стала отправным пунктом нового направления в психиатрии, экзистенциального анализа.

Одним из главных событий 1928 года явился подписанный 28 августа Пакт Бриана–Келлога об отказе от войны; он был подписан в Париже представителями пятнадцати стран. Некоторые видели в нем шаг, направленный на мирное урегулирование существующих проблем, другие сочли его ничего не означающей церемонией.

Фрейд, здоровье которого было сильно подорвано, опубликовал очерк «Достоевский и отцеубийство», который является одним из немногих вкладов, сделанных им в криминологию[417]. Он исходил из предположения, что не решенный Достоевским эдипов комплекс вызвал у него

сильнейшие тенденции отцеубийства, которые были им преобразованы и направлены против себя.

В Париже все большую активность проявлял Жане. Он опубликовал второй том работы «От страданий к восторгу», включивший в себя более подробный обзор выполненного им широкого психологического синтеза. Помимо того, начиная с 1926 года его лекции в Коллеж де Франс стенографировались и публиковались ежегодно. Однако среди молодого поколения у него было мало приверженцев.

В том же 1928 году Юнг опубликовал на немецком языке две свои основные работы[418], а также том избранных очерков, переведенных на английский язык[419].

Новые психологические методы вызывали живой интерес. Фон Гебзаттель издал феноменологическое исследование меланхолии, в котором нашли подтверждение некоторые открытия Минковского[420]. К числу новых психотерапевтических методов относилась методика прогрессивной релаксации Якобсона, разработанная им в Чикаго, и терапия Мориты, пришедшая из Японии[421].

Начало 1929 года ознаменовалось высылкой Троцкого из России и захватом власти в Югославии королем Александром. Заключенное в феврале Латеранское соглашение, подписанное папой Пием XI и Муссолини, ознаменовало конец конфликта между папой и итальянским правительством и привело к созданию государства Ватикан. Общие выборы в Англии привели к власти лейбористов, тогда как в Германии все более угрожающей становилась агитация экстремистских партий. В Соединенных Штатах беспрецедентный экономический бум внезапно завершился в октябре крахом на Нью-Йоркской бирже.

В Вене Фрейд издал свою работу «Недовольство культурой», где выражал пессимистическое мнение, что цивилизация возникла за счет невроза, поразившего человечество вследствие подавления его инстинктов. Не будучи новой, эта теория хорошо вписывалась в настроение того времени[422]. Важным вкладом в психоаналитическую криминологию явилась книга Александера и Штауба «Преступник и его судьи»[423]. Авторы подчеркивали мысль, что преступные побуждения свойственны каждому человеку. В психологии наказания существует не только внутренняя потребность искупления за совершенное нарушение закона, но и желание отомстить. Помимо того, подавленные преступные импульсы очевидца возбуждаются примером преступника и грозят тоже вырваться на свободу; отсюда потребность в усилении собственного подавления и в повышении строгости карающего закона.

Психоаналитическое движение переживало напряженный период в связи с тем, что Американская ассоциация не соглашалась с принципом непрофессионального анализа, который выдвигал Фрейд.

Другим, быть может, более важным событием было быстрое (в течение одного-двух лет) исчезновение психоанализа в России. История психоанализа в России никогда не была написана; не знаем мы также, по какой причине теория Фрейда, которая считалась монистической, материалистической и совместимой с марксизмом, была внезапно отвергнута коммунистической идеологией. Одна из последних благожелательных публикаций о психоанализе в России содержалась в «Истории психиатрии» Каннабиха[424]. Он считал Фрейда одним из выдающихся представителей прогрессивного бунта против «формальной, статичной, безличной» психиатрии Крепелина и утверждал, что «благодаря ему мы добились важных успехов в понимании механизмов человеческого поведения». С другой стороны, психоанализ развивался в других странах. Так, в Японии, где некоторые труды Фрейда были адаптированы с переводов, выполненных с английского языка, д-р Кендзи Отзуки предпринял перевод полного собрания сочинений Фрейда с немецкого оригинала.

Среди новых психотерапевтических методов некоторые являлись переработанными и усовершенствованными старыми методами. Болгарский психиатр Крестников разработал новый метод очистительной терапии; как говорили, ему удавалось добиться блестящих терапевтических результатов, однако из-за удаленности от крупных университетских центров его метод не вызвал сколько-нибудь значительного интереса[425].

«Более активная терапия» Германна Саймона[426], применявшаяся в психиатрических клиниках, явилась результатом усовершенствования тех методов, которые применялись в Германии перед Первой мировой войной[427]. Принцип Саймона состоял в том, что ни одного душевнобольного пациента нельзя считать «безответственным» или освобождать его от работы. Саймон разработал сложную систему трудотерапии в психиатрической лечебнице в Гютерло, в Вестфалии. Во времена, когда не существовало ни инсулина, ни электрошоковой терапии, ни транквилизаторов, Саймон добился того, что симптомы возбуждения, агрессивности, эмоциональной регрессии и резкого ухудшения состояния совершенно исчезли из его клиники. Его методом восхищались, но крайне редко использовали в других психиатрических больницах.

Еще один немецкий психиатр, Ханс Бергер, опубликовал в том же году первые результаты проведенных им новых физиологических исследований мозга, энцефалографии, которые тоже не вызвали в то время особого интереса[428].

Второй предвоенный период: 1930–1939

Крах Нью-Йоркской биржи в октябре 1929 года повлек за собой цепную реакцию, постепенно затронувшую все страны Америки

и Европы, вызвав многочисленные банкротства концернов и банков, всеобщую безработицу и бессчетное количество частных трагедий. На этом фоне Гитлер развернул свою пропаганду, приведшую к тому, что в глазах миллионов отчаявшихся немцев он выглядел спасителем. После того как в 1933 году он захватил власть, казалось, что нации двинулись к катастрофе с открытыми глазами, будучи не в силах ее предотвратить.

В 1930 году великая экономическая депрессия захватила Америку и распространилась на Европу. Общие выборы, прошедшие в Германии в сентябре, были отмечены значительным усилением нацистской партии. Конференция стран, входящих в Британскую империю, прошедшая с 1 октября по 14 ноября, завершилась принятием Вестминстерского статуса, гарантировавшего каждому из доминионов независимость в рамках Британского Содружества.

Поразительно мало событий произошло в динамической психиатрии, за исключением того факта, что во Франкфурте Фрейду была присуждена премия Гете. Его друзья предприняли попытки добиться присуждения ему Нобелевской премии, но эти попытки не увенчались успехом.

В 1931 году над Европой стали сгущаться черные тучи. Наиболее крупный австрийский банк, Кредитное общество Вены (Kreditanstalt), объявило в мае о своем банкротстве, а двумя месяцами позднее все банки Германии были закрыты, после чего Германия объявила о приостановлении своих платежей. В апреле была провозглашена Испанская республика, а в сентябре японцы оккупировали Маньчжурию. Людвиг Бауэр, политический мыслитель, проанализировал ситуацию и пришел к выводу о неизбежности новой мировой войны, еще более ужасной, чем первая; ее можно было избежать только в крайне маловероятном случае образования всемирного наднационального государства[429].

Ухудшение политической ситуации сказалось и на динамической психиатрии. Некоторые влиятельные аналитики эмигрировали в Америку. Альфред Адлер ощутил, что будущее индивидуальной психологии находится не в Европе, а в Америке, и переехал в Нью-Йорк на постоянное жительство.

В то время психоанализ был господствующим направлением в динамической психиатрии. Это стало очевидно благодаря той торжественности, с которой повсеместно отмечалось семидесятипятилетие Фрейда, по большому количеству почестей, оказанных ему, а также по количеству врученных ему адресов и поздравлений, полученных от знаменитостей всех стран мира. Однако другие школы тоже продолжали развиваться, постепенно возникали новые направления. Людвиг Бинсвангер, который вначале был учеником Блейлера, затем сторонником психоанализа, а позднее превратился в приверженца психиатриче-

ской феноменологии, попытался теперь реконструировать внутренний мир переживаний своих душевнобольных пациентов[430]. В 1931 году он начал публиковать тонкий феноменологический анализ пациентов, страдающих маниакальным психозом, обращая особое внимание на «полет фантазий».

1932 год был ознаменован усилением экономической депрессии, отмечен политической агрессией и возникновением новых угроз. Японцы создали марионеточное государство Маньчжоу-Го. В Германии президентом был переизбран Гинденбург; он был последним барьером на пути Гитлера к власти. Салазар стал диктатором Португалии, а в Южной Америке вспыхнула кровопролитная война между Парагваем и Боливией. Рузвельт был выбран президентом Соединенных Штатов, а Франция отказалась выплачивать Штатам свои долги.

Во всеобщей сумятице были разрушены тысячи судеб. Психоаналитическое издательство, являвшееся опорной конструкцией психоаналитического движения, оказалось на грани банкротства, спасти его удалось с большим трудом. Некоторые психотерапевты эмигрировали в Америку; многие потеряли своих пациентов. Однако все это не помешало возникновению новых направлений и идей. Мелани Кляйн, детский психоаналитик, которая переехала в Лондон, ввела новые концепции относительно ранних проявлений эго и эдипова комплекса, преобладания механизмов проекции и интроекции в раннем детстве[431]. Эти идеи вызвали неудовольствие некоторых ее коллег, тогда как другие сочли их самым блестящим продолжением теории психоанализа после работ самого Фрейда.

Немецкий психиатр И.Г. Шульц опубликовал учебник по аутотренингу, методу, созданному на основе старого метода самогипноза, предложенного Оскаром Фогтом[432]. Аутотренинг состоит из серии нарастающих по трудности упражнений по релаксации и концентрации, проводимых под квалифицированным руководством профессионала; их целью является усиление контроля над нейровегетативными функциями.

1932 год ознаменован в анналах психиатрии введением понятия «групповой психотерапии» (Дж.Л. Морено)[433]. Уже давно как врачи, так и непрофессионалы собирали пациентов, читали им лекции, а затем обсуждали проблемы, связанные со здоровьем и болезнью. Такими были занятия, проводившиеся Дж.Г. Праттом с туберкулезными больными в Бостоне. В Европе аналогичные эксперименты проводились в санатории Биршера-Беннера, в антиалкогольных организациях и иных местах. Однако групповая психотерапия базировалась на совершенно иных принципах, на динамике межличностных отношений внутри группы. Морено развивал свою концепцию по трем направлениям: в области социометрии, психодрамы и собственно групповой терапии.

Роковой 1933 год ознаменовался приходом к власти Гитлера. 30 января было сформировано его правительство, а 27 февраля здание рейхстага было разрушено пожаром; в поджоге обвинили коммунистов. 24 марта Гитлер потребовал и получил всю полноту полномочий. Коммунистическая партия была запрещена. Прозвучал лозунг: «Евреи должны покинуть страну», повсеместно был объявлен бойкот еврейских предприятий. Тысячи перепуганных евреев пытались пересечь границу, но практически ничего не было организовано для их эмиграции и переселения, так что многие возвращались. Последней попыткой спасти мир явилось подписание четырьмя ведущими странами Европы (Германией, Италией, Францией и Англией) Римского пакта, которое состоялось 15 июля. Однако ситуация продолжала ухудшаться.

Упомянутые политические события оказали большое влияние на динамическую психиатрию. Поскольку было запрещено все связанное с евреями, в Германии вне закона оказались психоанализ Фрейда и индивидуальная психология Адлера, а также все связанные с ними учреждения, организации и журналы. Немецкое психотерапевтическое общество подлежало реорганизации, и его президент, Эрнст Кречмер, ушел со своего поста. В психоаналитических, психотерапевтических, а также психиатрических кругах делались всевозможные попытки спасти то, что только было возможно спасти. Усилия прилагались из самых добрых побуждений, поскольку в тот момент никто не мог себе вообразить, какой оборот примут события в дальнейшем. В одной из предыдущих глав мы видели, какую роль играл Юнг в этом деле. Он был не единственным, кто в течение некоторого времени полагал, что «с нацистами можно было разговаривать»[434].

В возникшей сумятице от психоаналитиков едва ли можно было ожидать великих открытий. Однако именно в этом году Вильгельм Райх опубликовал свой «Анализ характера»[435]. Он утверждал, что в процессе психоаналитического лечения сопротивление выражается не только посредством различных уловок, прекрасно известных психоаналитикам, но и посредством особого типа мускульного напряжения. Снижение психического сопротивления протекает параллельно мускульному напряжению. Райх описал также типологию различных типов невротиков, в частности, мазохистов.

Феноменологический подход был расширен, когда Юджин Минковский издал свою книгу «Прожитое время», исследование, посвященное различным субъективным переживаниям времени в разнообразных психопатологических условиях[436].

В 1934 году Гитлер не только укрепил свою власть в Германии, но и попытался вступить в союз с Италией. Такова была цель встречи обоих диктаторов, проходившей в Венеции с 14 по 15 июня.

Скандал во Франции в связи со Стависким вызвал в стране возмущенный протест против коррупции в правительстве. Еще хуже обстояли дела в Австрии, где выступления социалистов, имевшие место с 1 по 16 февраля, были безжалостно подавлены, а социалистическая партия распущена. 25 июля канцлер Дольфусс, на которого незадолго до того было совершено покушение, был убит группой нацистов. Политические убийства становились все более широко используемым оружием. 9 октября в Марселе группой заговорщиков-усташей были убиты король Югославии Александр и французский министр иностранных дел Барту. Перед лицом надвигающейся катастрофы лучшие умы отчаянно искали выход из создавшегося положения. Эйнштейн выражал сожаление о том, что ученые и интеллектуалы, которые в семнадцатом веке составляли единое духовное сообщество, теперь просто представляли свои национальные традиции. Они предоставили политикам право мыслить международными категориями[437]. Он призывал ученых объединиться в духовное сообщество и возглавить все усилия, направленные против войны. Друзья уговаривали состарившегося и больного Фрейда покинуть Австрию. Однако, подобно своим многочисленным современникам, он, странным образом, не предвидел возможности распространения нацизма. Он публиковал дополнения к своему учению в форме воображаемых лекций под заголовком «Продолжение лекций по введению в психоанализ»[438].

Юнг находился на творческом подъеме и среди прочих произведений издал книгу под характерным названием «Реальность души»[439]. Один из его учеников, Г. Адлер, изложил историю современной психотерапии, изображая Фрейда и Адлера как предшественников Юнга[440]. В Соединенных Штатах Морено опубликовал свою самую известную книгу «Кому предстоит выжить?»[441].

1935 год оставил у жителей Европы мрачные воспоминания. Как отдельные личности, так и целые народы ощущали свою беспомощность, находились как бы под гипнозом перед лицом надвигающейся опасности, которую были не в силах отвести. Гитлер пользовался огромной популярностью у значительной части немецкого народа как человек, смывший позор Версальского договора и решивший проблему безработицы. Германия поспешно перевооружалась и готовилась к войне. 16 марта Гитлер объявил об отказе соблюдать военные ограничения Версальского договора. 15 сентября был принят Нюрнбергский закон «о защите немецкой крови и немецкой чести». Евреи, жившие в Германии, поняли, что единственной надеждой на то, чтобы остаться в живых, является эмиграция, однако она была связана с огромными трудностями, с запретом на экспорт капитала, а прежде всего — с жесткими ограничениями на получение визы почти во все страны. Тем временем 3 ок-

тября итальянские войска напали на Эфиопию, после чего Совет Лиги Наций объявил Италию агрессором и принял решение о введении против нее экономических санкций.

По иронии судьбы, именно в это полное угнетающих событий время в области психиатрии был достигнут значительный прогресс. Как нам известно, в 1929 году Ханс Бергер нашел способ, позволяющий регистрировать электроэнцефалограмму человека (ЭЭГ). Однако подлинная ценность этого открытия была установлена только через несколько лет. В 1935 году Гиббс, Дейвис и Леннокс зарегистрировали электроэнцефалограмму человека во время эпилептического приступа, а Грей Уолтер смог посредством ЭЭГ локализовать опухоли мозга. Исследователи с энтузиазмом принялись использовать новый метод, который должен был революционизировать наши знания о физиологии мозга, сделать открытия в области нейропсихиатрии и криминологии. Помимо того, Манфред Закель из Вены опубликовал результаты своих многолетних исследований нового метода лечения шизофрении посредством инсулиновой шоковой терапии[442]. Впервые шизофрению смогли успешно лечить чисто физиологическими методами; представлялось, что это является доказательством предпочтительности органогенетической психиатрии перед новыми направлениями динамической психиатрии.

1936 год оказался для современников еще одним шагом в направлении неминуемого бедствия. Гитлер денонсировал Локарнские соглашения и приступил к ремилитаризации промышленности в долине Рейна. Франция и Британия не осмелились вмешаться. Выборы во Франции принесли победу «Народному фронту», и Леон Блюм, лидер социалистической партии, сформировал новое правительство. Бельгия подтвердила свой нейтралитет. 5 мая итальянские войска вступили в Аддис-Абебу, после чего Муссолини провозгласил основание Итальянской империи, а короля Италии — императором Эфиопии. 17 июля генерал Франко спровоцировал военный мятеж в Испанском Марокко, что положило начало гражданской войне в Испании. Западный мир был потрясен судебными процессами в Москве, где старые большевистские руководители публично признавались в измене и требовали для себя наказания. Однако еще большей сенсацией явилось отречение короля Великобритании Эдуарда VIII от трона 10 декабря, после того как 20 января он занял трон своего отца, Георга V; это решение было продиктовано желанием вступить в брак с разведенной американкой миссис Симпсон.

Успехи физиологического лечения психических заболеваний делали психиатров все более смелыми. Эгаз Мониц попытался лечить психотические состояния посредством лоботомии; это явилось началом того, что спустя несколько лет получило название психохирургии[443].

В этом году вышла из печати последняя книга Жане «Интеллект перед языком», излагавшая результаты изучения невербальных форм интеллекта, где проводились сравнения между животным, ребенком и идиотом[444]. Анна Фрейд опубликовала работу «Эго и защитные механизмы», явившуюся решающим шагом в направлении психоанализа эго[445]. Она суммировала уже известные типы защитных механизмов эго (подавление, формирование реакции, изоляция, искупление, интроекция и проекция), привела описание нескольких разновидностей отклонения и добавила два новых защитных механизма: идентификацию с агрессором и альтруистическое согласие.

1937 год начался со второго этапа показательных процессов в Москве. Установились более тесные политические отношения между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой; в то же время позиция России оставалась неясной. В Испании бушевала гражданская война, и специалисты считали ее репетицией Второй мировой войны.

Новый физиологический метод лечения психических болезней предложил фон Медуна[446]. Инъекциями метразола он вызывал эпилептические приступы у шизофреников, что в ряде случаев дало хорошие результаты.

Зигмунд Фрейд, которому исполнился 81 год, был очень болен, но упорно отказывался от настойчивых предложений друзей покинуть Австрию. Видимо он все еще полагал, что канцлер Шушниг спасет Австрию от нацистов. Изумив большинство своих друзей и учеников, он опубликовал в этот уже трагический момент первые главы своего очерка о Моисее.

Среди многочисленных публикаций монография Шонди «Анализ браков» прошла почти незамеченной[447]. В ней венгерский генетик Шонди, прекрасно знакомый с психоанализом, сравнивал в ряде браков наследственные линии мужа и жены; на основании своих исследований он заключил, что выбор в браке бессознательно определяется сходством генетической наследственности. Этот биологический феномен он назвал генотропизмом.

В 1938 году политическая ситуация ухудшилась до такой степени, что даже слепцу стала ясной неотвратимость Второй мировой войны. Перед лицом нацистской агитации за присоединение Австрии к Германии австрийский канцлер Шушниг объявил о проведении плебисцита, в котором победу могли одержать сторонники независимости. 12 марта, за день до проведения объявленного плебисцита, немецкие войска оккупировали Австрию, на следующий день нацисты законодательно легализовали этот акт, и 14 марта Гитлер совершил триумфальный въезд в Вену. В Германии и Австрии было много евреев; они отчаян-

но пытались достать визы и разрешения на эмиграцию в другие страны. Ужесточались законодательные ограничения почти во всех странах. Мошенники продавали поддельные документы, а жульнические транспортные компании принимали евреев на «блуждающие корабли», которые отказывались впускать порты почти всех стран (даже в Палестине их встречали пушечными выстрелами). По инициативе президента Рузвельта для решения проблемы беженцев с 6 по 15 июля в Эвиане была проведена конференция; однако ее единственным результатом явилось создание неэффективной «Межправительственной комиссии по беженцам»[448].

Тем временем нацистская агитация распространилась на немецкоязычные провинции Богемии. Новая угроза привела к созыву Мюнхенской конференции. В сентябре 1938 года Чемберлен и Деладье, представители Великобритании и Франции, согласились на передачу Судетов Германии. После 7 ноября началось паническое бегство евреев, когда молодой польский еврей Герцель Гриншпан убил сотрудника немецкого посольства в Париже. Это послужило поводом для погромов в Германии; помимо того, на евреев был наложен коллективный штраф.

История динамической психиатрии тех лет является составной частью политических событий. Оккупировав Вену, нацисты закрыли психоаналитические общества и общества индивидуальной психологии и уничтожили все книги Фрейда и Адлера, как это уже было ими сделано в Германии. Оставшиеся психотерапевты-евреи пытались теперь уехать. Мрачная атмосфера Вены 1938 года, огромные трудности для тех, кто пытался бежать, живо описаны в романе Леопольда Эрлих-Гихлера[449]. Читавшим этот роман не покажутся чрезмерными те трудности, с которыми пришлось столкнуться Фрейду перед тем, как он покинул Вену; тем более, что ему оказала покровительство принцесса Мария Бонапарт, содействовало американское посольство, а также Британская и Американская ассоциации. В печати широко публиковались подробности отъезда Фрейда из Вены, и это выглядело так, как будто требовалось отвлечь внимание публики от некоторых других болезненных проблем.

Нацисты не только преследовали еврейские учения и организации, они нападали и на христианскую религию и этику, пропагандируя национал-социалистическую доктрину, являвшуюся комбинацией нескольких вненаучных теорий. Сюда входили расистские теории, созданные в девятнадцатом веке двумя французами, виконтом Гобино и Ваше де Лапужем, и англичанином Хьюстоном Стюартом Чемберленом[450]. Теперь эти теории связали с псевдоисторическими представлениями о жизни и культуре древних германцев. Сюда вошли также псевдобиологические теории о борьбе за выживание и за «жизненное пространст-

во», а также некоторые выдержки из монизма Гегеля. Согласно Йохену Бессеру, на нацистскую идеологию сильное влияние оказывали теории оккультизма и теософские круги начала двадцатого века[451].

Заслуживает внимания сочувствие, проявленное нацистами в отношении ледниковой космогонии Хорбигера (иначе говоря, «теории космического льда»). Хорбигер, австрийский инженер, изобрел сложную астрономическую и космогоническую систему. Составной частью этой системы было представление о том, что главной субстанцией, из которой состоит вселенная, является лед[452]. Его система пользовалась огромным успехом у нацистов[453] и нашла приверженцев даже в Англии[454]. Нацисты поощряли также так называемую германскую медицину, которая представляла собой комбинацию диететики Биршера-Беннера, принципов естественности, традиционного использования лекарственных трав и народной медицины.

Несмотря на темные тучи, неуклонно сгущавшиеся над миром, и на распространение обскурантизма в Европе, научная психиатрия прогрессировала. Два итальянца, Черлетти и Бини, объявили об открытии ими мощного терапевтического средства: электрошоковой терапии. Этот метод, который вначале был предложен для лечения шизофрении, в дальнейшем имел больший успех при лечении тяжелых депрессий[455].

Одним из новых психотерапевтических методов был разработанный Десуалем метод направленного дневного сновидения[456]. Пациенту, лежащему на кушетке, предлагают вообразить, что он поднимается в воздух, и рассказать психиатру обо всем, что он чувствует и представляет происходящим с ним. Затем терапевт и пациент обсуждают появляющиеся при этом чувства и воображаемые представления. Фактически этот метод является вариантом юнговского метода активного воображения. В Соединенных Штатах Салливан определил психиатрию как исследование межличностных отношений и приступил к публикации основных принципов своей системы[457].

Те немногочисленные оптимисты, которые надеялись на то, что мир можно еще спасти, утратили последние иллюзии в марте 1939 года. В эти новые дни мартовских ид* немцы оккупировали Богемию и Моравию, и Гитлер совершил театрализованный въезд в Прагу. В том же месяце капитуляцией Мадрида и бегством тысяч республиканцев во Францию завершилась гражданская война в Испании. Как отмечал Тойнби, мир оказался разделенным на три лагеря: Западные страны (включающие Англию и страны Содружества, Францию и ведущие нерешительную политику Соединенные Штаты), Антикомминтерновские страны (Германия, Италия и Япония) и Советская Россия[458].

---

* Дни мартовских ид — 15 марта по древнеримскому календарю. — *Прим. рус. ред.*

Проблема состояла в том, чтобы выяснить, чьим союзником станет Советская Россия. Обе стороны предпринимали усилия в целях добиться ее поддержки. Сообщение о заключении договора о ненападении, подписанного 23 августа между нацистской Германией и Советской Россией, явилось последним сигналом, за которым последовал немецкий ультиматум Польше, повлекший за собой объявление Великобританией и Францией войны Германии.

В то время, как французы опасались войны и возможного разрушения Парижа, группа ученых в Сорбонне организовала празднование столетия Теодюля Рибо, которое совпало с пятидесятилетием со дня защиты Жане своей знаменитой диссертации «Психический автоматизм». Это было последним публичным признанием 88-летнего Жане, которым его удостоили перед смертью. Впрочем, обстоятельства были настолько мрачны, что событие прошло незамеченным и памятная книга стала библиографической редкостью[459].

23 сентября 1939 года отмечено смертью двух людей, которые крайне неприязненно относились друг к другу; в этот день Зигмунд Фрейд скончался в Лондоне, а Альберт Молл — в Берлине. Хотя первый умер, окруженный мировой славой, а второй скончался в полном забвении, в их биографиях можно найти примечательные параллели. Оба были сыновьями еврейских торговцев. Будучи молодыми врачами, оба интересовались гипнозом и исследованием бессознательного. Затем оба заинтересовались сексуальной патологией, в частности, этапами эволюции сексуального инстинкта, которому Молл дал название «сексуальное либидо», а Фрейд (со ссылкой на Молла) — «либидо». К моменту смерти Молл жил неприметно после того, как нацисты уничтожили его книги, включая и незадолго до того опубликованную автобиографию. Фрейд, напротив, находился в сфере внимания общественности, символизируя борьбу между демократией и фашизмом.

Перед смертью Фрейд выражал озабоченность судьбой психоанализа. Он предвидел его подавление в Европе и искажение в Америке. Он понимал, что пришло время, когда творение отделилось от своего создателя и пошло в жизни своим собственным путем.

Действительно, уже возникли иные школы, и предстояло появление все новых направлений. Успешно работали школы социальной работы Отто Ранка, и теперь он двигался в направлении развития своего рода религиозной психотерапии. Вильгельм Райх прибыл в Соединенные Штаты в мае 1939 года, где ему предстояло основать Оргонский институт, основанный на теориях, весьма далеких от ортодоксального фрейдовского психоанализа. В том же году Карен Хорни опубликовала свою работу «Новые пути психоанализа», манифест и первый учебник новой школы, сочетавшей адлеровское учение с фрейдовской терминологи-

ей[460]. В том же году Хайнц Гартман опубликовал не прошедшую незамеченной статью по психологии эго, отметившую новую метаморфозу психоанализа[461]. Она завершила эволюцию, которая началась с работы Фрейда «Массовая психология и анализ человеческого Я», была расширена работой Александера «Психоанализ тотальной личности» и дополнена работой Анны Фрейд «Эго и защитные механизмы». Гартман с определенностью расположил эго в фокусе интересов и работы психоаналитика. Основное внимание методики переместилось с анализа содержания бессознательного к природе защитных механизмов, к проблеме их адекватности возрасту пациента и к внешним и внутренним конфликтам, которые ему пришлось пережить.

Без сомнения, эта новая методика была адекватна условиям современной жизни человека, протекающей в изменяющемся и трудном мире.

Вторая мировая война: 1939–1945

С 1939 по 1945 год решалась судьба мира. Во всеобщей сумятице психиатрия вновь изменилась. Во многих отношениях Вторая мировая война отличалась от Первой мировой войны. Ее начало не было отмечено взрывом всеобщего энтузиазма, столь характерного для начала Первой мировой войны. Было горькое чувство своей беспомощности, сходное с тем чувством, которое охватило некоторые народы Австро-Венгрии в августе 1914 года. Изобретались новые стратегии, новые способы ведения войны, новые виды оружия, и кульминационным моментом явился взрыв атомной бомбы. Это была не столько война между народами, сколько борьба идеологий: гитлеровского расизма, коммунизма Советской России и англосаксонской концепции демократии. Вторая мировая война сопровождалась ужасающим разорением, полным уничтожением крупных городов от Ковентри до Дрездена, массовым переселением и убийством как военнослужащих, так и гражданского населения, а также геноцидом (за двумя миллионами армян последовали шесть миллионов евреев). Усилился упадок западной цивилизации, повлекший за собой болезненные процессы деколонизации. Однако была восстановлена Лига Наций на более здоровой основе, получив название Организации Объединенных Наций, и впервые в мировой истории был созван суд, призванный судить военных преступников.

Эта война ускорила изменение нравов и образа жизни, установившихся после Первой мировой войны. Поколение, пришедшее в 1945 году, столь же сильно отличалось от предыдущего, как поколение 1919 года отличалось от прекраснодушного довоенного поколения. Как только война стала фактом, все поняли, что она будет необычайно

жестокой и безжалостной. О своих целях Гитлер заявил в декларации от 22 августа 1939 года:

> ...Наша сила заключается в нашей быстроте и жестокости. По приказу Чингисхана были убиты миллионы женщин и детей. История видит в нем только великого создателя государства. Не играет роли, что думает обо мне слабая европейская цивилизация... Пока я послал на восток мои соединения «Мертвая голова» с приказом убивать без жалости и милосердия всех мужчин, женщин и детей польской нации или говорящих на польском языке. Кто сегодня говорит еще об уничтожении армян?[462]

Немецкие войска начали свой блицкриг (молниеносную войну) в Польше 1 сентября 1939 года. 17 сентября русские вступили в страну с востока, и менее чем через три недели Польша была стерта с карты мира. На Западном фронте это была «странная» война: в течение восьми месяцев две огромные армии стояли лицом к лицу, и ничего не предпринимали, участвуя только в незначительных стычках. В ноябре русские напали на Финляндию; в апреле 1940 года немцы быстро оккупировали Данию и Норвегию. 10 мая немцы провели блицкриг против Голландии, Бельгии и Франции, причем с таким внезапным напором, что 16 июня французы вынуждены были подписать перемирие. Однако с августа по октябрь немцы потерпели поражение в битве за Англию, и это спасло западный мир. Спустя небольшой промежуток времени, в апреле 1941 года, немцы оккупировали Югославию и Грецию, а 22 июня напали на Россию. После начальных успехов и быстрого продвижения немецкая армия была остановлена под Москвой. Эта кампания велась с беспрецедентной яростью в суровых условиях русской зимы. Война приняла новый оборот 7 декабря 1941 года. Японцы повторили свой стратегический ход, принесший им победу в войне против России в 1904 году. Без объявления войны они атаковали американский флот (как ранее флот России) в гавани Пирл-Харбор. Объявив войну Соединенным Штатам и Англии, японцы быстро оккупировали Малайю, Индонезию, Филиппины и острова Южных морей.

Колоссальная военная мощь американцев позволила им одновременно вести боевые действия на Тихом океане и в Европе. Оккупированные японцами территории были отвоеваны американским генералом Макартуром, тогда как генерал Эйзенхауэр готовил вторжение союзников в Европе. В ноябре 1942 года союзники высадились в Алжире, в июле 1943 года они высадились на Сицилии, а 6 июня 1944 года — в Нормандии. После побед, одержанных англо-американскими войсками в Западной Европе, и побед, одержанных Россией на востоке, немецкие войска капитулировали 8 мая 1945 года, в то время как Япония про-

должала сопротивляться. Однако 6 августа мир с ужасом узнал о том, что на Хиросиму была сброшена атомная бомба. Война была завершена, и для человечества началась новая эпоха.

Эти события оказали решающее влияние на судьбу динамической психиатрии. Двое из четырех великих пионеров этой науки, Фрейд и Адлер, умерли в изгнании. Жане работал над книгой «Психология веры» (оставшейся незавершенной), а последний из них, Юнг, казалось, полностью сосредоточил свои интересы на мифологии и алхимии. Основным же фактором, определившим судьбу динамической психиатрии, была массовая эмиграция психотерапевтов из Центральной Европы в Англию и, в еще большей мере, в Соединенные Штаты. В результате центры Психоаналитической ассоциации и Ассоциации индивидуальной психологии переместились в Америку, а английский язык пришел на смену немецкому в качестве их официального языка. После ликвидации психоаналитического издательства в Вене было основано новое издательство в Лондоне, где приступили к публикации полного собрания сочинений Фрейда взамен уничтоженного собрания сочинений. Работы немецких и австрийских терапевтов, написанные позднее, печатались прямо на английском языке. Такой переход с немецкого языка на английский сопровождался определенными терминологическими изменениями. Были утрачены некоторые оттенки смысла немецкой терминологии, тогда как термин «фрустрация» стал пользоваться популярностью, не свойственной ему ранее в немецком языке.

Перечень работ по психиатрии, появившихся в те годы, относительно невелик.

В 1940 году была посмертно опубликована работа Фрейда «Основы психоанализа». Его работа о Моисее вызвала активный протест и разногласия в еврейских кругах. Представлялось странным, что в такое время, когда под угрозой находилось физическое существование еврейского народа, из-под пера автора-еврея выходит книга, в которой утверждается, что Моисей был египтянином, которого убили евреи. Позиции Фрейда противопоставляли позицию Бергсона, который, став убежденным католиком, отказался принять крещение, выражая этим солидарность со своим народом. Действительно, Бергсон отказался от того, чтобы воспользоваться какими-либо послаблениями, но он умер 3 января 1941 года, до депортации французских евреев.

В 1941 году психоанализ процветал в Америке более, чем когда-либо ранее, но заметнее стали проявляться так называемые неофрейдистские тенденции. Карен Хорни покинула Американскую психоаналитическую ассоциацию и основала Американский институт психоанализа, где занялась распространением своего собственного учения и терапии. Эрих Фромм опубликовал свою работу «Бегство от свободы», на кото-

рую большее влияние оказали современные события, а не психоаналитическая теория[463].

В 1942 году Бинсвангер опубликовал в Швейцарии свою впечатляющую, насчитывающую 726 страниц книгу «Основные формы человеческого существования и знания о нем», в которой он рассматривал свою новую систему экзистенциального анализа[464]. Эта система была разработана под влиянием работы Хайдеггера «Экзистенциальный анализ», но в то время как последняя дает общий анализ структуры человеческого существования, Бинсвангер задается целью проанализировать «бытие в мире» отдельных индивидов. Посредством системы феноменологических координат, позаимствованных у Хайдеггера, Бинсвангер делает попытку реконструировать мир внутренних переживаний даже находящихся в состоянии глубокого психоза пациентов, а также разобраться в нем.

Поиск новых психотерапевтических методов ведется, как всегда, весьма активно. В Соединенных Штатах Карл Роджерс опубликовал свой первый отчет о методе психотерапевтического каунселинга[465]. По его мнению, «эффективный каунселинг состоит из определенным образом структурированных отношений, позволяющих клиенту понять себя в такой мере, которая позволит ему совершить позитивные действия в свете полученных им новых представлений».

В Швейцарии Марк Гиллери сообщил Психиатрической ассоциации о психотерапевтическом методе, которым он пользовался уже в течение 15 лет [466]. Этот метод представлял собой оригинальное сочетание способа релаксации, концентрации и телесного осознания, созданного Виттоцем, и метода активного воображения Юнга.

В 1943 году получило признание новое направление динамической психиатрии — психосоматическая медицина. Тогда были опубликованы две классические работы, авторами которых были Вейсс и Инглиш[467] и Фландерс Данбар[468]. Следует иметь в виду, что у психосоматической медицины была давняя предыстория: примитивное целительство было в значительной степени психосоматическим, как и методы лечения, применявшиеся Гасснером и Месмером, целыми поколениями магнетизеров и гипнотизеров, такими людьми, как Льебо, Бернгейм, Форель и их последователи. Романтическая медицина заключалась не только в утверждении, что физическая болезнь может вызываться эмоциональными причинами. То же самое утверждали великие представители научной медицины и некоторые физиологи (Крель в Германии, Кэннон в Соединенных Штатах). Адольф Мейер пытался соотносить определенные клинические состояния с определенными, сознательно пережитыми, эмоциями пациентов. Пионеры новой психосоматической медицины предприняли попытку очертить личностный профиль пациента

при различных заболеваниях: при гипертонии, закупорке коронарных сосудов, ревматизме, диабете и т. п. Это явилось отправной точкой для новых исследований и разработки новых теорий, которым предстояло открыть новые перспективы на протяжении следующих десятилетий.

К этому можно добавить, что в том же году в лабораториях фармацевтической компании «Сандос» в Базеле химик Альберт Гофман случайно обнаружил вещество, которое в бесконечно малых дозах вызывало бурные галлюцинации[469]. В то время это открытие не привлекло особого внимания. Однако этому веществу предстояло прославиться под названием ЛСД.

Во Франции Сартр опубликовал работу «Бытие и небытие». Это сложное и оригинальное произведение, написанное под влиянием Хайдеггера, содержало, как уже говорилось ранее, главу, посвященную «экзистенциальному психоанализу», психотерапевтическому методу, весьма напоминающему метод Адлера[470]. В Испании Х.Х. Лопес Ибор опубликовал первое сообщение о созданной им новой оригинальной теории жизненной обеспокоенности, концепция которой оказалась весьма значимой для психотерапии[471].

1944 год отмечен развитием экзистенциального анализа Бинсвангера и судьбоанализа Шонди. Ранее экзистенциальный анализ был известен как довольно абстрактная теоретическая система. С публикацией истории болезни Элен Уэст он вошел в область клинической психиатрии и психопатологии[472]. Этот случай явился для Бинсвангера тем, чем для Жане был случай с Мадлен, а для Фрейда — случай с Человеком-Волком. Как замечает Бинсвангер, случай с Элен Уэст очень напоминает случай с Надей, описанный Жане[473]. Обеих пациенток обследовали психиатры, ибо они были одержимы страхом растолстеть; обе отказывались от еды, но временами втайне жадно набрасывались на еду. Жане вскоре понял, что болезнь Нади была обычной анорексией (anorexia nervosa): ее отказ от еды был частью одержимости, относившейся к ее телу и его функциям, а эта одержимость, в свою очередь, была связана с владевшим ею страхом, что люди будут отвергать и презирать ее. В случае с Элен Уэст Бинсвангер начинает свое исследование там, где Жане прекратил изучение Нади, то есть с попыток изучить и реконструировать эволюцию «бытия» пациентки, ознакомиться с миром ее субъективных переживаний. В этом Бинсвангеру сопутствовала удача, поскольку Элен Уэст, человек, получивший прекрасное образование, обладала даром самовыражения, писала стихи и прозу.

В клинических случаях традиционная процедура состоит в двойной обработке данных: исходят из истории жизни пациента и переходят к истории заболевания, а исходя из клинической картины, переходят к биологическим основам (например, проверяя, имелись ли у Нади или

Элен эндокринные нарушения). Психоанализ дополняет эти исследования рассмотрением изменений в побуждениях пациента и его объектных отношениях. Бинсвангер сохраняет рамки нозологии Крепелина и периодически прибегает к использованию психоаналитических концепций, но главным образом его интересует «бытие пациента в мире», наряду с теми метаморфозами, которые наблюдаются в нем с самого детства.

Элен Уэст родилась в состоятельной еврейской семье, среди членов которой были известные лица, а также душевнобольные и самоубийцы. В возрасте девяти месяцев она отказалась от молока, и у нее всегда были проблемы с приемом пищи. Она была живым упрямым ребенком, отличалась амбициозностью и любила читать. С юности она вела дневник, писала стихи и выражала своего рода пантеистическое восхищение жизнью и природой. Она ощущала призвание к совершению великих достижений, мечтала о славе и о любви совершенного мужчины. Ее образ жизни был типичным для богатой девушки из космополитических слоев: она занималась верховой ездой, путешествовала, нерегулярно училась; больше всего ее занимали социальные проблемы, идеи «хождения в народ» и надежда на великую социальную революцию.

(У нее было много общего с Марией Башкирцевой или Лу Андреас-Саломе; ее поведение покажется менее сумасбродным, если представить себе, что она была русской аристократкой, жившей во время царизма.) В возрасте двадцати лет у нее появился страх растолстеть, который постепенно превратился в навязчивую идею. Она садилась на сильнодействующие диеты, проходила лечебные курсы по снижению веса, однако временами набрасывалась на еду и, к своему стыду, поглощала большие количества пищи.

В возрасте двадцати семи лет она вышла замуж за двоюродного брата, который оказался весьма преданным мужем; она продолжала заниматься общественной благотворительностью, но ее физическое состояние изменилось. Когда ей исполнилось тридцать два года, она прошла курс психоаналитической терапии у психоаналитика, который объяснил ей, что ее цель состояла в том, чтобы «подчинить себе всех других людей». Следующий курс психоанализа, который она прошла через год, оказался, по-видимому, менее успешным; аналитик продолжал его, несмотря на несколько предпринятых ею суицидных попыток, и ее состояние ухудшилось настолько, что лечащий врач вмешался и прекратил психоаналитическую терапию. Затем Элен Уэст поступила в санаторий Бинсвангера в Крейцлингене, где пробыла два с половиной месяца. Из-за ее суицидных импульсов Бинсвангер не решался содержать ее в открытой части санатория. Два призванных для консультации выдающихся психиатра согласились с Бинсвангером в том,

что пациентка неизлечима. Муж, которому сообщили об опасениях врачей, предпочел взять ее домой. Страдания пациентки немедленно прекратились. В прекрасном настроении она впервые за тринадцать лет досыта наелась, читала стихи, писала письма, а затем приняла яд и скончалась на следующее утро.

Проведенное Бинсвангером подробное исследование жизни Элен Уэст, опубликованное под названием «Бытие в мире», нельзя изложить вкратце, его надо читать в оригинале или в английском переводе. Страхи Элен Уэст перед ожирением или перед обжорством были наиболее ярко выраженными манифестациями медленного процесса экзистенциального обеднения и опустошения. Она утратила опору в мире практической деятельности; ее деятельность в сфере социальной благотворительности была лишь способом заполнения пустоты ее существования. Пациентка постоянно колебалась между двумя все более расходящимися мирами субъективных переживаний. Одним из них был мир идеальных, возвышенных, светлых, теплых, красочных, сверкающих переживаний, мир свободного полета, в котором не нужна была пища. Вторым был мир, выражением которого является обжорство; он доминировался процессом, заставляющим индивида подчинять свои действия давлению окружающих его условий. Это мир сырого тумана, темных туч, тяжести, застоя, увядания и гниения, мир могилы. С точки зрения бренности всего земного, у Элен Уэст, которая не сумела выстроить время, не было будущего, или, скорее, это будущее заменил эфирный мир дневных сновидений, не имевший корней в прошлом или настоящем этой пациентки. Не было у нее и прошлого, на базе которого она могла бы выстроить свои действия в настоящем или будущем; прошлое заменил мир темноты, тяжести и загнивания, полным выражением которого была смерть. Настоящее было сведено к сиюминутному.

Неразрывность времени была заменена последовательностью мгновений. Конфликт и возрастающее расхождение между обоими мирами не допускал компромисса, и поэтому наступил миг, когда единственным возможным свободным действием для Элен Уэст оставалось самоубийство.

1944 год явился годом публикации работы «Анализ Судьбы» Шонди, основанной на теории, которую часто понимали неправильно[474]. Судьбоанализ легче всего определить как синтез психиатрической генетики и психоанализа. Генетический подход берет свое начало в изучении наследственных душевных заболеваний. Немецкая школа генетиков-психиатров вначале изучала такие наследственные болезни, как эпилепсия, шизофрения, маниакально-депрессивные психозы, а позднее подошла к понятию «наследственного круга». «Наследственный круг» (Erbkreis) включает не только негативные манифестации (специфические типы психозов и аномалии характера), но

и положительные проявления (специфические способности и таланты), так что одни члены семьи могут страдать от психоза, другие члены той же семьи — являться обладателями определенного таланта, а третьи — проявлять лишь особые черты характера в пределах нормы. Это приводит к допущению, согласно которому в каждом наследственном круге имеется общий знаменатель, названный корневым фактором, или биологическим радикалом. То, что Шонди называет факторами побуждений, является системой, состоящей из восьми таких биологических радикалов, выведенных на основе психиатрических генетических исследований.

Что касается психоанализа, то он всегда допускал существование биологической прослойки в бессознательном. Фрейд называл предрасположение смесью биологической «предрасположенности» и раннего влияния окружающей среды. Некоторые аналитики подозревали о существовании нескольких разновидностей предрасположенности. Так, Абрахам утверждал, что заметное развитие оральных и анальных характеристик может быть соотнесено с особыми предрасполагающими факторами[475]. Другие психоаналитики говорили о пациентах с сильным или слабым эго, тем самым подразумевая возможность существования других разновидностей специфических предрасположений. Именно эта загадочная область биологических предрасположений находится в центре «Анализа Судьбы» Шонди. Здесь он вновь находит восемь биологических радикалов, или факторов, которые были определены на основе психиатрической генетики. Мы видим, как обе линии исследований, а именно, психиатрическая генетика и психоанализ, пересекаются. Точка пересечения расположена в мало исследованной области человеческого бытия, которую Шонди называет семейным бессознательным. Для генетиков она относится к генотипу, то есть к скрытым, латентным «предрасположенностям». Для психологов это, согласно Шонди, новый обнаруженный слой бессознательного, область судьбы, из которой исходят жизненные выборы (выбор в любви, дружбе, профессии, болезни и даже способе смерти), сумма которых формирует нашу судьбу. Основополагающая гипотеза Шонди заключается в том, что каждый человек приходит в этот мир с набором возможных выборов судьбы, определяемых формулой его генотипа. Подобно тому, как Фрейд анализировал механизмы формирования сновидений (смещение и сгущение), чтобы интерпретировать сновидение для сновидца, Шонди анализирует механизмы формирования судьбы, чтобы реконструировать латентные генетические структуры индивида. К основным механизмам, определяющим судьбу, которые описывал Шонди, относится генотропизм, в соответствии с которым выбор в любви бессознательно направляется сходством, латентно таящимся в генной формуле. Другим механизмом

является оперотропизм, то есть бессознательная тенденция, определяющая выбор индивидом профессии, через которую в нем проявляется наиболее сильный наследственный фактор. Шонди установил перечень профессий, характерных для каждого из его восьми факторов. Из-за дуальности анализа судеб одни и те же манифестации могут получать как биологическое, так и психологическое обоснование. То, что для генетика является «позитивной манифестацией биологического радикала», может быть «сублимацией» для психоаналитика. Шонди различал три степени сублимации: «социализацию», то есть направление побуждений в сторону профессии; «собственно сублимацию», которая выражается в характере индивида; и высшую форму сублимации, направленную на благо человечества.

Основной метод судьбоанализа состоит в тщательном определении генеалогии индивида. К отличиям, учитываемым в обычной психиатрической генетике, придется отнести не только случаи психоза, невроза, психопатии или преступности, но и характерную структуру и род занятий всех лиц, включенных в эту генеалогию.

Помимо того, установленная таким образом генеалогия будет сопоставлена с генеалогией тех лиц, с которыми индивид тесно связан своей судьбой (именно этот метод Шонди использовал в своей работе «Анализ браков»). Ввиду того, что предлагаемый метод требовал слишком больших затрат времени, Шонди придумал для определения генетической формулы своих испытуемых другой, более короткий, способ исследования семейного бессознательного. В 1944 году Шонди в течение ряда лет уже проверял изобретенный им способ, сообщение о котором он опубликовал в дальнейшем. Экспериментальный материал состоит из серии фотографий убийц, гомосексуалистов, эпилептиков и других пациентов, представляющих экстремальные негативные манифестации по каждому из восьми факторов Шонди. Испытуемым последовательно показывают эти комплекты и предлагают выбрать наиболее симпатичные и наиболее отталкивающие изображения. Используя комплексный метод оценки, по его реакциям уточняют генетическую формулу субъекта и структуру его личности.

С самого начала «Анализ Судьбы» Шонди встретил восхищенное одобрение и резкую критику. Ставились под сомнение его генетические допущения, особенно его система, состоящая из восьми факторов, сгруппированных по четырем векторам.

Представляется, что, по мысли Шонди, эта система является, скорее всего, искусственной моделью, сравнимой с резонаторами, изобретенными Гельмгольцем, с помощью которых физики анализируют составные элементы тона. Выбор резонаторов неизбежно произвольный, но физики не могут отрицать их пользу при анализе звука. Со временем

Шонди усовершенствовал свой тест, а затем разработал и собственный, оригинальный психотерапевтический метод.

Когда в 1945 году закончилась война, поток новых публикаций явился надежным признаком того, что дух творчества не погиб. Во Франции философ Мерло-Понти опубликовал свою работу «Феноменология восприятия», которая вскоре стала классикой феноменологии[476]. Французский психиатр Анри Барюк, еврей, чудом спасшийся от смерти, опубликовал книгу «Моральная психиатрия», в которой подчеркивал присутствие «моральной личности» в самом регрессивном и слабоумном из своих пациентов. Он отмечал, что в этих пациентах чувство справедливости даже возрастает, и продемонстрировал, что можно добиться заметного улучшения состояния душевнобольных, если учитывать чувство собственного достоинства больного и его потребность в справедливости. Представляется, что такое внимание к внутриличностной сущности пациента явилось реакцией на дух материализма, господствовавший в психиатрии с середины девятнадцатого века[477]. Еще одной причиной такой реакции был успех экзистенциализма в психиатрии, а также в философии Западной Европы.

Новым был также разработанный Мёдером метод быстрой психиатрии, который требовал от пациента настоящего и искреннего желания выздоровления, а от терапевта столь же искреннего желания помочь пациенту[478]. Терапевт при этом опирается на существующие у пациента тенденции к самоисцелению, а тот, в свою очередь, проецирует на терапевта архетип Спасителя (образа Целителя). Метод Мёдера частично основывался на юнговских концепциях, однако главным образом он опирался на саморегуляцию и процессы самоисцеления. (Эти понятия он почерпнул у биолога Ханса Дриша и Теодора Флурнуа.)

В Америке все более широкое распространение получала групповая терапия. У Морено было много последователей и подражателей; были разработаны и нашли применение многочисленные методы групповой терапии[479].

После войны в мире остались две великие державы, относившиеся друг к другу со все возрастающим подозрением, Соединенные Штаты и Советская Россия, у каждой из которых были свои союзники, сателлиты и зоны влияния. Находившиеся между этими странами обломки стран Европы боролись за восстановление своего статуса. Эта ситуация нашла отражение и в психиатрии. В Советской России официальной доктриной была павловская психиатрия, тогда как психоанализ и подобные учения находились под запретом. В Соединенных Штатах равные права были гарантированы всем психиатрическим школам (в равной мере и павловской), однако фактически преобладал психоанализ; непрерывно росло число психоаналитиков, они занимали руководящие

должности на психиатрических кафедрах университетов, а фрейдовской или псевдофрейдовской идеологией была пронизана вся культурная жизнь.

Противостояние двух великих мировых держав нашло отражение также и в разногласиях между психиатрами России и Америки. Хотя в Америке никто не ставил под сомнение достижения Павлова как физиолога, они считались недостаточными для формирования основ психиатрии. Знания, приобретенные в экспериментах на животных, в искусственных условиях, нельзя было непосредственно применять на людях, ибо они не могли дать представление о субъективном состоянии душевнобольного пациента. Поэтому павловскую психиатрию стали рассматривать как психиатрию для роботов, а не для людей, и наиболее оригинальным ее достижением принято было считать метод промывания мозгов. В свою очередь, русские психиатры клеймили психоанализ как идеалистическое направление (с бранным оттенком этого слова в марксистской терминологии), как жалкое проявление загнивающего капитализма, как терапию, предназначенную для богатых паразитов, в то время как бедные не имели возможности лечиться.

Как дальнейшее отражение политической ситуации, павловская психиатрия распространилась в Восточной Европе и в странах Балканского полуострова. В Западной и Центральной Европе (где оставалось мало довоенных психоаналитиков) фрейдизм часто принимал облик продукта, импортированного из Америки. Французы привыкали читать Фрейда по-английски, и даже молодые немцы употребляли термины *эго, ид, суперэго* вместо изначальных «Я», «Оно», «Сверх-Я». С другой стороны, влияние экзистенциальной философии и психиатрии распространялось, и Европа оставалась колыбелью новых психоаналитических методов. Будущее динамической психиатрии выглядело обещающим и перспективным, хотя и столь же непредсказуемым, как будущее человечества.

Заключение

На протяжении всего нашего исследования происхождения и развития динамической психиатрии мы старались, насколько это возможно, оставаться на почве исторических фактов. Теперь же мы попытаемся проанализировать те факторы, которые вызывали и направляли эту эволюцию, с тем, чтобы найти ответ на вопрос, поставленный в самом начале всей данной работы (о чем говорится во введении).

Эти факторы можно разделить на несколько категорий по отношению к социально-экономическому и политическому фону, культурным тенденциям, самой личности того или иного первооткрывателя, зачинателя, новатора или первопроходца и к появлению разнообразных событий и случаев.

Прежде всего позвольте рассмотреть эволюцию динамической психиатрии в контексте той или иной социально-экономической и политической ситуации, в особенности в контексте экономической истории и классовой борьбы. Победа Месмера над Гасснером была победой аристократии над священнослужителями[1]. Общество Гармонии Месмера (Societé de l'Harmonité) незадолго до своего распада состояло главным образом из членов французского благородного сословия. «Кризы», возникавшие вокруг месмеровского чана с «заряженной» водой («baquet = бакет»), были идентичны vapeurs, светским жалобам дам из высшего света. Этап от Месмера к Пюисегюру означал сдвиг от «магнетизма для аристократов» к «магнетизму для народа» с соответствующими изменениями в доктрине и терапевтических практиках[2]. Но усиление нового правящего класса буржуазии сопровождалось смещением от магнетизма к гипнотизму. В то время как раппорт между магнетизером и его пациентом отражал патерналистскую симбиотическую связь между аристократом и его подданным, раппорт между гипнотизером и гипнотизируемым отражал авторитарную установку хозяина-буржуя по отношению к зависимому от него работнику; «торговая» психотерапия старых магнетизеров и манипулирование патогенными секретами их пациентов были, таким образом, заменены беспристрастными гипнотическими командами[3]. Говоря о Блейлере, мы отмечали, что происхождение его работы по шизофрении может быть прослежено в истории в политической борьбе между фермерами и городской аристократией Цюриха. В этой перспективе генезис термина «шизофрения», введенного Блейлером, оказывается, так сказать, побочным продуктом победы крестьянской партии над городскими патрициями[4]. Поражение революции 1848 года, последствия которого для

динамической психиатрии мы уже отмечали, привело к усилению верховенства класса буржуазии[5]. Между тем промышленная революция привела к появлению мощного индустриального и купеческого высшего класса, с одной стороны, и многочисленного и обездоленного пролетариата — с другой. Теория Дарвина была извращена, чтобы обеспечить высшую буржуазию идеологией слепой безжалостной конкуренции, тогда как Маркс обеспечил идеологией рабочий класс и его союзников[6]. Поражение Парижской коммуны в 1871 году высвободило волну антидемократических настроений. Дюпрель показал, что теория «психологии толпы» Гюстава Лебона была выражением этой тенденции, и, тем не менее, она была воспринята как бесспорная научная истина и как таковая была принята многими авторами, включая Фрейда[7]. В то же самое время, а именно к концу девятнадцатого века, высшие классы больше не могли мириться с существовавшим тогда методом гипнотической и суггестивной психотерапии и потребовали новую неавторитарную психотерапию, способную объяснить пациенту, что же происходит в его собственном разуме[8]. Мы также видели, как великие социальные и политические сдвиги, порожденные Первой мировой войной, привели к далеко идущим изменениям внутри этих новых динамических психиатрических систем[9]. Фрейдовские понятия были извращены с целью обосновать идеологию гедонистически-утилитарного мира массового потребления, рожденного из технологической революции двадцатого века. Сходным образом, чтобы обставить идеологию мира жестокой конкуренции, выпестованной промышленной революцией, были извращены и дарвиновские понятия[10].

Социально-экономическая структура — это та почва, на которой взошли и развились культурные тенденции. В главе 4 мы обозрели те культурные движения, которые следовали одно за другим в западном мире после Ренессанса, а именно: Барокко, Просвещение, Романтизм и Позитивизм. Победа Месмера над Гасснером была не только победой аристократии над священнослужителями, но также и победой Просвещения над угасающим Барокко, и есть что-то ироническое в том, что учение Месмера возобладало и было развито Романтиками[11]. Просвещение вдохновило психиатрическую деятельность Пинеля и Эскироля, а Месмер считал себя представителем того же самого направления. Но Романтизм счел магнетизм подходящим для себя и в переистолкованном виде распространил его влияние на медицину и психиатрию; мы уже видели, что многие понятия, которые считались характерными для психоанализа Фрейда и аналитической психологии Юнга, пронизывали деятельность психиатров периода Романтизма[12]. Затем, около 1850 года, Романтизм сменился Позитивизмом — культурным направлением, которое выдвинуло органическую психиатрию и домини-

ровало всю вторую половину девятнадцатого века[13]. Романтизм, возродившийся в начале двадцатого века, оказал несомненное влияние на появление новых динамических школ[14]. Неудивительно, что многие идеи Фрейда и Юнга напоминают учения старых психиатров-романтиков. В противовес этому, Жане определенно является поздним представителем Просвещения, таковым же — хотя и в меньшей степени — можно считать и Адлера. В этом свете соперничество между Жане, Фрейдом, Адлером, Юнгом и их учениками может быть понято как запоздалые отзвуки битв между Просвещением и Романтизмом в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков.

Подобно художнику или писателю, динамический психиатр исходил, главным образом, из своих специфических способностей и чувствительности при определении своего пути постижения и восприятия мира. Каждый динамический психиатр обладал своим собственным чувствованием в сфере психической реальности, и его теории, соответственно, также оказывались под влиянием обстоятельств и событий его собственной жизни. Жане был активным и бесстрастным человеком, так что его интерес в большей степени концентрировался в бихевиоральной психологии[15]. Его несколько отстраненное, наполненное легким юмором и благожелательное отношение нашло отражение в его рациональной психотерапии; напряженные, усердные и бережливые техники и приемы его предшественников проявились в его теории «запаса психологических сил». Поскольку Жане не помнил своих снов, то, возможно, поэтому и не написал собственного «Толкования сновидений», как это сделал Фрейд, бывший превосходным сновидцем. Неразрешенный религиозный кризис его юности стал причиной повторного обращения к психологии религии. Фрейд, как мы уже видели, разделял с великими писателями глубокий интерес к скрытым сторонам человеческой жизни и личности в широком смысле, равно как и к высшим заповедям, хранимым языком[16]. Понятие эдипова комплекса и его центрального местоположения в человеческой судьбе с очевидностью проистекало из его собственной жизненной истории, что делает понятным и то, почему ни Адлер, ни Юнг не могли это принять, уже хотя бы потому, что в своем раннем детстве переживали совершенно иную семейную историю. Что касается Адлера, то его основной талант заключался в умении быстро и точно делать наблюдения, — качестве, разумеется, необходимом для талантливого клинициста; немцы именуют подобное свойство клиническим взглядом (derklinische Blick)[17]. В области психологии это выглядит как способность давать с первого взгляда точную оценку в плане нормы или патологии индивидуального стиля жизни и, соответственно, оказываться основателем системы прагматической психологии. События детства дали Адлеру повод приписывать главенствующее положение инди-

вида в сиблинговом ряду, считать значение его отношений с братьями и сестрами первостепенным, даже большим, нежели ранние отношения с родительскими фигурами. В случае Юнга доминирующим признаком оказывается сам контраст между практическими способностями человека, хорошо встроенного в материальную реальность, и редким даром психологической (если не парапсихологической) интуиции[18]. Контраст этот отражен в типологической системе Юнга и его психотерапии, включающей приведение пациентов обратно к осознаниванию и синтетико-герменевтический метод продвижения на пути к индивидуации. Как и в случае Жане, неразрешенный религиозный кризис в период юнговской юности повлек за собой непрекращающееся воздействие на развитие его психологической системы.

Ко всему прочему, исследователь разума может столкнуться со своим собственным неврозом или невротическими элементами в своей личности. Следует, однако, проводить базовое различие между теми психиатрами, кто попросту использовал свой собственный невроз как предмет изучения, и теми их коллегами, жизненная работа которых оказалась следствием «творческой болезни».

Не так уж трудно подыскать целый ряд примеров для первой группы. Роберт Бартон описал свое собственное состояние в печальном, но энергичном изложении трактата о «школьной меланхолии»[19]. Джордж Чейни дал классическое описание гипохондрии, основанной на нескольких историях болезни, из которых самой продолжительной и наиболее впечатляющей была его собственная[20]. Бенедикт-Августин Морель сопроводил свое описание delire emotif (позже названное фобией) живой историей своего собственного случая[21]. Что касается Жане, то есть ряд причин предположить, что определенные признаки в его описании психастении были взяты из личных переживаний. Согласно Филлис Боттоми, Адлер в раннем возрасте болел рахитом, и это могло повлиять на его теории неполноценности органа, комплекса неполноценности и компенсации. Иван Петрович Павлов дал краткий, но примечательный отчет о сердечном неврозе, которым он страдал после хирургической операции в 1927 году, и, по всей видимости, его последующий интерес к психиатрии в значительной степени был вызван этим событием[22].

Не следует путать проявление «творческой болезни» с общим неврозом, который наводит психиатра на соответствующие размышления и, возможно, побуждает его к попыткам самоисцеления. Наша гипотеза заключается в том, что источником психотерапевтических систем Фрейда и Юнга являлись соответственно их «творческие болезни» (одним из аспектов которой и являлся их самоанализ). Основные черты «творческой болезни» уже были описаны нами в предшествующих главах[23]. Здесь мы рассмотрим их лишь вкратце.

Это, скажем, редкое психическое состояние начинается после длительного периода непрерывной интеллектуальной работы и внутренней поглощенности ею. Главными симптомами здесь оказываются депрессия, изнеможение, раздражительность, бессонница и головная боль. Короче, такое состояние дает картину тяжелого невроза, иногда психоза. В интенсивности симптомов могут быть свои колебания, но в общем пациент остается под воздействием овладевшей им идеи или одержим достижением какой-то трудной цели. Он пребывает в крайней духовной изоляции и живет с чувством, что никто не может ему помочь, отсюда и его попытки самолечения. Но, как правило, он чувствует, что эти попытки лишь усиливают его страдания. Такая болезнь может длиться от трех и более лет. Выздоровление приходит внезапно и быстро; оно сопровождается чувством эйфории, и за ним наступает изменение (трансформация) личности. Субъект убежден, что получил доступ к новому духовному миру или открылся этому миру. Примеры подобной болезни можно обнаружить среди шаманов Сибири и Аляски, мистиков разных религий, а также среди писателей и философов. Хорошо документированным примером здесь является случай Фехнера; возможно, что и Ницше также продуцировал свои наиболее оригинальные идеи во время мучительных переживаний «творческой болезни»[24].

Клинический аспект «творческой болезни» варьируется от одного индивида к другому. Следует прежде всего разграничивать две категории: болезнь исследователя, первооткрывателя и болезнь последователя. Первый шаман, который, вероятно, уже тысячи лет назад изобрел способы отправлять себя в состояние транса, чтобы исследовать мир духов, послужил моделью для всех последующих поколений шаманов. Он был первооткрывателем, а все прочие — последователями. Многие индивиды подверглись творческому неврозу, который никто после них уже не повторял, потому что, как и Фехнер, они никогда не призывали других следовать за ними. Так, Рудольф Штайнер очень подробно и точно изложил свой метод достижения высших духовных миров, но кажется, что никто из пытавшихся воспользоваться этим методом в нем не преуспел[25]. Для того чтобы обрести последователей, первооткрыватель должен не только обучить теории, но и обеспечить практическим руководством тех, кто пожелает воспользоваться этой теорией. Таким образом, шаман-ученик должен видеть старого шамана-учителя через регулярные промежутки времени, наставления которого он шаг за шагом будет стремиться осуществить на практике на протяжении всего этапа обучения (инициации). Нечто подобное происходит и с мистиками большинства религий. Здесь также повсеместно подчеркивается необходимость духовного руководства и наставничества. Более того, последователь сам должен найти себе соответствующего наставни-

ка и учителя. Мистики, подобно Святой Терезе из Авилы и Святому Иоанну Крестителю, настаивали на важности нахождения правильного наставника совести с тем, чтобы избежать вредоносных переживаний.

В отношении динамической психиатрии можно предположить, что Месмер пережил творческий невроз, из которого он вышел с убеждением об эпохальности открытого им животного магнетизма. Однако он сумел передать своим ученикам лишь теоретическую составляющую своего открытия, ему так и не удалось посвятить их в таинства самой практики. На этом фоне вполне оригинальными представляются концепции Фрейда и Юнга. Оба они прошли через этап творческой болезни, и оба — под именем обучающего анализа — сделали форму этой болезни моделью для всех своих последователей. Юнг стимулировал прохождение обучающего анализа для каждого кандидата в аналитики, а фрейдисты приняли его в качестве ценного дидактического компонента. Впоследствии юнговская школа стала рассматривать обучающий анализ как нечто вроде инициации (initiatory malady), сравнимой с длительной процедурой посвящения в шаманы.

Здесь нет нужды снова увязывать в истории творческих болезней Фрейда[26] и Юнга[27] друг с другом. Среди характерных признаков творческой болезни есть, однако, один, заключающийся в том, что субъект после выздоровления убежден в универсальной значимости (подлинности) сделанного им открытия. Именно этим путем Месмер пришел к утверждению истинности животного магнетизма, Фехнер — принципа удовольствия, Ницше — вечного возвращения, Фрейд — эдипова комплекса и детской сексуальности как источника невроза, Юнг — анимы и процесса индивидуации. Те, кто знал Фрейда, сообщают, что он говорил о комплексе Эдипа и о либидо как об абсолютно истинных вещах, не испытывая при этом ни малейшего сомнения. В равной степени, Юнг также говорил о коллективном бессознательном, аниме и самости со спокойной уверенностью человека, который знает, что говорит.

Таким образом, мы подошли к необходимости провести различие между двумя группами динамических систем. К первой группе принадлежат системы Жане и Адлера. Хотя Жане использовал свой собственный опыт психастении, а Адлер — свои личные переживания неполноценности органа, их главные открытия получены путем объективного клинического исследования. Ко второй группе относятся системы Фрейда и Юнга. Здесь основные принципы и убеждения исходят изнутри, из опыта творческой болезни.

Подобное различение, в свою очередь, приводит к нелегкому вопросу: какова эвристическая ценность творческой болезни? Является ли уверенность в обнаружении универсальной истины достаточным доказательством обоснованности данного открытия? Этот вопрос принадле-

жит более общей проблеме валидности динамических психологических переживаний. Одним из ее аспектов является сама специфика творческой болезни: сугубо личный опыт первооткрывателя оборачивается моделью для последователя, и подобная согласованность паттерна ведет к передаче последнего от одного инициируемого к другому в рамках одной и той же школы. Ученик шамана никогда не испытает переживаний нирваны монаха с Тибета, равно как и йог не сможет отправиться в землю духов, как это делает шаман. Та же самая специфика наблюдается и в отношении различных школ гипноза, справедлива она и для всех новых динамических школ[28]. Лица, прошедшие психоанализ, будут видеть «фрейдовские» сны и осознают свой эдипов комплекс, тогда как подвергшиеся юнгианскому анализу, непременно получат архетипические сновидения и столкнутся со своей анимой. И каждый непроизвольно вспомнит изречение Габриэля Тарда о том, что «гениальность — это способность порождать свое собственное потомство, то есть учеников и последователей»[29].

В дополнение к их собственным личностям, самый важный источник в достижениях динамических психиатров лежит в их отношениях со своими пациентами, причем роль последних проявляется двумя разными способами. Первый — это связь между психиатрическими теориями и той группой пациентов, к которой сам психиатр имеет доступ. Как уже упоминалось, И. Вассерман придерживался той точки зрения, что разница между психоанализом Фрейда и индивидуальной психологией Адлера проистекает из самой разницы в понятиях, связывающих их со своими пациентами; в группе богатых пациентов, к которой относились пациенты Фрейда, основной интерес крутился вокруг любовных проблем; для пациентов же Адлера значительно более беспокоящими и одновременно вдохновляющими были проблемы материального существования, равно как и стремление к успеху[30]. Длительные исследования Фрейда в области нейроанатомии также объясняют его приверженность концептуальной модели, вдохновленной физиологией мозга. Значительные расхождения в представлениях Фрейда и Юнга о бессознательном можно связать и с тем фактом, что они имели дело с разными типами пациентов. Фрейд, работавший с невротиками, не имел достаточного опыта работы с психозами и считал, что бессознательное является складом вытесненных побуждений и воспоминаний. Юнг, в течение девяти лет имевший дело с острой шизофренией, пришел к представлениям о коллективном бессознательном и архетипах.

Есть и другой, возможно, более важный аспект во взаимоотношениях динамических психиатров со своими пациентами. Иногда психотерапевт, рассматривающий пациента в качестве особого объекта изучения, обнаруживает себя вовлеченным в длительное, трудное и противоре-

чивое взаимоотношение с ним. Обычно таким пациентом оказывается женщина-истеричка. То, чему психиатр научается от пациента, порой совершенно отличается от того, что он ожидал, и подлинность подобных открытий лучше открывается кому-то из преемников, нежели ему самому[31]. Поскольку роль пациентов в истории динамической психиатрии всегда несколько принижалась, то было бы уместным вкратце пересказать несколько типичных эпизодов.

Проводя лечение своей молодой пациентки фрейлейн Остерлин, Месмер пришел к убеждению, что терапевтический эффект являлся следствием действия не самих магнитов, а исходил из магнетического потока, который генерировала его собственная персона[32]. Позже он уверовал в излечение Марии Терезии Парадиз от слепоты, да и она сама какое-то время верила, что сможет видеть снова; сегодня мы видим в этой истории типичный пример суггестии, переноса и контрпереноса, но Месмер этот случай не понял, подозревая против себя заговор, и, в конечном итоге, был вынужден покинуть Вену[33]. Пюисегюр оказался в гораздо более счастливом положении. Он не только увидел в Викторе Рейсе пример совершенного кризиса, но и смог понять, как магнетический сон может быть использован в терапевтических целях, понять, что месмеровская теория флюидов оказалась ошибочной и что магнетизер не должен использовать пациента для демонстрации в качестве пассивного инструмента[34]. По всей видимости, уроки прошлого даром не прошли. Когда читаешь историю Деспена и Эстели, то начинаешь осознавать, как много предстояло пережить Деспену, чтобы понять уловки своей пациентки и воспользоваться раппортом, дабы умело вывести ее из болезни[35]. Что касается Юстина Кернера, то он отнюдь не был слепцом, попавшим в ловушки Фредерики Хофф, как об этом частенько упоминают. Скорее, он рассматривал ее со смешанным чувством удивления и критики. Он не поощрял предполагаемые в ней терапевтические таланты, а скорее, гордился, демонстрируя ее именитым философам и теологам, и если он сделал свою пророчицу знаменитой, то публикация ее истории прежде всего послужила во славу самому Кернеру[36]. Более необычный пример запутанных отношений между терапевтом и пациентом представлен в борьбе пастора Блумхардта с его одержимым прихожанином Готтлибом Диттусом. На протяжении двух лет Блумхардт отчаянно сражался с силами темноты; но чем больше он сражался, тем более тяжелыми становились симптомы Готтлиба. По достижении окончательной победы, личность Блумхардта подверглась сильной перемене[37].

К несчастью, учения Пюисегюра и старых магнетизеров были основательно подзабыты в последние десятилетия девятнадцатого века, что и показывают примеры Шарко и Брейера. Мы уже видели, как Шарко

использовал Бланш Уитман и других истерических женщин в плане своих так называемых «экспериментальных исследований»[38]. Случай знаменитой пациентки Брейера Анны О. (Берты Паппенхейм) действительно принадлежал к тем великим магнетическим заболеваниям, которые столь усердно разыскивались ранними магнетизерами. Она предъявляла уникальные симптомы, направляла свое лечение, объясняла его своему доктору и предсказывала дату его окончания. Поскольку она выбрала процедуру катарсиса в качестве самонаправленной психотерапии, Брейер посчитал, что он нашел ключ к психогенезу и лечению истерии. Это были неверное теоретическое истолкование и терапевтическая неудача, которые, однако, способствовали зарождению фрейдовского психоанализа[39]. Но именно Жане предстояло переоткрыть новации старых магнетизеров, в особенности терапевтическую пользу раппорта. От Леони Жане усвоил то, что другая личность, которая возникает в глубоком гипнозе, оказывается не чем иным, как воспроизводством предшествовавших гипнотических опытов, совершавшихся над ней. Тем самым он смог понять ошибочность трех стадий гипноза Шарко[40]. Способность Леони гипнотизироваться на расстоянии вызвала у Жане непреодолимое недоверие по отношению к парапсихологии. Это, в свою очередь, объясняет и крайнюю осторожность Жане, когда впоследствии он столкнулся со случаем Мадлен, пациенткой, которая периодически демонстрировала стигматы Страстей и эмоциональные перепады между гневом и экстазом[41].

Открытия Флурнуа, связанные с «медиумизмом» Элен Смит, оказались весьма плодотворными и разнообразными. Он продемонстрировал важность забытых детских воспоминаний, возвращение к различным периодам детства в фантазиях пациентки, фантазиях, представлявших выражение скрытых желаний. Но хотя он и понимал природу чувств медиума по отношению к нему, он оказался недостаточно осторожен. Публикация его книги вызвала проявление враждебности с ее стороны, она ограничила свою деятельность неэффективной, полностью погруженной в себя жизнью и тогда Флурнуа понял опасность переноса лонгитюдинальных исследований подобного рода целиком на одного субъекта[42]. Медиум Юнга, Элен Прейсверк, сочетала в себе черты «прорицательницы из Преворста» (Фредерики Хофф) и Элен Смит. Юнг, несомненно, извлек пользу из опыта Кернера и Флурнуа, хотя лишь несколько позже понял роль, играемую чувствами пациента в отношении себя. Открытие Юнга заключалось в представлении медиумистического обмана в качестве отчаянной попытки молодой женщины преодолеть те препятствия, которые мешали развитию ее личности, и это было первым зародышем более позднего понятия индивидуации[43]. Примечательно то, что бывшая пациентка Месмера Мария Терезия Парадиз, будучи сле-

пой, сделала блестящую карьеру в качестве музыканта, что Готтлиб Диттус был принят в семье Блумхардта и сумел стать его помощником, что Бланш Уитман стала ассистентом радиолога и умерла мученицей науки, что Берта Паппенхейм стала пионером в области социального попечительства, и что Элен Прейсверк добилась успеха в качестве владелицы магазина модной одежды в Базеле.

В отношении Фрейда, мы должны припомнить, что метод свободной ассоциации был отчасти предложен ему одной из его пациенток Элизабет фон Р., а Человек-Волк сыграл историческую роль в развитии психоанализа[44]. Фрейд научился у него очень многому и был ему настолько признателен, что впоследствии лечил Человека-Волка бесплатно и даже на протяжении ряда лет собирал деньги, чтобы поддержать его. Сам же Человек-Волк испытывал сильнейшую привязанность к Фрейду сквозь призму параноидальной симптоматики, что требовало дальнейшего длительного лечения[45]. Таким образом, мы видим, что история динамической психиатрии неотделима от вкладов целой плеяды выдающихся пациентов, роль которых странным образом оказалась незамеченной.

На протяжении всей книги мы сталкивались со множеством других источников достижений динамических психиатров. «Человек — не остров», но даже сам первооткрыватель проходит через творческую болезнь с чувством предельной изолированности. Творческие умы неразрывно связаны с их социальным окружением, равно как и с более узким — специфически человеческим — контекстом, включающим их учителей, коллег, друзей, учеников, критиков, а также врагов и оппонентов. Невозможно отделить в человеческой мысли то, что непосредственно принадлежит самому индивиду, то, что внушено окружающими или то, что вычитано из газет или книг. Никогда не следует недооценивать силу криптомнезии (искажения памяти), равно как и недооценивать стимулирующее влияние текущих событий. В этом отношении примечательна революция младотурков в 1908 году и тот путь, каким она отразилась в работе Фрейда «Тотем и табу»[46]. Иногда психолог, ищущий новый путь, обнаруживает его в недавно вышедшей книге. В свое время Фрейд был весьма впечатлен книгой Фрэзера, посвященной тотемизму[47], Юнга вдохновила работа Фробениуса «Эра солнечного Бога»[48], а Адлера — книга Вайхингера «Философия “как если бы”»[49]. Публикация «Воспоминаний» Шребера побудила Юнга отойти от теории либидо Фрейда, а Фрейда подтолкнула к созданию теории паранойи[50]. Даже художественная новелла могла стать мыслепобуждающим источником, как это произошло с «Градивой» Йенсена[51] и «Имаго» Шпиттелера[52].

Другим часто не замечаемым аспектом процесса динамической психиатрии является привлечение идей, имеющих хождение в других

областях знания. Будучи внесенными на психиатрическое поле и сформулированными в других терминах, они выглядят как новое открытие. Возможность пробуждения полового инстинкта у ребенка и влюбчивая тяга маленького мальчика к своей матери были хорошо известны воспитателям и учителям-католикам, а сами понятия популяризировались Мишле, но когда о них заявил Фрейд, последние предстали во всей своей поразительной новизне[53]. Представление о том, что гомосексуальность в большинстве случаев имела своей причиной психологию, а не физическую конституцию, имело широкое хождение среди педагогов задолго до того, как оно привлекло внимание психиатров. Аналогичным образом, еще до того, как стать доминирующей в среде нейропсихиатров, психосексуальная теория истерии была весьма широко распространена среди гинекологов. Уголовные сыщики хорошо знали значение парапраксий — несоответствие действий преступника поставленной цели — и использовали их задолго до того, как последние стали неотъемлемой частью психоанализа[54]. Много раньше, чем Морено придумал психодраму в качестве психотерапевтической процедуры, реконструкции преступлений уже были в ходу в уголовной практике, что довольно часто приводило к признанию подозреваемыми в совершении ими убийства.

Иногда прогресс состоял попросту в том, что старая заброшенная идея извлекалась из небытия. Некоторые понятия новой динамической психиатрии, далекие от того, чтобы шокировать своей новизной, оказывались весьма старомодными. Сюда можно отнести понятие «бегства в болезнь», которое было заявлено еще старыми психиатрами-романтиками, и по-прежнему сохраняло свою популярность в обыденном сознании, а также идею о том, что стереотипные движения психотика могут нести в себе психологический смысл. В новелле Эдмона де Гонкура несчастная женщина испытывает столь сильные страдания, что предпринимает бегство в острый психоз[55]. Мы находим ее сидящей в углу палаты психиатрической больницы и безостановочно совершающей круговые движения рукой. Автор объясняет нам, что в своих галлюцинациях она воображает себя собирающей цветы, которые падают с вишневого дерева, что она и делала в действительности в своем счастливом детстве. Психиатры, читавшие новеллу, должно быть улыбались этой устаревшей романтической выдумке, но когда Блейлер и Юнг стали учить схожим идеям, то художественная сцена высветилась впечатляющей новизной.

Характеризуясь новизной и оригинальностью, творческая работа почти всегда является частью современной тенденции; она кристаллизует огромное количество прозрений и озарений, разбросанных вокруг. «Толкование сновидений» Фрейда появилось в то время, когда общественный интерес всколыхнулся потоком литературы, посвященной

сновидениям; его «Три очерка по теории сексуальности» были опубликованы в 1905 году в центре потока работ о сексуальной патологии, зародившегося после 1880 года; «Тотем и табу» также появилась в рамках тогдашней общей интеллектуальной моды, приведшей историков, этнологов и психологов к рассмотрению тотемизма как одной из определяющих стадий в гипотетической реконструкции истории человечества. Здесь крайне трудно установить, в какой степени работа, открывающая новую эпоху, на самом деле знаменует культурную революцию, а в какой — оказывается воплощением уже существующей тенденции или моды.

Мы, таким образом, возвращаемся обратно к тому парадоксу, который был отправной точкой нашего исследования, а именно тому факту, что динамическая психиатрия испытала, по всей видимости, неоднородную череду превратностей и злоключений с этапами отторжения, неприятия и восстановления, возрождения, в противоположность последовательному курсу эволюции физических наук. Здесь мы должны отметить, что последующие базовые различия выделяют динамическую психиатрию из других дисциплин.

Современная наука является объединенным корпусом знания, в котором каждая отдельная наука обладает автономией и определяется своим объектом и специфической методологией; поле динамической психиатрии, в противоположность этому, очерчено не вполне, ему свойственно вторгаться в область других наук, если не революционизировать их. Фрейд настаивал на том, что «основатель психоанализа должен быть лицом квалифицированным в достаточной степени, чтобы судить, чем является психоанализ и чем он не является»[56]. Подобная точка зрения чужда современной науке; никто не мог бы, например, вообразить Пастера, заявляющего, что он и есть то лицо, которое вправе решать, чем является, а чем не является бактериология. В то же самое время было бы совершенно естественным и нормальным, если бы, скажем, Хайдеггер стал утверждать, что он тот самый человек, который вправе определять, чем является, а чем не является хайдеггеровская философия.

В рамках единой науки термин «школа» является простым обозначением временной группировки-объединения нескольких учеников вокруг своего учителя, работающего в направлении нового стиля, и не полностью инкорпорированного в общее «тело» знания. Такой была, например, «школа» Пастера до момента его открытий, ставших всеобщим знанием. Среди основателей современной динамической психиатрии мы замечаем, что только один Жане остался верен традиции единой науки. Хотя он и был сооснователем психологического общества и психологического журнала, и хотя он создал мощный психологиче-

ский синтез, ему никогда не приходило в голову основать «движение» или «школу». Он предполагал, что его учение способно интегрироваться в психологию как дисциплину по аналогии с тем, как Пастер считал, что его открытия могут быть усвоены медициной. По контрасту с этим, говоря о Фрейде, Адлере и Юнге, мы отмечаем здесь, что само слово «школа» допускает то значение, которое оно имело в связи с «философскими школами» греко-римского античного периода[57]. Такое возвращение от понятия единой науки к понятию независимых «школ» являет собой непривычную новизну, которая пока не привлекла к себе того внимания, которого она заслуживает.

Все эти парадоксы прикрывают другой, еще более глубокий, а именно: сам контраст между обязательствами и убеждениями динамической психиатрии и экспериментальной психологией. Современная наука основана на эксперименте, парциализации и количественном измерении, и это относится не только к физике, но и ко всей сфере человеческой души. В этом отношении динамическая психиатрия, несомненно, открыта для критики. Но кто когда-либо был способен измерить либидо, силу эго, суперэго, анимы, количественно определить степень индивидуации и тому подобное? Само существование подобных сущностей никогда не было продемонстрировано. Но для тех психиатров, которые посвятили себя исключительно работе со своими пациентами в непосредственной психотерапевтической обстановке, эти термины не являются абстрактными понятиями; они являют собой живые реальности, существование которых гораздо более осязаемо, нежели статистика или исчисление экспериментальных процедур. Юнг, проведший годы в разработке своего теста словесных ассоциаций, заявил позднее: «Тот, кто захочет узнать что-либо о человеческой душе из экспериментальной психологии, не узнает из нее ничего или почти ничего»[58]. Ганс Кунц объяснял, почему фрейдисты не приняли возражения эпистемологов: «Потому что психоаналитики переживали истину психоанализа тем путем и способом, который значительно превосходит в убедительности и силе обычные свидетельства логически сформулированных озарений и прозрений ... они едва ли могли поступиться своими убеждениями ввиду несравнимо более слабых доказательств формальной логики»[59].

В действительности мы имеем дело с двумя представлениями о реальности, испытывающими друг друга на прочность, и как представляется, область психической жизни может рассматриваться с двух вполне узаконенных сторон: либо с позиций точной измерительной технологии, квантификации и научных экспериментов, либо с точки зрения непосредственного неисчислимого подхода динамического психотерапевта.

Динамический психотерапевт, таким образом, имеет дело с тем, что Юнг называет психическим существованием или психической реальностью. Но чем же, в сущности, является эта психическая реальность? Нас в данном случае интересует только то, что обнаруживается в процессе творческой болезни и в повседневной работе глубинных психологов. Но даже и в этом случае существует множество разных видов психических реальностей, и зачастую они несовместимы и противоречат друг другу, хотя и наделены одними и теми же чертами достоверности и несомненности для всех тех, кто имеет с ними дело. И было бы, например, напрасно пытаться осуществить редукцию аналитической психологии Юнга к психоанализу Фрейда, и наоборот, равно как и пытаться свести любое из этих направлений в концептуальные рамки экспериментальной психологии. Мыслимыми и постижимыми здесь оказываются и многие другие динамические системы[60].

Сосуществование двух несовместимых подходов к пониманию человеческой психики шокирует разум ученого, жаждущего единства. Должны ли мы сохранять принцип единства науки, пожертвовав при этом независимостью новых динамических систем или же нам следует поддерживать эти системы (и, возможно, в дальнейшем ждать появления новых) и рассматривать идеал единой науки как замечательную мечту? Выход из подобной дилеммы может быть найден в совместном усилии психологов и философов. В данном исследовании бессознательного мы отмечали, что психологи интересуются здесь, главным образом, традиционными, отклоняющимися от нормы и креативными аспектами, в то время как мифопоэтическому бессознательному после работ Флурнуа уделялось мало внимания[61]. Возобновление исследований в этом все еще малоизученном поле может пролить новый свет на многие до сих пор непонятые проблемы. С другой стороны, можно пожелать, чтобы философы расширили свои наблюдения над представлениями о психической реальности и попытались определить ее структуру (как это сделал Хайдеггер для структуры человеческого существования в противоположность существованию материальных и искусственных «промышленных» объектов). Тогда можно было бы надеяться достичь высшего синтеза и разработать концептуальные рамки, которые могли бы в большей степени удовлетворять строгим требованиям экспериментальной психологии и тем психическим реальностям, которые переживаются исследователями бессознательного.

Примечания

Глава 7. Зигмунд Фрейд и психоанализ

[1] Мы следуем здесь хронологии, приведенной Альфредом Казамасом: *Alfred Kazamas.* Osterreichische Chronik. Vienna: Hollinak, 1948.

[2] *Gerson Wolf.* Die Juden // Die Volker Oesterreich-Ungams. Ethnographishe und culturhistorische Schilderung. Vienna u. Teschen: Karl Prochaska, 1883. Vol. VII.

[3] *Hans Tietze.* Die Juden Wiens. Geschichte-Wirtschaft-Kultur. Leipzig and Vienna: E.P. Tal, 1933.

[4] *Adolf Zemlinsky.* Geschichte der Tiirkisch-Israelitischen Gemeinde zu Wien. Vienna: M. Papo, 1888.

[5] *Sigmund Mayer.* Ein Judischer Kaufmann, 1831 bis 1911. Lebenserinnerungen von Sigmund Mayer. Leipzig: Duncker and Humblot, 1911.

[6] M. Vishnitzer, trans. anded. The Memoirs of Ber of Bolechow. 1723–1805. London: Oxford University Press, 1922.

[7] *Sigmund Mayer.* Ein Jiidischer Kaufmann, 1831 bis 1911. Lebenserinnemgen von Sigmund Mayer. Leipzig: Duncker and Humblot, 1911.

[8] *Heymann Steinthal.* Uber Juden und Judentum. Vortrage und Aufsatze. Berlin: M. Poppelauer, 1906.

[9] *Josef Breuer.* Curriculum Vitae//Hans Meyer. Dr. Josef Breuer, 1842–1925, Nachruf, 23. Juni 1925 [n.d.] S. 9–24.

[10] *Sigmund Freud.* Traumdeutung. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1900. S. 135.

[11] *Hans Tietze.* Die Juden Wiens. Geschichte-Wirtschaft-Kultur. Leipzig and Vienna: E.P. Tal, 1933. S. 231.

[12] *Max Gruenwald.* Vienna. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1936. P. 518–523.

[13] Такими были, например, *Stefan Zweig.* Die Welt von Gestem. 1944. Stockholm: Fischer, 1958; и *Otto Lubarsch.* Ein bewegtes Gelehrtenleben Berlin: J. Springer, 1931.

[14] Письмо к президенту Kadimah, подписанное Josef Breuer, stripe Judaeus, natione Germanus. (Йозеф Брейер, еврей по рождению, немец по национальности). Автор весьма признателен госпоже Кате (Kathe) Брейер, показавшей ему это письмо и давшей разрешение на цитирование из него.

[15] *Renee Gicklhorn, F. Kalivoda, J. Sajner.* Nove archivi nalezy o detstvi Sigmunda Freuda v Prfbore // Ceskoslovenska Psychiatria. LXIII. 1967. P. 131–136. R. Gilkhom and J. Sajner. The Freiberg Period of the Freud Family // Journal of the History of Medicine. XXIV. 1969. P. 37–43.

[16] Фотокопия брачного свидетельства родителей Фрейда приведена в статье Вилли Арона: *Willy Aron.* Notes on Sigmund Freud's Ancestry and Jewish Contacts // Vivo Annual of Jewish Social Sciences. XI. 1956–1957. P. 286–295.

[17] Хронологические данные жизни Якоба Фрейда не удостоверены. Говорят, что ему было двадцать девять лет в 1844 году, и что он женился в семнадцать. В таком случае он родился в 1815 году, а его первый брак произошел в 1832-м. Но, как говорят, Эммануэлю исполнился двадцать один год в 1852 году, в таком случае дата его рождения — 1831. При этом его отцу было шестнадцать лет ко времени рождения Эммануэля.

[18] *Renee Gicklhorn.* Eine Episode aus S. Freuds Mittelschulzeit // Unsere Heimat. XXXVI. 1965. S. 18–24.

[19] *Ernset Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud, the Jew // New York: Basic Books, 1953. 1. P. 2, 17, 60.

[20] *Siegfried Bernfeld.* Sigmund Freud, M.D., 1882–1885 // International Journal of Psychoanalysis. XXXII. 1951. P. 204–217 (особенно стр. 207).

[21] *Ernst Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953.1. P. 9–11. Русский перевод: *Эрнест Джонс.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. Пер. с англ. Старовойтова В.В. М., 1997. — *Прим. ред.*

[22] *Ernest Simon.* Sigmund Freud, the Jew. Leo Baeck Institute Year Book. II. 1957. P. 270–305.

[23] *Sigmund Freud.* Selbstdarstellung // L.R. Grote. Die Medizin der Gegenwart in Selbstdarstellung. Leipzig: Meiner, 1925. IV. S. 1–52. (С P. S. во втором изд., 1935). Английский перевод: The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. London: Hogarth Press, 1953. XX. P. 7–74. Все ссылки на это издание о работах Фрейда приведены в соответствии с James Strachey, переводчиком.

[24] Sigmund Freud — Wilhelm Fliess. Aus den Anfängen der Psychoanalyse; Briefe an Wilhelm Fliess, Abhandlungen und Notizen aus den Jahren 1887–1902. London: Imago, 1954.

[25] Sigmund Freud-Oskar Pfister. Briefe. 1909–1937. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1963.

[26] Sigmund Freud — Karl Abraham. Briefe. 1907–1926. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1965.

[27] Sigmund Freud — Lou Andreas Salome. Briefwechsel. Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1966.

[28] *Sigmund Freud.* Briefe. (1873–1939). Frankfurt a. M.: S. Fischer, 1960.

[29] *Martin Freud.* Glory Reflected. London: Angus Robertson, 1957.

[30] *Siegfried and Suzanne Bernfeld.* Freud's Early Childhood // Bulletin of the Menninger Clinic. VIII. 1944. P. 107–114.

[31] *Siegfried Bernfeld.* Sigmund Freud, M.D. // International Journal of Psychoanalysis. XXXII. 1951. P. 204–217.

[32] *Siegfried Bernfeld.* Freud's Scientific Beginnings // American Imago. VI. 1949. P. 165–196.

[33] *Siegfried Bernfeld.* Freud's Studies on Cocaine, 1884–1887 //Journal of the American Psychoanalytic Association. 1. 1953. P. 581–613.

[34] *Siegfried and Suzanne Bernfeld.* Freud's First Year in Practice, 1886–1887// Bulletin of the Menninger Clinic. XVI. 1952. P. 37–49.

[35] *Josef and Renee Gicklhorn.* Sigmund Freud's Academische Laufbahn im Lichte der Dokumente. Vienna: Urban & Schwarzenberg, 1960.

[36] *Renee Gicklhorn.* Der Wagner-Jauregg Process (не опубликовано).

[37] *K. R. Eissler.* Sigmund Freud und die Wiener Universitat. Bern and Stuttgart: Hans Huber, 1966.

[38] *Maria Dorer.* Historische Grundlagen der Psychoanalyse. Leipzig: F. Meiner, 1932.

[39] *Ola Andersson.* Studies in the Prehistory of Psychoanalysis. Stockholm: Svenska Bokforlaget, 1962.

[40] *Fritz Wittels.* Sigmund Freud, Der Mann, die Lehre, die Schule. Leipzig: E. P. Tal, 1924.

[41] *Helen Walker Puner.* Freud: His Life and His Mind. New York: Howell and Soskin, 1947.

[42] *Hanns Sachs.* Freud, Master and Friend. Cambridge: Harvard University Press, 1945.

[43] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. In 3 vols. New York: Basic Books, 1953, 1955, 1957.

[44] Причина, по которой его первое имя было позже изменено на «Зигмунд», неизвестна.

[45] *Willy Aron.* Notes on Sigmund Freud's Ancestry and Jewish Contacts // Vivo Annual of Jewish Social Sciences. II. 1956–1957. P. 286–295.

[46] Слово «Май» было написано по старым правилам орфографии, May вместо Mai, так что его легко было спутать с Marz (Март).

[47] Рене Гиклхорн сообщила автору, что, в соответствии с городскими справочниками, Якоб Фрейд проживал в 1860 году по адресу Weissgarberstrasse 114, в 1865 году — на Pillersdorfgasse 5, в 1865 году — на Pfeffergasse 1, в 1872 году — на Pfeffergasse 5. Неизвестно, когда именно позже он переехал на Kaiser Josefstrasse.

[48] *Sigmund Freud.* Die Traumdeutung. 1900. S. 146. Standard Edition. IV. P. 211–212.

[49] *Renee Gicklhorn.* Eine Episode aus S. Freuds Mittelschulzeit // Unsere Heimat. XXXVI. 1965. S. 18–24.

[50] *Judith Bernays-Heller.* Freud's Mother and Father // Commentary. XXI. 1956. P. 418–421.

[51] *Heinz Stanescu.* Unbekannte Briefe des jungen Sigmund Freud an einen Rumanischen Freund // Neue Literatur. Zeitschrift des Schriftstellerverbandes der RVD. XVI. № 3. June. 1965. S. 123–129.

[52] Эта прославленная поэма, подражание орфическому гимну, была включена в полное собрание сочинений Гете и считалась неопубликованным произведением его юности. Однако последующие исследования показали, что ее

подлинным автором был Георг Кристоф Тоблер (1757–1812), молодой швейцарский поэт, пославший поэму Гете. См. *Rudolph Pestalozzi.* Sigmund Freud Berufswahl // Neue Zürcher Zeitung. Femausgabe 179. Jule 1, 1956.

[53] *Siegfried Bernfeld.* Sigmund Freud, M.D. // International Journal of Psychoanalysis. XXXII. 1951. P. 204–217 (полный список курсов лекций, на которые записался Фрейд, приведен на с. 216–217).

[54] *Moritz Benedikt.* Aus meinem Leben. Erinnerungen und Erorterungen. Vienna: Carl Konegen, 1906. S. 60–62.

[55] См.: *Г. Ф. Элленбергер.* Открытие бессознательного. СПб.: Академический проект, 2001. Глава 5. С. 320–321. Далее при ссылке на это издание указываются только глава и страницы.

[56] Никогда не существовало понятия «школа Гельмгольца» в том смысле, который подразумевает Зигфрид Бернфельд. К сожалению, эта неверная концепция была без критики воспринята столь многими историками.

[57] *K. E. Rotschuh.* Geschichte der Physiologie. Berlin: Springen-Verlag, 1953. S. 139–141.

[58] *Erna Lesky.* Die Wiener medizinische Schule im 19. Jahrhundert. Graz: Verlag Bohlau, 1965. S. 535–537.

[59] Dr. Josef Breuer, 1842–1925. Curriculum Vitae und Nachruf, von Hoftrat. Prof. Dr. Hans Meyer am 23 Juni 1925.

[60] *Leopold Breuer.* Leitfaden beim Religionsunterrichte der Israelitischen Jugend. 2. umgearbeitete Auflage. Vienna: Klopfsen und Eurich, 1855.

[61] Из письма к Kadimah (1894) (с любезного разрешения госпожи Кате Брейер).

[62] Эти подробности сообщены госпожой К. Брейер.

[63] Копия этой корреспонденции принадлежит госпоже К. Брейер, любезно разрешившей автору прочесть ее.

[64] *Rudolf Steiner.* Mein Lebensgang. Domach: Philos. Anthropos. Verlag, 1925. S. 134–135.

[65] *A. de Kleyn.* Josef Breuer. 1842–1925 //Acta Otolaryngologica. X. 1926. S. 161–171.

[66] Автор благодарен госпоже К. Брейер, показавшей ему документы «Breuer-Stiftung» (Фонда Брейера), и внуку Йозефа Брейера, Джорджу Брайанту, из Ванкувера, за предоставленную информацию.

[67] *John Stuart Mill.* Gesammelte Werke. Autorisierte Übersetzung unter Redaktion von Prof. Dr. Theodor Gompertz. XII. Übersetzung von Siegmund (sic) Freud. Leipzig: Fües's Verlag, 1880.

[68] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. Vol. 1. Chap. 7.

[69] До сих пор не были проведены поиски документов в архивах Венского Общего госпиталя. Мы следуем отчету Джонса, основанному на письмах Фрейда к невесте.

[70] *Erna Lesky*. Die Wiener Medizinische Schule im 19. Jahrhundert. Graz and Cologne: Verlag Hermann Bohlaus Nachf, 1965. S. 373–379.

[71] *Bernard Sachs*. Bamay Sachs. (1858–1944). New York: privately printed, 1949. P. 55.

[72] *August Forel*. Riickblick auf mein Leben. Zurich: Europa-Verlag, 1935. S. 64.

[73] *Theodor Meynert*. Gedichte. Vienna and Leipzig: Braumüller, 1905.

[74] *Dora Stockert-Meynert*. Theodor Meinert und seine Zeit. Vienna and Leipzig: Oesterreichischer Bundesverlag, 1930.

[75] *Theodor Aschenbrandt*. Die physiologische Wirkung und Bedeutung des Cocain insbesondere auf den menschlichen Organismus // Deutsche medizinische Wochenschrift. IX. 1883. S. 730–732.

[76] *Sigmund Freud*. Über Coca // Centralblatt für die gesamte Therapie. II. 1884. S. 289–314.

[77] *Carl Koller*. Vorläufige Mitteilung über locale Anasthesierung am Auge // Klinische Monatsblatter für Augenheilkunde. XXII. 1884. S. 60–63.

[78] *Sigmund Freud*. Beitrag zur Kenntnis der Cocawirking // Wiener medizinische Wochenschrift. XXXV. 1885. S. 129–133.

[79] *AlbrechtErlenmeyer*.ÜberdieWirkungdesCocainbeiMorphiumentziehung // Centralblatt für Nervenheilkunde. VIII. 1885. S. 289–299.

[80] *Sigmund Freud*. Über den Ursprung des Nervus acusticus // Monatsschrift für Ohrenheilkunde. Neue Folge. XX. 1886. S. 245–251, 277–282.

[81] В «Толковании сновидений» Фрейд говорит, что Париж в течение многих лет был темой одного из его сновидений, и что блаженство, которое он испытал, вступив на мостовую Парижа, было для него предзнаменованием того, что и другие его мечты должны будут исполниться в свое время. См.: Standard Edition. IV. P. 195.

[82] *Ernest Jones*. The Life and the Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. V. I. P. 186–189.

[83] Этот документ был опубликован Йозефом и Рене Гиклхорнами в книге: Sigmund Freuds akademische Laufbahn im Lichte der Documente. Vienna-Innsbruck: Urban & Schwarzenberg, 1960. S. 282–289.

[84] *Ernest Jones*. The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. I. P. 229.

[85] *Albrecht Erlenmeyer*. Über Cocainsucht // Deutsche Medizinalzeitung. VII. 1886. S. 672–675.

[86] *Jean-Martin Charcot*. Neue Vorlesungen über die Krankheiten des Nervensystems insbesondere der Hysterie. Uebers. von Sigmund Freud. Leipzig and Vienna: Toeplitz und Deuticke, 1886.

[87] *Ernest Jones*. The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. I. P. 193–195.

[88] См. с. 63 наст. изд.

[89] *Renee Gicklhorn.* Das erste öffentliche Kinder-Kranken-Institut in Wien // Unsere Heimat. XXX. 1959. S. 146–157.

[90] *Erna Lesky.* Die Wiener medizinische Schule im 19. Jahrhundert. Graz: Bohlau, 1965, passim. Erich Menninger-Lerchenthal. Jubilaum der Gesellschaft der Aerzte in Wien // Oesterreichische Aertzezeitung. 1964.

[91] *Burghard Breitner.* Hand an zwei Pflügen. Innsbruck: Inn-Verlag [n.d.]. S. 222–224.

[92] *Herbert Page.* Inquiries of the Spine and Spinal Chord without Apparent Mechanical Lesions, and Nervous Shock. London: Churchill, 1882.

[93] *G. L. Walton.* Case of Typical Hysterical Hemianaesthesia in a man Following Injury //Archives of Medicine. X. 1883. P. 88–95; *G. L. Walton.* Case of Hysterical Hemianaesthesia, Convulsions and Motor Paralysis Brought by the Fall // Boston Medical and Surgical Journal. CXI. 1884. P. 558–559. *James Putnam.* Recent investigations into the Pathology of so-called Concussion of the Spine // Boston Medical and Surgical Journal. CIX. 1883. P. 217–220.

[94] *R. Thomsen and H. Oppenheim.* Über das Vorkommen und die Bedeutung der Sensorischen Anasthesie bei Erkrankungen des Zentralen Nervensystems // Archiv für Psychiatrie. XV. 1884. S. 559–583, 633–680, 656–667.

[95] *Josef and Renee Gicklhorn.* Sigmund Freud's akademische Laufbahn. S. 82–89.

[96] *Anzeiger der K. K.* Gesellschaft der Aertze in Wien. 1886. № 25. S. 149–152.

[97] Allgemeine Wiener Medizinische Zeitung. XXXI. 1886. S. 768.

[98] Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXVI. 1886. S. 1445–1447.

[99] Miinchner Medizinische Wochenschrift. XXXIII. 1886. S. 768.

[100] Wiener Medizinische Presse. XXVII. 1886. S. 1407–1409. (Подробный отчет Артура Шницлера).

[101] Wiener Medizinische Blatter. IX. 1886. S. 1292–1293.

[102] *Moritz Benedikt.* Elektrotherapie. Vienna: Tendler & Comp., 1868. S. 413–445.

[103] *Moriz Rosenthal.* Klinik der Nervenkrankheiten. 1870. 2. Aufl. Stuttgart: Enke, 1875. S. 466–467.

[104] *Dora Stockert-Meynert.* Theodor Meinert und seine Zeit. Vienna and Leipzig: Oesterreichischer Bundesverlag, 1930. (Приведены копия весьма лестного письма Шарко Мейнерту и рассказ о визите Мейнерта к Шарко в 1892 году).

[105] *Paul Richer.* Etudes cliniques sur l'hystéro-épilepsie ou grande hystérie. Paris: Delahaye et Lecrosnier, 1881. P. 258.

[106] *Laquer* в: Neurologisches Centralblatt. VI. 1887. S. 429–432.

[107] *A. V. Luzenberger* (Assistent an der Psychiatrischen Klinik des Hofrathes Professor Meynert in Wien). Über einen Fall von Dyschromatopsie bei einem hysterischen Manne // Wiener Medizinische Blatter. IX. September 16, 1886. S. 1113–1126.

[108] Бамбергер был одним из четырех членов жюри, выделившего Фрейду стипендию для поездки в Париж. Фрейд работал в течение трех лет в лаборатории

Мейнерта. В предыдущем году он три недели замещал врача в Лейдесдорфском санатории.

[109] *Sigmund Freud.* Beiträge zur Kasuistik der Hysterie. I. Beobachtung einer hochgradigen Hemianesthesie bei einem hysterischen Manne // Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXVI. 1886. S. 107–110.

[110] Это было показано на основании исследований в архивах Общества К. Сабликом: K. Sablik. Sigmund Freud und die Gesellschaft der Aerzte in Wien // Wiener Klinische Wochenschrift. LXXX. 1968. S. 107–110.

[111] *Arthur Schnitzler.* Review of Charcot's Lectures on the Diseases of the Nervous System. Translated by Sigmund Freud // Internationale Klinische Rundschau. I. 1887. S. 19–20.

[112] Прилагательное gestreich, буквально означающее «исполненный мудрости», временами может иметь дополнительный иронический оттенок, используемый при оценке человека науки. Оно подразумевает, что вышеупомянутый может содержать в себе больше воображения, чем критического разума.

[113] См.: *Georges Gilles de la Tourette.* Traité clinique et thérapeutique de l'hysterie d'après l'enseignement de La Salpêtrière. Paris: Plon, 1901. P. 76–88.

[114] *Sigmund Freud.* Bemerkungen über Cocainsucht und Cocainfurcht // Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXVII. 1887. S. 929–932.

[115] Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXVII. 1887. S. 138,200–201.

[116] *Theodor Meynert.* Beitrag zum Verständnis der traumatischen Neurose // Wiener Klinische Wochenschrift. 1889. S. 489–502.

[117] *Renee Gicklhorn.* Das erste öffentliche Kinder-Kranken-Institut in Wien // Unsere Heimat. XXX. 1959. S. 146–157.

[118] Мы следуем данным и орфографии имен, указанным в Heimat Rolle в Вене.

[119] *Hippolyte Bernheim.* Die Suggestion und ihre Heilwirkung. Übersetzung von Sigmund Freud. Vienna and Leipzig: Deuticke, 1889.

[120] *Hippolyte Bernheim.* Neue Studien über Hypnotismus, Suggestions und Psychotherapie. Übersetzung von Sigmund Freud. Vienna and Leipzig: Deuticke, 1892.

[121] *Sigmund Freud.* Über Hypnose und Suggestion. Originalbericht. // Internationale Klinische Rundschau. VI. 1892. S. 814–818.

[122] Этот перевод существует в двух вариантах. Тексты их идентичны; единственное различие содержится в названиях и датах, которые приводятся ниже: 1) Poliklinische Vortage von Prof. J.M. Charcot, übersetzt von Sigmund Freud. Mit zahlreichen Holzschnitten im Text. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1892; 2) Poliklinische Vortrage von Prof. J.M. Charcot, iibersetzt von Sigmund Freud. I Band. Schuljahr 1887/88. Mit 99 Holzschnitten. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1894.

[123] *Ludwig Eisenberg.* Das geistige Wien. Künstler- und Schriftstellerlexikon. II. Medizinisch-naturwissenchaftlicher Theil. Vienna: Daberkow, 1933.

[124] См. с. 168–169 наст. изд.

[125] *Max Schur.* Some additional «Day Residues» of The Specimen Dream of Psychoanalysis// Rudolf M. Loewenstein et al. Psychoanalysis, a General Psychology. Essays in Honor of Heinz Hartmann. New York: International Universities Press, 1966. P. 45–85.

[126] Так он рассказывает об этом Флиссу вскоре после этого эпизода. В «Толковании сновидений», однако, замечание описывается следующими словами: «От вас требуют закрыть глаза или один глаз».

[127] *Edith Buxbaum.* Freud's Dream Interpretation in the Light of his Letter to Fliess // Bulletin of the Menninger Clinic. XV. 1951. S. 197–212.

[128] *Didier Anzieu.* L'Auto-Analyse. Son Role dans la decouverte de la Psychanalyse par Freud. Sa Fonction en psychanalyse. Paris: Presses Universitaires de France, 1959.

[129] *H. F. Ellenberger.* La Maladie Creatrice // Dialogue, Canadian Philosophical Review. III. 1964. P. 25–41.

[130] См. главу 4. С. 252.

[131] См. с. 285–291 наст. изд.

[132] *Sigmund Freud.* Aus den Anfängen der Psychoanalyse. S. 178. The Origins of Psychoanalysis. P. 167.

[133] *Sigmund Freud.* Aus den Anfängen der Psychoanalyse. S. 178. The Origins of Psychoanalysis. S. 156.

[134] *C. S. Freund.* Über psychische Lähmungen // Neurologisches Centralblatt. XIV. 1895. S. 938–946.

[135] *Sigmund Freud.* Aus den Anfängen der Psychoanalyse. S. 145. The Origins of Psychoanalysis. S. 135. В действительности в статье Фройнда нет ничего такого, что могло бы вызвать подобные обвинения.

[136] Это видно из определенных выражений, как, например, meinen Kollegen zum Trotz (вопреки мнению моих коллег) — в письме от 30 мая 1896 года; или когда он хвастает тем, что был груб (frech) с ними.

[137] *Sigmund Freud.* Bruchstück einer Hysterie-Analyse // Monatsschrift für Neurologie und Psychiatrie. XVIII. 1906. S. 436. (Вспомним, что эта статья была написана в 1901 году и опубликована пятью годами позднее.) Standard Edition. VII. P. 130–243.

[138] *J. von Uexkuell.* Niegeschaute Welten. Berlin: S. Fischer,. 1936. S. 133–145.

[139] *Paul Valery.* Autres Rhumbs // Paul Valery. Oeuvres. Ed. Pleiade. Paris: Gallimard, 1960. II. P. 673.

[140] «Noli foras ire, in teipsum redi; in interiore homine habitat veritas». De vera religione, Chap. 39. Par. 72.

[141] III Intemationaler Kongress für Psychologie in München vom 4–7. August 1896. Munich: J. F. Lehmann. 1897. S. 369.

[142] *A. W. Renterghem.* Liebeault en zijne School. Amsterdam: Van Rossen, 1898. S. 133.

[143] *Julius Leopold Pagel.* Biographisches Lexikon hervorragender Aerzte des neunzehnten Jahrhunderts. Berlin: Urban, 1901. S. 545.

[144] C. *Tournier.* Essai de classification etiologique des nevroses // Archives d'Anthropologie Criminelle. XV. 1900. P. 28–39. За всю свою жизнь Турнье собрал громадное количество материала, но опубликовал весьма малую его часть.

[145] См. с. 41 наст. изд.

[146] Jahrbuch fur Psychiatrie und Neurologie. 1901. S. 391.

[147] *Josef and Renee Gicklborn.* Sigmund Freud's Akademische Laufbahn. 1960. S. 99.

[148] Это хорошо продемонстрировано Эриком Эриксоном в: *Erik H. Erikson.* The Dream Specimen of Psychoanalysis // Journal of the American Psychoanalytic Association. I. 1954. S. 5–56.

[149] В качестве примера можно привести рассказ Фрейда о том, как, приходя дважды в день для того, чтобы сделать инъекцию пациенту, он сплевывал на лестнице, чтобы разозлить консьержку, но он говорит, что виновата в этом она сама, так как не поставила там плевательницу. (Traumdeutung. S. 165). Эта подробность кажется довольно грубой для современного читателя, но в те времена, когда плевки были обычными и приемлемыми, плевательницы предоставлялись обывателям почти с такой же щедростью, как теперь пепельницы, и ничего необычного в его поведении не было.

[150] Эта история не кажется вполне убедительной. Мейнерт не отрицал существования мужской истерии, как показано в публикации статьи Лузенбергера. Истерия — болезнь, которую, преимущественно, не скрывают. Исследования, проведенные автором среди австрийских знатоков истории медицины, раскрыли их скептицизм в отношении предполагаемой «мужской истерии» Мейнерта. Даже предполагая, что Мейнерт был способен скрыть, что страдает мужской истерией, можно ли представить себе, что после нескольких лет полемики с Фрейдом он мог призвать его к своей смертной постели, чтобы сделать подобное признание?

[151] *Theodor Gomperz.* Traumdeutung und Zauberei, ein Blick auf das Wesen des Aberglaubens. Vienna: Carl Gerold's Sohn, 1866.

[152] Существовало несколько употреблявшихся синонимов, Traumauslegung (истолкование), Interpretation der Traume (интерпретация видения во сне), Deutung des Traumes (объяснение сновидений) и т. д. Traumdeutung (истолкование сновидений) напоминает один термин Stemdeutung (из астрологии).

[153] *Virgil.* Aeneis. VII. v. 312, trans. H. Rushton-Fairclough // Loeb Classical Library. Virgil, revised ed. 1954. II. R 25.

[154] *Sigmund Freud.* Aus den Anfängen der Psychanalyse. S. 260. (В авторизованном английском переводе — The Origins of Psychoanalysis. P. 244; количество терминов, использовавшихся Фрейдом, было уменьшено).

[155] *Hans Blither.* Werke und Tage. Geschichte eines Denkers. Munich: Paul List, 1953. S. 253.

[156] *Use Bry and Alfred H. Rifkin.* Freud and the History of Ideas: Primary Sources, 1886–1910 // Science and Psychoanalysis V. 1962. P. 6–36.

[157] *Josef and Renee Gicklhorn.* Sigmund Freud's Akademische Laufbahn im Lichte der Dokumente. Vienna: Urban & Schwarzenberg, 1960.

[158] *K. R. Eissler.* Zwei bisher übersehene Dokumente zur akademischen Laufbahn Sigmund Freuds //Wiener klinische Wochenschrift LXXVIII. 1966. S. 16–19.

[159] *K. R. Eissler.* Sigmund Freud und die Wiener Universitat. Bern: Verlag Hans Huber, 1966.

[160] *A. Engelbrecht.* Wilhelm Ritter von Hartel // Jahresbericht über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft. CXLI. 1908. S. 75–107.

[161] *Karl Kraus.* Die Fakultät in Liquidation // Die Fackel. V. October 17. 1903. № 144. S. 4–8.

[162] *Renee Gicklhorn.* Eine mysteriöse Bildaffare // Wiener Geschichtblatter. XIII. 1958. S. 14–17.

[163] *K. R. Eissler.* Kritische Bemerkungen zu Renee Gicklhoms Beitrag Eine mysteriöse Bildaffäre // Wiener Geschichtsblatter. XIII. 1958. S. 55–60.

[164] Благодаря любезности госпожи профессора Эбенштейн, директора Австрийской галереи, автор получил возможность увидеть в запасниках Музея картину Орлика. Это — произведение в масле, с размерами 55 x 38 см., стоимостью примерно 100 долларов США.

[165] *Use Bry and Alfred H. Rifkin.* Freud and the History of Ideas: Primary Sources, 1886–1910 // Science and Psychoanalysis V. 1962. P. 6–36.

[166] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. I. P. 332.

[167] См. с. 441–442 наст. изд.

[168] Здесь мы следуем по стопам Эрнеста Джонса в его книге: *Ernst Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. III. P. 89.

[169] *Thomas Mann.* Freud und die Zukunft. Vienna: Bermann-Fischer Verlag, 1936.

[170] *Stefan Zweig.* Worte am Sarge Sigmund Freud // Erbe und Zukunft. II. 1947. S. 101–102.

[171] *Anna Freud Bernays.* My Brother, Sigmund Freud // American Mercury. LI. 1940. P. 335–342.

[172] *Renee Gicklhorn.* Eine Episode aus Sigmund Freuds Mittelschulzeit // Unsere Heimat. XXXVI. 1965. S. 18–24.

[173] *Rene Laforgue.* Ein Bild von Freud // Zeitschrift für Psychoterapie und Medizinische Psychologie. IV. 1954. 210–217.

[174] *Martin Freud.* Glory Reflected. Sigmund Freud. Man and Father. London: Angus and Robertson, 1957.

[175] Этот документ был найден в Архиве военного министерства госпожой профессором Рене Гиклхорн, которая с величайшей щедростью подарила автору фотокопию и разрешила использовать ее в данной работе.

[176] Автор показал этот документ своему престарелому другу в Вене, знакомому с архивными изысканиями, который в юности служил в австро-венгерской армии. После тщательного прочтения он с улыбкой вернул документ автору и сказал: «Это доказывает, что Фрейд был в дружеских отношениях с офицером, писавшим этот отчет».

[177] *Adelbert Albrecht.* Prof. Sigmund Freud. The Eminent Vienna Psycho-Therapeutist Now in America // Boston Evening Transcript. September 11, 1909. P. 3.

[178] *Raymond Recouly.* A Visit to Freud // Outlook. New York. CXXXV. September 5, 1923. P. 27–29.

[179] *Max Eastman.* Heroes I Have Known. Twelve Who Lived Great Lives. New York: Simon and Schuster, 1942. P. 261–273.

[180] *Andre Breton.* Les Pas Perdus. Paris: Gallimard, 1924. P. 116–117.

[181] *H.R. Lenormand.* Les Confessions d'un auteur dramatique, 2 vols. Paris: Albin Michel, 1949. I. P. 210–271.

[182] *J. H. Schultz.* Psychotherapie, Leben und Werk grosser Aertze. Stuttgart: Hippokrates- Verlag, 1952.

[183] *V. von Weizsacker.* Erinnerungen eines Arztes. Natur und Geist. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1954. S. 173–174.

[184] *Emil Ludwig.* Der entzauberte Freud. Zürich: Carl Posen Verlag, 1946. S. 177–180.

[185] *Odette Pannetier.* Visite au Professor Freud. Je me fais psychanalyser // Candide. XIII. № 645 (Juli 23, 1936).

[186] *Roy R. Grinker.* Reminiscences of a Personal Contact with Freud// American Journal of Orthopsychiatry. X. 1940. P. 850–854.

[187] *Hilda Doolittle.* Writings on the Wall // Life and Letters Today. XLV. 1945. P. 67–98, 137–154; XLVI. P. 72–89, 136–151; XLVIII. P. 33–54.

[188] *Joseph Words.* Fragments of Analysis with Freud. New York: Simon and Schuster, 1954.

[189] *Bruno Goetz.* Erinnerungen an Sigmund Freud // Neue Schweizer Rundschau. XX. May 1952. S. 3–11.

[190] Notes on the Seminar in Analytical Psychology Conducted by Dr. C.G. Jung. Zurich, March 23-July 6, 1925. Материалы собраны участниками семинара (машинопись). Zürich, 1926.

[191] Один из подобных примеров произошел в 1936 году, когда он отказался от встречи с Жане в Вене, веря (совершенно необоснованно) в то, что Жане оскорбил его в 1913 году. Другой пример — его высказывание, когда он услышал о смерти Адлера.

[192] Эрнест Джонс (*Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. I. P. 335–336) рассказывает о «фобии к путешествиям», так как Фрейд приезжал на станцию за час до отхода поезда. В действительности, это был практический навык — приходить вовремя, если места нельзя было зарезервировать заранее.

[193] Те венцы, которым действительно не нравилась Вена, эмигрировали; любившие ее притворялись, что ненавидят, но оставались. «Венец — человек несчастливый по собственной вине, он ненавидит венцев, но и не может жить без венцев», — сказал Германн Бар *(Hermann Bahr.* Wien. Stuttgart: Krabbe, 1906. S. 9). Мартин Фрейд *(Martin Freud.* Glory Reflected. London: Angus and Robertson, 1957. P. 48) выражает сильные сомнения по поводу предположений, что его отец не любил Вену.

[194] *Sigmund Freud.* Foreword to the Hebrew translation of Totem and Taboo, Gesammelte Schriften. XII. 1934, 385. Standard Edition. XIII. P. 15.

[195] Фрейд никогда не выражал симпатий в отношении сионизма, как не был лично знаком с Теодором Герцлем, хотя оба жили в Вене и имели множество общих знакомых. Имя Фрейда ни разу не упоминается на опубликованных 1800 страницах дневника Герцля: *Theodor Herzl.* Tagebucher, 3 vols. Berlin: Jiidischer Verlag, 1922–1923.

[196] *Stanley Edgar Hyman.* Freud and Boas: Secular Rabbis? // Commentary. Vol. XXVII.

[197] Боас Франц (1858–1942) — известный антрополог XX века. — *Прим. ред.*

[198] *David Riesman.* Individualism Reconsidered and Other Essays. New York: The Free Press, 1954. P. 305–408.

[199] *Фриц Виттельс.* Фрейд, его личность, учение и школа. ГИЗ, Л., 1925. С. 3–46.

[200] Среди различных исследований Фрейда как писателя обратите особое внимание на работу Вальтера Мушга: *Walter Muschg.* Freud als Schriftsteller // Die Psychoanalytische Bewegung. II. 1930. S. 467–509.

[201] *Ludwig Koehler,* Neue Zürcher Zeitung. № 667 (April 16, 1939).

[202] *P.J. Moebius.* Ausgewählte Werke. Vol. 5. Nietzsche. Leipzig: Barth, 1904.

[203] *Charles E. Maylan.* Freuds tragischer Komplex. Eine Analyse der Psychoanalyse. Munich: Ernst Reinhardt, 1929.

[204] *Maurice Natenberg.* The Case History of Sigmund Freud. A Psychobiography. Chicago: Regent House, 1955.

[205] *Erich Fromm.* Sigmund Freud's Mission. An Analysis of his Personality and Influence. New York: Grove Press, 1963.

[206] *Percival Bailey.* Sigmund the Unserene. A Tragedy in Three Acts. Springfield. III.: Charles C. Thomas, 1965.

[207] *Maryse Choisy.* Sigmund Freud: A New Appraisal. New York: Philosophical Library, 1963. P. 48.

[208] *Franz Alexander.* The Neurosis of Freud // Saturday Review of Literature. November 2, 1957. P. 18–19.

[209] *Robert Merton.* Resistance to the Systematic Study of Multiple Discoveries in Science // Archives Europeennes de Sociologie. IV. 1963. P. 237–282.

[210] *Maryse Choisy.* Sigmund Freud. A New Appraisal. New York: Philosophical Library, 1963. P. 48–49.

[211] *Marthe Robert*. La Revolution psychanalique. Paris: Payot, 1964. 1. P. 93–94.

[212] Одним среди множества примеров является вера Фрейда в то, что «Толкование сновидений» было встречено только молчанием или разрушительной критикой, когда фактически книга получила множество положительных или даже восторженных отзывов.

[213] *K. R. Eissler*. Freud: Versuch einer Personlichkeitsanalyse (машинопись). Автор чрезвычайно благодарен доктору Эйслеру за то, что он одолжил ему рукопись исследования и позволил цитировать ее в этой книге.

[214] *K. R. Eissler*. Goethe: A Psychoanalytic Study, 1775–1786. 2 vols. Detroit: Wayne State University Press, 1963.

[215] *E. Menninger-Lerchenthal*. Julius Wagner-Jauregg // Die Furche. April 20, 1957.

[216] *Julius Wagner-Jauregg*. Lebenserinnerungen. L. Schonbauer and M. Jentch eds. Vienna: Springer-Verlag, 1950.

[217] См. с. 483–488 наст. изд.

[218] *K. R. Eissler*. Julius Wagner-Jaureggs Gutachten iiber Sigmund Freud und seine Studien zlir Psychoanalyse//Wiener Klinische Wochenschrift. LXX. 1958. S. 401–107.

[219] *Henry Schnitzler*. Freuds Briefe an Arthur Schnitzler // Die Neue Rundschau. LXVI. 1958. S. 401–407.

[220] *Arthur Schnitzler*. Über funktionelle Aphonie und deren Behandlung durch Hypnose und Suggestion // Internationale Klinische Rundschau. III. 1889. S. 405–408.

[221] Wiener Medizinische Presse. XXVII. 1886. S. 1407–1409.

[222] Internationale Klinische Rundschau. I. 1887. S. 19–20.

[223] Internationale Klinische Rundschau. III. 1889. S. 891–893.

[224] *Arthur Schnitzler*. Wiener Klinische Rundschau. IX. 1895. S. 662–663, 679–680, 696–697.

[225] См. *Olga Schnitzler*. Spiegelbild der Freundschaft. Salzburg: Residenz Verlag, 1962.

[226] *Arthur Schnitzler*. Anatol (1889) // Gesammelte Werke. I. Abt.: Die Theaterstiicke. Berlin: S. Fischer, 1912.1. S. 9–107.

[227] *Arthur Schnitzler*. Paracelsus (1892) // Gesammelte Werke. I. Abt. Die Teatralische stücke. Berlin: S. Fisher, 1912. II. S. 957.

[228] *Arthur Schnitzler*. Leutnant Gustl. Berlin: S. Fisher, 1901.

[229] *Arthur Schnitzler*. Frau Beate und ihr Sohn. Berlin: Fisher, 1913.

[230] *Sigmund Freud*. Zeitgemasses über Krieg und Tod // Imago. IV. 1915. S. 1–21.

[231] *Arthur Schnitzler*. Über Krieg und Frieden. Stockholm: Bermann-Fisher Verlag, 1939.

[232] *Arthur Schnitzler*. Der Geist im Wort und der Geist in der Tat. Berlin: S. Fisher, 1927.

[233] *Arthur Schnitzler.* Buch der Spruche und Bedenken. Aphorismen und Fragmente. Vienna: Phaidon-Verlag, 1927.

[234] *Arthur Schnitzler.* Flucht in die Finstemis. Berlin: S. Fisher, 1931.

[235] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1957. III. S. 84.

[236] *Hermann Hesse.* Der Regenmacher in Das Glasperlenspiel. Zürich: Fretz and Wasmuth, 1943. II. S. 261–328.

[237] *Louis Agassiz.* The Methods of Study in Natural History. 14-th ed.; Boston: Houghton, Mifflin and Company, 1882. P. 296–298.

[238] Агассиз сказал: «Я показал, что существует связь между последовательностью появления рыб в геологических периодах и различными стадиями их развития в яйце, — всего-навсего». Что же касается Карла Эрнста фон Баера, работа его жизни сконцентрировалась в следующей фразе: «Все животные возникают из яиц, и в начале все яйца одинаковы».

[239] *Sigmund Freud.* Beobachtungen über Gestaltung und feineren Bau der als Hoden beschrieben Lappenorgane des Aals // Zitungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. LXXV. I. Abt. 1877. S. 417–431.

[240] Über den Ursprung der hinteren Nervenwurzeln im hinteren Ruckenmark Ammocoetes (Petromyzon Planeri) // Sitzungsberichte der Mathematisch-Naturwissenschatlichen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. LXXV. III. Abtheilung. 1877. S. 15–27.

[241] *Sigmund Freud.* Eine neue Methode zum Studium des Faserverlaufes im Centralnerven-system // Archiv für Anatomie und Psychologie, Anatomische Abt. 1884. S. 244–246, 276–279.

[242] *Sigmund Freud.* Die Struktur der Elemente des Nervensystems // Jahrbücher für Psychiatrie. V. 1884. S. 221–229.

[243] *Sigmund Freud.* Ein Fall von Himblutung mit indirekten basalen Herdsymptomen bei Skorbut // Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXIV 1884. S. 244–246, 276–279.

[244] *Sigmund Freud.* Ein Fall von Muskelatrophie mit ausgebreiteten Sensibilitätsstörungen (Syringomyelie) // Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXVI. 1886. S. 168–172.

[245] *Sigmund Freud.* Acute multiple Neuritis der Spinalen- und Himnerven // Wiener Medizinische Wochenschrift. XXXVI. 1886. S. 168–172.

[246] *Sigmund Freud und Oskar Rie.* Klinische Studie über die halbseitige Cerebrellähmung der Kinder. Vienna: Deuticke, 1891.

[247] *Sigmund Freud.* Zur Auffasung der Aphasien. Eine kritische Studie Leipzig and Vienna: Deuticke, 1891.

[248] *H. Steinthal.* Einleitung in die Psychologie der Sprachwissenschaft, 2. Berlin: Dummler, 1881.

[249] На значимость теории Штейнталя указал Анри Делакруа в работах: *Henri Delacroix.* Linguistique et Psychologie // Journal de Psychologie. XX. 1923.

S. 798–825; Le langage et la pensee. Paris: Alcan, 1924. P. 493–494. См. также работу Отто Маркса: *Otto Marx.* Aphasia Studies and Language Theory in the 19th century // Bulletin of the History of Medicine. XL. 1966. P. 328–349.

[250] *A.M. Ombredane.* L'Aphasie et l'elaboration de la pensee explicite. Paris: Presses Universitaries de France, 1951. P. 107–109.

[251] Джонс говорит, что ни одной книги Фрейда об афазии не существует в английских библиотеках, и что она не упоминается Хедом (Head). Автор навел справки в двух библиотеках Лондона, в библиотеках Британского Музея и Исторического Музея Welcome, и обнаружил, что они обе владеют копиями оригинального немецкого издания. Новая концепция Фрейда об агнозии признана Генри Хедом в книге: *Henri Head.* Aphasia and Kindred Disorders of Speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1926. I. P. 105. Книга Фрейда цитировалась как в сочинениях других авторов, так и Анри Бергсоном в: *Henri Bergson.* Matiere et Memoire. Paris: Alcan, 1896. P. 131.

[252] *Emil Rosenthal.* Contribution à l'etude des diplégies cerebrales de l'enfance. These Med. Lyon. № 761 [1892–1893]. (Диплегия — двусторонний паралич, поражающий соответствующие части с обеих сторон тела. — *Прим. пер.*)

[253] *Sigmund Freud.* Zur Kenntniss der cerebralen Diplegien des Kinderalters. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1893.

[254] Internationale Klinische Rundschau. VII. 1893. S. 1209.

[255] *Sigmund Freud.* Les Diplegies cerebrales infantiles // Review Neurogique. I. 1893. P. 177–183.

[256] *Sigmund Freud.* Die infantile Cerebellähmung // Hermann Notnagel. Specielle Pathologie und Therapie. IX. Band, II. Theil, II. Abt. Vienna: Alfred Holder, 1897.

[257] Цитировано Ван Гехухтеном в следующей статье.

[258] *Van Gehuchlen.* Contribution à l'étude du faisceau pyramidal // Journal de Neurologie et d'Hypnologie. I. 1897. P. 336–345.

[259] Впервые опубликовано под названием Entwurf einer Psychologie в: *Sigmund Freud.* Aus den Anfangen der Psychoanalyse. London: Imago Publishing Co., 1950. P. 371–466.

[260] См. *H. F. Ellenberger.* Fechner and Freud // Bulletin of the Menninger Clinic. XX. 1956. S. 201–214.

[261] *Heinrich Sachs.* Vorträge über Bau und Thätigkeit des Grosshirns und die Lehre von der Aphasie und Seelenblindheit für Aerzte und Studierende. Breslau: Preuss and Jünger, 1893. S. 110.

[262] *Peter Amacher.* Freud's Neurological Education and its Influence on Psychoanalytic Theory // Peter Amacher. Psychological Issues. No 4. New York: International Universities Press, 1965.

[263] *E. Brücke.* Vorlesungen über Psychologie 2 vols. Vienna: Braumüller, 1876.

[264] *Theodore Meynert.* Klinische Vorlesungen über Psychiatrie. Vienna: Braumüller, 1890.

[265] *Sigmund Exner.* Entwurf zu einer physiologischen Erklärung der psychischen Erscheinungen. Vienna: Deuticke, 1894.

[266] Blatter des Jüdischen Frauenbundes. Vol. XII. № 7–8 (Juli-August 1936), специальный выпуск, посвященный Берте Паппенгейм.

[267] *Dora Edinger.* Bertha Pappenheim, Leben und Schriften. Frankfurt-am-Main: Ner-Tamid-Verlag, 1963.

[268] Идентичность Берты Паппенгейм и Анны О. Дора Эдингер подтверждает в своей биографии, кроме того, о том же свидетельствовали при личном общении с автором члены семей Брейера и Паппенгейма.

[269] *Josef Breuer and Sigmund Freud.* Studien über Hysterie. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1895. S. 15–37. Standard Edition. II. P. 21–17.

[270] *Ernest Jones.* The Life and the Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. 1. P. 21–47.

[271] Notes on the Seminar in Analytical Psychology Conducted by Dr. C.G. Jung. Zürich, 1925. March 23 — July 6. Материалы собраны участниками семинара (машинопись). Zürich, 1926.

[272] Госпожа Дора Эдингер сообщила автору, что, в соответствии с подборкой документов, недавно обнаруженной во франкфуртском городском архиве, Берта Паппенгейм с матерью переехали в этот город в ноябре 1888 года. Оказалось невозможным выяснить, где они проживали в период между 1882 и 1888 годами.

[273] Дата смерти отца Анны О., сообщенная Брейером, однако, идентична дате смерти Зигмунда Паппенгейма, как утверждается в Heimat-Rolle в Вене.

[274] Джонс добавляет, что Дора Брейер покончила самоубийством в Нью-Йорке в 1942 году; в действительности, согласно информации, полученной из еврейской общины в Вене, она покончила с собой в Вене, чтобы избежать гибели от рук нацистов.

[275] Автор считает себя в долгу перед господином Шраммом из Гросс Энзендорфа, господином Карлом Ньюмайером — мэром Инзендорфа и перед доктором Подгайски — директором Венского психиатрического госпиталя (Psychiatrisches Krankenhaus der Stadt Wien) за оказанную помощь при проведении изысканий.

[276] Mea culpa! В предыдущих публикациях автор описывал историю Анны О. в соответствии с версией Джонса, не удосужившись применить правило: Проверяй все!

[277] См. с. 102–108 наст. изд.

[278] *Juan Dalma.* La Catarsis en Aristoteles, Bernays y Freud // Revista de Psiquiatn'a y Psicologfa Medical. VI. 1963. P. 253–269; Reminiscencias Culturales Clasicas en Algunas Corrientes de Psicologia Moderna // Revista de la Facultad de Medicina de Tucuman. V. 1963. P. 301–332.

[279] *Jacob Bernays.* Zwei Abhandlungen über die Aristoteles Theorie des Drama. Berlin: Wilhelm Hertz, 1880.

[280] *Wilhelm Wetz.* Shakespeare vom Standpunkte der vergleichenden Literaturgeschichte. Hamburg: Haendcke, Lehmkübe, 1897.1. S. 30. Ветц жаловался, что за этими трактатами Бернайса наступило такое сумасшествие по поводу катарсиса, что сравнительно небольшая горстка людей сохранила интерес к истории драмы.

[281] См.: *Ola Andersson.* Studies in the Prehistory of Psychoanalysis. Stockholm: Norstedts, 1962.

[282] *Albert Villaret.* Article Hysterie // Handworterbuch der gesamten Medizin (Stuttgart, 1888. 1. S. 886–892.

[283] *Josef Breuer and Sigmund Freud.* Studien über Hysterie. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1895. S. 37–89. Standard Edition. 48–105.

[284] *Ola Andersson.* A Supplement to Freud's Case History of Frau Emmy von N. (неопубликованная статья).

[285] *Werner Leibbrand.* Sigmund Freud // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker and Humblot, 1961. V. S. 407–409.

[286] The Chronology of the Case of Frau Emmy von N. Приложение к английскому переводу книги: *Josef Breuer and Sigmund Freud.* Studies in Hysteria // Sigmund Freud. Complete Works. Standard Edition. II. P. 307–309.

[287] У Фрейда в истории болезни госпожи Эмми Н. содержится единственная точно указанная хронологическая ссылка: пациентка была напугана, после того как прочла 8 мая 1889 года в газете «Frankfurter Zeitung» о жестоком обращении с подмастерьем. В ответ на запрос автора Архивный отдел газеты информировал его, что такой статьи не было во «Frankfurter Zeitung» в течение всего мая 1889 года. Этот случай мог бы подтвердить предположение, высказанное редакторами стандартного издания, о том, что в этой истории Фрейд изменил не только имена людей и названия мест, но и хронологию событий.

[288] Эта лекция получила рецензию в «Internationale Klinische Rundschau». VI. 1892. S. 814–818, 853–856.

[289] *Sigmund Freud.* Ein Fall von hypnotischer Heilung nebst Bemerkungen über die Entstehung hysterischer Symptome durch den Gegenwillen // Zeitschrift fur Hypnotismus. I. 1893. S. 102–107, 123–129. Standard Edition. I. P. 117–128.

[290] Работа была рецензирована доктором Мандлем (Em. Mandl) в: Internationale Klinische Rundschau. VII. 1893. S. 107–110.

[291] *Sigmund Freud.* Quelques considérations pour une étude comparative des paralysies motrices organiques et hystériques // Archives de Neurologie, XXVI. 1893. P. 29–43. Standard Edition. I. P. 160–172.

[292] Работа была рецензирована доктором Мандлем в: Internationale Klinische Rundschau. VII. 1893. S. 868–869.

[293] *Josef Breuer and Sigmund Freud.* Über den psychischen Mechanismus hysterischer Phanomene (Vorläufige Mitteilung) // Neurologishes Centralblatt. XII. 1893. S. 4–10,43–47. Standard Edition. II. P. 3–17.

[294] См. с. 398 наст. изд.

[295] *Sigmund Freud.* Charcot // Wiener Medizinische Wochenschrift. XLIII. 1893. S. 1513–1520. Standard Edition. III. P. 11–23.

[296] *Paul Richer.* Etudes cliniques sur l'hystero-epilepsie ou Grande Hysterie. Paris: Delahaye and Lecrosnier, 1881. P. 103, 116, 122.

[297] *Sigmund Freud.* Die Abwehr-Neuro-Psychosen // Neurologisches Centralblatt. XIII. 1893. S. 362–364, 402–409. Standard Edition. III. P. 45–61.

[298] *Sigmund Freud.* Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomcomplex als «Angstneurose» abzutrennen // Neurologisches Centralblatt. XIV. 1893. S. 50–66. Standard Edition. III. P. 90–115.

[299] *Ewald Flecker.* Über larvierte und abortive Angstzustände bei Neurasthenie // Centrablatt für Nervenheilkunde, XVI. 1893. S. 565–572.

[300] *Maurice Krishaber.* De la névropathie cérébro-cardiaque. Paris: Masson, 1873.

[301] *P. J. Kowalevsky.* Die Lehre vom Wesen der Neurasthenie // Centralblatt für Nervenheilkunde. XIII. 1890. S. 241–244, 294–319.

[302] *Josef Breuer and Sigmund Freud.* Studien über Hysterie. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1895. Standard Edition, vol. II.

[303] *Sigmund Freud.* L'Hérédité et l'étiologie des névroses // Revue Nevrologique. IV. 1893. P. 161–168; Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Nervopsychosen // Neurologisches Centrablatt. XV. 1896. S. 434–448. Standard Edition. III. P. 143–156,162–185.

[304] *Sigmund Freud.* Zur Etiologie der Hysterie // Wiener Klinische Rundschau. X. 1896. S. 379–381, 395–397, 413–415, 432–433, 450–452. Standard Edition. III. P. 191–221.

[305] Об этом обстоятельстве уже упоминалось в теории Шарко о Grande Hysterie, развитой Полем Рише: *Paul Richer.* Etudes cliniques sur la grande hystérie ou hystéro-épilepsie. Paris: Delahaye and Lecrosnier, 1881.

[306] Это была терапевтическая процедура Жане.

[307] *Sigmund Freud.* Aus den Anfängen der Psychoanalyse. London: Imago, 1950. P. 229–232. (Письмо Флиссу от 21 сентября 1897 года); Origins of Psychoanalysis. P. 215–218.

[308] Обычно термин Tiefenpsychologie («глубинная психология») приписывают Юджину Блейлеру; он стал популярным в то время, когда психоанализ приравнивался к психологии бессознательного.

[309] См. гл. 3. С. 153–155.

[310] См. гл. 3. С. 187–191.

[311] См. гл. 5. С. 344–361.

[312] Убежденность Фрейда (Traumdeutung. S. 58, Standard Edition. IV. P. 83) в том, что книга Шернера написана в столь высокопарном стиле, что вызывает отвращение у читателя, справедлива только для предисловия, но не для книги в целом; она написана четко и основана на реальных фактах, хотя стилю недостает яркости изложения.

[313] *Karl Albert Schemer.* Das Leben des Traumes. 1861. S. 203.

[314] *Lynkeus* <псевдоним Йозефа Пеппера>. Phantasien eines Realisten. Dresden: Carl Reissner, 1899. II. S. 149–163.

[315] Благодаря случайному совпадению, Филон Александрийский (иудейско-греческий философ, родился примерно в 20 г. до н. э., умер около 20 г. н. э. — *Прим. пер.*) уже написал: «Сами видения, видимые во сне, яснее и чище, по крайней мере, у тех людей, которые считают морально прекрасное более приемлемым для них самих, даже если их деяниям в часы бодрствования было бы нелишним заслуживать большего одобрения» (*Philo.* On Dreams, trans. by F. H. Colson and G. H. Whitaker, Loeb Classical Library, Philo. V. P. 453).

[316] Доктор Андре Кювелье (Andre Cuvelier) из Нанси, проведший специальное исследование работ Льебо (Liftbeault), сообщил автору, что идея о том, что «сновидение является хранителем сна», полностью противоположна доктрине Льебо. (Льебо полагал отдых хранителем сна, а сновидение — возбуждающим элементом.) Кажется, Фрейд, ссылаясь на Льебо, спутал его с каким-то другим, пока не идентифицированным автором.

[317] *Sigmund Freud.* Zum psychischen Mechanismus der Vergesslichkeit // Monatsschrift für Psychiatrie und Nevrologie. IV. 1898. S. 436–443. Über Deckerinnerungen. Ibid. VI. 1899. S. 215–230. Zur Psychopathologie des Alltaglebens (Vergessen, Versprechen, Vergreifen) nebst Bemerkungen über eine Wurzel des Aberglaubens. Ibid. X. 1901. S. 1–32, 95–143.

[318] *Sigmund Freud.* Zur Psychopathologie des Alltagslebens. Berlin: Karger, 1904. Standard Edition.VI.

[319] *Sigmund Bernfeld.* An Unknown Autobiographical Fragment by Freud // American Imago. IV. 1946. P. 3–19.

[320] Шопенгауэр замечал, что люди, невольно ошибаясь в счете денег, чаще всего делают это в свою пользу.

[321] *Wolfgang von Goethe.* Hör-, Schreib-, und Drückfehler in Goethes Werke. Stuttgart and Tubingen: J.C. Cotta, 1833. XLV. S. 158–164.

[322] *Rudolf Meringer and Carl Mayer.* Versprechen und Verlesen. Berlin: Behrs Verlag, 1895.

[323] *Hans Gross.* Handbuch für Untersuchungsrichter. 2te. Vermehrte Aufl. Graz: Leuschner und Lubensky, 1894. S. 90, 93.

[324] *Friedrich Theodor Vischer.* Auch. Einer. Eine Reisebekanntschaft. Berlin: Machler, 1879.

[325] *Jules Verne.* Voyage au centre de la terre. Paris: Hetzel, 1864.

[326] *Jules Verne.* Vingt Mille sous les mers. Paris: Hetzel, 1869.

[327] Например: *Herbert Silberer.* Der Zufall und die Koboldstreiche des Unbewussten. Bern: Bircher, 1921.

[328] *Sigmund Freud.* Der Witz und seine Beziehungen zum Unbewussten. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1905.

[329] *Theodor Lipps.* Komik und Humor. Hamburg: L. Voss, 1898.

[330] Случайно этот эпизод служит еще одним свидетельством против легенды, будто Фрейд «ненавидел Вену на протяжении всей жизни».

[331] *Roland Dalbiez.* La Methode psychanalytique et la doctrine freudienne. Paris: Desclee de Brouwer, 1936. 1. P. 7–37.

[332] *Sigmund Freud.* Bruchstück einer Hysterie-Analyse // Monatsschrift fur Psychologie und Neurologie. XVIII. 1905. S. 285–310. Standard Edition. VII. P. 7–122.

[333] См. гл. 5. С. 341.

[334] *Sigmund Freud.* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1905. Standard Edition. VII. P. 130–243.

[335] См. гл. 5. С. 344–350.

[336] *August Forel.* Rückblick auf mein Leben. Zürich: Europa-Verlag, 1935. S. 64–65.

[337] *Gregory Zilboorg.* Sigmund Freud, His Explorations of the Mind. New-York: Charles Scribner's Sons, 1951. P. 73–75.

[338] См. гл. 5. С. 351–353, а также с. 448–452 наст. изд.

[339] См. с. 41–42 наст. изд.

[340] Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen unter besonderer Berücksichtigung der Homosexualität. I. Leipzig: Max Spohr, 1899.

[341] См. гл. 5. С. 352–354, 358.

[342] *Patrice Georgiades.* De Freud a Platon. Paris: Fasquelle, 1934.

[343] См. гл. 4. С. 251–252.

[344] См. гл. 5. С. 351.

[345] *E. Gley.* Les Aberrations de l'instinct sexuel// Revue Philosophique. XVII. 1884.1. P. 66–92.

[346] *Max Dessoir.* Zur Psychologie der Vita sexualis // Allgemeine Zeitschrift fur Psychiatrie. L. 1894. S. 941–975.

[347] *Albert Moll.* Untersuchungen über die Libido sexualis. Berlin: H. Komfeld, 1898. Vol. I.

[348] *G. Herman.* «Genesis». Das Gesetz der Zeugung. Vol. V. Libido und Manie. Leipzig: Strauch, 1903.

[349] См. гл. 5. С. 344.

[350] *Erasmus Darwin.* Zoonomia; or the Laws of Organic Life I. London: J. Johnson, 1801. P. 200–201.

[351] *S. Lindner.* Das Saugen an den Fingem, Lippen etc. bei den Kindem (Ludeln) // J ahrbuch für Kinderheilkunde und Psychische Erziehung. Neue Folge. XIV. 1879. S. 68–69.

[352] *Charles Fourier.* Pages choisies. Charles Gide, ed. Paris: Recueli Sirey, 1932. P. 174–182. См. также: *Maxime Leroy.* Histoire des idées sociales en France. Paris: Gallimard, 1950. P. 246–292.

[353] *K. R. Hoffmann.* Die Bedeutung der Excretion im thierischen Organismus (1823). Цитировано в: Friedrich von Müller. Spekulation und Mystik in der Heilkunde.

Ein Überblick über die leitenden Ideen der Medizin im letzten Jahrhundert. Munich: Lindauer, 1914.

[354] *Friedrich S. Krauss und H. Ihm.* Den Unrat in Sitte, Brauch, Glauben und Gewohnheitsrecht der Völker von John Gregory Bourke. Leipzig: Ethnologisher Verlag, 1913.

[355] См. гл. 5. С. 350–357.

[356] *Sigmund Freud.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewusste. 1905. S. 47. Standard Edition. VIII. P. 59–60.

[357] *Heinrich Jung-Stilling.* Teobald oder die Schwarmer, eine wahre Geschichte. Frankfurt and Leipzig, 1785.

[358] См. гл. 5. С. 352.

[359] См. гл. 5. С. 330–332.

[360] *Choderlos de Laclos.* Les Liaisons dangereuses (1782). Ed. Plciade. Paris: Gallimard, 1958. P. 263.

[361] *Jules Laforgue.* Hamlet, ou Les Suites de la piété filiale // La Vogue. III. 1886, перепечатано в: Oeuvres Completes. Paris: Mercure de France, 1901. II. P. 17–72.

[362] *Stendhal.* Vie de Henry Brulard (1836). Paris: Union Generate d'Edition, 1964. Chap. 3. P. 57–67.

[363] *Hans Gustav Guterbock.* Kumarbi, Mythen vom churritischen Kronos. Zurich: Europa-Verlag, 1946.

[364] *Georges Dumezil.* Religion et mythologie prehistoriques des Indo-Europeens // Histoire generale des religions. Maxime Gorge and Raoul Mortier, eds. Paris: Quillet, 1948. I. P. 448–450.

[365] *Vasubandhu.* L'Abhidharmakosa de Vasubandhu. (На санскрите — «Сокровище Общего Закона» — положение внутри буддизма, подобное тому, которое занимает в римском католицизме сочинение Фомы Аквинского «Summa theologiae». — *Прим. ред.*) Trans, and annotated by Luis de La Vallee Poussin. Paris: Geutner, 1923–1926. II. P. 50–51. Подобное поверье можно найти в «Тибетской Книге Мертвых».

[366] *Sigmund Freud.* Traume im Folklore // Sigmund Freud and D. E. Oppenheim. Dreams in folklore. New York: International Universities Press, 1958. P. 69–111.

[367] *Laignel-Lavastine et Vinchon.* Les Maladies de l'esprit et leurs medecines du XVIe au XIX siecle. Paris: Maloine, 1930. P. 101–118.

[368] См. гл. 5. С. 359–361.

[369] *Jacques-Antoine Dulaure.* Histoire abregee des differents cultes. 2nd ed.; Paris Guillaume, 1825. Vol. I. Des cultes qui ont précédé et amené l'idôlatrie; Vol. II. Des *Divinités génératrices* chez les anciens et chez les modernes.

[370] *Adalbert Kuhn.* Die Herabkunft des Feurs und des Göttertranks. Berlin: Dümmler, 1859.

[371] *George IV. Cox.* The Mythology of the Arian Nations. London: Longmans Green and Co., 1870. II. P. 112–130.

[372] *Anton Nagele.* Der Schlangen-Cultus // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, Lazarus und Steinthal. 1887. S. 264–289.

[373] *Angelo de Gubernatis.*La mythologie des plantes; ou, Les légendes du règne végétal, 2 vol. Paris: C. Reinwald, 1878.

[374] *Angelo de Gubernatis.* Zoological Mythology or the Legends of Animals, 2 vols. London: Trübner & Co., 1872.

[375] См. гл. 4. С. 250–258.

[376] Философ Леон Брунсвик позже указал на то, что мистическая интерпретация Песни Соломона, данная влиятельными церковниками, представляла собой точную противоположность комментариям Фрейда о мистических писателях, причем «обе стороны выступали с одинаковым видом непогрешимости». *Leon Brunschvicg.* A propos de Panalogie // Mélanges offerts à Monsieur Pierre Janet. Paris: d'Artrey, 1939. P. 31–38.

[377] *Otto Rank.* Der Mythus von der Geburt des Helden. Versuch einer psychologischen Mythendeutung. Leipzig und Vienna: Deuticke, 1909.

[378] Отчет об этом пациенте, о котором было опубликовано столь много материалов, можно найти в работе: *Paul Serieux et Joseph Capgras.*Les Folies raisonnantes, le délire d'interprétation. Paris: Alcan, 1909. P. 386–387.

[379] См. с. 455–459 наст. изд.

[380] *Sigmund Freud.* Analyse der Phobie eines 5-jährigen Knaben // Jahrbuch für psychoanalytische und psycho-pathologische Forschungen. 1. 1909. S. 1–109. Standard Edition. IX. P. 5–147.

[381] *Oskar Pfister.* Die psychoanalytishe Methode. Leipzig and Berlin: Klinkhardt, 1913. S. 59–60.

[382] *Sigmund Freud.* Zur Einführung des Narzissmus // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. VI. 1914. S. 1–24. Standard Edition. XIV. P. 73–102.

[383] *Sigmund Freud.* Triebe und Triebschicksale // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. III. 1915. S. 84–100. Standard Edition. XIV. P. 117–140.

[384] *Sigmund Freud.* Die Verdrängung // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. III. 1915. S. 129–138. Standard Edition. XIV. P. 146–158.

[385] *Sigmund Freud.* Das Unbewusste // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse, I. 1915. S. 189–203, 257–269. Standard Edition. XIV. P. 166–204.

[386] *Sigmund Freud.* Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. IV. 19116–1917. S. 277–287. Standard Edition. XIV. P. 222–235.

[387] *Sigmund Freud.* Trauer und Melancholie // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. IV. 1916–1917. S. 288–301. Standard Edition. XIV. P. 243–258.

[388] *Sigmund Freud.* Jenseits des Lustprinzips. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1920. Standard Edition. XIV. P. 7–64.

[389] По Фрейду, принцип удовольствия-неудовольствия и его экономическая функция являются «в сущности тождественными» с концепцией Фехнера, по

мнению Людвига Бинсвангера: *Ludwig Binswanger*. Erinnerungen an Sigmund Freud. Bern: Francke, 1956.

[390] *Gabriel Tarde*. La philosophie pénale. Lyon: Storck, 1890.

[391] См. гл. 4. С. 170–177.

[392] *Novalis*. Fragmente über Etisches, Philosophisches und Wissenschaftliches // Sammtliche Werke, herausg. Carl Meissner. III. 1898. S. 292, 168, 219.

[393] *А. Токарский*. Вопросы философии и психологии. VIII. Москва, 1897. Автор выражает признательность профессору Шипковенски из Софии, прочитавшему эту брошюру и приславшему автору свое резюме о ней.

[394] *Elie Metchnikoff*. Études sur la nature humaine. Essai philosophie optimiste. 3 ed. Paris: Masson, 1905. P. 343–373. На русском языке: *Мечников И.И.* Этюды о природе человека. М.: Научное слово, 1904; Этюды оптимизма. М.: Научное слово, 1907.

[395] *G.T. Fehner*. Vier paradoxa // Kleine Schrifiten von Dr. Mises. Leipzig: Breitkopf and Hartel, 1875.

[396] *Sabina Spielrein*. Die Destruktion als Ursahe des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. IV. 1912. S. 464–503 (рус. пер.: *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Логос. 1994. № 5. С. 207–238. — *Прим. ред.*).

[397] *Cavendish Moxon*. Freud's Death Instinct and Rank's Libido Theory // Psychoanalytic Review. XIII. 1926. S. 294–303.

[398] *Richard Schaukal*. Eros Thanatos. Novellen. Vienna and Leipzig: Wiener Verlag, 1906.

[399] *Carl Menninger*. Man Against Himself. New York: Harcourt and Brace, 1938.

[400] *Achim Mechler*. Der Tod als Thema der neueren medizinischen Literatur // Jahrbuch für Psychologie und Psychotherapie. III. № 4. 1955. S. 371–382.

[401] *Sigmund Freud*. Das Ich und das Es. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1923. Standard Edition. XIX. P. 12–66.

[402] *Georg Groddeck*. Das Buch vom Es. Psychoanalytische Briefe an eine Freundin. Vienna: Internationale Psychoanalytischer Verlag, 1923.

[403] Саша Нахт (Nacht). Цитировано из памяти. На запрос автора доктор Нахт ответил, что помнит, как давал это определение, но не смог найти эту ссылку.

[404] *Sigmund Freud*. Hemmung, Symptom und Angst. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1926. Standard Edition. XIX. P. 81–172.

[405] *Anna Freud*. Das Ich und die Abwehrmechanismen. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1936.

[406] *Heinz Hartmann*. The Development of the Ego Concept in Freud's Work // International Journal of Psychoanalysis. XXXVII. 1956. P. 425–438.

[407] *Heinz Hartmann*. Ich-Psychologie und Anpassungsproblem // Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse. XXIV. 1939. S. 62–135.

[408] Замедленность или остановку ассоциаций можно объяснить несколькими способами. Приписать ее к внутренней сопротивляемости пациента, или объяснить саму сопротивляемость, в свою очередь, вытеснением, — в этом и заключалась двойственная гипотеза Фрейда, как указал на нее Рудольф Адлерс: *Rudolf Adlers.* The Successful Error: A Critical Study of Freudian Psychoanalysis. New York: Sheed and Ward, 1940. Chap. 1.

[409] *Sigmund Freud.* Die Freudsche psychoanalytische Methode // Loewenfeld. Die psychischen Zwangserscheinungen. Wiesbaden: Bergmann, 1904. S. 545–551. Standard Edition. VII. P. 249–254.

[410] *Sigmund Freud.* Die zukünftigen Chancen der psychoanalyschen Therapie // Centralblatt für Psychoanalyse. I. 1910. S. 91–95. Standard Edition. XI. P. 221–227.

[411] *Sigmund Freud.* Über «wilde» Psychoanalyse // Cenralblatt für Psychoanalyse. I. 1910. S. 91–95. Standard Edition. XI. P. 221–227.

[412] *Sigmund Freud.* Die Handbag der Traumdeutung in der Psychoanalyse // Centralblatt für Psychoanalyse. II. 1911. S. 109–113. Standard Edition. XII. P. 91–96.

[413] *Sigmund Freud.* Zur Dynamik der Ubertragung // Centralblatt fur Psychoanalyse. I. 1912. S. 167–173. Standard Edition. XII. P. 91–98.

[414] *Sigmund Freud.* Ratschlage für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung// Centralblatt für Psychoanalyse. II. 1912. S. 483–489. Standard Edition. XII. P. 111–120.

[415] *Sigmund Freud.* Erinnem, Wiederholen und Durcharbeiten // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. III. 1915. S. 485–491. Standard Edition. XII. 1914. P. 147–156.

[416] *Sigmund Freud.* Bemerkungen über die Obertragungliebe // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. III. 1915. S. 1–11. Standard Edition. XII. P. 159–171.

[417] *Sigmund Freud.* Wege der psychoanalytischen Therapie // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. V. 1919. S. 61–68. Standard Edition. XVII. P. 159–168.

[418] *Sigmund Freud.* Die endliche und die unendliche Analyse // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. XXIII. S. 209–240. Standard Edition. XXIII. 1937. P. 216–253.

[419] *Sigmund Freud.* Abriss der Psychoanalyse // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. XXV. 1940. S. 7–67. Standard Edition. XXIII. P. 144–207.

[420] Рене Декарт, письмо от 6 июня 1647 года: *Rene Descartes.* Oeuvres et Lettres. Paris: Pleiade, 1958. P. 1272–1278.

[421] Один из редакторов произведений Декарта говорит, что похожие истории рассказывались Стендалем и Бодлером. *Samuel De Sacy.* Descartes par luimzme. Paris: Editions du Seuil, 1956. P. 119.

[422] См. гл. 2. С. 90–93.

[423] См. гл. 3. С. 190–195; гл. 6. С. 432–436.

[424] *R. Haym.* Die romantische Schule. Berlin: R. Gaertner, 1870. S. 617.

[425] *Ludwig Borne.* Gesammelte Schriften. Milwaukee: Bickler&Co., 1858. II. S. 116–117.

[426] Aufrichtigkeit ist die Quelle aller Genialität (откровенность — источник всякой гениальности). Это выражение стало поговоркой в Германии.

[427] *Ludwig Borne.* Lichtstrahlen aus seinen Werken. Leipzig: Brockhaus, 1870. S. 150.

[428] *Francis Galton.* Memories of My Life. 2nd ed.; London: Methuen, 1908. P. 80.

[429] *Sigmund Freud.* Zwangshandlungen und Religionsübung // Zeitschrift für Religionspsychologie. I. 1907. S. 4–12. Standard Edition. IX. P. 117–127.

[430] *Sigmund Freud.* Die Zukunft einer Illusion. Vienna: Intemationaler Psychoanalytisher Verlag, 1927. Standard Edition. XXI. P. 5–56.

[431] *Sigmund Freud.* Totem und Tabu, über einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker // Imago. I. 1912. S. 17–33,213–227, 301–333; II. 1913. S. 1–21, 357–409. Standard Edition. XXI. P. 1–161 (рус. пер.: *Фрейд* З. Тотем и табу. СПб., 2005. — *Прим. ред.*).

[432] *James Jasper Atkinson.* Primal Law, опубликован как вторая часть труда Эндрю Ланга: *Andrew Lang.* Social Origins. London: Longmans Green and Co., 1903. P. 209–294.

[433] *William Robertson Smith.* Lectures on the Religion of the Semites. 1st Series, The Fundamental Institutions. London: A. Black, 1894.

[434] Подробный отчет и критика этих теорий в работе: *Arnold van Gennep.* L'Etat actuel du probléme totemique. Paris: Leroux, 1920.

[435] *Thomas Hobbes.* Leviathan (1651) // Great Books of the Western World. XXIII. Part II. Chap. 17, 99–101.

[436] *Sigmund Freud.* Massenpsychologie und Ich-Analyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921. Standard Edition. XIII. P. 69–143.

[437] *E. Dupreel.* Y a-t-il une foule diffuse? // Centre International de Synthese; 4e semaine intemationale: la foule, Georges Bohn, ed. Paris: Alcan, 1934. P. 109–130.

[438] *Gabriel Tarde.* Les Lois de l'imitation. Paris: Alcan, 1890.

[439] *Gabriel Tarde.* Les crimes des foules // Actes du IIle Congres d'Anthropologie criminelle, Bruxelles, aout 1892. Bmssels: Hayez, 1894. P. 73–90.

[440] *Scipio Sighele.* La foule criminelle. Essai de psychologie collective. Paris: Alcan, 1892.

[441] *Gustave Le Bon.* Psychologie des foules. Paris: Alcan, 1895.

[442] *Paul Reiwald.* Vom Geist der Massen. Zürich: Pan-Verlag, 1946. S. 131–142.

[443] *Sigmund Freud.* Das Unbehagen in der Kultur. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. Standard Edition. XXII. P. 132.

[444] См. гл. 4. С. 225–230; гл. 5. С. 330–333.

[445] *Sigmund Freud.* Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. Standard Edition. XXII. P. 132 (рус. пер.: *Фрейд* З. Введение в психоанализ. М., 1989. — *Прим. ред.*).

[446] *Sigmund Freud.* Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. III. 1910. S. 1–8. Standard Edition. XII. P. 218–226.

[447] *Sigmund Freud.* Der Dichter und das Phantasieren // Neue Revue. I. 1908. S. 716–724. Standard Edition. IX. P. 143–153 (рус. пер.: *Фрейд З.* Поэт и фантазия. М.: Республика, 1994. — *Прим. ред.*).

[448] *Sigmund Freud.* Das Unheimliche // Imago. V–VI. 1919. S. 297–324. Standard Edition. XVII. P. 219–252.

[449] *Anon.* (Sigmund Freud). Der Moses des Michelangelo //Imago. III. 1914. S. 15–36. Standard Edition. XIII. P. 211–236.

[450] *Ludwig Binswanger.* Erfahren, Verstehen, Deuten // Ausgewahlte Vorträge und Aufsätze. II. Bern: Francke, 1955. S. 40–66.

[451] *Wilhelm Jensen.* Gradiva. Ein pompeianisches Phantasiestuck. Dresden and Leipzig: Reissner, 1903.

[452] *Sigmund Freud.* Eine Kindheitsinnerung des Leonardo da Vinci. Leipzig and Vienna, Deuticke, 1910. Standard Edition. XI. P. 63–137.

[453] *Meyer Schapiro.* Leonardo and Freud: An Art Historical Study // Journal of the History of Ideas. VII. 1956. P. 147–178.

[454] *K. R. Eissler.* Leonardo da Vinci: Psychoanalytic Notes on the Enigma. London: Hogarth, 1962.

[455] *Sigmund Freud.* Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia Paranoides) // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. Vol. III. 1911. Standard Edition. XII. P. 9–82.

[456] Некоторые данные, относящиеся к семейной и личной предыстории Шребера, как и отрывки из госпитальных историй болезней, представлены в работе: *Franz Baumeyer.* The Schreber Case // International Journal of Psychoanalysis. XXXVII. 1956. P. 61–74.

[457] *Ida Macalpine and Richard A. Hanter.* The Schreber Case // Psychoanalytic Quaterly. XXII. 1953. P. 328–371.

[458] *Sigmund Freud.* Eine Teufelsneurose im siebzehnten Jahrhundert // Imago. IX. 1923. S. 1–34. Standard Edition. XIX. P. 72–105.

[459] *Ida Macalpine and Richard A. Hanter.* Schizophrenia 1677: A Psychiatric Study of an Illustrated Autobiographical Record of Demoniacal Possession. London: Dawson and Sons, 1956.

[460] *Gaston Vandendriessche.* The Parapraxis in the Haizmann Case of Sigmund Freud. Louvain: Publications Universitaires, 1965.

[461] *Sigmund Freud.* Dostojewski und die Vatertötung // F. M. Dostoievski. Die Urgestalt der Brüder Karamazoff. Dostojewskis Quellen, Entwuerfe und Fragmente. Erläutert von W. Komarowitsh. Munich: Piper, 1928. S. xiii-xxxvi. Standard Edition. XXI. P. 177–194.

[462] *Sigmund Freud.* Der Mann Moses und die monotheistische Religion. Amsterdam: Albert de Lange, 1939. Standard Edition. XXIII. R 7–137.

[463] *Eduard Meyer.* Geschichte des Altertums. I Band. II Halfte, 5 Aufl. Stuttgart, 1926. S. 679.

[464] *Friedrich Schiller.* Die Sendung Moses // Samtliche Werke. Stuttgart and Tübingen: Gotta, 1836. X. S. 468–500.

[465] *Karl Abraham.* Amenhotep IV (Ichnaton) // Imago. I. 1912. S. 334–360 (рус. пер.: Религиоведение. 2001. № 1. С. 127–146. — *Прим. ред.*).

[466] *David Bakan.* Sigmund Freud and the Jewish Mystical Tradition. Princeton: Van Nostrand Co., 1958.

[467] Переписку между Эйнштейном и Фрейдом можно найти в книге: Einstein on Peace. Otto Nathan and Heinz Norden, eds. New York: Simon & Schuster, 1960.

[468] *Emilio Servadio.* Freud's Occult Fascinations // Tomorrow. VI. Winter 1958. S. 9–16.

[469] *Lou Andreas-Salome.* In der Schule bei Freud. Zurich: MaxNiehans, 1958. S. 191–193 (рус. пер.: *Лу Андреас-Саломе.* Прожитое и пережитое. М.: Прогресс-Традиция, 2002. — *Прим. ред.*).

[470] *Sigmund Freud.* Psychoanalyse und Telepathie // Gesammelte Werke. 1941. XVII. S. 27–44; Traum und Telepathie // Imago. 1922. VIII. S. 1–22. Standard Edition. XVIII. P. 177–193, 197–220; XXII. P. 31–56; Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1933. Chap. 30.

[471] *Cornelius Tabori.* My Occult Diary. London: Rider & Co., 1951. P. 213–219.

[472] *Sigmund Freud.* Gesammelte Werke. London: Imago, 1941. XVII. S. 152. Standard Edition. XXIII. P. 300.

[473] *Friedrich Nietzsche.* Menschliches, Allzumenschliches. I. № . 180 // Friedrich Nietzsches Werke, Taschen-Ausgabe Leipzig: Naumann, 1906. III. S. 181.

[474] См. гл. 5. С. 350–355.

[475] *Maria Dorer.* Historische Grundlagen der Psychoanalyse. Leipzig: Felix Meiner, 1932. S. 128–143.

[476] См. гл. 5. С. 352.

[477] Автор благодарит фрау профессора Эрну Лески, директора Института истории медицины при Венском университете, обратившую его внимание на работу Морица Бенедикта и его влияние на динамическую психиатрию.

[478] См. гл. 5. С. 360–364.

[479] *Moritz Benedikt.* Aus der Pariser Kongresszeit. Erinnerungen und Betrachtungen // Internationale klinische Rundschau. III. 1889. S. 1611–1614, 1657–1659.

[480] *Maria Dorer.* Historische Grundlagen der Psychoanalyse. S. 71–106.

[481] *Gustav Adolf Lindner.* Lehrbuch der empirischen Psychologie nach genetischer Methode. Graz: Wiesner, 1858.

[482] *Sigmund Freud.* Formulierung über die zwei Prinzipen des psychischen Geschehens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1911. III. S. 1–8. Standard Edition. XII. P. 218–226.

[483] См. гл. 4. С. 242–244.

[484] См. гл. 5. С. 350–360.

[485] См. гл. 5. С. 361–370.

[486] См. гл. 5. С. 371–380.

[487] *Vilfredo Pareto.* Le Mythe perquisite et la litterature immorale. Paris: Riviere, 1911. См. также *G. H. Bousquet.* Vilfredo Pareto, sa vie et son oeuvre. Paris: Payot, 1928. P. 144.

[488] См. гл. 5. С. 350–360.

[489] См. гл. 3. С. 141–145.

[490] См. с. 144–145 наст. изд.

[491] См. гл. 6. С. 420–427.

[492] XXVII International Congress of Medicine. London, 1913. Sec. XII. Part I. P. 13–64.

[493] См. гл. 6. С. 470–480.

[494] См. гл. 6. С. 430–437.

[495] См. гл. 6. С. 439–442.

[496] *Ernest Jones.* The Action of Suggestion in Psychotherapy // Journal of Abnormal Psychology. V. 1911. P. 217–254.

[497] *Emmanuel Regis et Angelo Hesnard.* La Psychoanalyse des nevroses et des psychoses. 2ed.; Paris: Alcan, 1922. P. 352.

[498] См. с. 139–143 наст. изд.

[499] *E. Krapf.* Lichtenberg und Freud// Acta Psychotherapeutica, Psychosomatica et Orthopaedagogica. I. 1954. P. 241–255.

[500] *John A. Sours.* Freud and the Philosophers // Bulletin of the Histoiy of Medicine. XXXV. 1961. P. 326–345.

[501] *Xavier Bichat.* Recherches physiologiques sur la vie et la mort. Paris: Brosson, Gabon et Cie, 1796. P. 84.

[502] См. гл. 4. С. 282–290.

[503] См. гл. 4. С. 284–292.

[504] См. гл. 4. С. 297–301.

[505] *Dora Stockert-Meynert.* Theodor Meynert und seine Zeit. Vienna and Leipzig: Oesterreichischer Bundesverlag, 1930. S. 149–156.

[506] *James Ralph Barclay.* Franz Brentano and Sigmund Freud: An Unexplored Influence Relationship. Idaho State College, October 17, 1961 (гектографированный документ).

[507] См. гл. 4. С. 244–250.

[508] См. гл. 4. С. 245–260.

[509] См. гл. 4. С. 241–242.

[510] *Friedrich Wilhelm Foerster.* Erlebte Weltgeschichte 1869–1953. Memorien. Nuremberg: Glock und Lutz, 1953. S. 98.

[511] *Fritz Wittels.* Freud and His Time. New York: Grosset and Dunlap, 1931.

[512] *Sigmund Freud.* Die Verbrecher aus Schuldbewusstsein // Imago. IV. 1916. S. 334–336. Standard Edition. XIV. P. 332–333.

[513] См. гл. 5. С. 327–333. См. также: C. *Dimitrov und A. Jablenski*. Nietzsche und Freud // Zeitschrift fur Psychosomatische Medizin und Psychoanalyse. XIII. 1967. P. 282–298.

[514] Это слово было образовано от фамилии героя романа Ивана Гончарова «Обломов» (1859).

[515] *Sigmund Freud*. Aus der Geschichte einer infantilen Neurose // Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre. IV. 1918. S. 578–717; V. 1922. S. 1–140. Standard Edition. XVII. P. 7–122.

[516] *Ruth Mack Brunswick*. A Supplement to Freud's «History of Infantile Neurosis» // International Journal of Psychoanalysis, IX. 1928. P. 439–476.

[517] *David Bakan*. Sigmund Freud and the Jewish Mystical Tradition. Princeton: D. Van Nostrand Co., 1958.

[518] *Wilhelm Fliess*. Die Beziehungen zwischen Nase und weiblichen Geschlechtsorganen in ihrers biologischen Bedeutung dargestellt. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1897. В этой книге часто цитируется Фрейд, особенно на с. 12, 99, 192, 197–198, 218.

[519] Происходили, например, полные сарказма атаки Морица Бенедикта: *Moritz Benedikt*. Die Nasen-Messiade von Fliess // Wiener Medizinische Wochenschrift. 1901. LI. S. 361–365.

[520] См. гл. 5. С. 350–355, а также с. 441–448 наст. изд.

[521] См. гл. 5. С. 361–365.

[522] *Renato Poggioli*. Rozanov. New York: Hillary House, 1962; V.V. Rozanov. Solitaria. Trans, by S.S. Koteliansky. London: Wishart & Co., 1927. Со статьей об авторе Э. Голлербаха.

[523] *В.В. Розанов*. Избранное. Вступительная статья и редакция Ю. Иваска. New York: Издательство имени Чехова. 1956.

[524] *Carl Laufer*. Dr. Joseph Winthuis zum Gedächtnis // Anthropos. LI. 1954. S. 1080–1082.

[525] *J. Winthuis*. Das Zweigeschlechterwesen bei den Zentralaustraliern und anderen Völkem. Leipzig: Hirshfeld, 1928.

[526] *J. Winthuis*. Einführung in die Vorstellungswelt primitiver Völker. Neue Wege der Ethnologie. Leipzig: Hirshfeld, 1931; Mythos und Kultgeheimnisse. Stuttgart: Strecker and Schroder, 1935; Mythos und Religionswissenschaft. Moosburg: Sellbstverlag des Verfassers, 1936.

[527] *K.R. Eissler*. Medical Orthodoxy and the Future of Psychoanalysis. New York: International Universities Press, 1965.

[528] *Richard La Piere*. The Freudian Ethic. New York: Duell, Sloane and Pierce, 1959.

[529] См. гл. 4. С. 276–280.

[530] Одним из инициаторов этого исследования был французский энтомолог Арнольд ван Геннеп. Его книга (*Arnold van Gennep*. La Formation des Légendes. Paris: Flammarion, 1929) теперь вышла из употребления, но сохранила свое достоинство — направление пути исследования.

[531] *Renee Etiemble.* Le Mythe de Rimbaud. Paris: Gallimard, 1961.

[532] См. гл. 5. С. 310–312.

[533] См. с. 472, 474, 502, 509–514 наст. изд.

[534] См. с. 474–479 наст. изд.

[535] См. с. 524–529 наст. изд.

[536] См. с. 513–519 наст. изд.

[537] См. с. 524–526 наст. изд.

[538] См. гл. 7. С. 134–135.

[539] См. гл. 4. Прим. 11 (с. 510).

[540] См., например: Critical Essays on Psychoanalysis. Stanley Rachman, ed. New York: Macmillan, 1963.

[541] *Jacques Lacan.* Ecrits. Paris: Editions du Seuil, 1966.

[542] *Ludwig Binswanger.* Erfahren, Verstehen, Deuten (1926) перепечатана в Ausgewahtle Vortrage und Aufsatze. Bern: Francke, 1955. II. P. 67–80. *Paul Ricoeur.* De l'Interpretation. Essai sur Freud. Paris: Editions du Seuil, 1965.

[543] См. гл. 1. С. 70–72.

Глава 8. Альфред Адлер и индивидуальная психология

[1] См. с. 14–15 наст. изд.

[2] *Alfred Adler.* Something About Myself // Childhood and Character. VII. April 1930. P. 6–8.

[3] *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939. P. 34–35.

[4] Данные, касающиеся предков Альфреда Адлера и его семьи, с большим трудом разыскал д-р Ганс Бек-Видманстеттер в архивах еврейской общины и в других официальных архивных источниках Вены. Автор выражает свою глубокую благодарность д-ру Г. Бек-Видманштеттеру за оказанное содействие.

[5] Эти данные были получены по запросам д-ра Г. Бек-Видманстеттера в кадастровых регистрах и других архивах Вены.

[6] *H. A. Beckh-Widmanstetter.* Alfred Adler und Waehring // Unser Waehring. I. 1966. S. 38–42 (с двумя фотографиями дома).

[7] *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber und Faber, 1939. P. 28–30.

[8] Письмо Вальтера Фрида из Вены.

[9] Письмо Фердинанда Рея из Бентли, Австралия.

[10] Согласно семейным преданиям, перед Зигмундом родился первый ребенок, Альберт, умерший в младенчестве. Сведения о нем в архивах Вены не обнаружены.

[11] Письмо д-ра Эрнста Т. Адлера из Берлина.

[12] Выдержки из письма Курта Ф. Адлера из Кью Гардене, Нью-Йорк.

[13] Эти данные получены от Курта Ф. Адлера.

[14] Из письма Фердинанда Рея.

[15] Эти данные получены из архивов еврейской общины Вены.

[16] Этого брата Альфреда Адлера не следует путать с известным экономистом Максом Адлером.

[17] Название его диссертации было: «Die Anfaenge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich» (Основание торговой полиции в Австрии).

[18] Эти данные обнаружены д-ром Г. Бек-Видманстеттером в архивах университета Вены.

[19] Из письма госпожи Юстины Адлер из Вены.

[20] Д-р Бек-Видманстеттер обращает внимание автора на то обстоятельство, что венцы четко различали «внутренний город», историческую старую его часть, окруженную стенами, которые были снесены в 1856 г., «окраину», местность, имевшую городские черты, и «пригород», сельского типа местность, которая была включена в «город» только в 1890 г. Для венцев много значило, где они росли, на окраине или в пригороде.

[21] *Manes Sperber.* Alfred Adler, der Mensch und seine Lehre. Munich: Bergmann, 1926.

[22] *Hertha Ogler.* Alfred Adler, the Man and his Work. London: The C.W. Daniel Co., 1939.

[23] *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939.

[24] *Carl Furtmueller.* Alfred Adler, a Biographical Essay // Heinz and Rowena Ansbacher. Superiority and Social Interest. Evanston: Northwestern University Press, 1964. P. 330–376.

[25] *Phyllis Bottome.* Some Aspects of Adler's Life and Work // Not in our Stars. London: Faber and Faber, [n.d.] P. 147–155; and The Goal. New York: Vanguard Press, 1962.

[26] См. *Alfred Adler.* Two Letters to a Patient// Journal of Individual Psychology. XXII. 1965. P. 112–116.

[27] *Hans Beckh-Widmanstetter.* Kindheit und Jugend Alfred Adler's bis zum Kontakt mit Sigmund Freud (1902). Машинопись, не издано.

[28] Автор выражает глубокую благодарность д-ру Бек-Видманстеттеру, который оказывал ему содействие в его исследованиях.

[29] Данная подробность, как и многие другие данные, получены д-ром Бек-Видманстеттером по архивным материалам.

[30] Д-р Бек-Видманстеттер считает, что Адлер работал некоторое время на кафедре экспериментальной патологии под руководством профессора Салмона Штриккера, который предоставлял некоторые должности молодым ассистентам, с которыми ранее работали Вагнер-Яурегг и Фрейд.

[31] Согласно информации, полученной из архивов Цюрихского университета, Раиса Эпштейн числилась среди слушателей с 17 мая 1895 г. по 2 октября 1896 г.; прослушала курсы зоологии, ботаники и микроскопии.

[32] Информация получена из архивов университета Вены.

[33] См. с. 214–216 наст. изд.

[34] В 1919 г., после распада Австро-Венгерской монархии, Бургенланд как немецкоязычная провинция Венгрии была присоединена к Австрии, но ее южная часть осталась за Венгрией, с городом Оденбургом (теперь Сопрон).

[35] Несмотря на тщательное расследование ни в одной из венских газет не было найдено следов направленной против Фрейда статьи. Ежедневная газета Фрейда «Neue Freie Presse» несколько раз публиковала написанные Фрейдом книжные обозрения и заметки.

[36] *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939. P. 65.

[37] Эти данные получены из архива «Heimat-Rolle».

[38] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. II. P. 130–131.

[39] Согласно семейным преданиям, Адлеры переехали в район Доминиканербастай в октябре или ноябре 1908 г. По архивным данным, они жили на Чернингассе еще в 1910 г.

[40] Информация предоставлена д-ром Бек-Видманстеттером.

[41] *Leon Trotzky.* Ma Vie. Maurice Parijanine, trans. Paris: Gallimard, 1953. P. 230–231, 285.1. Deutscher. The Prophet Armed, Trotzky: 1879–1921. London: Oxford University Press, 1954. P. 193. На русском языке: Лев Троцкий. Моя жизнь. М., Вагриус, 2001.

[42] Этот документ был обнаружен в архиве Венской медицинской школы и опубликован Бек-Видманстеттером: *Hans Beckh-Widmanstetter.* Zur Geschichte der Individualpsychologie // Unsere Heimat. XXXVI. 1965. S. 182–188.

[43] *Wilhelm Stekel.* The Authobiography of Wilhelm Stekel: The Life History of a Pioneer Psychoanalyst. Emil A. Gutheil, ed. Introduction by Hilda Stekel. New York: Liveright Publishing Corporation, 1950. P. 158.

[44] Д-р Бек-Видманстеттер отмечает, что среди пациентов Адлера была жена генерала, принадлежавшего к высшим военным кругам.

[45] *Alfred Adler.* Die neuen Gesichtspunkte in der Frage der Kriegsneurose // Medizinische Klinik. XIV. 1918. S. 362.

[46] *A. A.* Ein Psychiater über die Kriegspsychose // Internationale Rundschau. IV. 1918. S. 362.

[47] *Alfred Adler.* Bolschevismus und Seelenkunde // Internationale Rundschau. IV. 1918. S. 597–600.

[48] *Alfred Adler.* Die andere Seite: eine massenpsychologische Studie über die Schuld des Volkes. Vienna: Leopold Heidrich, 1919.

[49] Его идеи относительно школьной реформы были изложены в брошюре: *Otto Gloeckel.* Drillschulr, Lemschule, Arbeitsschule. Vienna: Verlag der Organisaton Wien der sozial-demokratischen Partei, 1928.

[50] См.: *Robert Dottrens.* The New Education in Austria. Paul L. Dengler, ed. New York: John Day, 1930.

[51] См. с. 229–237 наст. изд.

[52] *Erwin Wexberg.* Handbuch der Individual-Psychologie. Munich: Bergmann, 1926.

[53] *Alfred Adler, L. Seif, O. Kaus, eds.* Individuum und Gemeinschaft: Schriften für Individualpsychologie. Munich: Bergmann, [n.d.]

[54] Интервью опубликованы в: New York Times. September 20. 1925. Sec. 9. P. 12; New York World. December 26. 1926. Sec. E. P. 3; особенно см.: A Doctor Remakes Education // Graphic Survey. LVIII. September 1. 1927. P. 490–495 ff.

[55] Адлеру было присвоено звание «Гражданин Вены», а не «Почетный Гражданин Вены», как ошибочно писала Филлис Боттоми. Это само по себе было почетное звание, не имевшее ничего общего с политическими или иными правами.

[56] Информация получена из архива города Вена. Текст обращения мэра не был найден, видимо, официальная запись отсутствует.

[57] Данные о приобретении и продаже дома в Салманнсдорфе были любезно предоставлены его нынешним владельцем Манфредом Рифенштейном.

[58] Личное сообщение д-ра Иооста Мерлу.

[59] Эти данные получены от Маркуса К. Милна, библиотекаря в Абердине, и К. С. Минто, библиотекаря в Эдинбурге.

[60] Личное сообщение д-ра Альфонса Мёдера.

[61] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. P. 130.

[62] *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939. P. 30.

[63] Личное сообщение д-ра Александра Адлера.

[64] Личное сообщение д-ра Юджина Минковского.

[65] *Phyllis Bottome.* The Goal. New York: Vanguard Press, 1962. P. 138.

[66] Свидетель тех героических дней сообщил автору, что Карл Новотны обратил внимание Адлера на опасность превратить венские кафе в центры индивидуальной психологии.

[67] *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939. P. 266.

[68] Там же. P. 50–57, 129–130.

[69] Там же. P. 57.

[70] См. с. 248–255 наст. изд.

[71] Эти соображения возникли под влиянием беседы с профессором Виктором Франклом из Вены.

[72] *Wilhelm Stekel.* The Authobiography of Wilhelm Stekel: The Life History of a Pioneer Psychoanalyst. Emil Gutheil, ed. Introduction by Mrs Hilda Stekel. New York: Liveright Publishing Co., 1950.

[73] *Dr. Wilhelm Stekel.* Über Coitus im Kindesalter, eine Hygienische Studie // Wiener Medizinische Blatter. XVIII. 1895. P. 247–249.

[74] *Wilhelm Stekel.* Nervöse Züstande und ihre Behandlung. Vorwort von Prof. Dr. Sigmund Freud. Berlin und Vienna: Urban and Schwarzenberg, 1908.

[75] *Wilhelm Stekel.* Die Sprache des Träumes. Munich: Bergmann, 1911.

[76] *Wilhelm Stekel.* Die Träume der Dichter. Munich: Bergmann, 1912.

[77] Дом Адлера находился по адресу «Am Dreimarkstein, 16», дом Штекеля — по адресу «Am Dreimarkstein, 2».

[78] См.: *Emil Gutheil.* Stekel's Contributions to the Problem of Criminality // Journal of Criminal Psychopathology. Vol. II. 1940–1941.

[79] *Wilhelm Stekel.* Berufswahl und Kriminalitat // Archiv fur Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. XLI. 1911. S. 268–280.

[80] *Wilhelm Stekel.* Der telepathische Traum. Meine Erfahrungen über die Phaenomene des Hellsehens im Wachen und im Träume. Berlin: Johannes Baum, 1920.

[81] *Wilhelm Stekel.* Briefe an eine Mutter. Züric und Leipzig: Wendepunkt-Verlag, 1926. Vol. I.

[82] Формула Штекеля «Всякому действию есть противодействие» почти идентична фразе Адлера «Давление вызывает ответное давление».

[83] *Wilhelm Stekel.* Das liebe Ich. Grundriss einer neuen Diaetetik der Seele, 3. Aufl. Berlin: Otto Salle, 1927.

[84] *Alfred Adler.* Gesundheitsbuch für das Schneidergewerbe, No. 5 of the series: Wegweiser der Gewerbehygiene, G. Golebiewski, ed. Berlin: Carl Heymanns, 1898.

[85] Копию этой брошюры не могли обнаружить в Австрии, Швейцарии, Франции, США. После долгих поисков один экземпляр удалось найти в публичной библиотеке г. Менхенгладбах в Германии, сотрудникам которой автор выражает благодарность за разрешение им воспользоваться.

[86] *Gerhart von Schulze-Gaevernitz.* Das Grossbetrieb, ein wirtschaftlicher und socialer Fortschritt. Eine Studie auf dem Gebiete der Baumwollindustrie. Leipzig: Duncker und Humboldt, 1892.

[87] *Alfred Adler.* Das Eindringen der socialen Triebkrafte in die Medizin // Ärztliche Standeszeitung. I. № 1. 1902. S. 1–3.

[88] *Aladdin.* Eine Lehrkanzel fur soziale Medizin // Ärztliche Standeszeitung. I. № 7. 1902. S. 1–2.

[89] *Alfred Adler.* Stadt und Land //Ärztliche Standeszeitung. II. № 18. 1903. S. 1–3; № 19. S. 1–2; № 20. S. 1–2.

[90] *Alfred Adler.* Staatshilfe oder Selbsthilfe // Ärztliche Standeszeitung. II. № 21.1903. S. 1–3; № 22. S. 1–2.

[91] *Alfred Adler.* Der Arzt als Erzieher // Ärztliche Standeszeitung. III. № 13. 1904. S. 4–6; № 14. S. 3–4; № 15. S. 4–5.

[92] *Alfred Adler.* Hygiene des Geschlechtslebens // Ärztliche Standeszeitung. III. № 18. 1904. S. 1–2; № 19. S. 1–3.

[93] См. Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. I: 1906–1908, Herman Nunberg, Ernst Fedem, eds., M. Nunberg, trans. New York: International Universities Press, 1962.

[94] *Alfred Adler.* Drei Psycho-Analysen von Zahleneinfällen und obsedierenden Zahlen // Psychiatrische-Neurologische Wochenschrift. VII. 1905. S. 263–266.

[95] *Alfred Adler.* Das sexuelle Problem in der Erziehung // Die Neue Gesellschaft. VIII. 1904. S. 360–362.

[96] *Alfred Adler.* Studie uber Minderwertigkeit von Organen. Vienna: Urban und Schwarzenberg, 1907.

[97] *Alfred Adler.* Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose // Fortschritte der Medizin. XXVI. 1908. S. 577–584.

[98] *Alfred Adler.* Der Psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose // Fortschritte der Medizin. XXVIII. 1910. S. 486–493.

[99] *Alfred Adler.* Über den nervöusen Charakter: Grundzüege einer vergleichenden Individual-Psychologie und Psychotherapie. Wiesbaden: Bergmann, 1912.

[100] *Alfred Adler.* Menschenkenntnis. Leipzig: Hirzel, 1927.

[101] *Immanuel Kant.* Anthropologie in pragmatischer Hinsicht (1798) // Kannts Werke. Berlin: Georg Reimer, 1971. VII. S. 117–333. Русский перевод: И. Кант. Антропология с прагматической точки зрения // И. Кант. Собрание сочинений. М., 1966. Т. 6.

[102] *Henri Lefebvre.* Critique de la vie quotidienne, предисловие. Paris: Bernard Grasset, 1947.

[103] Наиболее отчетливо это было показано Людвигом Клагесом: *Ludvig Klages.* Die psychologischen Errungenschaften Nietzsches. Leipzig: A. Barthes, 1926.

[104] *Alexander Neuer.* Mut und Entmutigung. Die Prinzipien der Psychologie Alfred Adlers. Munich: Bergmann, 1926. S. 12.

[105] См. с. 207 наст. изд.

[106] *Alfred Adler.* Zur Massenpsychologie // Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie. XII. 1943. S. 133–141.

[107] *Alfred Adler.* Psychologie der Macht // Franz Kobler, Gewalt und Gewaltlösigkeit. Handbuch des aktiven Pazifismus. Zürich: Rotapfel-Verlag, 1928. S. 41–46.

[108] *Paul Haeberlin.* Minderwertigkeitsgefühle. Zürich: Schweizer Spiegel Verlag, 1936.

[109] *Alexander Neuer.* Mut und Entmutigung. Die Prinzipien der Psychologie Alfred Adlers. Munich: Bergmann, 1926. S. 13–14.

[110] *F. Oliver Brachfeld.* Les sentiment d'infériorité. Geneva: Mont-Blanc, 1945.

[111] *Alfred Adler.* Der Komplexzwang als Teil der Persönlichkeit und Neurose // Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie. XIII. 1935. S. 1–6.

[112] *Alfred Adler.* Das Problem der Distanz; über einen Grundcharakter der Neurose und Psychose // Zeitschrift für Individual-Psychologie. I. 1914. S. 8–6.

[113] *Alfred Adler.* On the Interpretation of Dreams // International Journal of Individual Psychology. II. № I. 1936. P. 3–16.

[114] *Alfred Adler.* Praxis und Theorie der Individualpsychologie. Vienna: Bergmann, 1920. S. 171–182.

[115] Теория паранойи Адлера изложена в той же статье, в которой описывается меланхолия.

[116] *Vera Strasser-Eppelbaum.* Zur Psychologie des Alkoholismus. Ergebnisse experimentellerund individualpsychologischer Untersuchungen. Munich: Reinhardt, 1914.

[117] *P. Nussbaum.* Alkoholismus als individualpsychologisches Problem // Stavros Zurukzoglu. Die Alkoholfrage in der Schweiz. Basel: B. Schwabe, 1935. S. 603–618.

[118] Адлер излагал свою концепцию нормальной и аномальной сексуальной жизни в нескольких статьях медицинской энциклопедии: A. Bethe, ed., Handbuch der normalen und pathologischen Physiologie. XIV. No. 1. Berlin: Springer-Verlag, 1926.

[119] *Alfred Adler.* Das Problem der Homosexualität. Munich: Reinhardt, 1917.

[120] *Alfred Adler.* Das Problem der Homosexualität, Erotisches Training und erotischer Rueckzug. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1930.

[121] *Alfred Adler.* The Individual Criminal and his Cure // National Committee on Prisons and Prison Labour. New York: Annual Meeting, 1930. См. также: *Phyllis Bottome.* Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939. P. 228–235.

[122] *Alfred Adler.* Danton, Marat, Robespierre. Eine Charakterstudie // Arbeiterzeitung. № 325. December 25. 1923. S. 17–18.

[123] Мы главным образом соблюдаем систему, изложенную в работе: *Alexandra Adler.* Individualpsychologie (Alfred Adler) // Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie. Frankl, Gebsattel and Schulz, eds. Munich: Urban und Schwarzenberg, 1959. II. S. 221–268.

[124] *Alfred Adler.* Die Technik der Individualpsychologie // Die Kunst eine Lebens- und Krankengeschichte zu lesen. Munich: Bergmann, 1928. Vol. I.

[125] *Alfred Adler.* The Case of Mrs. A. // Individualpsychologie Pamphlets. Vol. I. 1931.

[126] Сам Адлер очень мало писал об этих организациях. Насколько нам известно, наиболее полное описание было сделано Мадлен Ганц: *Madelaine Ganz.* La Psychologie d'Alfred Adler et le development de l'enfant. Neuchatel: Delachaux et Niestle [n.d.].

[127] Информация любезно предоставлена д-ром Джошуа Бирером (Joshua Bierer).

[128] Д-р Камерон (D. Ewen Cameron) также открыл дневной стационар в Монреале в 1946 г., хотя и основанный на совершенно иных принципах.

[129] *Alfred Adler.* Der Sinn des lebens. Vienna: Paser, 1933.

[130] Большинство этих поздних работ собрано в томе: Heinz and Rowena Ansbacher, eds. Superiority and Social Interest. Evanston: Northwestern University, 1964.

[131] *Alfred Adler.* Das Todesproblem in der Neurose // Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie. XIV. 1936. P. 1–6.

[132] *Alfred Adler*. Case Interpretation // Individual Psychology Bulletin. II. 1941. P. 1–9.

[133] «Быть человеком означает обладать чувством неполноценности, которое постоянно необходимо преодолевать» (Der Sinn des Lebens).

[134] Автор выражает глубокую благодарность преподобному Эрнсту Яну, который любезно предоставил в его распоряжение принадлежащие ему экземпляры книги (по-видимому, это единственные сохранившиеся экземпляры) и сообщил важные данные об Альфреде Адлере и нескольких его современниках.

[135] *Ernst Jahn*. Wesen und Grenzen der Psychoanalyse. Schwerin i. M.: Bahn, 1927.

[136] *Ernst Jahn*. Machtwille und Minderwertigkeitsgefühl. Berlin: Martin Wameck, 1931.

[137] *Ernst Jahn and Alfred Adler*. Religion und Individualpsychologie. Eine prinzipielle Auseinandersetzung über Menschenführung. Vienna and Leipzig: Passer, 1933. См. также новое предисловие Эрнста Яна в: Heinz and Rowena Ansbacher, eds. Superiority and Social Interest. Evanston: Northwestern University Press, 1964. P. 272–274.

[138] *Izydor Wasserman*. Letter to the Editor // American Journal of Psychotherapy. XII. 1958. P. 623–627; 1st eine Differenzielle Psychotherapie möglich? // Zeitschrift für Psychotherapie und Medizinische Psychologie. IX. 1959. P. 187–193.

[139] *Heinz Ansbacher*. The Significance of the Socio-Economic Status of the Patients of Freud and of Adler//American Journal of Psychotherapy. XIII. 1959. P. 376–382.

[140] *Willy Hellpach*. Wirkenund Wirren. Lebenserinnerungen. Eine Rechenschaft über Wert und Glueck, Schuld und Sturz meiner Generation. I. Hamburg: Christian Wegner, 1948. S. 413.

[141] *Hans Kunz*. Zur grundsätzlichen Kritik der Individualpsychologie Adlers // Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. CXVI. 1928. S. 700–766.

[142] *Phyllis Bottome*. Alfred Adler, Apostle of Freedom. London: Faber and Faber, 1939. P. 17.

[143] *Immanuel Kant*. Traume eines Geistesseehers // Immanuel Kants Werke. Ernst Cassirer, ed. Berlin: Bruno Cassirer, 1912. II. S. 329–390.

[144] *Immanuel Kant*. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht // Immanuel Kants Werke. Ernst Cassirer, ed. Berlin: Bruno Cassirer, 1922. VIII. S. 3–228 (рус. пер. — см. прим. 101. — *Прим. ред.*).

[145] На это указано Хайнцем Ансбахером: *Heinz Ansbacher*. Sensus Privatus versus Sensus Communis // Journal of Individual Psychology. XXL 1965. P. 48–50.

[146] См. гл. 4. С. 241.

[147] См. гл. 4. С. 265.

[148] *August Bebel*. Die Frau und der Sozialismus. Stuttgart: Dietz, 1879.

[149] *Sofie Lazarfeld*. Wie die Frau den Mann erlebt. Leipzig und Vienna: Verlag für Sexualwissenschaft, 1931. S. 79–82.

[150] См. гл. 4. С. 270–272.

[151] *Henri Lefebvre.* la conscience mystifiée. Paris: Nouvelle Revue Francaise, 1936.

[152] *Henri Lefebvre.* Pour connaitre la pensée de Karl Marx. Paris: Bordas, 1947. P. 42–43.

[153] См. гл. 5. С. 320–326.

[154] F.G. Crookshank. Individual Psychology and Nietzsche // Individual Psychology Pamphlets. No. 10. London: C.W. Daniel Co., 1933.

[155] *Hans Vaihinger.* Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen. Praktischen und religiösen Fiktionen der MenschheiT auf Grund eines idealistischen Positivismus. Berlin: Reuther and Reichard, 1911. Существует несколько позднейших расширенных изданий.

[156] Бентамовское определение вымысла дано в его работе: *Jeremy Bentham.* Logical Arrangements, or Instruments of Invention and Discovery // Works of Jeremy Bentham. John Browning, ed. Edinburgh: William Tait, 1843. III. P. 286.

[157] *Joseph Wandeler.* Die Individualpsychologie *Alfred Adlers* in ihrer Beziehung zur Philosophie des Als Ob Hans Vaihingers. Ph. D. Diss. Freiburg, Schweiz, 1932 (Lachen: Buchdruckerei Gutenberg, 1932).

[158] *Sarah Gertrude Millin.* General Smuts. 2 vols. London: Faber and Faber, 1936.

[159] *Jan Christian Smuts.* Holism and Evolution. London and New York: Macmillan, 1926.

[160] *F. Oliver Brachfeld.* Les Sentiments d'inferiorite. Geneva: Mont-Blanc, 1945.

[161] *Alfred Adler.* Über die nervösen Charakter. Wiesbaden: Bergmann, 1912. S. 3.

[162] *Georges Blin.* Stendhal et les problèmes de la personnalité. Paris: Corti, 1958. I. P. 169–217.

[163] Стендаль выразительно подчеркнул «постоянно ощущаемое Жюльеном Сорелем чувство неполноценности»: «Красное и черное», глава 40.

[164] *Stendhal.* Du Rire. Mélanges d'Art et de Littérature. Paris: Calmann-Levy, 1924. P. 1–30.

[165] *Ralph Waldo Emerson.* The Complete Works. Centenary Edition. Boston and New York: Houghton, Miffin and Co., 1903–1912. Vols. II–III, VI.

[166] *Helvetius.* De l'Esprit. Paris: Durand, 1758.

[167] *Prosper Despine.* Psychologie naturelle: étude sur les facultés intellectuelles et morales état normal et dans leurs manifestations anomales chez les aliénés et Etude sur les facultes. Paris: Savy, 1868. 1. P. 291–292.

[168] *Thorleif Schjeldrup-Ebbe.* Beitraege zur Sozialpsychologie des Haushuhns // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. LXXXVIII. 1922. S. 225–253.

[169] *David Katz.* Tierpsychologie und Soziologie des Menschen // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. LXXXVIII. 1922. S. 253–264.

[170] *Ralph Waldo Emerson.* The conduct of Life, Centenary Edition. Boston and New York: Houghton, Muffin and Co., 1903–1912. VI. P. 59, 190.

[171] См. *Louis Esteve.* Une nouvelle psychologie de l'impérialisme. Paris: Alcan, 1913.

[172] *Ernest Seilliere.* Le Neoromantisme en Allemagne. I. Psychoanalyse freudienne ou psychologie impérialiste. Paris: Alcan, 1928.

[173] *Jules de Gaultier.* Le Bovarysme. Paris: Mercure de France [n. d.].

[174] *N. Bryllion Fagin.* The Histrionic Mr. Poe. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1949.

[175] *Joseph Dorfman.* Thorstein Veblen and his America. New York: Viking Press, 1934. P. 313–319.

[176] *Johann Wolfgang von Goethe.* Zur Farbenlehre (1810) // Sämtliche Werke. Stuttgart: Cotta, 1833. LII. S. XI.

[177] *Franz Joseph Gall.* Sur les Fonctions du serveau et sur selles de ses parties. Paris: Bailliere, 1825. III. P. 182–183.

[178] *Joseph Popper-Lynkeus.* Die allgemeine Nahrpflicht als Losung der Sozialen Frage. Dresden: Carl Reissner, 1912.

[179] *Максим Горький.* Разрушение личности // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. Т. 1. С. 351–403.

[180] *Alfred Adler.* Der Aggressionstrieb im Leben und in der Neurose // Fortschritte der Medizin. XXVI. 1928. S. 577–584.

[181] Heinz und Rowena Ansbach, eds. The Individual Psychology of Alfred Adler. New York: Basic Books, 1956. P. 31, 32, 37, 39, 458, 459.

[182] *Edward J. Kempf.* Psychopathologie. St. Louis: C. W. Mosby Co., 1920.

[183] *Harry Stack Sullivan.* Conceptions of Modem Psychiatry. Washington: William Alanson White Psychiatric Foundation, 1947; The Interpersonal Theory of Psychiatry. New York, Norton, 1953; The Psychiatric Interview. New York, Norton, 1954; Clinical Studies in Psychiatry. New York, Norton, 1956.

[184] *Karen Horney.* Flucht aus der Weiblichkeit // Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse. XII. 1926. S. 360–374.

[185] *Karen Horney.* Der Männlichkeitskomplex der Frau // Archiv für Frauenkunde. XIII. 1927. P. 141–154.

[186] *Karen Horney.* Die Angst vor der Frau // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. XVIII. 1932. S. 5–18. Эту и другие работы Карен на русском языке см. в трехтомном издании ее собрания сочинений. М., 1997.

[187] *Karen Horney.* The Neurotic Personality of our Time. New York: W. W. Norton, 1937; New Ways in Psychoanalysis. New York: W. W. Norton, 1939; Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis. New York: W. W. Norton, 1945; Neurosis and Human Growth: The Struggle towards Self-Realization. New York: W. W. Norton, 1950.

[188] *Erich Fromm.* Escape from Freedom. New York: Farrar, Strauss & Giroux. Inc., 1941; Man for Himself. New York: Reihart, 1947; The Sane Society. New York:

Reinhart, 1955 (рус. пер.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990; *Он же.* Человек для себя: Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992; *Он же.* Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995. — *Прим. ред.*).

[189] Две его основные работы: Der Gehemmte Mensch. Berlin: Springer-Verlag, 1940 и Lehrbuch der analytischen Psychotherapie. Berlin: Springer-Verlag, 1950.

[190] *Joseph Wilder.* Introduction // Kurt A. Adler and Danica Deutsch, eds. Essays in Individual Psychology. New York: Grove Press, 1959. P. XV.

[191] Это было неоднократно отмечено. См., например, *Ernest L. Johnson.* Existential Trends toward Individual Psychology // Journal of Individual Psychology. XXII. 1966. P. 33–42.

[192] *Ferdinand Birnbaum.* Victior E. Frankls Existentialpsychologie individualpsychologisch gesehen// Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie. XVI. 1947. S. 145–152.

[193] *J.-P. Sartre.* L'Etre et le neant. Essai d'Ontologie Phenomenologique. Paris: Gallimard, 1943. P. 643–663. Русский перевод: Ж.-П. Сартр. Бытие и ничто: опыт феноменологического анализа. М.: Республика, 2000.

[194] *Jakob Klaesi.* Vom seelischen Kranksein. Vorbeugung und Heilen. Bern: Paul Haupt, 1937.

[195] *Prescott Lecky.* Self-Consistency. A Theory of Personality. New York: Highland Press, 1945.

[196] *Wilhelm Keller.* Das Selbstwertstreben: Wesen. Formen und Schicksale. Munich: Reinhardt, 1963.

[197] *Walter Toman.* Family Costellation. New York: Springer Publishing Co., 1961. Расширенное немецкое издание: Familienkonstellationen. Ihr Einfluss auf Menschen und seine Handlungen. Munich: C. H. Beck, 1965.

[198] Стандартная методика анализа его исследований описана в работе: *O. Martensen-Larsen.* Family Constellation Analysis and Male Alcoholism // Acta Psychiatrica Scandinavica, Supp. Vol. CVI. 1956. P. 241–246.

[199] *Eric Berne.* Games People Play. New York: Grove Press, 1964 (рус. пер.: *Эрик Б.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих отношений. М.: ЭКСМО, 2002. — *Прим. ред.*).

[200] *Paul Haeberlin.* Minderwertigkeitsgefühle. Zürich: Schweizer Spiegel-Verlag, 1936.

[201] *Gustav Heinz Graber.* Untermensch-Übermensch. Ein Problem zur Psychologie der Überkompensation // Acta Psychoterapeutica. IV. 1956. S. 217–224.

[202] *Margaret Mead and K. Heyman.* Family. New York: Macmillan, 165. См.: *Danica Deutsch.* Alfred Adler and Margaret Mead, a Juxtaposition // Journal of Individual Psychology. XXII. 1966. P. 228–233.

[203] *Walter Goldschmidt.* Man's Way. New York: Holt, Reinhart and Winston, 1959. P. 220.

[204] *Alfred Adler.* Introduction // Maxwell Maltz. New Faces. New Futures. New York: Richard K. Smith, 1936. P. VII.

[205] *Albert Eglasb and Ernst Papanek.* Creative Restitution: A Correctional Technique and a Theory // Journal of Individual Psychology. XV. 1959. P. 226–232.

[206] *Noel Mailloux O.P.* Genese et signification de la conduite antisociale // Revue Canadienne de Criminologie. IV. 1962. P. 103–111.

[207] *Hans Hoff.* Opening address to the Eighth International Congress of Individual Psychology. Vienna, August 28, 1960 // Journal of Individual Psychology. XVII. 1961. P. 212.

[208] The Times (London). September 25. 1939. P. 10.

[209] New York Times. June 7, 1961.

[210] *G. Lange-Eichbaum.* Genie. Irrsinn und Ruhm. Munich: Reinhardt, 1927.

[211] *Bernard Grasset.* Remarques sur Faction. Paris: Gallimard, 1928.

[212] О виктимологии см.: *Hans von Hentig.* The Criminal and his Victim. New Haven: Yale University Press, 1948; Das Verbrechen. Berlin: Springer, 1962. II. P. 364–515; *H.F. Ellenberger.* Psychological Relationships between Criminal and Victim // Archives of Criminal Psychodinamics. I. No. 2. 1955. P. 257–290.

[213] *Jean Cocteau.* Rousseau // Oeuvres completes. Paris: Marguerat, 1950. IX. P. 365–373.

[214] См. гл. 5. С. 320.

[215] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sifmund Freud. New York: Basic Books, 1955. III. P. 208.

[216] См. гл. 4. Прим. 65.

[217] См. гл. 4. С. 240 и далее.

[218] См. гл. 1. С. 70.

Глава 9. Карл Густав Юнг и аналитическая психология

[1] Получить представление о швейцарской демократической системе можно, обратившись к книге *Andre Siegfried.* La Suisse, demokratietemoin. Edition revue et augmentce. Neuchatel: La Васоппшге, 1956.

[2] Мы приводим наиболее правдоподобную дату его рождения. Некоторые документы датируют его рождение 1793, другие — 1795, однако большинство относит его рождение к 1794 году.

[3] *Eduard His.* Basler Gelehrte des 19. Jahrhunderts. Basel: Benno Schwabe, 1941. S. 69–76.

[4] *H. Haupt.* Ein vergessener Dichter aus der Frühzeit der Burschenschaft, Karl Gustav Jung (1794–1864) [n.p., n. d.].

[5] Ernst Jung, ed. Aus den Tagebiichem meines Vaters. [n.p., n. d.]

[6] *C. G. Jung.* Animadversiones quaedam de ossibus generatim et specie de ossibus raphogeminantibus, quae vulgo ossa suturarum dicuntur. Basileae, 1827.

[7] Согласно регистрационной записи в архиве базельской общины, первое имя психиатра писалось как Karl, но он всегда использовал более старое написание Carl, которое являлось именем его деда.

[8] Эти подробности заимствованы из исследования Аниелы Яффе (Aniela Jaffe) о семействе Юнга, составленном на основе семейных документов. C.*G. Jung*. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich: Rascher Verlag, 1962. P. 399–407 (рус. пер.: *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996. — *Прим. ред.*).

[9] Профессор П. Кильхольц, директор Фридматтской психиатрической больницы, сообщил автору, что имя преподобного Пауля Юнга находится в ежегодных отчетах этого учреждения на протяжении первой половины 1888 года и что он сохранял за собой должность капеллана до самой своей смерти в 1896 году. В ежегодных отчетах этого периода неизменно дается высокая оценка его характера и обслуживания им пациентов.

[10] *Pierre Berteau*. La Vie quotidienne en Allemagne au temps de Guillaume II. Paris: Hachette, 1962. P. 27.

[11] Книга Беннета (*E. A. Bennet*. C.G. Jung. London: Barris & Rockliff, 1961) основывается главным образом на интервью, которые давал Юнг уже в преклонном возрасте.

[12] *Albert Oeri*. Ein paar Jugenderinnerungen // Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie. Berlin: Springer, 1935. S. 524–528.

[13] *Gustav Steiner*. Erinnerungen an Carl Gustav Jung. Zur Entstehung der Autobiographic // Basler Stadtbuch. 1965. S. 117–163.

[14] Основные части автобиографии появлялись периодически в еженедельнике Die Weltwoche (Цюрих) с 31 августа 1962 по 1 февраля 1963 г., а затем были изданы в виде книги: C.*G. Jung*. Erinnerungen, Traume, Gedanken. Zurich: Rascher, 1962 (рус. пер. см. прим. 8. — *Прим. ред.*).

[15] Приведу только один пример: Альфред Эри говорит, что Юнг еще в очень раннем возрасте решил стать врачом; Юнг же в своей автобиографии рассказывает, что решение это было принято внезапно, под влиянием двух сновидений, приснившихся незадолго до зачисления в университет.

[16] В настоящее время под руководством д-ра Герхарда Адлера подготавливается к изданию переписка К.Г. Юнга.

[17] Все данные, имеющие отношение к именам, датам и местам рождения членов семьи Юнга, были предоставлены Бюро записей актов гражданского состояния кантона Базель-Штадт.

[18] *Justin Gehrig*. Aus Kleinhunigens vergangenen Tagen. Basel, 1941.

[19] *Jean Delay*. La Jeunesse d'Andre Gide. Paris: Gallimard, 1956. 1. P. 193–199.

[20] Хотя Юнг никогда не называл по имени данного персонажа, почти нет сомнений, что этой второй личностью была личность Гете — как отражение легенды, окружавшей деда.

[21] Ich kann nicht glauben an was ich nicht kenne, und an was ich kenne brauche ich nicht zu glauben.

[22] Сведения предоставлены д-ром Хансом Гутцвиллером (Hans Gutzwiller), ректором базельской гуманитарной гимназии.

[23] Информация поступила из Государственного архива кантона Базель-Штадт.

[24] *Gustav Steiner.* Erinnerungen an Carl Gustav Jung. Zur Entstehung der Autobiographie // Basler Stadtbuch. 1965. S. 117–163.

[25] Личность юного медиума не является более секретом. Хелен Прейсверк была одиннадцатым ребенком Рудольфа Прейсверка — дяди К.Г. Юнга с материнской стороны. Дополнительные подробности можно найти в книге: *Ernst Schopf-Preiswerk.* Die Basler Familie Preiswerk. Basel: Friedrich Reinhaardt. [n.d.] S. 122.

[26] Подробности периодического несения Юнгом военной службы были любезно сообщены его сыном, Францем Юнгом.

[27] Мы обязаны этой информацией профессору Манфреду Блейлеру, директору цюрихской психиатрической больницы Бургхольцли.

[28] См. гл. 5. С. 343–346.

[29] Личное сообщение д-ра Альфонса Мёдера.

[30] Личное сообщение проф. Якоба Вирша.

[31] Профессор Эрвин Аккеркнехт содействовал получению автором из архивов Цюрихского университета списка лекций, прочитанных Юнгом в качестве приват-доцента.

[32] *C.G. Jung.* Über die Bedeutung der Lehre Freuds für Neurologie und Psychiatrie // Korrespondenz-Blatt fur Schweizer Aerzte. XXXVIII. 1908. S. 218–222.

[33] Профессор Эрвин Аккеркнехт заверяет автора, что он был свидетелем случаев, когда Юнга переполняло желание в присутствии посторонних поднять на смех Блейлера.

[34] Личное сообщение д-ра Альфонса Мёдера.

[35] См. с. 474–484 наст. изд.

[36] См. с. 484–489 наст. изд.

[37] См. с. 491–497 наст. изд.

[38] Согласно д-ру А. Мёдеру, Юнг подал в отставку из-за того, что Цюрихский университет отказался присвоить ему звание профессора.

[39] Notes on the Seminar in Analytical Psychology Conducted by Dr. C.G. Jung. Zürich, 1925. March 23 — July 6. Материалы собраны участниками семинара (машинопись). Zürich, 1926.

[40] *C. G. Jung.* Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich: Rascher, 1962. S. 103–104. Этот эпизод был опущен в английском переводе (рус. пер. см. прим. 8).

[41] Между прочим, автор узнал от д-ра А. Мёдера, что венские психоаналитики, недолюбливавшие Юнга, называли его между собой Белокурый Зигфрид.

[42] «Septem Sermones ad Mortuos» К. Г. Юнга были включены в первоначальное немецкое издание его автобиографии. S. 389–398.

[43] Термин self не полностью передает значение слова Selbst, которое будет определено чуть позже.

[44] Д-р А. Мёдер сообщил автору, что оставался в близких отношениях с Юнгом и являлся его учеником в течение всего этого периода и позже, вплоть до 1928 года.

[45] Fanny Moser, ed. Spuk: Irrglaube oder Wahrglaube? Baden bei Zürich: Gyr, 1950. P. 250–261.

[46] *C. G. Jung*. Psychologische Typen. Zürich, Rascher, 1921.

[47] Автор как-то спросил Юнга, почему он не публикует своих наблюдений над жизнью элгонийцев, и Юнг ответил, что, будучи психологом, не желает вторгаться в сферу антропологии. Краткий отчет об этом и других путешествиях Юнга можно найти в его автобиографии.

[48] Информация, полученная от д-ра Пауля Гуйера (Paul Guyer), хранителя Цюрихского городского архива.

[49] Neue Ziiricher Zeitung, 26 ноября 1932 г., № . 2202 и 27 ноября 1932 г., № 2210.

[50] *Gustav Bally*. Deutschstammige Psychotherapie // Neue Züricher Zeitung. 1934. № 3.43. Febrary 27.

[51] *C. G. Jung*. Zeitgenossisches// Neue Züricher Zeitung. 1934. № 437 March 13; 1934. № 443. March 14; *Idem*. Ein Nachtrag // Neue Züricher Zeitung. 1934. № 457. March 15.

[52] *Gustav Bally*. C.G. Jung // Neue Züricher Zeitung. 1942. № 2118. December 23. Blatt 2.

[53] Согласно информации, полученной от секретаря Калькуттского университета, Юнгу 7 января 1938 года была присуждена почетная степень доктора права, но из-за болезни он не смог присутствовать на церемонии ее вручения.

[54] Своими впечатлениями от Индии Юнг поделился в двух статьях: The C.G. Jung. Dreamlike world of India // Asia. XXXIX. 1939. P. 5–8; и *C. G. Jung*. What India can teach us // Asia. XXXIX. 1939. P. 97–98 (рус. пер.: *Юнг К. Г.* Йога и Запад. Киев, 1994. — *Прим. ред.*).

[55] Эта кампания брала начало в швейцарских социалистических кругах при активном участии Теодора Шварца и Алекса фон Муральта; затем она перекинулась на страницы ряда периодических изданий, а несколько лет спустя была возобновлена небольшой группой психоаналитиков.

[56] Инкриминируемые фразы можно найти в статье К. Г. Юнга Zur gegenwärtigen Lage der Psychotherapie // Zentralblatt für Psychotherapie. VII. 1934. S. 1–16.

[57] Если бы Юнг действительно занял пост Кречмера в Немецком обществе, как ошибочно утверждает Джонс, то, несомненно, Кречмер упомянул бы об этом факте в автобиографии. Однако у Кречмера ничего в этом роде

не говорится, напротив, мы находим у него очень привлекательный портрет Юнга. См.: *Ernst Kretschmer.* Gestalten und Gedanken. Stuttgart: Thieme, 1963. S. 133–136.

[58] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1957. III. P. 187.

[59] См. статью Эрнеста Хармса: *Ernest Harms.* Carl Gustav Jung — Defender of Freud and the Jews // Psychiatric Quarterly. XX. 1946. P. 198–230.

[60] *C. G. Jung.* Nach der Katastrophe // Neue Schweizer Rundschau. XIII. 1945. P. 67–88.

[61] *M. Malinine, H. Puech, G. Quispel, eds.* Evangelium Veritatis. Studien aus dem C. G. Jung Institute. VI. Zürich: Rascher, 1957.

[62] *Ludwig Marcuse.* Der Fall C.G. Jung// Der Zeitgeist. 1955. № 36. P. 13–15. (Ежемесячное приложение к журналу Der Aufbau, New York.)

[63] Israelitisches Wochenblatt. March 2, 1956. S. 39–40.

[64] Подробности церемонии можно найти в: Zürichsee Zeitung. 1960. July 28.

[65] К таким книгам принадлежат, например, следующие: *E. A. Bennet.* C. G. Jung. London: Barrit and Rockliff, 1961; *Richard I. Evans.* Conversations with Carl Gustav Jung and Reactions from Ernest Jones. Princeton: Van Nostrand Co., 1964.

[66] *Carl Jung, M. L., von Franz, Joseph L. Henderson, Jolande Jacobi, Aniela Jaffe.* Man and His Symbols. London: Aldus Books, 1964 (рус. пер.: *Юнг К. Г. и др.* Человек и его символы. СПб., 1996. — *Прим. ред.*).

[67] *Gustav Steiner.* Erinnerungen an Carl Gustav Jung // Basler Standbuch. 1958. S. 108–109.

[68] Личное сообщение д-ра А. Мёдера, который работал в то время в Бургхольцли.

[69] *Martin Freud.* Sigmund Freud, Man and Father. New York: Vanguard, 1958. P. 108–109.

[70] Личное сообщение.

[71] *Martin Freud.* Sigmund Freud, Man and Father. New York: Vanguard, 1958. P. 108–109.

[72] *Ernst Kretschmer.* Gestalten und Gedanken. S. 135.

[73] Личное сообщение Франца Юнга.

[74] *Denis de Rougemont.* Le Suisse moyen et quelques autres // Revue de Paris. LXXII. 1965. P. 52–64.

[75] *Karl Barth.* Die kirchliche Dogmatik. Zollikon: Evangelischer Verlag. 1951. Vol. III/4. Part. I. Par. 54.1.

[76] *Paul Haberlin.* Der Mensch, eine Philosophische Antropologie. Zürich: Schweizer Spiegel-Verlag, 1941.

[77] Среди его книг о воспитании две заслуживают особого внимания: Wege und Irrwege der Erziehung. Basel: Kober, 1918; Eltem und Kinder, Psychologische Bemerkungen zum Konflikt der Generationen. Basley: Korber, 1922.

[78] *Paul Haberlin.* Statt einer Autobiographie. Frauenfeld: Huber, 1959.

[79] *Paul Haberlin.* Aus meinem Hiittenbuch. Erlebnisse und Gedanken eines Gemsjagers. Frauenfeld: Huber, 1956.

[80] *Paul Haberlin.* Aus meinem Hüttenbuch. Erlebnisse und Gedanken eines Gemsjägers. Frauenfeld: Huber, 1956. S. 54; *Idem.* Statt einer Autobiographie. Frauenfeld, 1959. 5. 52–55.

[81] *Paul Haberlin.* Zur Lehre vom Traum // Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. LXVII. 1951. P. 19–46. Перепечатано в: Zwischen Philosophie und Medizin. Zürich: Schweizer-Spiegel-Verlag, 1965. P. 96–136.

[82] *Rudolf Steiner.* Mein Lebensgang. Domach: Philosophisch-Anthroposophischer Verlag, 1925.

[83] См. гл. 4. С. 250–255.

[84] *Rudolf Steiner.* Wie erlangt man Erkenntnisse der huheren Welten? Berlin: Philosophisch-Anthroposophischer Verlag, 1922.

[85] Мысли Рудольфа Штайнера, связанные с понятием «поворота жизни», разбросаны на страницах многих его работ. Его идеи по этому вопросу сводятся в единое целое в книге: Das Bild des Menschen als Grundlage der Heilkunst. Stuttgard: Verlag Freies Geistesleben, 1956. II. S. 136.

[86] *Rudolf Steiner.* Geisteswissenschaftliche Erläuterungen zu Goethes Faust. Domach: Philosophisch-Antrophosophischer Verlag, 1931. 1. S. 76.

[87] *Rudolf Steiner.* Anthroposophie und Psychoanalyse. Domach: November 10,1917. Vol. I. Перепечатано в: *Rudolf Steiner.* Antroposophie, Stuttgart. Vols. III. IV (April–September. 1935).

[88] *Gustav Steiner.* Erinnemngen an Carl Gustav Jung // Basler Stadtbuch. 1965. P. 117–163.

[89] *C.G. Jung.* Erinnerungen, Traume, Gedanken. Zürich: Rascher, 1962. S. 106 (рус. пер. см. прим. 8. — *Прим. ред.*).

[90] Между прочим, эта идея являлась в то время общим местом.

[91] *C. G. Jung.* Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene. Eine Psychiatrische Studie. Leipzig: Oswald Mutze, 1902 (рус. пер.: К психологии и патологии так называемых оккультных феноменов / Пер. с нем. Е.В. Рязановой (Орел) // Конфликты детской души. М.: Канон, 1995. С. 225–330. — *Прим. ред.*).

[92] См. гл. 2. С. 110–115.

[93] Notes on the Seminar in Analytical Psychology Conducted by Dr. C.G. Jung. Zurich, 1925. March 23 — July 6. Материалы собраны участниками семинара (машинопись). Цюрих, 1926.

[94] Одна дама, долгое время заведовавшая в Базеле аналогичным ателье, услугами которого пользовалась самая изысканная клиентура, уверяла автора, что кузина Юнга «шила неплохо, но платьям, создаваемым ею, недоставало оригинальности, фасоны заимствовались из модных журналов». Означает ли сказанное, что мы имеем здесь дело с профессиональным соперничеством, или же просто психиатры далеко не всегда лучшие судьи в делах моды?

[95] Archives de Psychologie. II. 1903. P. 85–86.

[96] *P.E. Cornillier.* La Survivance de l'ame et son evolution aprcs la mort. Comptesrendus d'experiences. Paris: Alcan, 1920.

[97] *H.R. Lenormand.* Les Confessions d'un auteur dramatique. Paris: Albin Michel, 1953. II. P. 134–140.

[98] *H.R. Lenormand.* L'Amour magicien (1926) // Theatre complet. Paris: Cres, 1930. VI. P. 1–113.

[99] C.*G. Jung.* DiePsychopatologischeBedeutungdesAssoziationsexperimentes // Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. XXII. 1906. S. 145–162.

[100] *C.G. Jung.* Diagnostische Assoziationsstudien. Leipzig: J.A. Barth, 1906, 1909.

[101] C.*G. Jung.* Über die Psychologie der Dementia Praecox. Halle: C. Marhold, 1907 (рус. пер.: Психология раннего слабоумия // Юнг К.Г. Работы по психиатрии. СПб., 2000. — *Прим. ред.*).

[102] *Eugen Bleuler und C.G. Jung.* Komplexe und Krakheitsursachen bei Dementia Praecox //Zentralblatt fur Nervenheilkunde und Psychiatrie. XXXI. 1908. № 19. S. 220–221.

[103] *C.G. Jung.* Der Inhalt der Psychose. Vienna and Leipzig: Deuticke, 1908 (рус. пер.: Психоз и его содержание // Юнг К.Г. Работы по психиатрии. СПб., 2000. — *Прим. ред.*).

[104] *C.G. Jung.* Zur psychologischen Tatbestandsdiagnostik // Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. XXVIII. 1905. S. 813–815.

[105] *C.G. Jung.* Le Nuove Vedute della Psicologia Criminaie // Rivista di Psicologia Applicata. IV. 1908. P. 287–304.

[106] *Sigmund Freud.* Tatbestandsdiagnostik und Psychoanalyse // Archiv für Kriminal- Anthropologie und Kriminalistik. 1906. XXXVI. P. 1–10.

[107] *C.G. Jung.* Das Unbewusste in normalen und kranken Selenleben. Zürich: Rascher, 1926.

[108] *Richard I. Evans.* Conversations with Carl Jung. Princeton: Van Nostrand Co., 1964.

[109] Поскольку Юнг прибыл в Бургхольцли 11 декабря 1900 года, то более вероятно, что Блейлер поручил ему это задание в 1901 году.

[110] В Бургхольцли существовал обычай: приблизительно раз в месяц проводить собрание врачей, которое носило название Referierabend, то есть вечер, отводившийся для докладов и дискуссий о новых, привлекавших к себе общее внимание работах в области психиатрии. Одному из врачей из членов медицинского персонала поручалось сделать доклад, после чего каждый из присутствующих мог задавать вопросы или делать замечания, а Блейлер обычно выступал с комментарием, подводившим итог обсуждению.

[111] Следовательно, ошибочно утверждение некоторых авторов, что тест словесных ассоциаций являлся «приложением психоанализа к методу исследования с помощью тестов». Сам этот тест и понятие «комплекса» предшествовали основанию психоанализа.

[112] C.G. *Jung*. Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // Jahrbuch für Psychoanalitische und Psychopathologische Forschungen. 1. 1909. S. 155–173 (*Юнг К.Г.* Значение отца в судьбе отдельного человека / Пер. с нем. В.А. Белоусова // Психоанализ детского возраста. М.: ГИЗ, 1924. С. 63–82. — *Прим. ред.*).

[113] C.G. *Jung*. Über Konflikte der kindlichen Seele // Jahrbuch für Psychoanalytische und Psychopathologische Forschungen, II. 1910. S. 33–58.

[114] C.G. *Jung*. Ein Beitrag zur Psychologie der Gerüchtes // Centralblatt für Psychoanalyse. 1. 1911. S. 81–90 (рус. пер. в сб.: *Юнг К.Г.* Критика психоанализа. СПб., 2000. С. 273–286. — *Прим. ред.*).

[115] *Friedrich Creuzer*. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 vols. Leipzig: Leske, 1810–1812.

[116] *C.G. Jung*. Wandlungen und Symbole der Libido, Beiträge zur Entwicklungsgeschichte des Denkens // Jahrbuch für Psychoanalitische und Psychopatologische Forschungen. III. No. I. 1911. S. 120–227; IV. 1912. S. 162–464. Опубликовано в виде книги: Leipzig and Vienna: Deuticke, 1912 (рус. пер.: *Юнг К.Г.* Символы трансформации. М., 2008. — *Прим. ред.*).

[117] *Miss Frank Miller*. Quelques faits d'imagination creatice subconsciente // Archives de Psychologie, V. 1906. P. 36–51.

[118] Следует подчеркнуть, что в эту книгу при последующих ее изданиях внесено было так много изменений, что последний ее вариант (и, соответственно, английский перевод) представляет собой почти совершенно новую книгу.

[119] *C.G. Jung*. Versuch einer Darstellung der Psychoanalitischen Theorie // Jahrbuch für Psychoanalytische Forschungen. V. 1913. S. 307–441 (Теория психоанализа / Пер. с англ. О. Раевской, В. Зеленского // Юнг К.Г. Критика психоанализа. СПб.: Академический Проект, 2000. С. 8–172. — *Прим. ред.*).

[120] В терминологии Вайхингера (Vaihinger) это была бы не гипотеза, а фикция.

[121] *C.G. Jung*. Psycho-Analysis // Transactions of the Psycho-Medical Society. Vol. IV. 1913. Part II.

[122] *C.G. Jung*. Psychologische Typen. Zürich: Rascher, 1921 (рус. пер.: *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб., 1995. — *Прим. ред.*).

[123] *C.G. Jung*. La Structure de l'inconscient // Archives de Psychologie. XVI. 1916. P. 152–179.

[124] *C.G. Jung*. Contribution a l'fltude des types Psycholoques // Archives de Psychologie. XIII. 1913. P. 289–299.

[125] *Wilhelm Ostwald*. Grösse Männer. Leipzig: Akademische Verlagsgesellschaft, 1909.

[126] C.G. *Jung*. Psychological Types in Problems of Personality: Studies Presented to Dr. Morton Prince. New York: Harcourt, Brace and Co., 1925. P. 289–302.

[127] *Ania Teillard*. L'ame et l'ecriture. Paris: Stock, 1948. P. 89–94.

[128] См. с. 514–519 наст. изд.

[129] *Emanuel Swedenborg*. Heaven and Hell. Eng. Trans. London: Dent, Everyman's Library, 1909. P. 11–13.

[130] *Friedrich Schiller*. Über naive und sentimentalische Dichtung (1795–1796)// Samtliche Schriften. Stuttgart: Cotta, 1871. X. S. 425–523.

[131] *Oliver Brachfeld*. Gelenkte Tagtraume als Hilfsmittel der Psychotherapie// Zeitschrift fur Psychotherapie. IV. 1954. P. 79–93.

[132] *Alfred Binet*. L'Etude experimental del'intelligence. Paris: Schleicher, 1903.

[133] И действительно сообщают, что Арман стала художницей.

[134] *C. G. Jung*. Über die Energetik der Seele. Zürich: Rascher, 1928. Позднее в более широком объеме под заголовком: Über Psychische Energetik und das Wesen der Träume. Zürich: Rascher, 1948 (Об энергетике души. Пер. с нем. В. Бакусева // Юнг К.Г. Об энергетике души. М.: Академический Проект, 2008. С. 45–121. — *Прим. ред.*).

[135] Эту мысль уже проводил в своих лекциях Жане.

[136] См. с. 445–450 наст. изд.

[137] Перевод *расовое бессознательное* неправилен, и от него следует отказаться.

[138] *Albrecht Dieterich*. Eine Mithrasliturgie. Leipzig: Teubner, 1903. P. 7, 62.

[139] *C. G. Jung*. Wandlungen und Symbole der Libido. P. 91.

[140] На самом деле фаллос в качестве символа солнца (Sonnenphallus) упоминался Фридрихом Крейцером в «Символике и мифологии древних народов», работе, с которой Юнг был хорошо знаком, а Дитерих в своей книге писал, что аналогичное представление было распространено во многих странах.

[141] *William James*. On Some Mental Effects of the Earthquake (1906), перепечатано в: Memories and Studies. London: Longmans Green and Co., 1911. P. 209–226.

[142] *Charles Baudouin*. Position de C.G. Jung // Schweizerische Zeitschrift fur Psychologie. IV. 1945. S. 263–275.

[143] В немецком языке различаются die Unbewusstheit (неосознанность) и das Unbewusste (бессознательное).

[144] *C.G. Jung*. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich: Rascher, 1962. S. 88–191 (рус. пер. см. прим. 8. — *Прим. ред.*).

[145] *Karl Neisser*. Die Entstehung der Liebe. Vienna: Karl Koneggen, 1897.

[146] *Thomas Hardy*. The Well-Beloved, A Sketch of a Temperament. London: Mellvaine & Co., 1897.

[147] *H. Rider Haggard*. She. A History of Adventure. London: Longman's, Green Co., 1886 (рус. пер.: *Хаггард Р*. Она. М.: СП «Интерпринт», 1991. — *Прим. ред.*).

[148] *Morton Cohen*. Rider Haggard, His Life and Works. London: Hutchinson, 1960. P. 102–114.

[149] *Emma Jung*. Ein Beitrag zum Problem des Animus // C. G. Jung. Wircklichkeit der Seele. Zurich: Rascher, 1934. S. 296–354.

[150] В юнгианских кругах ссылаются на описания анимуса, имеющиеся в художественной литературе, например: *Mary Hay*. The Evil Vineyard; *Ronald Frazier*. The Flying Draper; *H. G. Wells*. Christina Alberta's Father.

[151] *C. G. Jung*. Die psychologischen Aspekte des Mutterarchetypus // Eranos-Jahrbuch, VI. 1938. P. 403–443 (на рус. язык переводилась дважды. См.: *Юнг К.Г.* Психологические аспекты архетипа матери / Пер. с англ. В. Наукманова; под ред. А. А. Юдина // Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. С. 116–137; *Он же*. Психологические аспекты архетипа матери / Пер. с нем. Т. А. Ребеко // Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Академический Проект, 2007. С. 51–89. — *Прим. ред.*).

[152] *Johannes Assenmacher*. Die Geschichte des Individuationsprinzips in der Scholastik. Leipzig: Meiner, 1926.

[153] *Paul Bourget*. Le Demon de midi. Paris: Plon, 1914.

[154] *Andre Repond*. Le Demon de midi // L'Evolution Psychiatrique. 1939. № 3. P. 87–100.

[155] См., например, описание невроза «середины жизни», которым страдает Ельчанинов, герой рассказа Достоевского «Вечный муж», и описание невроза Клода Лотаря в романе Эдмона Жалу «Глубины моря».

[156] Это — одно из высказываний Юнга, которое имело хождение среди его учеников, но, похоже, не попало ни в одну из его напечатанных работ.

[157] *C. G. Jung*. Psychology and Religion. The Terry Lectures. New Haven: Yale University Press, 1937 (рус. пер.: Психология и религия / Пер. с англ. А. М. Руткевича // Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. С. 129–202. — *Прим. ред.*).

[158] *Fabre D'Olivet*. Les Vers dorés de Pythagore. Paris: Treuttel & Wurtz, 1813. Ng.: Leon Cellier. Fabre d'Olivet- La Vraie Magonnerie et la céleste culture. Paris, 1952. P. 75–144.

[159] *Guiseppe Tucci*. Teoria e practica del Mandala con particolare riquardo alia modema psicologia del profondo. Rome: Astrolabio, 1949; Anagarica Govinda. Mandala. Derheilige Kreis. Zurich: Origo-Verlag, 1960.

[160] *August Rueegg*. Die Jenseitsvorstellungen vor Dante und die übrigen literarischen Voraussetzugen der Divina Commedia. Einsiedeln: Benziger, 1944.

[161] «Путешествие к центру земли» Жюля Верна можно было бы истолковать во всех его подробностях как путешествие через бессознательное, сопровождающееся открытием все более и более глубоких архетипов, пока неожиданная встреча с огненным шаром (символом духа) не становится началом энантиодромии, т. е. поворота регрессии в обратном направлении и возвращение в обычный мир.

[162] *Alphonce Daudet*. Tartarin sur les Alpes. Paris: Calmann-Levy, 1885.

[163] Пример подобной ситуации при желании можно было бы найти в автобиографическом романе Гертруды Изолани «Город без мужчин». Молодая еврейская женщина оказывается в концентрационном лагере для подозреваемых лиц в первые недели, последовавшие за поражением Франции. Она и ее подруги

озабочены лишь повседневными, а порой фривольными проблемами, пока однажды ей не открывает глаза некая католическая монахиня, рассказывающая о том, какая страшная катастрофа угрожает им всем.

[164] *C. G. Jung.* Analytische Psychologie und Erzieung. Heidelberg: Kampmann, 1926.

[165] См. гл. 1. С. 71–75.

[166] *C.G. Jung.* Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich: Rascher, 1962. S. 121–124 (рус. пер. см. прим. 8. — *Прим. ред.*).

[167] *C.G. Jung.* Die Beziehungen der Psychotherapie zur Seelsorge. Zürich: Rascher, 1932. (Некоторые из работ, включаенных в этот сборник, переведены в: Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998. — *Прим. ред.*).

[168] Между прочим, это именно то, что говорил Жане в 1896 году в своей статье: L'Influence somnambulique et le besoin de direction.

[169] *C. G. Jung.* Die transzendente Funktion // Geist und Werk. Zurich: Rhein Verlag, 1058. S. 3–33 (рус. пер.: Трансцендентная функция // К.Г. Юнг. Синхрония. М.: Рефл-Бук; Киев: Ваклер, 2003. — *Прим. ред.*).

[170] См. гл. 5. С. 363–365.

[171] Пока не представлялось возможности выяснить, принадлежит ли это сравнение самому Юнгу или кому-то из его учеников.

[172] *Alphonse Maeder.* La Personne du medicin, un agent Psychotherapeutique. Neuchatel: Delachaux et Niestle, 1953. P. 111–134.

[173] *C. G. Jung.* Was ist Psychotherapie? // Schweizerische Aerztezeitung für Standesfragen. 1935. XVI. S. 335–339.

[174] *C. G. Jung.* Einige Bemerkungen zu den Visionen des Zosimos // Eranos-Jahrbuch. V. 1937. S. 15–54 (Видения Зосима / Пер. С.Л. Удовика // Юнг К.Г. О природе психе. М.; К.: Рефл-Бук; Ваклер, 2002. С. 327–384; Видения Зосима / Пер. с нем. А. Гараджи // Юнг К.Г. Философское древо. М.: Академический Проект, 2008. С. 3–65. — *Прим. ред.*).

[175] *M. Berthelot.* Les Origines de l'alchimie. Paris: Steinheil, 1885.

[176] *Herbert Silberer.* Probleme der Mystik und ihrer Symbolik. Vienna: H. Heller, 1914.

[177] *C. G. Jung.* Die Erlösungsvorstellungen in der Alchemie // Eranos-Jahrbuch, IV. 1936. S. III; Psychologie und Alchemie. Zürich: Rascher, 1944; Die Psychologie der Übertragung. Zürich: Rascher, 1946; Symbolik des Geistes. Zürich: Rascher, 1948; Gestaltungen des Unbewussten. Zürich: Rascher, 1950; Mysterium Conjunctionis, 2 vols. Zürich, 1955–1956 (рус. пер.: Психология и алхимия / Пер. с англ. С.Л. Удовика. М.: ACT, 2008; Mysterium Coniunctionis / Пер. с англ. О. Чистякова, под ред. С.Л. Удовика. М.; К.: Рефл-Бук; Ваклер, 1997. — *Прим. ред.*).

[178] *C. G. Jung.* Paracelsica. Zürich: Rascher, 1942 (рус. пер.: *Юнг К.Г.* Дух Меркурий. М.: Канон, 1996. — *Прим. ред.*).

[179] *W. Y. Evans-Wentz.* The Tibetan Book of the Dead, or the After Death Experiences on the Bardo Plain, according to Lama Kazi Tawa Sandup's English rendering. London: Oxford University Press, 1927.

[180] Das Tibetanische Totenbuch, Louise Gopfert-March, trans. Zurich: Rascher, 1935. С комментариями К.Г. Юнга.

[181] *Richard Wilhelm.* Das Geheimnis dergoldenen Blbte. Munich: Dorn, 1929. С комментариями К.Г. Юнга.

[182] Юнг написал предисловие к английскому переводу немецкой версии «И Цзин», принадлежащей Рихарду Вильгельму: *Richard Wilhelm.* The I Ching, or Book of Changes. Carry F. Baynes, trans. New York: Pantheon Books, 1950.

[183] Юнг написал вступление к книге Т.Д. Судзуки: *T.D. Suzuki.* Die grösse Befreiung. Leipzig: Curt Weller, 1039. S. 7–37.

[184] *J. W. Hauer.* The Kundalini Yoga. Bericht über das Seminar im psychologischen Klub. Zurich, 1932. 3–8 Oktober. Zürich, 1933 (машинопись).

[185] *C.G. Jung.* Synchronizität als ein Prinzip akausaler Zusammenhänge // C.G. Jung and W. Pauli, Naturerclarung und Psyche. Zurich: Rascher, 1952. S. 1–107. (Русский перевод: Синхронность: акаузальный связующий принцип / Пер. с англ., под ред. С.Л. Удовика // К.Г. Юнг. Синхронистичность. М.; К.: Рефл-Бук Ваклер, 1997. С. 195–307. — *Прим. ред.*).

[186] *C. G. Jung.* Psychological Analysis of Nietzsche's Zarathustra. Конспект семинара на вышеозначенную тему, проводившегося д-ром К.Г. Юнгом: В 10 т. Цюрих, 1934–1939. С приложением указателя, составленного Мэри Брайнер (Mary Briner) (машинопись).

[187] *C.G. Jung.* Picasso //Neue Züricher Zeitung. 1932. № 2107. November 3. Перепечатано в: Wirklichkeit der Seele. Zürich: Rascher, 1934. S. 170–179.

[188] *C.G. Jung.* Ulysses. Ein Monolog// Europaische Revue. VIII (II). 1932. S. 547–568.

[189] *Richard Ellmann.* James Joyce. London: Oxford University Press, 1959. P. 641–693.

[190] *C. G. Jung.* Wotan // Neue Schweizer Rundschau. 1935–1936. III. S. 657–669 (Русский перевод: *Юнг К.Г.* Вотан / Пер. с англ. В.В. Зеленского //Одайник В. Психология политики. М., 1995. С. 275–291. — *Прим. ред.*).

[191] C.*G. Jung.* Psychology of Dictatorship // The Observer. 1936. October 18. P. 15; Diagnosing the Dictators // Hearst's International Journal Cosmopolitan. CVI. 1939. January. P. 22–23, 116–120.

[192] *C. C. Jung.* Ein modemer Mythus. Von Dingen, die am Himmel gesehen werden. Zürich: Rascher, 1958 (рус. пер.: *Юнг К.Г.* Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева. М.: Наука, 1993. — *Прим. ред.*).

[193] Unbewusstheit ist die grösste Sünde.

[194] *Rudolf Otto.* Das Heilige. Breslau: Trewendt und Granier, 1917.

[195] *Harald Schultz-Hencke.* Das religiöse Erleben des Atheisten // Psyche. IV. 1950–1951. S. 417–435.

[196] *C. G. Jung.* Bruder Klaus // Neue Schweizer Rundschau. I. 1933. S. 223–229.

[197] *C. G. Jung.* Aion. Untersuchungen zur Symbolgeschichte. Zürich: Rascher, 1951 (Aion. Исследования феноменологии самости / Пер. с англ. М. Собуцкого.

Рефл-Бук; Ваклер, 1997; Эон. Исследования о символике самости / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический Проект, 2009. — *Прим. ред.*).

[198] *C. G. Jung*. Antwort auf Hiob. Zürich: Rascher, 1952.

[199] Г.Д. Уэллс, беседа с Юнгом, о которой сообщается в письме в газету «Neue Züricher Zeitung». 18 ноября 1928 г. № 2116. С. 9.

[200] Серия интервью с Фредериком Сэндсом в «Daily Mail». Лондон. 29 апреля 1955 г.

[201] *Frederik van Eeden*. A Study of Dreams // Proceedings of the Society for Psychical Research. LXVII. № 26. 1913. P. 413–461.

[202] Bist Du auf Unendliches bezogen? Эта фраза буквально означает: «Ты принадлежишь Бесконечности?»

[203] См. гл. 5. С. 344–345.

[204] См. гл. 6. С. 420–422.

[205] *A. Maeder*. Ober die Funktion des Traumes // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatologische Forschungen. IV. 1912. S. 692–707; *Idem*. Über das Traumproblem // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatologische Forschungen. V. 1913. S. 647–686.

[206] *Herbert Silberer*. Zur Symbolbildung // Jahrbuch für Psychoanalitische und psychopatologische Forschungen. IV. 1912. S. 607.

[207] *W. Leibbrand*. Schellings Bedeutung fur die modeme Medizin // Atti del XIVe Congresso Internationale di Storia della Medicina, Vol. II. Rome, 1954.

[208] *Rose Mehlich*. I. H. Fichtes Seelenlehre und ihre Beziehung zur Gegenwart. Zurich: Rascher, 1935.

[209] См. гл. 4. С. 250–255.

[210] Это было хорошо объяснено в книге: *Paul Sucher*. Les Sources du merveilleux chez E. T. H. Hoffmann. Paris: Alcan, 1912. P. 132–133.

[211] См. гл. 4. С. 255–256.

[212] См. гл. 4. С. 240–241.

[213] *Friedrich Creuzer*. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Leipzig and Darmstadt: Leske, 1910. Vol. I; Leipzig and Darmstadt: Heyer & Leske, 1911–1912. Vols. II, III, IV.

[214] *C. G. Jung*. Erinnerungen, Träume, Gedanken. Zürich: Rascher, 1962. S. 166 (рус. пер. см. прим. 8. — *Прим. ред.*).

[215] См. гл. 4. С. 250–258.

[216] См. гл. 2. С. 110–114.

[217] См. гл. 4. С. 265–267.

[218] *Adolf Bastion*. Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. Berlin, 1895.

[219] *Eugenio Tanzi*. II Folklore nella Patologia Mentale // Rivista di Filosophia Scientifica. IX. 1890. P. 385–419.

[220] *Leo Frobenius*. Das Zeitalter des Sonnengottes. Berlin: George Reiner, 1904.

[221] *Jan Nelken.* Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen// Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatologische Forschungen. IV. 1912. S. 504–562.

[222] *Albrecht Dieterich.* Mutter Erde. Ein Versuch über Volksreligion. Leipzig, 1905.

[223] *Leon Daudet.* L'Heredo, essai sur le drame interieur. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1917.

[224] *Leon Daudet.* Le Monde des images. Suite de L'Heredo. Paris: Nouvelle Librairie Nationale, 1919.

[225] *C. G. Jung.* The Interpretation of Visions. Неопубликованные материалы семинаров. Зима 1934 г. XI. P. 25.

[226] См.: *Bruno Klopfer et al.* C.G. Jung and Projective Techniques // Special issue of the Journal of Projective Techniques. XIX. No 3. 1955. P. 225–270.

[227] См., например, *John Weir Perry.* The Self in Psychotic Processes, Its Symbolization in Schizophrenia. University of California Press, 1953; *John Custance.* Weisheit und Wahn. Zurich: Rascher, 1954; *John Stachelin.* Mythos und Psychose // Schweizer Archive fur Neurologie und Psychiatri. LXVIII. 1951. S. 408–414.

[228] *Sheldon T.* Selensnick. C.G. Jung's Contributions to Psychoanalysis // American Journal of Psychiatry. CXX. 1963. P. 35–356.

[229] *Erik Erikson.* Childhood and Society. New York: W.W. Norton, 1950. P. 219–234 (рус. пер.: *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: ЛЕНАТО; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996. — *Прим. ред.*).

[230] *Robert Desoille.* Exploration de l'affectivite subconsciente par la methode du reve eveille. Paris: d'Atrey, 1938.

[231] *Hans Trub.* Heilung aus der Begegnung. Stuttgart: Klett, 1951.

[232] *H.K. Fierz.* Klinik und Analitische Psychologie. Zurich: Rascher, 1963.

[233] *C.A. Meier.* Psychosomatik in Jungscher Sicht // Psyche. XV. 1962. S. 625–638.

[234] *Hans A. Illing.* International Journal of Group Therapy. VII. 1957. P. 392–397; C.G. Jung on the Present Trends in Group Psychotherapy // Human Relations, X. 1957. P. 77–83.

[235] *Bill W.* Carl Jung Letters. A.A. Grapevine. The International Monthly Journal of Alcoholics Anonymous. XIX. № 8. January 1963. P. 2–7. Автор признателен миссис Пауле Карпентер, приславшей ему копию этого выпуска.

[236] См.: Bill's Story // Alcoholics Anonymous. New York: Works Publishing, 1939. P. 10–26.

[237] *H.J. Eysenck.* Dimensions of Personality. London: Routledge & Kegan Paul, 1947. P. 10–14.

[238] *P. Plattner.* Gliicklichere Ehen. Berne: Hans Huber, 1950.

[239] *Arnold J. Toynbee.* A Study of History. London: Oxford University Press, 1954. VII. P. 722–736; 1954. X. P. 225–226.

[240] *David Riesman.* The Lonely Crowd. New Haven: Yale University Press, 1950.

[241] *C.G. Jung and Karl Kerenyi.* Eine Einführung in das Wesen der Mythologie. Zürich: Rascher, 1941.

[242] *W. Pauli.* Der Einfluss archetypischer Vorstellungen auf die Bildung naturwissenschaftlicher Theorien bei Kepler // C.G. Jung and W. Pauli, Naturerklarung und Psyche. Zürich: Rascher, 1952.

[243] *F.M. Cornford.* The Unwritten Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. P. 10–13.

[244] *Max Frischknecht.* Die Religion in der Psychologie C.G. Jungs // Religiöse Gegenwartsfragen, Heft 12. Berne: Haupt, 1945.

[245] *Hans Schar.* Religion und Seele in der Psychologie C.G. Jungs. Zürich: Rascher, 1946.

[246] *Hans Schar.* Erlösungsvorstellungen und ihre psychologischen Aspekte. Ziirich: Rascher, 1950.

[247] *Edmond Rochedieu.* Le Transfert et le sentiment religieux // Acta Psychotherapeutica, Psychosomatica et Orthopaedagogica. III. Supplement. 1956. P. 592–595.

[248] *Paul Tillich.* Carl Gustav Jung, 1875–1961. A Memorial Meeting, The Analytical Psychology Club of New York. 1962. P. 28–32.

[249] Здесь, между прочим, одно личное воспоминание: во время поездки в Англию после Второй мировой войны автору случилось посетить бенедиктинский монастырь; как только настоятель узнал, что в монастыре находится швейцарский психиатр, он пригласил его к себе и стал с живым интересом расспрашивать о К.Г. Юнге.

[250] *Victor White.* God and the Unconscious. London: Harville Press, 1952, с предисловием К.Г. Юнга.

[251] *Father Hostie.* C.G. Jung und die Religion. Freiburg: Karl Alber, 1957.

[252] *Josef Goldbrunner.* Individuation. Die Tiefenpsychologie von Carl Gustav Jung. Krailling vor Munich: Erich Wewel, 1949.

[253] *Paul Evdokimov.* La Femme et le salut du monde, Etude d'anthropologie chrétienne. Toumai: Casterman, 1958.

[254] *Paul Reiwald.* Vom Geist der Massen. Handbuch der assenpsychologie. Zürich: Pan-Verlag, 1946. S. 213–236.

[255] *Eugen Boehler.* Die Grunggedanken der Psychologie von C.G. Jung // Industrielle Organisation. XXIX. 1960. P. 182–191.

[256] Неплохое резюме идей Бёлера дается Карлом Шмидом: *Karl Schmid.* Über die wichtigsten psychologischen Ideen Eugen Boehler's // Kultur und Wirtschaft. Festschrift zum 70. Geburtstag von Eugen Boehler. Zurich: Polygraphischer Verlag, [n.d.]. S. 79–86.

[257] *Eugen Boehler.* Der Mythus in der Wirtschaft // Industrielle Organisation. XXXI. 1962. P. 129–136.

[258] *Dietrich Schindler.* Verfassungsrecht und Soziale Struktur. Zürich: Schulthess, 1931.

[259] *Hans Fehr*. Primitives und germanisches Recht. Zur Lehre vom Archetypus // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. Vol. XLI. 1954–1955.

[260] *Hans Marti*. Urbild und Verfassung. Bern, 1958.

[261] *Erich Fechner*. Rechtsphilosophie. Soziologie und Metaphysik des Rechts. Tübingen: J. C.B. Mohr, 1956.

[262] *Max Imboden*. Die Staatsformen. Versuch einer psychologischen Deutung staatsrechtlicher Dogmen. Basel and Stuttgart: Helving & Lichtenhahn, 1959.

[263] Эти чувства хорошо выражены в письме Карла Буркхардта к Гофмансталю. См.: Hugo von Hofmannsthal — Carl Burckhardt. Briefwechsel. Frankfurt-am-Main: S. Fischer, 1957. S. 161–163.

[264] *Virgil*. Eclogue VIII // Great Books of the Western World. № 13. P. 27.

Глава 10. Подъем и становление новой динамической психиатрии

[1] *J.M. Charcot*. Sur les divers etats nerveux determines par I'hypnotisation chez les hysteriques // Comptes-Rendus hebdomadaires des seances de I'Academie des Science. XC1V. 1882. (1). P. 403–405.

[2] *Pierre Janet*. Les Meditations psychologiques. Paris: Alcan, 1919.1. P. 155.

[3] *A. Jaquet*. Ein halbes Jahrhundert Medizin. Basel: Benno Schwabe, 1929. S. 166–171.

[4] *Charles Richet*. Du Somnambulisme provoque // Journal de 1 'Anatomie et de la Physiologie el pathologique de I'homme el des animaux, II. 1875. P. 348–377.

[5] *Rudolf Heidenhain*. Der sog. thierische Magnetismus; Physiologische Beobachtungen. Leipzig: Breitkopf and Hartel, 1880.

[6] См. гл. 2. С. 120–123.

[7] *Robert G. Hillman*. A Scientific Study of Mystery: The Role of the Medical and Popular Press in the Nancy-Salpetriere Controversy on Hypnotism // Bulletin of the History of Medicine, XXXIX. 1965. P. 163–182.

[8] *Jules Liegeois*. De la Suggestion hypnotique dans ses rapports avec le droit civil et le droit criminel // Seances et travaux de Г Academie des sciences morales et politiques, CXXII. 1884. P. 155.

[9] *H. Bernheim*. De la Suggestion dans l'etat hypnotique el dans l'etat de veille. Paris: Doin. 1884.

[10] См. гл. 2. С. 123–127.

[11] См. гл. 2. С. 123–127.

[12] *Sigmund Freud*. Charcot // Wiener medizinische Wochenschrift. XLIII. S. 1893. P. 1511–1520. Standard Edition. III. P. 11–23.

[13] *Paul Richer*. Etudes cliniques sur Physterie-epilepsie ou grande hysterie. Delahaye et Lecrosnier, 1881.

[14] *Sigmund Freud*. Selbstdarstellung // Grote. Die Medizin der Gegenwarl. 1925. IV. S. 1–52. Standard Editlon. XX. P. 7–74.

[15] См. гл. 6. С. 390–392.

[16] Личное сообщение мадемуазель Элен Пишон-Жане.

[17] См. гл. 6. С. 398–400.

[18] Эрнст Фрейд, весьма любезно согласившийся просмотреть по просьбе автора письма Фрейда к невесте, сообщил ему, что не нашел упоминания об этой встрече.

[19] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1953. 1. P. 187.

[20] Это показано в двух письмах Фрейда, воспроизведенных во французском переводе в книге: *Andre Gaucher.* L'Obsede. Drame de la libido. Avec lettres de Freud et de Pierre Janet. Paris: Andre Delpech, 1925.

[21] *Leon Daudet.* Le Moi et le Soi // L'Heredo. Paris: Nouvelle Librairie Nationale. 1917. P. 1–38.

[22] См. с. 379–383 наст. изд.

[23] См. с. 34–42 наст. изд.

[24] *J. Delboeuf.* De l'lnfluence de 1 'imitation et de 1 'education dans Ie somnambulisme provoque //Revue philosophique. XXII. 1886. 11. P. 146–171.

[25] *Henri Bergson.* Simulation Inconsciente dans l'etat d'hypnotisme // Revue philosophique. XX. P. 11. 1886. (II). P. 525–531.

[26] См. гл. 6. С. 420.

[27] *H. Bernheim.* De la Suggestion et de ses applications a la therapeutique. Paris: Doin. 1886.

[28] *Enrico Morselli.* II Magnetismo animale. La fascinazione e gli stati ipnotici. Turin: Roux and Favale, 1886.

[29] *Frederick W.H. Myers.* Multiplex Personality // The Nineteenth Century, XXX. 1886. P. 648–666.

[30] *E. Gurney, F. W.H. Myers, F. Podmore.* Phantasms of the Living. 2 vols. London: Society for Psychical Research. 1886.

[31] *Richard von Krafft-Ebing.* Psychopathia Sexualis. Eine Klinisch-Forensische Studie. Stuttgart: Enke, 1886.

[32] *Benjamin Tarnowsky.* Die krankhaften Erscheinungen des Geschlechtssinnes: eine forensisch-psychialrische Studio. Berlin: Hirschwald. 1886.

[33] *Julius Wagner.* Uber die Einwirkung fieberhafter Erkrankungen auf Psychosen // Jahrbuch fur Psychologie und Neurologie. VII. 1887. S. 94–130.

[34] *Gehrart Hauptmann.* Das Abenteuer meiner Jugend // Samtliche Werke [n.p.]: Propylaen-Verlag, 1962. II. S. 451–1088. (См. описание Бургхольцли времен Фореля: S. 1063–1067.)

[35] *Albert Moll.* Ein Leben als Arzt der Seele, Erinnerungen. Dresden: Reissner, 1936. P. 31.

[36] *Dr. Crocq.* L'Hypnotisme scientifique. 2nd ed. Paris: Societe d'Editions Scientifiques, 1900.

[37] *Max Dessoir.* Bibliographie des modemen Hypnotismus. Berlin: Duncker. 1888.

[38] *August Forel.* Der Hypnotismus und seine strafrechtliche Bedeutung. Berlin and Leipzig: Guttentag, 1888.

[39] *Anon.* L'Affaire Chambige // Revue des grands proces contemporains, VII. 1889. P. 21–101.

[40] *P.J. Moebius.* Uber den Begriff der Hysterie // Centralblatt fiir Nervenheilkunde. XI. 1888. P. 66–71.

[41] *Henri Bergson.* Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris: Alcan, 1889.

[42] См. гл. 6. С. 420–425.

[43] *Brown-Sequard.* Des effets produits chez l'homme par des injections sous-cutanées d'un liquide retiré des testicules frais de cobaye et de chien // Comptes-rendus hebdomadaires des seances et memoires de la societe de biologie, 9th series. I. 1889. P. 410–414.

[44] Congres international de Psychologie Physiologique // Revue Philosophique, XXVIII. 1889. II. P. 109–111, 539–546.

[45] Premier congrès international de l'hypnotisme expérimental et thérapeutique, Paris, August 8–12. 1889. Comptes-rendus publies par Edgar Berillon. Paris: Doin, 1890.

[46] *Briand II* Premier Congres international de l'hypnotisme. P. 182–187.

[47] *Bourru et Burnt II* Premier Congres international de l'hypnotisme. P. 228–240.

[48] Congres international de 1889. Magnétisme humain, appliqué au soulagement. Rapport general. Paris: Georges Carre, 1890.

[49] *J.M. Charcot* Leçons du mardi à la Salpêtrière. Policlinique, 1888–1889. Paris: Progres Medical, 1889. P. 247–256.

[50] *A.A. Liebeault.* Le sommeil provoqué et les états analogues. Paris: Doin, 1889.

[51] *Albert Moll.* Der Hypnotismus. Berlin: Komfeld. 1889.

[52] *G. Anton.* Hypnotische Heilmethode und mitgetheilte Neurose // Jahrbuch fur Psychiatrie, VIII. 1889. S. 194–211.

[53] См. гл. 3. С. 184–190.

[54] См. гл. 5. С. 370–373.

[55] *Moritz Benedikt.* Aus der Pariser Kongresszeit. Erinnerungen und Betrachtungen // Internationale Klinische Rundschau, 111. 1889. S. 1531–1533, 1573–1576, 1611–1614, 1657–1659, 1699–1703, 1858–1860.

[56] См. гл. 5. С. 360–361.

[57] *Adolf Strumpell.* Aus dem Lebens eines deutschen Klinikers. Erinnerungen und Beobachtungen. Leipzig: F. C.W. Vogel, 1925. S. 217–219.

[58] *William James.* The Principles of Psychology. 2 vols. New York: H. Holt, 1890 (рус. пер.: *Джеймс У.* Психология. М., 1991. — *Прим. ред.*).

[59] *Anon.* Michel Eyraud et Gabrielle Bompard // Revue des Grands Proces Contemporains IX. 1891. P. 19–107.

[60] *H. Bernheim.* De la suggestion. Paris: Albin Michel, [n.d.]. P. 170–171.

[61] *J. Grasset.* Le Roman d'une hysterique. Histoire vraie pouvant servir a l'etude medico-legale de l'hysterie et de 1 'hypnotisme // La Semaine Medicale. X. 1890. P. 57–58.

[62] *Georges Gilles de la Tourette.* Traite clinique et therapeutique de l 'hysterie d'aprcs l'enseignement de la Salpetriere. Paris: Plon, 1891.

[63] См. гл. 6. С. 430–435.

[64] La Manifestation en l'honneur du Dr. Liebeault le 25 mai 1891 // Revue de l'Hypnotisme. V. 1890–1891. P. 353–359.

[65] *Moritz Benedikt.* Über Neuralgien und neuralgische Affectionen und deren Behandlung // Klinische Zeit und Streitfragen. VI. № 3. 1892. P. 67–106.

[66] См. гл. 5. С. 360–361.

[67] *J. M. Charcot.* La Foi qui guerit // Revue hebdomadaire. I. 1892; Archives de Neuralgia. XXV. 1893. P. 72–87.

[68] *J. M. Charcot.* Sur un Cas d'amnesie retro-anterograde probablement d'origine hysterique // Revue de Medicine XII. 1892. P. 1–96. С приложением, составленным А. Соком (Souques). P. 267–400, 867–881.

[69] См. гл. 6. С. 432–433.

[70] См. гл. 6. С. 470–475.

[71] *Louis-Henri-Charles Laurent.* Des Etats seconds. Variations pathologiques du champ de la conscience. These Med. Bordeaux, 1891–1892, № 13. Bordeaux: Cadoret, 1892.

[72] International Congress on Experimental Psychology. Second Session. London: Williams & Norgate, 1892.

[73] *Adolf Strumpell.* Über die Entstehung und die Heilung von Krankheiten durch Vorstellungen. Erlangen: F. Junge, 1892.

[74] *Marcel Prevost.* L'Automne d'une femme. Paris: Lemerre, 1893.

[75] *Richard von Krafft-Ebing.* Hypnotische Experimente. Stuttgart: Enke, 1893.

[76] См. с. 94 наст. изд.

[77] Revue Neurologique. I. 1893. P. 36.

[78] *Heinrich Obersteiner.* Die Lehre vom Hypnotismus. Vienna: Breitenstein, 1893. P. 44.

[79] *Frederick W.H. Myers.* The Subliminal Consciousness // Proceedings of the Society for Psychical Research. IX. 1893–1894. P. 3–25.

[80] *J. Michell Clarke.* Critical Digest, Hysteria and Neurasthenia // Brain. XVII. 1894. P. 119–178, 263–321.

[81] *J. Dallemagne.* Degeneres et desequilibres. Brussels: Lamertin, 1894. P. 436, 445–446.

[82] *Pierre Janet.* Contribution à l'étude des accidents mentaux chez les hystériques. These med. Paris, 1892–1893, № 432. Paris: Rueff. 1893. P. 252–257.

[83] *Moritz. Benedikt.* Hypnotismus und Suggestion. Eine Klinisch-psychologische Studie. Leipzig and Vienna: Breitenstein, 1894. P. 64–65.

[84] См. гл. 2. С. 130–131.

[85] *Auguste Motet.* Affaire Valroff. Double tentative de meurtre. Somnambulisme allegui. Paris: Bailiiere, 1893.

[86] *А. Любимов.* Профессор Шарко. Научно-биографический этюд. СПб.: Суворин, 1894.

[87] См. гл. 2. С. 139.

[88] См. гл. 7. С. 94–95, 164–165; а также с. 407 наст. изд.

[89] См. гл. 2. С. 130–132.

[90] См. гл. 2. С. 135–139.

[91] См. гл. 6. С. 430–435.

[92] См. гл. 6. С. 440.

[93] *Gustave Le Bon.* Psychologie des foules. Paris: Alcan, 1895 (рус. пер.: *Лебон Г.* Психология толп // Психология толп (антология). М.: Институт психологии РАН, 1999. С. 15–254. — *Прим. ред.*).

[94] См. гл. 7. С. 84–94.

[95] *Umpfenbach* // Zeitschrift für die Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. X. 1896. P. 308–309.

[96] *E. Bleuler.* Münchener m edizinische Wochenschrift. XLIII. 1896. S. 524–525.

[97] *Adolf Strumpell.* Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde. VIII. 1896. S. 159–161.

[98] *J. Michell Clarke* II Brain. XIX. 1896. P. 401–414.

[99] *Frederick W.H. Myers.* Hysteria and Genius // Journal of the Society for Psychical Research. VIII. № 138. April 1897. P. 50–9.

[100] *Havelock Ellis.* Hysteria in Relation to Sexual Emotions // The Alienist and Neurologist. XIX. 1898. P. 599–615.

[101] *Johann Bressler.* Culturhistorischer Beitrag zur Hysterie // Allgemeine Zeitschrift fur Psychiatrie. LIV. 1896–1897. P. 333–376.

[102] См. гл. 1. С. 40–45.

[103] *Paul Ranschbuig und Ludwig Hajos.* Neue Beitrage zur Psychologie des Hysterischen Geisteszustandes. Kritisch-experimentelle Studien. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1897.

[104] *Richard von Krafft-Ebing.* Zur Suggestionsbehandlung der Hysteria Gravis // Zeitscrift fur Hypnotismus. IV. № 1. 1896. 27–31.

[105] *Richard von Krafft-Ebing.* Arbeiten aus dem Gesamtgebiet der Psychiatrie und Neuropathologie. Leipzig: Barth, 1897. P 111, 193–211.

[106] *Alfred Freiherr von Berger.* Chirurgie der Seele. 1896. Partially reprinted in Almanach der Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytiker Verlag, 1933. S. 285–289.

[107] *Hugo von Hofmannsthal.* Elektra. Berlin: Fischer, 1904.

[108] Цит. по: *Walter Jens.* Hofmannsthal und die Griechen. Tubingen: Niemayer, 1955. P. 155.

[109] *Hermann Bahr.* Dialog vom Tragischen. Berlin: Fischer, 1904.

[110] *Theodor Herzl.* Der Judenstaat. Versuch einer modemen Lösung der Judenfrage. Leipzig and Vienna; M. Breitenstein, 1896.

[111] III Intemationaler Congress fur Psychologie in Miinchen vom 4. bis 7. August 1896. Munich: J. F. Lehmann, 1897.

[112] *Theodor Lipps.* III Intemationaler Congress für Psychologie in München. P. 146–164.

[113] *Geoig Hirlh* II III. Intemationaler Congress für Psychologie in München. S. 458–473.

[114] См. гл. 3. С. 193–194; гл. 6. С. 440.

[115] *Albert Freiberr von Schrenck-Notzing.* Über Spaltung der Persönlichkeit (sogenanntes Doppel-Ich). Vienna: Holder, 1896.

[116] См. гл. 5. С. 334–336.

[117] *Frederick W.H. Myers.* Hysteria and Genius // Journal of the Society for Psychical Research. VIII. 1897. P. 50–59.

[118] *L. Löwenfeld.* Lehrbuch der gesamten Psychotherapie mit einer einleitenden. Darstellung der Hauptthatsachen der medicinischen Psychologie. Wiesbaden: Bergmann, 1897.

[119] См. гл. 6. С. 440.

[120] *Pierre Janet.* Traitement psychologique de l'hysterie // Traite de Therapeurique. Albert Robin, ed., fascicule 15. 2nd part. Paris: Rued, 1898. P. 140–216.

[121] *A. W. Van Renterghem.* Liebeault en zijne School. Amsterdam: Van Rossen, 1898.

[122] См. гл. 9. С. 344–349.

[123] *Albert Moll.* Untersuchungen über die Libido sexualis. Berlin: H. Komfeld, 1898. Vol. L.

[124] Jahrbuch fur sexuelle Zwischenstufen unfer besonderer Berucksichtigung der Homosexualitat. Leipzig: Max Spohr, 1899.

[125] *Charles Fere.* L'lnstinct sexuel. Evolution el dissolution. Paris: Alcan, 1899.

[126] *E. Husserl.* Logische Untersuchungen. Halle: Niemeyer, 1890. Vol. I.

[127] См. гл. 6. С. 400–405.

[128] II Congres International de I'Hypnotisme, Paris, August 12–16, 1900. Paris: Revue de l'Hypnotisme, Vigot. 1902. P. 320. Comptes-Rendus publies par Dr. Berillon et Dr. Farez.

[129] См. гл. 3. С. 220.

[130] IVe Congres International de Psychologie, Paris, August 20–26,1900. Paris: Alcan, 1901.

[131] См. гл. 5. С. 370.

[132] *Paul Farez.* L'Hypnotisme et revocation du subconscient // IVe Congres International de Psychologie, 1900. Paris: Alcan, 1901. P. 670–674.

[133] Le Figaro. August 29. 1900.

[134] См. гл. 5. С. 380–383.

[135] *Anon.* (D. Myizger). Autour «Des Indes a la planete Mars». Bale et Geneve Georg &Co, ed. Paris: Librairie Spirite, 1901.

[136] *Edouard Claparede.* Theodore Flournoy. Sa Vie et son oeuvre. 1854–1920 // Archives de Psychologie. XVI11. 1923. P. 1–125.

[137] См. с. 50–57, 104–106 наст. изд.

[138] *Ilse Bry and Alfred H. Rifkin.* Freud and the History of Ideas: Primary Sources, 1886–1910 // Science and Psychoanalysis. V. 1962. P. 6–36.

[139] *William Stern.* Zeitschrift für Psychologie und Phisiologie der Sinnesorgane XXVI. 1901. S. 30–133.

[140] *Naecke* II Archiv fur Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik, VII. 1901. P. 168–169.

[141] *W. Weygandt.* Zentralblatt für Nervenheilkunde. XXIV. 1901. S. 548–549.

[142] Theodore Flournoy // Archives de Psychologie. II. 1903. P. 72–73.

[143] *Henri Bergson.* Le Reve // Bulletin de I'lnstitut Psychologique International. I. 1901. P. 97–122; перепечатано в: Revue scientifique, 4th series. XV. 1901. P. 705–713 и в: Revue de Philosophie. I. 1901. P. 486–489.

[144] *Emil Raimann.* Die hysterischen Geistesstorungen. Eine Klinische Studie. Leipzig and Vienna: Deuticke. 1904.

[145] В этой же книге Райман возносит хвалы теории истерии Брейера и Фрейда. Действительно, странно, что Джонс воспринимал эту книгу как злобную атаку против Фрейда.

[146] *Max Burckhardt.* Ein modemes Traumbuch // Die Zeit. XXII. 1900. № 275. January 6. P. 911; 1900. № 276. January 13. P. 25–27.

[147] Die Umschau. IV. 1900. № II. March 10. P. 218–219.

[148] *H. K.* Traume und Traumdeutung // Fremden-Blatt. LIV. № 67. 1900. March 10. P. 13–14.

[149] Arbeiter-Zeitung. XII. № 289. October 21. 1900.

[150] Neues Wiener Tagblatt. January 29 und 30. 1902.

[151] Эти последние упомянутые обзоры были обнаружены д-ром Хансом Бек-Видманстеттером. Автор выражает признательность ему и К. Р. Эйслеру за фотокопии.

[152] См. гл. 5. С. 300–305.

[153] *J. Babinski.* Definition de l'hysterie // Revue Neurologique. IX. 1901. P. 1074–1080.

[154] *Sigmund Freud.* Über den Traum // Loewenfeld and Kurella. Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens. Wiesbaden: Bergmann, 1901. S. 307–344. Standard Edition. V. P. 633–686.

[155] *Ilse Bry and Alfred Rifkin.* Freud and the History of Ideas: Primary Sources // Science and Psychoanalysis. V. 1962. P. 6–36.

[156] *Hermann Kornfeld.* II Psychiatrische Wochenschrift. II. 1900–1901. S. 430–431.

[157] *Ziehen.* II Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte auf dem Gebiete der Neurologie und Psychiatrie. V. 1901. S. 829.

[158] *Moebius* II Schmidt's Jahrbücher der in- und auslandischen gesammten Medizin. CCLXIX. 1901. S. 271.

[159] *Liepmann* // Monatsshrift für Psychiatrie und Neurologie. X. 1901. S. 237–239.

[160] *Giessler* II Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, XXIX. 1902. S. 228–230.

[161] *O. Kohnstamm* II Forstschritte der Medizin. XX. 1902. S. 45–46.

[162] *A. Pick* II Prayer Medizinische Wochenschrift. XXVI. 1901. S. 145.

[163] *Voss* II St. Peterburger Medizinische Wochenschrift, XXVI. 1901. S. 325.

[164] См. с. 111–113 наст. изд.

[165] Jahresbericht iiber die Leistungen und Fortschritte auf dem Gebiete der Neurologie und Psychiatrie. V. 1901.

[166] *Hermann Rohleder.* Vorlesungen über Sexualtrieb und Sexualleben des Menschen. Berlin: Fischer, 1901.

[167] *Albert Moll.* Über eine wenig beachtete Gefahr der Prügelstrafe bei Kindern // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, XXVIII. 1902. S. 203–204.

[168] *Heinrich Schurtz.* Altersklassen und Männerbunde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin: G. Reimer, 1902.

[169] *Theodor Dunin.* Grundsätze der Behandlung der Neurasthenie und Hysterie. Berlin: Hirschwald, 1902.

[170] Congres des Medecins Alienistes et Neurologistes de France, 12th session, Grenoble, 1902, 11. Paris: Masson, 1902.

[171] См. с. 324–327 наст. изд.

[172] *Theodore Flournoy.* Nouvelles Observations sur un cas de somnambulisme avec glossolalie // Archives de Psychologie, 1. 1902. P. 101–255.

[173] XIVe Congres International de Medicine, Madrid, 23–30 avril 1903. Volume general. 1904. P. 295.

[174] См. гл. 6. С. 440–444.

[175] *Frederick W.H. Myers.* Human Personality and Its Survival of Bodily Death. 2 vols. London: Longmans. Green & Co., 1903.

[176] См. гл. 5. С. 370–371.

[177] *Otto Weininger.* Geschlecht und Charakter. Vienna: Braumüller, 1903 (рус. пер.: *Отто Вейнингер.* Пол и характер. М., 1992. — *Прим. ред.*).

[178] Среди распространенной литературы о Вейнингере см., в частности, *David Abrahamsen.* The Mind and Death of a Genius. New York: Columbia University Press, 1946.

[179] См. с. 114–116 наст. изд.

[180] *Paul Daniel Schreber.* Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. Leipzig: Oswald Mutze, 1903.

[181] *Wilhelm Jensen.* Gradiva. einpompeianisches Phantasiestück. Dresden and Leipzig: Reissner, 1903.

[182] См. гл. 5. С. 344–350.
[183] См. гл. 5. С. 350.
[184] См. гл. 3. С. 150–151.
[185] См. гл. 6. С. 403.
[186] Из трудов Конгресса не ясно, была ли это выставка книг или же просто список рекомендованной литературы.
[187] *Jean Camus et Philippe Pagniez.* Isolement et psychotherapie. Paris: Alcan, 1904. P. 5–82.
[188] *Paul Dubois.* Les Psychonevroses et leur traitement moral. Paris: Masson, 1904.
[189] См. с. 110–114 наст. изд.
[190] *Sigmund Freud.* Die Freudsche psychoanalytische Methode // L. Löwenfeld. Die psychischen Zwangserscheingen auf klinischer Grundlage dargestellt. Wiesbaden: Bergmann. 1904. S. 545–551. Standard Edition. VII. P. 249–254.
[191] *Willy Hellpach.* Grundlinien einer Psychologie der Hysterie. Leipzig: Wilhelm Engelmann, 1904.
[192] *Emil Raimann.* Die hysterischen Geistesstörungen. Eine Klinische Studie. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1904.
[193] *Edouard Claparede.* Psychologie de l'enfant et pedagogie experimental. Geneva: Kiindig, 1905.
[194] *Alfred Binet et Theodore Simon.* Méthodes nouvelles pour le diagnostic du niveau intellectuel des anormaux // L'Annee Psychologique, XI. 1905. P. 191–244.
[195] *August Forel.* Die sexuelle Frage. Munich: Reinhardt. 1905.
[196] *Ilse Bry and Alfred H. Rifkin.* Freud and the History of Ideas: Primary Sources, 1886–1910 // Science and Psychoanalysis. V. 1962. P. 6–36.
[197] Medizinsche Klinik II. 1906. S. 740.
[198] Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. XXIV. 1906. S. 166.
[199] Wiener klinische Rundschau. XX. 1906. S. 189–190.
[200] Psychological Bulletin. III. 1906. P. 280–283.
[201] Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen. VIII. 1906. P. 729–748.
[202] *Otto Soyka.* Zwei Bucher // Die Fackel. No. 191. December 21, 1905. S. 6–11.
[203] См. опыт Уильяма Джеймса, связанный с землетрясением.
[204] *Eugen Bleuler.* Affektivität, Suggestibilität, Paranoia. Halle: Marhold, 1906.
[205] *Eugen Bleuler.* Freud'sche Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen // Psychiatrisch-Neurologische Wochenschrift, VIII. 1906–1907. S. 316–318, 323–325, 338–340.
[206] См. с. 324–329 наст. изд.
[207] *Gustav Aschaffenburg.* Die Beziehungen des sexuellen Leben zur Entstehung von Nerven- und Geisteskrankheitcn // Münchener medizinische Wochenschrift, III. 1906. S. 1793–1798.
[208] *Adolf Meyer.* Fundamental Conceptions of Dementia Praecox // British Medical Journal. II. 1906. P. 757–760.
[209] *Carl Spitteler.* Imago. Jena: Diederichs, 1906.

[210] См. гл. 5. С. 344–347.

[211] *А. А. Brill.* Предисловие переводчика к: С. *G. Jung.* The Psychology of Dementia Praecox // Nervous and Mental Disease Monographs. 1936.

[212] См. с. 224–231 наст. изд.

[213] *Otto Rank.* Der Künstler. Ansätze zu einer Sexualpsychologie. Vienna: Heller, 1907.

[214] Premier Congres International de Psychiatrie, de Neurologie, de Psychologie, et de l'Assistance des Alienees. Amsterdam, September 2–7,1907. Amsterdam: De Bussy, 1908.

[215] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. II. P. 186.

[216] Отчет об этой встрече Джонса дает понять, что эта сессия была не чем иным, как концентрированной атакой на теории Фрейда. Официальные же записи оставляют совершенно иное впечатление: большинство выступавших были озабочены лишь отстаиванием своих собственных позиций и идей; разумеется, среди прочих нашлись и те, кто выступал против Фрейда.

[217] Monatsschrift für Neurologie und Psychiatrie, XXII. 1907. S. 562–572.

[218] Это предположительное заявление Жане в трудах конгресса обнаружено не было. Возможно, что оно прозвучало в кулуарных обсуждениях. Тем не менее в более поздних отчетах в искаженном виде мы встречаем следующее: Жане заявил публично, что психоанализ (но не теория истерии) был просто неудачной шуткой (mauvaise plaisanterie).

[219] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. II. P. 119.

[220] *A. A. Friedländer.* Über Hysterie und die Freudsche psychoanalytische Behandlung derselben // Monatsschrift fur Psychiatrie und Neuroloogie, XXII. 1907. Erganzungsheft. S. 45–54.

[221] *W. Weygandt.* Kritische Bemerkungen zur Psychologie der Dementia Praecox // Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie. XXII. 1907. S. 289–302.

[222] *M. Isserlin* II Centralblatt fur Nervenheilkunde und Psychiatrie. XVIII. 1907. S. 329–343.

[223] *Georges Sorel.* Reflexions sur la violence. Paris: Librairie de Pages Libres // 1908.

[224] *Karl Kraus.* Apocalypse (Offener Brief an das Publikum) // Die Fackel. X. №261/262. October 13. 1908. S. 1–14.

[225] *Edward Ryan.* A Visit to the Psychiatric Clinics and Asylums of the Old Land // American Journal of Insanity. LXV. 1908–1909. P. 347–356.

[226] *R. C. Clarke.* Notes on Some of the Psychiatric Clinics and Asylums of Germany // American Journal of Insanity. LXV. 1908–1909. P. 357–376.

[227] *Clarence P.* Obemdorf. A History of Psychoanalysis in America. New York: Grune and Stratton, 1953. P. 75.

[228] *W. Gruhle.* Zentralblatt für Nervenheilkunde. XXXI (XIX). 1908. S. 885–887.

[229] *Karl Kraus.* Tagebuch // Die Fackel. X. № 256. June 5, 1908. P. 15–32.

[230] *Karl Abraham*. Verwandtenehe und Neurose // Zentralblatt für Nervenheilkunde. XXXI1. 1909. P. 87–90.

[231] *Ernest Jones*. The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Book. 1955. II. P. 128.

[232] Vie Congres International de Psychologie, 1909. Rapports et Comptes-Rendus. Edouard Claparcde, ed. Geneva: Kiindig, 1910.

[233] W.B. Parker, ed. Psychotherapy: A Course of Reading in Sound Psychology. Sound Medicine, and Sound Religion. 3 vols. New York: Centre Publishing Co. 1909.

[234] *A.A. Brill*. Freud's Method of Psychotherapy // Psychotherapy. II. № 4. P. 36–47.

[235] *Richard C. Cabot*. The Literature of Psychotherapy // Psychotherapy. III. № 4. 1909. P. 18–25.

[236] *Ernest Jones*. The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Book. 1955. II. P. 54–59.

[237] Lectures and Addresses Delivered before the Departments of Psychology and Pedagogy in Celebration of the Twentieth Anniversary of the Opening of Clarke University. September 1909, 2 vols.. Worcester, Mass., 1910.

[238] См. с. 64–66 наст. изд.

[239] *A. Friedländer*. Hysterie und Modeme Psychoanalyse // Congres International de Medecine. Budapest. 1909. Sect. XII. P. 146–172.

[240] *J.I. Sadger*. Die Bedeutung der psychoanalytischen Methode nach Freud // Centralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie. XXX (XVIII). 1907. S. 45–52.

[241] *Caroline E. Playne*. The Neuroses of the Nations. London: Alien and Unwin, 1928.

[242] *F.T. Marinetti*. Le Futurisme // Le Figaro. № 51. February 20, 1909.

[243] *Anon*. Jubile du Professeur Bemheim. 12 novembre 1910. Nancy, 1910.

[244] См. с. 154–156 наст. изд.

[245] *Ernest Jones*. The Oedipus Complex as an Explanation of Hamlet's Mystery: A Study in Motive // American Journal of Psychology. XXI. 1910. P. 72–113.

[246] *Sigmund Freud*. Brief an Dr. Friedrich Krauss // Anthropophyteia, VII. 1910. P. 472–473. Standard Edition. XI. P. 221–227.

[247] Следует отметить, что в то же самое время Людвиг Заменхоф, создатель эсперанто, пожелал предоставить руководство своей организации нееврею. См. Israelitishes Wochenblatt, XI. 1912. P. 541–542.

[248] *Hans Blüber*. Traktat über die Heilkunde. Stuttgart: Klett. 1926. (Цитировано по 3-му изданию. 1950. S. 99–107.)

[249] *Sigmund Freud*. Über «wilde» Psychoanalyse // Zentralblatt für Psychoanalyse. I. 1910. P. 91–95. Standard Edition. XI. P. 221–227.

[250] *Oskar Pfister*. Die psychoanalytische Methode. Leipzig and Berlin: Klinkhardt, 1913. P. 59–60.

[251] Journal für Psychologie und Neurologie. XVII. Erganzungsheft. 1910–1911. S. 307–433.

[252] *Alfred Hoche.* Eine psychische Epidemie unter Aertzten//Medizinische Klinik. VI. 1910. 1007–1010.

[253] *Ludwig Frank.* Die Psychanalyse. Munich: E. Reinhardt, 1910.

[254] *Roger Vittoz.* Traitement des psychonevroses par la reeducation du controle cerebral. Paris: Baillicre, 1911.

[255] Дальнейшие подробности о методе Виттоца можно найти в медицинской диссертации: *Robert Dupond.* La Cure des psychonevroses par la methode du Dr. Vittoz. Paris: Jouve, 1934, — и в буклете, написанном его почитательницей: *Henriette Lefebvre.* Un Sauveur, le Docteur Vittoz. Paris: Jouve. [n.d.].

[256] *E. Bleuler.* Dementia Praecox, oder Gruppe der Schizophrenien // Aschaffenburg. Handbuch der Psychiatrie, Spezieller Teil. 4. Abt., 1. Hälfte. Vienna: Deuticke, 1911.

[257] *Crete Meisel-Hess.* Die Intellektuellen. Berlin: Oesterheld, 1911. S. 341–346.

[258] По одному из слухов, после трагедии пассажир третьего класса свидетельствовал под присягой, что во время спасательной операции проход, соединявший капитанскую рубку с верхней палубой, был перекрыт у него перед носом. Те пассажиры третьего класса, которые спаслись, сумели сломать дверь. Titanic Disaster. Hearings before a Subcommittee on Commerce. United States Senate, 62nd Congress, 2nd session. Document No. 726. Washington: Government Printing Office, 1912. P. 1021.

[259] *Friedrich von Bernhardi.* Deulschland und der nächste Krieg. Stuttgart: Cottas Nachfolger, 1912.

[260] Определить, было ли что-либо из активов фонда потрачено, не представляется возможным. «Brocer-Stiftung» был одной из многих жертв послевоенной инфляции. Когда австрийская валюта стабилизировалась в 1922 году, 10 000 крон стоили один шиллинг (одна седьмая доллара).

[261] Автор признателен госпоже К. Брейер, которая показала ему эти документы, и господину Жоржу Бриану, внуку Йозефа Брейера, за дополнительную информацию.

[262] *Sir James Frazer.* Totemism and Exogamy. A Treatise on Certain Early Forms of Superstition and Society. 4 vols. London: Macmillan Co., 1910.

[263] *Emile Durkheim.* Les Formes elementaires de la vie religieuse, le systeme totemique en Australie. Paris: Alcan, 1912.

[264] *Richard Thurnwald.* Die Denkart als Wurzel des Totemismus // Korrespondenzblatt der deutschen Gesellschaft fur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1911. P. 173–179.

[265] *Wilhelm Wundt.* Elemente der Völkerpsychologie. Leipzig: Alfred Kroner, 1912 (рус. пер.: *Вундт В.* Проблемы психологии народов. СПб., 2001. — *Прим. ред.*).

[266] *Otto Rank.* Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1912.

[267] Автор благодарен д-ру Густаву Морфу, который обратил внимание на этот эпизод, и сотрудникам Архивного отдела «Neue Ziircher Zeitung», Цюрих, за помощь.

[268] См. с. 474 наст. изд.

[269] *Richard B. Goldschmidt.* Portraits from Memory: Recollections of a Zoologist. Seattle: University of Washington Press, 1956. P. 35.

[270] *Johann Michelsen.* Ein Wort an geistigen Adel deutscher Nation. Munich: Bonsels, 1911.

[271] *Norman Malcolm.* Ludwig Wittgenstein: A Memoir. London: Oxford University Press, 1958.

[272] *Otto Rank and Hanns Sachs.* Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geitesswissenschaften. Wiesbaden: Bergmann, 1913. S. 68 (рус. пер.: *Ранк О., Закс X.* Значение психоанализа в науках о духе // Отто Ранк. Миф о рождении героя. М.: Рефл-Бук, 1997. — *Прим. ред.*).

[273] *Flans Blüher.* Werke und Tage. Geschichte eines Denkers. Munich: Paul List, 1953. S. 252.

[274] В том же году Маринетти опубликовал новеллу в стихах: Le Monoplan du Pape, roman politique en vers libres. Paris: Sansot, 1912, с «шокирующей» историей о похищенном папе и путешествии на аэроплане. Вряд ли он предполагал, что многие из его юных читателей доживут до реальных полетов папы в Иерусалим и Нью-Йорк.

[275] Личное сообщение д-ра Альфонса Мёдера.

[276] *Sigmund Freud.* Gross ist die Diana der Epheser // Zentralblatt fur Psychoanalyse. 1912. S. 158–159. Standard Edition. XII. P. 342–344.

[277] См. гл. 2. С. 110–113.

[278] *Ludwig Frank.* Affektstörungen. Berlin: J. Springer, 1913.

[279] См. с. 224–227 наст. изд.

[280] 17th International Congress of Medicine. London, 1913. Sect. 12. Parts I and II. London: Henry Frowde, 1913.

[281] Это стало причиной одной из наиболее прочных легенд в истории динамической психиатрии: считается, что Жане оскорбил Фрейда, заявив, что «психоанализ мог возникнуть только в таком безнравственном месте, как Вена». Достаточно обратиться к тексту доклада Жане, чтобы обнаружить, что он цитировал Ладама, который в свою очередь процитировал мнение Фридлендера касательно genius loci, иначе говоря, того особого интереса венской публики к сексуальной патологии, последовавшего за публикациями Крафт-Эбинга и других авторов.

[282] *Ernest Jones.* Free Associations: Memories of a Psycho-Analyst. London: Hogarth Press, 1959. P. 241.

[283] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. P. 11, 99.

[284] *Robert Wollenberg.* Erinnerungen eines alten Psychiaters. Stuttgart: Enke, 1931. S. 126.

[285] *Lou Andreas-Salome.* In der Schule bei Freud. Tagebuch eines Jahres 1912–1913. Zürich: Max Niehans, 1958. P. 190 (рус. пер.: см. примеч. 469 к гл. 7).

[286] См. с. 334–336 наст. изд.

[287] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. II. P. 109.

[288] Автор наиболее признателен госпоже Пауле Хэммет из Мельбурна, которая навела справки по данному вопросу и получила свидетельства от людей, которые были знакомы с семьей преподобного Дональда Фрезера.

[289] Профессор Биргер Стрэндел любезно провел изыскания в архиве университета Уппсалы и сумел получить для автора фотокопии обсуждения кандидатской диссертации Шпербера факультетским Ученым советом. После долгого обсуждения диссертация Шпербера была отвергнута; лишь один голос был в его пользу. Из оппонентов только один сделал обоснованное негативное замечание по поводу статьи Шпербера по поводу сексуального происхождения языка. В действительности, эта статья не сыграла какой-либо роли в том, что диссертация была отвергнута.

[290] *Ernest Jones.* Free Associations: Memories of a Psychoanalyst. London: Hogarth Press. 1959. P. 225.

[291] См. с. 154–159 наст. изд.

[292] См. с. 133–137 наст. изд.

[293] См. гл. 6. С. 406.

[294] *Henri Bergson.* Les Deux Sources de la morale et de la religion. Paris: Alcan, 1932. P. 166–167 (рус. пер.: *Анри Бергсон.* Два источника морали и религии. М., 1994. — *Прим. ред.*).

[295] *Robert A. Kann.* The Multinational Empire. 2 vols.. New York: Oregon Books. 1964.

[296] *Z. A. B. Zerman.* The Break-Up of the Habsburg Empire. 1914–1918. London: Oxford University Press, 1961. P. 24.

[297] Поступив так, Австро-Венгерское правительство следовало политической практике тех времен. За два месяца до этого правительство Соединенных Штатов послало военную экспедицию против мексиканцев в местечко Веракрус, продемонстрировав акт агрессии, хотя и не столь страшный. Чтобы провести параллель с австрийско-сербской ситуацией, необходимо вообразить, что могло бы случиться, если бы президент Вильсон был застрелен в Санта-Фе группой террористов из Нью-Мексико, вооруженных, обученных и направленных мексиканской тайной полицией.

[298] *Felix Somary.* Erinnerungen aus meinem Leben. Zürich: Manasse-Verlag, 1959. P. 114.

[299] Цит. по: *Georges Pascal.* Pour Connaitre la pensee d'Alain. 3 ed. Paris: Bordas, 1957. P. 176–177.

[300] *Remain Rolland.* Au-dessus de la melee // Journal de Geneve. September 22–23, 1914. supp. P. 5.

[301] *Hermann Hesse*. O Freunde, nicht diese Tone! // Neue Zürcher Zeitung. 1914. № 1487. November 3. S. 1–2.

[302] Письмо Йозефа Брейера Марии Эбнер-Эшенбах от 28 июня 1914 г. любезно предоставлено госпожой К. Брейер.

[303] *Ernest Jones*. The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. II. P. 192.

[304] См. гл. 6. С. 400.

[305] *Albert Moll*. Ein Leben als Arzt der Seele. Erinnerungen. Dresden: Carl Reissner, 1936. S. 192–193.

[306] *August Forel*. Riickblick auf mein Leben. Zurich: Europa-Verlag, 1935. P. 263–270.

[307] См., среди прочего, официальные документы, собранные в книгу: The Memoirs of Naim Bey. Turkish Official Documents Relating to the Deportations and Massacres of Armenians. London: Hodder and Stoughton, 1920.

[308] *Joseph Babinski et Eugene Froment*. Hystérie-pithiatisme et troubles nerveux d'ordre réflexe en neurologie de guerre. Paris: Masson. 1917.

[309] *J. Wagner-Jauregg*. Erfahrungen über Kriegsneurosen. Перепечатано из Wiener Medizinische Wochenschrift. 1916–1917.

[310] *Horace W. Frink*. Morbid Fears and Compulsions: Their Psychology and Psychoanalytic Treatment. New York: Dodd Mead, 1918.

[311] *Herbert Silberer*. Durch Tod zum Leben. Leipzig, Heims, 1915.

[312] *Hans Bluher*. Die Rolle der Erotik in der Mannergesellschaft. Jena: Diederich, 1917–1919.

[313] *Ceorg Friedrich Nicolai*. Die Biologie des Krieges. Betrachtungen eines deutschen Naturforschers. Zurich: Orell-Fussli, 1917.

[314] См. специальный выпуск швейцарского журнала «Du». XXVI. September 1966: «Zurich. 1914–1918».

[315] Согласно Фридриху Глаузеру, Тристан Тцара во время симуляции душевной болезни перед румынской медицинской комиссией всякий раз отвечал просто «Да, да» на все вопросы, которые ему задавали эксперты.

[316] *Jakob Moreno Levy*. Einladung zu einer Begegnung // Daimon, eine Monatsschrift. № 1. February 1918. S. 3–21.

[317] *Ernst Lothar*. Das Wunder des Überlebens, Erinnerungen und Erlebnisse. Hamburg-Wim: Paul Zsolnay, 1960. S. 36–37.

[318] Ich habe wie Sie eine unbandige Zuneigung zu Wien und Oesterreich. По случайному совпадению, это еще одно свидетельство против той легенды, согласно которой Фрейд глубоко ненавидел Вену на протяжении всей своей жизни.

[319] *Malcolm Bullock*. Austria, 1918–1938: A Study in Failure. London: Macmillan Co., 1939. P. 67.

[320] Характерным в этом отношении был памфлет Германа Гессе: *Hermann Hesse*. Blick ins Chaos. Bern: Verlag Seldwyla, 1921.

[321] *Oswald Spengler.* Der Untergang des Abendlandes; Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. 2 vols. Munich: Beck, 1919, 1922 (рус. пер.: *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2003. — *Прим. ред.*).

[322] *Karl Kraus.* Die Leiden Tage der Menschheit (1926)// Werke. Munich: Kosel-Verlag, 1957. Vol. V.

[323] См. с. 204 наст. изд.

[324] *Paul Federn.* Zur Psychologie der Revolution: die Vaterlose Gesellschaft// Der Aufstieg. Neue Zeit- und Streitschriften. № 12/13. Leipzig and Vienna: Anzengruber Verlag, 1919.

[325] A. Aichhom, ed. Saatkomlein. Mitteilungen Zum Ausbau des Hortbetriebes des Wiener stadtischen Knabenhorte. Erstes Heft: Vienna, 1917.

[326] См. с. 524 наст. изд.

[327] *Clarence P. Oberndorf.* A History of Psychoanalysis in America. New York: Grune and Straiten, 1953. P. 75.

[328] *Sandor Ferenczi et al.* Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1919. С предисловием Фрейда.

[329] См. гл. 6. С. 410, 440–442.

[330] *Hermann Hesse.* Demian, die Geschichte einer Jugend, von Emil Sinclair. Berlin: S. Fisher. 1919 (рус. пер.: *Германн Г.* Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером. СПб., 1999. — *Прим. ред.*).

[331] Герман Гессе проходил юнгианский анализ в 1916 и 1917 годах у д-ра Йозефа Ланга в Люцерне и позже в 1920 году «терапевтические беседы» у самого Юнга. «Демиан» был написан в 1917 году и опубликован двумя годами позже. (Информация любезно предоставлена госпожой Нинон Гессе в письме от 15 марта 1964 г.)

[332] *Alec Mellor.* La Torture, son histoire, son abolition, sa reapparition au XXe siecle. Tours: Maine, 1961.

[333] См. например, *Maurice Sachs.* Au Temps du boeuf sur le toit. Paris: Nouvelle Revue Critique, 1939. P. 108–127.

[334] Примечательно, что в новеллах Марселя Пруста нет упоминания об алкогольных напитках, в то время как у Хемингуэя и других послевоенных авторов алкоголь играет значительную роль в повествовании.

[335] *Philippe Soupault, Paul Eluard, Pierre Drieu la Rochelle, Joseph Delteil, Andre Breton et Louis Aragon.* Un Cadavre. Paris, 1924. Частично опубликовано в книге: *M. Nadeau,* Histoire du surrealisme. II. Documents surréalistes. Paris: Editions du Seuil. 1948. P. 11–15.

[336] Среди популярной литературы, посвященной сюрреализму, см.: *M. Nadeau.* Histoire du surrealisme. 2 vols. Paris: Editions du Seuil, 1945, 1948; *M. Carrouges.* André Breton et les données fondamentales du surréalisme. Paris: Gallimard, 1950; *Yves Duplessis.* «Que-sais-je?» Le surrealisme. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. № 432.

[337] *Herbert Silberer.* Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. I. 1909. P. 513–525.

[338] См. гл. 6. С. 430–435.

[339] Самой известной из них была: *Andre Breton and Philippe Soupault.* Les Champs magnetiques. Paris: Au Sans-Pareil, 1921.

[340] *Andre Breton.* Entretiens, 1913–1952, avec Andre Parinaud. Paris: Nouvelle Revue Franpaise, 1952. P. 89–91.

[341] Это было не столь ново, как думали сюрреалисты. Американские индейцы постоянно изготовляли предметы, которые являлись им в снах и видениях. См.: *James Mooney.* The Ghost Dance Religion and the Sioux Outbreak of 1890, Fourteenth Annual Report of the Bureau of Ethnology for 1892–1893. Part II. Washington, 1896.

[342] *Andre Breton et Paul Eluard.* L'Immaculee Conception. Paris: Corti, 1930.

[343] См. с. 64–66 наст. изд.

[344] Частично работа Фрейда о Лэй-анализе появилась в журнале Revolution surrealists. III. № 9/10. October 1927. P. 25–32. Часть его эссе «Остроумие и его отношение к бессознательному» появилась в Varieties, specialissue. June 1929. P. 3–6, под названием «L'Humour».

[345] Что касается Юнга, то как сообщают, он сказал о продукции дадаистов: «Она слишком идиотична, чтобы быть шизофренической».

[346] *Henri Ey.* La Psychiatrie devant le surrealisme // L'Evolution Psychiatrique. 1948. № 4. P. 3–52.

[347] Этот эпизод был назван совершенно неверно процессом Вагнер-Яурегга. На самом деле это было административное расследование, в котором было необходимо заслушать не только Вагнер-Яурегга, но и нескольких других бывших военных нейропсихиатров.

[348] Больше всего автор признателен Рене Гиклхорн, которая одолжила ему рукопись своей неопубликованной книги: Der Wagner-Jauregg Prozess, которая представляет собой подробный отчет об этом расследовании, включая текст основных документов и стенограмм обсуждений. Отчет Джонса не совсем точно передает впечатление от этих дебатов, поскольку он опирается лишь на написанный доклад Фрейда и не учитывает его устные замечания во время обсуждений.

[349] Отчет экспертов о Фрейде был впервые опубликован в: Standard Edition. XVII. P. 210–215.

[350] Фактически, понятие «бегство в болезнь» было сформулировано почти в тех же самых терминах Иделером и имело хождение в медицине в эпоху Романтизма.

[351] Не лишне вспомнить, что в армии многонациональной империи в ходу были не менее одиннадцати языков.

[352] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1957. III. P. 21–24.

[353] *Julius Wagner-Jauregg.* Lebenserinnerungen. Von L. Schonbauer and M. Jantsch, eds. Vienna: Springer, 1950. P. 71–73.

[354] *Eugen Bleuler.* Naturgeschichte der Seele und ihres Bewusstwerdens. Berlin: Springer, 1921.

[355] Значение, схожее с тем, что Гете изложил в своем «Втором Фаусте». Блейлер написал эту работу в конце жизни.

[356] *August Forel.* Le Monde social des fourmis. 5 vols. Geneva: Kundig, 1921.

[357] См. гл. 6. С. 460–467.

[358] См. с. 344–349 наст. изд.

[359] *Ernst Kretschmer.* Korperbau und Charakter. Berlin: Springer, 1921. S. 189–192 (рус. пер.: *Кречмер Э.* Строение тела и характер. М.: ГИЗ, 1924. Современное издание: *Кречмер Э.* Строение тела и характер. М.: Академический проект, 2015. — *Прим. ред.*); *Idem.* Medizinische Psychologie. Leipzig: Thieme, 1922. S. 149–156 (рус. пер.: *Кречмер Э.* Медицинская психология. М., 1994. — *Прим. ред.*).

[360] *H. F. Ellenberger.* The Life and Work of Hermann Rorschach. 1884–1922 // Bulletin of the Menninger Clinic. XVIII. 1954. P. 173–219.

[361] *Hermann Rorschach.* Gesammelte Aufsätze. Bern: Huber, 1965.

[362] *Hermann Rorschach.* Psychodiagnostik. Methodik und Ergebnisse eines wahmehmungdiagnostischen Experiments. (Deutenlassen von Zufallsformen). Bern: Bircher, 1921 (рус. пер.: *Роршах Г.* Психодиагностика. М.: COGITO, 2003. — *Прим. ред.*).

[363] См. с. 154–157 наст. изд.

[364] C. *P. Oberndorf.* A History of Psychoanalysis in America. New York: Grune and Stratton, 1953. P. 138.

[365] *George Seldes.* Can These Things Be! New York: Brewer, Warren and Putnam, 1931. P. 409–423.

[366] *Georg Groddeck.* Der Seelensucher. Ein psychoanalytischer Roman. Vienna: Intemalionaler Psychoanalytischer Verlag, 1921.

[367] *Hermine von Hug-Helmuth.* Tagebuch eines halbwuchsigen Mädchens. Vienna: Intemationnler Psychoanalytischer Verlag, 1918.

[368] *Cyril Burt.* British Journal of Psychology. Medical Section. I. 1920–1921. P. 353–357.

[369] Литературные качества и логическая связность явно превосходили возможный подростковый уровень изложения. Странно было и то, что отсутствовали индивидуальные мелочи и фривольности, которые обычно наводняют дневники молодых людей. Кроме того, у нее определенно были трудности в описании и объяснении тех людей и их поступков, о которых она говорила. Некоторые пассажи были настолько длинными, что на их изложение требовалось не менее пяти часов ежедневно, хотя, как утверждают, это был потаенный дневник, написанный в ситуации, когда приватность была затруднительной. Удивительно и то, что она давала себе труд копировать полный текст пространных писем вместо того, чтобы просто вставить их в дневник.

[370] *Ivan Kinkel.* Kem veprosa za psikhologicheskite osnovi i proizkhoda na religiat'a. Sofia, 1921.

[371] *Jakob Klaesi.* Über die therapeutische Anwendung der Dauemarkose mittels Somnifers bei Schizophrenen // Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psytriatrie. I–XXIV. 1922. S. 557–592.

[372] *Emile Coue.* La Maitrise de soi par Г autosuggestion consciente, nouvelle edition. Nancy: chez Pauteur, 1922.

[373] *Ella Boyce Kirk.* My Pilgrimage to Nancy. New York: American Library Service, 1922.

[374] *Ludwig Binswanger.* Über Phanomenologie // Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. XII. 1923. S. 327–330.

[375] *Jean Piaget.* Langage et pensée chez l'enfant. Neuchatel: Delachaux et Niestle, 1923.

[376] *Eugene Minkowski.* Étude psychologique et analyse phénoménologique d'un cas de mélancolie schizophrénique // Journal de psychologie normale et pathologique. XX. 1923. P. 543–558.

[377] *Martin Buber.* Ich und Du. Leipzig: Insel-Verlag, 1923.

[378] См. с. 134–136 наст. изд.

[379] *Georg Groddeck.* Das Buch vom Es; Psychoanalytische Briefe an eine Freundin. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1923.

[380] *З. Фрейд.* Основные психологические теории в психоанализе. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

[381] *Ivan Kinkel.* Sotsialna psikhopatiya v revolutsionni dvizheniya // Annuaire de I'Universite de Sofia. XIX. 1924.

[382] *Sandor Ferenczi und Otto Rank.* Entwicklungsziele der Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.

[383] *Otto Rank.* Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.

[384] *Edward Glover.* The Therapeutic Effect of Inexact Interpretations: A Contribution to the Theory of Suggestion// International Journal of Psychoanalysis. XII. 1931. P. 397–411.

[385] *Sandor Ferenczi.* Versuch einer Genitaltheorie. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1924.

[386] Совершенно случайно похожая теория была изложена невротичкой Эллидой (Ellida) в пьесе Ибсена «Женщина из моря».

[387] *Eugen Bleuler.* Die Psychoide, das Princip der organischen Entwicklung. Berlin: Springer, 1925.

[388] *Cornelia Stratton Parker.* The Capital of Psychology // The Survey. New York. I–IV. September. P. 551–555.

[389] *Theodor Reik.* Gestandniszwang und Strafbedürfnis. Probleme der Psychoanalyse und der Kriminologie. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1925.

[390] *August Aichhorn*. Verwahrloste Jugend. die Psychoanalyse in der Fiirsorgeerziehung. Zehn Vortrage erste Einführung. Mit eine Geleitwort von Prof. Dr. Sigmund Freud. Leipzig: Internationale Psychoanalytische Bibliothek. 1925. № 19.

[391] См. с. 504–509 наст. изд.

[392] *А.Р. Лурия*. Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. / Ред. К.Н. Корнилов. Л., 1925. С. 47–80.

[393] *Enrico Morselli*. La psicanalisi. Turin: Bocca, 1926. 1. P. 19.

[394] Версия этого случая Леона Доде изложена в его книге La Police politique, ses moyens et ses crimes. Paris: Denoel et Steel, 1934. P. 170–324.

[395] *Andre Gaucher*. L'Obsede. Drame de la libido. Avec lettres de Freud et de Pierre Janet. Paris: Delpeuch, 1925.

[396] *Kurt Tucholsky*. Herr Maurras vor Gericht // Gesammelte Werke. Hamburg: Rohwolt Verlag, [n.d.]. II. S. 217–223.

[397] *Pierre Janet*. De l'angoisse à l'extase. Études sur les croyances et les sentiments. I. Paris: Alcan, 1926.

[398] *Pierre Janet*. Les Stades de l'evolution psychologique. Paris: Maloine, 1926.

[399] *Pierre Janet*. La psicologia de los sentimientos. Mexico. DF: Sociedad de Ediciyn y Librema Franco-Americana, 1926.

[400] *C.G. Jung*. Das Unbewusste im normalen und kranken Seelenleben. Zürich: Rascher, 1926.

[401] См. гл. 3. С. 200–202.

[402] На выставке в Центре сюрреалистических исследований в Париже копия фрейдовских «Лекций по введению в психоанализ» была обставлена вилками в знак приглашения «сожрать книгу». См.: *Andre Masson*. Le Peintre et ses fantasmes // Les Etudes Philosophiques. II. 1956. № 4. P. 634–636.

[403] *Sigmund Freud*. Die Zukunft einer Illusion. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1927. Standard Edition. XXI. P. 5–56 (рус. пер.: *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Атеист. 1928. № 32. С. 63–96. — *Прим. ред.*).

[404] *Oskar Pfister*. Die Illusion einer Zukunft, Eine freundschaftliche Auseinandersetzung mit Sigmund Freud // Imago. XIV. 1928. 149–184.

[405] *Fedem-Meng*. Das Psychoanalytische Volksbuch. Stuttgart: Hippokrates-Verlag, 1927.

[406] *Heinz Hartmann*. Die Grundlagen der Psychoanalyse. Leipzig: Thieme, 1927.

[407] *Franz Alexander*. Psychoanalyse der Gesamtpersunlichkeit; neun Vorlesungen über die Anwendung von Freud's Ichteorie auf die Neurosenlehre. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1927.

[408] *Wilhelm Reich*. Die Funktion des Orgasmus. Zur Psychopathologie und zur Soziologie des Geschlechtslebens. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag. 1927 (рус. пер.: *Вильгельм Р.* Функция оргазма. М., 1998. — *Прим. ред.*).

409 *Otto Rank*. Die Technik der Psychoanalyse. Leipzig and Vienna: Deuticke, 1926.

410 См. с. 219–229 наст. изд.

411 *Ludwig Frank*. Die Psychokathartische Behandlung nervoser Stomngen. Leipzig: Thieme, 1927.

412 *Max Bircher-Benner*. Der Menschenseele Not, Erkrankung und Gesundung. 2 vols. Zurich: Wendepunkt-Verlag, 1927–1933.

413 *Eugene Minkowski*. La Schizophrenic. Paris: Payot, 1927.

414 *Martin L. Reymert, ed*. Feelings and Emotions. The Wittenberg Symposium. Worcester: Clark University Press, 1928.

415 *М.К. Петрова*. Послеоперационный невроз сердца, отчасти проанализированный самим пациентом-физиологом И. П. П. // Клиническая медицина. VIII. 1930. С. 937–940. Автор признателен профессору Купалову П. из Ленинграда, который послал ему фотокопию данной статьи, не обнаруженной в собрании сочинений И.П. Павлова.

416 *Martin Heidegger*. Sein und Zeit. Tübingen: Niemayer, 1927 (рус. пер.: *Хайдеггер М*. Бытие и время. М., 1997. — *Прим. ред.*).

417 См. с. 154–155 наст. изд.

418 *C. G. Jung*. Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten. Darmstad: Reichel, 1928. Uber die Energetik der Seele. Zurich: Rascher, 1928.

419 *C.G. Jung*. Contributions to Analytical Psychology, trans. by C.F. Baynes and H.G. Baynes. London: Kegan Paul, 1928.

420 *V.E. Freiherr von Gebsattel*. Zeitbezogenes Zwangsdenken in der Melancholie (Versuche einer konslruktiv-genetischen Betrachtung der Melancholiesymptome) // Nervenarzt, I. 1928. S. 275–287.

421 *Edmund Jacobson*. Progressive Relaxation. Chicago: University of Chicago Press, 1928.

422 См. с. 148–149 наст. изд.

423 *Franz Alexander und Hugo Staub*. Der Verbrecher und seine Richter. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verein, 1929. Исправленное и дополненное английское издание: The Criminal, the Judge and the Public: A Psychological Analysis. New York: Macmillan, 1931.

424 *Ю.В. Каннабих*. История психиатрии. Л., 1929. С. 455–458, 470–471.

425 *Nicolaus Krestnikoff*. Die heilende Wirkung hervorgerufener Reproduktionen von pathogenen affektiven Erlebnissen // Archiv fur Psychiatrie und Nervenkrankheiten. LXXXVIII. 1929. P. 369–410.

426 *Hermann Simon*. Aktivere Krankenbehandlung in der Irrenanstalt. Berlin: De Gruyter, 1929.

427 См. с. 454–455 наст. изд.

428 *Hans Berger*. Über das Elektrenkephalogramm des Menschen // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten. LXXXVII. 1929. S. 527–570.

[429] *Ludwig Bauer.* Morgen wieder Krieg. Untersuchung der Gegenwart, Blick in die Zukunft. Berlin: Rowohlt, 1931.

[430] *Ludwig Binswanger.* Über Ideenflucht // Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. XXVII. 1931. P. 203–217; XXVIII. 1932. P. 18–72; XXVIII. 1932. P. 183–202; XXIX. 1932. P. 1, 193; XXX. 1932. P. 68–85.

[431] *Melanie Klein.* The Psychoanalysis of Children. London: Hogarth Press, 1932.

[432] *J.H. Schultz.* Das autogene Training (konzentrative Selbstentspannung). Leipzig:, Thieme, 1932.

[433] *J.L. Moreno.* Group Method and Group Psychotherapy. New York: Beacon House, 1932.

[434] Вспомним, что 19 июля 1936 года Эрнест Джонс встретился в Базеле с докторами Герингом, Бёмом и Мюллер-Брауншвейгом; он получил от Геринга заверения в гарантируемой свободе практиковать психоанализ. См.: *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1952. III.

[435] *Wilhelm Reich.* Charakteranalyse. Copenhagen: Sexpol Verlag, 1933.

[436] *Eugene Minkowski.* Le Temps vecu. Etudes phenomenologiques et psychopathologiques. Paris: D'Artrey, 1933.

[437] *Albert Einstein.* Mein Weltbild. Amsterdam: Querido, 1934. P. 36–69, 72.

[438] *Sigmund Freud.* Neue Folge der Vorlesungen zur Einfuhrung in die Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1934. Standard Edition. XXII. P. 5–182.

[439] *C.G. Jung.* Wirklichkeit der Seele. Zurich: Rascher, 1934.

[440] *Gerhard Adler.* Entdeckung der Seele von Sigmund Freud und Alfred Adler zu C.G. Jung. Zürich: Rascher, 1934.

[441] *J.L. Moreno.* Who Shall Survive? Washington: Nervous and Mental Disease Co., 1934.

[442] *Manfred Sakel.* Neue Behandlungsmethode der Schizophrenie. Vienna and Leipzig: Perles, 1935.

[443] *Egaz Moniz.* Les Premieres Tentatives operatoires dans le traitement de certaines psychoses // L'Encephale. XXXI. № 2. 1936. P. 1–29.

[444] *Pierre Janet.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936.

[445] См. с. 134–135 наст. изд.

[446] *L. J. von Meduna.* Die Konvulsionstherapie der Schizophrenie. Halle: Carl Marhold, 1937.

[447] *L. Szondi.* Analysis of Marriages // Acta Psychologica, III. 1938. P. 1–80.

[448] *Mark Wischnitzer.* To Dwell in Safety, The Story of Jewish Emigration Since 1800. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1948.

[449] *Leopold Ehrlich-Hichler.* 1938 // Ein Wiener Roman. Vienna: Europaischer Verlag, [n. d.].

[450] См. гл. 5. С. 330–331.

[451] Цит. по: *Annemarie Wettley.* August Forel. Salzburg: Otto Mtiller, 1953. S. 116–117.

[452] *Hans Wolfgang.* Horbiger. Ein Schicksal. Leipzig: Koehler and Amelang, 1930.

[453] По иронии судьбы, штаб-квартира Horbiger Institute оказалась расположенной в доме, который принадлежал Альфреду Адлеру в Салманнсдорфе.

[454] *H.S. Bellamy.* A Life History of Our Earth. Based on the Geological Application of Hoerbiger's Theory. London: Faber and Faber, [n. d.].

[455] *Ugo Cerletti e L. Bini.* L'elettroshock // Archivio generale di neurologia. Psichiatria e psicoanalisi. XIX. 1938. P. 266–268.

[456] *Robert Desoille.* Exploration de l'affectivité subconsciente par la méthode du rêve éveillé. Paris: d'Artrey, 1938.

[457] *Harry Stack Sullivan.* Introduction to the Study of Interpersonal Relations// Psychiatry. I. 1938. P. 121–134.

[458] *Arnold Toynbee and Frank T. Ashton-Gwatkin.* The World in March, 1939. London and New York: Oxford University Press, 1952.

[459] Le Centenaire de Theodore Ribot et Jubile de la Psychologie Scientifique Frangaise. Agen: Imprimerie Frangaise, 1939. Ни Национальная библиотека в Париже, ни Коллеж де Франс не располагают этой книгой.

[460] См. с. 269–273 наст. изд.

[461] См. с. 141 наст. изд.

[462] Цит. по переводу, приводимому в «The Times». Лондон. 24 ноября 1945 г. См.: *Hrant Pasdermadjian.* Histoire de I'Armenie depuis les Origines jusqu'au Traite de Lausanne. Paris: Samuelian, 1949. P. 456.

[463] *Erich Fromm.* Escape from Freedom. New York: Farrer and Rinehart, 1941 (рус. пер.: *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1992. — *Прим. ред.*).

[464] *Ludwig Binswanger.* Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. Zürich: Nichans, 1942.

[465] *Carl R. Rogers.* Counseling and Psychotherapy: Newer Concepts in Practice. Boston: Houghton Mifflin, 1942.

[466] *Marc Guillerey.* Medecine psychologique // Alexis Carrel and Auguste Lumiere. Medecines officielles et medecines heretiques. Paris: Plon, 1943.

[467] *Edward Weiss and O. Spurgeon English.* Psychosomatic Medicine. Philadelphia: W.B. Saunders Co., 1943.

[468] *Flanders Dunbar.* Psychosomatic Diagnosis. New York: P. Hoeber, 1943.

[469] Важность данного открытия с психиатрической точки зрения была показана в работе: *W.A. Stoll.* Lysergsaurediathylamid, ein Phantastikum aus der Mutterkomgruppe // Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. LX. 1947. P. 279–323. См. также: *B. Holmstedt and Liljestrand.* Readings in Pharmacology. New York: Pergamon Press, 1963. P. 209.

[470] См. с. 274 наст. изд.

[471] *J.J. Lopez Ibor.* Psicopatologia de la angustia. Перепечатка из Revista Clinica Espanola. 1943. Теория тревоги Лопеса Ибора изложена в его книге La Angustia Vital. Madrid: Paz Montalvo, 1950.

[472] *Ludwig Binswanger*. Der Fall Ellen West // Schweizer Archiv fur Neurologie und Psychiatrie. LIII. 1944. P. 255–277; LIV. P. 69–117, 330–360; LV. P. 16–40.

[473] *Pierre Janet*. Les Obsessions et la psychasthenie. Paris: Alcan, 1903. 1. P. 33–41.

[474] *Leopold Szondi*. Schicksalsanalyse. Basel: Benno Schwabe, 1944.

[475] *Karl Abraham*. Klinische Beiträge zur Psychoanalyse. Vienna: Intemationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921. P. 231–258. Psychoanalytische Studien zur Charakterbildung (1925).

[476] *Maurice Merleau-Ponty*. Phenomenologie de la perception. Paris: Gallimard, 1945.

[477] *Henri Baruk*. Psychiatrie, morale expérimentale, individuelle et sociale. Paris: Presses Universitaires de France, 1945.

[478] *Alphonse Maeder*. Wege zur seelischen Heilung. Ziirich: Rascher, 1945.

[479] J.*L. Moreno*. Group Therapy. New York: Beacon House, 1945.

Заключение

[1] См. гл. 2. С. 80–84.

[2] См. гл. 4. С. 226–228.

[3] См. гл. 4. С. 230–235.

[4] См. гл. 5. С. 335–340.

[5] См. гл. 4. С. 270–277; гл. 2. С. 110–112.

[6] См. гл. 4. С. 275–287.

[7] См. с. 154–158 наст. изд.

[8] См. гл. 5. С. 380.

[9] См. с. 494–495 наст. изд.

[10] См. с. 179 наст. изд.

[11] См. гл. 2. С. 108–118.

[12] См. гл. 4. С. 260–265.

[13] См. гл. 4. С. 280–284.

[14] См. гл. 5. С. 330–335.

[15] См. гл. 6. С. 470–475.

[16] См. с. 158–168 наст. изд.

[17] См. с. 254 наст. изд.

[18] См. с. 374–379 наст. изд.

[19] *Robert Burton*. The Anatomy of Melancholy. Oxford: John Lichfield, 1621.

[20] *George Cheyne*. The English Malady. London: Strahan, 1735.

[21] *B. A. Morel*. Du Delire emotif // Archives generates de medecine. 6th series. VII. 1866. P. 385–402, 530–551, 700–707.

[22] См. с. 534 наст. изд.

[23] См. с. 44–46 наст. изд.

[24] См. гл. 4. С. 260.

[25] См. с. 314–319 наст. изд.

[26] См. с. 44–49 наст. изд.

[27] См. гл. 9. С. 301–309.

[28] См. гл. 3. С. 218–220.

[29] *Gabriel Tarde.* La Philosophie penale. Lyon: Storck, 1890. P. 165–166.

[30] См. с. 254–255 наст. изд.

[31] *H.F. Ellenberger.* La Psychiatrie et son histoire inconnue // L'Union mfidicale du Canada. XC. 1961. P. 281–289.

[32] См. гл. 2. С. 80.

[33] См. гл. 2. С. 81–82.

[34] См. гл. 2. С. 100–103.

[35] См. гл. 3. С. 160–162.

[36] См. гл. 2. С. 112–115.

[37] См. гл. 1. С. 40–42.

[38] См. гл. 2. С. 130–135.

[39] См. с. 84–89 наст. изд.

[40] См. гл. 6. С. 400, 424–425.

[41] См. гл. 6. С. 470–471.

[42] См. гл. 5. С. 370–376; с. 444–448 наст. изд.

[43] См. с. 332–333 наст. изд.

[44] См. с. 97–100 наст. изд.

[45] См. с. 174–175 наст. изд.

[46] См. с. 154–155 наст. изд.

[47] См. с. 474 наст. изд.

[48] См. с. 384–385 наст. изд.

[49] См. с. 224, 254–259 наст. изд.

[50] См. с. 154–158 наст. изд.

[51] См. с. 434 наст. изд.

[52] См. с. 435–436 наст. изд.

[53] См. гл. 5. С. 358.

[54] См. с. 113 наст. изд.

[55] *Edmond de Goncourt.* La Fille Elisa. Paris: Charpentier, 1873.

[56] *Ernest Jones.* The Life and Work of Sigmund Freud. New York: Basic Books, 1955. II. P. 362 (рус. пер.: *Джонс Э.* Жизнь и творения Зигмунда Фрейда / Пер. с англ. Старовойтова В.В. М., 1997. — *Прим. ред.*).

[57] См. гл. 1. С. 70–72.

[58] См. с. 332–334 наст. изд.

[59] *Hans Kunz.* Die existentielle Bedeutung der Psychoanalyse in ihrer Konsequenz fur deren Kritik // Der Nervenarzt. III. 1930. S. 657–668.

[60] Потенциальные системы динамической психиатрии замышлялись, например, Артуром Шницлером, Леоном Доде и Андре Бретоном.

[61] См. гл. 5. С. 380.

Оглавление

Научное издание

Элленбергер Генри Фредерик

Открытие бессознательного–2. История и эволюция динамической психиатрии
Психотерапевтические системы конца XIX — первой половины XX века

Редактор: Дамте Д.С.
Корректор: Башлай И.М.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.

Подписано в печать 13.12.2017. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,0. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 495 221 8980

ISBN: 978-5-8291-2160-0

EAC

По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:

телефоны: +7 495 305 3702, +7 495 305 6092,
факс: +7 495 305 6088,
e-mail: info@aprogect.ru, zakaz@aprogect.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.

В издание входит классический труд, в котором в историко-социальном контексте систематизирована «одиссея» поиска понимания картины человеческой души, патологических процессов психической жизни. Это уникальное по масштабу издание охватывает практически все психотерапевтические (психиатрические) направления в европейской истории, начиная от целительства у древних народов и заканчивая современными теориями и практиками вплоть до середины XX века.

Книга остается непревзойденной по объему представленного материала и количеству научных и медицинских ссылок энциклопедией психотерапии и является незаменимым справочным пособием в самых разных областях истории психологии, психиатрии и психоанализа.

Вместе с тем это источник информации об одном из важнейших слоев европейской культуры, необходимый всякому, кто хочет знать ее во всей сложности и взаимообусловленности самых разных ее сфер.